ВОЛЬНАЯ
РУССКАЯ ПОЭЗИЯ
XVIII–XIX В.В.

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Вступительные статьи
С. Б. Окуня и С. А. Рейсера

Составление, подготовка текста,
вступительные заметки и примечания
С. А. Рейсера

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1970

Р (С)
В 71

Вольная поэзия представляла собой широкий поток произведений различных жанров: сатира, басня, эпиграмма, песня, поэма и т. д. Это была особая отрасль русской литературы, развивавшаяся и распространявшаяся потаенно, потому что весь ее идейный заряд был направлен против самодержавия и крепостничества, против царской администрации, официальной морали и религии. В книге собраны все значительные памятники этой поэзии за столетний период ее бытования — от эпохи Ломоносова до эпохи Некрасова. Продолжающий эту книгу сборник «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» был издан «Библиотекой поэта» в 1959 году. Наряду с произведениями известных поэтов в настоящее издание вошли стихотворения малоизвестных и анонимных авторов. Значительную часть его составляет новооткрытый материал, накопленный советскими литературоведами и историками в результате многолетних архивных разысканий.

7-4-1
321-70

РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И ВОЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ

Столетие, охватывающее вторую половину XVIII — первую половину XIX века, было переломным временем в истории русского государства и в развитии русского народа.

Это был период, когда зародившийся в России капиталистический уклад вступил в острую борьбу с феодальной формацией, завершившуюся утверждением капитализма. Это была эпоха, когда в стране возникла национальная революционная мысль и началось становление дворянского этапа освободительной борьбы, в недрах которого во второй четверти XIX века создались предпосылки для перехода к разночинному этапу.

Ряд характерных изменений претерпели за это столетие как формы, так и размах борьбы с рабством и деспотией со стороны представителей различных слоев русского общества.

И хотя последняя крестьянская война под руководством Е. Пугачева падает на первые десятилетия этого периода, крестьянское сопротивление неуклонно возрастало, выдвигало из собственной среды новых вождей и руководителей, а к концу 1850-х годов стало одним из решающих факторов, способствовавших возникновению в стране революционной ситуации.

В первой половине XIX века значительную роль в антиправительственных выступлениях сыграли солдаты и военные поселенцы. Движение охватывает как гвардейские, так и армейские части, поселенцев как северо-западных, так и южных губерний.

Наконец в 1825 году Россия впервые увидела открытое революционное выступление, направленное против самодержавия и крепостничества.

Важнейшим средством идеологической борьбы в эти годы становится как легальная, так и нелегальная литература.

И за деревенской околицей, и на Сенатской площади, и на страницах передового «дозволенного цензурой» журнала, равно как и в переписанных от руки нелегальных стихотворениях, ведется борьба в различных формах, но под единым лозунгом: «свобода».

Для крестьян это выражалось в первую очередь в требовании ликвидации крепостнических порядков. Для дворянских революционеров — в отмене рабства, в просвещении народа и предоставлении ему гражданских прав. Для предшественников революционной демократии — в требовании широких демократических свобод, которые должны быть завоеваны лишь самим народом — то есть, по их убеждению, крестьянскими массами.

Все перечисленные особенности развития России во второй половине XVIII — первой половине XIX века, равно как и модификация за это столетие понятия свобода, находят наиболее яркое воплощение в нелегальной литературе в целом и в вольной поэзии в особенности. И это вполне закономерно, ибо имеются все основания утверждать, что назревание революции в первую очередь определяет эволюцию ведущего направления в вольной поэзии.

1

Выявляя многообразные чаяния как политического, так и гражданского характера, специфичные для вольной поэзии второй половины XVIII века, прежде всего следует выделить четыре направления: во-первых, отражающее настроения крепостного крестьянства и солдат, во-вторых — оппозиционного дворянства, в третьих — умеренных либералов, представлявших интересы неоднородных слоев населения, и, наконец, в четвертых — нарождавшейся группы дворянских революционеров.

Большинство произведений, отразивших помыслы крестьян и солдат, в основном сконцентрированы в разделе «Неизвестные авторы» и сочинены, по всей видимости, крепостными или же горожанами и низшими военнослужащими, выходцами из той же феодальной деревни.

Крестьянский протест против крепостного права, столь ярко проявившийся в «Плаче холопов», «Прошении в небесную канцелярию», в песне «Ох как был-то я добрый молодец во неволюшке. . .» и других произведениях, хотя и созданных разновременно, все же содержит ряд общих черт, свойственных крестьянскому мировоззрению всего пятидесятилетия.

Прежде всего нужно отметить, что это не просто жалобы на тя-

желую долю, а изображение совокупности злодеяний, совершаемых помещиками и властями. Излагая этот перечень преступлений, авторы в отдельных случаях не опасаются прибегнуть и к угрозам весьма реального свойства. Так, в «Плаче» прямо указывается, что нормальная жизнь могла бы быть лишь тогда, когда «всякую неправду стали б выводить и злых господ корень переводить».

В песне «Ох как был-то я добрый молодец во неволюшке. . .», очевидно написанной крестьянским интеллигентом, рассказывается, как с него «все железцы. . . свалилися» и он убежал от своего владельца. Следует при этом иметь в виду, что во второй половине XVIII века бегство было одной из наиболее распространенных форм крестьянского протеста, которая наносила значительные убытки помещичьему хозяйству.

В некоторых из этих произведений уже четко осознается и идея равенства, которая начинает прочно проникать в народное сознание. В том же «Плаче» автор с грустью констатирует: «Как нам, братцы, не досадно и коль стыдно и обидно, что иной и равный нам никогда быть не довлеет, и то видим: множество нас в своей власти имеет». Здесь же высказывается и мысль о праве всех людей принимать участие в решении мирских дел в государственном масштабе. А отсюда следует естественный вопрос: «холопей в депутаты», то есть в Комиссию по Уложению «зачем не выбирают?».

В свою очередь идея равенства сочетается в этих произведениях и с радикальным решением аграрного вопроса, поскольку земля признается всенародным достоянием. «Неужели мы не нашли б без господ себе хлеба, — читаем мы в «Плаче». — На что сотворены леса — на что и поле, когда отнята и та у бедных доля?»

Однако все это бесспорное вольнолюбие своеобразно сочетается в крестьянской нелегальной поэзии с царистскими иллюзиями. В «Плаче холопов» крепостная неволя противопоставляется царской службе. «За что, — вопрошает автор, — нам мучиться и на что век тужить? Лучше согласиться нам царю служить». В «Прошении», выступая от имени экономических крестьян, сочинитель прямо заявляет: «Не имеем тягости от земного царя, а обнищали и разорились вконец от земского секретаря».

Отмечая это обстоятельство, нельзя оставить его без комментариев.

Прежде всего следует иметь в виду, что царистские иллюзии русского крестьянина вовсе не связаны с его преданностью монархической власти, как таковой, или с верностью определенному представителю царской фамилии, будь то Елизавета, Екатерина II, Павел или их преемники.

Почти во всех сохранившихся крестьянских суждениях по поводу «благости» самодержавной власти царь трактуется преимущественно как олицетворение закона и справедливости. Это созданный крестьянской мечтой идеальный правитель, ничего общего не имеющий с реальной действительностью. А отсюда закономерный вывод: чиновники не представляют царя, а противостоят ему. Своеобразный взгляд на монарха не как на наследственного носителя абсолютистской власти, а преимущественно как на защитника прав народа, обусловил положительную реакцию широких крестьянских масс на самое неприхотливое самозванство. Кто бы ни назвался верховным правителем, даже выходец из своего же крестьянского круга, если он только выступает «за народ», принимается как «царь-батюшка».

Таким образом, в народном представлении царистские иллюзии обусловлены в первую очередь демократической трактовкой идеи верховной власти.

Значительная часть помещенных в сборнике солдатских стихов второй половины XVIII века уже была объектом изучения.[1] Отмечая некоторую односторонность в освещении военных реформ Потемкина, допущенную Г. А. Гуковским, полностью отрицавшим их прогрессивный характер, следует в то же время отметить убедительность анализа солдатских стихов, проделанного этим исследователем. Как подчеркивает Г. А. Гуковский, для солдатских стихов второй половины XVIII века характерно осуждение войн как антиморального акта. Действительно, в «Челобитной к богу от крымских солдат» эта мысль неоднократно повторяется. Автор ее, например, пишет:

Адам в роскоши породил своих сынов
И в младости их не был к ним суров,
Не умел их учить и унимать
И допустил их друг друга убивать;
Размножились их завистные семена,
И зачалась от них во всем свете война.

В другом месте снова указывается, что

Многим и к честолюбию дана зависть страстно,
Много ж страждут безвинно и гибнут напрасно;
В чужих странах погибши и оставивши свою,
Ей-господи, забыли всю заповедь твою.

---

[1] См.: Г. Гуковский, Солдатские стихи XVIII века. — «Литературное наследство», № 9-10, М., 1933, с. 112—152.

Осуждение помещика, характерное для крестьянских стихов, здесь заменяется осуждением непосредственных начальников.

«Избавь нас, владыка, — читаем мы в той же «Челобитной», — от многочисленных божков и исторгни нас от вредных и тяжелых оков... спаси от земных божков власти и не попусти в свирепство их впасти».

Солдату-стихотворцу в противоположность крестьянину-стихотворцу чужды царистские иллюзии. Во-первых, ему совершенно ясно, что обворовывающий и истязающий солдат командир всегда найдет защиту и покровительство во дворце. Кроме того, солдат на практике убеждается в непосредственном участии государыни в возникновении тех беспрерывных войн, которые ведет Россия. Как указывает Г. Гуковский, по мнению автора «Челобитной», «наверху ненавистной системы подавления стоит монархиня Екатерина Вторая, вдохновительница и хозяйка всего мучительства... Солдатский поэт имеет в виду Екатерину в „пункте" 4-м: „Женою Адам был на грех прельщен, за что он был адом поглощен. Почто же велел нам быть *женам* послушным... По желаниям им во всем им угождать. *И для них* странствуя, в трудах нам умирать". Это ее „тщеславие" толкает людей на войну, через нее „лишены и многие отеческого краю"».[1]

Замечания Г. А. Гуковского следует дополнить еще одним соображением. Как и в крестьянских, в некоторых солдатских стихах также содержится определенная угроза в адрес угнетателей. Здесь также нет призыва к вооруженному сопротивлению, но, как и в крестьянских сочинениях, в «Горестном сказании» говорится, что если вопрос о положении солдат не будет решен, они вынуждены будут «жилище и службу бросить».

Рассматривая вольную поэзию, принадлежащую представителям дворянской оппозиции, следует остановиться на эволюции так называемого верховничества.

К сожалению, в нашей литературе история верховничества почти полностью ограничивается описанием деятельности Верховного тайного совета во второй половине 1720-х годов и «кондиций», предъявленных Анне Иоанновне. Между тем именно с дальнейшей эволюцией верховничества во многом связаны дворцовые перевороты второй четверти XVIII века, и оппозиционные настроения второй половины того же столетия, и сенатская фронда начала следующего века.

Екатерина II столкнулась с верховниками в момент своего вступления на престол. Мы имеем в виду проект Н. И. Панина ограничить

---

[1] Там же, с. 133.

абсолютизм с помощью аристократической конституции. Этим же обстоятельством следует объяснить и попытку новой правительницы прибегнуть к политике просвещенного абсолютизма, призванной противопоставить ограниченному аристократическими кругами самодержцу просвещенного монарха, опирающегося на широкие круги служилого дворянства. Вот почему наивысшим достижением этой политики следует считать опубликованную позднее, в 1785 году, жалованную грамоту дворянству, наносившую сильнейший удар так называемой сановной фронде. В этом документе содержались основные принципы, реализации которых так добивалась Екатерина II: здесь фигурировало дворянство, но уже не было «боярства», то есть привилегированной дворянской верхушки. Привилегии старинного дворянства отныне были столь уже ничтожны, что оно лишалось каких бы то ни было корпоративных преимуществ.

Из представителей сановной фронды и лиц, с нею связанных, произведения которых публикуются в настоящем сборнике, в первую очередь следует назвать Д. И Фонвизина и Г. Р. Державина. Фонвизин, служивший под начальством лидера оппозиции Н. И. Панина, являясь доверенным лицом своего патрона, написал по его поручению «Рассуждение о непременных государственных законах».[1] Хотя декабрист М. А. Фонвизин, племянник драматурга и поэта, утверждает, что этот документ был сочинен в 1773 году, имеются весьма веские основания отнести его происхождение к 1782—1783 годам.[2]

В «Рассуждении» идея ограничения монархической власти сформулирована весьма четко. «Государь, — пишет Фонвизин, — подобие бога, преемник на земле внешней его власти, не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, основные, основанные на благе общем, и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем».[3] Значительное место в этой записке отводится и разоблачению отрицательных сторон фаворитизма — одному из острых политических вопросов того времени. И хотя детальная программа государственного устройства здесь не изложена, ибо эта записка является лишь первоначальным вариантом и некоторые ее разделы должны были быть дописаны Паниным, все же ее оформление в духе конституционных требований верховников

---

[1] См.: Е. С. Шумигорский, Император Павел I, СПб., 1907, с. 4—13 (приложение).

[2] См.: К. В. Пигарев, «Рассуждение о непременных государственных законах» Д. И. Фонвизина в переработке Н. Муравьева. — «Литературное наследство», № 60, кн. 1, М., 1956, с. 340.

[3] Е. С. Шумигорский, указ. соч., с. 4.

второй половины XVIII века в общей своей части было осуществлено Фонвизиным.

Басня «Лисица-казнодей», по всей видимости, написана Фонвизиным значительно раньше «Рассуждения», но по ряду вопросов она перекликается с этим программным документом. Это обусловлено тем, что тот же Панин и его единомышленники в начале 60-х годов преподносили ограничение самовластия не как привлечение к управлению представителей сановной верхушки, а как призыв на помощь государю «мудрейших» людей своего времени, как борьбу с фаворитизмом и «упорядочение» крепостного права. А борьба с самовластием, фаворитизмом и защита лучших деятелей государства и является лейтмотивом басни.

Скончавшийся Лев — царь зверей, похоронам которого посвящена басня, —

> . . .был пресущий скот,
> И зол, и бестолков, и силой высшей власти
> Он только насыщал свои тирански страсти.

В его царствование «любимцы и вельможи сдирали без чинов с зверей невинных кожи». В этих обстоятельствах

> Благоразумный слон из леса в степь сокрылся,
> Домостроитель бобр от пошлин разорился.

Г. Р. Державин открыто выступил в рядах сенатской фронды уже после смерти Павла I. В особом мнении и дополнительной записке, представленной Александру I в 1801 году, Державин, уже не маскируясь, настаивает на новых принципах формирования и значительно расширенных правах Сената. Отныне Сенат, по предложению Державина, не должен, как это имело место ранее, формироваться лишь из лиц, назначаемых царем. Половину сенаторов составляют лица, избираемые губернскими дворянскими собраниями. Что же касается второй половины, комплектуемой из избранников государя, то и здесь его возможности в значительной мере ограничиваются. Каждый сенатор, назначаемый царем, избирается им из трех выбранных «знатнейшими государственными чинами» кандидатов. Из числа же сенаторов назначаются и министры. Что же касается функций Сената, то, по мнению Державина, он должен был быть «верховным правительством», действующим под высочайшим наблюдением. Сенату предоставлялась законодательная, исполнительная, судебная и оберегательная власть.

Три произведения Державина, не попавшие в свое время в

печать, преимущественно из-за цензурных преград, публикуемые в настоящем сборнике, были написаны в разные времена — одно в 80-х, другое в первой половине 90-х, а третье во второй половине 90-х годов XVIII века. Однако все они характеризуются общими взглядами и настроениями дворянской оппозиции второй половины XVIII — начала XIX века.

Уже в стихотворении «Властителям и судиям» в сущности содержится осуждение злоупотребляющего властью монарха. В сатире «Вельможа» Державин дает характеристику идеального помощника государя. «Вельможу, — пишет он, — должны составлять ум здравый, сердце просвещенно». Он должен явиться примером, «что звание его священно, что он орудье власти есть, подпора царственного зданья». Царь — «глава», а вельможи — «члены тела», «прилежно долг все правят свой, чужого не касаясь дела».

Третье произведение Г. Р. Державина — «Быль вочью совершается» — посвящено теме, неизменно фигурирующей как в политических, так и художественных произведениях, написанных представителями дворянской оппозиции, — разоблачению фаворитизма.

В конкретной критике отдельных явлений современности к стихам представителей дворянской оппозиции близки и басни И. И. Хемницера.

Трудно сказать, что имел в виду автор, создавая басню «Лев, учредивший Совет», — то ли Уложенную комиссию, то ли какой-либо иной государственный орган. Судя по содержанию басни и времени ее написания, можно думать, что Хемницер, очевидно, метил в Совет при высочайшем дворе, который в 70-х годах развил бурную деятельность и превратился в высший совещательный и распорядительный орган государства. Однако то обстоятельство, что помимо слонов (кстати, слон как образец мудрости фигурирует и в басне Фонвизина) в Совет были введены и ослы, привело к тому, что «как Совет открылся, дела совсем другим порядком потекли: ослы слонов с ума свели».

В басне Хемницера «Привилегия» резко критикуется откупная система, которая влечет за собою ограбление народных масс, но удобна правительству, поскольку для верховной власти «разжиревший» откупщик уже сам является объектом обирания.

Что касается авторов, которых можно объединить под общим и не совсем четким определением «либералы», то надо иметь в виду, что это лица, не выступающие с программой решительных политических преобразований, но ограничивавшиеся пожеланием частных реформ. Более того, их произведения порой вовсе не имели политического звучания, идущего от автора, а приобретали таковое при

читательской трактовке. Начнем их рассмотрение со стихов, направленных против той или иной исторической личности.

В екатерининские годы личность государыни даже в сатирических произведениях, принадлежавших либерально настроенной дворянской интеллигенции, за редким исключением, нападкам не подвергалась. Более того, к императрице обращались как к защитнице народа и правопорядка.

Здесь отчетливо проявлялись царистские иллюзии, которые в этих слоях бесспорно существовали, а порой сказывались и тактические соображения — желание легализовать данное сочинение.

Так, Д. П. Горчаков в сатире «Беспристрастный зритель нынешнего века», обнажая язвы современного административного и судебного аппарата, ложь и воровство, царящие во всех звеньях высшего света, апеллирует к Екатерине:

Царица! истинно тебя все обманули,
Мы больше во сто крат ко воровству прильнули.
Ты думаешь, в судах ученые сидят, —
Наместники о том и думать не хотят!
Ты думаешь, судей мы сами избираем, —
Наместник изберет, а мы не помышляем!

В оде «Рабство», появление которой связано с закрепощением украинского крестьянства, В. В. Капнист также обращается к Екатерине:

Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоея лучами,
Как бурным вихрем, разобьешь;
И к благу бедствие устроя,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радости прольешь.

Нечто подобное можно встретить и в сочинениях А. И. Клушина, И. И. Бахтина и др.

В павловское царствование объектом злой эпиграммы прежде всего становится сам верховный правитель. Но это не политическая сатира, направленная против неограниченного самодержца, ибо здесь критикуется не всероссийский император, как таковой, а сидящий на престоле Павел I, вызвавший своими поступками недовольство подданных. В сборнике приведены две двухстрочные эпиграммы, и в обоих, в сущности, высказывается сожаление, что во главе государства находится сумасброд, солдафон, старающийся во всем подражать прусскому королю Фридриху II. Конечно, в радикальных кругах

такие сопоставления могли вызвать более острую реакцию, чем это было задумано автором, помышлявшим не более, чем о замене Павла его сыном Александром. Злая сатира на Павла, где истина и выдумка смешаны воедино, дана в стихотворении С. Н. Марина. Его «Пародия на оду 9-ю Ломоносова» завершается призывом Павла I к долготерпению. Обращаясь к служивому, император говорит:

Я всё на пользу вашу строю,
Казню кого или покою.
Аресты, каторги сноси
И без роптания проси!

Этот призыв иметь «в терпении часть» явно наводит на мысль о близости каких-то изменений. Однако речь опять-таки ведется о замене одного лица другим, но отнюдь не о смене системы.

Мишенью сатирических стихов, обличающих фаворитов и фаворитизм в екатерининские годы, часто был Потемкин. В одном из стихотворений, «носившихся в народе» в связи с кончиной бывшего любимца императрицы, он характеризуется как властолюбец, бездарный военачальник, расхититель казны, развратитель женщин. В другом произведении также отмечаются лишь отрицательные черты, свойственные недавнему правителю России. «Героем славился, сармат был победитель, отечества же он был истинный губитель» — таков приговор, вынесенный неизвестным поэтом светлейшему князю в «Эпитафии на смерть его светлости князя Г. А. Потемкина-Таврического».

И напрасно было бы искать во всех этих произведениях помимо отрицательных черт какие-либо положительные качества, которые все же свойственны были Потемкину как государственному деятелю. Здесь он представлен исключительно как фаворит, наиболее значительный из той плеяды, которая толпилась в те годы вокруг трона. Вот почему в стихах анонимных авторов Потемкин, наделенный талантом военного реформатора, и Кутайцев (Кутайсов) — человек, наделенный лишь талантом брадобрея в пародии Марина, характеризуются одинаково — по преимуществу как разорители России и душители россиян. В данном случае речь идет не об объективной роли той или иной исторической личности, но о разоблачении фаворитизма — великого бедствия в жизни России второй половины XVIII века. Мелкие «божки» высмеиваются в сатирических произведениях «Наместничество», «Сотворение секретаря» и др. Характеристики в этих сочинениях даются резкие и острые, но выводы всецело предоставляется сделать читателю.

Большое место в этой группе сатирических стихов занимают антиклерикальные произведения. Таков «Гимн бороде» М. В. Ломоносова, сатиры Д. П. Горчакова и в особенности его же «Святки», где разоблачение и осмеяние религиозных догм сочетается с язвительными строками по поводу российской действительности. Здесь мимоходом сообщается, что царица сожительствует с богами — с Эротом и со Славой. А оказавшись в России, мать Христа дева Мария после встречи с главой тайной канцелярии приходит к выводу, что лучше уйти «из той земли, в которой есть Шешковский».

Давая периодизацию освободительного движения в России, В. И. Ленин в качестве начальной даты каждого этапа указывал год, когда деятели всех трех периодов уже открыто выступали на политической арене со сложившимися политическими воззрениями и их деятельность уже определяла специфику классовой борьбы данного отрезка времени.

Вот почему начальной датой дворянского этапа В. И. Ленин считает 1825 год, разночинного — 1861 год и пролетарского — 1895 год.[1]

В то же время принятый В. И. Лениным принцип деления на этапы свидетельствует о том, что наступлению каждого из них предшествуют десятилетия, предваряющие его утверждение в освободительной борьбе.

Чтобы убедиться в справедливости этого положения, достаточно вспомнить ту характеристику деятельности Белинского в 40-х годах, которая дается В. И. Лениным. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» сказано, что Белинский был «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении ... еще при крепостном праве».[2]

И подобно тому как в недрах дворянского этапа освободительной борьбы шел процесс формирования разночинного, аналогичный процесс формирования дворянского периода освободительного движения начался еще с 80-х годов XVIII века. И совершенно закономерно, что дворянская революционность вскоре уже после своего зарождения нашла яркое выражение в вольной поэзии, что первый русский дворянский революционер А. Н. Радищев явился первым же творцом вольных произведений, отражавших это мировоззрение.

В советском литературоведении ода Радищева «Вольность» неоднократно подвергалась подробному рассмотрению. Справедливо отмечалось, что в этом произведении «русская революционная мысль оказалась впервые изложенной поэтическим словом», что ода «была

---

[1] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.
[2] Там же, с. 94.

враждебна всему самодержавно-крепостническому строю, всей дворянской идеологии и в то же время она выражала мечты и чаяния крепостного народа, демократических масс». [1]

В своем произведении Радищев, как указывает Г. П. Макогоненко, придал совершенно новое значение понятию «вольность», резко отличное от господствовавшего в официальной и литературной лексике второй половины XVIII века. В официальных документах, равно как и в дворянской художественной литературе, термин «вольность» в годы просвещенного абсолютизма использовался в духе екатерининского определения вольности как права «все то делати, что законы дозволяют». В оде Радищева вольность уже трактуется как свобода, иначе говоря — в том смысле, который присущ народному раскрытию этого понятия.

В оде четко проведена и идея «мщения», то есть возмездия, постигающего самодержца, который нарушил клятву «равенство в обществе блюсти». Народ имеет полное право такого монарха свергнуть и строго осудить, чтобы вслед за этим начать строить «отечество другое», на совершенно иных принципах.

С радищевской «Вольностью», по всей видимости, был знаком и неизвестный автор «Оды на день торжественного празднества порабощения Польши». Здесь, в сущности, во многом повторяются те же идеи, которые были высказаны в первом русском революционном произведении, написанном еще в 1780-х годах.

Протестующая и оппозиционная литература, и, в частности, вольная поэзия как наиболее лаконичная и действенная ее форма, постоянно подвергалась жесточайшему преследованию со стороны царского правительства.

Для борьбы с передовой мыслью, как в печатном, так и в рукописном ее бытовании, объединились усилия полицейских органов, Святейшего Синода и специальных учреждений.

Вначале строгому наблюдению подвергались по преимуществу книги религиозного содержания, и при Петре I контроль за ними был оговорен в духовном регламенте. В дальнейшем, в 40-х годах XVIII века, уже имели место случаи запрещения книг светского характера, по преимуществу иностранного происхождения. А в 70-х годах с появлением вольных, то есть частных, типографий к ним были приставлены Синодом и Академией наук особые «смотрители».

Однако очень скоро в связи с развитием просветительства, а затем и национальной революционной мысли гонения на печать, а одно-

---

[1] Г. П. Макогоненко, Радищев и его время, М., 1956, с. 364 и 365.

временно и на рукописную литературу, резко возрастают. Непосредственным поводом к усилению репрессий явилась книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова.

В 1786 году Екатерина II предложила московскому митрополиту Платону призвать к себе Новикова и «испытать» его в вере, поскольку в его типографии издаются «странные книги».

И хотя эта ревизия и не дала ожидаемого материала для расправы с Новиковым, Екатерина, воспользовавшись в 1791 году явно инсценируемым поводом, подвергла писателя аресту, а затем и заточению в крепость.

Но если издательская деятельность Новикова привела к усилению контроля за частными типографиями и вызвала распоряжение царицы «остерегаться издавать книги с подобным мудрствованием», [1] то радищевское дело и последовавшие за ним события уже имели своим следствием их полную ликвидацию. 16 сентября 1796 года последовал указ «частными людьми заведенные типографии, в рассуждении злоупотреблений, от того происходящих... упразднить». [2]

Очевидно, это решение Екатерины II было вызвано рядом политических процессов, имевших место после дела Радищева, и распространением в эти годы нелегальной литературы, для размножения которой могли быть использованы и эти типографии.

2

С наступлением XIX столетия ощутимо изменился процесс экономического развития, укреплялись в передовой среде русского общества новые социально-политические идеи, либерализм становился на некоторое время чуть ли не правительственным курсом, приближались грозные военные потрясения.

Процесс развития капиталистического уклада в течение первых трех десятилетий XIX века достиг такого уровня, что его противоречия с феодальной формацией уже в начале 30-х годов свидетельствовали о наступлении общего кризиса крепостной системы.

Капитализация как помещичьего, так и крестьянского хозяйства была важным фактором в усилении освободительных тенденций среди закрепощенного крестьянства.

Отечественная война 1812 года, участие крестьян в ополчении и в партизанских отрядах в свою очередь явились могучим толчком, ускорившим распространение свободолюбивых идей. И не случайно

---

[1] «Исторические сведения о цензуре в России», СПб., 1862, с. 5.
[2] «Полное собрание законов», т. 23, СПб., 1830, № 17508.

правительство в конечном счете было вынуждено вернуть всех отпущенных из ополчения крестьян обратно в армию, дабы не оставлять этот опасный элемент в крепостной деревне.

Оставаясь, как и раньше, стихийными, крестьянские движения становятся все более упорными и массовыми, охватывая порой значительный район. Достаточно отметить хотя бы восстание крестьян на Дону в 1818—1820 годы, в котором приняло участие до 45 тысяч человек.

Все реже среди крестьянских запросов встречаются просьбы о сокращении барщины или уменьшении оброка и все чаще звучит решительное требование полной ликвидации крепостного права и предоставления землепашцам обрабатываемой ими земли.

Все это не могло, естественно, не отразиться в произведениях вольной поэзии, вышедших в эти годы из крестьянской среды. Однако наши возможности в изучении этой проблемы предельно ограничены и сводятся более к предположениям, чем к итогам, полученным в результате изучения конкретного материала. Крестьянской вольной поэзией первой четверти XIX века мы не располагаем вовсе, хотя не подлежит сомнению, что она существовала и воплощала в себе то новое, что характерно было для крепостного крестьянства этих лет.

Показательные изменения в первой четверти XIX века произошли и в армии. Покорная солдатская масса, безропотно подавлявшая крестьянские выступления, теперь сама становится одним из очагов народных движений.

Преимущественно на основе архивных документов советскими историками установлено, что с 1816 по 1825 год в русской армии имело место не менее 27 восстаний и волнений, из которых 20 по преимуществу солдатских. Число этих выступлений особенно возросло в 1821—1825 годы, на которые падают 15 солдатских выступлений.[1] Эти движения были обусловлены, с одной стороны, усилением крепостнических порядков в армии, так называемой «аракчеевщиной», а с другой — ростом солдатского самосознания после войны 1812—1814 годов.

Активное участие солдат и матросов в событиях 1825 года является убедительным свидетельством тех изменений, которые произошли в сознании нижних чинов армии и флота в первые десятилетия XIX века.

Одним из наиболее популярных стихотворных произведений, характеризующих положение солдат в начале века, является «Сол-

---

[1] См.: В. А. Федоров, Солдатское движение в годы декабристов, М., 1963, с. 205.

датская жизнь», сочиненная «почетным человеком, которого бьет всяк». Лейтмотивом этого вольного стихотворения могут служить нижеследующие строки:

Я отечеству защита —
А спина моя избита.
Я отечеству ограда —
В тычках, палках — вся награда.

Здесь детально повествуется о тяжести солдатской жизни, о всех унижениях, которым солдат подвергается на службе, о нищенской доле, ожидающей его по истечении двадцатипятилетнего пребывания в армии. Но призыва к действию в «Солдатской жизни» не содержится. Однако в стихотворении 1820 года «Ну, ребята, чур дружнее...», в котором можно видеть своеобразный отклик на восстание Семеновского полка, уже поставлен вопрос о единстве солдатской массы, об общности ее интересов и необходимости активного сопротивления.

К числу распространявшихся в солдатской среде песен следует отнести и широко известные и в столице и даже в Южной армии агитационные произведения, написанные членами Северного общества декабристов.

Анализируя произведения, объединенные общей характеристикой их авторов как представителей либерального направления в общественной мысли первой четверти XIX века, прежде всего необходимо отметить особенность русского либерализма этих лет. Дело в том, что уже в эти годы либерализм как относительно целостное направление в общественной мысли не существовал, а распадался на четко оформившиеся политические группировки.

Как мы уже отмечали, в первые годы XIX века заигрывание с либерализмом являлось официальным правительственным курсом. Если в 1760—1770-е годы Екатерина II прибегала к политике просвещенного абсолютизма, чтобы с ее помощью покончить с сановной фрондой, то теперь, в начале XIX века, возникла острая необходимость борьбы не с аристократическими «верховниками», а с революционной опасностью.

Буржуазная революция во Франции положила начало эпохе революционных потрясений. В России созревала национальная революционная мысль и появились отдельные попытки революционной пропаганды. Недовольство охватило известную часть населения, в том числе и вооруженные силы. В этих условиях заигрывание с либерализмом рассматривалось правительством как реальная политика, призванная предотвратить революционный взрыв.

Внешне эта политика, проводившаяся в первые годы царствования Александра I, привела к разительным изменениям. Но в действительности либеральные заявления и в эти годы уже сочетались с тщательно осуществляемой системой разнообразнейших запретов и ограничений. Какие бы то ни было запрещения в отношении частных типографий и ввоза иностранной литературы были отменены. Но одновременно с этими «облегчениями» фактически была введена предварительная цензура и уголовная ответственность за выпуск вредной, с точки зрения властей, литературы.

Новый указ, изданный в 1802 году, предписывал «печатные книги свидетельствовать от управы благочиния (в столицах), а за самовольное напечатание соблазнительных книг не только книги конфисковать, но и виновных за преслушание закона наказывать».[1]

В 1804 году был распубликован первый цензурный устав.[2] И хотя, в соответствии с «духом времени», печать либерализма сказывалась на положениях этого документа, он опять-таки нисколько не препятствовал усилению цензурного гнета. Теперь цензура сосредоточивалась в Министерстве народного просвещения, так как цензурные управления находились при университетах.

За вольной литературой бдительно наблюдал вначале Комитет охранения общей безопасности, где концентрировались дела о привлечении к ответственности «за сочинение пасквилей», а затем выделенное из Министерства внутренних дел Министерство полиции, где также было возбуждено множество дел о сочинении антиправительственных произведений.

Если для окончательного оформления дворянской революционности в антиправительственный заговор еще потребовался патриотический подъем 1812 года, происходившие в России социально-экономические процессы оказались вполне достаточными для оформления либерального движения. Однако правительственный либерализм и либеральная общественная мысль начала XIX века — явления отнюдь не совпадающие, особенно если речь идет о левом крыле этого направления.

Левое крыло русского либерализма начала прошлого века с достаточной полнотой изучено в работах советских литературоведов. Характеризуя это движение как русское просветительство, В. Н. Ор-

---

[1] «Исторические сведения о цензуре в России», СПб., 1862, с. 6.

[2] Этот устав просуществовал 22 года. За это время сменилось четыре министра. И каждый из них толковал этот документ по преимуществу в плане расширения различных запретов. И особенно это сказалось, когда министром народного просвещения был А. Н. Голицын и затем сменивший его А. С. Шишков.

лов отмечает, что все представители этого направления «зарекомендовали себя горячими противниками деспотизма и рабства... Тем не менее — и это следует оговорить со всей ясностью, — пишет он далее, — никто из них не сделал тех окончательных выводов, которые сделал Радищев, никто из них не осознал с такой же глубиной и последовательностью неразрывной связи освободительной мысли с революционным действием». [1]

Вольная поэзия русских просветителей начала XIX века ярче всего представлена стихотворениями виднейшего ее представителя Ивана Пнина. Это «Послание к Брежинскому», посвященное памяти А. Н. Радищева, где автор с горечью указывает, что «уста, что истину вещали, увы! навеки замолчали», это «Бренность почестей и величий человечества», где пророчески говорится, что «ударит час и царь вселенной падет равно как раб презренный», и, наконец, «Карикатура», где царь зверей Лев едет в колеснице, запряженной ослами.

Умеренные либералы, не стремившиеся к радикальным изменениям, а лишь к частным реформам, возмущенные и разочарованные переходом царя от политики заигрывания с либерализмом к откровенной реакции, создали много острых сатирических произведений, особенно после войны 1812 года.

Они разнообразны по тематике и посвящены как отдельным государственным деятелям, так и отдельным проблемам жизни государства. И порой, как это имело место и в XVIII веке, получали неожиданное для авторов (П. Вяземский, Д. Давыдов, И. Крылов и др.) политическое звучание уже в процессе ознакомления с ним демократического читателя.

Специфической особенностью вольной поэзии дворянских революционеров следует признать необычайно широкий диапазон социально-политических проблем, затронутых ею.

Как справедливо отмечает В. Г. Базанов, поэты-декабристы «вывели поэзию из дворянского салона на передовую трибуну, повернули ее к широкой аудитории, заставили художественное слово служить интересам родины и народа; поэзия у декабристов не была спутницей домашних утех, это — поэзия гражданского дела и гражданского мужества». [2]

Уже в «Законоположении» «Союза Благоденствия» — одной из ранних декабристских организаций — указывалось, что следствием «всех действий, всех помышлений» членов Союза должно быть «об-

---

[1] Вл. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, М., 1950, с. 52.

[2] В. Г. Базанов, Поэты-декабристы, М.—Л., 1950, с. 4.

щее благо». Исходя из этого положения, «все сочинения, ими издаваемые, должны основною мыслию иметь распространение добродетели».[1] Касаясь непосредственно поэзии, «Законоположение» предлагало членам Союза «убеждать, что сила и прелесть стихотворений» состоит «более всего в непритворном изложении чувств высоких и к добру увлекающих».[2]

Эти мысли членам тайного общества надлежало пропагандировать и распространять и в своих выступлениях и «в сочинениях своих».

Но к числу произведений вольной поэзии первой четверти XIX века, отражающих воззрения представителей дворянской революционности, естественно относятся и стихи, написанные не только лицами, организационно связанными с тайным обществом. Достаточно сослаться хотя бы на то обстоятельство, что и Пушкин и Грибоедов, значительная часть произведений которых выражала требования дворянских революционеров, в нелегальных организациях никогда не состояли.

Исходя из программных положений декабристских тайных организаций и анализа их литературной деятельности, В. Н. Орлов с полным основанием приходит к двум важнейшим выводам. Во-первых: «при всем различии индивидуальных взглядов и мнений писателей-декабристов по частным вопросам литературы, можно говорить об единстве идейно-художественных принципов, лежавших в основе их литературной деятельности». И во-вторых, что «у них была своя литературная программа, которая целиком отвечала задачам политической деятельности тайных обществ и призвана была поставить литературу на службу насущным интересам освободительной борьбы».[3]

Это стремление поставить литературу на службу революции проявляется в вольной поэзии прежде всего в художественном раскрытии важнейших политических причин, обусловивших возникновение революционного движения, популяризации его целей и задач и в эмоциональном призыве к активным действиям.

Видное место в поэзии декабристского направления занимает тема разоблачения тирании и личности тирана. Здесь явно сосуществуют две линии — одна, восходящая к Радищеву, вторая же характеризуется новыми принципами обрисовки тирана.

---

[1] Цит. по кн.: А. Н. Пыпин, Общественное движение в России при Александре I, СПб., 1908, с. 568—569.

[2] Там же, с. 571.

[3] «Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика». Составил Вл. Орлов, М.—Л., 1951, с. IX.

П. А. Катенин, член первой декабристской организации, в стихотворном отрывке, написанном в годы деятельности ранних декабристских обществ, с необычайной четкостью и лаконизмом, с радищевской обнаженностью решает эту проблему. Катенин пишет:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.

Спустя несколько лет вслед за Катениным Рылеев повторяет радищевский призыв к «отмщению» тирану.

Примечательно, что и в том и в другом произведении содержится нечто новое, отличное от радищевской «Вольности». В декабристских выступлениях против тирании и деспотии расправа с тираном — не отдаленное будущее, как это имело место у Радищева, а задача современного поколения борцов.

Катенин призывает свободу «отныне», то есть начиная с настоящего времени, царствовать в его стране: «Свобода! Свобода! Ты царствуй отныне над нами». Рылеев «не в силах» вековые оскорбления «тиранам родины прощать. И стыд обиды оставлять без справедливого отмщения» («Наливайко»). Так могут писать лишь те, кто уже осознал, что они не одиноки, что возникает или уже возникла группа их единомышленников.

Эти новые моменты в отрицании тирании перекликаются с пушкинской обрисовкой личности тирана.

В самом деле, катенинско-рылеевское определение тирании как института, подлежащего немедленному уничтожению, в высшей степени гармонировало с пушкинским взглядом на тирана как на уже битого, но временно недобитого «героя». Таким образом, убежденность в необходимости скорейшей ликвидации тирании подкреплялась напоминанием о трусости и слабости деспота: «под Австерлицем он бежал, в двенадцатом году дрожал» («На Александра I»).

Теме самовластия и деспотизма в декабристской поэзии как правило сопутствовала критика фаворитизма и продажности государственного аппарата.

Теперь фаворитизм, в сущности, расценивается не только как воровство и распутство, то есть как незаконное пользование государственными благами, но как явно выраженное политическое преступление. Фаворит нового типа — это личность, не только компрометирующая монарха, но соучастник его преступлений. Таков Аракчеев в рылеевской оде «К временщику» и в пушкинских эпиграммах.

Вот почему в поэзии декабристов термин «фаворит» в отношении Аракчеева не применяется, а заменяется словом «временщик». Правда, и вторая половина XVIII века знала не только серальных фаворитов, но и временщиков. Достаточно вспомнить Потемкина. Но такого преступника, как Аракчеев, Россия еще не видела. И его ждет та же участь, что и его правителя. Вот почему Рылеев напоминает, что может родиться «иль Кассий, или Брут, или враг царей Катон», а автор другого стихотворения, приписываемого Пушкину, утверждает, что за свои «заслуги» Аракчеев достоин «кинжала Зандова», пронзившего другого подручного Александра I — шпиона Коцебу.

Тирания всесильного временщика и произвол прочих представителей власти, вплоть до мелких «божков», хозяйничавших в судах и канцеляриях страны, — явление, имевшее одни и те же социальные корни.

Об этом образно и точно говорит песня «Ах, тошно мне...» Рылеева и А. Бестужева. Здесь прямо сказано: «Всех затеев Аракчеев и всему тому виной». И далее — пользуясь своей безответственностью, до конца разоряют русский народ заседающие в палатах и судах «заседатели, председатели заодно с секретарем».

Разоблачая деспотизм, декабристская вольная поэзия фиксирует внимание читателя на рабстве, в равной мере господствующем и в крепостной деревне и в феодальной армии. Из посвященных этой тематике произведений в первую очередь следует назвать «Деревню» Пушкина, агитационные песни Рылеева и А. Бестужева.

При этом следует подчеркнуть, что характерной особенностью многих стихотворений, посвященных этой тематике, является не статичное описание тяжелого положения крестьян и солдат, а содержащийся в них призыв к борьбе и вера в близость краха существующих порядков.

И если в пушкинской «Деревне» поэт еще надеется, что рабство может пасть по воле верховного правителя, то в рылеевских и бестужевских песнях мы сталкиваемся уже с иной постановкой вопроса: «А что силой отнято, Силой выручим мы то». Таким образом, здесь уже выдвигается проблема сокрушения рабства самими рабами.

Наряду с изображением кризисного состояния страны в некоторых произведениях вольной поэзии декабристов порой дается и критика внешнеполитических мероприятий царизма. В этих стихах в первую очередь затрагиваются две наиболее актуальные для декабристов внешнеполитические проблемы — участие России в Священном союзе и отношение царизма к национально-освободительной борьбе греков, начавшейся в 1821 году.

Бесконечные поездки российского государя на конгрессы Священного союза, где неизменно рассматривались планы подавления национально-освободительных и революционных движений, с негодованием были восприняты в передовых кругах русского общества. Вот почему в одной из эпиграмм на Александра I Пушкин писал: «Но фрунт герою надоел — Теперь коллежский он асессор по части иностранных дел».

Греческое восстание против турецкой тирании вызвало восторженный отклик у декабристов. Многие из них мечтали принять непосредственное участие в справедливой борьбе за свободу Греции. Однако царское правительство, сулившее греческим патриотам активную помощь в период подготовки восстания, отказалось от своих обещаний, напуганное свободолюбивым характером этого движения. Политика царского правительства в греческом вопросе вызвала глубокое возмущение членов тайного общества, и член «Союза Благоденствия» Ф. Глинка в «Военной песне греков», воспевая героизм греческих патриотов, выражал надежду, что «погибнут гордые тираны!».

Тема будущего общественного устройства России в поэзии декабристов нашла менее конкретное выражение, чем другие гражданские темы. Так, в подблюдных песнях Рылеева и Бестужева выставлены два требования — завоевание правды в суде и общей свободы:

Уж как на небе
Две радуги,
А у добрых людей
Две радости:
Правда в суде
Да свобода везде.
Да и будут они
Россиянам даны.
Слава!

В. Ф. Раевский в стихотворении «Певец в темнице» выразил программу будущего устройства России в единой формуле — народоправие, призванное возродить институты Древнего Новгорода и Пскова. В этих вольных городах народ собирался на площади для того, чтобы

Сменять вельмож, смирять князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,
Войну и мир определять.

Со временем свобода у русских городов была отнята, но Раевский не сомневается, что народ-республиканец «рано ль, поздно ли, опять восстанет... с ударом силы!» («Певец в темнице»).

Но главной темой в вольной поэзии дворянских революционеров была тема борьбы с господствующим строем угнетения и порабощения. В этом отношении особенно выразительны «Вольность» Пушкина и его же послание «К Чаадаеву».

С большой остротой тот же революционный пафос выражен в подблюдных песнях Рылеева и А. Бестужева, написанных накануне декабрьских событий: «Сей, Маша, мучицу...», «Уж вы вейте веревки на барские головки...», «Уж как шел кузнец...».

Вместе с тем подблюдные песни, раскрывающие революционные замыслы декабристов, обнаруживают и те тактические колебания, которые имели место у представителей республиканской группы Северного общества.

Будучи сторонниками военной революции и подготавливая события 14 декабря как акт, совершаемый солдатами и матросами в результате их полного и беспрекословного подчинения офицерам, и допуская сообщение им о целях выступления лишь в последний момент, Рылеев, братья Бестужевы и другие члены Северного общества, сторонники республики, начали в 1825 году в этом вопросе проявлять некоторые колебания, порой склоняясь к мысли, что агитационную работу среди солдат следует вести заблаговременно. Именно этими колебаниями и вызвано появление подблюдных песен, которые распространялись очень осторожно, но все же были известны части солдат и матросов и пользовались в этой среде большим успехом.

Героический подвиг декабристов послужил мощным толчком к дальнейшему развитию русской революционной мысли. Сразу же после декабрьских событий, начиная с 1826 года, возникает ряд тайных кружков, члены которых именуют себя «продолжателями дела 14 декабря». Эти кружки принадлежат к дворянскому этапу освободительной борьбы в России. Однако уже в них появляются первые ростки будущего, свидетельствующие о начавшемся, хотя и медленном, процессе перехода ко второму, разночинному этапу революционного движения. Это сказывается в отказе от тактики военной революции, в поисках иных тактических принципов, которые позднее приведут к установке на массовую крестьянскую революцию. Однако переоценка декабристских тактических принципов своеобразно сочетается в это время с воспеванием героической, восстающей личности. Это относится к вольным стихам Полежаева и ряда неизвестных авторов, написавших «Последнее слово Рылеева», «И день настал,

и истощилось...» и, в особенности, «Песнь декабристов», завершающуюся призывным кличем:

Кто жизнь в бою неравном не щадит,
С отвагой к цели кто идет,
Пусть знает: кровь его тропу пробьет, —
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

Декабристская политическая традиция была событием переломного значения в истории вольной поэзии. Впервые революционное слово стало неразлучным с революционным делом. Вот почему систематическое, организованное преследование освободительной мысли, начиная с эпохи Николая I, приобрело характер террора.

Значительное собрание произведений вольной поэзии оказалось в делах следственной комиссии по делу декабристов.

«Во время следствия, — указывает М. В. Нечкина, — Николай I отдал приказ, которого никогда не забудет историк русской литературы: «Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». Приказ был выполнен — стихи были сожжены: среди них было немало стихов, так и оставшихся нам неизвестными». [1]

По-видимому, «вольные стихи» постоянно ассоциировались у нового государя с событиями 1825 года. Недаром, когда в его руках оказалась поэма А. Полежаева «Сашка», написанная еще до восстания, Николай заявил, что «это все еще следы, последние остатки», и отправил молодого поэта в Бутырский пехотный полк унтер-офицером.

3

Вторая четверть XIX века, начавшаяся выстрелами на Сенатской площади, в сущности, завершается в середине 50-х годов последними выстрелами истекавшего кровью Севастополя.

Это было время резких контрастов и удивительных парадоксов. Видный советский историк А. Е Пресняков, определяя сущность николаевского правления, охарактеризовал его как «апогей самодержавия». И это действительно был апогей централизма и бюрократизма. Но вместе с тем был прав и сам самодержец, который, по авторитетным свидетельствам, умирая, с грустью признал, что Россией все же управляют столоначальники.

---

[1] М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. 2, М., 1955, с. 396.

Николай I вошел в историю как убежденный защитник дворянских привилегий и ярый противник каких бы то ни было уступок новым буржуазным отношениям. Это обстоятельство можно подтвердить многочисленными высказываниями самого монарха.

Однако все эти заявления можно и легко опровергнуть многочисленными распоряжениями министра финансов, управляющего департаментом железных дорог, министра народного просвещения и др., из которых видно, как внимательно николаевское правительство относилось к требованиям молодой русской буржуазии, к созданию учебных заведений, необходимых для подготовки специалистов для отечественной промышленности.

Император Николай I прослыл убежденным крепостником, который всю жизнь стремился сохранить институт рабства в России. Его устные заявления графу П. Д. Киселеву о намерении ликвидировать крепостничество расценивались обычно как демагогия «высочайшего» класса.

Однако более детальное ознакомление с фактическим материалом убеждает, что мысль об отмене крепостной зависимости в самом деле неоднократно у Николая I возникала. «Бесстрашный» правитель был удивительно пуглив. «Предельно прямолинейный», всегда противопоставляемый брату как оплот ортодоксальной реакции, он был порой склонен к заигрыванию с либерализмом не меньше, чем Александр I.

С одной стороны, он постоянно испытывал страх перед крестьянскими волнениями, что, естественно, должно было натолкнуть его на мысль о ликвидации крепостного права как основной причины крестьянских «бунтов». С другой же стороны, он опасался и дворянства, которое держалось за крепостное право как за институт спасительный для высшего сословия.

Вот почему Николай I, заверяя, что никогда, ни при каких обстоятельствах не посягнет на права дворян неограниченно пользоваться трудом крепостных, тем не менее в 1853 году, в связи с крестьянскими волнениями в Масловом Куте, отдал секретное распоряжение об обязательном применении никогда не исполнявшегося павловского указа 1797 года о трехдневной барщине.

Но изучая николаевское время, как отмечал еще А. И. Герцен, следует иметь в виду и те глубинные процессы, которые протекали в эти годы.

В работе «О развитии революционных идей в России» А. И. Герцен писал о двух противоположных течениях, с которыми сталкивается каждый исследователь этого времени: «На поверхности официальной России — «фасадной империи» — видны были потери, жесто-

кая реакция, бесчеловечные преследования, усиление деспотизма... Зато внутри государства совершалась великая работа, — работа глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная; всюду росло недовольство, революционные идеи за эти двадцать пять лет распространялись шире, чем за все предшествовавшее столетие».[1]

Все эти процессы, которые сказались и в конце 30-х годов — наступление экономического кризиса крепостничества, и в конце 40-х годов — неоправданный курс на радикальное решение ближневосточного вопроса, — все это к концу 50-х годов привело к революционной ситуации, которая вызвала неизбежность и экономических и политических уступок со стороны российского царизма. И проведенные в дальнейшем, в 60—70-е годы, правительством буржуазные реформы знаменовали утверждение в России капиталистической формации, с одной стороны, и шаг по пути превращения феодальной монархии в буржуазную, с другой.

Для литературы новое царствование началось с новых преследований. Цензурный устав 1804 года, которым практически уже давно не руководствовались, но который формально еще не был отменен, теперь, когда был взят курс на откровенную реакцию, вызывал явно нежелательные сопоставления.

Вот почему, уже при первом докладе у Николая I, министр народного просвещения А. С. Шишков получил предписание срочно составить новый устав.

Поскольку царь торопил министра, а министр своих подчиненных, последние, решив не затруднять себя, извлекли из архива проект устава, составленный еще в 1824 году, и преподнесли его как новое детище «государственной мудрости».

Так появился на свет цензурный устав 1826 года, получивший меткое прозвище «чугунного». Он состоял из 230 параграфов и превосходил по своему запретительному характеру все уставы и распоряжения, действовавшие ранее.

Однако вскоре этот устав пришлось заменить другим, полностью сохранившим прежние запреты, но вводившим иную систему ответственности за нарушение цензурного режима.

Новый цензурный устав 1828 года не содержал столь дробной детализации недозволенного, как предшествующий. Тем самым разрешение текста цензурным ведомством не означало, что он как бы всесторонне проверен и полностью одобрен и что теперь ответственность за него возлагается исключительно на цензора.

Отныне за допускаемый к печати материал в равной мере

---

[1] А. И. Герцен, Собр. соч., т. 7, М., 1955, с. 209—211.

отвечали и цензор, и автор, и издатель. Впрочем, порой виновные разделяли ответственность и не «в равной мере». Так, после напечатания в «Телескопе» «Философического письма» П. Я. Чаадаева автор по личному распоряжению царя был признан «умалишенным», редактор сослан, а цензор лишь отстранен от должности.

В том же 1828 году при Министерстве народного просвещения было учреждено Главное управление цензуры, в ведение которого входил общий надзор за действиями цензурных учреждений.

Однако помимо специальных цензурных учреждений правом цензуры теперь пользовались III Отделение, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Ведомство путей сообщения, II Отделение и многие другие правительственные органы вплоть до Комиссии по постройке Исаакиевского собора и Главного управления государственного коннозаводства.

Подобная система контроля очень скоро привела вообще к полному отказу от каких бы то ни было правил в отношении печати, в результате чего наступило время, обычно именуемое «бесцензурным» произволом. «Цензурный устав, — писал в 1830 году в своем дневнике А. В. Никитенко, — совсем ниспровержен. Нам пришлось удостовериться в горькой истине, что на земле русской нет и тени законности».[1]

Однако вскоре и этого «цензурного сита» оказалось недостаточно. Особенно пугали царское правительство периодические издания и в первую очередь такие издания, как «Отечественные записки», а затем и «Современник», которые, прибегая к всевозможным ухищрениям, все же умудрялись доводить свободную мысль до своего демократического читателя.

Установив во второй половине 30-х годов для журналов параллельное цензурование, при котором каждое издание читалось двумя цензорами раздельно, Николай сразу же после получения известий о начале революции 1848 года во Франции решил применить еще более суровые меры контроля.

Под председательством адмирала А. С. Меншикова был создан временный секретный комитет для сплошной ревизии русской периодической печати.

После завершения работы меншиковского комитета Николай учредил новый, уже постоянный секретный комитет под председательством Д. П. Бутурлина, который до 1855 года проверял все вышедшие в свет издания. Иначе говоря, это был секретный орган, осуществляв-

---

[1] А. В. Никитенко, Дневник, т. 1, М., 1955, с. 95.

ший последующий контроль уже пропущенных цензурой и напечатанных с ее разрешения произведений.

Тяжкие испытания, выпавшие на долю русской легальной печати, увеличили популярность нелегальной литературы, в том числе и вольной поэзии.

Вольная поэзия этих лет по своей политической направленности распадается, как и в предыдущие годы, на ряд течений.

Совершенно обоснованно выделяются произведения, отражающие настроения и чаяния угнетенного класса крепостного крестьянства и солдат. Далее следует обособить либерально настроенную группировку, и опять-таки не как нечто единое и целостное, а лишь как совокупность разнообразных оппозиционных кругов, объединенных стремлением к преобразованиям и неприятием революции. Затем следуют произведения дворянских революционеров — и самих участников событий 1825 года, и их последователей. И, наконец, последнее течение представляют произведения, отмеченные чертами зарождающейся революционно-демократической идеологии.

Характеризуя положение крепостного крестьянства и специфические особенности его сопротивления во второй четверти XIX века и трактуя этот период исторически, а не хронологически, до 1856 года включительно, то есть придерживаясь принципа, принятого при комплектовании настоящего сборника, следует прежде всего отметить, что к началу 50-х годов в России, по данным Министерства внутренних дел, числилось помещичьих крестьян 23 млн. душ обоего пола. [1]

И вся эта масса, не считая государственных крестьян и прочих категорий зависимого населения, находилась в постоянном брожении. Сообщая об этом с грустью в юбилейном докладе, посвященном двадцатипятилетию «благополучного» царствования Николая I, министр внутренних дел Л. А. Перовский вынужден был признать, что большинство этих выступлений происходит «от безрассудного стремления крестьян к свободе, вследствие ложного предубеждения в своих будто бы на то правах». [2]

О том, насколько в годы Крымской войны изменился внутренний облик крепостного крестьянина, можно судить по тому, как уменьшилась роль в крестьянском сопротивлении тех крестьян, которым удалось попасть в ополчение.

Исходя из опыта войны 1812—1814 годов и учитывая массовое

---

[1] «Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.», Сборник документов, М., 1962, с. 6.

[2] Там же, с. 7.

движение, связанное с призывом в ополчение в Крымскую войну, III Отделение предполагало, что ополченцы, как это было после Отечественной войны, явятся вожаками в крестьянском сопротивлении. В этой связи шеф корпуса жандармов В. А. Долгоруков предписал жандармским офицерам обратить особое внимание, «подчиняются ли прежнему порядку возвращающиеся из ополчения ратники».[1] Однако донесения с мест свидетельствовали, что роль ополченцев в крестьянских движениях в целом теперь незначительна и что расчеты некоторых из них получить личную свободу «не произвели... никакого влияния на прочую массу народонаселения, оставшегося равнодушным к надеждам, не до них относящимся».[2] И это обстоятельство станет вполне понятным, если учесть рост общей активности крестьянской массы и систематическое выделение из этой среды вожаков уже не из солдат или ополченцев, сознание которых сформировалось в армии, а из крестьян, сознание которых сформировалось в городе, на заработках, и определялось усилением крестьянского сопротивления и ростом убеждения в законности своих прав на землю и свободу. Теперь губернаторы в своих донесениях министру внутренних дел все чаще констатируют, что «дух неповиновения у помещичьих крестьян у всех почти одинаков».[3]

К числу особенностей крестьянского движения второй четверти XIX века наряду с массовым бегством «большого радиуса», как можно назвать движения, связанные с призывом в ополчение, относится и массовое бегство, которое, опять-таки условно, можно назвать бегством «малого радиуса». Мы имеем в виду распространенный и ранее, но участившийся именно в эти годы уход требующих освобождения крепостных в леса, расположенные неподалеку от места их постоянного жительства. Обычно основная масса крестьян покидала свою деревню в период сельскохозяйственных работ, ставя помещика перед угрозой разорения. Эти формы сопротивления оказывались еще более действенными, поскольку вызываемая в таких случаях «экспедиция» лишена была возможности заставить отсутствующих крепостных повиноваться своим владельцам.

Именно о такой форме сопротивления обстоятельно рассказывается в песне конца 1840-х годов неизвестного автора, по-видимому крестьянина, «Как во городе во Устюжине...». Когда у крестьян Долгогреевых «проявилась экзекуция, экзекуция царя белого», скрылись «все добры молодцы по темным лесам». Миновало лето, и

---

[1] «Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.», Сборник документов., М., 1962, с. 17.

[2] Там же.

[3] Там же, с. 18.

«не явилось ни одной душеньки». Но, применив по отношению к помещику высшую экономическую санкцию и обрекая на разорение его имение, крепостные все еще продолжали ожидать возвращения из столицы своего ходока, посланного с просьбой к «белому царю». На ожидании Трифона Петровича песня обрывается, и ее трагический финал и неизбежное разочарование в «ходачестве» оказались за пределами текста.

Сравнительно недавно была впервые опубликована «повесть в стихах» «Вести из России», бесспорно принадлежащая перу ярославца, выходца из крестьянской среды. В повести прежде всего подчеркивается усиление грабительского характера помещичьей эксплуатации в 30—40-е годы, связанное с кризисом крепостной системы: «Крестьян так баре берегут — как стадо волчье, на овец напавши, с голода дерут». Любопытно, что здесь уже появляется и образ помещика Раззорина, ставшего на путь своеобразной капитализации своего хозяйства. «И вот где деньги он берет, — сообщал автор повести, — крестьян часть мучит на изделье, за лень жестоко их дерет, и все взялись за рукоделье. Пятнадцать душ на городу на трехокладном в год оброке». И эти оброчные, «подобно курам молодым, большими яйцами несутся, и не простым, а золотым».

Весьма показательны для второй четверти XIX века и те требования, которые, как отмечает автор, выдвигаются теперь народом. Здесь уже не говорится об уменьшении оброка и сокращении барщинных дней. Теперь уже все воплощается в едином и всеобъемлющем требовании воли. «„Скажи мне, друг мой, покороче, — обращался автор к своему собеседнику, — здесь что же нужно для народа?“ Поспешно отвечал мне он: „Свобода“».

Стремление добыть свободу, но не с помощью ходоков, посылаемых в Петербург, а путем активного сопротивления, отражено в двух песнях: «Письмо» и «Как за барами житье было привольное...». Эта линия крестьянского сопротивления, наиболее типичная для второй четверти XIX века, чаще всего находит свое воплощение в песнях, сочиняемых от имени тех, которые сами добыли себе «волюшку» и посвятили свою жизнь борьбе с помещиками. Вероятно, к таким сочинениям и принадлежат вышеуказанные две песни.

В письме, написанном «собственной кровью», повар Никита сообщает своему барину, что он не все жилы из него «вытянул» и не всю его кровь крестьянскую «высосал». «Что я тебе и на деле докажу, — добавляет Никита, — когда тебя на острый нож посажу, а дом твой по ветру пущу».

«Как за барами житье было привольное...» посвящено тем, которые, насытившись рабьей долей, нашли себе новый приют — темный

лес, это их «вотчины», проезжий тракт — их «пашенька». А пашут они «в глухую ночь», собирают хлеб «не сеямши», а молотят не цепом, а «слёгою по дворянским по головушкам да по спинушкам купеческим».

Анализируя развитие вольной поэзии второй четверти XIX века в непосредственной связи с состоянием общественного движения, необходимо остановиться на либерализме этих лет.

К правому крылу либералов в 40—50 годы, со значительными оговорками, можно причислить так называемых славянофилов. Как неоднократно отмечалось в нашей литературе, славянофильство представляло собой течение внутренне противоречивое и, являясь в целом консервативным, заключало в себе и некоторые прогрессивные элементы.

В итоге некоторые произведения, вышедшие из-под пера консерваторов-монархистов, приобретали либеральное звучание, вызывали гонения со стороны цензуры и администрации и оказывались в числе произведений вольной русской поэзии.

В этом плане интерес представляют стихотворения И. С. Аксакова «Моим друзьям», А. С. Хомякова «России» и ему же приписываемое «Пленных братьев упованье. . .».

Характерно, что первое из них было написано накануне Крымской войны, а второе и третье — в 1854 году, то есть в конце царствования Николая I, когда даже такие приверженцы теории официальной народности, как М. П. Погодин, были вынуждены признать сперва приближение краха, а затем уже и крах николаевской системы.

В стихотворении «Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим в государственной службе» автор, обращаясь к небольшому кругу людей, работающих «в среде разврата», восхваляет их за то, что невинный найдет в них «на всякий день, на всякий час в делах добра слугу и брата!». Теперь это путь великих свершений, ибо «так жизнь скупа! Предел так краток! Надеждам смелым не созреть! И благо всем, кому без взяток придется здесь разов десяток слезу вдовицы утереть».

В стихах Хомякова (а их отделяют от аксаковских не просто два-три года, а первые годы Крымской войны) уже поставлен вопрос о необходимости коренных изменений. Целью по-прежнему остается панславистская утопия о воссоединении славян под эгидой российского царизма, но для этого якобы необходимо искупить те многочисленные грехи, которые отягощают позором всю национальную жизнь страны («России»). Та же мысль, в сущности, повторяется и в стихотворении «Пленных братьев упованье. . .» — необходимо очи-

ститься, ибо для свершения подвига ради общего славянского дела «руки чистые потребны. . .».

Значительное количество произведений умеренно-либерального толка вышло в эти годы из-под пера представителей интеллигенции различных сословий. В произведениях этой группы авторов отсутствуют требования коренных реформ, характерные для левого крыла либералов, которые в эти годы нередко именовались западниками. В сущности, можно было бы сказать, что у этой группы «промежуточных либералов» требования были более демократичны, чем у славянофилов, и менее демократичны, чем у западников.

К таким произведениям можно причислить и стихотворение неизвестного автора «Богатырь-государь. . .». В нем разоблачается продажность всего государственного аппарата и взяточничество придворной клики.

Стихотворение «Русский царь», тоже принадлежащее неизвестному автору, более целеустремленно и направлено против личности Николая I и его окружения. Здесь уже отмечается неспособность царя «много сделать» для государства:

Он и знать стыдится,
Что внутри творится;
Там дела неважны,
Лишь места продажны,
Лишь чины да барство
Грабят государство.

К этой группе произведений вольной поэзии по политической направленности можно причислить басню «Моль», иронизирующую по поводу бесплодной деятельности многочисленных секретных комитетов, создававшихся по различным поводам во второй четверти XIX века, а также стихотворение «На погребение науки», высмеивающее попытку преподавания шагистики в университетах, и др.

К сожалению, мы лишены возможности выделить в самостоятельный раздел стихотворные произведения, отражающие воззрения левых представителей либерализма — так называемых «западников». Их программа социально-политических реформ, выражавшаяся в стремлении установить в России буржуазную республику, не получила своего отражения в вольной поэзии, а их политические симпатии отражаются в тех произведениях, которые посвящены декабристам и их подвигу.

Вообще нужно особо подчеркнуть, что в вольной поэзии второй четверти XIX века, то есть дворянского этапа освободительной борь-

бы, декабристская тематика занимает преобладающее место. Тут прежде всего следует выделить произведения, написанные уже после 1825 года самими участниками этих событий. Это «Одичалый» Г. С. Батенькова, «Струн вещих пламенные звуки...» А. И. Одоевского, «Песня» («Что ни ветер шумит во сыром бору...») М. А. Бестужева и «Желания» Ф. Ф. Вадковского. Стихотворения эти писались в разное время и в разных обстоятельствах, но во всех содержится одно общее начало — глубокая вера в то дело, которому их авторы отдали свою молодость, а по сути дела, всю жизнь.

«Одичалый» сочинен в одиночной камере Свартгольмской крепости. «Живой в гробу, кляну судьбу и день несчастного рожденья», — пишет о себе Батеньков. Но тем не менее он верит, что

Пора придет: нелживый свет
Блеснет — всем будет обличенье...
Нет! не напрасно дан завет,
Дано святое наставленье...

«Струн вещих пламенные звуки...» — ответ на послание Пушкина декабристам «Во глубине сибирских руд...» — содержит глубокую веру в победу начатой ими борьбы. Яркий образ грядущей революции — «из искры возгорится пламя» — был взят на вооружение революционерами двух следующих этапов освободительного движения в России.

Песня М. Бестужева «Что ни ветер шумит во сыром бору...» посвящена походу С. Муравьева «на Кровавый пир». «С ним черниговцы идут грудью стать, сложить голову за Россию-мать». Их постигла печальная участь, однако и эта неудача не должна заставить отказаться от дальнейшей борьбы, ибо «не бурей пал долу крепкий дуб, а изменник-червь подточил его».

«Желания» Ф. Ф. Вадковского, отделенное по времени написания от песни Бестужева почти десятилетием, также продолжает декабристскую тематику. Но если первое стихотворение рассказывает о битве декабристов с самодержавием, то второе посвящено их идеалам и программе. [1]

---

[1] Распространенное в литературе представление, что здесь Вадковский в стихотворной форме излагает программу «Союза Благоденствия», вряд ли можно признать достаточно убедительным. Ф. Вадковский в «Союзе Благоденствия» не состоял, а был активным членом Южного общества, а затем и членом Северного общества. Почему же в первой половине 40-х годов он начинает популяризовать программу ранней организации, которая существовала 25 лет

Декабристским традициям в вольной поэзии 20—50-х годов в целом свойственна глубокая вера в то, что зерна, брошенные в землю в 1825 году, дадут пышные всходы и борцы за свободу в конечном счете одержат полную победу. Уже в 1826 году В. Я. Зубов в стихотворении «Мысль о свободе», печалясь о торжестве реакции, в то же время выражает глубокую убежденность в близких переменах к лучшему.

Приблизительно к этому времени относится и стихотворение неизвестного автора — «К Николаю. Ода „Свобода"». Она бесспорно вышла из антиправительственных кругов. Здесь отчетливо провозглашается близость падения самодержавного властелина. Залогом этого является петербургский заговор:

Хотя разрушен злой рукою,
Но он не дым, не пылкий вздор:
Зовется вольности зарею.

Лишь у некоторых, как например у Лушникова в стихотворении «Мечты», убеждение в том, что «звезда свободы оживит» родину, сочетается со скорбным ощущением собственного бессилья.

Но стоило в любом конце страны появиться каким-либо симптомам нового сопротивления, как вновь возрождалась надежда, что время решающей битвы за свободу не за горами.

В 1830 году С. И. Ситников, вращавшийся во второй половине двадцатых годов среди уцелевших членов «Общества соединенных славян» и представителей передовой польской общественности, получив сведения о начале восстания в Польше, написал стихотворение, в котором, обращаясь к Николаю I, писал: «Падешь, злодей!

назад, и это в то время, когда он прекрасно знал программы более совершенные, выработанные последующими тайными обществами? Кроме того, в программе «Союза Благоденствия», в так называемой первой ее части — «Зеленой книге», ничего не говорится о представительном образе правления и о ликвидации крепостного права. Между тем в «Желаниях» Вадковский, рассказывая крестьянину, за что декабристы намеревались свою «кровь пролить», особо подчеркивает: «чтобы кровию той волюшку тебе купить». И далее: «чтобы твой народ сам собою управлял, чтоб чрез избранных он законы поставлял». Вполне возможно, что оба эти положения содержались в так называемой второй части «Зеленой книги», которая выражала взгляды части членов этой организации, но никогда ее официальной программой не была и которую Вадковский никогда не читал и о которой, по всей видимости, ничего и не знал. Гораздо убедительнее звучало бы утверждение, что в данном случае речь идет об обобщенном изложении программы декабристских организаций, как северного, так и южного вариантов.

Невинна кровь Рылеева уж возопила! .. И тень его славянам вновь права сердцам их возвестила!»

В более обобщенном плане написано стихотворение М. Ю. Лермонтова «Новгород», прославляющее город вечевого строя, призывающее славян к мужеству и выражающее глубокую убежденность, что и их тиран падет, «как все тираны погибали».

Объективно к декабристской политической традиции относится «Смерть поэта» М. Ю. Лермонтова. В ряду произведений, связанных с трагической гибелью А. С. Пушкина, заслуживает внимания и произведение А. Н. Креницына. Разумеется, в нем нет и десятой доли того мятежного пафоса, которым проникнуты стихи Лермонтова, но здесь все же выражены мысли человека, воспитанного в кругу декабристских идей.

Во мраке ссылки был он тверд,
На лоне счастья благороден,
С временщиком и смел и горд,
С владыкой честен и свободен. . . —

писал Креницын о Пушкине («Сестре Н. Н. К⟨реницыно⟩й»).

Характеризуя революционную струю в вольной поэзии второй четверти XIX века, нельзя пройти мимо того факта, что в некоторых стихах отражены процессы, которые протекали в недрах первого этапа освободительной борьбы и которые свидетельствовали об отходе от дворянской революционности и появлении новых черт, свидетельствующих о начале вытеснения из революционного движения дворян разночинцами.

Назревает пока еще смутная мечта о деятелях иного типа, способных повести народ к новой, справедливой жизни. В песне неизвестного автора (датируемой серединой 30-х годов) «Мать ты наша, матушка православная. . .» поется:

Ждешь, наша родимая, поры да чреды,
Кормишь себе деточек новых побойчей.
Есть уж чем утешиться, не долго терпеть.
Подрастают молодцы, уж не нам чета!

И, наконец, имеет место пересмотр тактических принципов декабристов, с чего уже во второй половине 1820-х годов во вновь возникших кружках и началась переоценка событий на Сенатской площади.

Здесь будущая революция уже рисуется не как революция воен-

ная, а как революция народная. Пока еще трудно разглядеть, что эти непосредственные преемники декабристов понимают под народной революцией. Но в том, что они уже отвергают военную революцию, сомнений быть не может. В анонимном стихотворении «Декабристам», написанном в 1830 году, автор его, обращаясь к памяти «первенцев свободы», пишет:

Но вы погибли не напрасно:
Всё, что посеяли, взойдет;
Чего желали вы так страстно,
Всё, всё исполнится, придет!

Но их честь, которая так ярко заблещет «пред лицом отчизны», будет восстановлена не отдельными героями. Славу погибших одиночек восстановят уже народные массы:

Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.

Революционно-демократическая идеология в 1840-х годах уже оказывала сильное воздействие на молодых представителей передовой русской поэзии и, в первую очередь, на А. Н. Плещеева и Д. Д. Ахшарумова, входивших в кружок М. В. Петрашевского, а также на Н. А. Некрасова, Н. П. Огарева и др. Кружок Петрашевского в эти годы занимал особое место. Ему, как уже справедливо отмечалось, «принадлежит роль промежуточного, переходного звена между первым и вторым этапами русского освободительного движения».[1]

Воздействие идей Белинского на воззрения ведущей группы членов этого кружка представляется бесспорным. В то же время для некоторых из них характерно сочетание идей фурьеризма с упованием на крестьянскую революцию. И надежда, высказанная Ахшарумовым, что «бедный мученик — народ свободу жизни обретет», и утверждение Плещеева, что они спящих от сна разбудят и поведут «на битву рать», — все это воспринималось не только как призыв бороться «для народа», но и как зов бороться «вместе с народом». Не случайно цитированное стихотворение Плещеева («Вперед! без страха и сомненья. . .»), являвшееся своеобразным гимном петрашевцев, впоследствии стало любимой песней революционеров-разночинцев.

---

[1] В. Жданов, Поэты кружка петрашевцев. — Сб. «Поэты-петрашевцы», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1956, с. 21.

В тяжелый холерный 1848 год Н. П. Огарев в стихотворении «Упование» писал о русском народе, который, «в глуши трудясь», подготавливает взрыв «под свод дряхлеющего зданья. . .»:

И верю, что пробьюсь — как наш народ родной —
В терпении и с твердостию многой
На новый свет неведомой дорогой! —

заканчивал свое стихотворение Огарев.

В николаевское время вольная литература была почти единственным средством доведения до читателя и слушателя протестующей мысли, так как легальная печать находилась в тисках бесконечных ограничений и запрещений.

Приближалась революционная ситуация конца 50 — начала 60-х годов XIX века. Наступал второй этап освободительной борьбы. На политической арене первенствующее место заняли революционеры-разночинцы.

Новые люди принесли с собой новые песни, подчинив подавляющую часть вольной поэзии борьбе за народную революцию как основу демократических свобод.

Но и вольная поэзия конца XVIII и в особенности первой половины XIX века сохранила свою действенность как старинное, но не устаревшее оружие в борьбе за лучшее будущее великого русского народа.

С. Окунь

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДНОЕ СЛОВО

1

Вторая половина восемнадцатого и весь девятнадцатый век сохранили до наших дней в архивах Советского Союза поистине неисчислимое количество альбомов, сборников, тетрадей и отдельных листков с переписанными в них поэмами, лирическими стихотворениями, эпиграммами, пародиями, стихотворными шарадами, эпитафиями, эпиталамами, переложениями псалмов, нередко с копиями больших прозаических произведений. В этих же сборниках часто содержится материал и иного характера, не имеющий никакого отношения к художественной литературе, и о нем здесь речи нет. Один только просмотр всех этих альбомов с целью выявления полного корпуса памятников вольной русской поэзии далеко превосходит возможности одного человека и требует усилий коллектива и длительной работы.

Значительную группу представляют собою девические альбомы удивительно схожего содержания — более чем дилетантские рисунки, дружеские записи на память, засушенные листы или цветы, локон волос, не выдерживающие самой снисходительной критики стишки влюбленного кавалера, памятные записи о тех или других значительных событиях, маршруты путешествий, цены в заграничных гостиницах и пр. — одним словом, все то, что было уже охарактеризовано словами поэта:

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.
Сюда, назло правописанью,

Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены...
...Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки;
Тут, верно, клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь *пиит* армейский
Здесь подмахнул стишок злодейский...

(«Евгений Онегин», гл. 4)

Альбомы эти прожили чрезвычайно долго. Один из таких альбомов (конца XVIII — начала XIX века) описан Тургеневым в романе «Новь» (гл. 19, альбом Фомушки и Фимушки Субочевых). В воспоминаниях историка литературы и журналиста А. П. Милюкова старушка, вспоминая свою молодость (1830-е годы), говорит:

«Скажи-ка: видал ты эти... у нынешних барышен... книжки-то с рисунками и стишками?

— Альбомы?

— Ну да, альбумы! Так я тебе вот что скажу, дружочек мой. В этих книжках-то у девушек мало что ваша братья марает. Иной раз, может, и есть там листочек-другой, на который смотрят не совсем равнодушно, а больше все так набирается случайно, из моды одной... слова да чернила».[1]

Однако в этих и другого рода альбомах, порою принадлежавших истинным ценителям и любителям поэзии, наряду с записями легально напечатанных стихотворений встретятся и такие, которые ходили по рукам, укрываясь от бдительного ока начальства. Они являются для нас драгоценными свидетельствами популярности какого-либо произведения вольной поэзии, а иногда — единственным источником текста. Затерянные в этих альбомах стихотворения многие годы не привлекали внимания исследователей, а иные и до сих пор остаются не выявленными и в состоянии многолетнего анабиоза пребывают в архивных папках.

В иных случаях копирование происходило намеренно и планомерно. Вспомним исповедь пушкинского героя в «Истории села Горюхина», где он рассказывает о своем приготовлении к поэтическому поприщу: «К стихам приобрел я некоторый навык, переписывая тетрадки, ходившие по рукам между нашими офицерами, именно:

---

[1] А. П. Милюков, Доброе старое время (Очерки былого), СПб., 1872, с. 73.

«Опасного соседа», «Критику на Московский бульвар», на «Пресненские пруды» и т. п.».[1] Эти строки были написаны в 1830 году, но приурочены Пушкиным, надо полагать не случайно, к 1820 году, то есть ко времени интенсивного развития нелегальной поэзии.

Однако в ряде случаев перед нами переписка хорошо известных и отнюдь не запретных произведений. Дело в том, что тиражи книг и журналов были очень невелики, цены же были высокие, и иной любитель литературы, живший в провинции или в деревенской глуши, переписывал сам или заказывал писарю скопировать понравившиеся ему стихотворения, поэмы, рассказы. Во время путешествия на Кавказ в 1829 году Пушкин нашел в Ларсе «измаранный список» «Кавказского пленника» («Путешествие в Арзрум», гл. I), который никогда цензурой не преследовался. В наших рукописных собраниях сохранилось немало такого рода сборников: выцветшие от времени чернила, десятки и даже сотни страниц. На обложке иногда обозначен номер — значит, перед нами экземпляр библиотеки помещика, чиновника, а порою бедняка, которому покупка книг была не по средствам, а списывание любимых произведений было способом комплектования библиотеки и заменяло отсутствовавшую книгу.[2] О такого рода копиях можно прочитать, например, в воспоминаниях Ф. И. Буслаева: «Книги были тогда ⟨в 1830-е годы⟩ редкостью; они были наперечет; книжной лавки в Пензе не находилось, а когда достанешь у кого-нибудь желаемую книгу, дорожишь ею как диковинкою и перед тем, как воротить ее назад, непременно для себя сделаешь из нее несколько выписок, а иногда и целую повесть или поэму в стихах, не

---

[1] «Опасный сосед» — поэма В. Л. Пушкина, написанная около 1811 г., широко разошедшаяся в списках и изданная впервые (литографски очень небольшим тиражом — ни один экземпляр не известен) в Мюнхене в 1815 г., а типографски — в Лейпциге в 1855 г. Стихи о московском бульваре и о пресненских прудах, с 1811 г. беспрерывно дополнявшиеся и изменявшиеся, содержали сатирическую характеристику быта московских дворян начала XIX в., — они преследовались властями. Автор основной части текста, по-видимому, чиновник Московского сената Павел Мяснов. См.: А. А. Голомбиевский, Московский бульварный стихотворец-сатирик («Русский архив», 1908, № 1, с. 298—312); П. О. Морозов, Московская сатира сто лет назад («Русская старина», 1909, № 9, с. 557—569). В обеих статьях приведены тексты стихотворений; в примечаниях к изданиям Пушкина сведения об этих стихотворениях недостаточны.

[2] Некоторые из этих тетрадей тщательно пронумерованы, прошнурованы и скреплены гербовой печатью владельца: см., например, сборник стихотворений в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР, Р. II, оп. I, № 634. В дальнейшем ссылки на этот архив даются сокращенно: ПД.

говоря уже о мелких стихотворениях, из которых мы составляли в своих тетрадках в восьмую долю листа целые сборники. Таким образом, у каждого из нас была своя рукописная библиотечка».[1]

Даже в 60-х годах прошлого века рукописные книги с копиями сказок Пушкина, П. П. Ершова, басен Крылова и других поэтов совсем не были редкостью в провинциальной глуши, например в Вятской губернии.[2] Только приблизительно в начале 1870-х годов переписывание как способ самообразования и составления библиотеки замирает: книга к этому времени становится более или менее массовой, ее цена падает, книжные магазины появляются во многих провинциальных городах.

Все эти самодельные рукописные книги — от толстых «волюмов» до небольших альбомчиков — представляют определенный интерес для исследователя. Текстолог иногда найдет в них заслуживающие внимания варианты или целые редакции, восходящие к доцензурным текстам или к иным источникам. Порою перед нами своеобразная переработка текста — в одних случаях переосмысление произведения отдельным читателем, в других — возникший в результате более или менее длительного бытования «фольклорный» текст. Историк вольной поэзии учтет факт контаминации двух стихотворений или наоборот — дробление одного произведения на два. В некоторых подобных случаях всплывает адресат той или иной эпиграммы, изредка автор — еще неведомый, порою уточняется неизвестная раньше дата.

Особое значение представляет собою вся эта масса копий при изучении читательских интересов эпохи — она помогает установить полный репертуар распространенных в «вольном» бытовании произведений, время и «ареал» их наибольшей популярности.

Очень рано, и на протяжении всего XIX века, мы сталкиваемся еще с одной группой сборников. Любитель поэзии, человек прогрессивных взглядов, тщательно собирает и, следя за точностью текста, проставляя даты, заносит в свои тетради ходящие по рукам стихотворения, запрещенные цензурой, или такие, которые никогда в цензуру и не представлялись — это было бы смешно и глупо; автор их

---

[1] Ф. И. Буслаев, Мои воспоминания, М., 1897, с. 61, см. о том же с. 77 и 80. Ср.: В. И. Танеев, Детство. Юность. Мысли о будущем, М., 1959, с. 468. В каком количестве вполне легальная литература входила в рукописные сборники, видно из данных, приведенных в книге М. Н. Сперанского «Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века», М., 1963, с. 157—161 (список произведений насчитывает 20 названий).

[2] См.: Евг. Петряев, Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли, ⟨Киров⟩, 1966, с. 96.

был бы немедленно арестован. Поэтому источник, лицо, от которого записано стихотворение, обычно не указывается.

Записи сохранились на отдельных листках или в тетрадях и альбомах. Они показывались лишь немногим; по преимуществу перед нами торопливые копии, тесно следующие одна за другой. Но иные прибегали к наивной страховке. Составитель альбома «Всякая всячина» (в нескольких переплетах) А. П. Нордштейн в начале сделал следующую надпись, которая, как он полагал, должна была защитить и спасти его в случае обнаружения альбомов властями: «Кто подумает, что я разделяю с господами сочинителями помещенных здесь статей их мнения, тот очень ошибается — большею частию статьи эти писаны неопытною молодостию, они сами после одумывались и говорили другое. Нет! тут нет моих мнений, я вписывал сюда все непечатное и только: а для чего? — да так, ради редкости». [1]

Лишь очень немногие составители могли позволить себе роскошь оформления. Таков сборник «Свободная литература». На обложке его значится 1857 год; сосредоточенные в нем материалы охватывают по преимуществу первую половину века. Этот интересный сборник в хорошем переплете с вытесненным на корешке названием. Заглавия отдельных стихотворений тщательно вырисованы, нередко с виньетками и рисунками в начале и в конце. Почти все стихотворения начинаются с новой страницы. В альбоме — специальный титульный лист с заглавием и с двумя рисунками, изображающими слева фабрику, справа — крестьянский труд; такие альбомы единичны — составитель собирал и записывал стихи не торопясь, уверенный в своей полной безопасности. [2]

Кроме этих сборников, историк вольной русской поэзии не может миновать еще трех, составленных видными впоследствии литературными деятелями — П. А. Ефремовым, М. И. Семевским, В. Р. Зотовым.

В. Р. Зотов собранные им материалы частично пересылал Герцену, они публиковались в различных лондонских изданиях, но больше всего в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия. . .» (1861). Так же поступал, по-видимому, и П. А. Ефремов, составивший обширный сборник «Разные стихотворения. 1850» объемом в 250

---

[1] «Всякая всячина», часть 2. — Гос. исторический музей. Отдел письменных источников (Коллекция П. И. Щукина, запись между 1841—1847 гг.).

[2] Центральный гос. архив литературы и искусства (Коллекция различных поступлений). В дальнейшем ссылки на этот архив даются сокращенно: ЦГАЛИ. Титул альбома воспроизведен между с. 656 и 657 наст. издания.

листов.[1] М. И. Семевский собрал (в четырех, а может быть, в пяти томах) «Сборник рукописных, прозаических и поэтических произведений различных авторов». В этих и в некоторых других сборниках подобного же типа, в сущности, были подведены первые итоги развития русской «подземной» поэзии — современные исследователи эти материалы постоянно и широко используют.

Но Зотов, Ефремов, Семевский, Нордштейн — это середина XIX века. У нас есть историческое свидетельство гораздо более раннего существования не дошедших до нас сборников вольнолюбивых стихов, относящееся к непосредственно интересующей нас эпохе.

«На самой нижней полке», среди старых ученических тетрадей, среди валяющихся в пыли псалмопений

Я спрятал потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свиток драгоценный,
Веками сбереженный,
От члена русских сил,
Двоюродного брата,
Драгунского солдата,
Я даром получил.
Ты, кажется, в сомненьи...
Нетрудно отгадать;
Так это сочиненьи,
Презревшие печать.

(Пушкин, «Городок», 1815)

Значит, к началу XIX века уже существовала весьма длительная и развитая традиция собирания запретной литературы, здесь ясное указание на демократический в известной степени круг любителей этой литературы — драгунский солдат, пусть солдат привилегированного полка, но все же только солдат: он недавно совершил победоносный поход и возвратился из столицы Франции, где вместе с офицерами своего полка приобрел какие-то «вольные» понятия.

Нелегальное копирование и распространение запрещенной вольной поэзии — важный фактор развития освободительных идей в рус-

---

[1] О нем см.: Е. Г. Бушканец, Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов. (По материалам архива П. А. Ефремова). — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1962, № 4, с. 338—345.

ском обществе первой половины XIX века. Снова вспомним Пушкина: «Радищев, рабства враг, цензуры избежал» («Послание цензору», 1822).

Неправильно было бы думать, что переписывала исключительно молодежь. В интеллигентных домах, у старшего поколения, тоже была в ходу переписка. Ею увлекалась, например, мать П. А. Кропоткина (речь идет о 1840-х годах).[1]

Но, конечно, молодежь шла впереди. Герцен в «Былом и думах» свидетельствует, что он сам в детстве вместе с учителем И. Е. Протопоповым переписывал запретную литературу: «тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные стихи читались с комментариями» (т. 1, ч. 1, гл. IV), — последние слова особенно важны. Они свидетельство меры внимательности и сознательности в интерпретации вольного русского слова.

Свидетельство Герцена может быть подтверждено другими многочисленными показаниями современников, другого лагеря, других взглядов. Об этом же писали В. Р. Зотов, А. П. Милюков, Н. И. Пирогов и многие другие.[2]

О том же, хотя и с совсем иных позиций и с совсем иной оценкой, писал в 1862 году Лев Толстой. В статье «Воспитание и образование» читаем: «Переписывается все не по достоинству, но по степени запрещения. Я видал у студентов кипы переписанных книг, без сравнения бóльшия, чем был весь курс четырехлетнего преподавания, и в числе этих тетрадей толстые тетради самых отвратительных стихотворений Пушкина и самых бездарных и бесцветных стихотворений Рылеева»,[3] — такова была личная оценка Толстого. При всем том самый факт он констатирует очень выразительно и точно.

Полвека назад в других социальных слоях картина была иной. Отдельные грамотеи из дворовых или солдат пока еще не решались на борьбу. Тогда существовал не более чем протест, сетования на свою горькую участь, — до выводов было далеко. Такие примечательные памятники раннего периода вольной русской поэзии, как «Прошение в небесную канцелярию», «Плач холопов», «Челобитная к богу от крымских солдат», «Горестное сказание», еще традиционно

---

[1] П. Кропоткин, Записки революционера, М., 1966, с. 50.

[2] В. Р. Зотов, Петербург в сороковых годах. — «Исторический вестник», 1890, № 6, с. 548; А. П. Милюков, Доброе, старое время (Очерки былого), СПб., 1872, с. 207—208; Н. И. Пирогов, Вопросы жизни. Дневник старого врача. — Соч., т. 2, Киев, 1910, с. 254.

[3] «Ясная Поляна», 1862, июль, с. 29. — Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1936, с. 232—233.

связаны с силлабическим и раешным стихотворством и представляют собой начальный этап вольной русской поэзии. Многие памятники ее, очевидно, до нас не дошли: они существовали нередко только в устной традиции, а фиксировать их на бумаге было попросту некому, потому что среда, в которой они бытовали, грамотой не владела. Нельзя забывать и того, что помещики жестоко преследовали сложение и распространение подобных стихотворений. Власти усердно помогали уничтожать «крамольные» произведения.

Этой, не всегда литературно грамотной поэзии суждено было впоследствии развиться в значительнейшую отрасль подпольной литературы. Недаром Николай I считал дворовых одним из опаснейших слоев населения.[1]

Круг людей, из которых комплектовались авторы такого рода произведений, довольно точно очерчен видным либерально-дворянским деятелем В. Н. Каразиным. Он отмечает, что «люди начали больше рассуждать», а в беседе 27 октября 1820 года с министром внутренних дел гр. В. П. Кочубеем прямо сказал ему, что «между солдатами есть люди весьма умные, знающие грамоте. ... Есть и семинаристы и из дворовых весьма острые и сведущие люди. Есть управители, стряпчие и прочие из господских людей, которые за дурное поведение или за злоупотребление отданы в рекруты. Они так, как и все, читают журналы, газеты и проч.».[2]

Датировка нелегальных произведений этой социальной группы более или менее приблизительная, часто по времени записи и лишь иногда по тем или иным реалиям, намекам и пр.

Эта народная, антикрепостническая полуфольклорная и фольклорная поэзия до сих пор полностью не собрана и не изучена.[3] Власти придерживались мнения, что подобные сочинения «следует искоренять, а не распространять». Саратовский губернатор получил в

---

[1] См.: А. Сабуров, Дело о возмутительных листовках в 1830 г. — «Каторга и ссылка», 1930, № 5, с. 46.

[2] См.: В. Г. Базанов, Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949, с. 202.

[3] См.: П. В. Шеин, Крепостное право в народных песнях. — «Русская старина», 1886, №№ 2 и 3; Н. Л. Бродский, Крепостное право в народной поэзии. — Сб. «Великая реформа», т. 4, М., 1911; то же в сб. «К воле. Крепостное право в народной поэзии», М., ⟨1911⟩; эта статья в переработанном автором виде перепечатана в изд.: С. Н. Василенок и В. М. Сидельников, Устное поэтическое творчество народа. Хрестоматия, М., 1954, с. 319—332. Важным исследованием является недавно вышедшая книга К. В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв.», М., 1967.

1854 году даже выговор за напечатанную народную песню не слишком «вольного» содержания.[1]

Приводимые в настоящем сборнике несколько стихотворений фольклорного происхождения, приуроченных к тем или другим историческим персонажам или событиям — Аракчеев, восстание декабристов и другие — представлены здесь лишь в качестве характернейших образцов. (Взяты наиболее острые политические стихотворения, хронологически близкие к границам сборника). Герои этих стихотворений далеко не всегда точно соответствуют исторической действительности. Народная оппозиционная песня могла быть исторически верным воспроизведением реальных поступков того или иного героя, но под влиянием лирической книжной поэзии — особенно в начале века — могло быть и иначе: воспевался образ протестанта или борца вообще, лишь отчасти прикрепленный к реальному прототипу. «Народ здесь дает волю своей творческой фантазии, художественному вымыслу... Историзм их заключается в том, что в этих песнях народ выражает свое отношение к историческим событиям, лицам и обстоятельствам, выражает свое историческое самосознание. Историзм есть явление идейного порядка» — совершенно справедливо пишет В. Я. Пропп.[2]

Особый вопрос, остающийся до сих пор не разрешенным, — взаимоотношение этих народных песен с литературной традицией. Между вольной поэзией и фольклором существует определенная зависимость: их связывает прежде всего антикрепостническая тематика. Аналогично шел процесс взаимной диффузии фольклора и письменной литературы — песенники, ноты, сборники народных произведений фиксировали обращавшийся в народе материал. Этот материал усваивался поэтами и своеобразно отражался в их творчестве. С другой стороны, книжная литература становилась известной определенным кругам народа, так или иначе соприкасавшимся с дворянством, и оказывала на него влияние.[3]

В истории вольной русской поэзии основным материалом является все же традиция литературная. В литературном обиходе дворянской интеллигенции фольклор играл заранее отведенную ему роль.

---

[1] Указ. выше статья П. В. Шеина в «Русской старине», 1886, № 2, с. 484—485.

[2] В Я. Пропп, Об историзме русского фольклора и методах его изучения. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 339. Серия филологических наук, вып. 72, 1968, с. 9—10.

[3] Некоторые соображения о взаимоотношении фольклора и печатной литературы см. в назв. выше книге М. Н. Сперанского, с. 23 и след., с. 137 и след.

Характерно, что в агитационных песнях Рылеева — Бестужева четко различается целевая установка отдельных текстов; ориентированные на солдатскую и крестьянскую массу, выдержаны в духе народных песен.

Если в фольклоре протест, в той или иной форме, существовал издавна, то в литературе — лишь к концу XVIII века «оживает стихотворная сатира».[1] Она представлена и известными авторами и многими безвестными дилетантами. Такие поэты, как А. Н. Нахимов, Д. П. Горчаков, М. В. Милонов, С. Н. Марин, в сущности были очень далеки от революционных идеалов. Сатира дворянской фронды не возвышается до широких социальных обобщений, до понимания подлинных причин неравенства, им чуждо осознание классовых отношений общества. Но они верно подметили многие недостатки современного им строя, их, хотя бы «частная», сатира «на лица» была направлена против моральной распущенности, против невежества, пьянства, картежничества и гаремных нравов дворянства, — тем самым она становилась оппозиционной. Выполняя эти функции, она приобретала особое политическое звучание, перерастала в сатиру общественную, значит преследовалась цензурой и в результате становилась вольной поэзией. П. А. Вяземский имел полное основание сказать, что эти поэты «ознаменовали себя более рукописною, нежели печатною славою».[2]

Современный исследователь, Г. В. Ермакова-Битнер, справедливо указывает, что «многие сатиры XVIII века так и оставались, в силу остроты их содержания, в списках, но тем не менее, или именно благодаря этому, пользовались широкой известностью. В рукописном виде распространялись сатиры Горчакова, Марина, а также бесчисленное количество анонимных сатирических произведений, заполнявших тетради, рукописные книги. Многое из этого рукописного наследия XVIII века дошло до нас, но многое и пропало».[3]

2

Термин «вольная поэзия» имеет ряд синонимов: подпольная литература, «подземная» литература (Герцен), письменная литература, литература, презревшая печать, литература карманной славы и др.

[1] В. Н. Орлов, Сатирическая поэзия начала 1800-х годов. — «История русской литературы», т. 5, М.—Л., 1941, с. 227.

[2] Там же, с. 231.

[3] Г. В. Ермакова-Битнер, Вступ. статья к сб. «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 8—9; ср.: В. Н. Орлов, Подпольная поэзия 1770—1800 годов. — «Литературное наследство», № 9-10, М., 1933, с. 56.

Обычно вольной поэзией называется оппозиционная или революционная, вообще противоправительственная поэзия, распространяющаяся устно, в списках или иным нелегальным путем.

Таким образом, вольная поэзия — это поэзия агитационная по преимуществу. Если по тем или иным (хотя бы совершенно случайным) причинам революционное стихотворение не получило распространения, осталось в ящике письменного стола поэта, оно тем самым не участвовало в общественной борьбе эпохи, не сыграло той роли, какую могло сыграть, будь оно в активе поэтического фонда эпохи. Сегодня мы можем его найти, издать, прокомментировать, но всегда должны ясно представлять себе, что перед нами — исторический памятник, не оказавший своего влияния на современников. Так, к примеру, очень значительная сатира «первого декабриста» В. Ф. Раевского «Смеюсь и плачу» (1820?) не получила распространения в списках и увидела свет много десятилетий спустя (первые десять строк в 1909 году, а полностью лишь в 1949 году). Точно так же стихи петрашевца Д. Д. Ахшарумова, созданные в 40-х годах, было бы ошибочно ставить в один ряд со стихотворениями, обращавшимися в это время среди молодежи: они стали известны лишь спустя несколько десятилетий в авторской публикации.

Самое понятие вольной поэзии нуждается в детализации и уточнении.

Прежде всего — в вольную поэзию входит не только устная, рукописная, но и *печатная* литература. Каждый список — результат индивидуального труда. Напечатанное произведение имеет множество (в зависимости от тиража) сходных экземпляров. Это могут быть произведения, напечатанные в отечественных подпольных типографиях, литографиях, в более позднее время — на гектографе, на шапирографе и т. д. Все это печать, разумеется, бесцензурная.

В состав вольной поэзии входит и другая категория бесцензурных печатных произведений — изданных за рубежом. По большей части это книги, на которых обозначено место издания, год и издатель. Всякий знает Вольную русскую типографию Герцена в Лондоне или лейпцигские издания Вольфганга Гергарда (Gerhard). Сюда же, конечно, относятся и издания с ложным обозначением русских выходных данных, а в действительности изданные за границей. «Катехизис русского народа» И. Г. Головина был издан в Париже в 1849 году в типографии Dondey-Dupré, а вовсе не в Петербурге „у Павловича", как значится на книге. В более позднее время «Свободные русские песни», изданные в Берне, имеют на титульном листе и на обложке указание: «Кронштадт. В типографии главной брандвахты» (такой типографии никогда не существовало) и на обороте обложки мнимое

цензурное разрешение: «С.-Петербург, 3 мая 1863 г.». Порою указание откровенно издевательское: «Заветные русские сказки» изданы вторым изданием в Женеве в 1879 году, а на книге читаем: «Валаам. Тунарским художеством монашествующей братии». Издевка в данном случае тем сильнее, что содержание книги составляют в высшей степени нескромные сказочные сюжеты.

Трудно, в сущности невозможно, указать границы вольной и легальной поэзии. Это зыбкая линия, не маркированная какими-либо точными и определенными признаками, все время, в зависимости от ряда условий, изменяющаяся. То, что в одно время рассматривается в качестве произведения легального, может со временем, в результате читательского переосмысления и изменившихся исторических условий, перейти в категорию вольной литературы. И наоборот: «вольное» с течением времени становится легальным.

Но и здесь возможны градации. С точки зрения властей предержащих какое-либо произведение терпимо, то есть оно не вполне соответствует официальной идеологии, но в общем признается допустимым. Однако для некоторых категорий читателей, например для школьников, оно квалифицируется как вредное и не подлежащее распространению в этой среде. Русская цензурная практика знает целый ряд приемов, ограничивающих степень допущенности произведения.

Ограничение распространения издания резко влияло на его распродажу, на тираж и тем самым наносило значительный материальный урон и без того финансово слабым организациям, издателям, типографиям.

Цензура строго дифференцировала печатание в журнале, в сборнике, в отдельном издании. Журнал широко и быстро распространяется, его аудитория большая и разнообразная — вспомним, что Белинский влияние журнала ставил много выше влияния университетской кафедры, — в этом случае произведение оценивалось цензурой гораздо строже. Другое дело — в сборнике или в отдельном авторском издании, тираж которого часто невелик, а цена выше. Заключение цензора нередко именно таково: произведение неподходящее, но, учитывая, что речь идет об отдельном издании небольшого тиража и относительно высокой цены, считать возможным его разрешить к печати.

Стоит напомнить характерную судьбу отдельных произведений, которая вследствие цензурного запрета, далеко не всегда, с цензурной же точки зрения, обоснованного, складывалась очень своеобразно, переключая в ранг вольной поэзии стихотворения, не имеющие к ней прямого отношения.

Легально напечатанное в 1854 году в некрасовском «Современнике» стихотворение Тютчева «Пророчество» («Не гул молвы прошел в народе...») в отдельное издание стихов поэта 1854 года не вошло, запрещенное цензурой. Тогда оно попало в «Русскую потаенную литературу...» Огарева, а затем в «Лютню» и превратилось в стихотворение «вольное». К 1867 году его острота уже не ощущалась.

«Разговор в Трианоне» Каролины Павловой вызвал нападки цензуры и в 1849 году напечатан не был. Немедленно он стал распространяться в списках и попал в «Русскую потаенную литературу...», но несколько позднее, когда общественная ситуация изменилась, появился в авторском сборнике 1863 года. Цензор, видимо, рассудил, что сейчас запрещать произведение — значит усилить интерес к всегда привлекательному запретному плоду. Разрешить произведение к печати значит в известном смысле снизить к нему интерес.

В вольную поэзию издавна входит обширная категория поэтических и прозаических произведений, ставших запретными совершенно независимо от содержания, единственно по запретности имени автора.

Так, с 1826 года все произведения Рылеева, Одоевского, Кюхельбекера и других поэтов-декабристов на много десятилетий оказались в индексе «librorum prohibitorum» [1] российской цензуры: сюда попали и религиозные стихотворения Кюхельбекера, и романтическая проза Бестужева-Марлинского и пр. Лишь в очень немногих случаях удавалось, обманув бдительность цензуры, анонимно издать что-либо из произведений этих авторов. Для примера напомню, что в 1836 году с помощью Пушкина был издан «Русский Декамерон 1831 года» Кюхельбекера; гораздо позднее, в 1892 году, таким же образом, без указания автора, вышли «Очерки гоголевского периода русской литературы» Чернышевского.

Для истории «вольной музы» характерно, что в ее составе оказались произведения, напечатанные вполне легально. Одни легко, другие с затруднениями проходили цензуру, и каждое порознь не вызывало протестов или же ограничивалось искажением отдельных мест, но не давало повода к запрещению в целом. Но бытование стихотворения превратило его в «вольное». Так восприняли его читатели. Крамольным с точки зрения властей оказывалось не одно стихотворение, а сумма их, так сказать, общий смысл, их социальная направленность, иногда объединяющий их образ лирического героя и пр. «Собранные в один фокус — жгутся», [2] — говорил о стихах Некрасова Тургенев.

---

[1] Запрещенных книг (лат.).

[2] Письмо к Е. Я. Колбасину от 14 (26) декабря 1856. — И. С. Тургенев, Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 3, М.—Л., 1961, с. 56.

Именно таким было воздействие на передовую русскую молодежь 1820-х годов поэзии Пушкина: она воспитала в духе «вольномыслия» целое поколение. Шеф жандармов гр. А. Х. Бенкендорф уже в конце 1820-х — начале 1830-х годов совершенно справедливо отмечал, что «кумиром» передовой молодежи (он употреблял даже термин «партии») является Пушкин, революционные стихи которого, «как «Кинжал» (Занда), «Ода на вольность» и т. д. и т. д. переписываются и раздаются направо и налево». [1]

А на другом конце социальной лестницы о том же свидетельствовал разночинец Белинский в середине 1840-х годов в пятой статье о Пушкине: «И эти поэмы читались всею грамотною Россиею: они ходили в тетрадках, переписывались девушками, охотницами до стишков, учениками на школьных скамейках, украдкою от учителя, сидельцами за прилавками магазинов и лавок. И это делалось не только в столицах, но даже в уездных захолустьях». [2]

Материал о «вольном» распространении стихов Пушкина очень велик и разнообразен. «Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой», — писал Николаю I из Петропавловской крепости декабрист В. И. Штейнгель. [3] Ему вторили показания В. А. Дивова, М. П. Бестужева-Рюмина и др. Последний указывал, что «рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полка́м, что это нас самих удивляло» («везде читал я стихи Пушкина, с восторгом читанные», — сообщал он же). [4]

В 1826 году молодой унтер-офицер говорил Н. А. Бестужеву о стихах Рылеева, «что у них нет канонира, который, умея грамоте, не имел бы переписанных этого рода сочинений и особенно песен Рылеева». [5]

---

[1] Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. С предисловием А. Сергеева. — «Красный архив», т. 38, 1930, с. 141—142.

[2] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 7, М., 1955, с. 320. Ср.: Т. Пассек, Из дальних лет, т. 1, М., 1963, с. 238.

[3] «Русская мысль», 1910, № 6, с. 5.

[4] Там же, с. 6.

[5] Н. А. Бестужев, Воспоминание о Кондратье Федоровиче Рылееве. — «Полярная звезда на 1861», кн. 6, Лондон, с. 21; ср. показания Василия Критского, приведенные в статье Л. А. Мандрыкиной «После 14 декабря 1825 г. (Агитаторы конца 20-х — начала 30-х годов)». — Сб. «Декабристы и их время. Материалы и исследования», М.—Л., 1951, с. 229; см. еще показание студента Харьковского университета В. Розалион-Сошальского (1827) в «Голосе минувшего», 1914, № 7-8, с. 97.

«В бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством», — писал осторожный и осведомленный Жуковский в дружески наставительном письме к Пушкину от 12 апреля 1826 года.[1]

Герцен резюмировал эту всеобщую распространенность стихов Пушкина и Рылеева в работе «О развитии революционных идей в России» (1850) следующими словами, близкими по смыслу словам Белинского: «Революционные стихи Рылеева и Пушкина можно найти в руках у молодых людей в самых отдаленных областях империи. Нет ни одной благовоспитанной барышни, которая не знала бы их наизусть, ни одного офицера, который не носил бы их в своей полевой сумке, ни одного поповича, который не снял бы с них дюжину копий. В последние годы (1851) пыл этот значительно охладел, ибо они уже сделали свое дело: целое поколение подверглось влиянию этой пылкой юношеской пропаганды».[2]

Современники знали не менее двадцати пяти «вольнодумческих» стихотворений Пушкина, не считая еще большего количества апокрифических, ему приписывавшихся.

Но в истории вольной поэзии бывали и иные эпизоды. Случалось, что только одно стихотворение какого-либо автора приобретало ни с чем не сравнимую популярность. Так произошло, например, со стихотворением Плещеева «Вперед, без страха и сомненья. . .». Оно было напечатано в 1846 году с ведома и разрешения цензуры с некоторыми искажениями. Кто мог предвидеть, чем оно станет несколько лет спустя и как долго оно будет бытовать в качестве «марсельезы» или «гимна» передовой молодежи, до самого конца XIX века распространяясь в бесчисленном количестве списков. Строки этого стихотворения произнес Н. И. Кашкин, прощаясь с друзьями по кружку М. В. Петрашевского на Семеновском плацу, в ожидании расстрела.

Фонд вольной поэзии существенно пополнялся также и за счет переосмысления.

Современники не просто читают стихотворение, а сплошь и рядом вычитывают из него то, чего им хочется, чего они ждут. Революционно настроенный читатель буквально цепляется за всякий повод, чтобы усмотреть вольномыслие там, где автор этого нередко и не имел в виду. Бывают стихотворения, вообще никак не связанные с вольнолюбивыми чаяниями народа. Они стали таковыми лишь в процессе переосмысления. Например, своеобразный, по меткому определе-

---

[1] Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, 1937, с. 271.
[2] А. И. Герцен, Собр. соч., т. 7, М., 1956, с. 198.

нию В. Г. Короленко, «волго-разбойничий романтизм» стихотворения «Есть на Волге утес, диким мохом оброс. . .» (вероятно, 1864 года) превратил это стихотворение в «вольное». В 1872 году оно даже было издано в Женеве отдельной листовкой, надо полагать к вящему неудовольствию его автора, видного чиновника военно-судебного ведомства, генерал-лейтенанта А. А. Навроцкого. В 1879—1882 годы он редактировал консервативный журнал «Русская речь», а в 1905 году превратился в черносотенца. Написанное им и легально напечатанное в «Вестнике Европы» 1870 года стихотворение стало одной из любимых песен целого поколения. Ее особенно любил волжанин Александр Ильич Ульянов; в обвинительном заключении по процессу «193-х» это стихотворение фигурирует не менее 15 раз! [1]

Каждое поколение читает произведение по-своему, и следующее может вовсе не найти того, что находили предшественники. Возможно, конечно, и обратное: потомки находят то, чего не замечали отцы и деды, все зависит от эпохи. Произведение не просто существует, а всегда, даже при текстовой устойчивости, изменяет с течением времени свой смысл. Эпоха и определяет то или другое прочтение, то или иное приуроченье.

Выразительный пример — стихотворение Пушкина «Андрей Шенье». В отрывке под произвольным заглавием «На 14 декабря» оно стало ходить по рукам как прямой отклик на события 1825 года; в течение нескольких месяцев эта история серьезно беспокоила поэта. Она окончилась учреждением за ним секретного полицейского надзора.

В 1830 году в альманахе «Денница» с ведома и разрешения цензуры было напечатано ничем особенно не примечательное стихотворение поэтессы С. Тепловой «К***». Оно начиналось строками:

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена. . .

Этого было достаточно, чтобы власти (может быть, по доносу Ф. В. Булгарина) заподозрили в стихотворении обращение к Рылееву. Цензор С. Н. Глинка попал на гауптвахту и лишился должности. Издатель альманаха М. А. Максимович был вызван к московскому полицеймейстеру для допроса; из осторожности он перед тем взял у С. Тепловой подписку, что она автор стихотворения.

---

[1] Сб. «Процесс 193-х». Предисловие В. Каллаша, М., 1906, с. 1—181.

А между тем стихотворение было написано на смерть утонувшего юноши.[1]

Современники знали всю эту историю лишь по слухам и воспользовались предложенным адресом: в списках стихи стали обращаться с заглавием «К Рылееву».

Вообще подобные переосмысления — важный источник пополнения фонда вольной поэзии. Так, в 1820-е годы, незадолго до восстания декабристов, все касавшееся борьбы греков за свою независимость звучало как политически актуальное для русской действительности. Поэтому «Военный гимн» Гнедича (1821), «Греческая песнь» Кюхельбекера (1821), «Греческая ода» Туманского (1826) — вещи с «душком». Сюда относится и обнаруженная мною «Военная песнь греков» за подписью: Ф. Г., то есть скорее всего Федора Глинки. Стихотворение он, очевидно, опубликовать не мог, а может быть, поостерегся.

Доколь нам, други, в тяжком рабстве
Страдать под игом агарян!..
...Настал желанный мести час!
Внемлите голосу отчизны,
Она, рыдая, кличет вас...
Восстань гроза и честь народа,
Свобода Греции, свобода!

Все это в 1820-х годах, когда идеи «Союза Благоденствия» носились в воздухе, получало совершенно определенную политическую окраску. Такой подтекст зрители находили в репликах Димитрия в трагедии Озерова «Димитрий Донской», посвященной Куликовской битве XIV века. В 1807 году они воспринимались как намеки, связанные с надеждами на свободу («И свергнуть наконец насильствия ярем!»), или как протест против унижения России после войны 1805 года.

Это переосмысление — обязательное условие продления жизни стихотворения, написанного в одну историческую эпоху и продолжающего существовать в другую, более позднюю. Стихи Пушкина, Лермонтова, Рылеева, Плещеева и многие другие — достаточно яркие примеры.

Само собою разумеется, что стихотворения, написанные в одну эпоху, могут продолжать свою полноценную жизнь в памяти поко-

---

[1] М. Н. Лонгинов, Памятная тетрадь (ПД); см. его же «Письмо к редактору». — «Русский вестник». Современная летопись, 1861, май, № 20, с. 32; М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, изд. 2, М., 1869, с. 109—111.

лений бесконечно долго вследствие своих эстетических качеств, своего революционного пафоса, имени поэта и т. д. Но если политическое звучание для нового поколения ослаблено или утрачено — стихотворение для вольной поэзии перестает существовать, не имеет уже революционно-действенного значения. Анахронизм уничтожает в произведении его действенный, агитационный смысл.

Таким образом, «вольность» стихотворения не является какой-то непреходящей категорией, присущей ему раз и навсегда. Перед нами сложное историческое понятие, вариантное по отношению к разным эпохам.

В качестве примера можно назвать «Вольность» Радищева. При всей своей силе это замечательное произведение для разночинского периода революционной борьбы не могло быть программным, соответственно и копии этой оды сравнительно редко встречаются во второй половине XIX века.

Очень точное подтверждение этой мысли находим у Ф. Энгельса.

В 1885 году руководитель социал-демократического издательства в Цюрихе Герман Шлютер хотел издать сборник немецких революционных стихотворений для рабочих и обратился к Энгельсу с вопросом о революционных песнях 1848 года.

15 мая 1885 года Энгельс ответил своему корреспонденту: «Вообще говоря, поэзия прошлых революций (конечно, за исключением «Марсельезы») редко звучит по-революционному в позднейшие времена, так как, для того чтобы воздействовать на массы, она должна отражать и предрассудки масс того времени». Именно этим Энгельс объясняет «религиозную чепуху даже у чартистов», именно этим объясняется, что «„Марсельезой“ крестьянской войны» был хорал Мартина Лютера «Господь — наш истинный оплот».[1] Гейне этот хорал назвал «Марсельезой Реформации».

В зависимости от исторических условий в фонд вольной поэзии могут входить стихотворения, непочтительные по отношению к религии. «Нельзя быть с богом запанибрата», — говорил И. А. Крылов М. П. Погодину. Когда религия есть органическая часть государственного аппарата, неуважение к ней есть посягательство на основы государства. Атеисты всегда числились в разряде «потрясователей» основ. Здесь не могло быть различия между произведениями оригинальными и переводными (хотя обычно цензура дифференцировала свое к ним отношение). «Орлеанская девственница» Вольтера или «Диспут» Гейне были столь же неприемлемы, как и «Гавриилиада» Пушкина. Детали биографии «богочеловека» Иисуса Христа, изла-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, М., 1964, с. 269, 268.

гаемые наравне с биографией любого человека, делали произведение безусловно запретным.

Вообще использование религии не по ее прямому назначению, тем более в ироническом контексте, превращало стихотворение, с цензурной точки зрения, в еретический документ. Нельзя, к примеру, было писать полушутливые стихи, начиняя их великопостной молитвой Ефрема Сирина (IV в.). Так, относительно невинное, полушутливое четверостишие Тютчева начала 1820-х годов:

«Не дай нам духу празднословья»!
Итак, от нынешнего дня
Ты в силу нашего условья
Молитв не требуй от меня, —

увидело свет лишь в лондонском сборнике Огарева «Русская потаенная литература...».

Стихотворения, посвященные солдатскому постою или экзаменам на чины (конец XVIII и начало XIX века), были построены так, что все вторые (или третьи) строки представляли собою разложенный на части текст православной молитвы «Отче наш». Конечно, такой «слоеный пирог» мог распространяться только в списках:

Государь! Мы, сыновья России, зовем к тебе —
Отче наш!
Мудр, любезен нам и кроток,
Иже еси...

и т. д.

Всякое сниженное, приземленное истолкование религиозного образа преследовалось как государственное преступление. Кощунственно, например, выглядел «Разговор двух крестьянок-старух в великую субботу», с нарочитой реалистической наивностью обсуждавших смерть Христа:

Разе не нашего он, мол, приходу?
В нашем Христов-то, кажись, не бывало...

Там, где обращение к господу богу оставалось в границах чистой лирики, оно не вызывало протеста. «Молитва» («Я, матерь божия, ныне с молитвою...») и другое стихотворение Лермонтова с таким же заглавием («В минуту жизни трудную...»), третье, его же, «Не обвиняй меня, Всесильный...» благополучно прошли через

цензуру. Но когда Лермонтов посмел обратиться к богу с практическими просьбами, да еще в форме легкого куплета:

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня... —

то эта четвертая его «молитва», начиная с заглавия («Юнкерская молитва»), оказалась безусловно запретной и не могла увидеть света в России в течение многих лет.

Далеко не вся вольная поэзия вообще враждебна религии. Некоторые гражданские поэты XVIII века пытались использовать религию, призывая к социальной справедливости; не чуждо это стремление и некоторым поэтам-декабристам (вспомним Кюхельбекера). Хорошо известно, что идеи утопического социализма Фурье и Сен-Симона подкреплялись ссылками на христианское вероучение. Фурье прямо писал о том, что «социальный строй, предназначенный человечеству, действительно составляет часть царства небесного в качестве царства справедливости, прообраза небесных гармоний».[1]

Именно поэтому петрашевец С. Ф. Дуров в 1849 году, якобы обугленной спичкой на переплете книги, написал стихотворение «Из апостола Иоанна». Чтобы понять его революционный смысл, надо понимать настроения Дурова, опосредствованные идеями фурьеристов; вполне закономерно, что стихотворение было впервые напечатано за границей в «Лютне».

В целях борьбы с самодержавием свободная литература использовала самый разнообразный материал: в 1830-х годах выяснилось, что один из памятников старообрядческой сатирической поэзии стал распространяться в списках в совсем иных кругах. В этом была своя логика. Старообрядцы были на положении гонимых и преследуемых правительством. В некоторых их песнях отчетливо звучали демократические мотивы: неприятие мира ростовщиков, богатеев, «вельмож» (см. с. 470 наст. издания).

В истории поэзии религиозное вольномыслие порою сочетается с большим или меньшим эротическим привкусом. И Ветхий и Новый завет давали для этого немало поводов; «Гавриилиада», в качестве примера, снова напрашивается сама собою. Но эротика, даже вне всякой религии, исторически обязательно должна учитываться как

---

[1] «Новый промышленный и общественный мир». — Ш. Фурье, Избр. соч., т. 2, М., 1939, с. 342.

элемент вольной поэзии в XVIII — первой половине XIX века. Поскольку эротические вольности были эпатажем старого поколения и властей предержащих, они бросали вызов, выражали непочтение, хотя бы это и были стихотворения, по словам Герцена, «более нечистые, нежели возмутительные».[1] Конечно, здесь необходима дифференциация. Юнкерские поэмы Лермонтова или «Стихи не для дам» М. Н. Лонгинова — порнография, не имеющая касательства к вольной поэзии, а «Царь Никита» Пушкина или «Опасный сосед» В. Л. Пушкина все-таки с ней соприкасаются. Примечательно, что декабрист барон В. И. Штейнгель на следствии, отвечая на вопрос о происхождении его свободного образа мыслей, вспомнил в ряду прочих поэтов Баркова.[2] Значит, в пресловутой «барковщине» современники чувствовали не одно только сквернословие и похабщину, но замечали и сатиру нравов, и злое обличение отмиравшего.[3]

Как говорилось, главный признак вольной поэзии — это прежде всего революционный (бунтарский или оппозиционный) смысл произведения, чем определялось потаенное существование этой поэзии. Однако известно, что нелегально распространялись и произведения, вышедшие из реакционного лагеря. Это, так сказать, вольная поэзия с обратным знаком. Она тоже, по разным основаниям, оказывалась запретной и бытовала в списках, под полой, хотя ни в малой степени не колебала основ самодержавного строя.

Вокруг «Гимна бороде» Ломоносова (1757) началась продолжительная стихотворная (и не только стихотворная) полемика. Ответ Ломоносову «Переодетая голова, или Имн пьяной бороде» написал не то епископ Сильвестр Кулябка, не то епископ Димитрий Сеченов. Он оказался невозможным для печати, и отнюдь не за грубость, и не только за «низость» темы, а потому, что самая тема — «Борода предорогая! Жаль, что ты не крещена И что тела часть срамная Тем тебе предпочтена» — была недопустима.

Иные современники отрицательно отнеслись к восстанию декабристов. Были созданы сатирические художественно убогие куплеты на декабристов, написанные от имени Якубовича, Бестужева, Кюхельбекера, Каховского, Рылеева и др.[4] Обнаружение их не

---

[1] В. П. Гурьянов, Допросы Герцена и Огарева в июле 1834 года. — «Литературное наследство», № 63, М., 1956, с. 278. «Возмутительные» в значении — призывающие к неповиновению.

[2] «Русская мысль», 1910, № 6, с. 5.

[3] На это недавно обратил внимание Г. П. Макогоненко в статье «Враг парнасских уз». — «Русская литература», 1964, № 4, с. 136—148.

[4] См.: М. О. Ковалевский, Сатирические куплеты на декабристов. — «Каторга и ссылка», 1927, № 5, с. 78—82.

грозило авторам или обладателям списков какими-либо репрессиями, но тем не менее печатать их было немыслимо, так как они касались темы, вообще строго запрещенной, и распространялись в списках. Тем самым они представляют собою своеобразный документ вольной поэзии навыворот. [1]

Среди бумаг Д. И. Хвостова сохранилось стихотворение «Голос осужденного в темнице», — оно представляет собою покаяние приговоренного к смертной казни декабриста (в некоторых списках автором его указан Рылеев), сознающего всю меру совершенного им преступления:

Я слышал смертный приговор —
Моим злодействам воздаянье,
С зарею ждет меня позор
И пéтля перервет дыханье...
Умру! И труп бездушный мой
На дно морской пучины скроют...
Не плач прощальный надо мной,
Но волны бурные завоют.
Никто слезою сожаленья
Мою кончину не почтит,
Я знаю — смерть за преступленье
Одно проклятие сулит...

и т. д. еще двадцать строк. [2]

Стихотворение Пушкина «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю Хвалу свободную слагаю...», 1828) было сложным выражением политической программы поэта, но внешне и с официальной точки зрения не содержало ничего крамольного. Тем не менее Николай I рассудил по-своему — он сам предложил сделать стихотворение полулегальным и тем самым апробировал ненаказуемость распространения стихотворения, как он полагал, для него выигрышного. Его резолюция: «Cela peut courir, mais pas être imprimé» («Это можно распространять, но нельзя печатать»), [3] — интерпретировала стихотворение как хорошее, но, по монаршей скромности, не подлежащее печатанию. Тем самым Николай I (другое дело — верно или неверно) истолковывал стихотворение как верноподданническое.

---

[1] Среди материалов ЦГАЛИ сохранился такого рода сборник, по-видимому принадлежавший или составленный В. И. Аскоченским, содержащий по преимуществу религиозные и верноподданнические стихотворения (Коллекция различных поступлений).

[2] ПД, фонд Д. И. Хвостова.

[3] Пушкин, Соч., т. 4, СПб., 1910, с. LXII.

Революционные стихотворения В. Я. Зубова «Взойдет ли, наконец, друзья...» и «Что значат эти увещанья...» вызвали стихотворные «Возражения» анонима и некоего Николая Цыбульского в двести и в сто тридцать строк! Оба эти ответа тоже, по свидетельству современников, распространялись в списках.[1]

Легально напечатанное в 1846 году стихотворение Е. П. Ростопчиной «Насильный брак» вызвало большой шум, всякое упоминание об этой «рыцарской балладе» в печати не допускалось. Потому и ответы А. С. Голицына и Е. П. Рудыковского, написанные с реакционных позиций (первый, возможно, написан по заказу III Отделения), распространялись в списках и были напечатаны лишь спустя несколько десятилетий. Стихотворная подпольная полемика завершилась стихотворением Ростопчиной «Дума вассалов».[2]

Правительство подозрительно относилось к литературно-общественной деятельности славянофилов, которые отнюдь не были врагами самодержавия: панславизм («Пади пред ним, о царь России, — И встань как всеславянский царь!»), превознесение допетровских порядков, религиозность, не считавшаяся с нормами официальной политики, были часто не по нутру властям. Все это было не то что опасно, но шло вразрез с планами правительства. Недавно стала известна следующая политическая аттестация славянофилов: «По разным слухам и негласным дознаниям можно предположить, что так называемые славянофилы составляют у нас тайное политическое общество». Отмечалось, будто бы это общество «развивает общинные или демократические начала», что оно «вредное по своему составу и началам».[3] Нет нужды объяснять, насколько все здесь преувеличено: боявшееся любой свободной мысли правительство в независимости славянофилов, не желавших принимать некоторые стороны самодержавия, не желавших плясать под дудку властей, немедленно усмотрело крамолу. В этом причина того, что произведения таких бардов славянофильства, как А. С. Хомяков или И. С. Аксаков, вызывали цензурные гонения.[4]

Историческая диалектика заключается в том, что стихотворения, менее всего имевшие в виду разрушение самодержавного строя,

---

[1] А. Н. Петров, Скобелев и Пушкин. — «Русская старина», 1871, № 12, с. 672.

[2] См. вступ. заметку на с. 543.

[3] См.: Е. А. Маймин, А. С. Хомяков как поэт. — «Пушкинский сборник», Псков, 1968, с. 69.

[4] Такого рода басня Л. Ар, «Садовник» (Москва, 1845), напечатанная лишь через полвека в «Русском архиве», 1898, № 9, с. 146—147.

оказывались действительно протестантскими и по праву входят в вольную поэзию. Хомяков и И. Аксаков любили Россию, и именно их патриотическое чувство диктовало им разоблачение казнокрадства, взяточничества, бюрократического порядка управления, военной и промышленной отсталости и т. д. Вспомним, что Чернышевский, достаточно скептически относившийся к концепции славянофилов, неизменно признавал, что «горячая ревность к основному началу всякого блага, просвещению, одушевляет их».[1] Это то, о чем с такой искренностью и болью за свою родину высказался Хомяков в стихотворении «России»:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени, мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

Стихотворение было задумано как патриотическое: «...ведь надобно было правду сказать», — объяснял автор. А иные современники восприняли стихотворение как «позорное», поэта считали «клеветником», «отступным сыном», «гордецом» и т. д.[2] За эти стихи его едва не сослали, а фактически автор их не был врагом существующего строя.

Самодержавие, по словам Б. Н. Чичерина, «не терпело независимости мнений ни в славянофилах, ни в западниках и воспрещало всякое уклонение от принятой формы». Славянофилам «не разрешалось иметь свои мысли и стремления».[3]

В итоге — идеология, позволявшая себе лишь некоторое фрондерство, готовая поддерживать существующий строй с теми или иными коррективами, воспринималась и интерпретировалась чуть ли не как посягательство на «основы».

Таким образом, вольная тематика в разных ее вариантах — определенный исторический факт, требующий внимательного изучения.

В последнее время наметилась тенденция едва ли не каждое запрещенное царской цензурой произведение считать принадлежащим к разряду «вольных».

---

[1] «Очерки гоголевского периода русской литературы». — Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 78.

[2] См. указ. статью Е. А. Маймина, с. 100—102.

[3] Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, с. 240.

Думается, что вводить в этот фонд любой запретный в свое время материал излишне и неправомерно. С особой осторожностью следует относиться к материалу местному. Бесконечная вереница доморощенных пиитов по любому поводу, после столкновения с начальством, слагала вирши. Но не всякое стихотворение, осмеивающее начальство, — уже вольная поэзия, хотя вольная поэзия, в определенном смысле, именно борьба с начальством. Достоянием вольной поэзии может быть и какая-либо емкая революционная тема, и какой-либо конкретный факт — смерть или увольнение отдельного лица. Например, смерть Потемкина или отставка Клейнмихеля были именно такого рода общественными событиями; соответствующие стихотворения представлены в сборнике.

Судьба отдельных произведений вольной поэзии очень разнообразна. Иные оставались только фактом устного бытования, записывать их боялись, или же стихотворение не пользовалось достаточным успехом, и записи его случайны и немногочисленны.

Лучшее фиксировалось в рукописи, распространялось в списках, а со временем то, что выдерживало испытание временем (или же сразу приобретало популярность), предавалось тиснению.

Впрочем, этот путь: устное бытование — рукописный список — печать — далеко не всегда проходил именно в такой последовательности. Нередко рукопись превращалась снова в устный текст, а улика уничтожалась. При переписке, а еще больше в устном бытовании, возникали варианты. Этот устный текст в некоторый момент снова записывался или печатался, но уже в новой редакции. Во всем этом, конечно, были элементы случайности.

Иные стихотворения, по содержанию близко соприкасаясь с вольной поэзией, все же в нее не перешли: цензура то ли не доглядела, то ли не поняла смысла стихотворения, то ли были иные, иногда личные, причины, но стихотворение было легально напечатано и все время легально перепечатывалось. Такова, например, «Ода на разрушение Вавилона» А. Ф. Мерзлякова, которая вполне могла стать типичным памятником вольной литературы. Написанная в 1801, а напечатанная в 1805 году, она представляла собою отклик на убийство Павла I — тема едва ли цензурно допустимая; впрочем, в 1812 году она была переосмыслена как инвектива против Наполеона.

Таким образом, мы можем наметить три основные формы, в которых до нас дошли памятники вольной поэзии. Что касается устного бытования стихотворений первой или второй половины XIX века, то оно прекратилось ко времени Февральской и Октябрьской революций и в ближайшие к ним годы, когда были сделаны

многие записи произведений, передававшихся из поколения в поколение по памяти.

В разные исторические периоды вольная поэзия адресуется к дворянству, а потом к разночинной интеллигенции; постепенно все более и более демократизируясь, круг адресатов расширяется, захватывая солдатские, крестьянские, а еще позднее — и рабочие массы. Это не значит, что когда основной адресат — дворянство, не может быть и побочный, второй адрес — например, солдатская среда (вспомним агитационные песни Рылеева — Бестужева). Все же соответственно в дворянский, разночинный и пролетарский этапы истории русского революционного движения агитационно-пропагандистская установка — на основной «объект» данного времени. В этом рациональный смысл существования вольной поэзии, без чего она теряет свое значение. Она всегда должна быть доходчива и понятна. То, что не будет понято, — не дойдет, то есть пропадет втуне, не выполнит своей основной задачи. Текст стихотворения становился особенно доходчивым в песенном исполнении, особенно если песня приспособлена для исполнения на знакомый, популярный мотив. Поэтому в песенниках или в пропагандистских сборниках сплошь и рядом указано: «На голос...». Агитационные песни Рылеева — Бестужева так прямо и названы «подблюдными».

Гораздо большее распространение получил другой тип вольной поэзии — стихотворение говорного типа, ориентированное не на пение, а на чтение или, условно говоря, на декламацию.

Из сказанного следует, что вольная поэзия — и это тоже ее обязательное и непременное условие — традиционна в лучшем смысле этого слова. Это, в частности, означает, что она — не площадка для художественных экспериментов. Как правило, она может использовать только то, что безусловно и прочно вошло в литературный обиход.

3

Обширный корпус стихотворений, охваченных этой книгой, дает картину развития вольной лирики за сто лет, начиная с Ломоносова. Здесь собраны и полуфольклорные произведения, еще написанные виршами, и специфические для XVIII века оды; сатиры, элегии и ноэли начала XIX века; многочисленные стихотворения, авторские и безымянные, — от произведений Пушкина до более или менее удачных строк анонимного автора, быть может несколько раз в жизни прибегнувшего к сочинению стихов. Здесь представлены и эпическая поэзия, и драматическая.

Самый распространенный «жанр» вольной поэзии — небольшое стихотворение. Под этим названием подразумеваются и «говорное» стихотворение, и стихотворение, ставшее песней или романсом. Иногда (реже) — это переложения, сделанные композиторами, или народное приспособление к подходящему мотиву.

Для самого старшего периода надо выделить оды и духовные стихотворения. В поэтике классицизма ода обычно бывала произведением гражданского плана, особенно там, где она воспевала патриотизм, храбрость, честь и достоинство героя. Именно поэтому ода смогла в некоторые моменты своего развития обратиться к критике социального зла. «Вольность» Радищева и Пушкина или «Ода на рабство» Капниста — примеры, не требующие комментариев.

Очень популярны до конца первой четверти XIX века были многочисленные переложения псалмов. У многих авторов эти стихотворения представляли собою действительное выражение их религиозного мировоззрения. А в вольную поэзию вошли те, которые имели второй план; иногда это отвечало намерениям поэта, иногда такое переосмысление принадлежало читателям. Тогда самые, казалось бы, ортодоксальные стихотворения приобретали качество оппозиционных, протестантских или даже «якобинских», то есть революционных.

Никто, надо полагать, не решился бы утверждать, что Библия — книга, призывающая к неповиновению властям. Между тем характер тех или иных религиозных легенд позволял вкладывать в них смысл, ведущий очень далеко. При этом даже самая бдительная цензура далеко не всегда имела формальные основания для вмешательства; автор же принимал позу благонамеренного сочинителя. Так оказалось, что «Властителям и судиям» Державина — уже не просто переложение 81-го псалма Давида, а начальный этап русской гражданской поэзии, исходная точка пути: Державин — Рылеев — Некрасов. «Плач плененных иудеев» Глинки не столько переложение 136-го псалма, сколько тоска современной молодежи, лишенной свободы мысли. Строки:

Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют! —

звучали как формула эпохи. Невольно вспоминается генерал Л. В. Дубельт или, по другой версии, — И. П. Липранди (историк и военный деятель, близкий к III Отделению), который говаривал, что в Евангелии кое-что следовало бы почеркать...

В минимальной степени вольная поэзия использует драму.

Широчайшая распространенность в списках «Горя от ума» — случай, не имеющий прецедентов.

Что касается поэмы, то относительно большой размер произведений этого жанра мешал его рукописному распространению и устному бытованию (особенно в первой половине XIX века). Конечно, здесь должны быть учтены отдельные исключения и прежде всего «Сашка» А. И. Полежаева, «Гавриилиада» Пушкина. Длиннейшие «Войнаровский» К. Ф. Рылеева, «Торжество смерти» В. С. Печерина, «Юмор» Н. П. Огарева, «Жизнь чиновника» И. С. Аксакова и «Поправка обстоятельств...» П. А. Федотова — все это случаи не самые характерные и имевшие каждый раз особые, веские причины распространенности — прежде всего имя автора и его судьбу.

Немалое место среди использованных вольной поэзией жанров занимает басня. И это понятно: ведь басенное творчество, по словам Белинского, — это целое «сатирическое направление, столь важное и благодетельное, столь живое и действительное для общества».[1] Сюжет басни допускает многозначное толкование, и в этом залог ее бесконечно долгого и постоянно обновляющегося существования.

Цензура, в общем, к басне относилась снисходительно — прямых поводов к запрещению почти не бывало, а цензор имел право мыслить только конкретно; эвфемизмы, второй смысл, эзопову речь, иносказания, «канупер» (по выражению увековеченного Некрасовым цензора) он мог, если хотел, не замечать, а нередко и не мог заметить по низкому уровню своего развития.

Емкость поэтического смысла басни, возможности самого разнообразного приурочения и толкования, условность ее персонажей, доступность самым широким читательским кругам, независимо от образования и социального положения, определили всеобщую популярность этого жанра.

А между тем по сути своей басня далеко не безобидна. Уместно вспомнить о реплике Загорецкого в «Горе от ума»:

А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

---

[1] «Портретная галерея русских писателей. Кантемир». — В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1955, с. 615.

Получалось любопытное и парадоксальное явление: басня часто звучала в своих аллегорических обличениях чрезвычайно сильно, но, вследствие своей прикровенности и многозначности, страдала от цензуры гораздо меньше, чем любой другой жанр. Чтобы запретить басню, нужны были дополнительные основания, например упорные пересуды современников. В конце концов две басни Хемницера, четыре (из более чем двухсот!) басни Крылова, три басни Дениса Давыдова — вот почти вся «пожива» цензуры. А в фонд вольной поэзии вошло несколько десятков басен. Крыловский афоризм о том, что «истина сноснее вполоткрыта», блистательно подтвердился.

Особое место в вольной поэзии занимает эпиграмма — жанр достаточно емкий по своим сатирическим возможностям. Эпиграмма сплошь да рядом — выпад, осмеяние того или иного недостатка, той или другой черты данного лица, неудачи какого-то произведения и т. д. При этом эпиграмма может касаться своим жалом и основ существующего порядка, может осмеивать одно конкретное лицо, но так, что в нем дискредитируется весь режим; таковы, например, эпиграммы Пушкина на Александра I, на Карамзина.

Жанр эпиграммы основан на неожиданности, на остроумии заключительного point'а — он и делает ее особенно привлекательной и популярной, а исключительная краткость (в подавляющем большинстве случаев две или четыре строки) определяет легкость запоминания и устной передачи; именно таков преимущественный путь ее распространения.

Популярности эпиграммы очень способствует прозрачность ее адресата. Она без всяких затруднений характеризует симпатии и антипатии, определяя их, так сказать, «в лоб»:

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!

(«Евгений Онегин», гл. 6)

Эпиграмма по большей части достигает печатного станка, когда непосредственная острота и актуальность уже утрачены, когда она, в большей или меньшей степени, становится анахронизмом. Существующие списки очень ненадежны, в них многочисленные читатель-

ские варианты, часты произвольные переадресовки, неверны указания дат. Почти невозможно различать авторов по стилю эпиграммы. Отсюда — и в устной традиции, и в списках, и в печати — самые неожиданные атрибуции.

Большинство перечисленных здесь жанров в вольной поэзии встречается в двух вариантах — в подлинном, так сказать, виде и в качестве пародии. Точнее сказать, в упрощенной форме пародии — в перепеве.

Пародия в своем основном виде преследует цель — обнажить и скомпрометировать определенную поэтическую систему. Перепев ставит перед собой иную задачу. Он использует хорошо знакомый материал, иногда даже сохраняет в неприкосновенности часть текста, но препарирует этот текст так, что новое содержание контрастирует с оригиналом, — этим и достигается комическое и сатирическое впечатление. Знакомый материал обеспечивает легкость запоминания. Перепев сродни травестии, смысл которой в том, чтобы содержание подлинника «перелицевать» так, чтобы оно звучало комически.

Тем самым определяется и основное условие доходчивости перепева. В сознании слушателя или читателя он накладывается на перепеваемый материал и звучит по контрасту с ним; вне этого он не существует. Слушатель подсознательно все время сравнивает новый текст с тем, который ему хорошо известен. Если же оригинал читателю неизвестен — новый текст или совсем не выполнит своего задания, или же дойдет лишь в небольшой степени. Иногда перепев представлял собою своеобразное двухэтажное построение.

Воспитанное в религиозных традициях, поколение людей конца XVIII века хорошо знало библейские тексты, и, в частности, книгу Иова. Почти столь же хорошо была известна ломоносовская «Ода, выбранная из Иова» (между 1743—1751 годами), представлявшая собою довольно точное переложение некоторых ее глав. А полвека спустя эта ода была перепета С. Н. Мариным, прямо объяснившим в заглавии, к какому оригиналу она восходит. Высокая тема превратилась в жалобу недовольного офицера. Современники, хорошо знавшие и Библию и оду Ломоносова, с большой симпатией восприняли антипавловскую сатиру. Если бы «прототипы» были неизвестны — не прозвучал бы и перепев.

Один из наиболее частых приемов перепева в вольной русской поэзии — превращение так называемой чистой лирики в острую социальную сатиру.

Каждый читатель — от школьника до старика — знает один из пушкинских шедевров:

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя...

Стихотворение посвящено теме любви, разлуки, «одинокого гулянья в тиши полей, в тени лесной» — одним словом, всему тому, что безусловно относится к области интимной лирики.

Приблизительно в середине 1840-х годов это стихотворение послужило основою ставшего очень популярным и бесконечное число раз воспроизведенного в списках до первого своего появления в печати (в «Полярной звезде на 1859 год») стихотворения «Кнут». Автор перепева — скорее всего И. С. Тургенев.[1]

Характер и техника перепева ясны по первой же строфе:

Ремянный кнут, не безуханный,
Забытый в поле вижу я,
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя...

Лирика превратилась в антикрепостническую сатиру, контрастно противопоставленную оригиналу и содержанием и намеренной огрубленной лексикой следующих строф.

Та же тема вызвала к жизни еще один перепев, тоже на всем известной основе: М. А. Дмитриев использовал на этот раз лирическое стихотворение Лермонтова «Скажи мне, ветка Палестины...»:

Скажи мне, двигатель народный,
Симво́л народной простоты,
Какой рукою благородной
И занесен откуда ты...

В годы, когда борьба с «чистым» искусством приобрела небывалый общественный резонанс, когда нельзя было оставаться вне борьбы, не определив своей позиции, перепев известных и типичных стихотворений поэтов этого лагеря звучал особенно остро.

---

[1] См.: М. П. Алексеев, «Кнут» — стихотворение, приписываемое Тургеневу. — «Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева», вып. 3, Л., 1967, с. 92—100.

В сознании современников наиболее ортодоксальным представителем «чистой» поэзии был, конечно, Фет, а его стихотворение «Шепот, робкое дыханье...» знали все и перепевали множество раз. Эксперимент безглагольной лирики стал как бы эталоном для ряда стихотворений — порою примитивных, порою удачных, как например у Д. Д. Минаева:

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян...

Особо криминальными, разумеется, были перепевы, использовавшие молитвы (например, «Отче наш...», см. с. 206) или гимны (например, перепев Н. М. Языкова «Боже! вина, вина...»).

4

И в отношении текста, и в отношении авторства стихи, бытующие на правах «вольных», находятся в совершенно особом положении: ни в какой исторический период на них не распространялись принципы авторского права.

Текст стихотворений трансформировался разнообразно.

Многое сознательно изменялось, что-то искажалось при переписке, особенно при переписке «с голоса». Произведения вольной поэзии сплошь и рядом распространялись устным путем — тексты видоизменялись, подчиняясь принципам фольклорного бытования.

В процессе постепенной (и устной и письменной) передачи текст довольно быстро начинал изменяться. Что-то сознательно «исправлялось», что-то опускалось, потому что передавший не запомнил какой-то строфы, что-то устранялось, потому что сокращало произведение и делало его — так полагали те, кто передавал друг другу текст, — более выразительным, что-то выпадало как потерявшее актуальность. При этом имели место замена непонятного — понятным, приспособление стихотворения к новым условиям его бытования.

Наконец, происходила контаминация, при которой соединялись вместе части разных стихотворений; наиболее известен случай, до сих пор до конца не проясненный, с текстом стихотворения «Вы

жертвою пали. . .» — в нем соединено не менее двух разных произведений.[1]

Что же касается авторства, то тут действовали своеобразные законы. В целом ряде случаев автор был бесспорен. В одних случаях стихотворение появлялось в легальной печати, в других оно печаталось за рубежом по авторской рукописи и т. д.

Многочисленные списки сплошь и рядом восходят к автографу и сопровождающее их имя автора соответствует действительности. Не следует с порога отвергать имя, значащееся в списке. Традиционное приписывание может быть верным.

Но имя подлинного автора сравнительно быстро могло оказаться и потерянным. В таком случае стихотворение обращалось в качестве анонимного, но чаще утраченное имя автора легко заменялось другим. Дело в том, что читатель не просто читал стихотворение, а неизменно ассоциировал его с реальным или литературным обликом того или иного известного автора, другое дело, было это верно или неверно. Читательское сознание прикрепляло стихотворение к определенному автору, часто руководствуясь характерным для данного автора образом лирического героя. Иногда действовало правило, по которому стихотворение особенно охотно приписывалось популярному поэту. Если автор — малоизвестный и ничем для широкой публики не примечательный поэт, подлинное имя легко заменялось на более значимое. Такими «центрами», вокруг которых группируются десятки стихотворений, являются Пушкин, Рылеев, а для второй половины XIX века — Некрасов. Поэтому по-своему закономерно, что стихотворение Кюхельбекера «На смерть Чернова» в течение нескольких десятилетий приписывалось Рылееву; ему же приписывалось и стихотворение Плещеева «По чувствам братья мы с тобой. . .».

Подобные случаи давно известны, о них Пушкин писал Вяземскому 10 июля 1826 г.: «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова».[2] Псевдопушкинские, псевдорылеевские и псевдонекрасовские стихотво-

---

[1] См.: «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1959, с. 825—827; И. Г. Ямпольский, Кто такой А. Архангельский? — «Вопросы литературы», 1968, № 3, с. 253—255. Ср. «Песни и романсы русских поэтов». Вступ. статья, подг. текста и примечания В. Е. Гусева, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1963, с. 1056, 1067, 1075, 1077; «Песни русских поэтов». Вступ. статья, подг. текста и примечания И. Н. Розанова, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1957, с. 482.

[2] Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, 1947, с. 286.

рения насчитываются десятками. Редакция академического издания сочинений Пушкина ввела в справочный том (1959) специальный «Список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях». Этот далеко не полный указатель в части стихотворной насчитывает *сто пятьдесят три* стихотворения; многие из них — политические стихотворения и эпиграммы.

Наконец, для вольной поэзии характерна анонимность значительной части произведений. Здесь надо различать два случая. Читательское сознание, как правило, ищет автора и стремится прикрепить стихотворение к определенному имени поэта — отсюда ряд фантастических атрибуций. Но иногда анонимные произведения это те, которые приобрели значение программных или гимнов. Значительные отрывки (а иногда и полный текст) «Вольности» Радищева бытовали в ряде списков анонимно. Для второй половины века выразительнейший пример — «Отречемся от старого мира...» П. Л. Лаврова, которое очень быстро потеряло автора; его и не искали — анонимность была всеобщим признанием. Анонимными остаются произведения и менее значительные. Но часто отсутствие подписи должно насторожить исследователя. Нередко это сигнал, обозначающий, что стихотворение не было в числе особенно популярных. Так, к примеру, «Ни кола, ни двора...» Никитина встречается, хотя и не часто, в списках, но без имени автора.

5

Каждая политическая организация всегда берет на вооружение стихи. Их пропагандистская сила была поистине непреодолима, и никакие запреты не в состоянии были остановить ее развитие. «Когда жгли на кострах и книги, и сочинителей, и читателей запрещенных книг, и тогда эти книги расходились», — заметил В. Ф. Одоевский в статье «О мерах против заграничной русской печати». [1]

Рассказывая о своем детстве, Огарев писал:

Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам...

(«Памяти Рылеева»)

---

[1] «Русский архив», 1874, № 7, с. 31.

Он совершенно точно передавал смысл «вольной музы» в словах: «свободы ради».

Это «свободы ради» придавало произведениям русской революционной поэзии своеобразный характер пропаганды. Именно в этом качестве мыслили свою поэтическую деятельность литераторы-декабристы, именно так воспринимало ее поколение их современников. Василий Критский на следствии показал, что запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева и других «возбуждали в нас» мысли о свободе.[1] К этому стремилось руководство Северного общества. «Гражданское мужество» и «Я ль буду в роковое время. . .» Рылеева распространялись по прямым заданиям вождей этого общества. А песни Рылеева — Бестужева были написаны во исполнение плана массовой пропаганды среди солдат и, возможно, в некоторой степени и среди крепостного крестьянства. Правда, на следствии декабристы всячески старались преуменьшить целевую направленность этих стихотворений («в забавном расположении духа... дурачась», — уверял А. А. Бестужев, но эта версия была, очевидно, нарочитой).

Хорошо известна и уже подвергалась исследованию в нашей литературе «заданность» революционно-пропагандистской деятельности поэтов 1860-х, а особенно поэтов-народников 1870—1880-х годов.

В более позднее время, в иной исторической обстановке об этом с предельной ясностью писал В. И. Ленин. «Пропаганда социализма рабочей песней» — ленинская формула из статьи 1913 года «Развитие рабочих хоров в Германии».[2] Автора «Интернационала» Эжена Потье В. И. Ленин характеризовал словами: «Он был одним из самых великих *пропагандистов посредством песни*».[3]

Борьба с вольной поэзией — все равно, устной, рукописной или печатной — оказывалась не под силу царскому правительству. Можно было изымать из следственных дел и уничтожать «возмутительные» стихотворения — они с тем большей силой продолжали свое победное шествие. В 1834 году Огареву даже пытались инкриминировать, будто бы он и его друзья «в вечернее время, собираясь на бульварах и ходя по оным, пели и декламировали пасквиль-

---

[1] Л. А. Мандрыкина, После 14 декабря 1825 г. (Агитаторы конца 20-х — начала 30-х годов). — Сб. «Декабристы и их время. Материалы и исследования», М.—Л., 1951, с. 229.

[2] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 276.

[3] «Евгений Потье». — В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 22, с. 274.

ные стихи» или у подъезда Малого театра распевали «Марсельезу». [1]

До этого, вероятно, не доходило, но напуганное масштабами распространения революционных идей начальство готово было поверить и в такого рода демонстрации.

В этой прокламационности заключен общий смысл вольной поэзии, в этом ее, так сказать, принципиальная сущность.

Еще Белинский в письме к Гоголю в 1847 году объяснил особую роль русской литературы и ту идеологическую «нагрузку», которую она несла ввиду особенностей политической обстановки в России: «Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед». [2]

В книге «О развитии революционных идей в России» Герцен четыре года спустя развил ту же мысль: «У народа, лишенного общественной свободы, литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести». [3] Обе цитаты относятся и к легальной и к нелегальной (вольной) литературе, но к последней, может быть, в особенности.

Этими словами очень точно определяется особый характер вольной поэзии. Другие страны тоже имели политическую, оппозиционную, революционную поэзию, но ни в одной она не приобрела того значения в общественной жизни страны, какое имела в России.

В. И. Ленин следующими словами определил роль подпольной печати: «В самодержавной России ... нелегальная печать проламывала цензурные запоры и *заставляла* открыто говорить о себе легальные и консервативные органы». [4] Ленинские слова, сказанные в начале XX века, могут быть отнесены и к интересующему нас периоду.

За столетие, начиная приблизительно с середины XVIII века, вольная поэзия прошла большой путь. От индивидуальных попыток, от одиночных выступлений она дошла до организационного оформления, до определенной зрелости, становясь выразителем настрое-

---

[1] В. П. Гурьянов, Допрос Огарева 24 сентября 1834 года. — «Литературное наследство», № 63, М., 1956, с. 293.

[2] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 10, М., 1956, с. 217.

[3] А. И. Герцен, Собр. соч., т. 7, М., 1956, с. 198.

[4] «Что делать?» — В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, с. 89.

ний революционных групп, действуя по их заданиям, выполняя, условно говоря, «партийные поручения».

За сто лет существенно изменился круг читателей, на который была ориентирована эта поэзия: постепенно он стал захватывать все более и более широкие массы, прежде всего развивающегося разночинства, некоторых рабочих групп.

Русская передовая мысль быстро набирала силу: к половине XIX века фонд запрещенной русской литературы был уже количественно обширен, многообразен по жанрам и использовал стихотворения и поэмы многих первоклассных писателей. «Никогда столько не писали и прозы и стихов вне цензуры, как в десятилетие после 1815 и после 1854 года», — писал Огарев в предисловии к «Русской потаенной литературе. . .».[1]

На рубеже двух периодов — дворянского и разночинского — возникла проблема организации новых, более действенных форм революционно-поэтической пропаганды. Именно этим и надо объяснить настойчивые, поистине героические усилия Герцена и Огарева в собирании и публикации вольной поэзии.

«Не переставая добиваться уничтожения превентивной цензуры, пускайте в ход рукописную литературу так, чтобы правительство наконец увидело беспомощность, ненужность и невозможность цензуры. . .», — писал Огарев в «Письмах к соотечественнику».[2] «Мы собирали и станем собирать все, что возможно», — повторил он в предисловии к составившему эпоху сборнику «Русская потаенная литература. . .».[3]

«Мы в третий раз обращаемся с просьбой ко всем грамотным в России доставлять нам списки Пушкина, Лермонтова и др., ходящие по рукам, известные всем. . . — писал Герцен. — Рукописи погибнут наконец, — их надобно закрепить печатью».[4]

Так на рубеже двух исторических периодов Герцен, по словам В. И. Ленина, «создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга».[5]

---

[1] Н. П. Огарев, Избранные произведения, т. 2, М., 1956, с. 454.

[2] «Колокол», 1860, 21 июля (1 августа), л. 77—78, с. 646.

[3] Н. П. Огарев, Избранные произведения, т. 2, с. 451.

[4] Предисловие к первой книге «Полярной звезды». — А. И. Герцен, Собр. соч., т. 12, М., 1957, с. 270.

[5] «Памяти Герцена». — В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, с. 258. Вслед за письмом Белинского к Гоголю возникла и публицистическая рукописная литература: считается, что этот путь К. Д. Кавелин предложил испробовать Б. Н. Чичерину (статья Чичерина «Восточный вопрос с русской точки зрения». — См.: Б. Н. Чичерин, Воспоминания, Москва сороковых годов, М., 1929, с. 153).

Таким образом, развитие вольной русской поэзии определялось всей историей русского революционного движения, эта поэзия самым активным и действенным образом участвовала в борьбе за свободу народа.

Перед советским литературоведением стоит актуальная задача — создание полного свода вольной русской поэзии.[1] Это должно быть коллективное издание в нескольких томах. О времени, когда мы наконец будем в состоянии изучать «революционную литературу» России «всю целиком и полностью», мечтал В. И. Ленин.[2]

Предлагаемый сборник — только первое к этому приближение.

С. Рейсер

---

[1] Об этом пишет Е. Г. Бушканец в своей статье «О подготовке свода памятников вольной русской поэзии XIX века». — Сб. «Научные доклады и сообщения литературоведов Поволжья...», Ульяновск, с. 5—20.

[2] В. Д. Бонч-Бруевич, Воспоминания, М., 1968, с. 26.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА

М. В. ЛОМОНОСОВ

Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) открывает вольную русскую поэзию второй половины XVIII века рядом сатирических стихотворений, из которых наибольшую общественную значимость приобрел «Гимн бороде». Это стихотворение увидело свет лишь через девяносто четыре года после смерти поэта, а до того распространялось в огромном количестве рукописных копий.

«Гимн бороде» был написан в связи с резким столкновением Ломоносова в 1756 году с Синодом, запретившим издание русского перевода философско-дидактической поэмы английского поэта А. Попа «Опыт о человеке» (1733—1734); книга вышла в свет в 1757 году, но с рядом искажений по требованию церковных властей.

Написанная Ломоносовым сатира была направлена против видного церковного деятеля, члена Синода епископа рязанского Димитрия Сеченова. Однако, в сущности, выступление Ломоносова имело более общий смысл: оно представляло собою акт борьбы с религиозными реакционерами разных мастей, в том числе и со старообрядцами.

Синод обратился к Елизавете с просьбой «таковые соблазнительные и ругательные пасквили истребить и публично сжечь»; и «впредь то чинить запретить», а автора передать духовным властям для «увещания и исправления».[1] Только заступничество всесильного тогда И. И. Шувалова спасло Ломоносова.

Вокруг «Гимна бороде» возникла сложная прозаическая и «стихотворная перепалка»,[2] свидетельствовавшая о силе озлобления, которую вызвал Ломоносов своими обличениями церковников. Кроме двух стихотворений Ломоносова — «Гимн бороде» и «Гимн бороде за суд» — к этой же полемике относятся «Сатира г. Ломоносова на Тредиаковского», стихотворения «Зубницкому» («Безбожник и хан-

---

[1] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 8, М.—Л., 1959, с. 1062.

[2] А. С. Пушкин, Путешествие из Москвы в Петербург. — Полн. собр. соч., т. 11, М., 1949, с. 253.

жа, подметных писем враль. . .»), «О страх! о ужас! гром! ты дернул за штаны. . .», а также стихотворный памфлет, по-видимому, принадлежащий архиепископу санкт-петербургскому Сильвестру Кулябке «Переодетая борода, или Имн пьяной бороде за суд», два стихотворения В. К. Тредиаковского: «Цыганосов, когда с кастальских вод проспится. . .» и «Бесстыдный Родомонт, иль буйвол, слон иль кит. . .» и стихотворение А. П. Сумарокова или, скорее, И. С. Баркова «Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь. . .».

Всей этой полемикой, ярко отразившей столкновение передового миросозерцания с реакционным, очень интересовался Пушкин, в бумагах которого сохранились сделанные им, вероятно в 1830 году, копии стихотворений Ломоносова и Сильвестра Кулябки.[1]

История всей полемики подробно изучена П. Н. Берковым в книге: «Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765» (М.—Л., 1936).

1. ГИМН БОРОДЕ

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю;
Я похвальну песнь пою
Волосам от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Попечительна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой
Окружает бородой

---

[1] «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты», М.—Л., 1935, с. 563—575. Автором «Переодетой бороды» Пушкин считал Димитрия Сеченова.

Путь, которым в мир приходим
И наш первый взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота.

Борода предорогая... и т. д.

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:
Керженцам любезный брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.

Борода предорогая... и т. д.

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разгладит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы;
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.

Борода предорогая... и т. д.

О, коль в свете ты блаженна,
Борода, глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, врали, проказы
Были бы без ней безглазы,
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.

Борода предорогая... и т. д.

Если правда, что планеты
Нашему подобны светы,

Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправды тут,
В струбе там того сожгут.

Борода предорогая... и т. д.

Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом;
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен,
Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!

Борода предорогая... и т. д.

О прикраса золотая,
О прикраса даровая,
Мать дородства и умов,
Мать достатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?

Борода предорогая... и т. д.

Через многие расчесы
Заплету тебя я в косы,
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу.
Через разные затеи
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки.

Борода предорогая... и т. д.

Ах, куда с добром деваться?
Все уборы не вместятся:
Для их многого числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Между концом 1756 и февралем 1757

Д. И. ФОНВИЗИН

Публикуемая здесь басня Дениса Ивановича Фонвизина (1743—1792) была легально напечатана при жизни сатирика, но потом в течение долгого времени очень широко обращалась в списках. Адресат басни, а соответственно и датировка, не могут считаться установленными. Предположение о том, что басня написана на смерть Г. А. Потемкина, исключается хронологическими справками: Потемкин умер через четыре года после появления басни в печати. Более вероятно, что басня связана со смертью Елизаветы Петровны и направлена против подхалимов, лицемерно оплакивавших скончавшуюся в декабре 1761 года царицу. Возможно, однако, что басня связана с полемикой в журнале «Собеседник любителей российского слова», и в таком случае она датируется 1782 или, скорее, 1783 годом. Высказывалось предположение, что строки:

...по новому манеру
Альфреско расписал монаршую пещеру

имеют в виду роспись Эрмитажной галереи в 1780—1787 годах копиями фресок Рафаэля.[1]

Так или иначе, но смысл басни совершенно точно передают следующие слова П. Н. Беркова: «Пока не установлено еще, против кого персонально обращена басня Фонвизина, против определенного светского оратора, или какого-нибудь духовного проповедника, против ли тогдашних одописцев, — не подлежит во всяком случае сомнению то, что басня эта написана не ради острословия, а как выражение возмущения политикой самодержцев и их панегиристами».[2] Этим и объясняется широкое распространение басни в рукописных копиях.

---

[1] Л. И. Кулакова, Когда написана басня «Лисица-Казнодей»? — В сб. «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры», М.—Л., 1966, с. 174—180; там же еще некоторые соображения в пользу более поздней датировки.

[2] П. Н. Берков, Театр Фонвизина и русская культура. — В сб. «Русские классики и театр», М.—Л., 1947, с. 14.

2. БАСНЬ. ЛИСИЦА-КАЗНОДЕЙ

В Ливийской стороне правдивый слух промчался,
Что Лев, звериный царь, в большом лесу скончался.
Стекалися туда скоты со всех сторон
Свидетелями быть огромных похорон.
Лисица-Казнодей, при мрачном сем обряде,
С смиренной харею, в монашеском наряде,
Взмостясь на кафедру, с восторгом вопиет:
«О рок! Лютейший рок! Кого лишился свет!
Кончиной кроткого владыки пораженный,
Восплачь и возрыдай, зверей собор почтенный!
Се царь, премудрейший из всех лесных царей,
Достойный вечных слез, достойный алтарей,
Своим рабам отец, своим врагам ужасен,
Пред нами распростерт, бесчувствен и безгласен!
Чей ум постигнуть мог число его доброт,
Пучину благости, величие щедрот?
В его правление невинность не страдала
И правда на суде бесстрашно председала;
Он скотолюбие в душе своей питал,
В нем трона своего подпору почитал;
Был в области своей порядка насадитель,
Художеств и наук был друг и покровитель. . .»
«О лесть подлейшая! — шепнул Собаке Крот. —
Я Льва коротко знал: он был пресущий скот,
И зол, и бестолков, и силой вышней власти
Он только насыщал свои тирански страсти:
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей!
В его правление любимцы и вельможи
Сдирали без чинов с зверей невинных кожи;
И, словом, так была юстиция строга,
Что кто кого смога, так тот того в рога.
Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся,
Домостроитель Бобр от пошлин разорился,
И Пифик-слабоум, списатель зверских лиц,
Служивший у двора честняе всех лисиц,
Который, посвятя работе дни и ночи,
Искусной кистию прельщая зверски очи,
Портретов написал с царя зверей лесных
Пятнадцать в целый рост и двадцать поясных,

Да сверх того еще, по новому манеру,
Альфреско расписал монаршую пещеру;
За то, что в жизнь свою трудился сколько мог,
С тоски и с голоду третьего дни издох.
Вот мудрого царя правление похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно
и нахально!»
Собака молвила: «Чему дивишься ты?
Что знатному скоту льстят подлые скоты?
Когда ж и то тебя так сильно изумляет,
Что низка тварь корысть всему предпочитает
И к счастию бредет презренными путьми, —
Так, видно, никогда ты не жил меж людьми».

1762—1763 или 1782—1783

И. И. ХЕМНИЦЕР

Непосредственный предшественник Крылова — Иван Иванович Хемницер (1745—1784) вошел в историю литературы как баснописец и сатирик: он осмеивал продажность подьячих и пороки высших кругов общества. Произведения Хемницера пользовались широкой популярностью и часто переиздавались, а при недостатке и дороговизне книг переписывались. Цензурные препятствия они вызвали даже в середине XIX века, когда бдительная цензура не разрешала ничего, что могло бы быть воспринято как сатирическое изображение правительственных мероприятий. Особенно неприязненно цензура отнеслась к двум, перепечатываемым ниже, басням. Тогда они снова стали расходиться в списках и их осовремененное толкование стало очень популярным.

3. ЛЕВ, УЧРЕДИВШИЙ СОВЕТ

Лев учредил Совет какой-то, — неизвестно;
И, посадя в Совет сочленами Слонов,
Большую часть прибавил к ним Ослов.
Хотя Слонам сидеть с Ослами и невместно,
Но Лев не мог того числа Слонов набрать,
Какому прямо надлежало
В Совете этом заседать.
Ну что ж? Пускай числа всего бы недостало,
Ведь это б не мешало
Дела производить.
Нет, как же? А устав ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь счетом бы их стало.
А сверх того, как Лев Совет сей учреждал,

Он вот как полагал
И льстился:
Ужли и впрямь, что ум Слонов
На ум не наведет Ослов?

Однако, как Совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы Слонов с ума свели.

⟨1779⟩

4. ПРИВИЛЕГИЯ

Какой-то вздумал Лев указ публиковать,
Что звери могут все вперед, без опасенья,
Кто только смог с кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тех, которые дерут и без того?
Об этом чтоб указе знали,
Его два раза не читали.
Уж то-то было пиршество́!
И кожу, кто лишь мог с кого,
Похваливают знай указ, да обдирают.
Душ, душ погибло тут,
Что их считают — не сочтут!
Лисице мудрено, однако, показалось,
Что позволение такое состоялось:
Зверям указом волю дать
Повольно меж собой друг с друга кожи драть!
Весьма сомнительным Лисица находила
И в рассуждении самой, и всех скотов.
«Повыведать бы Льва!» — Лисица говорила
И львиное его величество спросила,
Не так чтоб прямо, нет, — как спрашивают львов,
По-лисьи, на весы кладя значенье слов,
Всё хитростью, обинями,
Всё гладкими придворными словами:
«Не будет ли его величеству во вред,
Что звери власть такую получили?»
Но сколько хитрости ее ни тонки были,
Лев ей, однако же, на то ни да, ни нет.

Когда ж по Львову расчисленью
Указ уж действие свое довольно взял,
По высочайшему тогда соизволенью
Лев всем зверям к себе явиться указал.
Тут те, которые жирняе всех казались,
Назад уже не возвращались.
«Вот я чего хотел, — Лисице Лев сказал, —
Когда о вольности указ такой я дал:
Чем жир мне по клочкам сбирать с зверей
трудиться,
Я лучше дам ему скопиться.
Султан ведь также позволяет
Пашам с народа частно драть,
А сам уж кучами потом с пашей сдирает;
Так я и рассудил пример с султана взять».
Хотела было тут Лисица в возраженье
Сказать свое об этом мненье
И изъясниться Льву о следствии худом,
Да вобразила то, что говорит со Львом...

А мне хотелось бы, признаться,
Здесь об откупщиках словцо одно сказать,
Что также и они в число пашей годятся;
Да также думаю по-лисьи промолчать.

⟨1799⟩

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Гражданский пафос и патриотизм, который, по словам Белинского, был «господствующим чувством»[1] поэзии Гаврилы Романовича Державина (1743—1816), проявился далеко не только в перепечатываемых в настоящем сборнике стихотворениях. Точнее сказать, все его творчество пронизано им. Даже в таких произведениях, как в обращенной к Екатерине II «Оде к Фелице», Державин не мог не сказать о власти произвола, о фаворитизме и протекционизме, о лести, ханжестве и разврате сильных мира сего. Ряд од Державина является одновременно и сатирами.

Не только оды, но и духовные стихотворения (переложения псалмов, в первую очередь «Властителям и судиям») проникнуты тем же пафосом. Поэт с презрением относится к «породе», к «князьям мира». Он за бедных, против «неправедных и злых». Всем им противопоставлен образ лирического героя — служителя правды, выполняющего свой гражданский долг с чувством собственного достоинства. Отсюда симпатии к Державину молодого поколения и подозрительное отношение правительства, которое готово было видеть в нем едва ли не «крамольника». Вполне закономерно, что рукописная традиция приписывала Державину самые различные «вольнодумные» произведения, в которых он не повинен. Но и бесспорно принадлежащие ему стихотворения и оды нередко встречали неприязненное отношение, а порою и запрет. Нужна была известная гражданская смелость, чтобы написать оду на опального графа В. А. Зубова («На возвращение гр. Зубова из Персии») или воспеть находившегося в опале А. Г. Орлова («Афинейскому витязю») и т. д.

Ореол безупречной гражданской чистоты, независимости и честности поэта был таков, что единственным лично незнакомым человеком, которому Радищев послал экземпляр «Путешествия из

---

[1] Литературные мечтания. — В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., 1953, с. 49.

Петербурга в Москву», был Державин; о кардинальном различии их мировоззрения говорить не приходится.

Державин — выходец из мелкопоместных, провинциальных дворян — сумел сомкнуться с правящими кругами высшего дворянства, но внутри них он был фрондером. «Бичом вельмож» назвал его Пушкин в стихотворении 1822 года «Послание к цензору». В 1822 году представитель нового поколения и человек очень далеких от Державина политических взглядсв — будущий декабрист К. Ф. Рылеев посвятил ему одну из своих дум. В ней с необычайной четкостью было сформулировано — за что Рылеев ценит певца Фелицы:

Он выше всех на свете благ
Общественное благо ставил
И в огненных своих стихах
Святую добродетель славил...

...Везде певец народных благ,
Везде гонимых оборона
И зла непримиримый враг...

5. ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! Видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья;
Но вы, как я, подобно страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли;
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

1780 (?)

6. ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое в очах невежд
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинствы я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастие не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает, —
Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны;
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука
Против естественного чина
Безумца рядит в господина
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских сопостатов, —
Всяк думает, что я Чупятов
В марокксиих лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе, —
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле

И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный, —
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;
Болярин — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, вторый Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани,
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный, —
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут

И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных —
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленных;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащия Цирцеи
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь — а там?

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ, —
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти, —
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,
Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! — Ты спишь
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! Нет бога!»
Злодей, увы! — И грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей;
В единодушии — блаженство,
Во правосудии — раве́нство,
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ, где царь главой!
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама.

Сим твердым у́злом естества
Коль царство лишь живет счастливым,
Вельможи! славы, торжества
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,

О благе общем их стараться,
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камила,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, ма́слиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари, — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя.
Простри твой поздный блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

Ноябрь 1794

7. БЫЛЬ ВОЧЬЮ СОВЕРШАЕТСЯ

Какая-то презнатна тварь,
Боярин иль боярский секретарь,
Нет нужды до того,
А дело только лишь до спеси здесь его,
Сидел он в пудреной рубашке
И волосы чесал.
Полковники, как шашки,
И целый фрунт пред ним стоял
Служивых, офицеров,
Курьеров, кавалеров,
На шеях со крестами,
На персях со звездами,
Под мышкой с шляпами, со шпагой на бедре;
И все ему хребтами
Так гнулися, как Спасу в серебре.
А он, подняв вверх нос,
Как будто хобот слон или труба-насос,
Едва их взглядом озирая,
Иных встречая,
Других же провожая,
О нуждах их не вспоминал,
А только им главою лишь кивал.
Услышал я о сем болване тщетной славы;
«О времена! О нравы! —
Я с горестью душевною вскричал. —
На то ли носим мы монархов и вельможей дружбу,
Чтоб ставить ни во что нам службу
Достойных тех людей,
Которы ею лишь достигли до честей
И коим должны мы всем нашим уваженьем,
За раны их, за кровь всем нашим снисхожденьем?
Неужели и днесь свершается вочью,
Что должно обожать надуту харю чью?
Что век сей, век тот идольский, бесовский,
В котором чучел чли наместо мы богов?
Но чтоб на быль сию не тратить много слов,
Желал бы я узнать: кто идол сей таков?»
Мне Львов ответствует: Грибовский.

(1796)

А. Н. РАДИЩЕВ

Ода «Вольность» великого русского революционного просветителя Александра Николаевича Радищева (1749—1802) — одно из произведений, наиболее часто встречающихся в списках вольной поэзии с конца XVIII и до 30-х годов XIX века. Количество их измеряется сотнями.

Ода Радищева — произведение, с особенной яростью преследовавшееся цензурой: обнаружение ее властями, даже при случайных обстоятельствах, сулило серьезные репрессии. Русский читатель фактически ознакомился с ней (в неполном виде) по обширным цитатам в составе «Путешествия из Петербурга в Москву» в лондонском издании Герцена 1858 года: первое издание книги было сожжено в 1799 году.

В свое время эта ода подытожила эволюцию русской передовой политической мысли накануне французской буржуазной революции. В дальнейшем она оказала огромное влияние на формирование идеологии дворянских революционеров. Оценивая влияние Радищева, Герцен в 1858 году заметил, что о чем бы Радищев «ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце».[1] Ода «Вольность» не утратила своего значения и для революционных демократов 1860-х годов, но упоминаться могла только обиняками. Тираноборческий пафос и призыв к революции, которая должна смести власть царей, определили постоянное, глубокое влияние оды. В. И. Ленин упомянул Радищева в 1914 году в статье «О национальной гордости великороссов» в числе тех, кто давал отпор насилию, гнету и издевательству царских палачей.[2]

---

[1] ⟨Предисловие к книге «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева⟩. — А. И. Герцен, Собр. соч., т. 13, М., 1958, с. 273.

[2] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

Слово «вольность» в лексиконе XVIII века означало независимость, политическую свободу и имело некоторое смысловое отличие от слова «свобода»: именно «Вольность» — заглавие пушкинской оды 1817 года. Позднее этот оттенок стерся, и Некрасов в 1877 году, имея в виду эту оду Пушкина, назвал ее «Свобода».[1]

Семистишие «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду...» тоже часто встречается в ходивших по рукам списках начиная с двадцатых годов XIX века.

8. ВОЛЬНОСТЬ

Ода

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О, вольность, вольность, дар бесценный,
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства́ тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет изшел, и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;

---

[1] ⟨Автобиографические записи. Из дневника⟩. — Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. 12, М., 1953, с. 21.

Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон;
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю;
Родился в обществе закон.

4

В средине злачныя долины,
Среди тягченной жатвы нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейших дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
Конец невинности бедам.

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Без слуха зрится хладнокровно
Велико божество судяй;
Белее снега во хламиде

И в неизменном всегда виде,
Зерцало, меч, весы пред ним.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие ошую;
Се храм закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вкруг себя,
Равно на все взирает лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знает, ни приязни;
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает, —
«Его отчизна там», — гласит;
Призрáки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет,
И слепо верить нам велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад,
Повлек в ярмо порабощенья,

Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
«Закон се божий», — царь вещает;
«Обман святый, — мудрец взывает, —
Народ давить что ты обрел».

9

Сей был, и есть, и будет вечной
Источник лют рабства́ оков;
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал.

10

Возрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства́.
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
«На пользу общую», — рекут.

11

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где всё ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там несподручны,

В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшалый,
Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
Прияв железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, — рекл, — щажу злодея;
Я властию могу дарить;
Где я смеюсь, там всё смеется;
Нахмурюсь грозно, всё смятется;
Живешь тогда, велю коль жить».

13

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругаяся всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменна
Стоят коленопреклоненно;
Но мститель, трепещи, грядет;
Он молвит, вольность прорекая,
И се молва от край до края,
Гласят свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,

В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

15

И нощи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина
К престолу, где народ воссел.
«Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанной,
Против меня восстать как смел?

16

Тебя облек я во порфиру
Равéнство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти;
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пороку, лжи и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.

17

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;

Златая жатва чтоб бесслезна
Была оранию полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
„Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой“.

18

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно всё;
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

19

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя,
Себе в утеху быть венчанну
Возмнил, что ты господь, — не я.
Мечем мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истины велел;
Расчистил клевете дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

20

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.

Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести,
Жену, чуждающуся чести!
Иль злато богом ты признал?

21

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
Злодею меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгружденные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившися, в Афинах:
„Герой!“ — зевав, могли сказать.

22

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодействы все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало.
Единой смерти за то мало,
Умри! умри же ты стократ!»

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.

Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспóслал призрак мглу густую,
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действьи распростерт своем;
Не спасшему от бед как мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод,
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

26

Сломив опор духовной власти,
И твердой мщения рукой
Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;

Венец трезубый затмевая
И жезл священства преломляя,
Проклятий молньи утушил;
Смеяся мнимого прещенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землею небо помирил.

27

Как сый всегда в начале века
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша древню смесь, спокоил;
Стихиями он всё устроил
И солнцу жизнь давать велел.

28

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творить
Возмог, протекши пустотою,
Зиждительной своей рукою
Светило дневно утвердить.

29

Так дух свободы, разоряя
Вознесшейся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,

Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит
И слово собственностью числит,
Невежства что развеет прах.

30

Под древом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь пас;
Вдруг, новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится,
Не чуждый вождь брежет свое;
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

31

Господню волю исполняя,
До встока солнца на полях
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет;
Себе всяк сеет, себе жнет.

32

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце, без заботы,
В объятиях супружних спит;

Не господа рукой надменна
Ему для казни подаренна, —
Невинных жертв чтоб размножал;
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежной,
Помощницу себе избрал.

83

Он любит, и любим он ею;
Труды — веселье, пот — роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;
Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом стягчают
Всещедра бога, в простоте,
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцев что кормит в наготе.

84

Воззри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится, —
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.

85

Двулична бога храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселий вострубил.

Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает;
Свободы зрится тут держава;
Награда тут едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

36

Сплетясь веселым хороводом,
Различности надменность сняв,
Се паки под лазурным сводом
Естественный встает устав;
Погрязла в тине властна скверность;
Едина личная отменность
Венец возможет восхитить;
Но не пристрастию державну,
Опы́тностью лишь старцу славну
Его довлеет подарить.

37

Венец, Пиндару возложенный,
Художества соткан рукой;
Венец, наукой соплетенный,
Носим Невтоновой главой;
Таков, себе всегда мечтая,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможет вся;
⟨По всей вселенной пронесется;⟩
Миров до края вознесется:
Предмет его суть мы, не я.

38

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенник стрясут;
Кинжал вонзить себе в утробу
Народы пагубно влекут;

Отца на сына воздвигают,
Союзы брачны раздирают,
В сердца граждан лиют боязнь;
Рождается несытна власти
Алчба, зижду́щая напасти,
Что обществу устроит казнь.

39

Крутится вихрем громоносным,
Обвившись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Зовя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая —
Се меч, се злато: избирай.
И сев на камени ехидны,
Лестей облек в взор миловидный,
Шлет молнию из края в край.

40

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римля́н,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаяся всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У римлян откупить возмог;
Весы златые мзды позорной,
Предательству, убивству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,

Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами;
Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротою,
Вождаем мягкою душою, —
Но царь когда бесстрастен был!

42

Сей был и есть закон природы,
Неизменимый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда;
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзит;
Равéнство казнию восставит;
Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты совершенство,
В стезях препоны прескочив,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность, да скончаешь
Со вечностью ты свой полет,
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится
И власти под ярмом падет.

44

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему вослед стремленью
Некосненно стремглав бежим.

Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борет,
Начало теньем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

45

О вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму льзя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! А мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл!

47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,

Придешь на гроб мой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

48

И будет, вслед гремящей славы
Направя бодрственно полет,
На запад, юг, восток державы
Своей шири́ть предел; но нет
Тебе предела ниотколе;
В счастливой ты ликуя доле,
Где ты явишься, там твой трон;
Отечество мое драгое,
На чреслах пояс сил, в покое,
В окрестность ты даешь закон.

49

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве он теряет мощь;
В ключе хотя не угасает,
Но бег его ослабевает;
Ползущего глотает нощь.

50

В тебе когда союз прервется,
Стончает мненья крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда, растерзано мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Содрогшись внутренно, падет,

Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце вновь даст свет.

51

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы темной,
Что лютый дух властей возжег, —
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцем,
На пользу всех ладью направят,
И волка хищного задавят,
Что чтил слепец своим отцем.

52

Но не приспе еще година,
Не совершилися судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды!
Встрещат заклепы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вкатяся где потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Приидет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена в стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
⟨Приидет во изнеможенье⟩
О день! избраннейший всех дней!

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине —
Рекл. . . яркий свет пустил свой луч,
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

Между 1781 и 1783

9

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

Январь — июль 1791

П. А. СЛОВЦОВ(?)

Ода «Древность» приписывалась предположительно А. Н. Радищеву. Г. А. Гуковский справедливо охарактеризовал ее как смелое выступление против официальных взглядов и политики правительства.[1]

Недавно Г. И. Сенниковым было высказано правдоподобное предположение об авторстве сибирского поэта П. А. Словцова.[2] Независимо от него к тому же выводу пришел и Ю. М. Лотман.[3] Вопрос, однако, не может считаться окончательно решенным.

10. ДРЕВНОСТЬ

1

Древность, ты, которой мирна мышца
Усыпила ранни племена,
Зрящая в скрижали летописца,
Пишущая славных имена!
Ты, что, связку венчиков[4] имея,
В думе ждешь царей у мавзолея,
Успокоив персть отцев моих,
Повели моей дрожащей трости,
Прежде чем мои почиют кости,
Свиток положить у ног твоих.

---

[1] См. примечания Г. А. Гуковского в изд.: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 2, М.—Л., 1941, с. 420.

[2] «Русская литература», 1968, № 1, с. 258 и сл.; «Межвузовская научная конференция литературоведов, посвященная 50-летию Октября. Программа и краткое содержание докладов 15—22 ноября 1967 года», Л., 1968, с. 13—14.

[3] «Кто был автором стихотворения „Древность"». — «Ученые записки Тартуского гос. университета», вып. 209, 1968, с. 361—365.

[4] Венчики называются бумажки, полагаемые на лбы умершим.

2

Соглядая веки обмертвелы,
Над которыми туман повис,
И юдоли древних запустелы,
По которым вырос кипарис,
Мнится, вижу вдоль сея трещобы
Праотцов расписанные гробы,
Мнится, что на всех гробах резец
Начертал девиз их просвещенья,
Врезал истины и заблужденья
Позднему потомству в образец.

3

Но почто против сего уроку
Памятников истины бежим?
По какому горестному року
Подле памятников лжи стоим?
Как бы мним, что гении усопши
Пустят луч сквозь гробы, мхом заросши,
Между тем как зрим пиры одни.
Тщетно, тщетно ждем небесной силы,
Тщетно ждем лучей вокруг могилы,
Где блудящи лишь горят огни.

4

Слабый смертный! сколь потребно мало,
Чтоб занять власть над твоим умом,
Если заблуждения зерцало
Древним вкруг очернено жезлом:
Стоит, чтоб оракулом явиться,
Лишь на персях древности родиться.
Разве гений истины слетал
На сосцы вселенной тот лишь термин,
В коем разум, первенец Минервин,
В сирой колыбели почивал?

5

Нет, и ныне истина над миром
Всходит как бы из-за облаков.

Если ж ложь, кадяща пред кумиром,
Не сгущает над умом паров,
Для чего ж среди сего тумана
Сильный разум, пад на истукана,
С олтаря не опрокинет персть?
Должно ль, чтоб одни его скрижали
Мание Сатурна презирали,
Если всё его чтит грозный перст?

6

Должно ль, чтоб отцы столпотворенья,
Скрывши темя в сумраке небес
И вися над бездной заблужденья,
На истлевшей вазе древних грез,
Уцелели до всеобща труса,
Если сферы терпят тяжесть бруса,
Коим время их браздит в пески,
Если солнце сыплется комками
И с янтарных стен уже местами
Крошатся огнистые куски. [1]

7

Древность, мавзолей свой украшая,
Лишь над нами упражняет гнев
И, осьмнадцатый век удушая,
Высечет лишь новый барельеф.
Фра́нклин, преломивши скиптр Британской,
Ре́йналь с хартией в руке гражданской,
Как оракул вольныя страны,
И мурза в чалме, певец Астреи,
Под венком дубовым, в гривне с шеи
Будут у тебя иссечены.

8

Но кака там тень среди тумана
Стелет по Карпатским остриям?

---

[1] С одной стороны, северные явления, падающие из солнечной системы, а с другой — пятна, в солнце усматриваемые, делают понятною сию фразу.

Темный профиль исполинска стана
В светлой Висле льется по струям.
Сбиты локоны по плечам веют,
А по ризе пятна сплошь багреют,
С рама обнаженный меч висит,
На руках лежат с короной стрелы,
На главе орел гнездится белый;
Это падшей Польши тень парит.

9

Всё стремится к древности суровой;
Царства почему, обвиты в тис,
Опираяся об скиптр свинцовой,
Сходят с зыблющихся тронов вниз
И, преклоншися с гербом руины,
Временам дают свои судьбины,
Всё к кивоту древности падет.
Лишь святых душ лучезарны мощи,
Как в пещерах фосфоры средь нощи,
В раках не померкнут в род и род.

10

Всё падет — так что ж надменный
Смертный предваряет потрясать
Обветшалые столпы вселенны
И перуном землю колебать?
Должно ль царства превращать в могилы,
Чтоб гигантам свесить толщу силы
И исследовать порыв рамен?
Разве нет ему твердыней,
Разве нет в отечестве пустыней,
Где бы меч его был изощрен?

11

Эх! почийте, грозны Марса други,
В просеках лавровых вдоль лесов!
Облеченны в панцирь и кольчуги,
Мчитесь вы против каких врагов!

Эх! почийте лучше, бранны ходы
Двиньте на стихии злой природы;
От потопа нас сдержи порой;
В трусе на зыбях сдержи руины,
В сопках пламенны залей пучины,
И тогда речем, что ты герой.

12

Вы ль, дымящиеся Чингисханы,
Нам поведайте свои дела?
Ах! не вы ль, как пышущи вулканы,
Изрыгали жупел на поля?
Пламя с дымом било вверх клубами,
Рдяна лава пенилась валами;
Ныне ж? — вы потухли под землей.
Ныне, мню, над вашими гробами
Красны заревы стоят столбами;
Древность! с именем их прах развей!

13

Прах развей! — но буде кость злодеев
Не умякнет под земным пластом,
Будто прах под грузом мавзолеев
Не смесится с илом и песком?
Праздны черепы, сии избытки,
Мать-земля расплавит в новы слитки;
Внутрь ее зияли, где погряз
Геркулан со знамям и щитами,
Лиссабон с хоругвью и крестами,
Плавится людей оседших связь.

14

Мнится, что миры людей дремучи,
Кои прилегли к земной груди,
С спящих мышц стряхнут надгробны кучи
И в чреду проснутся на трубы;
Так как мир, кой оюнев днесь паки,
Предкам зиждет по кладбищам раки,
Может быть, из-под сырых холмов

Во́спрянул, чтоб лечь в земной утробе,
Так не все ль мы в раздвижном сем гробе
Переводим с древних дух веков?

15

Кто ж присвоит право первородства?
Ты, остаток древния резьбы,
Сын наследственного благородства,
Тщетно режешь старые гербы,
Тщетно в славе предков ищешь тени,
Кроясь как бы под безлистны клены;
Прадедов увядшие дела
И дипломы, ими заслуженны,
Как сухи листы, с дерев стрясенны,
Не украсят твоего чела.

16

Пусть тебе природа даровала
В люльке князя, графа имена,
Пусть звезда сверху́ на грудь упала,
Разметав по плечам ордена;
Но поверь, что яркий сей фено́мен
Для твоих достоинств вероломен,
Все сии насечки вмиг спадут.
И гремящие без дел титу́лы,
Так же, как наследной славы гулы,
До горы потомства не дойдут.

17

Знай — один лишь разум просвещенный
В поздных переломится веках!
Хоть над жизнью гениев почтенных
Тучи расстилались в облаках,
Тучи, град и дождь на них лиющи,
Но по смерти их, над темной кущей,
Над которой буря пролилась,
Мирна радуга для них явилась,
Половиной в древность наклонилась,
А другой в потомстве оперлась.

1796—1797 (?)

Д. П. ГОРЧАКОВ

Современники хорошо знали забытого ныне поэта Дмитрия Петровича Горчакова (1758—1824),[1] члена «Беседы любителей русского слова», плодовитого автора повестей, комедий, комических опер, поэм и сатирических стихов: они далеко не всегда появлялись в печати, но усердно распространялись в многочисленных списках.

В «Парнасском адрес-календаре» А. Ф. Воейкова, в котором мало о ком сказаны добрые слова, Горчаков назван «действительным поэтом». Его сатиры, не посягая на основы существующего строя, зло обличали частные, но важные недостатки и были на положении запретных. О сатирах Горчакова Пушкин упоминает в 1815 году в стихотворении «Городок»:

О князь, наперсник муз,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкий стих
В посланиях твоих,
В сатире — знанье света
И слога чистоту,
И в резвости куплета
Игриву остроту.

Еще раньше, в шуточной лицейской поэме 1813 года «Монах», вероятно, тоже упоминается Горчаков, потом снова в 1817 году в послании «В. Л. Пушкину»; цитата из Горчакова встретится в наброске статьи 1824 года «О причинах, замедливших ход нашей словесности». Наконец, именем популярного поэта Пушкин воспользовался еще раз, в 1828 году, когда, привлеченный к дознанию по делу о «Гавриилиаде», он вначале назвал покойного уже в это время Горчакова ее автором.

Это было тем более правдоподобно, что Горчакову принадле-

[1] Он был административный деятель эпохи Александра I — таврический губернский прокурор, костромской вице-губернатор и пр.

жит несколько (достоверно не менее двух)[1] стихотворений популярного в первой четверти XIX века жанра «сказок», «святок» или «ноэлей». Так называлась французская народная сатирическая песня, приуроченная к празднику рождества Христова (отсюда русское наименование — «святки», noël по-французски и значит «святки»). Эти «кощунственные» стихотворения дискредитировали одну из самых больших святынь религии, всегда с оттенком политического вольномыслия. Они исполнялись на мотивы церковных песнопений и описывали рождение Иисуса Христа, приход волхвов и иные события библейской истории. Нескромно пародируя Библию, ноэли с конца XVIII века превратились в сатирические обозрения эпизодов истекающего года. Как правило, в обозрения включались колкие характеристики государственных и церковных деятелей, писателей, артистов и проч.

Традиция установила особую форму ноэлей: в России это была восьмистрочная строфа. Первые четыре строки писались трехстопным ямбом, пятая — шестистопным, шестая и седьмая — четырехстопным, а восьмая — трехстопным. Первые четыре стиха имели перекрестную рифмовку, вторая половина строфы — опоясывающую. Кроме ноэлей Горчакова, в нелегальной русской литературе известны еще «святки» П. А. Вяземского и Пушкина.

11—12. *СВЯТКИ*

1

В России лишь узнали
Рождение Христа,
Отвсюду поспешали
В священные места
Писателей толпы Христу на поклоненье,

[1] В сб. «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 160—163, Горчакову приписано еще одно стихотворение под тем же заглавием. Представляется более вероятным, что автором его является П. А. Вяземский (см. с. 252). Г. В. Ермакова-Битнер допускает, что существовали «Святки» и Горчакова и Вяземского более или менее близкого содержания (там же, с. 632), — в таком случае «Святки» Горчакова пока неизвестны.

Иные, чтоб дитя узреть,
Другие, чтоб с ослом иметь
Приязнь и обхожденье.

Ученого собранья
Директор первый влез,
Достойную вниманья
Он речь Христу принес,
Подбористым письмом на беленькой бумажке,
Однако прочитать всего
Не мог затем, что у него
Случилось..........

За оным приближался
С посланием Хвостов,
Младенец испужался
Его обиняков —
Вскричал: «Не тронь меня! тебя я не замаю!»
— «Небось, — сказал ему Хвостов, —
Я только лишь одних скотов
В стихах моих караю».

Но только лишь ввалился
Фонвизин, вздернув нос, —
Тотчас отворотился,
Заплакавши, Христос
И ангелам сказал: «Зачем его впустили?
Моим писаньем он шутил,
Так вы б его, лишь он вступил,
К ослу и проводили». [1]

Потом стихотворитель
Микулин прибежал,
Крича: «Тебе, Спаситель,
Я оду написал. [2]
Вели, чтоб к оной всё вниманье приложили».

---

[1] Ф⟨он⟩ В⟨изин⟩ имеет привычку шутить в своих комедиях насчет стиля священного писания.

[2] Мик⟨улин⟩, неизвестный почти стихокропатель, пишущий изо всех сил оды во роде, который французы называют ⟨неразб.⟩, а он почитает родом Ломоносова.

Но ах! лишь начал он читать,
Осел так сильно стал визжать,
Что их не различили.

На визг осла святого
Капнист во хлев спешил,
За брата он родного
Осла давно уж чтил,
И тут хотел отдать поклон ему усердный.
«Прочь, прочь! — сказал ему осел. —
Визжаньем ты вредить хотел,
А я осел безвредный». [1]

За ним Арсеньев следом,
Прославиться хотя,
С украденным обедом
Пришел перед дитя.
Христос ему сказал: «Хоть ты имеешь пару
Мидасовых, мой друг, ушей,
Однако рук его, ей-ей,
Иметь не можешь дару». [2]

Арсеньев осердился,
Ему смеялся всяк. . .
Но младший появился
Хвостов, вещая так:
«Я басенку скажу дитяти в утешенье».
Христос был слушать басни рад,
Он знал творца хороший склад
И их употребленье.

Спокойно все сидели,
Читать хотел Хвостов,
Вдруг двери заскрипели,
И входит Калычев.

---

[1] Капнист начал тем, что написал сатиру, в коей он разругал всех современных ему наших авторов, кроме себя; из чего мы заключили, что, кроме его, никто писать не умеет, но осел, как видно здесь, не нашего мнения.

[2] Мидасовы руки имели дар превращать в золото все, до чего бы они ни коснулись, но речи Ар⟨сеньева⟩ не озолотили украденного им у Боало обеда.

Кричит: «Давно прочесть я драму вам старался!»
Но только молвил: «Адельсон. . .» [1] —
На всех напал ужасный сон,
И он с ослом остался.

1781 (?)

2

Как в Питере узнали
Рождение Христа,
Все зреть его бежали
В священные места.
Царица лишь рекла, имея разум здравый:
«Зачем к нему я поплыву?
И так с богами я живу
С Эротом и со Славой».

Однако же с поклоном
Спешат вельможи в хлев.
Потемкин фараоном
Приходит, горд, как лев,
Трусáми окружен, шутами, дураками,
Что зря, ослу промолвил бык:
«К беседе нашей он привык,
Так пусть побудет с нами».

За ним спешат толпою
Племянницы его
И в дар несут с собою
Лишь масла одного.
«Не брезгай, — все кричат, —Христос, дарами сими;
Живем мы так, как в старину,
И то не чтим себе в вину,
Что вместе спим с родными».

Потом с титýлом новым
Приходит чупский граф,
Чтоб, канцлерство Христовым

[1] «Адельсон и Сальвиний» — смертоносная трагедия, не знаю почему названная гражданскою.

Предстательством достав,
Способней управлять мог внешними делами.
«Постой, — сказал ему Христос, —
Припомни прежде, где ты взрос,
И правь пойди волами».

За ним тотчас ввалился
К⟨нязь⟩, главный прокурор.
Христос отворотился,
Сказав, потупя взор:
«Меня волос его цвет сильно беспокоит:
Мой также будет рыж злодей».
Иосиф отвечал: «Ей-ей,
Один другого стоит».

Спокойно все сидели,
Как вдруг Шешковский вшел.
Все с страху побледнели,
Христос один был смел,
Спросил: «Зачем пришел?» — и ждал его ответу.
Шешковский тут ему шепнул:
«Вас всех забрать под караул
Я прислан по секрету».

И, вышед из почтенья,
Он к делу приступил,
Но силой провиденья
В ад душу испустил.
Мария тут рекла: «Конец ему таковский,
Но ты словам моим внемли:
Уйдем скорей из той земли,
В которой есть Шешковский».

1780-е годы

13. ⟨ПИСЬМО К Г. И. ШИПОВУ⟩

Ахти, любезный мой Шипов!
Куда деваться нам с тобою?
Грозят нам лютою судьбою
По истечении веков.
Стращают огненной рекою,
И бесконечною тоскою,

И растопленною смолою,
И, словом, страшной той тюрьмою,
Где черти в виде палачей
В кипящий стащат нас ручей
И в чудной бане станут парить
Иль, посадя на вертел, жарить.
От этих преужасных слов
Мои все члены содрогают!
Боюсь я адских драгуно́в,
К которым нас препровождают
И пустосвяты, и попы,
И старых набожниц толпы,
И четконосцы-лицемеры,
И псалмопевцы-суеверы,
И весь оклобуче́нный люд,
Кричащий нам про Страшный суд.

Но дверь небесна отворилась,
И тьма лучей распространилась,
Подобно огненной реке,
Средь коих женщина прелестна,
Ханжам нимало не известна,
Имуща зеркало в руке,
В другой держа весы златые,
Оставила места святые
И на земной спустилась круг.

Я чаю, ты видал, мой друг,
Как луч блистающего Феба,
Раскрася часть восточну неба
И позлатя вершины гор,
Слепит мышей летучих взор
И гонит в щели, дупла, норы
Врагов румяныя Авроры.
Так сей жены небесной взгляд
Рассеял тотчас весь отряд
Свирепых этих людоедов,
И я избавился их бредов.
«Не бойсь, — она сказала мне,
С умильностью подавши руку.
Забудь чертей, и ад, и муку,
Как будто видел их во сне.

Не мни, что четки и вериги
Любила я когда-нибудь;
Что спряталась в священны книги,
Стараясь смертных обмануть;
Что милы постные мне хари,
Обманщики и дураки;
И эти ползающи твари,
Носящи черны клобуки;
Что я загадку загадала,
Которой смысл прямой на смех,
Скрывая тщательно от всех,
Лишь этим гадинам сказала,
И что одних нелепых врак
Умы людские тмящий мрак
Для всех единственное средство
Достать небесное наследство.
Сии природные кроты
Своей стыдятся слепоты,
Ругают тех, кто может видеть,
И вздумали творца любить
Затем, чтоб право получить
Его творенье ненавидеть.
Мой свет — источник всех утех,
И доступ всяк к нему имеет.
Он взор слепит лишь только тех,
Кто им питаться не умеет.
Заметь великих всех мужей:
Они, к прямой идущи цели,
Меня во всем сияньи зрели,
Отнюдь не жмуривши очей;
Тогда как гнусные уроды,
Позор и срам всея природы,
Охрипли, уверяя свет,
Что луч мой тьму наносит бед
И тот погибнет непременно,
Который, мысля дерзновенно,
Узрит меня не в их очки:
А их и трусят дурачки.

Не верь безумным их рассказам,
Ни их умышленным проказам;

Не верь умильным их речам,
Ни потуплённым их очам.
Не хуже древния Цирцеи
Проворны эти чародеи
Готовят людям хитрый ков;
И те, кто их питье вкушают,
Свой прежний образ оставляют
И превращаются в скотов.
Тогда они, прибрав их в руки,
Кладут на них тяжелы вьюки
И, сидя на иных верхом,
Упрямых потчуют кнутом.

Как, ведая, что вышня сила,
Произведя на свете яд,
Для общей пользы, с ним же в ряд,
Лечебны травы насадила, —
Ты мог так худо мнить об ней,
Чтоб, видя страждущих людей
Болезньми, горестьми, бедами,
Она лютейшими огнями
Казнила слабый перевес
Их лютых мук и горьких слез?
Чтоб миг обманчивой забавы,
За коей тотчас вслед спешат
Неложных горестей отравы,
Имел у ней наградой ад?
О смертный! в промежутках бедства,
Когда к тому имеешь средства,
Спеши, спеши вкусить утех.
Не их невинно наслажденье,
Но сумасбродно пресыщенье
В глазах рассудка — смертный грех».

Вот что мне Истина сказала,
Чтоб мой рассеять страх пустой,
И, скрывшись в облак золотой,
Тотчас из глаз моих пропала.
Однако пламенной стезей,
Светлейшей тысячей огней,
Вселенну долго озаряла.

Теперь, любезный мой Шипов,
Из сказанных тебе стихов
Мы можем сделать заключенье,
Что нам пустое поученье
Нередко в пышных врут словах
И что учители благие,
Пути казавши нам кривые,
Стараются нагнать лишь страх.
А для чего они стращают
И, осуждая век страдать,
Так худо с нами поступают, —
Тебе нетрудно отгадать.

Итак, уверяся неложно,
Что веселиться в свете можно,
Живу и смело веселюсь,
Смеюсь всегда над дураками,
Но редко знаюсь с клобуками,
И возле их не очень трус.
А как придет мне срочно время
Сложить приятно жизни бремя,
Мой дух смущать не будет ад.
Я, злом не заслужа геенну,
Оставлю милую вселенну,
Как в заговенье маскарад.
Поверь, мой друг, что нас пугали
Всегда химерою одной!
Мы слишком в жизни сей страдали,
Чтоб мучить нас еще в другой.

Май 1783

14. БЕСПРИСТРАСТНЫЙ ЗРИТЕЛЬ НЫНЕШНЕГО ВЕКА

Куда ни погляжу, везде я вздор встречаю!
Хотя не много примечаю,
Но вздор повсюду так велик,
Что сам является собою.
Дурачество свой кажет лик
И громко всем гласит трубою:
Я здесь!

Добро с дурачеством ты свесь,
На крошечку добра найдешь ты вздору
Большую гору!
Против прямых путей
Безумно всяк шагает,
И глупости сетей
Никто не избегает.
Портной век пакостно одет,
Сапожник босиком, уроды щеголяют!
Монах таращится на свет,
Судьи душой кривят, работники гуляют.
Дурак собой как черт надут,
Честны́м себя зовет и плут, —
Скрывая всяк личину,
Все кажут ныне спину.
У всех фальшивые умы,
Чертям подобны стали мы.
Какая чепуха и злоупотребленье;
Монархиня, о нас имея попеченье
Премудрости своей, со трона шлет закон,
Мня оным прекратить дворян российских ссоры,
Не будут, говорит, судьи российски воры,
И правда процветет в России без препон.
Царица! истинно тебя все обманули,
Мы больше во сто крат ко воровству прильнули.
Ты думаешь, в судах ученые сидят, —
Наместники о том и думать не хотят!
Ты думаешь, судей мы сами избираем, —
Наместник изберет, а мы не помышляем!
Козел не знает, что есть Аз,
Козел бодать горазд рогами,
Козел подобен дураку,
Да он сродни быку!
Козла сажают судией в приказ —
Козел равняется с богами!
И этому судье-козлу святого нет,
По ну́жде и отца до нитки обдерет.
Живет в душах судей сам дьявол-искуситель:
Приди-ка в суд когда хотя и сам Спаситель!
Увидит ясно он
Судейские крючки, увертки и ухватки!
У них один закон:

Чтоб вечно у другого карманы были гладки.
А к пущей нам беде
Умножился у нас судейский род толико,
Как равно рыб в воде!
Ну, может ли когда именье быть велико?
Бывало, к одному барана принесешь —
И прав пойдешь;
Не хочешь, чтоб твое имение пропало,
Так ныне их и сотни мало,
Ты здесь дари,
А там и боле,
Пойдешь с сумою поневоле,
Судье и нужды нет, хоть с голоду умри!
Меж нами хитрость обитает,
Неправда, и корысть, и зло;
А правда — смутное чело
От смертных сокрывает.
«Свет ныне просвещен», —
Ученый говорит,
Но кто из нас умен?
Кто в должности не спит,
Кто, должности свои рассудком измеряя,
Кладет веселию предел,
Кто б, сам себя всечасно поверяя
И прибыль позабыв, о благе всех радел.
О пользе общей кто помыслит,
Заслуги кто свои не числит;
А где они? Спроси! — не знает он и сам!
Какая польза нам,
Что помощью шара́ гулять в эфире можем,
Мы собственным бедам чрез это не поможем.
Когда б такой родился человек,
Который бы свой век
Употребить бы мог людей на исправленье
И, несмотря на исключенье,
Скотам
И дуракам
Указом повелел от света удалиться, —
Тогда б могли бы похвалиться,
Что свет на путь прямой пошел,
Что род людской блаженней стал!
А то, как ни возьмешь, всё глупости встречаешь,

Напрасно, философ, напрасно рассуждаешь, —
Ты пагубой поставил нам порок,
Учить нас захотел; ну — вот прекрасно!
Мораль твоя темна; наври — всё будет ясно!
Скажи: кто беден — будь игрок!
Безбожник справедлив, болтун — весела нрава,
Льстец — правду говорит, лукавец — всем пример,
Буян — молодцеват, и скромен лицемер!
Вот логика твоя и права,
Тогда ты и в чести.
Ты хочешь быть любим? — Польсти, мой друг, польсти.
Солгать старайся
Для счастья своего,
В ногах валяйся,
Хвали того,
Кто б ни попал, хоть он кнута достоин;
Когда министр глупец,
Скажи, что он мудрец!
Кто трус — скажи, что он весьма отважный воин!
Бездушный секретарь — обиженных отец!
Свояк секретаря, хоть врет о сем, о том!
Любимец его глуп — скажи: они с умом!
Достойны все порфиры,
И, словом, будь тот прям,
Кто крив и кос,
Хвали повсюду их, и там и сям,
Суй ладан всем под нос
И убегай сатиры;
А то ты пропадешь,
Когда не вознесешь
Того, кто ничего не знает;
Такого сатану,
Который помышляет,
Что он верхом сел на луну,
Направя путь свой на планеты,
Объездным полетел осматривать все светы.
На правду языку ты воли не давай,
Пожалуй, не ленись, ранешенько вставай.
В прихожих у господ являйся с петухами,
Там проповедничай, во все дела входи
И что ты короток — без милости тверди.

Листов десятка три курьезными стихами
В честь барину тому умненько измарай:
«Пою велика мужа!
Пою — воплю — кричу!
Воспеть хочу —
Того! — Кому ничто ни зной, ни стужа!
Который заживо поедет прямо в рай!»
Вот эдак начинай
Похвальную ты оду,
Толкуй всему народу,
Что барин тот во всем примерный господин,
Что в свете он один.
Что порох выдумал не Шварц, монах германский,
Но князь тмутараканский!
Прапрадед барина того,
Которому не зрим мы в пару никого,
Который в мирно время
Навьючил на себя претягостное бремя
И взял под свой покров сирот и вдов;
А на войне, на ратном поле чистом
Готов наедине сражаться с антихри́стом.
С болтливой госпожи пороков не снимай,
А знай,
Что врет она — пустые дудки;
Бранить людей
Из дружбы, ради шутки,
То делает равно и дьявол Асмодей.
Проти́в тех стариков, измученных летами,
Которые кричат против людских страстей,
Отнюдь не смей употреблять своих сетей;
Не говори, что сами
Желали бы опять
Оборотиться вспять
К грехам, которые ругают,
Хоть мысленно хотят, но, жаль, недомогают!
Льстецу не говори, что совести в нем нет,
Что он всё ложь поет,
Что все его слова обманы,
Что правда от него бежала прочь,
Что ищет он набить карманы
И врет, что день тогда, когда претемна ночь.
У болтуна, смотри, не перебей ни слова,

Пружинным языком
Являя пустослова,
Быть хочет дураком.
Ложь правдой объявя, по свету публикует;
Что видел он во сне, то грезит наяву;
Божась бессовестно, по городу толкует,
Пуская про других прескверную молву.
Монахов ты отнюдь распутства не касайся,
Монашья голова когда вином полна,
К сатире прямо не бросайся:
Есть разрешение
Елея и вина.
Не убоявшись вышней казни,
С антифизическим грехом монах в приязни,
Ведь это не беда,
Когда
Тайком он грезит под рукою;
Барков то некогда знать свету дал,
Зато его клюкою
Побили, как свинью... Кто ж проиграл?
Не знает поп читать, не знает поп обедни,
Он тем блажен! — Какие бредни,
Да к счастию его прямая путь-дорога;
«Блажен, кто духом нищ, тот узрит в славе бога», —
Спаситель нам сказал
Чрез то совсем другое,
И разрешить сомнение такое
Не знаю чем, — мой разум очень мал;
Но архипастырей я следую примеру,
На них основываю веру,
Они, я думаю, по смыслу оных слов,
Сбирая изо всей России дураков,
Из них поделали попов!
И для того бранить последних запрещаю,
И к светскому опять обратно приступаю.
Всё в свете хорошо, всё к лучшему идет,
Согласен с дедушкой ученым я Панглосом,
Кандид пустое врет,
Старик Панглосушка расчухал добрым носом,
Что нет худого в нас, что свет блестит во тьме,
Что польза есть во всем и есть добро в дерьме!
Какая нужда мне, скажу я то примером,

Когда девица с кавалером,
Без позволения отца,
Тихонько уплелась из батюшкина дому,
И как она ушла — в окошко иль с крыльца,
И нет ли в доме том и шуму, и содому;
Какая нужда мне,
Когда отец так плох, — хоть он гори в огне.
Наполнен город весь молвою,
Что Гур иль Евдоким
Поссорился с женою, —
Бог с ним!
Я не забочуся, хотя б дошло до драки.
Терентий задурил:
На экипаж, на фраки
Три тысячи крестьян и больше разорил, —
Пускай Терентий так мотает!
В награду магистрат Терентья ожидает.
Какая-то княжна вчера родила дочь,
За это никому я не ломаю шапки,
А все-таки опять от миру я не прочь, —
То дело не мое, а повивальной бабки!
Пафнутий Сидорыч стал нынеча богат,
А был до свадьбы очень беден:
Так люди говорят —
Не въявь, а стороною, —
Что он ссужается женою.
Пафнутий для меня, ей-ей, совсем не вреден,
Не стану, право, я трубить о нем трубою,
Ссужайся он себе, по мне, хотя собою.
Меркурий городской, Ермила, парень ловкой,
Связался, слышу я, с какою-то чертовкой,
Которая его искусно провела.
Анюту обещал представить он натурой,
Да, слышно, не пошли на лад его дела,
Не сладит, говорят, никак он с этой дурой,
И в этом, кажется, беда невелика.
Докуды следствия, за Аннушку-плутовку
Ермиле задали недавно потасовку. . .
Ну что ж? И это не беда:
Терпели то одни Ермилины бока.
У тетки под крылом воспитанный пренежно,
Майор в шестнадцать лет поехал на войну.

«Пропал Ванюшенька, пропал он неизбежно,
Доколь он в армии, я ночи не усну!» —
Так тетушка кричит! Уехал наш Ванюша,
Уж он перед полком;
Порядка не наруша,
Он ходит вечерком
К полковнику всегда два раза на неделе,
Под неприятелем был этот полк и в деле,
Ванюша занемог,
Однако ж наш майор читал армейски штаты
И знает, что в полку есть фуры и солдаты,
И для таких причин
Ванюше дали чин!
У Трускина душа сражением кипела,
Мечталися ему всё пули да штыки, —
Лишь только свистнули свинцовы дураки,
Бежит, рассукин сын, и прячется от дела,
Лежит под ящиком, читает «Отче наш»!
Бледнеет и дрожит, — не вымолвить ни слова,
На помощь требует Григорья Богослова!
Лишь дело кончилось — пришел его кураж,
Вскочил, помчался вдруг коня быстрее,
На неприятельской явился батарее,
Устроил караул, расставил часовых, —
Ну что ж явилося от действий таковых?
Не устыдилися вить обмануть царицу,
Что ж дали Трускину? Георгия в петлицу!
Ну как тут умолчать? А что же скажешь ты?
Сомнительны тебе покажутся кресты?
Тебе так кажется; тому, кто крест тот носит,
Честь, удовольствие и славу он приносит;
И для того
Федот
Имеет на него
Претензию большую,
Какую?
Пять гренадерских рот
Привел в сикурс он за три дни сраженья,
Да и в сражении от фронта не бежал,
За это самое он просит награжденья;
А под присягою царю он обещал
Служить нелицемерно.

Присягу нынече не держат, братец, верно.
Федот
Не скот,
Он это знает,
И для того к кресту он сильно приступает,
Федот дурачится — забота не моя,
Ну виноват ли я?
Таки опять за то не отвечаю
И смело утверждаю,
Что я не пособлю
Прескучною моралью,
Переговоров я до смерти не люблю.
Акимка содержал в любовницах Наталью,
Она изменница — Наталью он согнал
И взял сестру ее Маврушу;
Неужли от того Акимка наш пропал,
Неужли погубил чрез то Акимка душу?
Акимка филосо́ф, живет он без фигур.
Стоически живет, как древний Епикур.
Того таки и жди, как он Маврушу сгонит
И матушку ее себя любить наклонит.
Акимка хват!
И удалой детина,
Акимке дудки всё — и палки, и дубина,
Ты бей его себе, он все-таки богат!
По равнодушию Акимкину такому
И мне о нем кричать, я чаю, по-пустому,
Притом
Сказал, что ни о чем
Переговаривать не стану.
Пахомий чрез жену подобен стал барану:
Хоть по наружности была она строга,
Но у Пахомушки явилися рога.
Приехав из гостей, Пахомий видел ясно,
Что притворяется жена его напрасно.
Пахомий закричал: «Бесстыдная жена!»
— «За что прогневался, мой друг?»
— «Ах! сатана!
Скажи мне: кто такой спустился из окошка?»
Жена ему в ответ: «Любезный. . . это кошка».
Ну! как они хотят, вить я не архиерей,

Союзы и раздоры
Вить не касаются до должности моей!
Между мужьями есть великие уроды,
Да мне их не унять, —
Из них большая часть, божуся, черт на черте.
Да как же быть?
У Карпа двадцать лет,
Как нет
Уж зуба во́ рте.
Женился молодец семидесяти лет,
Не ловит уж мышей, да вот лишь нужды нет,
Полдюжины ребят и нежит и лелеет,
Расчухать старый хрен нимало не умеет,
Что дети не его!
Что ну́жды до того,
Пускай он тешится ребятками своими,
Не занимаюсь я пороками чужими.
Послали на Олимп Юпитера везде искать,
Заставили за ним полицию скакать, —
Когда и бог богов не избежал расправы,
Пусть ведает служителей управы!
Когда Юпитер плут, когда Юпитер вор,
Пусть сделают ему по форме приговор!
Недавно Сидора возила одноколка,
Кафтан с подборами носил он, с кушаком,
На роже борода висела как метелка;
А ныне Сидор наш — в мундире с галуном;
Четверкою в карете
Изволит разъезжать,
Живет в большом он свете,
Не хочет торговать.
Какое дело мне, за деньги или даром,
А Сидор нынче кригс-оберкомиссаром.
Захотел себе добра,
Сказав: давно пора,
И вы́ходил тот чин,
Так стал и господин!
Ему же то похвально.
Всем стоикам скажу в глаза я и формально,
Что всякий для себя на свете сем живет,
Княжнин давно сказал: «Всё у́ди, что плывет».
Ищи своей забавы,

Лишь интерес храни,
Что в свете разны нравы,
То было искони!
Чего ты не найдешь в похвальном нашем мире?
У нас жена одна, у турок по четыре,
Один нас создал бог — и турку, и меня;
Но так мы разнимся, как ночь от бела дня,
Я говорю: «Жена мне следует едина»,
А турок скажет мне: «Ты глупая скотина,
Держи их пятьдесят!»
Я рад, да не велят.
Ах! Если бы не устрашали черти,
Убей меня до смерти,
Когда б я не надел сегодня же чалму,
Не выходил бы я из тепленькой серали,
Без грусти, без печали
Я жил бы, брат, по-твоему.
Но это говорю я только мимоходом,
А правду вымолвить — шучу:
Я с глупо-варварским народом
Делить блаженства не хочу.
А только подтвержу, что в мире равно в море,
В котором гады без числа,
Так и на свете сем и пакости, и горе,
Порядочного нет на свете ремесла,
Не за свое хватается всяк дело,
В природе что черно — у нас бывает бело.
Иной, на смех уму, в химической печи
Мешает с серою чугун и кирпичи
Для получения и славы, и доходу,
Он золото нашел — а ест лишь хлеб да воду!
Другой, на интерес пуститься не хотя,
Дурачится себе как малое дитя,
С духáми говорит, с стихиями бунтует,
А мозгу для себя никак не наколдует.
Скупой лежит у сундука,
Замок держа зубами,
Червонцев у него навалено горами,
Сам голоден как волк, зимой без сертука.
Беспутный по земле с конца к другому рыщет
И, чести не имев, за честь подраться ищет,

Он думает, что тем никак не погрешил,
Когда по правилам другого он убил.
Того замучили затеи да прожекты,
А этот целый век всё смотрит на аспекты.
Кривой знаток
Физической науки,
Рассудку дав толчок,
Глаголь берет за буки,
Кричит мне, что луна
Весьма населена,
Что звезды и планеты,
И черти и кометы
Суть интересные и важные дела,
Которые узнать есть польза немала.
А сверх того, еще таращится к Парнасу,
Ни дня, ни часу
Ушам чувствительным он не дает покоя;
Гудок свой не настроя,
Терéбит бедных муз.
Стихи писать он хочет,
С умом всегда хлопочет
И, зá ворот схватя, до смерти мучит вкус. . .
А хуже и того — доволен сам собою.
Ах! прах его бери с очками и трубою,
Пускай уши дерет,
Поет пусть как ворона,
Пусть каверзит Невтона,
Пускай себе он врет.
Умолкну! — не хочу с дурачеством возиться,
А лучше приучиться
Спокойно то сносить,
Чего нельзя переменить.

1794 (?), 1805

15. РУССКИЙ У ПОДОШВЫ ЧАТЫР-ДАГА В 1807 ГОДУ

Вчера еще являл надменный Чатыр-даг
Чело, блестящее лучом последним Феба,
Вчера еще лазурь отсвечивалась неба
В скрывающих его вершину вечных льдах.
Вдруг Веспер налетел, одеян бурной мглою,

Туманами покрыл гиганта гордый вид —
И царь Тавридских гор уж взора не дивит
Грозящею главою.
Увы! сокрылся твой величественный зрак,
О гордый Чатыр-даг! И гла́ва,
Под тяготяще⟨й⟩ рукой судеб устава,
Повержена во мрак.

Так мыслил я, с челом, поникшим долу,
Истоку преседя Салгирских мутных вод.
Ах, всё под солнцем свой имеет перио́д,
Премена хижине присущна и престолу.
Как падающих звезд мгновенно тухнет блеск,
Подобно мира царств сиянье исчезает:
Едва могуществом род смертных ужасает,
И уж валящейся громады слышен треск.

Тут, к дивным наших дней событьям обращая
Взор, человечества напастьми утомлен
И сына чувствием к стране своей вспален,
Со вздохом, с горестью воскликнул я, вещая:
«Где лаврами обвитый меч твой, росс?
Где сильная рука, страшившая вселенну?
Тебе ли, слабостью незапной изумленну,
Посмел предписывать уставы дерзкий Корс?
Ужель всю мощь твою, весь дух Екатерина
Сокрыла в гроб с собой?..
Ужель, к паденью царств назначенна судьбой,
Приспела срочная и для тебя година?
Тогда ль, как к небесам главу вознес Колосс,
В нем внутренностьмождит отрава?
Тогда ль, как в полноте созрел ко славе росс,
Его незапно меркнет слава!
Пространна колыбель героев искони!
Отечество мое! страна мужей почтенных
Вселенную дивит, тобою воздаенных, —
Встань, прах стряси от вежд и на себя взгляни,
На славу, коею пределы мира полны,
На способы твои нетщетны кинь твой взор:
Здесь дух твоих сынов, там злато в недрах гор,
А вкруг седьми морей тебе послушны волны.

Давно ли оттоман гордящийся дрожал,
Румянцовым твоим в Стамбуле устрашенный?
Давно ль кичливый галл руки твоей бежал,
Твоим Суворовым нещадно пораженный?
Здесь царство силою ума покорено,
Там царство истребил твой меч правдива мщенья.
На верх величества и славы взнесено,
По воле кротость ты являло иль прещенья.
Какой же чарою против твоих врагов
На ратном поприще бессильствуешь ты ныне?
Какой враждебный дух, устроя хитрый ков,
К постыдной мог довесть тебя судьбине?
В России ли уже великих нет мужей?
Их в недрах у себя всегда она имела.
Петр государственных в ней сотворял людей,
Екатерина их отыскивать умела.
Отечественный дух в России возбудить
Единое удобно слово.
Уметь и умереть, уметь и победить —
Для россов никогда не ново.
Нет нужды нам искать героев чуждых стран, —
Довольно есть своих искусных сограждан,
Чрез воды нас, чрез огнь могущих весть в храм славы;
Царя, отечество любить — то их уставы.
Но если зодчий, взяв где глину за гранит,
Из ней соорудить огромный храм возмнит,
Обрушиться тотчас должно непрочно зданье.
Когда употреблен в делах
Невежда или даже враг,
Худой успех всегда обманет ожиданье.
Пристрастью тамо места нет,
Где требуют отечество и слава
Не гибкого, уклончивого нрава,
Не дворской хитрости от вóждей, а побед.
Коль дарованиям, заслугам предпочтенна
Дышаща дерзостью неопытность надменна
Иль ползающа лесть, душ мелких гнусный дар, —
Готов тут гибельный удар
И царств падения минута приближенна.
О вы! что честолюбья глас
Влечет за пышностью, за почестьми, чинами!

Всё это есть уже у вас, —
Почестолюбствуйте ж хоть раз
Прямыми быть отечества сынами.
Отведайте вкусить пресладостный нектар
Хвалы, не лестию сплетенной сильным в дар
И не наемничьей рукою начерченной,
Но сердцем вашим в вас самих произреченной.
Вотще всей силою ко благу воспарит
Монарх, хоть с ангельской душою в свет рожденный,
Успехами труды не будут награжденны,
Достойных коль себе сотрудников не зрит.
Бесплодно проведет он дни свои в заботе,
Чтобы к величеству страну свою возвесть.
Что может славного ваятель произвесть,
Имеющий резцы, не годные к работе?
Владыки царств земных!
Меж миллионами подвластна вам народа
Великих душ рождать не устает природа.
Употребляйте только их:
И, мудростью водимы,
Их отличать в толпе стремите бдящий взор.
Так злато рудокоп в ущельях видит гор,
Где мыслят зреть одну дресву простолюдимы.

P. S. В 1810 ГОДУ

Прощай, мой Чатыр-даг! Прощай, унынья друг!
Я действию искать намерен новый круг.
Желанья, в сих моих стихах изображенны,
Монаршей волею днесь удовлетворенны.
Искусный рудокоп, и в недрах дальних скал
Он злато меж дресвы лишь вздумал — отыскал.
Ко благу общему чрез искренни воззванья
В сотрудниках родил он дух соревнованья.
Взносись, отечество! Попри твоих врагов
И будь по-прежнему страной полубогов.

1807, 1810

16. ПОСЛАНИЕ К КНЯЗЮ С. Н. ДОЛГОРУКОВУ

Воскресни, Ювенал! Воскресни, правды друг!
Вручи свою мне кисть, впери в меня свой дух,
Чтоб смелою рукой, презрев ехидных жало,
С злодейства, с глупости я со́рвал покрывало;
Чтоб в сих моих стихах твой едкий, резкий слог
Постыдные дела карать достойно мог.
«Опять с сатирою, — я слышу, мне пеняют. —
Опять стихи о том, о чем давно все знают!
Людские каверзы у всех наперечет.
Напрасно желчь твоя, сатирик, потечет;
И что ни скажешь ты, уж всё обыкновенно!»
Как! под предлогом сим, открыто, дерзновенно,
Подъяв с бесстрашием надменное чело
И языки связав, восторжествует зло!
И мне велит молчать затем, что всё не диво?
Быть может, если б я сказал, что племя лживо
Издавна завистью на истину шипит,
Что блеском золота дурак толпу слепит,
Что по приданому ценится лишь невеста,
Что ходит человек с способностьми без места,
А с покровительством при должности глупец,
Что деньгами достал асессорство купец,
Что Лиза под шумок рога кует Злораду,
Что Сусликов себе лишь в пунше зрит отраду.
Признаться, о таких писать мирских грехах
И в прозе не по что, не только что в стихах.
И с давних лет уже всё это между нами
Обыкновенными считается делами.
Но, к вящему всегда стремяся, человек
Нам новые открыл неистовства в наш век.
Ужели кажется то вещь обыкновенна,
Когда в числе честны́х, средь общества почтенна
Без затруднения Щечин себя вместил,
Хоть банком сто семейств он по миру пустил?
Разбойник вежливый, неся бесстыдну рожу,
Алкая холодно со всякого драть кожу,
Тем разве сделался на честного похож,
Что выдумал из карт на ближних сделать нож?
Что нужды! Честен он, коль всюду без простою,
Лишь только проиграл, всем платит чистотою.

Все знают, что он вор, но принят потому,
Что, конча партию, не должен никому,
А что он крал, так то он банк метал счастливо.
А это, например, ужель не чтить за диво,
Когда, губернию Подлягин разоря
И уж обруганный указом от царя,
Другой род службы взяв и, ко стыду законов,
В распоряжение вступая миллионов,
Мнит так: пускай граждан мешают грабить мне, —
Убыток вымещу я этот на казне
И, шествуя стезей воров без остановки,
На шее с лентою, избавлюсь от веревки.
Иль, жаркой мы когда быв заняты войной,
Заграбин и Хапков, вступя в подряд с казной,
Один, не выставя припасов и доспехов,
Ко славе препинал путь вóйскам средь успехов;
Другой — на раненых свершил в гошпиталях
Смерть, недоконченну на Марсовых полях;
Корыстолюбия всем жертвуя кумиру,
Готовы подписать за грош погибель миру.
Хоть сделались они, рождая бедствий тьмы,
Солдатам пагубней картечей и чумы,
Но, покровительство достав себе из платы,
Великолепные воздвигнули палаты,
Дают и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы вспевают им хвалы.
Искусством повара загладя преступленьи,
Средь пиршеств жизнь ведут в приятном усыпленьи;
А воин между тем, пришедший на клюке
И через них одних не в лавровом венке,
Простря под окнами исстреленну десницу,
За счастье чтит достать от их стола крупицу.
Посмотрим на сего теперь откупщика:
В карман к нему течет серебряна река;
Презревши скромные отца в лаптях примеры,
В дворяне вышел он, и даже в кавалеры,
И столько сделался своей казною дюж,
Что тысяч несколько теперь имеет душ.
А начал он с чего? Как был еще купчишко,
Он кое-как тогда достал себе чинишко;
Но, встретя к откупам преграду чрез него,
Бесстыдно отперся от чина своего.

Вдруг стал опять купец — и вновь вступил в дворяне,
Как туго у него уж сделалось в кармане.
Каких не принимал к обогащенью мер
Сей из подносчиков возникший кавалер!
Не удовольствуясь, что пьянством портил нравы,
Он пакостил вино, клал вредные приправы,
И часто, превратя народну радость в плач,
На откуп им взятых губерний был палач.
Но кто, окружена сей ветреной толпою,
С торжественным лицом, нетрепетной стопою,
В алмазах, в жемчугах, вступает в маскерад?
То Фрина, коея прелестный, хитрый взгляд
Златима уловил, и в узы Гименея
Она вторично с ним вступила, не краснея.
Как! Но ведь жив еще Простон, ее супруг.
Так что же? Он, ее продавши, стал ей друг.
Ужли религия в деланьях остановка?
Поверьте, в свете сем потребна лишь уловка.
С Простоном надобен у Фрины был развод;
Простону золотом зажали тотчас рот,
И, муж уступчивый, муж прямо светский, модный,
Он исповедь свою соделал всенародной
И грешником себя без дальнего труда
За деньги объявил до Страшного суда.
Людские разумы так ныне изострились,
Что нá слове поймать и бога ухитрились.
Сыскали способы в евангельских речах
К пороку дерзостный обезопасить шаг;
И в беззакониях законом стали правы.
О, просвещение! О, времена! О, нравы!
Продажу уняли в солдаты наших слуг,
Так стали жен сбывать своих за деньги с рук.
Я мыслю, что сия торговли отрасль нова
Не менее других воспламенит иного;
И скоро множество посадских и бояр
К Макарью жен менять поедут на товар.
«Что ж, разве ничего уж в мире нет святого?
Иль нас живых пожрать геенна всех готова?
И в злодеяниях погрязнув целый свет,
В нем добродетели уж вовсе места нет?
Сатирик! посмотри на скромную Лезбину:
Она в собраниях не взглянет на мужчину,

И день и ночь она с подругою своей,
И прелесть волокит не действует над ней, —
Ужель и тут найдет язык твой путь к злословью?» —
Нет! не клеплю ее я к модникам любовью.
Но целомудрия хранится ли устав
Чрез нарушение натуры вечных прав?
И стоит ли она хвалы пред целым светом,
Что пол ее для ней стал похоти предметом?
Противъестественной любовию дыша,
Мужчин бежит ее уродлива душа!
Но с тем, чтоб, жертвуя неистовств нову роду,
В объятиях подруг им оскорблять природу,
Неслыханны досель похабства здесь явить.
Распутством Греции Россию удивить
И, молодость девиц невинных развращая,
Губить их нравственность, здоровье поглощая!
Но кинем сих злодейств мерзительный собор!
На глупость, на порок простреи усталый взор:
Посмотрим, меньше ль мы у них в порабощеньи
И сильны ли у нас успехи в просвещеньи.
Первейшим долгом все считают меж людей
О воспитании пещись своих детей;
К их сведенью довесть науки и искусства,
Любви к отечеству влить в сердце жарки чувства,
На пользу общую образовать их дух,
Чтоб сын отечества был вместе людям друг.
Вот сладкие плоды трудов, отцам приятных.
Рассмотрим же теперь своих *Невероятных*: [1]
Имеют ли сии отечества сыны
Потребны качества для блага сей страны?
Различны знания, чем их умы набиты,
Нам могут ли служить для пользы иль защиты?
И с полным сведеньем о всех землях чужих
Хоть сокращенное о нашей — есть ли в них?
Какой к отечеству их жар, к служенью рвенье
И к праху праотцев в душе благоговенье?..
Я тщетно русского найти меж ними льщусь:
Всяк англичанин в них, иль немец, иль француз;
Презренье к своему, к чужому почитанье
Им иностранное внушило воспитанье.

---

[1] Incroyables.

Там Вральман, там Годдем, а здесь учил Аббе, —
И всяк образовал питомца по себе;
Дивиться должно ли, что сих людей уроки
К природным привили и их земель пороки?
Коль собственный разврат удвоили чужим,
Когда отечеством своим не дорожим,
Так дивно ль, что, имев забавы тщетны целью,
Там посвящают дни виновному безделью?
Что, с помочей сойдя, мальчишка в двадцать лет
С распутной девкою открыто жизнь ведет?
Что тот, кто рожею сесть к ста́вцу не умеет,
Судить религию, судить правленье смеет
И, на губах не дав обсохнуть молоку,
Пределов не кладет болтливу языку?
По моде — враг дворян, по моде — друг народа,
Свободою пленен, не зная — что́ свобода,
И в клубе а́нглийском прехрабрый молодец;
Но в поле чести, там, где пал его отец,
Бесстрашно защищав отечество любезно,
Он ни ногой туда, — и было б бесполезно.
Наукам, кои знать дворянства есть удел,
Учиться он в свой век не мог и не хотел,
И, к модным знаниям стремя дары натуры,
Он мастер рисовать одни карикатуры.
Что ж сделал бы войскам присутством он своим?
Помеху бы иль вред нанес невежда им.
Влачи всю жизнь свою впотьмах, Невероятный,
И, к гробу пляшучи, спеши стезей развратной!
Предавши в сих стихах, не льстя, из рода в род
Вкушаемый теперь от воспитанья плод,
К словесности на час мы нашей обратимся:
Произведеньями ее не восхитимся...
В ней модных авторов французско-русский лик
Стремится искажать отеческий язык.
Один в ней следует жеманну Дюпати,
Другой с собакою вступает в симпати;
Там воздыхающий, плаксивый Мирлифлор
Гордится, выпустя сентиментальный вздор;
Тот без просодии стихами песни пишет;
Иной наивностью в развратной сказке дышит;
А сей, вообразив, что он российский Стерн,
Жемчужну льет слезу на шелковистый дерн,

Приветствует луну и входит в восхищенье,
Курсивом прописав змее свое прощенье.
Всем хочется писать, велик иль мал их дар;
Повсюду авторства в сердцах затлелся жар;
Исполнить торопясь писательски желанья,
Все в ежемесячны пустилися изданья.
И наконец я зрю в стране моей родной
Журналов тысячи, а книги ни одной!
Орел поэзии, честь лиры, слава россов,
К тебе я обращусь, великий Ломоносов,
К тебе, которого в стихах бессмертный дар
В тьме подражателей родил напрасный жар!
Сколь путь шероховат к Парнасу их ватаге!
Надеются, прыгну́т, споткнулись и — в овраге...
Я часто, оды их читая, хохочу,
Бросаю и с тобой беседовать хочу.
Но, может быть, театр здесь славой россиянам
И две на нем сестры к нам смотрят не Касьяном?
Заглянем на него, заглянем на успех
Искусства — в нас рождать иль слезы или смех.
Какие, общего достойны удивленья,
Мы в модных драмах зрим диковинны явленья?
И, скучных свободясь издревле чтимых уз,
Чем превосходен стал очищенный наш вкус?..
К благопристойности пустую бросея веру,
Нам на театр .... выводят для примеру!
В комедиях теперь не нужно острых слов:
Чтобы смешить, пусти на сцену дураков; [1]
К законным детям дверь чувствительности скрыта:
Нет жалости к бедам несчастна Ипполита
Иль Ифигении, стенящей от отца;
Один лишь «Сын любви» здесь трогает сердца.
«Гуситы», «Попугай» предпочтены «Сорене»,
И коцебятина одна теперь на сцене.
О, сколько б был еще благословен сей час,
Когда б в одних стихах лишь порча завелась
И в драматических писаньях здесь встречалась!

---

[1] Англичане, а более немцы обыкновенно смешат в комедиях глупостями выведенных на сцене подлых дураков или сумасшедших, изобретение сего способа, избавляющего от трудной обязанности быть умным, должно заслуживать от многих нынешних писателей общую благодарность.

Когда бы нравственность у нас не развращалась;
Когда бы в юношах свободы вредна страсть
К презренью не вела у них священну власть;
Когда б учители, возникшие из грязи,
Софизмом родственны не разрывали связи;
Когда бы целого всяк частью чтя себя,
Совлекся самости, отечество любя,
И, ревностью к его служенью воспаленный,
Гордился русским быть перед лицом вселенной!
Но тщетно ждать сего от наших молодцов:
Прошедшей славы гром, примеры их отцов
Бессильны тронуть в них собою полны души,
И долга общий глас вотще разит им в уши.
Прочетши всё сие, еще ли скажут мне:
«Всегда бывало так на нашей стороне?
От вопля моего еще ли не проснутся?
От следствий пагубных еще ль не содрогнутся?»
Вот что мне сердце рвет в отечестве моем.
К несчастью, быв не слеп, ищу я тщетно в нем
Болезненной душе хоть в чем-нибудь утехи!
Час мрака наступил; сокрылись игры, смехи;
Совсем лишились мы знакомства милых муз;
И если с кем еще хранят они союз,
То, ревом буйныя ватаги отстраненны,
В беседах дружних лишь возносят глас смиренный,
Меж тем как дерзкого невежства мутный ил
Со всех сторон Парнас бесстыдно наводнил.
На глупость, на разврат глядеть уставши в мире,
Я скрылся, чтоб бряцать свободнее на лире,
Чтоб волю в сих стихах дать чувству моему,
Их дружбе посвятить и зрелому уму
И, льстяся, что они тягчить не будут скукой,
Тебе сей дар принесть, любезный Долгорукой!
Прими его! Прими, колико он не мал,
Еще не конченну, ему ты восплескал.

Между 1807 и 1811

В. В. КАПНИСТ

Василий Васильевич Капнист (1758—1823) был автором знаменитой сатирической комедии «Ябеда» (1796), сразу же распространившейся в списках и после четвертого представления (в 1798 году) запрещенной к постановке на сцене по личному распоряжению Павла I: запрет был отменен лишь при Александре I в 1805 году. Комедия была посвящена судебному произволу, разгулу и грабежу чиновников, но переросла эти рамки и стала обличением государственного аппарата в целом. «Резкость и убедительность сатиры Капниста, ее направленность против зла, угнетавшего весь народ, делали ее явлением широкого социального значения». [1]

Несколько раньше, в 1783 году, Капнист написал «Оду на рабство». Непосредственным поводом был опубликованный 3 мая 1783 года указ Екатерины II о закрепощении украинских крестьян. «Искренняя и патетическая ода Капниста является образцом бунтарской лирики того типа, который расцвел во Франции в пору революции, стиля революционного классицизма. В ней можно наблюсти даже некоторую перекличку с радищевской одой «Вольность»; не исключена возможность влияния радищевского произведения на Капниста». [2]

Тем не менее это не помешало Капнисту позднее написать благонамеренную «Оду на истребление в России звания раба» (1787) — отклик на указ Екатерины II от 15 февраля 1786 года о замене слова «раб» словом «верноподданный». «Ода на рабство» могла быть напечатана в 1806 году, в период некоторого облегчения цензурного гнета в начале XIX века, но потом снова оказалась на положении запретной и распространялась в списках: в «Сочинения» Капниста, изданные А. Смирдиным в Петербурге в 1849 году, ода не вошла.

---

[1] Г. А. Гуковский, Русская литература XVIII века, М., 1939, с. 384—385.

[2] Там же, с. 381.

17. ОДА НА РАБСТВО

Приемлю лиру, мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку, отягченну
Железных бременем цепей,
Для песней жалобных настрою;
И соглася с моей тоскою,
Унылый, томный звук пролью
От струн, рекой омытых слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою.

А ты, который обладаешь
Един подсолнечною всей,
На милость души преклоняешь
Возлюбленных тобой царей,
Хранишь от злого их навета!
Соделай, да владыки света
Внушат мою не лестну речь;
Да гласу правды кротко внемлют
И на злодеев лишь подъемлют
Тобою им врученный меч.

В печальны мысли погруженный,
Пойду, от людства удалюсь
На холм, древами осененный;
В густую рощу уклонюсь;
Под мрачным мшистым дубом сяду.
Там моему прискорбну взгляду
Прискорбный всё являет вид:
Ручей там с ревом гору роет;
Унывно ветр меж сосен воет;
Летя с древ, томно лист шумит.

Куда ни обращу зеницу,
Омытую потоком слез,
Везде, как скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельские утехи,
Игрива резвость, пляски, смехи;
Веселых песней глас утих;

Златые нивы сиротеют;
Поля, леса, луга пустеют;
Как туча, скорбь легла на них.

Везде, где кущи, села, грады
Хранил от бед свободы щит,
Там тверды зиждет власть ограды
И вольность узами теснит.
Где благо, счастие народно
Со всех сторон текли свободно,
Там рабство их отгонит прочь.
Увы! судьбе угодно было,
Одно чтоб слово превратило
Наш ясный день во мрачну ночь.

Так древле мира вседержитель
Из мрака словом свет создал.
А вы, цари! на то ль зиждитель
Своей подобну власть вам дал,
Чтобы во областях подвластных
Из счастливых людей несчастных
И зло из общих благ творить?
На то ль даны вам скиптр, порфира,
Чтоб были вы бичами мира
И ваших чад могли губить?

Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей;
Где нет любезныя свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий полну чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И зляе смерти жизнь влекут.

Насилия властей страшатся;
Потупя взор должны стенать;
Подняв главу, воззреть боятся
На жезл, готовый их карать.
В веригах рабства унывают,

Низвергнуть ига не дерзают,
Обременяющего их;
От страха казни цепенеют
И мыслию насилу смеют
Роптать против оков своих.

Я вижу их, они исходят
Поспешно из жилищ своих.
Но для чего с собой выводят
Несущих розы дев младых?
Почто, в знак радости народной,
В забаве искренней, свободной
Сей празднуют прискорбный час?
Чей образ лаврами венчают
И за кого днесь воссылают
К творцу своих молений глас?

Ты зришь, царица! Се ликует
Стенящий в узах твой народ.
Се он с восторгом торжествует
Твой громкий на престол восход.
Ярем свой тяжкий кротко сносит
И благ тебе от неба просит,
Из мысли бедство истребя;
А ты его обременяешь!
Ты цепь на руки налагаешь,
Благословящие тебя!

Так мать, забыв природу в гневе,
Дитя, ласкающееся к ней,
Которое носила в чреве,
С досадой гонит прочь с очей;
Улыбке и слезам не внемлет;
В свирепстве от сосцей отъемлет
Невинный, благостный свой плод;
В страданьи с ним не сострадает;
И прежде сиротства ввергает
Его в злосчастие сирот.

Но ты, которыя щедроты
Подвластные боготворят;

Коль суд твой, коль твои доброты
И злопреступника щадят;
Возможно ль, чтоб сама ты ныне
Повергла в жертву злой судьбине
Тебя любящих чад твоих?
И мыслей чужда ты суровых, —
Так что же? Благ не скрыла ль новых
Под мнимым гнетом бедствий сих?

Когда, пары и мглу сгущая,
Светило дня свой кроет вид,
Гром, мрачны тучи разрывая,
Небесный свод зажечь грозит,
От громкого перунов треска
И молнии горящей блеска
Мятется трепетна земля;
Но солнце страх сей отгоняет
И град сгущенный растопляет,
Дождем проливши на поля.

Так ты, возлюбленна судьбою,
Царица преданных сердец,
Взложенный вышнего рукою
Носяща с славою венец!
Сгущенну тучу бед над нами
Любви к нам твоея лучами,
Как бурным вихрем, разобьешь;
И к благу бедствие устроя,
Унылых чад твоих покоя,
На жизнь их радости прольешь.

Дашь зреть нам то златое время,
Когда спасительной рукой
Вериг постыдно сложишь бремя
С отчизны моея драгой.
Тогда, о лестно упованье!
Прервется в тех краях стенанье,
Где в первый раз узрел я свет.
Там, вместо воплей и стенаний,
Раздастся шум рукоплесканий
И с счастьем вольность процветет.

Тогда, прогнавши мрак печали
Из мысли горестной моей
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье наших дней,
От уз свободными руками
Зеленым лавром и цветами
Украшу лиру я мою;
Тогда, вослед правдивой славы,
С блаженством твоея державы
Твое я имя воспою.

1783

И. И. БАХТИН

Иван Иванович Бахтин (1756—1818) вначале совмещал литературную деятельность поэта-сатирика с государственной службой (тобольский военный прокурор, харьковский губернатор и пр.). Впоследствии он отошел от литературы ради карьеры, благополучно протекавшей и при Павле I и при Александре I. Сатирические стихи Бахтина часто встречаются в рукописных сборниках конца XVIII — начала XIX века. Он оставил по себе, по словам М. И. Семевского, память человека «неукоризненной честности, справедливости и благородства» [1] и большой литературной культуры.

18. САТИРА НА ЖЕСТОКОСТИ НЕКОТОРЫХ ДВОРЯН К ИХ ПОДДАННЫМ

Хотя сатиру я писати начинаю,
Однако же перо не злобе посвящаю,
Не желчь свою на всех желаю я излить:
Подвигнут жалостью, хочу сатирик быть.
А вы, что за скотов подобных вам приемля,
Ни бедных жалобе, ни воплю их не внемля,
Употребляя власть, вам данную во зло,
На всяк час множите несчастливых число!
Не сетуйте за то, что здесь изобразитесь,
И на самих себя, не на меня сердитесь.
Я первый приписать хвалу вам был бы рад;
Но стоите хулы, так я ли виноват?
Вы, вместо чтобы быть подвластным вам отцами,
Над ними злобствуя, как волки над овцами,

[1] Примечание М. И. Семевского к статье Н. Н. Селифонтова «Письма императора Александра Павловича к статскому советнику И. И. Бахтину». — «Русская старина», 1870, № 1, изд. 1, с. 133.

Преобразили в их мучителей себя.
Я ж, истину, равно и смертных род, любя,
О слабостях людских хоть молча сожалею;
А видя страждущих, молчать уж не умею.

Рассмотрим мы теперь Крисипа прежде всех,
Который верх своих находит в том утех,
Чтоб деньги лишь копить и их имети много,
Кой, будучи богат, ведет себя убого,
Рассмотрим следствия мы скупости его,
Тиранства к подданным чудовища сего;
Жестокости все к ним рассмотрим беспристрастно;
Увидим, что вмещен в сатиру не напрасно
И что поставлен он хотя и первым в ней,
Но стоит во сто крат поболе казни сей.

Вот с подданными как Крисип наш поступает,
Вот как он кормит слуг, вот как их одевает:
Сермяжный каждому из них дает кафтан.
Но должно знать, что с тем бывает дан,
Чтоб он в случáе был холопу одеялом,
Чтоб в дождь был епанчой, а в вёдро был кафтаном;
Да чтобы он притом и прослужил пять лет.
Слуга кричит «нельзя», однако пользы нет;
Крисип своих людей нимало не потворит,
Продрался коль кафтан, слугу за то он порет.
Слуга виновен в том, чего для не чинил,
Хоть суммы господин на то не отрядил.
То правда, что слуге, прикрывши грешно тело,
Крисип и деньгами дает посильно дело.
Он даст на сапоги полтину кажду треть;
А чтобы шубу мог холоп себе иметь
Для защищения от зимней непогоды,
Рубля два жалует; но тоже сроком в годы.
И сколько кажется та сумма ни мала,
Но должно из того ж и шапка чтоб была;
А пояс, и чулки, и прочую одежду
Слуга, всю отложа на барина надежду,
Как хочет, так ее уж сам и промышляй.
Зато ни часу он гулять не помышляй,
И в праздник годовой работай до обеда,
Или в ночи что меть стащити у соседа.

Обжорства ведая Крисип что грех велик,
Дает на месяц ржи слуге лишь четверик;
Другой же жалует из милости мякины,
В тех мыслях, что она годится для скотины,
Которую слуга́м Крисип, хотя не мот,
Дозволил содержать, на их, однако ж, счет.
Вдобавок же Крисип всеча́сно слуг ругает,
Грабитель будучи, ворами называет.
Сечет за леность их почти он каждый день;
Но он ли виноват, что в них вселилась лень?
Виновны слуги в том, что к уреченну сроку
Не могут сработа́ть им заданну уроку.
А лишнего Крисип ведь не задаст вовек:
Скупяга хочет, в день чтоб сделал человек
То, что и в два дни он с трудом лишь сработа́ет.
С крестьянами Крисип подобно ж поступает,
И отменил их он лишь тем от слуг своих,
Под видом податей что грабит всё у них.

Но время уж теперь Крисипа мне оставить.
Пустое что болтать: его уж не исправить.
Попробую, Меандр, к тебе склонити речь.
Ты взоры на себя тем тщишься всех привлечь,
Что душ с пяти́сот в год пять тысяч получаешь,
Посредством их себя от равных отличаешь
Каретой, лошадьми, уборами, столом;
Араб есть у тебя, и в три жилья твой дом, —
Большим боярам ты тем хочешь быть подобен.
Хотя уж, кажется, с Крисипом и не сходен,
Однако ж на него ты в том весьма похож,
Что подданных своих, Меандр, ты грабишь тож
И что несносною уж мучишь ты работой,
Бесщадно их сечешь, притом сечешь с охотой.
Меандр, ты пьешь всегда шампанское Понтак,
Крестьяне же твои забыли в квасе смак;
А часто бедняки и бе́з соли хлебают,
Мякину иногда за хлеб употребляют
И мясо коль едят, то разве только в год, —
Вот роскоши твоей и вот тщеславья плод.

Но я ль, ты говоришь, Меандр, во оправданье,
Один лишь у крестьян отъемлю пропитанье:

Не то ж ли делает с своими и Дамон,
Хотя не так, как я, живет роскошно он?
Но худо ты, Меандр, себя тем извиняешь,
Когда в пример себе тирана поставляешь,
Кой мучит бедных с тем, чтоб денег накопить,
А оных накопя, чтоб душ ста два купить,
Дабы вновь купленных лишь мучити подобно.
А муча подданных своих Дамон толь злобно,
В отмщение за них он мучит и себя,
Но всё то для детей, которых он любя,
Желает, говорит, им счастие доставить
И, было б век чем жить, печется им оставить.
И так, виня иных Дамон своей виной,
Как будто маской скрыть мнит гнусный образ свой:
Лишая что других, покоя сам не знает,
Не жадность в том свою — детей он обвиняет.

Посмотрим же, кого виной в том ставит Клит,
Что каждый почти день его дворецкий бит,
Да что и всем слугам нередко достается.
Божиться Клит в том рад, что дельно он дерется,
Но мы увидим здесь, что дельно или нет.
Коль сыт его слуга, доволен и одет,
Скажи, читатель, мне, судя о том ты здраво,
За всё то ждать услуг имеет ли Клит право?
Имеет, чаю, ты мне будешь отвечать.
Клит худо услужен, так как же слуг не драть?
Вчера версты три он послал сходить Матвея,
Который хоть бежал и прея, и потея,
Со всем же тем пришел назад едва ли в час;
А Клиту нашему желалось в этот раз,
Чтоб сбегать мог Матвей одною бы минутой, —
Не стоит ли за то плут казни самой лютой?
А нынче Клит сказал: горячего подай.
Про кофе думал он, а Мишка подал чай.
Клит дал пощечину и дал ему другую;
Да льзя ль и упустить кому вину такую?
О муза, перестань! .. Брось тщетный труд скорей!
Горбатых ведь нельзя уж сделать попрямей.

Примечание авторово на сатиру

Читатель, не дивись, что пахнет стариною
Сатира на дворян, прочтенная тобою.
Ты скажешь, что у нас уже Крисипов нет.
Однако ж не вина, и мой прочти ответ:
Назад пятнадцать лет
Уродов таковых зреть всякому случалось,
И их осмеивать мне нужным показалось.
В сатиру мне они тогда казались быть
Достойны помещенья;
Но действие наук и сила просвещенья
В коротко время то умели учинить,
Что ныне уж их нет иль очень меньше стало...
Пожди, читатель, мало!
Пожди десяток лет, другой:
Законы мудрые монархини благой,
Котора выше всех Ликургов, Марков, Титов,
В людей преобратят Меандров всех и Клитов.

⟨1790⟩

П. В. МЕЩЕРСКИЙ

Князь Прокопий Васильевич Мещерский (1736—1818) — видный государственный деятель, попавший при Павле I в опалу. Современники знали Мещерского как одаренного и передового человека. Его стихи должны быть ближайшим образом поставлены рядом с державинской сатирой «Властителям и судиям» — ранним образцом русской гражданской поэзии.

19. МОЛИТВА
ОТ ИСТИНЫ К БОГУ, ВНЕГДА СКОРБЕТИ ЕЙ

Вонми мне, господи зиждитель,
Стенящий мой услыши глас!
И буди ты мой покровитель,
Внегда скорбети мне всяк час.

Внуши царю, помазанну тобою,
Внуши вельможе близ него,
Что я гонима злой судьбою,
Лишенна права моего.

Внуши, что старостью согбенный
Вельможа, чувств почти лишен,
На верх начальства вознесенный,
Пристрастию порабощен.

Святошствуя, он в пост говеет
И наизусть акафист чтет;
Но о несчастных не болеет,
И мзду с невинных он берет.

Деянья все его пристрастны,
Он власть во зло употребил;

Законы стали все безгласны,
Меня в темницу заключил.

Места пристрастно отдаются,
Пред старшим младший предпочтен,
Там звуки злата раздаются,
Где мне был храм сооружен;

Во бранях воин отличенный,
Двумя крестами хоть почтен,
По чину места став лишенный,
Оставить службу принужден.

А юный родственник вельможе,
Быв в двадцать лет, имеет полк;
Корысть где истины дороже,
Впущен в овчарню тамо волк.

Бумаг к подписке не читает,
Хотя к царю он их несет;
И то неважным всё считает,
В чем выгоды ему лишь нет.

Он секретарский чин в наследство
В род и род отдать судил;
Сие богатым было средство,
Что тот, кто мог, тот чин купил.

Из недр судьбы ужасной
К тебе, владыко, вопию:
Десницею своей всевластной
Избавь от бед ты дщерь свою.

Поставь начальника другого,
Чтоб волю царску исполнял;
Поставь начальника такого,
Чтобы законы соблюдал,

Чтоб, матери щедрот, царице
В делах его зреть милость, суд;
И чтоб во слух императрице
Век жалоб не было отнюдь.

1793 (?)

А. И. КЛУШИН

Орловский дворянин Александр Иванович Клушин (1763—1804) в 1788 или 1790 году переезжает в Петербург, где вскоре сближается с И. А. Крыловым и его друзьями тех лет — П. А. Плавильщиковым и И. А. Дмитревским.[1] Он принимает вместе с ними ближайшее участие в издании журналов «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий» (1792—1793). После обыска в типографии, где печатался «Зритель», Клушин находился под тайным надзором.

Сатирические комедии Клушина «Смех и горе», «Алхимист» и его повесть «Несчастный М⟨асло⟩в» пользовались успехом. В его очерках для журнала «Зритель» несомненно сказывается симпатия к судьбе крестьянства и резко отрицательное отношение к крепостникам-помещикам. Есть веские основания причислить Клушина к писателям, находившимся в это время под влиянием идей Радищева. После 1793 года Клушин отходит от группы Крылова.

Стихотворение «Ответ к сочинителю „Гласа невинности"» обращено к писателю и видному административному и военному деятелю П. С. Потемкину (1743—1796), родственнику всесильного Г. А. Потемкина. В 1784—1788 годах П. С. Потемкин был саратовским и кавказским генерал-губернатором. В это время произошло убийство полунезависимого персидского феодала хана Гедаэта. Русские консулы в Персии выдали его, вопреки первоначальному уговору, его врагу талышинскому беку Ала-Верды: последний застрелил Гедаэта. Огромное его богатство (по подсчетам того времени — 10 миллионов рублей) осталось на русском фрегате. Спустя некоторое время после смерти Г. А. Потемкина (в 1791 году) его враги обвинили П. С. Потемкина в соучастии в этом деле и присвоении богатств Гедаэта. Следствие началось в 1796 году, но не пришло к каким-либо определенным выводам. Тогда же П. С. Потемкин написал в свою защиту широко распространенное им самим среди совре-

[1] Крылов посвятил Клушину дружеское четверостишие (1792) и послание «К другу моему А. И. К⟨лушину⟩» (1793); см.: И. А. Крылов, Соч., т. 3, М., 1946, с. 235, 245—252.

менников большое стихотворение «Глас невинности».[1] Оно вызвало не менее трех стихотворных же откликов, написанных с разных позиций: и защиты и обвинения П. С. Потемкина. Стихотворение Клушина — апология недавно умершего (по слухам, кончившего самоубийством) поэта с точки зрения идеолога передовой, морально независимой дворянской мысли.[2]

20. ОТВЕТ К СОЧИНИТЕЛЮ «ГЛАСА НЕВИННОСТИ»

Итак, сужденье злых умов
Геройску душу поражает!
Итак, средь лавров и венцов
На лоне мира он стонает!
Герой! Не узнаю тебя.
Кто истинно велик душою,
Хоть громы видит над главою,
Хотя близ бездны зрит себя,
Хоть молния вокруг сверкает,
Своей твердыни не теряет.

Известно, что такое свет:
Чем боле зрит он дарований,
Великость духа, пылкость знаний,
Тем боле против вопиет;
Как змий шипящий, ядовитый,
Извившись тайно меж цветов,
Льет яд на души знамениты
И умышляет адский ков;
Лиет и не щадит Сократа,
И сей светильник божества
Во славе, в блеске торжества

---

[1] Оно было впервые опубликовано в «Русском архиве», 1880, № 3, с. 379—381.

[2] Подробнее см.: Г. А. Гуковский, Подпольная поэзия 1770—1800-х годов. — «Литературное наследство», № 9-10, М., 1933, с. 20—24.

На жертву злобного сената
Безмолвно дух свой предает.
Но истина, блеснув зарницей,
Гремела пред его убийцей, [1]
Что он невинно яд пиет.
Невинно — и душа святая,
Как тихий, кроткий солнца луч,
Превыше сферы возлетая,
Превыше громов, молний, туч,
Богов вкушает награжденье:
Сократа нет — Сократу храм,
Как богу — жертвоприношенье,
Как добродетели — фимьям.

Народны плески, обожанье —
Награда пышна за труды:
Огромное — песчано зданье,
Иль волны — прибылой воды.
Секунда — их сооружает,
Секунда в пепел превращает.
Как хочет будь велик герой,
Фортуна с ним на час простилась —
Его огромность развалилась,
И он народной стал игрой.

Таков был пышный Рим, Афины;
Неблагодарный Карфаген
Не чтит того заслуг седины,
Кем был как громом огражден;
И Аннибал победоносный —
Се йдет против римских сил, —
Едва не смертию поносной
Гоним, дух жизни испустил. [2]
Земля и кости вопияли
Противу сограждáн его,
И во отмщенье за него
Изменники сердца терзали.

---

[1] Мелит — ложный доноситель на Сократа.

[2] По разорении Сципионом Карфагена Аннибал скитался из убежища в убежище и наконец, умирая у Прузия, Коронского царя, сказал: «Неблагодарное отечество! Ты и костей моих у себя не увидишь».

Когда как молнией он жег
Победоносну римску силу
И Риму нес в руках могилу,
Тогда для карфаген был — бог.
Но чуть меч грозный утомился —
И луч души его затмился.

Таков был, есть и будет свет!
Как щедро лаврами венчает,
Так скоро их с главы срывает,
И прочной похвалы в нем нет.
Как вихрь народна мысль мешает:
То ныне редким называет,
Что завтра гнусно для нее;
Подобно юному дитяти,
Кричит и кстати и некстати, —
И вот первейша цель ее.

Блажен, кто в похвалах умерен,
Кто их умеет различить!
Кто в сердце и душе уверен,
Что стоит он хвалимым быть,
Кто, слушая людские толки,
Был сам так светел, как луна;
Насмешки презрит, речи колки
Страмца, злословца, шалуна.
Что публика? — обширно тело;
Глупец и мудрый — равно член:
Безумный порицает смело,
Но скромный мудрый удален.

Представишь темный лес дремучий,
Под коим пали небеса,
В котором все животны кучей
Кричат в различны голоса,
Кокуют глупы в нем какушки,
Вралихи крякают лягушки.
Но тихий, милый соловей
Своей гармонией священной
Иль песнь поет творцу вселенной,
Иль стансы душеньке своей;
Спокоен сердцем и душей,

Вовеки никого не тронет,
От счастия других не стонет;
Сей лес — обширный круг людей!

Итак, укоры, поношенья
И душ безумных клеветы
Не есть всеобще заключенье, —
О чем же ропщешь, стонешь ты?
Нельзя быть перед светом правым!
Будь добр — порочный твой злодей;
Будь низким, злобным и лукавым —
Тогда восстанет — друг людей.

Позволь себе еще сказать:
Суд божий — суд Екатерины.
Страшись порок пред ним предстать.
Иль тот, кто шел чрез стен стремнины,
Кто с пламенным мечом в руках
Сарматам, Порте всеял страх,
Кто в грозном образе Гирея
Смирил крылатого злодея
И в цепь кремнисту заключил, [1]
Возможно ль, чтобы слезы лил?

Тот мил, кто в торжестве блистает;
Но тот есть истинный герой,
Который как звезда сверкает
И в самой темноте ночной.

⟨1796⟩

---

[1] Разумеются усмиренные горцы по горам.

С. Н. МАРИН

Сергей Никифорович Марин (1776—1813) в ночь убийства Павла I командовал дворцовым караулом от Преображенского полка и существенно облегчил выполнение плана заговорщиков. Он приобрел известность в качестве драматурга-переводчика, соиздателя журнала «Драматический вестник» (1808), члена «Беседы любителей русского слова», но прежде всего в качестве поэта-сатирика, чьи стихи быстро расходились по рукам.

Под видом пародии на Ломоносова Марин зло осмеял павловские порядки. Его сатиру хорошо знали современники и сохранили ее во множестве списков. Она пользовалась особой популярностью к концу царствования Павла I, в период назревшего недовольства царем и подготовки цареубийства 12 марта 1801 года.

21. ПАРОДИЯ НА ОДУ 9-ю ЛОМОНОСОВА, ВЫБРАННУЮ ИЗ ИОВА

О ты, что в горести напрасно
На службу ропщешь, офицер,
Шумишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалер, —
Внимай, что царь тебе вещает!
Он гласом сборы прерывает,
Рукою держит эспантон;
Смотри, каков в штиблетах он.

Речет: сбери все силы ныне
И стой так прямо, как солдат.
Где был, как в унтерском я чине
Завел в России вахтпарад?

Когда шаржировать заставил,
Явил в маневрах и прославил
Величество и власть мою, —
Подай-ка тактику свою!

Где был ты, как передо мною
Возрос из алебардов лес,
Моей обделанных рукою,
А ты не видел сих чудес?
Когда солдаты все одеты,
Как бы винновые валеты,
Тянули фрунт передо мной, —
А ты вкушал тогда покой!

Кто деревянными кремнями
Солдат здесь выучил стрелять,
К спине белеными ремнями
Лопатки вздумал привязать?
Мундиры с битью золотою
Не я ли сильною рукою
На плечи офицер надел
И в праздник их носить велел?

Главы обстрижены солдатски
Ты мог ли пуклями снабдить?
И их одевши по-дурацки,
В казармы кучами набить
И, вдруг ударивши тревогу,
Подобясь зверю, а не богу,
От трусости как лист дрожать
И двух в солдаты написать.

В болотах глинистых и грязных
Когда и где ты увязал
И офицеров безобразных
В худых мундирах где видал?
Не зря врагов перед собою,
Приготовлялся ли ты к бою,
Никто на коем не погиб,
И взял ли приступом ты Бип?

Из беглых мог ли ты капралов,
Кои не могут говорить,
Наделать кучу генералов
И им полки препоручить?
Ты мог ли эспантон поправить
И под арест за то отправить,
За вздор из службы исключить
И нáвек в крепость засадить?

Твоей ли хитростью Кутайцев
Играет роль больших вельмож?
Мещан он душит так, как зайцев,
Дворянство всё не ставит в грош.
В моих палатах обитая,
Россиян бедных разоряя,
В нем виден точный басурман, —
Такой талант тобой ли дан?

Не ясна ль в том моя щедрота,
Велел что головы рубить?
Пришла ль когда тебе охота
Кадилом в церкви покадить,
Священной ризою одету,
В себе представить шýта свету,
Служа обедню за попа?
Неужель мысль сия глупа?

Ума твого пределы узки
Могли ли тайну ту понять —
Еврейска Анна, что по-русски
Святую значит благодать?
Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной именем моей?

Скажи ты мне, в странах Российских
Кто славный акцион завел,
Чтоб, кто хотел крестов Мальтийских,
За деньги в оном их нашел?
С французом кто два года дрался,

Чтоб остров Мальта нам достался,
На коем нет почти людей?
Дела то мудрости моей!

Возмог ли ты хотя однажды
Гоненье шляпам объявить,
Велеть россиянам, чтоб каждый
Престал бы круглую носить?
Пучки и сапоги с ушками
Указом истребя меж вами,
Изгнал потом с заносом фрак,
А все кричат: «Дурак, дурак!»

Ко удивленью всего света
Когда мундиры я кроил,
Зачем не подал ты совета,
Чтоб я покрой переменил?
Когда я выдумал штиблеты,
Ботфорты, латы и колеты,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной всему я дал?

Сие, служивый, рассуждая,
Представь мою всесильну власть
И, мерзостный мундир таская,
Имей твою в терпеньи часть.
Я всё на пользу вашу строю,
Казню кого или покою.
Аресты, каторги сноси
И без роптания проси!

1799 или 1800 (?)

22. ПЕСНЯ

Мимо рощи шла одинехонька,
Одинехонька, маладехонька;
Никого в роще не боялася,
Я ни вора, ни разбойничка,
Ни сера волка, зверя лютого,
А боялася друга милого,
Своего мужа законного,
Что гуляет мой сердечной друг
В зеленóм саду, в полусадничке,
Ни с князьями, мой друг, ни с боярами,
Ни с дворцовыми генералами.
Что гуляет мой сердечный друг
Со любимою своей фрейлиной,
С Лисаветою Воронцовою.
Он и водит за праву руку,
Они думают крепку думушку,
Крепку думушку за единое,
Что не так у них дума сделалась,
Что хотят они меня срубить, сгубить,
Что на мне хотят женитися.

⟨1762⟩

23. ⟨ПЛАЧ ХОЛОПОВ⟩

О, горе нам, холопам, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить!
И хотя кто и служит — так как острая коса:
Видит милость — и то как утренняя роса.

О! горе нам, холопам, от господ и бедство!
А когда прогневишь их, так отымут и отцовское
наследство.
Что в свете человеку хуже сей напасти?
Что мы сами наживем — и в том нам нет власти.
Пройди всю вселенную — нет такого житья мерзкова!
Разве нам просить на помощь Александра Невскова?
Как нам, братцы, не досадно
И коль стыдно и обидно,
Что иной и равный нам никогда быть не довлеет,
И то видим: множество нас в своей власти имеет,
Во весь век сколько можем мы, бессчастные, пожить,
И всегда будем мы, бессчастные, тужить.
Знать, прогневалась на нас земля и сверху небо,
Неужели мы не нашли б без господ себе хлеба.
На что сотворены леса — на что и поле,
Когда отнята и та от бедных доля?
Зачем и для чего на свет нас породили?
Виновны в том отцы, что сим нас наградили.
Противны стали ныне закону господа,
Не верят слугам ни в чем и никогда!
Без выбору нас, бедных, ворами называют,
«Напрасно хлеб едим» — всечасно попрекают,
А если украдем господский один грош,
Указом повелят его убить, как вошь.
А барин украдет хоть тысяч десять,
Никто не присудит, что надобно повесить.
Умножилась неправда в российских воеводах:
Подарок принесет кто — тот прав и без дово́дов.
На власть создателя престали уповать
И нами, как скотом, привыкли обладать.
Все земли нас бранят и глупости дивятся,
Что такие глупые у нас в России родятся;
И подлинно в нас глупость давно вкоренена,
Что всякая здесь честь побродам отдана.
Боярин умертвит слугу, как мерина,
Холопьему доносу и в том верить не велено.
Неправедны суды составили указ,
Чтоб сечь кнутом тирански за то нас.
В свою ныне пользу законы переменяют:
Холопей в депутаты зачем не выбирают.
Что могут-де холопы там говорить?

Отдали б им волю до смерти нас морить.
Знать, мы все бессчастны на свет рождены,
Что под власть таким тиранам вовек утверждены.
За что нам мучиться и на что век тужить?
Лучше согласиться нам царю служить.
Лучше нам жить в темных лесах,
Нежели быть у сих тиранов в глазах.
Свирепо на нас глазами глядят
И так, как бы ржа железо, едят.
Царю послужить ни один не хочет,
Лишь только у нас последнее точит.
В то и стремятся, чтоб неправдою мзду собирать,
А того не страшатся, что станут злою смертью умирать.
Власть их увеличилась, как в Неве вода;
Куда бы ты ни сунься — везде господа!
Ах! когда б нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля.
Пошли б мы, братцы, в солдатскую службу
И сделали бы между собою дружбу,
Всякую неправду стали б выводить
И злых господ корень переводить.
Прежде их затем, тиранов, пущали,
Чтоб они Россию просвещали,
А они уж так нами владеют,
Что и говорить холопи не смеют.
Когда холоп в господские слова вступил,
То так, как сам себе он побои купил.
Когда в Россию набродов сих пущали,
Тогда нам лучшее правление обещали,
А они российских дворян со однодворцами определили,
А нас, бессчастных, по себе разделили.
Пропали наши бедные головы
За господами лихими и голыми!
Все мы в немилосердных руках связаны,
Как будто таким татством обязаны.
О! злые господа к царю нас не пущают
И милости своей к нам не обещают.
Все мы, бессчастные, обедняли,
Лучше бы чужую сторону спознали.
Как холопем на них не сердиться?
Я думаю, скоро с досады станут беситься.

Чистую рожь купцам всю продают,
А нам уж, как свиньям, невейку дают.
Несытые господа и в пост мясо едят,
А холопем и в мясоед пустые щи варят.
О! горе, братцы, наше:
Всегда нам, бессчастным, аржаная каша.
Господа пьют и веселятся,
А холопем не велят и рассмеяться.
Лягут спать на канапе — не кричать,
Велят тихо ходить и ничем не стучать.
Если ж кто небрежением застучит,
Тот несносные побои получит.
Не выходит из голов господский страх,
Будто никакой сидит за плечами враг.
Сколько нам, братцы, ни рваться,
Знать, по смерть нам их бояться.
А когда холопей в яму покладут,
Тогда и вольный абшит в руки дадут.
Нет холопем никакой надежды,
Не выслужить нам себе хорошей одежды.
Защитники их в Деделове хворостом торговали,
Да слух прошел, что и те в провальную яму попали.
И потому не от кого ожидать застой,
Разве нет ли на саратовской степи ямы пустой.
Только их и веселит с табаком рог
Да в чистом поле зеленый горох.
Хотя бы выпил с горя чарку винца,
Да взять негде и кислого пивца.
Господи наш боже!
Даждь в небесном твоем поле ложе!
Ты бо нам творец:
Сделай бедным один конец!

Около 1767

24. ГОРЕСТНОЕ СКАЗАНИЕ

Минувшее и настоящее истязание
Воинских служителей
И разного рода жителей,
Обитающих в уголке отдаленном,

Иноверными землями и морями окруженном,
Праведному законному суду взносимых бедных слезы
Поныне остались без всякой решимости и пользы,
Не без стыда такую повесть утаить,
Принуждено пред целым светом публично объявить,
Видно, нет надежды ожидать желаемого решения,
Вознамерились отдать всему миру в рассмотрение.
Пущай всяк, выслушав, справедливо судит,
Кто из нас виноват будет;
Вещь сию почитаем истине подобно,
Всё расскажем, как было, подробно,
Только надобно прежде покушать,
Не будет ли скучно слушать;
О праведный здесь отец-командир и почти владетель,
Не обитает в его душе ни малейшая добродетель,
Неутолимый на всех гонитель,
К лихоимству усердный рачитель,
Не мыслил больше ни о куме, ни о рае,
Как о своем бездонном кармана крае.
От своих буйволиц и коров в гошпиталь молоко доставлял,
И больных почти неволею употреблять заставлял,
Брал из казны денег 25 копеек за кружку,
Считал за робячу всё ту игрушку,
На выздоровляющих непопечительно взирал,
А для большего себе прибытка в гошпиталь к себе здоровых забирал.
Не сделался доволен и тем,
Зачал копать в поле хрен;
Хотя хрен руками солдатскими копал,
Для больных в виде подряда в гошпитальную книгу попал;
Ценою по пяти рублев пуд,
Говорит, моя вся польза тут;
Одним карманом казна не убудет,
На то место еще больше прибудет,
Ежеденно по утрам неусыпное попечение простирал,
Со всякой мелочи неупустительно пошлину сбирал;
О бутылках и о сахаре говорить нечева,
Приносили к нему еще с вечера;
Ни с какой вещи без ведома его
Нельзя продать золотника одного;

Безутешно всех гнал и мучил,
Истинно многим наскучил;
На установленные законы и последующие указы
мало взирал,
Безвинно в холодный погреб офицеров запирал;
Милосердием на бедных совсем не внимал,
Имение и жизнь отнимал;
Всякую последнюю вещь вручил своей воли,
Не было никому ни в чем доли;
Несколько служивым людям была пощада,
И всякому авантажная отрада;
Отменною милостью награждал,
Из фонтана меркою воду раздавал;
Всех жребию отчаянности порабощал,
Мужчин и женщин безденежно в работу обращал;
Не только одни его работы,
Но и посторонним были без заботы,
Одеждою и пищею никогда не наслаждались,
Чуть не с нищими сравнялись;
Бурьян и кизяк денно и нощно на плечах носили
И на покупку того денег не испросили;
Не было возможности для лошадей накосить сенца,
Когда с утеснением в поле паслась овца;
Из ученых инженеров,
Богатых купцов и храбрых офицеров
Составленная в совет его свита
Лукавым лицемерством и шпионством набита;
Отвсюду нестерпимость представляло плачевное горе,
Отчаянно нудило бросаться в море;
Не было никаких средств ко избавлению,
Усердно приступили все к молению;
«Всевышний и милостивый творец,
Пощади своих овец».
Услышал начальный страждущих глас,
Несколько облегчил нас;
С реки Невы из числа смертных прилетал Ра⟨фаил⟩,
К путю спокойну двери растворил,
Случаем нечаянно вдруг позвали
К ответу барина в Петербург.
Всяка была душа рада,
Немалая возросла всем отрада,

Думали тогда, что он падет,
Уж слава и гордость его минет;
Некоторый протекший здесь слух
Потревожил всех веселый дух;
Всеянная между нами прежняя страсть
Праведно предвещала по-прежнему в его руки впасть;
О том многие и немало тужили,
Однако спокойно служили;
Внезапно пронесся слух про Петербург,
Явился плотенный ангел вдруг;
Законных прав нелицемерный хранитель,
Санкт-Петербургский житель коллежский правитель;
Всем радость несказанную предвещал,
А других в Россию вывесть обещал;
О прежней власти не велел думать,
Он сюда, сказал, не будет;
Будучи уверены и тем,
Не думали ни о чем;
Верить, кажется, больше кому,
Как не ангелу тому;
В чем все твердо положились,
От гонения злобы будто забором заложились;
В страхе и в упрямстве человек без жалости шкатулкой тряхнул
И настоимый ему гнев скоро отпихнул;
Пред престолом владычества представлен,
И всякой его проступок отечеству прибытком прославлен;
За что его персонально там благодарили,
Сверх кавалерии на пять тысяч подарили.
В сей час отбежали от него надлежащие прещении,
Не уповает никогда быть за злобу во отмщении;
Сей подарок в руки получил,
Заслуженные наказания в бездне беспамятство заключил;
И вздумал избавителя своего трудить,
Чтоб он постарался его на место прежнее определить,
Как скоро об оном доложил,
Тотчас и определено, чтоб здесь жил;

Протек здесь о том достоверный слух,
Вострепетал гонимых дух;
Приездом к границе появился,
Бедных слезный поток пролился;
Наполнились стоном горы,
Взволновалось и море;
Предстал всем ужасный страх,
Возвеялся ветром прах;
Друг к другу, говорили: «Внемли,
Конечно будет трясение земли»;
Одни только рыбы за него бога молят,
Что кроме его невода никто их не ловят;
И так нам ангелово предвещание сделалось ложно,
Впредь тому и верить не можно;
Правда, не надобно на него пенять,
Теперь он многими делами занят;
Когда со временем об нас припомнит,
Может быть, и обещанное исполнит;
Ныне правду худо наблюдают,
Регламенты и указы презирают;
К исполнению законов и глаз своих не взводят,
Из целовальников в чин офицерский производят;
Теперь прошедшее окончали;
Настоящее говорить начали;
По-прежнему власть уже здесь воцарилась,
Гонение, гордость и злоба вяще бывшей открылась;
Разгордившись, разъезжает колесницей;
Называют сию окружность своей столицей;
Не думает ничего
И не смотрит ни на кого;
Без разбору всех ругает
И вышних от него чинов незнающим называет,
Во всем прежнем своенравно порядок восстановил
И всех своих сообщников к должностям определил;
Всеял во всех свирепый страх,
Скоро домы беспомощных обратятся в прах;
Он, кажется, прежде милостивее был,
Только живых людей мышьми травил;
А ныне никак собрал всю растащенную злобу от века,
Уже в состоянии и сам съесть человека;

Нет таких кащеев на примете,
Которые бы зазнали сему подобного в свете;
Саул царь ненасытно Давыда гнал и утомился,
А сей, возвратившись от беды, еще больше возгордился:
Отверз своевольства пространную дверь,
Рыкает как зверь;
Подобием герцога себя прославляет,
Ему псарней и конюшней осмой класс управляет;
За усердные того труды
От себя не отпущает никуды;
Находится без исправления государевой службы,
Ни в чем не имеет нужды;
Изрядно за всё отблагодарен,
Тридцать семь ступеней приходя чердаком награжден,
Вот в чем настоятелю можно приписать похвалу,
Как разумному черкасскому волу;
Он предположенными законами дисциплину весьма соблюдает,
По воинским уставам, предосторожностью хорошо поступает;
Не только каждая купеческая лавка и последний переулок без стражи не оставлен,
Но и у фонтана караул приставлен;
Не пора ль уже перестать,
И не лучше ли в кротости замолчать;
Ведь больше словами только наскучим,
А свободу вряд ли получим.
Конечно, вышнего творца прогневали мы одни
И осуждены здесь страдать на многи дни;
Некуды от сей нужды избежать,
Но надобно больше к молитве прилежать;
Нельзя сего упросить нам одним,
Лучше положимся на весь мир;
Может быть, праведно миром проговорят,
Виноватого на теплые воды сослать,
На что несумненно уповаем
И милостивой конфирмации ожидаем.
Если и миром сего не решить и не упросить,
Принуждено будет жилище и службу бросить;

Сие сказание
Писал по общему приказанию.
Объявить прозвища боюсь
И, как меня зовут, не скажусь;
Плачевного года темного месяца,
Ноября шестого на десять числа,
Вся команда в святцах не нашла.

Конец 1770-х — первая половина 1780-х годов

25. ЧЕЛОБИТНАЯ К БОГУ ОТ КРЫМСКИХ СОЛДАТ

Вседержителю боже наш и вселенной творец,
Создатель всей твари и словесных овец,
Позволь, владыко, хвалу тебе воздать,
А на праотца Адама челобитную подать,
Внемли, владыко, приклони ухо твое ближе,
А о чем наше прошение, тому следует ниже.

1-е

Всемилостивый боже, Адам виной всему,
Не права и Ева, почто дала ему;
Ослабели они оба в той самый час,
И пала слабость их на всех нас;
Согрешили в том сии человеки,
Остался их грех всем потомкам навеки.

2-е

К сей

Адам в роскоши породил своих сынов
И в младости их не был к ним суров,
Не умел их учить и унимать
И допустил их друг друга убивать;
Размножились их завистные семена,
И зачалась от них во всем свете война.

3-е

челобитной

По Адаме мы стали страстны и завистны,
И потому и ближним своим ненавистны,

По Еве все вышли мы прелестны,
И в том тебе, господи, все дела наши известны:
Завиствуем и друг у друга отнимаем,
Уж не по одному, по тьме братьев убиваем.

4-е

служа

Женою Адам был на грех прельщен,
За что он был адом поглощен,
Почто ж велел нам быть женам послушны
И против их быть слабым и малодушным,
По желаньям их во всем им угождать
И, для них странствуя, в трудах нам умирать.

5-е

салдаты

Адам чрез жену лишился приятного раю,
Чрез то ж лишены и многие отеческого краю;
За грех Адам лопатою землю рыл,
Для чего он нам к вящшему след открыл;
Имение отнимаем у ближнего насильно,
И за его же доброе убиваем безвинно.

6-е

крымские

От Адама зависть в народе вселилась
И для убивства война вкоренилась;
И тщеславия одного край света забегаем,
Не щадя себя и жизнь свою теряем,
А к поощрению избран у нас закон,
Не знаем, при Адаме был каков он.

7-е

Драбанты

Адам детей своих не равно породил,
Так и потомков своих тем же наградил;
Многим и к честолюбию дана зависть страстно,
Много ж страждут безвинно и гибнут напрасно;

В чужих странах погибши и оставивши свою,
Ей-господи, забыли всю заповедь твою.

8-е

в Крыму

Адам в паденьи сам трудно работал,
Почто же свои лопатки он нам отдал,
По смерти своей во ад хоть и попался сам,
А Каинову злость и зависть оставил нам,
До воскресения ж и сам рая не получил,
А суете мирской он народ весь научил.

9-е

живучи

Ныне же Адам и с Евою живет в раю,
А нас оставил в проклятом крымском краю,
Показав, как дрова рубить косами
И сбирать в поле навоз нашими руками;
День и ночь кизяк на плечах носим,
И в том тебя, господи, и на праотца просим.

10-е

труды

Адам обращался наг всегда в трудах,
Лишились и мы чрез то сапог и рубах,
Обносились в Крыму, а купить денег нет,
И так мучимся уже много лет;
Трудно жить в Крыму, а снесть не можно,
Объявляем, господи, всю нужду нашу неложно.

11-е

несучи

Адам трудился и служил только для одного бога,
Для чего ж у нас явилось земных божков много,
И каждый принуждает себя кадить и почитать,
Да не знаем, от кого нам милости ожидать;
Мы всякому поем, хвалим и величаем,
Только награды и заслужа не получаем.

12-е

о нужде

Адам хотя наг ходил, да никогда не зяб,
Почему он научил делать навоз и кизяк;
Всему вышеописанному причиною Адам,
Почто все страсти в наследство оставил нам;
Сим, господи, просим, на небо взирая,
Ей, Адам достоин наказания, не рая.

13-е

своей

Всемилостивый боже, страсть и зависть истреби,
Навек честолюбие с тщеславием погуби,
Внуши добродетель с правдой в народы;
Еще можем прослужить мы на некие годы,
Нет достатка сил служить, божков земных много,
Чрез них забываем тебя, творца и бога.

14-е

тужили

Избавь нас, владыка, от многочисленных божков
И исторгни нас от вредных и тяжелых оков,
Защититель наш господь бог и спаситель,
Прибежище и покров ты, наш избавитель,
Спаси от земных божков власти
И не попусти в свирепство их впасти.

15-е

и руки

О боже, сие прошение наше милостиво вонми,
А нас от Крыма проклятого в число людей прийми,
Где нет сил трудов больше сносить,
Сим должны тебя, творца бога, со слезами просить:
Всемилостивый боже, от татар и чумы нас соблюди,
Повели дух взять в рай, а из Крыму изведи.

приложили

Холодного месяца,
Морозного числа,
Неурожая в Крыму денег, года.

Конец 1770-х — первая половина 1780-х годов

26

Ох, как был-то я добрый молодец во неволюшке,
Во неволюшке, в доме господскиим.
Служил я своему князю верой-правдою,
Уж тому князю строгому,
Князю Николаю Сергеичу Долгорукову;
Служил я ему тринадцать лет,
Не заслужил я себе славы добрыя,
Славы добрыя, чести-милости.
Не видал я дней веселыих,
А всегда я был во кручинушке.
Без резону он всегда гневался,
Без вины он нас наказывал,
Он наказывал нас всегда палочьем,
Апосля того под караул сажал,
Под караул сажал на хлеб, на воду,
Заставлял работать в зеленóм саду,
По прешпехтам березовым,
По дорогам зеленыем.
Что копали мы пруды глубокие,
Огораживали дворы птичные,
Запретил он нам по ночам гулять,
По ночам гулять, в хоровод ходить,
Заказал он нам и пьянствовать;
Сего я отроду не знал и за то я присягу принял,
И тому князь вспыльчивый не уверился.
Уж он стал склонять во масонию,
Во масонию — веру проклятую.
И за то меня хотел жаловать:
Он давал мне платья цветные,
Награждал меня золотой казной;
И он сим прахом не прельстил меня,
За которое беззаконие он прогневался,
Посадил меня на круглый стул,
Надел на меня ожерелочек,
Еще сковал мне ноги скорые,
Ноги скорые, руки белые.
И хотел меня наказывать.
И того мне не случилося;
Все железцы с меня свалилися,
Ожерелочек с меня и так скочил.

Что с того время я гулять пошел
На чужую дальну сторону.
Что во ту ли землю шведскую,
В которой жил я ровно два года.

⟨1787⟩

27

Коль царям бывает война полезна,
А военным она толь нелюбезна,
Царство войною цари украшают,
А военны жители жизнь проклинают.
Потому нелюбезна им бывает,
Что вечно мужей от жен разлучает,
Отцы и матери толь горько плачут,
А цари всё веселятся и скачут.

⟨1789⟩

28. ⟨СТИХИ, НОСИВШИЕСЯ В НАРОДЕ, НА СЛУЧАЙ СМЕРТИ ПОТЕМКИНА⟩

Век сча́стливо прожив, Потемкин князь скончался,
Роскошествуя жил и дельности чуждался,
Век умницею жил, но был ли он таков —
Судить лишь могут то Фалеев и Попов.
Другие ж от него так *да* да *нет* слыхали,
Иные только рост, походку его знали.
В нем чести, правоты не виделось следа,
Властолюбив и горд, надменен был всегда.
Незнающий был вождь. Непобедимо войско
Доставило ему название геройско.
Везде он крал казну, себя обогащая,
Пол женский развращал, богатством обольщая.
Его уж нет! — Забудем, престанем говорить,
Дадим наследникам простор имение делить.

Октябрь 1791

29. ЭПИТАФИЯ НА СМЕРТЬ ЕГО СВЕТЛОСТИ КНЯЗЯ ГРИГОРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО

Родиться, умереть есть обща участь смертных.
Никто на свете не рожден ни от кого бессмертным:
И знатный, и простой, и подданный, и царь
Умрет во время так, как и простой пахáрь.
Жизнь наша вечность есть, а здесь живем на время,
И смерть лишь свергнет с нас сие претяжко бремя!
Коль знатен ни был бы, но всяк есть человек
И должен окончать когда-нибудь свой век.
О ты, что выше всех быть смертных здесь казался
И самых облаков уж славою касался;
О ты, который был для всех россиян страх,
Светлейший князь! Но ты теперь единый прах,
Ты прах теперь земной! Почти невероятно!
О, коль в сем мире всё вертúтся коловратно!
Тот, кто вчера был всем на свете пресыщен,
Кто славой, титлами недавно величался,
Того уж прах теперь единый лишь остался.
Вот бренность жизни, вот мирская суета!
Чины, достоинства — едина лишь мечта!
Мечта, наш ум и взор пленяюща собою
И не дающая нам в жизни сей покою!
О вы, которых блеск мечты сей ослепил,
Познайте хоть теперь, что он вас обольстил.
И так, светлейший князь, внезапно ты скончался,
Хоть выше смерти быть по силе ты казался.
Средь самых славных дел оставил здешний свет,
Пошел во всем отдать всевышнему ответ.
Почто ж не совершил начатых ты деяний
И не узрел еще конца своих желаний?
Почто вдруг восхотел предстать ты пред творца,
Не получа еще здесь царского венца?
Сего единого тебе не доставало.
Сего-то лишь твое здесь сердце и алкало!
Но рок внезапно твой в пути тебя постиг.
Почто не отвратил его хотя на миг?
Ты всё творить здесь был по силе своей властен;
Но знать, о князь, и ты в сем мире был равно несчастен,

Когда ты, могши жизнь и смерть другим давать,
Не мог уже своей здесь смерти избежать?
О вы, что на него надежду полагали
И счастье чрез него снискать здесь уповали,
Познайте истину священных сих словес,
Которыя Давид в псалмах нам произнес:
Не уповай никто ни в чем на человека,
Умрет, когда придет его кончина века.
Исчезнет всё тогда, и слава вся минет,
Надежда та во всем тогда же пропадет!
Воззрите на него: в земной уж он утробе
И по трудах своих покоится во гробе,
Хотя недавно он всех смертных превышал.
Но всё прошло, и он как будто не бывал.
Героем славился, сармат был победитель,
Отечества же он был истинный губитель,
Несносен был он всем, зловерный человек,
Во сладострастиях провел почти весь век.
Вот в чем пред протчими себя он воспрославил!
Вот память по себе столь подлую оставил,
При жизни истинной хвалы он не слыхал,
По смерти же хулы от всех не избежал.
Пустая слава та и с жизнию проходит,
Что не от истинной добро́ты происходит;
По мне хоть есть она, хоть нет, так всё равно.
Гетма́нство, княжество — мечтание одно!
Почтенья и любви нельзя купить за злато.
Сколь ни жил бы кто здесь роскошно и богато,
Но добродетели они одной плоды,
И мзда за истину к отечеству труды.
О, блеском таковым в делах себе не льстите.
Потемкина в пример теперь себе возьмите.
Хоть беспредельную имел во всем он власть,
Но сколько и жалка его по смерти часть!
Она научит вас великости гнушаться
И добродетельми одними украшаться.
О вы, хотящие по ровном с ним пути
На первую степе́нь достоинства взойти,
Такого ж жребия по смерти ожидайте
И мыслью сей себя заранее терзайте!

Октябрь 1791

30. НАМЕСТНИЧЕСТВО

Ежели государев наместник
Будет на взятки прелестник,
То и губернское правление
Возьмет на то стремление.
Сыщет и казенная палата,
Чем быть богата,
Также и уголовная
Не будет в том прекословная.
Гражданской и магистрат губернской
Не погнушаются страсти мерзкой,
Суды надворны
За деньги будут сговорны.
Верхние и нижние расправы
Постараются для своей исправы,
Верхние и нижние земские суды
Не оставят тщетно свои труды.
Разбирать будет совестный суд,
Кто на дачу будет хорош или худ,
Да и приказ общественного призрения
Не будет в этом иметь зазрения.
А паче управа благочиния
Имеет способ для сего бесчиния.
Генерально всех тех мест,
Коих и числа здесь несть,
Председатели и заседатели
Только человеческой плоти объедатели.
Такие ж точно воры
Стряпчие и прокуроры,
Уездные начальники
И капитаны и исправники.
А секретари — давнишние алтынники,
Подьячие ж — неописанные шильники.

⟨1792⟩

31. ОДА НА ДЕНЬ ТОРЖЕСТВЕННОГО ПРАЗДНЕСТВА ПОРАБОЩЕНИЯ ПОЛЬШИ

В долине, кровью обагренной,
Где огнь вражды едва погас,
В которой Тартар раздраженный
Изобразился столько раз,

Жена, печалью сокрушенна,
В одежду скорби облеченна,
Почти безжизненна лежит;
Мечами тело изъязвленно,
И смерть на ней косой блестит.

Недавно в счастьи ликовала,
Недавно мощною рукой
Врага кичливого смиряла,
Бросая гром ужасный свой.
Но вот десницей разъяренной
Перед гордыней вознесенной
Заставил преклонить чело:
Насилье с ней венец сорвало,
Тщеславие его прияло
И ей, презлобной, поднесло.

Из жерл, Плутоном сотворенных,
Веселия раздался гром,
Во храмах, богу посвященных,
Звучит признательный псалом.
В чертоге фурии ужасной
Сонм подлых душ подобострастный
Жжет лести гнусный фимиам.
Звон колокольный слух пронзает,
Чернь буйна громко восклицает,
И плеск несется к облакам.

Превыше звездного эфира
Стоит престол царя царей,
Который всю громаду мира
Объял десницею своей.
Туда Фемида воспаряет,
К стопам владыки упадает
И так со стоном вопиет:
«О царь! О отче мой любезный!
Смягчись моей судьбою слезной,
Уж скоро власть моя минет.

Неправда злобною рукою
Повсюду ярый мещет гром,

Поправши истину ногою,
Невинность тяготит ярмом.
Воззри на грады сокрушенны,
В сердца проникни огорченны,
Услышь стон вдов и плач детей,
Зри в ризу мрачну облаченну
Жену, железом изъязвленну,
И тронься жалобой моей.

Творец божественным вожженьем
Покой душе ее отдал,
Перста единым мановеньем
С лица мрак грусти весь согнал...
Но вдруг небесный чин смутился,
Блеск яркой молнии пролился
И громы небо потрясли.
Простри он ведь на землю взоры,
Пройдут неправды и раздоры —
Другие времена пришли».

Сияюща нам солнца дева,
Держа ужасный бич в руках,
Являя на земле жар гнева,
Повсюду простирает страх.
Так тень ночная исчезает,
Когда луч солнца воссияет:
От ней чудовищей так сонм
Стремится в Тартара пучины,
Страшася грозные судьбины,
Услышав возгремевший гром.

Исчезли власти все коварны,
Исчез направды лютый вид,
Но кто ж приметы сии славны
Возмог толь быстро совершить?!
То вольности рука могуща,
Вселенной счастие несуща,
Низвергшая насилье в ад.
К ней равенство с небес приходит,
Законы скиптр златой приносит,
И море пролилось отрад.

Уж скоро троны потрясутся,
И если власть царей минет,
Уж скоро смертные проснутся
И месть в них пламень свой возжет.
Железный скипетр самовластья
Уж крайность совершил несчастья.
И земледелатель простой,
Почувствовав неволи бремя,
Благословенного ждет время,
Как вольность принесет покой.

Царица областей обширных!
К твоим я падаю стопам:
Будь нам виновницей дней мирных,
Уподоби себя богам,
Реки: «Народ мой, будь свободен».
Сей глас божественный удобен
Моря блаженства проливать.
Иль хочешь фурией остаться,
Век человечеством гнушаться
И свет ногами попирать?!

Около 1796 (?)

82. ⟨СТИХИ, НОСИВШИЕСЯ В НАРОДЕ В 1802 ГОДУ, НА КНЯЗЯ ГАВРИЛУ ПЕТРОВИЧА ГАГАРИНА⟩

Так-то делают вельможи,
Так-то век свой кончит плут,
Благовидные их рожи
Часто в гибель их влекут.

Князь княжим почтенным родом
Рожу рожей прикрывал,
Сро́нил маску — и уродом
Себя свету показал.

Жил как ангел будто плотский,
А таскал, что смог, как крот,
Написав устав банкротский
Для себя — и стал банкрот.

Где акафисты, молитвы,
Где смиренный разговор,
Эти сети для ловитвы,
Кои расставлял нам вор.

Обокрав до миллиона
Разных званиев людей,
Ты прибег под сень закона, —
Свят закон, а ты злодей.

В свет появишься, Г⟨агарин⟩,
Принят будешь за кого?
Взглянут: ленты, — это барин!
По душе что? — ничего!

Был министр, а стал банкротом,
Спросят, отчего и как?
Плутовским-де оборотом, —
Так, кто верил, тот дурак.

Право, князь, чему смеяться,
Твой прожект хоть бы куда!
Обокрав, вздума́л прижаться...
Хорошо, но ведь беда:

Дураки другое скажут,
Со́брав вну́чат и детей,
Пальцем на тебя укажут:
Бойтесь вы его — злодей!

Целый век молился богу,
Целый век псалтырь читал,
Худо понял и дорогу:
Вместо рая в ад попал.

Пересудят скоро черти
Все сиятельны дела,
Будут исчислять по смерти,
Сколько делал в жизнь ты зла.

Как ты, бывши прокурором,
Занимав, не отдавал,

Не хотя быть явным вором,
Вексель за дела давал.

Вспомнят, как людей подлейших
Ты в майоры произвел,
Чтобы дел твоих гнуснейших
Был певец, который пел.

1799

33

Похож на Фридриха, скажу пред целым миром, —
Но только не умом, а шляпой и мундиром.

Между 1796 и 1801

34

Не венценосец ты в Петровом славном граде,
Но варвар и капрал на вахтпараде.

Между 1796 и 1801

35. СОТВОРЕНИЕ СЕКРЕТАРЯ

Однажды ада царь в своем дворце
Потупя взор сидел
И цепию гремел...
И мыслил о творце —
Как мог он сотворить весь свет из ничего?
«И даже я завишу от него!
Постой! Нельзя ли славу мне его затмить...
И я составлю человека,
Какого не было от века».
Вскочил и снадобья искать идет.
А у чертей,
Как у людей,
Аптеки есть и медицинский факультет.

Пошел в аптеку рыться...
Пыхтит,
Кряхтит,
Лишь градом пот катится...
«Нашел!» — вдруг демон закричал,
И ад весь задрожал.
Вот начал он микстуру составлять
Из трав: бездушья, грабежа, бесстыдства и обмана,
Чернильной накипи и адского дурмана.
«Давай-ка, уж пора работу начинать!»
Все изумляются, не знают, что сказать...
Пошла работа у чертей —
Кто трет,
Кто мнет,
Кто льет!
И вмиг готово всё у адовых детей.
Люцифер сам стал истукан лепить,
И тело
Уж поспело;
Одно осталось дело —
Одушевить.
Для сей причины он в него весь дух свой вдунул,
И плюнул!
И истукан зашевелился.
Чему и ад весь изумился!
Царь ада, видя то, с улыбкой говорит:
«Какого я красавца сотворил!
Тебе нет имени еще, любезна тварь:
Так будь же *секретарь*!
Ты будешь всяко зло и мерзости творить,
А в прочем буду я тебя руководить!»
Тут секретарь челом своим кивнул
И обе руки протянул,
Чтоб взять за то
С него,
Что сотворил его.
Что ж ада царь? Рассвирепел?
О нет!
Велел швырнуть из ада в этот свет.

Конец XVIII века

36. СТАНС

Когда Подлон кричит пред многолюдным кругом,
Что с ним министр вчера беседовал как с другом,
А время тот министр с ним дружески деля,
От скуки дал ему раз пять-шесть киселя, —
Встречаясь иногда с вралями таковыми,
Я прав, пренебрегая ими.

Когда мне Сумасход умильным, тихим гласом
Бормочет проповедь, стращает смертным часом
И, мысли все свои направив к небесам,
Толкует то, чего не понимает сам, —
Не могши вздорами мой ум занять такими,
Я прав, всегда скучая ими.

Когда о тактике Храброн всечасно бредит,
Мечтая, будто он Румянцову наследит,
И думает, что тем за славою парит,
Когда Румянцова он речью говорит, —
Почасту будучи с Тюренами такими,
Я прав, смеявшися над ними.

Когда случилось мне увидеть онамедни,
Что, рано идучи поутру от обедни,
Ханжахина кресты десницею кладет,
А шуйцею слугам пощечины дает, —
Обращаяся с змея́ми таковыми,
Я прав, гнушаясь вечно ими.

Когда, жеманяся, придворный дурачина
Считает, будто нет его важнее чина,
И, спрошен будучи, где на обеде был,
Из чванства говорит: «Я, право, позабыл», —
Бывая нередко́ с животными такими,
Я прав, ругаяся над ними.

Конец XVIII века

37

После обеда
Была у секретаря беседа;
Первый разговор их шел,
Кто из какого звания произошел.

Продолжения их материи.

Секретарь

Назад тому несколько лет был я звонарь,
Имел в команде своей ключи и фонарь,
Носил имя пономаря;
Ныне чин имею губернского секретаря,
Столб суда и округи, —
Под пером моим злодеи и други.

(Приказные его)

Кузмич

А обо мне извольте знать,
Что я мещанской зять,
Родом холоп,
Крестил меня безграмотный поп.

Матвеич

Я шлюсь на всех судей,
Что я из приказных людей:
Издревле наше племя
. . . . крапивное семя.

Секретарь

По глаголу вашему да буде:
Видно, из ничего мы все вышли в люди.
Сядьте, друзья мои, около меня кругом,
Поговорим о чем-нибудь другом —
Правда или ложь говорят сотские,
Будто бы недовольны мною крестьяне
господские?

Кузмич

Если бояться этой дряни,
Что врут господские крестьяни,
То уж нельзя жить на свете,
Помрут с голоду наши жены и дети.

Матвеич

Ваше благородие, курочка по зернушку клюет
Да сыта живет,
Так-то и наше приказное дело —
Дери со всякого смело.

Секретарь

Правда, и я на закон-то мало гляжу,
Волокут со всех сторон, я еще на постели лежу.

Матвеич

По милости твоей не оставляют у нас сирот,
Рано и поздно стоят мужики у ворот —
Без всякой докуки
Дают барашка в руки.

Кузмич

А у меня обычай молодецкой,
Я веду всякого мужика в кузнецкой,
И по милости мирской
Всякой день пью, адвокат морской.

Секретарь

Я как начал жить всториц,
Не покупал масла и яиц,
А скажу без всякой лжи —
За расходом продал еще полсотни четверти ржи.

Конец XVIII века

38. НЫНЕ УПОТРЕБЛЯЕМЫЙ САКСОНСКИХ КРЕСТЬЯН «ОТЧЕ НАШ»

Солдат, как скоро в дом вступает,
Хозяина он призывает —
Отче!
Имение и весь твой дом
Теперь стал не твой уж он —
Наш.
Молчит крестьянин, размышляет
И внутренне его ругает —
Иже еси.

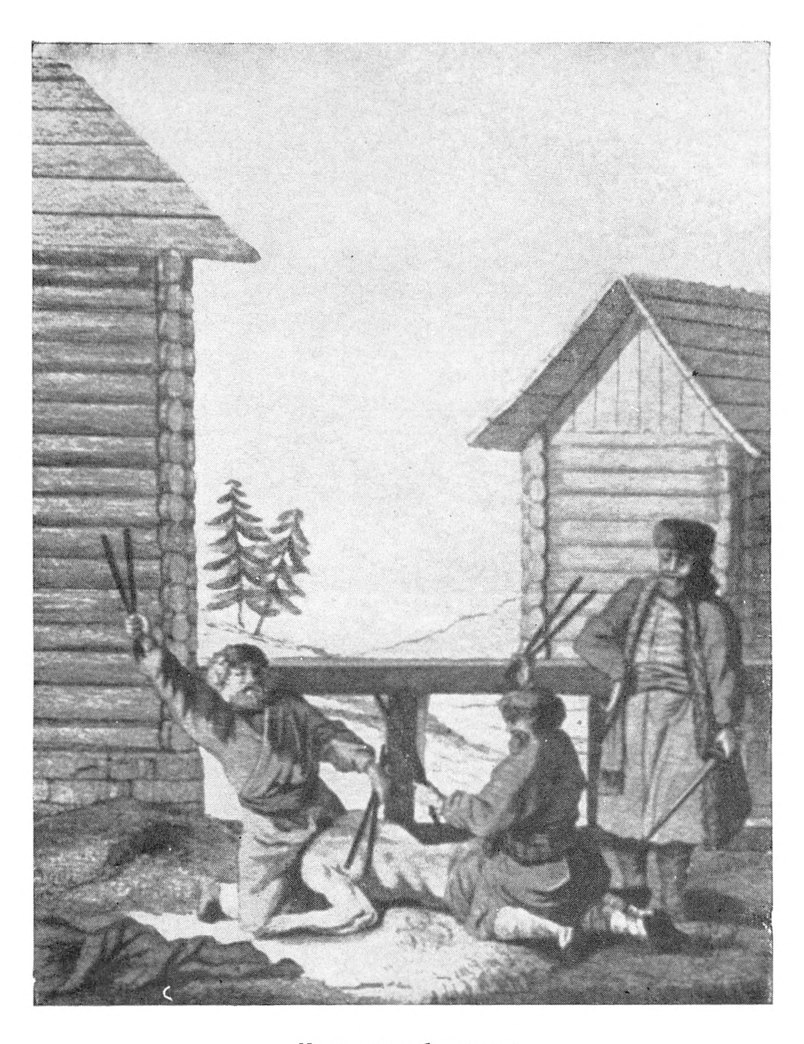
Всѣ наши дщерей отняли
среди ихъ они введены=
стали --- возвышенія

Все скинувши не оставь над бѣдною
между людей честнии
бреннои --- но избави на

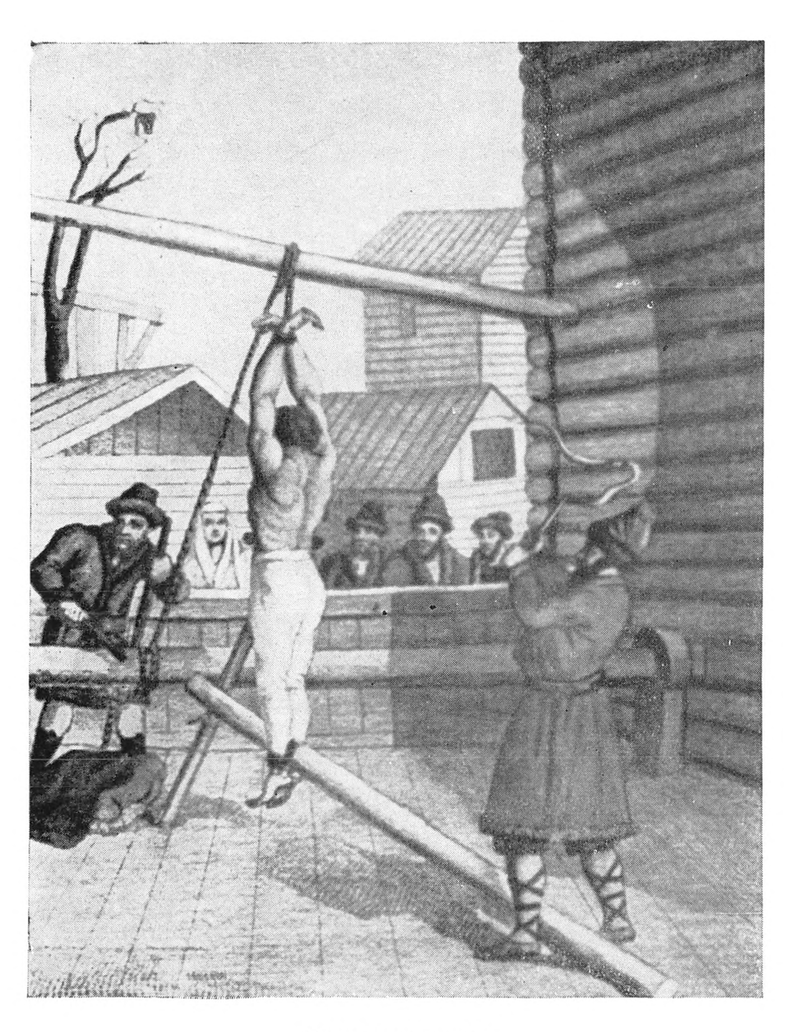
Спаси над садъ нашу и страх
помилуй свободи=
избави --- от всякаго

Что бо все са[illegible] провалили
или напрасно
употребили --- аминь

Щастливой век наш перервался,
Помощник нам един остался —
На небеси.
Число злодеев есть безмерно,
И нет достойного в них верно —
Да святится.
Что все народы почитают —
Они, о боже, раздражают
Имя твое.
Лишенный щастия, покою,
Спасение твоею рукою
Да приидет.
Когда тобой не защитится,
Разграбится и разорится
Царствие твое.
Когда злодеев смерть постигнет,
Избавленной народ воскликнет —
Да будет воля твоя.
Напастей, бед совсем лишася,
Все будем жить мы, веселяся,
Яко на небеси.
Отколь животные взялися,
Не с неба ль сшедши развелися
И на земли.
Своим всё наше почитают
И с жадностью из рук хватают
Хлеб наш насущный.
Крестьянин всяк из них кричит,
Чтоб было нам что есть, что пить
Даждь нам днесь.
Хоть подать тебе, царь нещастный,
Не заплатим в сей год ужасный —
И остави нам.
Теперь нам всем не до тебя,
Платить нет сил и за себя
Долги наша.
Противники владеют нами
И с нашими живут женами,
Яко же и мы.
Хоть в сердце злобу к ним имеем,
Но в том им запретить не смеем —
Оставляем.

Наказание батогами

Наказание кнутом

Гостей несносных мы имеем,
Пусть черт в ад их сведет к злодеям —
Должникам нашим.
Пусть будет скот наш в их угодность,
Самих к ним, боже, в ту же должность
Не введи нас.
Жен наших, дочерей отняли,
Чрез них они введены стали
Во искушение.
Всесильный, не оставь нас, бедных,
Между людей жестоких, вредных —
Но избави нас.
Спаси нас, часть нашу исправи,
Помилуй, свободи, избави
От лукавого.
Чтоб все солдаты провалились
Или на турков устремились —
Аминь!

Конец XVIII века

39. ПРОШЕНИЕ В НЕБЕСНУЮ КАНЦЕЛЯРИЮ

Всепресветлейший и милостивейший творец,
Создателю небес и всея твари отец!

Просят слезно нижайшие твари,
Экономические крестьяне.

О чем прошение, тому следуют пункты.

1

Не было в сердцах наших боли,
Когда не разделены были на волостные доли,
И всякому крестьянину была свобода,
Как управлял нами воевода:
Тогда с каждого жила
По копейке с души сходило,
А ныне головы и земские
Для нас мучители мерзкие.

2

Как известно ныне всему свету,
Что от секретаря и приказных житья нам нету;
По их науке сотские-воры
Поминутно делают поборы,
Поступают с нами бесчестно,
Чего не слыхано было вечно.
Прогневили тебя, небесного царя,
Что такого имеем секретаря;
Разорил он нас вконец,
Не оставил ни куриц, ни овец.
Прежде тиранили, ненавидя християнской веры,
А ныне мучат без меры,
Как не дашь из дому весь свой доход,
Который ожидаем на секретарский расход.

3

Суди, владыко, по человечеству:
Какие мы слуги отечеству?
До такой крайности дошли, что нечем одеться,
Не только в праздничный день разговеться;
Работаем и трудимся до поту лица,
Не съедим в Христов день куриного яйца;
Едим мякину вместе с лошадьми;
Какие ж мы уже можем назваться людьми?
Стали убоги мы, нищи,
Что не имеем насущной пищи,
Кроме иной как мякины свиной,
И за тою присылают от разных
Секретарей и приказных.

4

А паче всем народом вопием к тебе, царю:
За что такая власть дана секретарю?
Сам и его приказные
Делают потехи разные:
Для своих шуток
Щупают нарочно и ловят уток;

В работу сенокосную
Чинят нам обиду несносную;
А осенью, когда утки хороши,
Делаем для них шалаши,
И таскаются целый день пó лесу:
Не стало у нас от крику голосу.

5

Дошло уже, нечем истопить избенки:
Замучены от секретаря и лошаденки;
Никакой нет милости и свободы;
Для всякого особливые подводы;
Жены наши и ребятишки
На себе таскают дровнишки;
А кто имеет жизнь горькую,
За тем отстает тот хлеба уборкою.
А как настанет зимний путь,
То всякий из нас готов будь,
Как уже на мирском сходе
Легло на брата по подводе,
Вывезть по сажени дров
На секретарский двор,
Даже в деревнях — и приказным.
Нет времени быть праздным.

6

А как придет весна,
То жены наши станут ткать краснá;
С каждого домишку
По полупуду выходит льнишку.
А сверх того для их чести
По фунту дадим овечьей шерсти,
По мотку с двора ниток,
Какой ни был бы пожиток.
А на такого тирана известного
Решились трудить тебя, царя небесного.

7

Всепресветлейший владыко! Просим слезно, простирая руки:
Воззри на нас, как ныне страждут Адамовы внуки.
Не имеем тягости от земного царя,
А обнищали и разорились вконец от земского секретаря.

Между 1797 и 1803

40. ⟨САТИРИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ НА ИСПРАВНИКОВ⟩

На голос «Вдруг с полночи» и пр.

Вдруг под вечер сани зашумели,
Колокольчики на дугах ⟨за⟩звенели;
Едут, едут, свищут,
Десятского ищут, —
Где тут десятской квартиру нам отвел?

Знать, что в деревню приехал исправник
Мирские нужды и свои исправить;
Понятые свищут,
Сотского ищут, —
Где живет сотской и выборной?

Не успел сотской с выборным одеться,
А исправник идет в избу греться,
Он так осердился,
Точно как взбесился,
Бряк его в рожу: «Отворяй ворота!»

Выборной с сотским смело ободрились,
Вынувши деньги, низко поклонились;
Красную бумажку
Положили в кармашку;
Дайте и писарю что-нибудь.

Вошед в избу, сказал это слово:
«Эй, хозяйка, всё ль у тебя готово?
Дело всё на грядку, —
Яичницу всмятку,
Дайте подводы — нам ехать пора».

Конец XVIII — начало XIX века

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА

И. И. ПНИН

Иван Иванович Пнин (1773—1805) — видный публицист и поэт. Его «Вопль невинности, отвергаемый законами» (1802) — памфлет, направленный против крепостников и против произвола властей, — распространялся в списках. Другое его произведение — «Опыт о просвещении относительно к России» (1804) — спустя некоторое время по выходе книги стало отбираться у книгопродавцев, а переиздание было в 1804 и 1818 годах запрещено. В этой книге Пнин выступил за личное освобождение крестьян и за идеи сословной монархии, основанной на просвещении. Его политический радикализм, проповедь идей равенства, в духе французского материализма XVIII века, в частности Гольбаха, был неприемлем для правящих классов.

В 1801 году Пнин познакомился с вернувшимся из ссылки Радищевым, вошел в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», а через несколько лет стал его президентом. Это общество пропагандировало идеи Радищева. Круг объединившихся в нем поэтов (А. Х. Востоков, И. М. Борн, В. В. Попугаев и др.) выделяется в советском литературоведении в особую групу поэтов-радищевцев. [1]

Пнин — поэт очень широкого диапазона: он писал философские стихи, басни, оды, послания и т. д. Вся его поэзия проникнута публицистическим пафосом — осуждением общественного зла, прославлением гражданской доблести и честного соблюдения законов и пр. («Послание к В. С. С. на Новый год», «Ода на Правосудие», «Слава» и др.). «Послание к Брежинскому» могло быть напечатано лишь через полвека после его написания — оно известно нам только в отрывке. Радищев провозглашается здесь учителем, который «вел путем свободы».

Гражданские мотивы поэзии Пнина непосредственно ведут к следующему этапу русской вольнолюбивой поэзии, которая представлена именами поэтов-декабристов и прежде всего В. Ф. Раевским, К. Ф. Рылеевым, А. И. Одоевским и др.

---

[1] См.: В. Н. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, изд. 2, М., 1953.

41. ПОСЛАНИЕ К БРЕЖИНСКОМУ

Итак, Радищева не стало!
Мой друг! Уже во гробе он!
То сердце, что добром дышало,
Постиг ничтожества закон;
Уста, что истину вещали,
Увы! навеки замолчали,
И пламенник ума погас.
Сей друг людей, сей друг природы,
Кто к счастью вел путем свободы,
Навек, навек оставил нас!

Оставил и прешел к покою.
Благословим его мы прах!
Кто столько жертвовал собою
Не для своих, но общих благ,
Кто был отечеству сын верный,
Был гражданин, отец примерный
И смело правду говорил,
Кто ни пред кем не изгибался,
До гроба лестию гнушался,
Я чаю — тот довольно жил.

Сентябрь 1802

42. БРЕННОСТЬ ПОЧЕСТЕЙ И ВЕЛИЧИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Тот ныне царь — вселенной правит,
Велит себя как бога чтить;
Другой днесь раб его — и ставит
Законом власть боготворить.
Ударит час — и царь вселенной
Падет равно, как раб презренный,
Оставя скипетр, трон, венец. . .
И наконец,
Всё преимущество царя перед рабом
В том будет состоять,
Что станет гроб в стократ богатый заражать.

⟨1305⟩

43. КАРИКАТУРА

(Подражание английскому)

«Что это, кумушка? — сказал Медведь Лисице. —
Смотри пожалуй: Лев наш едет в колеснице.
И точно на таких, каких и сам он, львах!
Неужто же пошли они в упряжку сами,
Неужто силою? Они ведь тож с когтями?»
— «Ты слеп стал, куманек: он едет на ослах!»

⟨1805⟩

А. И. ТУРГЕНЕВ

Андрей Иванович Тургенев (1784—1803) — старший из четырех сыновей известного деятеля русского просвещения и культуры И. П. Тургенева.

А. И. Тургенев окончил Благородный пансион при Московском университете, недолгое время служил в Москве и Петербурге. Он, вместе с братом Александром, Жуковским, Мерзляковым и др., был организатором «Дружеского литературного общества» (1801). За очень немногие годы напряженной литературной работы А. И. Тургенев обращался к переводам, занимался литературной критикой, писал стихи. Его небольшое поэтическое наследие собрано лишь в советское время.[1]

По словам исследователя, «любовь к отечеству и ненависть к правительству делаются для Андрея Тургенева синонимами»,[2] и в этом заключается значение его стихотворения «К отечеству» для русской вольной поэзии.

44. К ОТЕЧЕСТВУ

Сыны отечества клянутся,
И небо слышит клятву их!
О, как сердца в них сильно бьются!
Не кровь течет, но пламя в них.
Тебя, отечество святое,
Тебя любить, тебе служить —
Вот наше звание прямое!

---

[1] «Поэты начала XIX века», «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1961, с. 255—275.

[2] Ю. М. Лотман, Русская поэзия начала XIX века, указ. выше изд. «Б-ки поэта», с. 64.

Мы жизнию своей купить
Твое готовы благоденство,
Погибель за тебя — блаженство,
И смерть — бессмертие для нас!
Не содрогнемся в страшный час
Среди мечей на ратном поле,
Тебя, как бога, призовем,
И враг не узрит солнца боле,
Иль мы, сраженные, падем —
И наша смерть благословится!
Сон вечности покроет нас;
Когда вздохнем в последний раз,
Сей вздох тебе же посвятится.

1802

Д. В. ДАВЫДОВ

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) вошел в историю вольной русской поэзии несколькими важными произведениями: они составляли тот поэтический арсенал, который идеологически вооружал будущих декабристов. «Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободою, кто не цитировал басни Дениса Давыдова „Голова и Ноги“», — свидетельствовал декабрист В. И. Штейнгель 11 января 1826 года.[1] При допросе капитана М. И. Пыхачева 26 апреля 1826 года выяснилось, что басни Д. Давыдова были популярны в среде декабристов.[2] В 1826 году Д. Давыдов ответил М. В. Юзефовичу, укорявшему его за то, что он не издает собрания своих стихотворений: «Эк, братец, к чему? Ведь их и без того все знают наизусть».[3]

Другое стихотворение — басня «Орлица, Турухтан и Тетерев» — воспринималось в качестве программы дворянской оппозиции начала XIX века. Современный исследователь В. Н. Орлов пишет: «Здесь нашли себе отражение и воспоминания о «золотом веке» Екатерины, и обманутые надежды на возвращение этого «златого века». Давыдов самым резким образом отзывается об Александре I, обещавшем в манифесте управлять «по законам и по сердцу возлюбленной бабки» и не сдержавшем своих обещаний».[4]

Кроме перепечатываемых ниже четырех произведений Дениса Давыдова, в репертуаре вольной поэзии постоянно фигурируют еще «богохульно-эротическая» «Богомолка» и четверостишие «Генералам, танцующим на бале при отъезде моем на войну 1826 года»:

Мы несем едино бремя;
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.

---

[1] «Общественное движение в России в первую половину XIX века», т. 1, СПб., 1905, с. 490.

[2] «Восстание декабристов», т. 9, М., 1950, с. 125—126.

[3] М. В. Юзефович, Из памятных заметок. — «Русский архив», 1874, № 9, с. 732.

[4] В. Н. Орлов, Подпольная поэзия 1770—1800-х годов. — «Литературное наследство», № 9-10, М., 1933, с. 79.

45. ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властию такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда, сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас как ссылочных невольников моришь
И, сидя наверху, лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людя́х, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами, —
И, словом, бедными Ногами
Как шашками вертишь».
— «Молчите, дерзкие, — им Голова сказала, —
Иль силою я вас заставлю замолчать!..
Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?»
— «Всё это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть, —
Твое Величество об камень расшибить».

Смысл этой басни всякий знает...
Но должно — тс! — молчать: дурак, кто всё болтает.

1803

46. РЕКА И ЗЕРКАЛО

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, деспóт
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но, если правды он боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:
«Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид:
Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? — Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство
Прилично для тебя?..
Я — зеркало: разбей меня,
Река — твое потомство:
Ты в ней найдешь еще себя».

Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать...
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта быль на басню походила.

1803

47. СОН

«Кто столько мог тебя, мой друг, развеселить?
От смеха ты почти не можешь говорить.
Какие радости твой разум восхищают,
Иль дéньгами тебя без векселя ссужают?
Иль талия тебе счастливая пришла
И двойка трантель-ва на выдержку взяла?

Что сделалось с тобой, что ты не отвечаешь?»
— «Ах, дай мне отдохнуть, ты ничего не знаешь!
Я, право, вне себя, я чуть с ума не сшел:
Я ноньче Петербург совсем другим нашел!
Я думал, что весь свет совсем переменился:
Вообрази — с долгом Н⟨арышкин⟩ расплатился,
Не видно более педантов, дураков
И даже поумнел З⟨агряжск⟩ой, С⟨вистун⟩ов!
В несчастных рифмачах старинной нет отваги,
И милый наш Марин не пачкает бумаги,
А, в службу углубясь, трудится головой,
Как, заводивши взвод, воврéмя крикнуть: «Стой!»
Но больше я чему с восторгом удивлялся:
Ко⟨пь⟩ев, который так Ликургом притворялся,
Для счастья нашего законы нам писал,
Вдруг, *к счастью нашему*, писать их перестал.
Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство, грабительство, измена,
Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем противный вид.
Природа красоту дала в удел уроду,
И сам Л⟨ава⟩ль престал *коситься* на природу,
Б⟨агратио⟩на нос вершком короче стал,
И Д⟨иб⟩ич красотой людей перепугал,
Да я, который сам, с начала свово века,
Носил с натяжкою названье человека,
Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост — смотрю;
Что слово — то bon mot,[1] что взор — то страсть вселяю,
Дивлюся — как менять интриги успеваю!
Как вдруг, о гнев небес! вдруг рок меня сразил:
Среди блаженных дней Андрюшка разбудил
И всё, что видел я, чем столько веселился, —
Всё видел я во сне, всего со сном лишился».

1803

[1] Острое словцо (франц.). — *Ред.*

48. ОРЛИЦА, ТУРУХТАН И ТЕТЕРЕВ

Орлица
Царица
Над стадом птиц была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету с престола презирала.
За то премудрою из птиц она слыла,
За то ее любили,
Покой ее хранили.
Но наконец она Всемощною Рукой,
По правилам природы,
Прожив назначенные годы,
Взята была судьбой,
А попросту сказать — Орлица жизнь скончала;
Тоску и горести на птичий род нагнала;
И все в отчаяньи горчайши слезы льют,
Унылым тоном
И со стоном
Хвалы покойнице поют.
Что сердцу горестно, легко ли то забыть?
Слеза — души отрада
И доброй памяти награда.
Но — как ни горестно — ее не возвратить...
Пернаты рассуждают
И так друг друга уверяют,
Что без царя никак нельзя на свете жить
И что царю у них, конечно, до́лжно быть!
И тотчас меж собой совет они собрали
И стали толковать,
Кого в цари избрать?
И наконец избрали...
Великий боже!
Кого же?
Турухтана!
Хоть знали многие, что нрав его крутой,
Что будет царь лихой,
Что сущего тирана
Не надо избирать,
Но до́лжно было потакать —
И тысячу похвал везде ему трубили:
Иной разумным звал, другие находили,

Что будет он отец отечества всего,
Иные клали всю надежду на него,
Иные до небес ту птицу возносили, —
И злого петуха в корону нарядили.
А он —
Лишь шаг на трон,
То хищной тварью всей себя и окружил:
Сычей, сорок, ворон — в павлины нарядил,
И с сею сволочью он тем лишь забавлялся,
Что доброй дичью всей без милости ругался:
Кого велит до смерти заклевать,
Кого в леса дальнейшие сослать,
Кого велит терзать Сорокопуту —
И всякую минуту
Несчастья каждый ждал,
Томился птичий род, стонал...
В ужасном страхе все, а делать что — не знают!
«Виновны сами мы, — пернаты рассуждают, —
И, знать, карает нас вселенныя творец,
За наши каверзы, тираном сим вконец,
Или за то, что мы в цари избрали птицу —
Кровопийцу!..»
И в горести они летят толпой к леску
Размыкать там свою смертельную тоску.
Не гимны, Турухтан, тебе дичина свищет, —
Возмездия делам твоим тиранским ищет.
Когда народ стенет, всяк час беда, напасть,
Пернаты, знать, злодейств терпеть не станут боле!
Им нужен добрый царь, — ты ж гнусен на престоле!
Коль необуздан ты — твоя несносна власть!
И птичий весь совет решился,
Чтоб жизни Турухтан и царствия лишился.
К такому приступить гораздо делу трудно!
Однако как же быть?
Казалось многим то безумно,
Но чем иным переменить?..
Ужасно действие и пропасть в нем греха!
Да как ни есть,
Свершили месть —
Убили петуха!
Не стало Турухтана, —
Избавились тирана!

В восторге, в радости все птицы вне себя,
Злодея истребя,
Друг друга лобызают
И так болтают:
«Теперь в спокойствии и неге заживем,
Как птицу смирную на царство изберем!»
И в той сумятице на трон всяк предлагает:
Кто гуся, кто сову, кто курицу желает,
И в выборе царя у птиц различный толк.
О рок!
Проникнуть можно ли судеб твоих причину?
Караешь явно ты пернатую дичину!
И вдруг сомкнулись все, во всех местах запели,
И все согласно захотели,
Чтоб Тетерев был царь.
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый,
Хоть всякому стрелку подарок он готовый, —
Но все в надежде той,
Что Тетерев глухой
Пойдет стезей Орлицы...
Ошиблись бедны птицы!
Глухарь безумный их —
Скупяга из скупых,
Не царствует — корпит над скопленной добычью
И управлять другим несчастной отдал дичью,
Не бьет он, не клюет,
Лишь крохи бережет.
Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...
Их гнусной прихотью: кто по миру пошел,
Иной лишен гнезда — у них коль не нашел.
Нет честности ни в чем, идет всё на коварстве,
И сущий стал разврат во всем дичином царстве.

Ведь выбор без ума урок вам дал таков:
Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов.

1804

Н. И. ГНЕДИЧ

Николай Иванович Гнедич (1784—1833) начал выступать в печати с 1800-х годов. В 1829 году вышел в свет сделанный им полный перевод «Илиады» Гомера — итог многолетней работы, сохранившей свое значение и в наши дни.

Политические взгляды Гнедича в значительной мере определялись его связью с «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств»: исследователи рассматривают это общество, как объединение, до известной степени продолжавшее идеи Радищева.[1]

Стихотворения Гнедича «Общежитие» и «Перуанец к испанцу» и несколько более поздние — «Военный гимн греков» и «Простонародные песни нынешних греков» — «заняли видное место среди самых значительных образцов революционной поэзии XIX века».[2] В стихотворении, направленном «против угнетения рабов, за изображением Америки легко угадывается русское крепостничество». Это произведение «даже через два десятилетия звучало как призыв к мести угнетателям».[3] Аналогично звучали в двадцатых годах в русской поэзии темы греческого восстания против турок: современники писали о восстании угнетенных греков, а подразумевали при этом также и русскую действительность. Характерно, что в 1822 году Рылеев посвятил Гнедичу думу «Державин» — одно из ранних выражений идей гражданского служения искусству.

---

[1] В. Н. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, изд. 2, М., 1953, с. 211 и след.

[2] Ю. Г. Оксман, Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века. — В сб. «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, с. 499.

[3] В. Н. Орлов, Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика, М.—Л., 1951, с. 582.

49. ОБЩЕЖИТИЕ

Réveille-toi, mortele, deviens utile au monde,
Sors de l'indifférence, où languissent tes jours.

Thomas [1]

Неу́жли в этот мир родился человек,
С зверями дикими в лесах чтобы скитаться?
Или в бездействии, во сне провесть свой век,
Не знать подобных — и ничем не наслаждаться;
Как будто в пустоте ужасной — в мире жить
И прежде смерти мертвым быть?
Посмотрим вкруг себя, мы взглянем на вселенну —
Какая связь в вещах! На что ни кину взор —
И оку изумленну
Громада вся один чудесный кажет хор!
И то, что там, вверху, и там, под нижним кругом,
И что во всех морях,
В лесах и на горах —
Всё в цепь одну плетет, всё вяжет друга с другом
Тот *разум*, что сей шар и небо утвердил,
Ато́ма с существом премудро съединил.

О ты, над тварями, над всем здесь вознесенный,
Понятьем, разумом, бессмертною душой,
Проснися, человек, — проснися, ослепленный,
И цепи общия не разрывай собой!
Ты мнишь, что брошен в мир без цели неизвестной,
Чтоб ты в нем только жил
И зрителей число умножил поднебесной;
Взгляни на этот мир:
Противному совсем и звери научают,
И звери в нем живут не для себя самих.
Трудятся и они: птенцов они питают,
Птенцы же, подрастя, трудятся и для них.
«Зачем, ты говоришь, мне для других трудиться?
Какая нужда до людей?
Трудися только всяк для пользы лишь своей,
А приобрев трудом, не худо насладиться».

---

[1] Проснись, смертный, стань полезным миру.
Оставь равнодушие, в котором прозябает твоя жизнь. *Томá* (франц.). — *Ред.*

Ты наслаждаешься, а тысяча сирот
Страдают там от глада;
Вдовицы, старики подле твоих ворот
Стоят — и падают, замерзнувши от хлада.
Ты спишь, — злодей уж цепь, цветами всю увив,
На граждан наложил, отечество терзает.
Сыны отечества, цепей не возлюбив,
Расторгнуть их хотят, — вопль слух мой поражает!
Какой ужасный стон!
Не слышишь ты его — прерви, прерви свой сон!
Несчастный, пробудися,
Взгляни на сограждан, там легших за тебя,
Взгляни на их вдовиц, детей — и ужаснися,
Взглянувши на себя!
Их вдовы стонут там, их дети мрут от глада,
Страшись и трепещи, чтоб тени их, стеня
Подобно фуриям, явившимся из ада,
В погибели своей тебя, тебя виня,
Не стали б день и ночь рыдать перед тобою...

Отечество, как ты еще младенец был,
Подобно матери обвило пеленою,
Чтоб в недрах ты его златые дни вкусил;
А ты за это всё и малую заботу
Считаешь глупостью — лишь у окна сидишь
И тешишь своея души ты тем охоту,
Что на людей глядишь.
Сидишь, — неу́жели сидеть в сей мир родился?
Всё, всё гласит тебе, чтоб для других трудился.
«Трудиться? — говорят. — Мне жертвовать собою
Завистникам, льстецам,
Живущим подлостью одною,
Мне жертвовать сердцам,
Что, злобою кипя, тех самых умерщвляют,
Которые и их питают?
Хочу трудиться я, а змеи уж шипят,
Тружусь — труды мои к добру людей клонятся,
Но люди за добро одно лишь зло творят.
Так лучше буду я в лесах с зверьми скитаться».

Итак, людей пороки,
О мудрый человек!

От общества тебя женут в леса глубоки?
От злых и с добрыми ты связь совсем пресек?
Но радостей отца, но удовольствий друга
Не хочешь чувствовать и с добрыми делить?
Лапландца хладного в лачуге ждет супруга,
Желает бедный *финн* любить, любиму быть;
Взгляни, как *камчадал*, убеленный летами,
Лелеет внука — и сжимает у персей,
Любуется, как внук шалит его косами, —
Взгляни, и сердце ты холодно разогрей!
Скажи мне, что б было́ с невинными овцами,
Когда бы пастухи, лишь волк глаза явил,
Оставили овец и скрылись за кустами?
Ах! всех овец тогда тот волк бы задавил
И ты, когда закон ногами попирают,
Болванам золотым курят все фимиам,
Достойных же венцов — всех пылью засыпают,
Ты должен ли тогда скитаться по лесам?
Ах, нет! но о добре всеобщем лишь радея,
Всем другом истинным себя ты окажи,
Гнетущу руку ты останови злодея,
И что гнетомый прав — ты свету покажи,
Неблагодарных обяжи!
Добро твори для всех глупцов, льстецов, коварных,
А злость их каменных сердец
И плата низкая их душ неблагодарных —
Ярчее золотят лишь для тебя венец.
И, ах! какой еще желать тебе награды?
Невинный и убог
Узрели чрез тебя блестящий луч отрады,
А это — видит бог.
Священный долг нам есть — для блага всех трудиться:
Как без подпор нельзя и винограду виться,
Так мы без помощи других не проживем;
Тот силу от подпор — мы от людей берем.
Всем вместе должно жить, всем вместе нам трудиться,
Гнушаться злом, добро любить
И радость из одной всем чаши пить —
Вот цель, с какою всяк из нас в сей мир родится.

⟨1804⟩

50. ПЕРУАНЕЦ К ИСПАНЦУ

Рушитель милой мне отчизны и свободы,
О ты, что, посмеясь святым правам природы,
Злодейств неслыханных земле пример явил,
Всего священного навек меня лишил!
Доколе, в варварствах не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мне новые мученья?
Властитель и тиран моих плачевных дней!
Кто право дал тебе над жизнию моей?
Закон? Какой закон? Одной рукой природы
Ты сотворен, и я, и всей земли народы.
Но ты сильней меня; а я — за то ль, что слаб,
За то ль, что черен я, — и должен быть твой раб?
Погибни же сей мир, в котором беспрестанно
Невинность попрана, злодейство увенчанно;
Где слабость есть порок, а сила — все права!
Где поседевшая в злодействах голова
Бессильного гнетет, невинность поражает
И кровь их на себе порфирой прикрывает!

Итак, закон тебе нас мучить право дал?
Почто же у меня он все права отнял?
Почто же сей закон, тираново желанье,
Ему дает и власть и меч на злодеянье,
Меня ж неволит он себя переродить
И, что я человек, велит мне то забыть?
Иль мыслишь ты, злодей, состав мой изнуряя,
Главу мою к земле мученьями склоняя,
Что будут чувствия во мне умерщвлены?
Ах, нет, — тираны лишь одни их лишены!..
Хоть жив на снедь зверей тобою я проструся,
Что равен я тебе... Я равен? Нет, стыжуся,
Когда с тобой, злодей, хочу себя сравнить,
И ужасаюся тебе подобным быть!
Я дикий человек и простотой несчастный;
Ты просвещен умом, а сердцем тигр ужасный.
Моря и земли рок тебе во власть вручил;
А мне он уголок в пустынях уделил,
Где, в простоте души, пороков я не зная,
Любил жену, детей и, больше не желая,
В свободе и любви я счастье находил.

Ужели сим в тебе я зависть возбудил?
И ты, толпой рабов и громом окруженный,
Не прямо, как герой, — как хищник в ночь презренный
На безоруженных, на спящих нас напал.
Не славы победить, ты злата лишь алкал;
Но, страсть грабителя личиной покрывая,
Лил кровь, нам своего ты бога прославляя;
Лил кровь, и как в зубах твоих свирепых псов
Труп инки трепетал, — на грудах черепов
Лик бога твоего с мечом ты водружаешь
И лик сей кровию невинных окропляешь.

Но что? и кровью ты свирепств не утолил;
Ты ад на свете сем для нас соорудил
И, адскими меня трудами изнуряя,
Желаешь, чтобы я страдал не умирая;
Коль хочет бог сего, немилосерд твой бог!
Свиреп он, как и ты, когда желать возмог
Окровавленною, насильственной рукою
Отечества, детей, свободы и покою —
Всего на свете сем за то меня лишить,
Что бога моего я не могу забыть,
Который, нас создав, и греет, и питает, [1]
И мой унылый дух на месть одушевляет!..

Так, варвар, ты всего лишить меня возмог;
Но права мстить тебе ни ты, ни сам твой бог,
Хоть громом вы себя небесным окружите,
Пока я движуся, — меня вы не лишите.
Так, в правом мщении тебя я превзойду;
До самой подлости, коль нужно, низойду;
Яд в помощь призову, и хитрость, и коварство,
Пройду всё мрачное смертей ужасных царство
И жесточайшую из оных изберу,
Да ею грудь твою злодейску раздеру!

Но, может быть, при мне тот грозный час свершится,
Как братий всех моих страданье отомстится.
Так, некогда придет тот вожделенный час,
Как в сердце каждого раздастся мести глас;
Когда рабы твои, тобою угнетенны,

[1] Перуанцы боготворили солнце.

Узря представшие минуты вожделенны,
На всё отважатся, решатся предпринять
С твоею жизнию неволю их скончать.
И не толпы рабов, насильством ополченных,
Или наемников, корыстью возбужденных,
Но сонмы грозные увидишь ты мужей,
Вспылавших мщением за бремя их цепей.
Видал ли тигра ты, горящего от гладу
И сокрушившего железную заграду?
Меня увидишь ты! Сей самою рукой,
Которой рабства цепь влачу в неволе злой,
Я знамя вольности развею пред друзьями;
Сражусь с твоими я крылатыми громами,
По грудам мертвых тел к тебе я притеку
И из души твоей свободу извлеку!
Тогда твой каждый раб, наш каждый гневный воин,
Попрет тебя пятой — ты гроба недостоин!
Твой труп в дремучий лес, во глубину пещер,
Рыкая, будет влечь плотоядущий зверь;
Иль, на песке простерт, пред солнцем он истлеет,
И прах, твой гнусный прах, ветр по полю развеет.

Но что я здесь вещал во слепоте моей?..
Я слышу стон жены и плач моих детей:
Они в цепях... а я о вольности мечтаю!..
О братия мои, и ваш я стон внимаю!
Гремят железа их, влачась от вый и рук;
Главы преклонены под игом рабских мук.
Что вижу?.. Очи их, как огнь во тьме, сверкают;
Они в безмолвии друг на́ друга взирают...
А! се язык их душ, предвестник тех часов,
Когда должна потечь тиранов наших кровь!

1805

51. ВОЕННЫЙ ГИМН ГРЕКОВ

(Сочинение Риги)

Воспряньте, Греции народы!
День славы наступил.
Докажем мы, что грек свободы
И чести не забыл.

Расторгнем рабство вековое,
Оковы с вый сорвем;
Отмстим отечество святое,
Покрытое стыдом!
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

О тени славные уснувших
Героев, мудрецов!
О геллины веков минувших,
Восстаньте из гробов!
При звуке наших труб летите
Вождями ваших чад;
Вам к славе путь знаком — ведите
На семихолмный град!
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

О Спарта, Спарта, мать героев!
Что рабским сном ты спишь?
Афин союзница, услышь
Клич мстительных их строев!
В ряды! И в песнях призовем
Героя Леонида,
Пред кем могучая Персида
Упала в прах челом.
К оружию, о греки, к бою!
Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
Кипит у наших ног!

Вспомним, братья, Фермопилы,
И за свободу бой!
С трехстами храбрых — персов силы
Один сдержал герой;
И в битве, где пример любови
К отчизне вечный дал,

Как лев он гордый, в волны крови
　　Им жертв раздранных пал!
К оружию, о греки, к бою!
　　Пойдем, за правых бог!
И пусть тиранов кровь — рекою
　　Кипит у наших ног!

1821

БЕЛАВИН И БРОЗЕ

Авторы этой сатиры на неудачи русских войск в кампанию 1807 года с наполеоновской Францией и на прусские военные порядки в русской армии — поручики Белавин и Брозе. О них в воспоминаниях Ф. В. Булгарина сообщается, что они были «прекрасные, образованные молодые люди». Замысел стихотворения объяснен тем же мемуаристом — пародирование военной команды: «весь кругом». Она производилась сначала в три приема (тогда оба слова произносились полностью), а позднее — в два приема и тогда превратилась в «весь-гом».

Эта сатира дорого обошлась авторам. Она стала известна в Петербурге, и военный министр Аракчеев сослал их «без шпаг», то есть под арестом, в Финляндскую армию и при этом предписал посылать их «в те места, где нельзя сделать весь-гом».

Оба офицера, лишенные оружия, в первом же сражении со шведами действовали дубинами и отличились незаурядной храбростью. Аракчеев разрешил им вернуться в Петербург, но они предпочли до конца войны оставаться на передовой линии. [1]

52. ВЕСЬ-ГОМ

Где ты девалась, русска слава,
Гремевшая столь много лет?
Где блеск твой, сильная держава,
Которому дивился свет?

Померкло всё! *Весь-гом* проклятый,
Лишь выдуманный нам на месть,
Весь-гом, у пруссаков занятый,
Отнял у нас всю славу, честь!

[1] См.: Ф. В. Булгарин, Воспоминания, т. 5, СПб., 1848, с. 187.

Когда *весь-гома* мы не знали,
А знали только что вперед,
Тогда мы храбро воевали,
Страшился нас галл, турок, швед.

О Беннигсен! Ты нашу славу
Затмил! — перевернул вверх дном...
Мы отдали врагам Варшаву
И сами сделали *весь-гом*!

К Пултуску городу прибы́ли
И там, пустив перун и гром,
Французов в прах было разбили,
А сами сделали *весь-гом*!

В Прейс-Эйлау также одержали
Победу знатну над врагом,
На месте тысячи поклали
И сами сделали *весь-гом*!

Мы на врагов пошли в атаку
И гнали их два дня бего́м,
Производили храбро драку
И сами сделали *весь-гом*!

И в Гейльсберге, о галл неверный!
Познал ты наш ужасный гром,
Познал наш огнь свирепый, верный,
Но и тут мы сделали *весь-гом*!

К Фринланду мы пришед местечку,
Вот здесь лишь только со стыдом,
Накинув пушек полну речку,
В Россию сделали *весь-гом*!

1808

МУРОМЦЕВ или П. Н. СЕМЕНОВ

Вопрос об авторе этого стихотворения неясен. Д. А. Северцев опубликовал его в качестве стихотворения Муромцева. Это мог быть подпрапорщик лейб-гвардии Измайловского полка Матвей Матвеевич или его брат Петр Матвеевич, — один из них в Бородинском бою лишился руки и умер в 1813 году.[1] Однако Я. К. Грот назвал автором драматурга и второстепенного поэта Петра Николаевича Семенова (1791—1832).[2] В воспоминаниях П. П. Семенова-Тян-Шанского эти стихи приписаны отцу мемуариста, служившему в те же годы в том же полку и в том же чине.[3]

53. РОТНЫЙ КОМАНДИР

Ода

О ты, пространством необширный,
Живый в движеньи деплояд,
Источник страха роты смирной,
Без крылий — дланями крылат!
Известный службою единой,
Стоящий фронта пред срединой,
Веленьем чьим колен не гнут;
Чей крик двор ротный наполняет,
Десница зубы сокрушает,
Кого Мартыновым зовут!

---

[1] «Русская старина», 1880, № 9, с. 184; «Месяцеслов с росписью чиновных особ... на лето... 1809», ч. 1, СПб., с. 38.

[2] «Библиографические записки», 1861, № 15, стлб. 448.

[3] П. П. Семенов-Тян-Шанский, Мемуары, т. 1, Пг., 1917, с. 9; С. Т. Аксаков, Соч., т. 2, М., 1955, с. 198. А. А. Морозов приписывает стихотворение П. Н. Семенову; см.: «Русская стихотворная пародия (XVIII — начало XX в.)», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1960, с. 688.

Вскричать, чтоб всяк дрожал как стебель,
Сочесть ряды, поверить взвод
Хотя бы мог лихой фельдфебель,
Но кто «в бок — прямо» изречет!
Не может рекрут на ученьи
В твои проникнуть наставленья
Без побудительных причин.
Лишь к службе мысль вознесть дерзает,
В ходьбе и стойке исчезает
Как бывший в настоящем чин.

Порядок службы современной
Во всех уставах ты сыскал
И в роте, прежде распущенной,
Ты всё устройство основал
В себе всю службу заключая,
Из службы службу составляя,
Ты сам в устав уставу дан.
Ты движешь роту грозным словом,
Ты содержи́шь ее под кровом,
Был, есть и будешь капитан.

Ты в роте всем распоряжаешь,
Учить и не учить велишь,
Ее покоем раздвигаешь
И по желанию вертишь,
Как молньи небо раздирают,
Так темпы по рядам сгорают;
Как маятника верен бой
С движеньем стрелки репетичной
В часах механики отличной,
Так верен шаг их пред тобой.

Им слов командных миллионы
Из громких уст твоих текут,
Твои по ним творят законы,
И взводы как стена идут.
Во всяких ломках и движеньях,
В рядах, шеренгах, отделеньях
Или поставленные в строй,
Большой, середней, малой меры

Перед тобою гренадеры
Стоят, как лес перед травой.

Как лес! Ничтожество в сравненьи
С тобою рота вся твоя;
Но что же третье отделенье
И что перед тобою я?
Во всем пространстве дивизьонном,
Умножа роту батальоном,
Стократ других полков и то,
Когда сравню с тобой чинами,
Подметки будут под ногами,
А унтер пред тобой ничто!

Ничто! Но ты во мне сияешь,
Ходьбою став со мною в ряд;
Во мне себя изображаешь,
Как в светлой пуговке парад.
Ничто! Но я иду в знаменах,
И нет волненья в батальонах,
И нет во фронте пестроты,
Моя нога верна быть чает,
В строю никто не рассуждает:
Я здесь, конечно, здесь и ты.

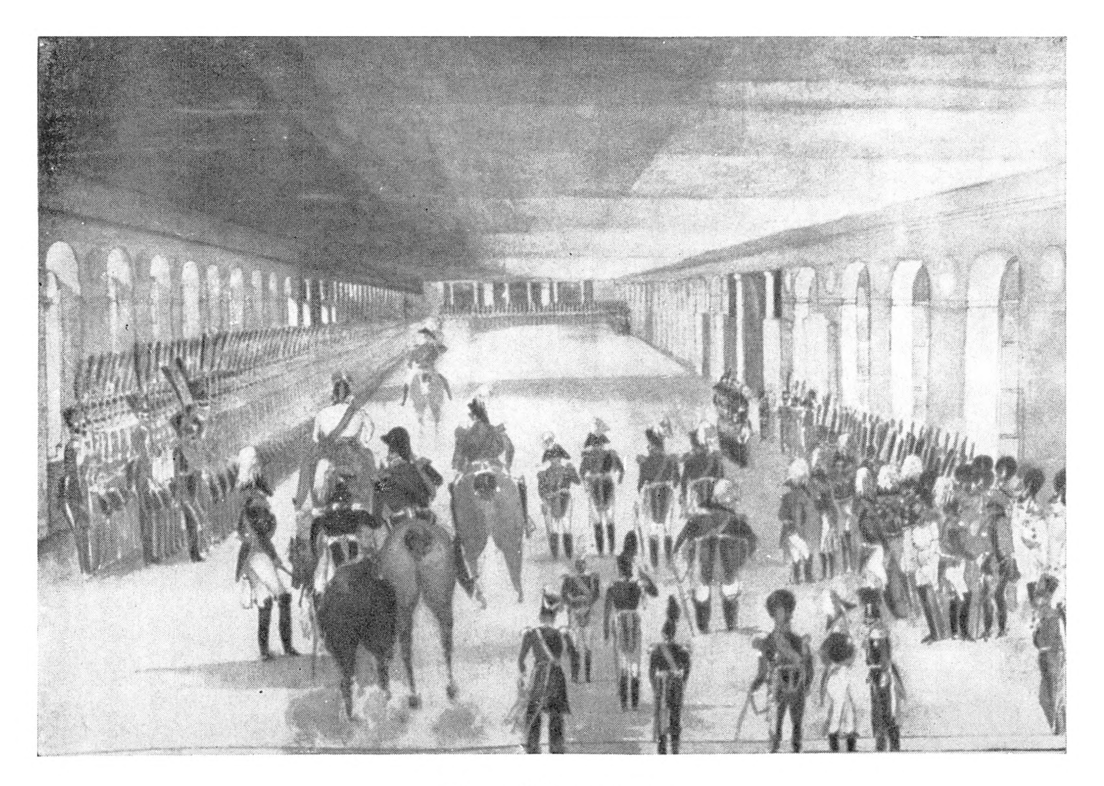
Ты здесь! Мне тишина вещает,
Внутрь сердца страх гласит мне то,
Солдат дыханье прерывает;
Ты здесь! И я уж не ничто:
Частица роты я знаменной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине списков ротных строй,
Где кончил писарь рапортичку,
Фельдфебель начал перекличку,
Связуя офицерство мной.

Я связь для всех тому причастных,
Средина я и пустота,
Между всех гласных и безгласных
Я офицерская черта.
Под ранцем плотью издыхаю,
Умом полком повелеваю,

Павел I

Французская карикатура

Николай I в манеже

Карикатура А. Заранека

Я вождь, я дрянь — ничто и всё!
Я в роте существо чудесно!
Что я такое — неизвестно,
Конечно я ни то, ни се!

Я твой подпрапор нечестивый,
Твоей премудрости болван,
Источник взысков справедливый,
Начальник мой и капитан!
Тебе по службе нужно было,
Чтоб чаще под арест ходило
Дворянство для солдат в пример;
Чтоб я по форме одевался,
Отнюдь в театрах не казался,
Доколь не буду офицер.

О капитан, мой благодетель,
Виновник благ моих и зла,
Арестов и похвал содетель,
Я слаб воспеть твои дела.
Но если славословить должно,
Подпрапорщику невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как тем, чтобы служить стараться,
С ноги во фронте не сбиваться
И век во фраке не ходить.

1808

А. Н. НАХИМОВ

Переводчик и поэт Аким Николаевич Нахимов (1782—1814) стяжал популярность своими сатирами на невежественных гувернеров-французов, но особенно на «крапивное семя» — взяточников и кляузников — российских чиновников, в которых видел основное зло государственного аппарата. Поэтому он был в числе тех, кто горячо приветствовал изданный в 1809 году указ об экзаменах на чины (о нем см. с. 784—785).

Нахимов сам читал лекции по грамматике и словесности харьковским гражданским чиновникам. Наилучшее и наиболее действенное средство для борьбы со всеми злоупотреблениями он видел в просвещении. Перепечатываемая ниже «Элегия», вызвавшая недовольство властей, появилась в свет совершенно легально, но приобрела такую популярность, что вскоре же распространилась в значительном количестве списков по всей России.

54. ЭЛЕГИЯ

Восплачь канцелярист, повытчик, секретарь,
Надсмотрщик возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты в горести чернилами натрите
И в перси перьями друг друга поразите.
О, сколь вы за грехи наказаны судьбой!
Зрят тучу страшную палаты над собой,
Которой молния грозит вам просвещеньем,
И акциденций всех, и ябед истребленьем.
Как древо сокрушен, падет подьячих род.
Увы! настал для вас теперь плачевный год!
Какие времена! Должны вы слушать курсы,
Судебные места все превратятся в бурсы.
Ах! если бы воскрес один хоть думный дьяк
И, с челобитною явясь пред царский зрак,

«Чем заслужили гнев мои, — воскликнул, — внуки,
Что посылаются к ним палачи науки?
Ты хочешь, чтоб от их немилосердых рук
Расправился или переломился крюк.
О солнце! не лишай ты филинов затменья!
Да крюк пребудет крюк по силе уложенья!»
Но что! Где дьяк и где прошение к царю?
Беда коллежскому теперь секретарю.
О чин асессорский, толико вожделенный!
Ты убегаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнил обнимать тебя, как друга, как алтын;
Быть может — навсегда прости, любезный чин!
Сколь тяжко для меня, степенна человека,
Учиться начинать, проживши уж полвека.
Какие каверзы, какое зло для нас
О просвещении гласящий нам указ!
Друзья! пока еще не светло в нашем мире,
На счет просителей пойдем гулять в трактире;
С отчаянья начнем как можно больше драть:
Свет близок — должно ли ворам теперь дремать?

1809

М. В. МИЛОНОВ

Начало литературной деятельности Михаила Васильевича Милонова (1792—1821) относится к 1807 году. Лучшие его произведения — проникнутая автобиографическими мотивами лирика и сатира. Его псевдоперевод «К Рубеллию» (такого произведения у римского сатирика I века н. э. Персия нет, и Милонов воспользовался его именем, чтобы обойти цензурные препоны) — примечательное явление в формировании русской гражданской лирики; критику нравов Милонов объединил с обличениями социально-политического характера.[1]

Знаменательно, что «К временщику» Рылеева (1820) находится в самой непосредственной связи с сатирой Милонова. Не случайно современники путали эти две сатиры, в некоторых списках сатира Милонова подписана именем Рылеева.

Автор четверостишия эпиграмматического характера окончательно не установлен. В дневниковой записи В. Н. Каразина от 18 ноября 1819 года возможным автором назван М. В. Милонов,[2] что представляется правдоподобным.

55. ОТРЫВОК ИЗ ЛУЦИЛЛИЕВОЙ САТИРЫ ПРОТИВ ЕГО ВЕКА

(Сатира шестая)

Какие времена! Какое ослепленье!
За злато плебей вступают в знатный сан,
Берут достоинств мзду и кроют преступленье!
Весь Рим — софистов сонм! Нет истинных граждан!

---

[1] А. Я. Максимович, М. В. Милонов. — В сб. «Карамзин и поэты его времени», «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1936, с. 256; В. Н. Орлов, Сатирическая поэзия начала 1800-х годов. — «История русской литературы», т. 5, М.—Л., 1941, с. 231.

[2] См.: В. Базанов, Ученая республика, М.—Л., 1964, с. 136.

Где древних праотцев прямое превосходство,
Их в бранях храбрый дух, их неизменный нрав,
Ко славе, истине любовь и благородство?
Всё пало, всё падет! Таков судеб устав!
О, мир, довольствие, народа благоденство!
Весь град огнем вражды мятежной воспален,
Благое сограждан сокрылося равéнство —
И отрок слабых сил владыкой наречен!
Изображу ль семейств печальную картину?
И там порок возжег погибельный раздор.
Подвластных ли возьму несчастную судьбину,
К владычеству ль простру свой огорченный взор —
Везде лишь ищут польз других к вреду и стону,
Везде лишь сильному предстательство и кров;
Суды суть торжища, судьи — враги закону,
Бесчестьем осквернен и самый сан жрецов.
Где Рима древнего величие и сила?
Почто не обращен мгновенно он во прах!
Здесь прелесть слабых жен порфиры блеск затмила,
Там стыд властителей, там воев низкий страх...
Где любомудрый взор, стрегущий суд и брани?
Там знатный род возвел надменного глупца
В священный сан вождя, дал меч и жезл во длани
И чтит достоинством гражданского венца!
О, участь жалкая! умов порабощенье!
В могиле хладной я почто еще не скрыт?
Ах, лучше бы меня богов постигло мщенье,
Чем римлян чувствовать и бедствие, и стыд!
Оплачем, граждане, наш жребий униженный,
Я видел... О, почто очей был не лишен, —
Наш сильный легион, коварством подкупленный,
Без браней, без побед повергшийся во плен!
Я зрел и олтарей, и жатв опустошенье,
Я зрел оратая среди его трудов —
Без силы, без надежд, с отчаяньем боренье!
Я зрел, при пышности вельможеских дворов,
Как вмиг, их алчности в угодность, исчезало
Терпение и труд чрез целый ряд годов,
Как истину и честь изгнанье осрамляло!
Я зрел... Отечество! красу твою и щит,
Героев, средь смертей себя на жертву несших,

И, возвратясь к тебе — о, срам, о, вечный стыд! —
Презор, и нищету, и глад себе обретших!
Я зрел — и скорби мрак мой дух отяготил;
Оставим всё, о вы, для коих предков слава
Еще в душах жива, еще сердец отрава, —
И будем Рим искать... среди одних могил.

⟨1810⟩

56. К РУБЕЛЛИЮ

Сатира Персиева

Царя коварный льстец, вельможа напыще́нный,
В сердечной глубине таящий злобы яд,
Не доблестьми души, пронырством вознесенный,
Ты мещешь на меня с презрением твой взгляд!
Почту ль внимание твое ко мне хвалою?
Унижуся ли тем, что унижен тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души с тобой не равен я!
Что твой минутный блеск? Что сан твой горделивый?
Стыд смертным — и укор судьбе несправедливой!
Стать лучше на ряду последних плебеян,
Чем выситься на смех, позор своих граждан.
Пусть скроюсь, пусть навек бегу от их собора,
Чем выставлю свой стыд для строгого их взора;
Когда величием прямым не одарен,
Что пользы, что судьбой я буду вознесен?
Бесценен лавр простой, венчая лик героя;
Священ лишь на царе владычества венец;
Но коль на поприще, устроенном для боя,
Неравный силами, уродливый боец,
Где славу зреть стеклись бесчисленны народы,
Явит убожество, посмешище природы
И, с низкой дерзостью, героев станет в ряд, —
Ужель не обличен он наглым ослепленьем
И мене на него уставлен взор с презреньем?
Там все его шаги о нем заговорят.
Бесславный тем подлей, чем больше ищет славы!

Что в том, что ты в честях, в кругу льстецов лукавых,
Вельможи на себе приемлешь гордый вид,
Когда он их самих украдкою смешит?
Рубеллий! титла лишь с достоинством почтенны,
Не блеском собственным, сияя им одним,
Заставят ли меня дела твои презренны
Неправо освящать хвалением моим?
Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедливой!
Минутою одной приятен лести глас;
Но нужны доблести для жизни нам счастливой,
Они нас усладят, они возвысят нас!
Гордися, окружен ласкателей собором,
Но знай, что предо мной, пред мудрых строгим взором
Равно презрен и лесть внимающий, и льстец.
Наемная хвала — бесславия венец!
Кто чтить достоинства и чувства в нас не знает,
В неистовстве своем теснит и гонит их,
Поверь мне, лишь себя жестоко осрамляет;
Унизим ли мы то, что выше нас самих?
Когда презрение питать к тебе я смею,
Я силен — и ни в чем еще не оскудею;
В изгнаньи от тебя пусть целый век гублю,
Но честию твоих сокровищ не куплю!
Мне ль думать, мне ль скрывать для обща посмеянья
Убожество души богатством одеянья?
Мне ль ползать пред тобой в толпе твоих льстецов,
Пусть Альбий,[1] Арзелай[2] — но Персий не таков!
Ты думаешь сокрыть дела свои от мира
В мрак гроба? Но и там потомство нас найдет;
Пусть целый мир к стопам твоим падет —
Рубеллий! трепещи: есть Персий и сатира!

⟨1810⟩

---

[1] Мздоимец, кровосмеситель и убийца.
[2] Страшный невежда.

М. В. Милонов(?)

57. НАДПИСЬ К СЕНАТУ

Как тут правды ждать
В святилище закона!
Закон прибит к столбу,
А на столбе корона.

1819 (?)

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

Александр Ефимович Измайлов (1779—1831) выступал в печати с 1798 года в качестве переводчика, прозаика и поэта-баснописца. С самого начала его литературной деятельности современники обратили внимание на критический характер его произведений. С 1802 года он был членом «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», популяризировавшего идеи недавно скончавшегося Радищева. В 1826 году он занял пост вице-губернатора (сначала в Твери, а потом в Архангельске), но уже в 1828 году эта деятельность прервалась: Измайлов сразу же поставил себя во враждебные отношения с начальством, обличая злоупотребления.

58

Под камнем сим лежит великий генерал.
Его солдаты не забудут
И долго, долго помнить будут,
Как он их палками бивал.

⟨*1809*⟩

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Друг Пушкина, видный критик и заметный поэт, Петр Андреевич Вяземский (1792—1878) выступал в литературе более шестидесяти лет и все же остался на положении второстепенного писателя.

В начале своей поэтической деятельности он некоторое время следовал традициям гражданской, вольнолюбивой оды XVIII века (особенно в оде «Негодование», выразив энергичный протест против деспотизма и крепостнического гнета).

Вяземский не примкнул к декабристам и не нашел силы для активной борьбы, но как поэт он все же развивался в русле декабристских настроений и в наши дни получил меткое прозвище — «декабрист без декабря». Все же ряд его стихотворений («К кораблю», «Послание к М. Т. Каченовскому», «Петербург», «Уныние», «Цветы», «В шляпе дело», «Давным-давно» и др.) примыкает к традиции вольнолюбивой гражданской лирики, а несколько стихотворений 1810—1820-х годов прочно вошли в репертуар вольной поэзии. Кроме «Негодования», «Сравнения Петербурга с Москвою» ни с чем не сравнимую популярность приобрело стихотворение «Русский бог». В бумагах Маркса сохранился сделанный для него Н. И. Сазоновым немецкий перевод этой сатиры.[1]

Начиная приблизительно с 1840-х годов, Вяземский постепенно превращался в верноподданного чиновника, убежденного врага демократического движения.

Герцен и Огарев неоднократно полемически упоминали имя автора «Русского бога» в «Колоколе»: Вяземский стоял в это время уже на совсем других идейных позициях, занимая важные посты

[1] Идиома «русский бог» не является изобретением Вяземского: она восходит к глубокой древности и связана со многими этапами русской общественно-политической жизни. См.: С. А. Рейсер, «Русский бог». — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1961, № 1, с. 64—70; W. Geseman, Der «Russische Gott». — «Die Welt der Slaven», 1964, Heft 4, S. 407—425 и 1965, Heft 1, S. 99—102.

в правительственном аппарате, и напоминание о его давнем стихотворении не могло ему быть приятно. В 1857 году в помещенной в «Колоколе» статье «Под спудом» Герцен иронически писал, что автора «Русского бога» он «почти считает нашим сотрудником по «Полярной звезде» за его милое стихотворение, напечатанное нами».[1] Четверостишие:

Бог карьеры слишком быстрой,
Бог, кем русский демагог
Стал товарищем министра,
Вот он, вот он, русский бог,

напечатанное в «Колоколе» в 1857 году под рубрикой «Правда ли?», пародически завершающее текст «Русского бога», скорее всего принадлежит Огареву.[2]

59. СРАВНЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА С МОСКВОЙ

У вас Нева,
У нас Москва,
У вас Княжнин,
У нас Ильин,
У вас Хвостов,
У нас Шатров,
У вас плутам,
У нас глупцам,
Больным .....,
Дурным стихам
И счету нет.
Боюсь, и здесь
Не лучше смесь:
Здесь вор в звезде,
Монах в ....,
Осел в суде,
Дурак везде.

---

[1] А. И. Герцен, Собр. соч., т. 13, М., 1958, с. 81.

[2] См.: Н. П. Огарев, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1956, с. 905; ср.: А. И. Герцен, цит. издание, т. 13, с. 19.

У вас Совет,
Его здесь нет —
Согласен в том, —
Но желтый дом
У нас здесь есть,
В чахотке честь,
А с брюхом лесть —
Как на Неве,
Так и в Москве.
Мужей в рогах,
Девиц в родах,
Мужчин в чепцах,
А баб в портках —
Найдешь у вас,
Как и у нас,
Не пяля глаз.
У вас авось —
России ось —
Крутит, вертит,
А кучер спит.

⟨1810⟩

60

Спасителя рожденьем
Встревожился народ;
К малютке с поздравленьем
Пустился всякий сброд:
Монахи, рифмачи, прелестники, вельможи —
Иной пешком, другой в санях,
Дитя глядит на них в слезах
И вопит: «Что за рожи!»

Совет наш именитый,
И в лентах и в звездах,
Приходит с шумной свитой —
Малютку пронял страх.
«Не бойся, — говорят, — сиди себе в покое,
Не обижаем никого.
Мы, право, право, ничего,
Хоть нас число большое».

Наш Неккер, запыхаясь,
Спасителю сквозь слез,
У ног его валяясь,
Молитву произнес:
«Мой боже, сотвори ты в нашу пользу чудо!
Оно тебе как плюнуть раз,
А без него, боюсь, у нас
Финансам будет худо!

Склонись на просьбу нашу.
Рука твоя легка,
А для тебя я кашу
Начну варить пока.
О мастерстве моем уже днесь всякий сведал,
Я кашу лучше всех варю,
И с той поры, как взят к царю,
Я только то и делал».

Сподвижник знаменитый
Его достойных дел,
Румянами покрытый,
К Марии вдруг подсел.
Он говорит: «Себе подобного не знаю,
Военным был средь мирных лет,
Теперь, когда торговли нет,
Торговлей управляю».

Пронырливый от века
Сибирский лилипут,
Образчик человека,
Явился Пестель тут.
«Что правит бог с небес землей — ни в грош не ставлю;
Диви, пожалуй, он глупцов,
Сибирь — и сам с Невы брегов
И правлю я, и граблю!»

К Христу на новоселье
Несет министр овец —
Российское изделье,
Суконный образец!

«Я знаю, — говорит, — сукно мое дрянное,
Но ты носи, любя меня,
И в «Северной» о друге я
Скажу словцо-другое!»

Вдруг слышен шум у входа:
Березинский герой
Кричит толпе народа:
«Раздвиньтесь: я герой!»
«Пропустимте его, — вдруг каждый повторяет, —
Держать его грешно бы нам,
Мы знаем, он других и сам
Охотно пропускает».

Украшенный венками,
Приходит Витгенштейн,
Герою рифмачами
Давно приписан Рейн!
Он говорит: «Бог весть, как с вами очутился,
Летел я к славе налегке,
Летел, летел с мечом в руке,
Но с Люцена я сбился!»

Нос кверху вздернув гордо
И нюхая табак,
Столп государства твердый,
А просто: злой дурак!
Подводит из Москвы полиции когорту;
Христос, ему отбривши спесь,
Сказал: «Тебе не место здесь, —
Ты убирайся к черту!»

Захаров пресловутый,
Присяжный славянин,
Оратор наш надутый,
Беседы исполин,
Марии говорит: «Не занят я житейским,
Пишу наитием благим,
И всё не языком людским,
А самым уж библейским!»

Дородный Карабанов
Младенцу на досуг

Выносит из карманов
Стихов тяжелый пук.
Тот смотрит на него и рвется из пеленок,
Но, хорошенько рассмотрев,
Сказал: «Наш разживает хлев,
К ослу пришел теленок!»

С поэмою холодной
Студеный Шаховской
Приходит в час свободный
Читать акафист свой.
При первых двух стихах дитя прилег головкой.
«Спасибо! — дева говорит. —
Читай, читай, смотри, как спит,
Баюкаешь ты ловко!»

К Христу оратор новый
Подходит, Филарет:
«К услугам вам готовый,
Аз невский Боссюэт!
Мне, право, никогда быть умником не снилось,
Но тот шепнул, другой сказал.
И, что я в умники попал,
Нечаянно случилось!»

К Марии благодатной
Растрепанный бежит
Кликушка князь Шахматный,
Бьет об грудь и визжит:
«Святая! будь мне щит, я вовсе погибаю;
Лукавый смысл мой помрачил,
Шишковым я испорчен был,
Очисти! умоляю!»

Хвостовы пред малюткой
Друг с другом входят в бой;
Один с старинной шуткой,
С мешком стихов другой.
Один кричит: «Словцо!» Другой мяучит: «Ода!»
Христос-малютка, их прослушав вздор,
Сказал, возвыся к небу взор:
«Несчастная порода!»

За ними пара Львовых
Выходит из толпы,
«Беседы» стен Петровых
Надежные столпы.
Прослушавши Христос приветствие их длинно
И смеря с ног до головы,
«Уж не Хво́стовы ли и вы?» —
Спросил он их невинно.

Трактат о воспитаньи
Приносит новый Локк:
«В малютке при стараньи,
Поверьте, будет прок.
Отдайте мне его, могу на Нижний смело
Сослаться об уме своем.
В Гишпаньи, не таюсь грехом,
Совсем другое дело!

Горация на шею
Себе я навязал, —
Я мало разумею,
Но много прочитал!
Малютку рад учить всем лексиконам в мире,
Но математике никак,
Боюсь, докажет — я дурак,
Как дважды два четыре!»

К Марии с извиненьем
Подкрался Горчаков,
Удобривая чтеньем
Похвальных ей стихов.
Она ему в ответ: «Прошу, не извиняйся!
Я знаю, ты ругал меня,
Ругай и впредь, позволю я,
Но только убирайся!»

«Беседы» сын отважный,
Пегаса коновал,
Еров злодей присяжный,
Языков тут сказал:

«Колена преклонив, молю я Иисуса:
Храни, спаси нас от еров,
Как я спасаюсь от чтецов,
От смысла и от вкуса».

Начало 1814

61

«Что пользы, — говорит расчетливый Свиньин, —
Мне кланяться развалинам бесплодным
Пальмиры, Трои иль Афин?
Пусть дорожит Парнаса гражданин
Воспоминаньем благородным;
Я не поэт, а дворянин,
И лучше в Грузино пойду путем доходным:
Там, кланяясь, могу я выкланяться в чин».

1818

62

На степени вельмож Сперанский был мне чужд.
В изгнаньи, под ярмом презения и нужд, —
В нем жертву уважал обманчивого счастья...
Стал ненавистен мне угодник самовластья.

1819

63. НЕГОДОВАНИЕ

К чему мне вымыслы? К чему мечтанья мне
И нектар сладких упоений?
Я раннее прости сказал младой весне,
Весне надежд и заблуждений!
Не осушив его, фиал волшебств разбил;
При первых встречах жизнь в обманах обличил
И призраки принес в дань истине угрюмой;
Очарованья цвет в руках моих поблек,
И я сорвал с чела, наморщенного думой,
Бездушных радостей венок.

П. П. Свиньин и В. А. Всеволожский

Карикатура А. О. Орловского

Но, льстивых лжебогов разоблачив кумиры,
Я правде посвятил свой пламенный восторг;
Не раз из непреклонной лиры
Он голос мужества исторг.
Мой Аполлон — негодованье!
При пламени его с свободных уст моих
Падет бесчестное молчанье
И загорится смелый стих.
Негодование! огонь животворящий!
Зародыш лучшего, что я в себе храню,
Встревоженный тобой, от сна встаю
И, благородною отвагою кипящий,
В волненьи бодром познаю
Могущество души и цену бытию.
Всех помыслов моих виновник и свидетель,
Ты от немой меня бесчувственности спас;
В молчаньи всех страстей меня твой будит глас:
Ты мне и жизнь и добродетель!
Поклонник истины в лета,
Когда мечты еще приятны, —
Взывали к ней мольбой и сердце и уста,
Но ветер разносил мой глас, толпе невнятный.
Под знаменем ее владычествует ложь;
Насильством прихоти потоптаны уставы;
С ругательным челом бесчеловечной славы
Бесстыдство председит в собрании вельмож.
Отцов народов зрел, господствующих страхом,
Советницей владык — губительную лесть;
Печальную главу посыпав скорбным прахом,
Я зрел: изгнанницей поруганную честь,
Доступным торжищем — святыню правосудья,
Служенье истине — коварства торжеством,
Законы, правоты священные орудья,
Щитом могучему и слабому ярмом.
Зрел промышляющих спасительным глаголом,
Ханжей, торгующих учением святым,
В забвеньи бога душ — одним земным престолам
Кадящих трепетно, одним богам земным.
Хранители казны народной,
На правый суд сберитесь вы;
Ответствуйте: где дань отчаянной вдовы?
Где подать сироты голодной?

Корыстною рукой заграбил их разврат.
Презрев укор людей, забыв небес угрозы,
Испили жадно вы средь пиршеских прохлад
Кровавый пот труда и нищенские слезы;
На хищный ваш алтарь в усердии слепом
Народ имущество и жизнь свою приносит;
Став ваших прихотей угодливым рабом,
Отечество от чад вам в жертву жертвы просит.
Но что вам? Голосом алкающих страстей
Мать вопиющую вы дерзко заглушили;
От стрел раскаянья златым щитом честей
Ожесточенную вы совесть оградили.
Дни ваши без докук и ночи без тревог,
Твердыней, правде неприступной,
Надменно к облакам вознесся ваш чертог,
И непорочность, зря дней ваших блеск преступный,
Смущаясь, говорит: «Где ж он? Где ж казни бог?
Где ж судия необольстимый?
Что ж медлит он земле суд истины изречь?
Когда ж в руке его заблещет ярый меч
И поразит порок удар неотразимый?»
Здесь у подножья алтаря,
Там у престола в вышнем сане
Я вижу подданных царя,
Но где ж отечества граждане?
Для вас отечество — дворец,
Слепые властолюбья слуги!
Уступки совести — заслуги!
Взор власти — всех заслуг венец!
Нет! нет! не при твоем, отечество, зерцале
На жизнь и смерть они произнесли обет:
Нет слез в них для твоих печалей,
Нет песней для твоих побед!
Им слава предков без преданий,
Им нем заветный гроб отцов!
И колыбель твоих сынов
Им не святыня упований!
Ищу я искренних жрецов
Свободы, сильных душ кумира, —
Обширная темница мира
Являет мне одних рабов.
О ты, которая из детства

Зажгла во мне священный жар,
При коей сносны жизни бедства,
Без коей счастье — тщетный дар,
Свобода! пылким вдохновеньем
Я первый русским песнопеньем
Тебя приветствовать дерзал;
И звучным строем песней новых
Будил молчанье скал суровых
И слух ничтожных устрашал.
В век лучший вознесясь от мрачной сей юдоли,
Свидетель нерожденных лет —
Свободу пел одну на языке неволи.
В оковах был я, твой поэт!
Познают песнь мою потомки!
Ты свят мне был, язык богов!
И мира гордые обломки
Переживут венцы льстецов!
Но где же чистое горит твое светило?
Здесь плавает оно в кровавых облаках,
Там бедственным его туманом обложило
И светится едва в мерцающих лучах.
Там нож преступный изуверства
Алтарь твой девственный багрит;
Порок с улыбкой дикой зверства
Тебя злодействами честит.
Здесь власть в дремоте закоснелой,
Даров небесных лютый бич,
Грозит цепьми и мысли смелой,
Тебя дерзающей постичь.
Здесь стадо робкое ничтожных
Витии поучений ложных
Пугают именем твоим;
И твой сообщник — просвещенье
С тобой, в их наглом ослепленье,
Одной секирою разим.
Там хищного господства страсти
Последнею уловкой власти
Союз твой гласно признают;
Но под щитом твоим священным
Во тьме народам обольщенным
Неволи хитрой цепь куют.
Свобода! о младая дева!

Посланница благих богов!
Ты победишь упорство гнева
Твоих неистовых врагов.
Ты разорвешь рукой могущей
Насильства бедственный устав
И на досках судьбы грядущей
Снесешь нам книгу вечных прав,
Союз между гражда́н и троном,
Вдохнешь в царей ко благу страсть,
Невинность примиришь с законом,
С любовью подданного власть.
Ты снимешь роковую клятву
С чела, поникшего к земле,
И пахарю осветишь жатву,
Темнеющую в рабской мгле.
Твой глас, будитель изобилья,
Нагие степи утучнит,
Промышленность распустит крылья
И жизнь в пустыне водворит;
Невежество, всех бед виновник,
Исчезнет от твоих лучей,
Как ночи сумрачный любовник
При блеске утренних огней.
Он загорится, день, день торжества и казни,
День радостных надежд, день горестной боязни!
Раздастся песнь побед вам, истины жрецы,
Вам, други чести и свободы!
Вам плач надгробный! Вам, отступники природы!
Вам, притеснители! Вам, низкие льстецы!
Но мне ли медлить? Грязную их братью
Карающим стихом я ныне поражу;
На их главу клеймо презренья положу
И обреку проклятью.
Пусть правды мстительный Перун
На терпеливом небе дремлет,
Но мужественный строй моих свободных струн
Их совесть ужасом объемлет.
Пот хладный страха и стыда
Пробьет на их челе угрюмом,
И честь их распадется с шумом
При гласе правого суда.

Страж пепла их, моя недремлющая злоба
Их поглотивший мрак забвенья разорвет
И, гневною рукой из недр исхитив гроба,
Ко славе бедственной их память прикует.

Ноябрь 1820

64. РУССКИЙ БОГ

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог грудей и ... отвислых,
Бог лаптей и пухлых ног,
Горьких лиц и сливок кислых,
Вон он, вот он, русский бог.

Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог всех с анненской на шеях,
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях,
Вот он, вот он, русский бог.

К глупым полон благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы,
Вот он, вот он, русский бог.

Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский бог.

Начало апреля 1828

П. А. КАТЕНИН

Поэт, драматург, переводчик, литературный и театральный критик Павел Александрович Катенин (1792—1853) занимает своеобразное и видное место в общественной и литературной борьбе первой трети XIX века. Его политические взгляды достаточно ярко характеризуются тем, что он состоял членом «Союза спасения» и «Военного общества» — ранних декабристских организаций, предшествовавших «Союзу Благоденствия».

В сентябре 1820 года Катенин был уволен в отставку «по домашним обстоятельствам». Истинными причинами были скорее всего столкновение с братом царя, вел. кн. Михаилом Павловичем, и перевод гимна Буа («Отечество наше страдает...»), ставший известным в столице. В ноябре 1822 года Катенин был выслан из Петербурга с запрещением въезда в обе столицы: внешним поводом было «шиканье» в театре по адресу молодой актрисы М. А. Азаревичевой, которой покровительствовал петербургский генерал-губернатор гр. М. А. Милорадович.[1] Правительство, очевидно, было осведомлено о популярности Катенина среди передовых офицеров и о его связях с тайным обществом.

Современники ценили и по-своему, с полным основанием, интерпретировали напечатанный в 1818 году отрывок из перевода трагедии Корнеля «Цинна». «Рассказ Цинны, — по справедливому замечанию современного исследователя, — одно из сильных произведений русской гражданской поэзии декабристской эпохи. Он замечателен как разительный пример маскировки античным сюжетом остро современной политической темы. В монологе идет речь об убийстве тирана-императора, которое без обиняков расценивается как „славное дело"».[2]

Другое политически острое, более позднее произведение Катенина — стихотворение «Гений и Поэт», не увидевшее в свое время

---

[1] См.: Ю. Г. Оксман, Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине. — «Литературное наследство», № 16—18, М., 1934, с. 626.

[2] В. Н. Орлов, Павел Катенин. — В кн.: «Пути и судьбы», М.—Л., 1963, с. 16.

света и появившееся в печати более чем сто лет спустя. Здесь в духе декабристской гражданской поэзии освящен вопрос о взаимоотношении поэта и общества, идет речь об июльской революции во Франции в 1830 году и т. д.

Произведения Катенина сложно связаны с классицизмом, но в еще большей степени с ранним периодом русского романтизма. Он один из первых поднял вопросы народности и самобытности русской литературы начала XIX века.[1] Катенина высоко ценил Пушкин, упомянув его в «Евгении Онегине»:

> Там наш Катенин воскресил
> Корнеля гений величавый...

65

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода! Свобода!
Ты царствуй отныне над нами!
Ах! лучше смерть, чем жить рабами, —
Вот клятва каждого из нас...

Между 1816 и 1820 (?)

66. РАССКАЗ ЦИННЫ

(Из трагедии П. Корнеля «Цинна»)

Почто сама ты зреть восторга не могла,
С каким их сонм идет на славные дела?
Их императора и кесаря названье
Одно уж привело и в стыд и в содроганье.

---

[1] См.: Г. В. Ермакова-Битнер, П. А. Катенин. — В изд.: П. А. Катенин, Избр. произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1965, с. 18 и след.

Взор засверкал огнем, и гневное чело
Вдруг ужас помертвил и мщение зажгло.
«Друзья! — сказал я им. — Настал нам день блаженный
Наш замысл довершить великий и священный;
К спасенью Рима бог нас силою облек,
И счастью всех претит единый человек,
Коль может слыть таким сей муж бесчеловечный,
Омытый кровию и враг свободы вечный.
Кто боле Августа вреда нам причинил?
Кому сей хитрый муж сто раз не изменил?
Был друг Антонию, потом стал враг ему же,
И вечно сохранил и злость и дерзость ту же».
Дни детства нашего напомнил им тогда:
Отцов под бременем печали и стыда,
И, вспоминаньем сим крепя их в неприязни,
Удвоил в их сердцах усердье к правой казни;
Сраженья слезные изображаю им,
Утробу где свою сам рвал руками Рим,
Орел сбивал орла и всей земли народы
Вооружалися для гибели свободы,
Где храбрость воинов, вождей искусных честь
Название раба старались приобресть
И, предавая стыд свой в память незабвенну,
Свою взлагали цепь на целую вселенну;
Из славы суетной избрать владыку ей
С весельем каждый был изменник и злодей;
Где римлян римляне, друзья друзей сражали
И за тирана все друг друга убивали.
Но всех несчастий сих, в войне терзавших мир,
Сильней безбожный их, неумолимый мир,
Мир — гибель вольности, народов и сената,
И, словом всё сказать, союз триумвирата.
Но тут уже в речах я сильных оскудел,
Вещая повести неизреченных дел:
Как друг пред другом всяк убийством возносился,
Как кровью чад своих весь Рим тогда залился:
Один — на стогне пал пред взорами гражда́н;
Другой — пред олтарем богов своих заклан;
Преступник награжден богатства их ценою;
На брачном ложе муж пронзен своей женою;
Сын, кровью каплющий убитого отца,
С главой его в руках, в мзду требовал венца!..

Примеры все сии, ужасны и обильны,
Союз их начертать и малы и бессильны.
Что имена твердить мужей великих сих,
Чьей смертью я подвиг сообщников моих,
Земных полубогов напомня им изгнанных
И в храмах даже их на жертву злым закланных?
Но как явлю тебе от сих рожденный слов
Нетерпеливый гнев отечества сынов,
И ропот шумный их, и скорбь, и трепетанья,
И клятвы на врага, и к мщению взыванья?
Не тратя времени и видя в их сердцах
Решимость, суетный отвергнувшую страх,
Я к ним: «Друзья! сие убийство и хищенье,
Имуществ наших всех с свободою лишенье,
Грабительство градо́в, сожжение полей,
Междуусобия и лучших смерть мужей —
Вот избранные им те степени кровавы,
По коим он достиг престола и державы.
Но можем пременить жестокость мы судьбин:
Из трех тиранов нам остался он один
И, справедлив хоть раз в алчбе своей несытой,
Сгубил двоих, ему могущих быть защитой...
Да сгибнет сам, тогда кто мститель и кто царь?
Воздвигнем вольности низверженный олтарь
И Рима истыми прославимся сынами,
Ярем его сломив отважными руками.
Искать ли случая? Но завтра он готов:
Он в Капитолии чтит жертвами богов
И сам падет, от нас на жертву принесенный
Пред вечным судией спасению вселенной.
Кто охранит его? Там наши все друзья;
Сосуд и фимиам ему вручаю я.
Да будет зна́ком вам, когда я сей рукою
Не фимиам — кинжал глазам его открою;
Удар, которым, льщусь, низвержется злодей,
Докажет, что мой дед великий был Помпей;
Тогда и вы отцов, о други, вспомяните
И славу их имен на деле заслужите».
Едва я кончил речь и клятву верным быть,
Спешат сообщники в усердьи подтвердить,
Но каждый требует, полн доблестного жара,
Принадлежащу мне честь первого удара.

Рассудок наконец велит им уступить.
Максим с отрядом дверь назначен защитить;
Другой отряд при мне; лишь знак подам — свобода,
И мертв падет на прах враг римского народа.

⟨1818⟩

67. ГЕНИЙ И ПОЭТ

Гений

Как! твой Гений пред тобою,
Лира звуками полна,
Оживясь ее душою,
Вспела вещая струна;
И с поникшими очами,
Изваянье на меди́,
Ты сомкну́тыми устами
Запер чувствия в груди!
Пробудись от усыпленья
И, призыв услыша мой,
Сердца чистого внушенья
Чистым голосом воспой.

Поэт

Гений светлый, добрый Гений,
Как отраден твой приход!
Сердце жаждет вдохновений,
Как росы засохший плод;
От нечаянныя встречи
Радость душу обняла,
От благой приветной речи
Грустных дум яснеет мгла;
Сами в песнь сливаясь, звуки
Рвутся к пламенным устам,
И, невольно движась, руки
Прикасаются струнам.
Но, небесный смелый Гений,
Дать ли мне свободу им?
Я колеблюсь тьмой сомнений,
Я боязнью одержим,
Я не смею быть поэтом,

Путы сбросив, полететь
И с тобою пред рассветом
Окриленной птицей петь.

Гений

О несчастный, малодушный,
Не стыдишься ли сих слов?
Ты ли, робости послушный,
Не дерзаешь снять оков?
Кем ты при́зрен с колыбели?
Кто твой дух образовал?
Не со мною ль, не при мне ли
Ты возрос и возмужал?
Отрок резвый, пылкий, смелый,
Любовался я тобой:
Не по лéтам разум зрелый
Слит был с нежною душой;
Ты, склоняя дух прилежный,
Хóдя в добрые пути,
Обещал, как цвет надежный,
Плод обильный принести.
В годы юности опасной
Ты Паллады под щитом
Цепи неги сладострастной
Сверг спасительным трудом;
С кубком Киркия роскошным
Тщетно молвила: испей.
Горе спутникам оплошным,
Здрав остался Одиссей.
Но как, выскочив на волю,
Бья копытами огонь,
По неведомому полю
С ржаньем мчится бодрый конь, —
Так на глас трубы военной,
Опоясав вскоре меч,
Ты отчизне долг священный
Заплатил средь лютых сеч.
Часто на чужбине дальной
Окрилялася душа,
Забывая мир печальный
И восторгами дыша.

Взятых древнею могилой
Жен великих и мужей
Ты будил моленья силой
Песнью ревностной твоей;
Их сподобился явленья,
Слышал речи, с ними жил
И с слезами умиленья
Всё на лире повторил.
И теперь ты, мне внимая,
Тайной грустию томим;
Искра вспыхнула святая,
Коей огнь неугасим.
Нет, сгубить доныне годы
Не смогли врожденных сил:
Добродетели, свободы,
Славы ты не разлюбил;
Будь же вновь, чем был ты прежде,
Падшим духом воспряни́;
Доброй в юноше надежде,
Зрелый муж, не измени.

Поэт

Гений светлый, добрый Гений,
Не призвать минувших дней.
Память их — не утешений
Мне источник, но скорбей.
Как обманчивые грезы,
Все надежды пронеслись,
Всё исчезло, всё, и слезы
Горьким током полились.
Что мне жалобой нескромной
Оглашать мои беды́,
Слабость дружбы вероломной
И гонение вражды!
Нет, людей забавить хладных
Тщетным стоном не хочу;
Лучше бедствий безотрадных
Бремя в сердце заключу.
Так уста сомкну до гроба,
Самый пепл залью огня:
Пусть врагов утихнет злоба,
Чтя за мертвого меня.

Гений

О несчастный, малодушный,
Чем стесняется твой ум!
Вознесись в предел воздушный,
Где земной не слышен шум;
Взор, присущим утомленный,
Слух, усталый от сует,
Обрати на обновленный,
Возрождающийся свет.
Зри, как целые народы,
Пробужденные от сна,
Вдруг отчизны и свободы
Водружают знамена;
Как на юге ярко блещет
Луч, отрадный для очей;
Как ему и север плещет,
Долгих царствие ночей.
Зри: любимая тобою
С лет младенческих земля,
Где всё дышит красотою,
Где бессмертны все поля,
Где все боги обитали,
Где не молкло пенье муз,
Где испили все печали,
Понесли всю тягость уз,
Где небесный бич — Пандора
Волю чадам всем дала, —
Греция в костре раздора,
Юный Феникс, ожила.
Пять веков она лежала,
Как бесчувственный кумир
Тех богов, кому сначала
Поклонялся целый мир:
Имена их вечно громки,
Красоте измены нет;
Но состав их на обломки
Сокрушается от лет.
Вдруг влилася в хладный камень
Быстрой крови теплота,
Пробежал по жилам пламень,
Дхнули жизнию уста,
Прочь отсе́ченные длани

Укрепилися у плеч
И, жадающие брани,
Ухватили щит и меч;
Чад афинских — дщерь Хронида
Ополчила на войну,
И палящая эгида
Кровью залила луну.
Плеск восторженного мира
Раздался во все места;
Что ж твоя безмолвна лира
И недвижимы уста?

Поэт

Гений светлый, добрый Гений,
Твой неправеден укор.
Петь победных песнопений
Я не мог: свой приговор
Грозно десять лет таила
Неиспытная судьба,
В трепет сердце приводила
Столь неравная борьба.
Ах! во дни их битв опасных
К ним всей мыслию летя,
Я стыдился слов напрасных;
Порывался, как дитя
Из неволи скучной, тесной,
Из-под пе́стуновых глаз
Рвется к радуге прелестной,
В небе зримой в первый раз.
Я завидовал кончине
Тех филэллин, чьи дела
Наградила на чужбине
Чад родных ее хвала;
Я молчал от чувства силы,
Как бы в скорби мог молчать
Сын смущенный, близ могилы
Видя страждущую мать.
Но теперь, как в здравьи новом
В ней развился жизни цвет,
Я ль скажу ей слабым словом
Поздный, суетный привет?

Уж давно на лирах звучных
Платят ей хваленья дань;
С первых дней благополучных
Вознесли святую брань,
Греков плен, и смерть, и раны,
И победы, и венцы
Альбиона и Секваны
Вдохновенные певцы.
Поле тучно и богато
Хлебом, злаком и плодом;
Но теперь оно пожато:
Что ж идти в него с серпом?
Нет, урок я лучше трудный
Изберу и выжну сам,
Чем, сбиратель класов скудный,
По чужим пойду браздам.

Гений

Смелость хвальную ответа
Я достойно награжу:
Подвиг новый для поэта,
Подвиг славный укажу.
Зри: не буйная свобода,
Дщерь безумья и страстей,
Обольщение народа
И орудие вождей;
Не приманчивое слово,
Призрак юности слепой,
Изменяющий сурово
Угнетенному судьбой;
Не сорвавшаяся с плена
Львица, гладная людьми;
Не поющая сирена
В поле, устланном костьми;
Нет, но чуждое упрека
Чувство должностей и прав —
Гражданина-человека
В сердце врезанный устав,
Благотворная богиня
Вашингтоновой земли,
Где дотоль была пустыня,
С нею ж грады процвели;

Зри: она, победой новой
Множа прежних битв число,
Свежей ветвию лавровой
Красит светлое чело.
Зри: как в улии древесном
Пчел прилежных частый рой,
Воска в здании чудесном
Мед скопляющий златой,
Если пахарь-похититель
Труд и благо их смутит,
Вмиг в движеньи вся обитель:
С шумным гневом в бой летит;
Не жалея жизни, жало,
В плоть вонзаясь, точит кровь:
Дух велик, хоть силы мало;
Враг бежал — и стихли вновь.
Так, едва взошла денница,
Мирных се́лище гражда́н,
Многолюдная столица
Превратилась в ратный стан.
Стар и млад, богач и бедный —
Все с оружьем, все бойцы:
Тут снаряд везется медный;
Там сражаются стрельцы;
Здесь идут с заречья к бою:
Захлебнулся ими мост;
Здесь преградною стеною
Сложен каменный помост;
Кровли, свесы, окна, двери —
Мечут, сыплют, бьют, палят;
Там, в толпе, супруги, дщери
Снедью и питьем крепят;
Их заботливые руки
Треплют ветошь в чистый пух,
Их старанье ма́лит муки,
Их присутство множит дух.
Кто ж не дрогнет укоризны
Силе уступить, как раб,
Кто, природный сын отчизны,
Будет празден, робок, слаб,
Коль земель питомцы дальных,
Гости мирные гражда́н,

Не щадя трудов похвальных,
Носят страждущих от ран!
Коль пожатых честной битвой
Сами пастыри церквей
С слезной предают молитвой
Богу, судие царей!
Три дня бились, но победа
Лишь залог скрепила благ,
Злобы вмиг не стало слёда:
Побежденный уж не враг.
Мир зовет их в те жилища,
Кои брань им заперла;
Там их ждет целенье, пища
И навек — забвенье зла.
Но глаза твои слезами
Блещут... Пой! Вот лира: пой!
Огнь посыплют струны сами,
И польется песнь рекой.

Поэт

Нет, трепещущие длани
Опустилися к земле;
Глас спирается в гортани,
Очи плавают во мгле.
Как внезапно пробужденный
От ужаснейшего сна,
Дух не вспомнится смущенный,
В жилах кровь застужена́;
Ряд чудовищных видений
Вкруг рождает темнота;
Больно сердцу от биений,
И бессильны дхнуть уста.

Гений

О несчастный, малодушный,
Не надежный на себя!
Сей ли мне прием радушный,
Сей ли отпуск от тебя?
Но чего тебе страшиться?
Отвечай: каких утех
Можешь ты еще лишиться,
Ты, давно лишенный всех?

Света ль роскошь и забавы
Вяжут цепию цветов?
Оглянись: одни дубравы
Там чернеют из снегов.
Здравия ль страшна утрата?
Ты уже простился с ним;
Может быть, жалеешь злата,
Нуждой бедности тесним?
Иль в дому твоем играет
Резвая детей семья?
Иль супруга утешает?
Или верные друзья?
Ты — один, и всею властью
Столь гнетет тебя судьба,
Что прибавить сил несчастью
Впредь вся власть ее слаба.
Но обидным опасеньем
Что так рано ноет дух?
Чей невинным песнопеньем
Прогневиться может слух?
Ариона лирой стройной
Моря снежились валы;
Смей явить свою достойной
Душ высоких похвалы.
Но решись, ярем сомнений
Сбрось, злосчастный человек!
Не принудь, чтоб я, твой Гений,
От тебя отстал навек.

И, потупив очи долу,
Долго бедственный поэт,
Чувств предавшись произволу,
Медлил молвить их ответ.
Наконец, как вдохновенный,
Руки к Гению воздел;
Но уж поздно: окриленный
Гость небесный улетел.

1830

В. Ф. РАЕВСКИЙ

Владимир Федосеевич Раевский (1795—1872) получил прозвище «первого декабриста»: он был арестован в феврале 1822 года, за три с половиною года до восстания. Его революционная деятельность проходила в расположенной в Кишиневе 16-й дивизии. Раевский был адъютантом командира дивизии, члена «Союза Благоденствия» генерала М. Ф. Орлова. Пропаганда среди солдат привела к аресту. Раевский никого не предал на следствии и показал себя человеком высокой честности и принципиальности. Пробыв несколько лет в заключении, он в 1827 году был приговорен к ссылке в Сибирь.

Раевский писал стихи с молодых лет и до конца жизни; многие не сохранились. Политические стихотворения Раевского нелегально распространялись в списках и были хорошо известны современникам.

К 1821 году относится знакомство Раевского с Пушкиным: оба очень ценили друг друга. Творческий опыт политической лирики Раевского несомненно был учтен Пушкиным.

При жизни Раевского в печати появилось лишь несколько, далеко не самых значительных, его произведений. Лучшие были написаны во время заключения в Тираспольской крепости — это лирика боевой политической направленности, новая ступень в развитии русской гражданской поэзии. Раевский обличает не зло вообще, а конкретные условия русской действительности 1820-х годов, его патриотический пафос направлен на разоблачение самодержавия, на борьбу за свободу народа, он верит в неизбежность социальных потрясений.[1]

---

[1] См.: М. А. Цявловский, Стихотворения Пушкина, обращенные к В. Ф. Раевскому. — «Временник Пушкинской комиссии», вып. 6, Л., 1941, с. 41—50; Ю. Г. Оксман, Ранние стихотворения В. Ф. Раевского (1816—1822). — «Литературное наследство», № 60, кн. 1, М., 1956, с. 517—530; А. В. Архипова и В. Г. Базанов, В. Ф. Раевский и декабристская поэзия. — В изд.: В. Ф. Раевский, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1967, с. 5—50.

68. ПОСЛАНИЕ ДРУГУ

Как отшельник вдалеке
От сует, затей и славы,
Сделавшись беглец забавы,
В красном старом колпаке,
Я доволен сам собой!
Без придворной хитрой маски,
Не прельщаясь мишурой,
Чужд вельмож надутых ласки;
Не в числе толпы большой
Обезьян пустоголовых
И отъявленных льстецов,
Кои лижут пыль следов
Истуканов многославных;
Без расчетливых друзей,
Кои в книжку записную
Вносят дружество князей
Иль министров речь пустую...
Я — беглец и тех умов,
Кои славною стезею,
Не средь гибели и бою,
Достигают всех чинов,
И сатрапу вместо скуки,

. . . .

Или, сродни к перемене,
Уморившись *так и сяк,*
Забавляются в *триктрак*!
Ты всё знаешь: nota bene; [1]
Где ж за ними вслед поспеть?
И с моей ли головою
Столь чудесною игрою
В славном подвиге успеть?
О! их слава — слава мира,
Подвиг их греми гудок
Иль Грицка [2] охрипша лира
Средь корчмы под вечерок!
Если б мне, назло природе,

---

[1] Заметь, обрати внимание (лат.). — *Ред.*

[2] Грицко — слепой нищий Ушицкого повета, играющий за грош или два по корчмам на лире, которая издает голос немного хуже волынки.

Кисть свою Рафáэль дал,
Я бы, верно, весь по моде,
Мой образчик начертал:
Или Фидия рукою
Нимфу, Вакха пред тобою
В сапогах изобразил,
И в мундире, в эполетах,
В шарфе, в шляпе и в штиблетах
На колени посадил.
Или, следуя Грессету,
Лирой нежной очертил
И с «Vert-Vert»'ом выдал свету!
Но могу ль за ними вслед
В храм бессмертия стремиться?
Надо с вольностью проститься,
Запереться в кабинет
И пустить свой дар в оценку,
Чтоб на смех в съестных рядах
Стали и в моих стихах
Продавать пирог в копейку.
И, о горе! вечный стыд!
Если князь, венцом покрытый,
Завернет туда со свитой
И увидит честь его, дела и славу,
Зря прильнувших к пирогам,
Кои в красоте своей
Едокам дают в забаву
С пирогом за пять грошей!..
Но прости — заговорился
И на рынок с ним пустился,
Время даром упустил
И о деле позабыл.
Там не нужно испытанье
Мрачных тягостных наук,
Но приятен тесный круг,
Где блестит одно познанье.
(Ах, почто во тьме наук
Я учением томился
И премудрости лишился,
Коей сей славен круг!)
Интегралы, бомб паденье,

Логарифмы, уравненье —
Им не нужны, милый друг!
Там науки обитают,
Кои ум не отягчают,
Но дают иной закон
Всем делам и направленью,
Скуке, делу и безделью...
Вместо *Вобана, Кассини,*
Фридриха́ иль *Жоми́ни*
На столе у них лежит
Календарь velin [1] ......
Возле святец — œuvres [2] Грекура,
Где близ голого амура
Голая Венера спит!
И in-folio [3] картины
Из пале-рояльских стен,
Где семнадцать перемен
Вкруг творит Приап ярливый!

Друг мой! Если всё писать,
Что я знаю под рукою,
То, клянуся головою,
Надо две стопы связать!..
Там я видел возвышенье
Инославных подлецов,
Силу их и униженье
Заразительных умов. [4]
Видел злых невежд собранье,
По уму — весь желтый дом,
По делам — Гомор-Содом.
И навозных куч сиянье!
Видел я, как генерал [5]
Табакерку подымает
И платочком подтирает,
Что сатрап ее ......
Видел чудо и слыхал,

---

[1] Велен — сорт бумаги; подразумевается роскошный придворный календарь (франц.). — *Ред.*

[2] Сочинения (франц.). — *Ред.*

[3] Форматом в полдоли бумажного листа (лат.). — *Ред.*

[4] Это наше общество.

[5] Тимрот на смотру под Каменец.

Как превнятными словами
Некий голос вкруг шептал:
«Князь с ослиными ушами»,
Видел, слышал и сказал:
«Здесь тебе не место чести,
Ты не знаешь подлой лести,
И к тому ж злой жребий дал
Тебе странную фигуру:
Кверху нос, язык ножом,
Впалый лоб в лице рябом
И кривую позитуру,
В двадцать лет оброс брадой,
В дерзких взорах то сияет,
Что невольно выражает
Вид иронии презлой!
Нет, беги от них скорее!
Лучше в хижине простой
Жить с скотами, с простотой,
Чем с людьми, скотов глупее!»
Дымный воздух и сырой,
Стены зеленью покрыты,
Пухлый пол, в местах изрытый,
И в дверях навоз рекой,
Друг мой, мне сто раз дороже,
Чем то с почестями ложе,
На котором князи спят!
И в ночи, в уединенье,
Судным прачкам на мученье,
Без свечей ландкарт чертят.

Envoi au prince[1]

Отрасль Мида, россов честь,
Не прими мой глас за лесть.
Я цевницей тихострунной
Не пою всех славных дел,
Кои я узнать успел!
Будь спокоен: *мир безумный*[2]
Не лишит тебя ума;

[1] Послание князю (франц.). — *Ред.*
[2] Это мы.

На челе твоем дубовом
Отрасль Се́лены взошла
И свилась с венком лавровым!

Finis! [1] час уже молчать.
Я пойду в бауле лени
Пополам с нуждою спать,
Ты в роскошно-сладкой сени
Креатур твоих лобзать...

1816 или 1817

69. ГЛАС ПРАВДЫ

Сатурн губительной рукою
Изгладит зданья городов,
Дела героев, мудрецов
Туманною покроет тьмою,
Иссушит глубину морей,
Воздвигнет горы средь степей,
И любопытный взор потомков
Не тщетно ль будет вопрошать:
Где царства падшие искать
Среди рассеянных обломков?..

Где ж у́зрит он твой бренный прах,
Сын персти слабый и надменный?
Куда, с толпою дерзновенный,
Неся с собою смерть и страх,
По трупам братий убиенных,
Среди полей опустошенных
[Ты вслед стремился за мечтой —
И пал!.. Где ж лавр побед и славы?]
Я зрю вокруг следы кровавы
И глас проклятий за тобой!..

Полмертвый слабый сибарит,
Мечтой тщеславия вспоенный
И жизнью рано пресыщенный,
Средь общих бедствий в неге спит.
Проснись, сын счастья развращенный!

---

[1] Кончено (лат.). — *Ред.*

Взгляни на жребий уреченный:
Тебя предвременно зовет
Ко гробу смерти глас унылый,
Никто над мрачною могилой
Слезы сердечной не прольет.

Вельможа, друг царя надежный,
Личина истины самой,
Покрыл порок корысти злой,
Питая дух вражды мятежной.
Каких ты ждешь себе наград?
Тебе награда — страшный ад;
Народ, цепями отягченный,
Ждет с воплем гибели твоей.
Голодных до́быча червей,
Брось взор ко гробу устрашенный...

Тиран, как гордый дуб, упал,
Перуном в ярости сраженный,
И свет, колеблясь, изумленный
С невольной радостью взирал,
Как шаткие менялись троны,
Как вдруг свободу и законы
Давал монарх — гражда́н отец —
И цепи рабства рвал не силой, —
Тебя ждет слава за могилой,
Любовь детей — *Тебе* венец!

Вторая половина 1810 годов

70. СМЕЮСЬ И ПЛАЧУ

(Подражание Вольтеру)

Смотря на глупости, коварство, хитрость, лесть,
Смотря, как смертные с холодною душою
Друг друга режут, жгут и кровь течет рекою
За громозвучну *честь;*
Смотря, как визири, пошевеля усами,
Простого спагиса, но подлого душой,
Вдруг делают пашой,
Дают — луну, бунчук и править областями;

Как знатный вертопрах, бездушный пустослов
Ивана à rebours[1] с Семеном гнет на двойку
Иль бедных поселян, отнявши у отцов,
Меняет на скворца, на пуделя иль сойку,
И правом знатности везде уважен он!..
Как лицемер, ханжа, презря святой закон,
В разврате поседев, гарем по праву власти
Творит из слабых жертв его презренной страсти,
Когда невинных стон волнует грудь мою, —
Я слезы лью!
Но если на меня фортуна улыбнется
И если, как сатрап персидский на коврах,
Я нежуся в Армидиных садах,
Тогда как вкруг меня толпою радость вьется
И милая ко мне с улыбкою идет
И страстный поцелуй в объятиях дает
В награду прежних мук, в залог любови нежной,
И я вкушаю рай на гру́ди белоснежной!..
Или в кругу друзей на вакховых пирах,
Когда суждение людей, заботы, горе
Мы топим в пуншевое море,
Румянец розовый пылает на щеках,
И взоры радостью блистают,
И беспристрастные друзья
Сужденью смелому шумя рукоплескают, —
Тогда смеюсь и я!
Взирая, как Сократ, Овидий и Сенека,
Лукреций, Тасс, Колумб, Камоэнс, Галилей
Погибли жертвою предрассуждений века,
Интриг и зависти иль жертвою страстей!..
Смотря, как в нищете таланты погибают,
Безумцы ум гнетут, знать *право* воспрещают,
Как гордый Александр Херила другом звал,
Как конь Калигулы в сенате заседал,
Как в Мексике, в Перу́, в Бразилии, Канаде
За веру предают людей огню, мечу, —
На человечество в несноснейшей досаде,
Я слезы лью!..
Но после отдыха, когда в моей прихожей

---

[1] Навыворот, в обратном порядке (франц., термин карточной игры). — *Ред.*

Не кредито́ров строй докучливых стоит,
Но вестник радостный от девушки пригожей,
Которая «люблю! люблю!» мне говорит,
Когда печальный свет в мечтах позабываю
И в патриаршески века переношусь,
Пасу стада в венце, их скиптром подгоняю,
Астреи вижу век, но вдруг опять проснусь...
И чудо новое: Хвостова сочиненья,
Я вижу, Глазунов за *деньги* продает,
И, к довершению чудес чудотворенья,
Они раскуплены, — наш бард купцов не ждет!..
Иль Сумарокова, Фонвизина, Крылова
Когда внимаю я — и вижу вкруг себя
Премудрость под седлом, Скотинина ...[1]
Тогда смеюсь и я!

Конец 1810-х — начало 1820-х годов

71. К ДРУЗЬЯМ В КИШИНЕВ

Итак, я здесь... за стражей я...
Дойдут ли звуки из темницы
Моей расстроенной цевницы
Туда, где вы, мои друзья?
Еще в полусвободной доле
Дар Гебы пьете вы, а я
Утратил жизни цвет в неволе,
И меркнет здесь заря моя!
В союзе с верой и надеждой,
С мечтой поэзии живой
Еще в беседе вечевой
Шумит там голос ваш мятежный.
Еще на розовых устах,
В объятьях дев, как май, прекрасных
И на прелестнейших грудях
Волшебниц милых, сладострастных
Вы рвете свежие цветы
Цветущей девства красоты.
Еще средь пышного обеда,
Где Вакх чрез край вам вина льет,

[1] В автографе стих не дописан. — *Ред.*

Сей дар приветный Ганимеда
Вам негой сладкой чувства жжет.
Еще расцвет душистой розы
И свод лазоревых небес
Для ваших взоров не исчез.
Вам чужды темные угрозы,
Как лед холодного суда,
И не коснулась клевета
До ваших дел и жизни тайной,
И не дерзнул еще порок
Угрюмый сделать вам упрек
И потревожить дух печальный.
Еще небесный воздух там
Струится легкими волнами
И не гнетет дыханье вам,
Как в гробе, смрадными парами.
Не будит вас в ночи глухой
Угрюмый оклик часового
И резкий звук ружья стального
При смене стражи за стеной.
И торжествующее мщенье,
Склонясь бессовестным челом,
Еще убийственным пером
Не пишет вам определенья
Злодейской смерти под ножом
Иль мрачных сводов заключенья. . .
О, пусть благое провиденье
От вас отклонит этот гром!
Он грянул грозно надо мною,
Но я от сих ужасных стрел
Еще, друзья, не побледнел
И пред свирепою судьбою
Не преклонил рамен с главою!
Наемной лжи перед судом
Грозил мне смертным приговором
«По воле царской» трибунал.
«По воле царской?» — я сказал,
И дал ответ понятным взором.
И этот черный трибунал
Искал не правды обнаженной,
Он двух свидетелей искал
И их нашел в толпе презренной.

Напрасно голос громовой
Мне верной чести боевой
В мою защиту отзывался,
Сей голос смелый пред судом
Был назван тайным мятежом
И в подозрении остался.
Но я сослался на закон,
Как на гранит народных зданий.
«В устах царя, — сказали, — он,
В его самодержавной длани,
И слово буйное «закон»
В устах определенной жертвы
Есть дерзновенный звук и мертвый...»
Итак, исчез прелестный сон!..
Со страхом я, открывши вежды,
Еще искал моей надежды —
Ее уж не было со мной,
И я во мрак упал душой...
Пловец, твой кончен путь подбрежный,
Мужайся, жди бедам конца
В одежде скромной мудреца,
А в сердце — с твердостью железной.
Мужайся! Близок грозный час,
И, может быть, в последний раз
Еще окину я глазами
Луга, и горы, и леса
Над светлой Тирасы струею,
И Феба золотой стезею
Полет по чистым небесам
Над сердцу памятной страною,
Где я надеждою дышал
И к тайной мысли устремлял
Взор светлый с пламенной душою.
Исчезнет всё, как в вечность день;
Из милой родины изгнанный,
Средь черни дикой, зверонравной
Я буду жизнь влачить, как тень,
Вдали от ветреного света,
В жилье тунгуса иль бурета,
Где вечно царствует зима
И где природа как тюрьма;
Где прежде жертвы зверской власти,

Как я, свои влачили дни;
Где я погибну, как они,
Под игом скорбей и напастей.
Быть может — о, молю душой
И сил и мужества от неба! —
Быть может, черный суд Эреба
Мне жизнь лютее смерти злой
Готовит там, где слышны звуки
Подземных стонов и цепей
И вопли потаенной муки;
Где тайно зоркий страж дверей
Свои от взоров кроет жертвы.
Полунагие, полумертвы,
Без чувств, без памяти, без слов,
Под едкой ржавчиной оков,
Сии живущие скелеты
В гнилой соломе тлеют там,
И безразличны их очам
Темницы мертвые предметы.
Но пусть счастливейший певец,
Питомец муз и Аполлона,
Страстей и бурной думы жрец,
Сей берег страшный Флегетона,
Сей новый Тартар воспоет:
Сковала грудь мою, как лед,
Уже темничная зараза.
Холодный узник отдает
Тебе сей лавр, певец Кавказа;
Коснись струнам, и Аполлон,
Оставя берег Альбиона,
Тебя, о юный Амфион,
Украсит лаврами Бейрона.
Оставь другим певцам любовь!
Любовь ли петь, где брызжет кровь,
Где племя чуждое с улыбкой
Терзает нас кровавой пыткой,
Где слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление, на плаху
И где народ, подвластный страху,
Не смеет шепотом роптать.
Пора, друзья! Пора воззвать

Из мрака век полночной славы,
Царя-народа дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И сокрушало издалече
Царей кичливых рамена.
Когда ж дойдет до вас, о други,
Сей голос потаенной муки,
Сей звук встревоженной мечты?
Против врагов и клеветы
Я не прошу у вас защиты:
Враги, презрением убиты,
Иссохнут сами, как трава.
Но вот последние слова:
Скажите от меня О⟨рлов⟩у,
Что я судьбу мою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил
И в дни убийственныя жизни
Немрачен был, как день весной,
И даже мыслью и душой
Отвергнул право укоризны.
Простите... Там для вас, друзья,
Горит денница на востоке
И отразилася заря
В шумящем кровию потоке.
Под тень священную знамен,
На поле славы боевое
Зовет вас долг — добро святое.
Спешите! Там волкальный звон
Поколебал подземны своды
И пробудил народный сон
И гидру дремлющей свободы!

1822

72. ПЕВЕЦ В ТЕМНИЦЕ

О, мира черного жилец!
Сочти все прошлые минуты;
Быть может, близок твой конец
И перелом судьбины лютой!

Ты знал ли радость — светлый мир,
Души награду непорочной?
Что составляло твой кумир —
Добро иль гул хвалы непрочной?

Читал ли девы молодой
Любовь во взорах сквозь ресницы?
В усталом сне ее с тобой
Встречал ли яркий луч денницы?

Ты знал ли дружества привет?
Всегда с наружностью холодной
Давал ли друг тебе совет
Стремиться к цели благородной?

Дарил ли щедрою рукой
Ты бедных золотом и пищей?
Почтил ли век под сединой
И посещал ли бед жилища?

Одним исполненный добром
И слыша стон простонародный,
Сей ропот робкий под ярмом,
Алкал ли мести благородной?

Сочти часы, вступя в сей свет,
Поверь протекший путь над бездной,
Измерь ее — и дай ответ
Потомству с твердостью железной.

Мой век, как тусклый метеор,
Сверкнул в полуночи незримый,
И первый вопль как приговор
Мне был судьбы непримиримой.

Я неги не любил душой,
Не знал любви, как страсти нежной,
Не знал друзей, и разум мой
Встревожен мыслию мятежной.

Забавы детства презирал,
И я летел к известной цели,

Мечты мечтами истреблял,
Не зная мира и веселий.

Под тучей черной, грозовой,
Под бурным вихрем истребленья,
Средь черни грубой, боевой,
Средь буйных капищ развращенья

Пожал я жизни первый плод,
И там с каким-то черным чувством
Привык смотреть на смертный род,
Обезображенный искусством.

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор казнит на плахе.

И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенный.

К моей отчизне устремил
Я, общим злом пресытясь, взоры,
С предчувством мрачным вопросил
Сибирь, подземные затворы;

И книгу Клии открывал,
Дыша к земле родной любовью;
Но хладный пот меня объял —
Листы залиты были кровью!

Я бросил свой смиренный взор
С печалью на кровавы строки,
Там был подписан приговор
Судьбою гибельной, жестокой:

«Во прах и Новгород и Псков,
Конец их гордости народной.
Они дышали шесть веков
Во славе жизнию свободной».

Погибли Новгород и Псков!
Во прахе пышные жилища!
И трупы добрых их сынов
Зверей голодных стали пища.

Но там бессмертных имена
Златыми буквами сияли;
Богоподобная жена,
Борецкая, Вадим, — вы пали!

С тех пор исчез, как тень, народ,
И глас его не раздавался
Пред вестью бранных непогод.
На площади он не сбирался

Сменять вельмож, смирять князей,
Слагать неправые налоги,
Внимать послам, встречать гостей,
Стыдить, наказывать пороки,

Войну и мир определять.
Он пал на край своей могилы,
Но рано ль, поздно ли опять
Восстанет он с ударом силы!

1822

А. С. ПУШКИН

В основных сборниках вольной русской поэзии было напечатано впервые (или перепечатано, полностью либо частично) не менее 65 произведений Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837). Примерно такое же количество текстов обращалось в рукописных списках.

Подлинные тексты Пушкина были, с большей или меньшей определенностью, установлены лишь в советское время, в результате длительной и сложной работы пушкинистов. В сборниках и списках под именем пушкинских сплошь и рядом фигурируют произведения, ему не принадлежавшие. Некоторые из них созданы известными русскими поэтами (Рылеевым, Полежаевым, Раевским и т. д.), авторами других являются безвестные поэты.

Следует иметь в виду, что приписывание Пушкину не принадлежащих ему произведений — обычная в истории литературы атрибуция произведений: из возможных авторов — наиболее известному. Это явление было настолько обычным, что Гоголь в «Записках сумасшедшего» вложил в уста Поприщина по поводу стихов Богдановича реплику: «Должно быть, Пушкина сочинение».

Апокрифический Пушкин очень велик: в различных более или менее авторитетных изданиях (не считая откровенно коммерческих) ему приписано не менее 150 произведений. [1]

---

[1] См.: «Список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях». — Пушкин, Полн. собр. соч. Справочный том, Л., 1959, с. 555—558. Недавно А. О. Гербстман высказал предположение, что «еще в первой половине 40-х годов прошлого века существовали списки десятой главы «Онегина» (см. его статьи: «К вопросу о списках десятой главы „Евгения Онегина"». — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1955, № 4, с. 103; «Цицероновы авгуры». — «Проблемы поэтики», Самаркандский гос. университет, Ташкент, 1968, с. 20—23). Мнение это представляется недостаточно аргументированным и не подтверждающимся фактами: ни один список не известен; не было его и в распоряжении Герцена, который просил о присылке ему «пропусков» из «Онегина». Трудно допустить, чтобы ему не был бы доставлен хоть один из обращающихся списков, а будучи доставленным — не был бы им напечатан.

Нет надобности приводить многочисленные факты влияния Пушкина на развитие русской революционной мысли, начиная с середины 1810-х годов. Показания арестованных декабристов свидетельствуют о том, какое значение имели в политической агитации стихотворения Пушкина.

Еще 17 января 1824 года генерал-полицмейстер 1-й армии, генерал-майор И. Н. Скобелев, писал своему начальнику: «Не лучше ли бы было оному Пушкину, который изрядные дарования свои употребил в явное зло, запретить издавать развратные стихотворения».[1] А 12 апреля 1826 года Жуковский сообщал Пушкину: «В бумагах каждого из действовавших ⟨декабристов⟩ находятся стихи твои».[2] Об этом хорошо знал Александр I: «Он наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает».[3] Декабрист И. Д. Якушкин свидетельствовал, что «все его ненапечатанные сочинения ... и много других были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал бы их наизусть».[4]

В 1827 году шеф жандармов А. Х. Бенкендорф по повелению Николая I приказал генерал-адъютанту С. С. Стрекалову и флигель-адъютанту С. Г. Строганову обследовать Московский и С.-Петербургский университеты и выяснить, «откуда, как из очага заразы, распространяются по стране запрещенные стихи Рылеева и Пушкина... о нашедшихся виновниках немедленно сообщить... а самому принять меры строгие к полному истреблению последствий».[5]

Для настоящего издания отобраны лишь наиболее популярные в вольной поэзии произведения Пушкина.

Тексты, обращавшиеся в вольной поэзии, имеют самые неожиданные и грубейшие неисправности: встречаются контаминации текстов разных произведений в одно, отрывки фигурируют в качестве отдельных произведений, целые произведения в качестве отрывков и пр. Особенно устойчиво бытование в качестве отдельного произведения отрывка из элегии «Андрей Шенье» под заглавием: «На 14 декабря».

---

[1] «Русская старина», 1871, № 2, с. 670.

[2] Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, 1937, с. 271. Данные о популярности стихотворений Пушкина в армии см. в публикации: Н. Ф. Бельчиков, Ода «Вольность» А. С. Пушкина в войсках царской армии. — «Красный архив», 1937, № 1 (80), с. 240—247.

[3] И. И. Пущин, Записки о Пушкине. Письма, М., 1956, с. 75.

[4] И. Д. Якушкин, Записки. Статьи. Письма, М., 1951, с. 119.

[5] Л. А. Мандрыкина, После 14 декабря 1825 г. Агитаторы конца 20-х — начала 30-х годов. — В сб. «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», М.—Л., 1951, с. 232.

73. ВОЛЬНОСТЬ

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;

Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавных
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон — народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец, —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Декабрь 1817 или 1819

74. К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,

Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818

75. СКАЗКИ

Noël

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспóт.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.
Мария в хлопотах Спасителя стращает:
«Не плачь, дитя, не плачь, судáрь:
Вот бука, бука — русский царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял:
Я пил, и ел, и обещал —
И делом не замучен.

Послушайте в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголи,
И людям я права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Расплакался дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки».

Декабрь 1818

76. НА АРАКЧЕЕВА

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю — он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без лести,
Кто ж он? *Преданный без лести,*
. . . . . . грошевой солдат.

Между 11 июня 1817 и мартом 1820

77. НА СТУРДЗУ

Холоп венчанного солдата,
Благодари свою судьбу:
Ты стоишь лавров Герострата
И смерти немца Коцебу.

Апрель — июнь 1819

78. N. N.

Я ускользнул от Эскулапа
Худой, обритый, но живой:
Его мучительная лапа
Не тяготеет надо мной.
Здоровье, легкий друг Приапа,
И сон, и сладостный покой,
Как прежде, посетили снова
Мой угол тесный и простой.

Утешь и ты полубольного!
Он жаждет видеться с тобой,
С тобой, счастливый беззаконник,
Ленивый Пинда гражданин,
Свободы, Вакха верный сын,
Венеры набожный поклонник
И наслаждений властелин!
От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,
От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мне. Приеду я
В начале мрачном октября:
С тобою пить мы будем снова,
Открытым сердцем говоря
Насчет глупца, вельможи злого,
Насчет холопа записного,
Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

25 июня — 5 июля 1819

79. ОРЛОВУ

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный;
О ты, который, с каждым днем
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку,
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача.
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:

Мундир и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.
Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате,
В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов,
И буду ждать. Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей
И брани громкий вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенный Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены
Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

4 июля 1819

80. ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.

Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты;
Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Июль 1819

81. К ПОРТРЕТУ ЧААДАЕВА

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

Между маем (?) 1818 и апрелем 1820

82. КИНЖАЛ

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судия позора и обиды.

Где Зевса гром молчит, где дремлет меч закона,
Свершитель ты проклятий и надежд,
Ты кроешься под сенью трона,
Под блеском праздничных одежд.

Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И, озираясь, он трепещет
Среди своих пиров.

Везде его найдет удар нежданный твой:
На суше, на морях, во храме, под шатрами,
За потаенными замками,
На ложе сна, в семье родной.

Шумит под Кесарем заветный Рубикон,
Державный Рим упал, главой поник закон;
Но Брут восстал вольнолюбивый:
Ты Кесаря сразил — и мертв объемлет он
Помпея мрамор горделивый.

Исчадье мятежей подъемлет злобный крик:
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник.

Апостол гибели, усталому Аиду
Перстом он жертвы назначал.
Но вышний суд ему послал
Тебя и деву Эвмениду.

О юный праведник, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казненном прахе.

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе, —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал.

Март (?) 1821

83. В. Л. ДАВЫДОВУ

Меж тем как генерал Орлов,
Обритый рекрут Гименея,
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной
И за бутылками Аи
Сидят Раевские мои,
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь
И с горя на брегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь. . .
Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинев и про себя.

На этих днях, среди собора
Митрополит, седой обжора,
Перед обедом, невзначай
Велел жить долго всей России. . .
И с сыном птички и Марии
Пошел христосоваться в рай. . .
Я стал умен, я лицемерю —
Пощусь, молюсь и твердо верю,
Что бог простит мои грехи,
Как государь мои стихи.
Говеет Инзов и намедни
Я променял парнасски бредни
И лиру, грешный дар судьбы,
На часослов и на обедни,
Да на сушеные грибы.
Однако ж гордый мой рассудок
Мое раскаянье бранит,
А мой ненабожный желудок
«Помилуй, братец, — говорит. . . —
Еще когда бы кровь Христова
Была хоть, например, лафит. . .
Иль кло д'вужо, тогда б ни слова.
А то — подумай как смешно! —

С водой молдавское вино».
Но я молюсь и воздыхаю,
Крещусь, не внемлю сатане...
А всё невольно вспоминаю,
Давыдов, о твоем вине...

Вот эвхаристия другая,
Когда и ты, и милый брат,
Перед камином надевая
Демократический халат,
Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей
И за здоровье *тех* и *той*
До дна, до капли выпивали!
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет.
Ужель надежды луч исчез?
Но нет, мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся —
И я скажу: «Христос воскрес».

1—10 апреля 1821

84. ГАВРИИЛИАДА

Поэма

Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любезных уст улыбкою довольный,
Царю небес и господу-Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиренных струн, быть может, наконец
Ее пленят церковные напевы,
И дух святой сойдет на сердце девы;
Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смиренье,
Бровь темная, двух девственных холмов

Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов. . .
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты, право, обманулась:
Я не тебя, — Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем еще не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Ее супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и плотник,
В селеньи был единственный работник.
И день и ночь, имея много дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смотрел
На прелести, которыми владел,
И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвесть.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил — и больше ничего.

Но, братие, с небес во время оно
Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей — и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубокой
Благословить достойный вертоград,
Сей вертоград забытый, одинокой,
Щедротою таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет;
В своем углу Мария сладко дремлет.
Всевышний рек, — и деве снится сон;
Пред нею вдруг открылся небосклон
Во глубине своей необозримой;
В сиянии и славе нестерпимой

Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херувимы,
Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крылами, —
И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними трон.
И светел вдруг очам явился он. . .
Все пали ниц. . . Умолкнул арфы звон.
Склонив главу, едва Мария дышит,
Дрожит как лист и голос бога слышит:
«Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовию пылая,
Причастница ты славы будь моей:
Готовь себя к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей рабыне».

Вновь облаком оделся божий трон;
Восстал духов крылатый легион,
И раздались небесной арфы звуки. . .
Открыв уста, сложив умильно руки,
Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных молодых
С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные уборы,
Сиянье крыл и локонов златых,
Высокий стан, взор томный и стыдливый —
Всё нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гавриил!
Пропало всё. — Не внемля детской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томной лени.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес пленить она хотела,

Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Что делать нам? Судьба так приказала, —
Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви
(Другого я не смыслю разговора).
В те дни, когда от огненного взора
Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,
И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий, —
Не правда ли? в толпе младых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радости на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего нам более желать —
Чтоб оживить о ней воспоминанье,
С наперсником мы любим поболтать.

И ты, господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моленье, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу...
Где крылия? к Марии полечу
И на груди красавицы почию!..»
И прочее... всё, что придумать мог, —
Творец любил восточный, пестрый слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.

Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметя в нем и ум и дарованье, —
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренье сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес. . . а по-земному сводник.

Но, старый враг, не дремлет сатана!
Услышал он, шатаясь в белом свете,
Что бог имел еврейку на примете,
Красавицу, которая должна
Спасти наш род от вечной муки ада.
Лукавому великая досада, —
Хлопочет он. Всевышний между тем
На небесах сидел в уныньи сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем —
И без него всё шло своим порядком.

Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?
В своем саду, печальных дум полна,
Проводит час невинного досуга
И снова ждет пленительного сна.
С ее души не сходит образ милый,
К архангелу летит душой унылой.
В прохладе пальм, под говором ручья,
Задумалась красавица моя;
Не мило ей цветов благоуханье,
Не весело прозрачных вод журчанье. . .
И видит вдруг: прекрасная змия,
Приманчивой блистая чешуею,
В тени ветвей качается над нею
И говорит: «Любимица небес!
Не убегай, — я пленник твой послушный. . .»

Возможно ли? О чудо из чудес!
Кто ж говорил Марии простодушной,
Кто ж это был? Увы, конечно, бес.

Краса змии, цветов разнообразность,
Ее привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии в тот же час.
Чтоб усладить младого сердца праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:

«Кто ты, змия? По льстивому напеву,
По красоте, по блеску, по глазам —
Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успел к таинственному древу
И там склонил несчастную к грехам.
Ты погубил неопытную деву,
А с нею весь адамов род и нас.
Мы в бездне бед невольно потонули.
Не стыдно ли?»
— «Попы вас обманули,
И Еву я не погубил, а спас!»
— «Спас! от кого?»
— «От бога».
— «Враг опасный!»
— «Он был влюблен. . .»
— «Послушай, берегись!»
— «Он к ней пылал».
— «Молчи!»
— «. . .любовью страстной,
Она была в опасности ужасной».
— «Змия, ты лжешь!»
— «Ей-богу!»
— «Не божись».
— «Но выслушай. . .»

Подумала Мария:
«Нехорошо в саду, наедине,
Украдкою внимать наветам змия,
И кстати ли поверить сатане?
Но царь небес меня хранит и любит,
Всевышний благ: он, верно, не погубит

Своей рабы, — за что ж? за разговор!
К тому же он не даст меня в обиду,
Да и змия скромна довольно с виду.
Какой тут грех? Где зло? Пустое, вздор!» —
Подумала и ухо приклонила,
Забыв на час любовь и Гавриила.
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою шею,
С ветвей скользит — и падает пред нею,
Желаний огнь во грудь ее вдохнув,
Он говорит:
«С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:
Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

Они должны, красавицы другие,
Завидовать огню твоих очей;
Ты рождена, о скромная Мария,
Чтоб изумлять адамовых детей,
Чтоб властвовать над легкими сердцами,
Улыбкою блаженство им дарить,
Сводить с ума двумя-тремя словами,
По прихоти — любить и не любить...
Вот жребий твой. Как ты, младая Ева
В своем саду скромна, умна, мила,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз на́ глаз муж и дева
На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообразность.
Ни рощи сень, ни молодость, ни праздность —
Ничто любви не воскрешало в них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых...
Что скажешь ты? Тиран несправедливый,
Еврейский бог, угрюмый и ревнивый,

Адамову подругу полюбя,
Ее хранил для самого себя...
Какая честь и что за наслажденье!
На небесах, как будто в заточенье,
У ног его молися да молись,
Хвали его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на другого,
С архангелом тихонько молвить слово;
Вот жребий той, которую творец
Себе возьмет в подруги наконец.
И что ж потом? За скуку, за мученье
Награда вся — дьячков осиплых пенье,
Свечи, старух докучная мольба,
Да чад кадил, да образ под алмазом,
Написанный каким-то богомазом...
Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелестной Евы;
Решился я, создателю назло,
Разрушить сон и юноши и девы.
Ты слышала, как всё произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливый знак, любви симво́л призывный),
Открыли ей неясную мечту.
Проснулися неясные желанья;
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепетанье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! Любви — моей науки —
Прекрасное начало видел я.
В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгляды, руки...
Меж милых ног супруги молодой,
Заботливый, неловкий и немой,
Адам искал восторгов упоенья,
Неистовым исполненный огнем,
Он вопрошал источник наслажденья
И, закипев душой, терялся в нем...
И, не страшась божественного гнева,
Вся в пламени, власы раскинув, Ева,
Едва-едва устами шевеля,
Лобзанием Адаму отвечала,

В слезах любви, в бесчувствии лежала
Под сенью пальм, — и юная земля
Любовников цветами покрывала.

Блаженный день! Увенчанный супруг
Жену ласкал с утра до темной ночи,
Во тьме ночной смыкал он редко очи,
Как их тогда украшен был досуг!
Ты знаешь: бог, утехи прерывая,
Чету мою лишил навеки рая.
Он их изгнал из милой стороны,
Где без трудов они так долго жили
И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладострастья
И младости веселые права,
Томленье чувств, восторги, слезы счастья,
И поцелуй, и нежные слова.
Скажи теперь: ужели я предатель?
Ужель Адам несчастлив от меня?
Не думаю, но знаю только я,
Что с Евою остался я приятель».

Умолкнул бес. Мария в тишине
Коварному внимала сатане.
«Что ж? — думала, — быть может, прав лукавый;
Слыхала я: ни почестьми, ни славой,
Ни золотом блаженства не купить;
Слыхала я, что надобно любить...
Любить! Но как, зачем и что такое...»
А между тем вниманье молодое
Ловило всё в рассказах сатаны:
И действия, и странные причины,
И смелый слог, и вольные картины...
(Охотники мы все до новизны.)
Час от часу неясное начало
Опасных дум казалось ей ясней,
И вдруг змии как будто не бывало —
И новое явленье перед ней:
Мария зрит красавца молодого.
У ног ее, не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск очей,

Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подносит,
Другою мнет простое полотно
И крáдется под ризы торопливо,
И легкий перст касается игриво
До милых тайн... Всё для Марии диво,
Всё кажется ей ново, мудрено, —
А между тем румянец нестыдливый
На девственных ланитах заиграл —
И томный жар, и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.
Она молчит, но вдруг не стало мочи,
Закрылися блистательные очи,
К лукавому склонив на грудь главу,
Вскричала: ах!.. и пала на траву...

О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и желанья,
Красавица, которой был я мил,
Простишь ли мне мои воспоминанья?
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя.
От бледных уст улыбка отлетела,
Твоя краса во цвете помертвела...
Простишь ли мне, о милая моя!

Отец греха, Марии враг лукавый,
Ты стал и был пред нею виноват;
Ах, и тебе приятен был разврат...
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спеши ловить... но близок, близок час!

Вот меркнет свет, заката луч угас.
Всё тихо. Вдруг над девой утомленной
Шумя парит архангел окрыленный, —
Посол любви, блестящий сын небес.

От ужаса при виде Гавриила
Красавица лицо свое закрыла...
Пред ним восстав, смутился мрачный бес
И говорит: «Счастливец горделивый,
Кто звал тебя? Зачем оставил ты
Небесный двор, эфира высоты?
Зачем мешать утехе молчаливой,
Занятиям чувствительной четы?»
Но Гавриил, нахмуря взгляд ревнивый,
Рек на вопрос и дерзкий и шутливый:
«Безумный враг небесной красоты,
Повеса злой, изгнанник безнадежный,
Ты соблазнил красу Марии нежной
И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать!»
— «Не трепетал от ваших я придворных,
Всевышнего прислужников покорных,
От сводников небесного царя!» —
Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая губы,
Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен новым жаром,
И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел —
И ворвались в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел:
Сплетенные кружась идут по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединив крест-накрест ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? Вы помните то поле,
Друзья мои, где в прежни дни, весной,

Оставя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкоплечий,
Вотще кряхтел с увертливым врагом
И, наконец, желая кончить разом,
С архангела пернатый сбил шелом,
Златой шелом, украшенный алмазом.
Схватив врага за мягкие власы,
Он сзади гнет могучею рукою
К сырой земле. Мария пред собою
Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет:
По счастию, проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядела чуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг соверша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице ее разлился
И нежностью исполнилась душа.
Ах, как была еврейка хороша!..

Посол краснел и чувствия чужие
Так изъяснял в божественных словах:
«О радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный,
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!»
И перед ней коленопреклоненный,
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхала.

И Гавриил ее поцеловал.
Смутясь, она краснела и молчала,
Ее груди дерзнул коснуться он...
«Оставь меня!» — Мария прошептала,
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и стон...

Что делать ей? Что скажет бог ревнивый?
Не сетуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви,
Умеете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покорной
И мнимых мук, и с робостью притворной
Играет роль в решительную ночь;
И поутру, оправясь понемногу,
Встает бледна, чуть ходит, так томна.
В восторге муж, мать шепчет: слава богу,
А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием приятным
По небесам летит путем обратным.
Наперсника нетерпеливый бог
Приветствием встречает благодатным:
«Что нового?» — «Я сделал всё что мог
Я ей открыл». — «Ну что ж она?» —
«Готова!» —
И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бровей
Всех удалил, как древний бог Гомера,
Когда смирял бесчисленных детей;
Но Греции навек погасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине
Покоилась на смятой простыне.

Душа горит и негой и желаньем,
Младую грудь волнует новый жар.
Она зовет тихонько Гавриила,
Его любви готовя тайный дар,
Ночной покров ногою отдалила,
Довольный взор с улыбкою склонила
И, счастлива в прелестной наготе,
Сама своей дивится красоте.
Но между тем в задумчивости нежной
Она грешит, — прелестна и томна,
И чашу пьет отрады безмятежной.
Смеешься ты, лукавый сатана!
И что же! вдруг, мохнатый, белокрылый,
В ее окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит
И пробует веселые напевы,
И вдруг летит в колени милой девы.
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, копышется, вертится,
И носиком и ножками трудится.
Он, точно он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу».

Всевышний бог, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой по-прежнему безгрешен,

Христа любил как сына своего,
За то господь и наградил его!

Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы?
Навек забыв старинные проказы,
Я пел тебя, крылатый Гавриил,
Смиренных струн тебе я посвятил
Усердное, спасительное пенье;
Храни меня, внемли мое моленье!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,
Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье мое благослови!
Приемлю я намеренья благие,
Переменюсь: Елену видел я;
Она мила, как нежная Мария!
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравиться поведай тайну мне,
В ее душе зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком посеребрит,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О рогачей заступник и хранитель,
Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и смиренье,
Даруй ты мне терпенье вновь и вновь,
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь!

Апрель — май 1821

85. ГЕНЕРАЛУ ПУЩИНУ

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
Теперь твоя дорога;
Но ты предвидишь свой удел,
Грядущий наш Квирога!

И скоро, скоро смолкнет брань
Средь рабского народа,
Ты молоток возьмешь во длань
И воззовешь: свобода!
Хвалю тебя, о верный брат!
О каменщик почтенный!
О Кишинев, о темный град!
Ликуй, им просвещенный!

1—15 июня 1821

86. В. Ф. РАЕВСКОМУ

Не тем горжусь я, мой певец,
Что [привлекать] умел стихами
[Вниманье пламенных сердец,]
Играя смехом и слезами.

Не тем горжусь, что иногда
Мои коварные напевы
Смиряли в мыслях юной девы
Волненье страха ⟨и⟩ стыда.

Не тем, что у столба сатиры
Разврат и злобу я казнил
И что грозящий голос лиры
Неправду в ужас приводил,

Что непреклонным вдохновеньем
И бурной [юностью моей]
И страстью воли и гоненьем
Я стал известен меж людей —

Иная, [высшая награда]
Была мне роком суждена —
[Самолюбивых душ отрада!
Мечтанья суетного сна!..]

. . . .

Апрель — май 1822

87. ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто а́нглийский роман с французского преложит,
Тот оду сочинит, потея да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шутя —
До них нам дела нет; а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни — а после подпишися.

Так, цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить; Руссо, Вольтер, Бюффон,
Державин, Карамзин манят его желанье,
А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи, да поля,
Да, связь утратя в них, ищи ее сначала,
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадну́ю брань,
Учтивых остряков затейливую дань.

Но цензор гражданин, и сан его священный:
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов,
Не преступает сам начертанных уставов;
Закону преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;

Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает.
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами;
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру пасквилем, поэзию развратом,
Глас правды мятежом, Куницына Маратом!..
Решил, а там поди, хоть на тебя проси.
Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси,
Благодаря тебя, не видим книг доселе?
И если говорить задумают о деле,
То, славу русскую и здравый ум любя,
Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.
О варвар! кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между муз;
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца «Пиров», столь чистый, благородный, —
Ничто не трогает души твоей холодной.
На всё кидаешь ты косой, неверный взгляд.
Подозревая всё, во всем ты видишь яд.
Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:
Парнас не монастырь и не гарем печальный,
И, право, никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? Поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот не знаком тебе, мы знаем почему, —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутливых од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати не бывали;

Что нужды? их и так иные прочитали.
Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
Зачем себя и нас терзаешь без причины?
Скажи, читал ли ты «Наказ» Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник «Душеньки» двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала —
И никому из них цензура не мешала.
Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
С тобой не так легко б разделались они?
Кто ж в этом виноват? Перед тобой зерцало:
Дней Александровых прекрасное начало.
Проведай, что в те дни произвела печать.
На поприще ума нельзя нам отступать.
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечество назвать
И в рабстве ползали и люди и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,
Когда невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин снискал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец. . .
Исправься ж: будь умней и примирися с нами.

«Всё правда, — скажешь ты, — не стану спорить с вами:
Но можно ль цензору по совести судить?
Я должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно, а я нередко плачу,
Читаю да крещусь, мараю наудачу —
На всё есть мода, вкус; бывало, например,
У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер,
А нынче и Милот попался в наши сети.
Я бедный человек; к тому ж жена и дети. . .»

Жена и дети, друг, поверь — большое зло:
От них всё скверное у нас произошло.
Но делать нечего; так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

Апрель — декабрь 1822

88

Изыде сеятель сеяти семена своя.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды —
Ярмо с гремушками да бич.

Конец ноября 1823

89. НА АЛЕКСАНДРА I

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

Между 1823 и первой половиной 1825

90

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риэго был удавлен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец. —
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я, но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.

Между маем 1824 и 25 января 1825

91. ⟨НА 14 ДЕКАБРЯ⟩

⟨Отрывок из элегии «Андрей Шенье»⟩

Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластию бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени,

От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равéнство,
И мы воскликнули: «Блаженство!»
О горе! О бéзумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! О позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет — не виновна ты.
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут;
Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Всё ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равéнства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!

Май — июнь 1825

92

Заступники кнута и плети,
[О знаменитые] князья,
[За всё жена моя и дети
Вам благодарны, как и я.]
За вас молить [я] бога буду
И никогда не позабуду,
Когда . . . . позовут
Меня на полную расправу,
За ваше здравие и славу
Я дам царю мой первый кнут.

8—13 сентября 1825

93

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди и с вервием на вые
К у⟨бийце⟩ г⟨нусному⟩ явись.

24 июля — 8 сентября 1826

94

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Конец декабря 1826 — 4 января 1827

95. АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны весла. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн, —

Декабристы на виселице

Рисунок А. С. Пушкина

Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

16 июля 1827

96. К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

21 сентября 1829

97

Восстань, о Греция, восстань!
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.

Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла
На гробах . . . . Перикла,
На . . . . . . мраморных Афин.

Страна героев и рабов
Расторгла братские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

Август — сентябрь 1829 (?)

98. ⟨ИЗ ДЕСЯТОЙ ГЛАВЫ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»⟩

1

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
. . . .

2

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.
. . . .

3

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Б⟨арклай⟩, зима иль русский бог?
. . . .

4

Но бог помог — стал ропот ниже,
И скоро, силою вещей,
Мы очутилися в Париже,
А русский царь — главой царей.
. . . .

5

И чем жирнее, тем тяжеле;
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле
. . . .

6

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил.

. . . .

Моря достались Альбиону.

. . . .

7

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось, по манью Николая,
Семействам возвратит Сибирь

. . . .

Авось дороги нам исправят

. . . .

8

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, папою венчанный,
Исчезнувший как тень зари.

. . . .

Измучен казнию покоя,

. . . .

9

Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Мореи
Из Кишинева уж мигал.

. . . .

Кинжал Л⟨увеля⟩, тень ⟨Бейрона⟩

. . . .

10

«Я всех уйму с моим народом!» —
Наш царь в конгрессе говорил,
. . . .
А про тебя и в ус не дует.
Ты, Александровский холоп.
. . . .

11

Потешный полк Петра титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей.
. . . .

12

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна, может быть
. . . .

13

У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
. . . .

14

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.
. . . .

15

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Лаская в ней свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, слово «рабство» ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

16

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель . . . для тиранов,
И рать . . . набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
Исполнен дерзости и сил,
Минуты [вспышки] торопил.

17

Сначала эти заговоры
Между лафитом и клико
Лишь были дружеские споры
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука.
Всё это было только скука,

Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.
Казалось...
Узлы к узлам...
И постепенно сетью тайной
Россия...
Наш царь дремал...

Октябрь 1830

А. С. Пушкин (?)

99. ДВУМ АЛЕКСАНДРАМ ПАВЛОВИЧАМ

Романов и Зернов лихой,
Вы сходны меж собою:
Зернов! Хромаешь ты ногой,
Романов — головою.
Но что, найду ль довольно сил
Сравненье кончить шпицем?
Тот в кухне нос переломил,
А тот под Австерлицем.

1813 (?)

100

Мы добрых граждан позабавим,
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Между 11 июня 1817 и 1819

101. ⟨НА КАРАМЗИНА⟩

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам без всякого пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

1818 или 1819

102. НА АРАКЧЕЕВА

В столице он — капрал, в Чугуеве — Нерон:
Кинжала Зандова везде достоин он.

1819 или 1820 (?)

103. НА ФОТИЯ

Полуфанатик, полуплут;
Ему орудием духовным
Проклятье, меч, и крест, и кнут.
Пошли нам, господи, греховным,
Поменьше пастырей таких —
Полублагих, полусвятых.

1824

А. А. БЕСТУЖЕВ

Видный деятель Северного общества Александр Александрович Бестужев (1797—1837) занимает важное место и в литературном движении первой трети XIX века. Его погодные критические обозрения 1823—1825 годов имели большое значение в пропаганде нового литературного течения — романтизма. Именно традицию этих обзоров продолжил впоследствии Белинский. В качестве прозаика (под псевдонимом Марлинский) Бестужев пользовался огромной популярностью. Современников привлекала центральная фигура его повестей — исключительная, героическая личность, враждующая с окружающим обществом. Повести и рассказы Марлинского были написаны напыщенным и вычурным языком; они переполнены романтическими легендами, необычайными происшествиями, экзотическими описаниями природы и т. д.

Поэт Бестужев начал свой литературный путь «Подражанием первой сатире Буало» — оно было запрещено цензурой, которая не могла пропустить выпадов против знати, описания Злорада, который «упитан грабленным соседей достояньем», сатирического изображения чиновников, судей и т. д.

В 1822 году Бестужев сближается с Рылеевым и вскоре создает вместе с ним цикл агитационных песен — одно из наиболее значительных достижений декабристской политической поэзии. Сочинение этих песен отяготило судьбу Бестужева. В приговоре Верховного уголовного суда сказано, что он «участвовал в умысле бунта привлечением товарищей и сочинением возмутительных стихов и песен».[1] Первоначально приговоренный к двадцатилетней каторге, он вскоре был сослан в Сибирь, а затем определен рядовым на Кавказ; при занятии мыса Адлер он был убит в перестрелке с горцами.

---

[1] «Декабристы и тайные общества в России», М., 1906, с. 83.

104. ПОДРАЖАНИЕ ПЕРВОЙ САТИРЕ БУАЛО

Бегу от вас, бегу, петропольские стены,
Сокроюсь в мрак лесов, в пещеры отдаленны,
Куда бы не достиг коварства дикий взор
Или судéй, писцов и сыщиков собор.
Куда бы ни хвастун, ни лжец не приближался,
Где б слух ни ябедой, ни лестью не терзался.
Бегу! .. Я вольности обрел златую нить.
Пусть здесь живет Дамон, — он здесь умеет жить.
За деньги счастия нередким став примером,
Он из-за стойки в год возникнул кавалером.
Пусть Клит живет, его коммерчески дела
Французов более нам причинили зла.
Иль Граблев, коего бесчинства всем знакомы,
Ивана Каина могли б умножить томы.
Иль доблестный одной дебелостью Нарцисс
Пускай меняет здесь сиятельных Лаис.
Пусть к пагубе людей с друзьями записными
Понт счастье пригвоздил за картами своими.
Пусть Грей, любя одни российские рубли,
Катоном рядится отеческой земли
И с четками в руках твердит: «Чтоб жить безбедно,
Нам щит — невежество, нам просвещенье вредно».
Таким людя́м житье в продажной стороне.
Но мне здесь жить? К чему? И что здесь делать мне?
Могу ль обманывать? Могу ли притворяться?
Нет! Чтоб возвыситься — постыдно пресмыкаться!
Свободен мыслию, хоть скованный судьбой,
Не променяюсь я за выгоды душой.
Не захочу, на крест иль чин имея виды,
Смывать забвением вельможные обиды
Иль продавать назло и вкусу, и ушам
Тому, кто боле даст, стиховный фимиам!
Служить любовникам не ведаю искусства
И знатных услаждать изношенные чувства;
Я продаю товар, каков он есть, лицом:
Осла ослом зову, Бибриса — подлецом.
За то гоним, презрен, забыт в несчастной доле,
Богат лишь бедностью, скитаюсь в Петрополе.
«Скажи, к чему теперь, — я слышу, говорят, —
Слинявшей мудрости цинический наряд?

Сей добродетели Обуховской больницы
Давно в помине нет у жителей столицы.
Высокомерие здесь — титул богачам,
А гибкость, рабство, лесть приличны беднякам.
Сим только способом бессребренны поэты
Исправить могут зло их мачехи-планеты».
Так! В наш железный век Фортуна-чародей
Творит директоров из глупых писарей.
Злорада, например, на смех, на диво свету
С запяток в пышную перенесла карету
И, золотым шитьем сменивши галуны,
Ввела и в честь, и в знать умильностью жены.
Теперь он, пагубным гордясь законов знаньем,
Упитан грабленным соседей достояньем,
С сверкающих колес стихиею своей
Из милости грязнит достойнейших людей.
Меж тем как Персий наш пешком повсюду рыщет
И обонянием чужих обедов ищет
И, рад или не рад, нуждою предведом,
По дыму трубному спешит из дому в дом.
Конечно, росский Тит, в наградах справедливый,
Вплетая в лавр побед дельфийские оливы,
Гордыню разгромив, в Европе бедных муз
Рукою благости освободил от уз.
Меч превращается в Эрмиев жезл крылатый.
Наш Август царствует, — но где же меценаты?
Опорой слабого кто обречется быть?
Притом возможно ли дорогу проложить
Сквозь тысячи певцов, искателей голодных,
Стихосплетателей похвал простонародных,
На коих без заслуг струится дождь щедрот:
Шмели у пчел всегда их расхищают сот.
Престанем же наград лелеять ожиданье, —
Без покровителей что значит дарованье?
Ужель не видим мы боянов наших дней,
Влачащих жизнь свою без денег, без друзей,
Весной без обуви, а в зиму без шинели,
Бледнее схимников в конце страстной недели
И получающих в награду всех трудов
Насмешки, купленны ценою их стихов,
На коих потеряв здоровье и именье,
Лишь в смерти зрят себе от бедности спасенье?

Иль, за долги в тюрьме простершись на досках,
Без хлеба в жизни сей, бессмертья ждут в веках.
На авторов давно прошла у знатных мода,
И лучший здесь поэт, честь века и народа,
Вовек не будет чтим с шутами наравне.
«Ступай в подьячие, там счастье», — шепчут мне.
Неужли должен я, наскучив Аполлоном,
Как прежде рифмами, — теперь играть законом
И локтем обметать чернильные столы?
Как? Чтобы я, сменив корысть на похвалы,
В дедале крючкотворств бессмысленных блуждая
И звоном золота невинность заглушая,
Для сильных стал весы Фемиды уклонять,
По правде белое — по форме черным звать?
И в справках вековых, в сношениях напрасных
Бесстыдно волочить просителей несчастных?
Скорей, чем эта мысль мне в голову придет,
В июне месяце Неву покроет лед.
Скорей луна светить в подлунную престанет,
Вралев писать стихи, злословить Клит устанет,
И Трусова скорей увидят храбрецом,
Чем я решусь сидеть в палатах за столом.
Почто же медлить здесь? Оставим град развратный,
Не добродетелью — лишь зданиями знатный,
Где дерзостный порок деяний всех вождем,
Заслуги с счастием нейдут одним путем,
Коварство кроется в куреньях тонкой лести,
Где должно почести купить ценою чести,
Где под личиною закона изувер
В почтеньи, истину скрывая тьмой химер,
Где гнусные ханжи и набожны прелесты
Ниноны дух таят под покрывалом Весты,
Где роскоши одной не прегражден успех,
Науки ж, знание в презрении у всех
И где к их пагубе взнесли чело строптиво
Искусства: красть умно и угнетать учтиво,
Где беззаконно всё — и мне велят молчать!
Но можно ли с душой холодной ободрять
Столичных жителей испорченные нравы?
И кто в улику им, путь указуя правый,
Не изольет свой гнев в бесхитростных стихах?
Нет! Чтоб сатирою вливать в порочных страх,

Не нужно кротких муз ждать вдохновенья с неба, —
Гнев справедливости, конечно, стоит Феба.
«Потише, — вопиют, — вотще и остроты,
И град блестящих слов пред ними сыплешь ты.
Взойди на кафедру, шуми с профессорами
И стены усыпляй моральными речами.
Там — худо ль, хорошо ль — всё можно говорить».
Так, мня грехи свои насмешками прикрыть,
Смеются многие над правдою и мною
И, с ложным мужеством под ранней сединою,
Чтоб в бога веровать, ждут лихорадки в дом,
Но, бледны, трепетны, внимая дальний гром,
Скучают небесам безверными мольбами.
А в ясны дни, смеясь над бедными людями,
«Терпите, — думают, — лишь было б нам легко:
Далеко до царя, до бога высоко!»
Но я, уверен быв, что для самой Фортуны
Хоть дремлют, но не спят каратели-перуны,
От развращения спешу себя спасти.
Роскошный Вавилон, в последнее: прости!

1819

К. Ф. РЫЛЕЕВ

После поражения декабрьского восстания имя одного из руководителей Северного общества и видного поэта Кондратия Федоровича Рылеева (1795—1826) до 1860-х годов не могло появляться в русской легальной печати. Все его произведения, независимо от содержания, были безусловно запрещены. Лишь случайно, по недосмотру цензуры, в некоторых альманахах 1820—1830-х годов было напечатано несколько стихотворений казненного поэта.[1]

В фонд вольной русской поэзии — в рукописные копии, в издававшиеся за рубежом сборники, широко обращавшиеся в России, — вошли и те произведения Рылеева, которые не имеют непосредственного отношения к «гражданской» теме. Ряд произведений, отражавших идеологию дворянского периода русского освободительного движения, был впоследствии переосмыслен в соответствии с задачами разночинного периода революционной борьбы. В это же время (а может быть, и раньше) Рылееву стали приписываться стихотворения других авторов. Стихи В. Ф. Раевского (например, «Послание к друзьям в Кишинев») сплошь и рядом обращались в списках, за подписью Рылеева. Стихотворение Н. М. Языкова «Свободы гордой вдохновенье. . .» или анонимное «Краса природы, совершенство. . .» в многочисленных копиях указываются как рылеевские. Только недавно установлена ошибочность атрибуции Рылееву стихотворения В. К. Кюхельбекера «На смерть Чернова». В течение многих лет стихотворение А. Н. Плещеева «По чувствам братья мы с тобой. . .» также считалось принадлежащим Рылееву.[2]

«Целый ряд произведений Рылеева, — пишет Ю. Г. Оксман, — и не предназначался для печати, а в функции агитационно-пропагандистских рукописных листовок расходился по рукам в сотнях

---

[1] Н. П. Смирнов-Сокольский, Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв., М., 1965 (по указателю имен).

[2] Е. Г. Бушканец, Мнимое стихотворение Рылеева. — «Литературное наследство», № 59, М., 1954, с. 285—288.

списков, нелегально распространявшихся по прямым заданиям тайных организаций декабристов («Гражданское мужество», «Я ль буду в роковое время. . .», «Ах, тошно мне. . .» и пр.)». [1]

К. Ф. Рылееву, А. А. и Н. А. Бестужевым, Е. П. Оболенскому, М. П. Бестужеву-Рюмину, М. И. и С. И. Муравьевым-Апостолам, И. И. Пущину и другим декабристам на следствии не раз задавали вопросы относительно «возмутительных» песен. Некоторые по требованию следователей они записывали по памяти, полностью или частично — надо полагать, с намеренными сокращениями и смягчениями, — различные тексты, но, за небольшими исключениями, эти записи до нас не дошли. Все они были по распоряжению Николая I изъяты из следственных дел и уничтожены.

Сочинение этих песен отяготило вину арестованных. В приговоре Верховного уголовного суда сказано, что Рылеев «сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи». [2]

Н. А. Бестужев в позднейшей мемуарной статье «Воспоминание о Рылееве» писал: «Намерение, с которым писаны ⟨песни⟩, и влияние, ими произведенное в короткое время, слишком значительны. Хотя правительство всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могли находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов, которые видели в них верное изображение своего настоящего положения и возможность улучшения в будущем. С другой стороны, одного преследования, без всякого внутреннего достоинства, достаточно было для заманчивости сих легких творений, чтобы образованные люди пожелали сохранить их. Рабство народа, тяжесть притеснения, несчастная солдатская жизнь изображалась в них простыми, но верными красками». [3]

Песни были написаны на хорошо знакомые мотивы, и это способствовало их популярности и легкости усвоения. Очень немногие произведения вольной поэзии XIX века могут соперничать с агитационными песнями Бестужева — Рылеева в широте распространенности. В процессе длительного бытования среди современников и у следующих поколений (вплоть до 1880-х годов) невольно, а нередко намеренно их текст изменялся, приспосабливался к самым различным эпизодам и фактам общественно-революционной борьбы. Песни иногда объединялись или, наоборот, дробились и в таком виде запи-

---

[1] От редактора. — К. Ф. Рылеев, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1934, с. XI—XII.

[2] «Декабристы и тайные общества в России», М., 1906, с. 78.

[3] «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 27—28.

сывались и переходили из рук в руки в течение десятилетий. Это имело место сразу же по их сложении: «...переходя по рукам, многое к ним прибавлено, и каждый на свой лад перевертывал», — показывал А. А. Бестужев 10 мая 1826 года.[1]

Отсюда почти непреодолимые текстологические сложности в установлении их основного текста. Несмотря на огромную работу, проведенную в советское время, нахождение подлинного авторского текста наталкивается на большие трудности.[2] Принятые в последнее время в советской науке и воспроизводимые в настоящем издании тексты могут считаться достоверными с известными оговорками.

Не вполне ясна и атрибуция. Так, не представляется возможным установить степень участия Бестужева. «Некоторые подблюдные ⟨написал⟩ я один», — показывал он 10 мая 1826 года.[3] Современники называют, в разных комбинациях, эти два имени.

Судя по показаниям Е. П. Оболенского, можно допустить, что в составлении песен принимали участие еще и другие лица: «Сочинением ... оных песен никто не занимался особенно ... но каждый куплет имел своего автора, и вообще они были плоды веселых часов досуга поэтов и литераторов наших, членов и не членов Общества во время свиданий их между собою»;[4] вероятно, это относится к песне «Ах, где те острова...». Недавно выяснилось, что в числе авторов был, вероятно, Ф. Ф. Вадковский.[5]

На следствии декабристы всячески старались представить сочинение песен безобидной шуткой. «Плоды веселых часов досуга» (Е. П. Оболенский); «в забавном расположении духа ... дурачась, мы их певали только между собой», — показывал А. А. Бестужев.[6]

Не боясь ошибиться, можно утверждать, что нарочитая версия об агитационных песнях как о забаве друзей в часы досуга не заслуживает доверия.

Агитационные песни — и написанные одним Рылеевым, и другие, которые представляют собою плод коллективного творчества, — были обдуманным звеном общего плана пропаганды среди тех, кто должен был сыграть решающую роль во время восстания, т. е. в

---

[1] «Восстание декабристов», т. 1, М., 1925, с. 458.

[2] См.: В. Г. Базанов, Спорное в декабристской текстологии. — «Русская литература», 1960, № 2, с. 184—191.

[3] «Восстание декабристов», т. 1, с. 457—458.

[4] Там же, с. 267.

[5] См.: М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. 2, М., 1955, с. 97.

[6] «Восстание декабристов», т. 1, с. 457—458; ср.: Н. И. Греч, Записки о моей жизни, М.—Л., 1930, с. 547.

первую очередь солдатская масса. Н. А. Бестужев без обиняков называет их сочинениями, «писанными для ходу».[1] Он же в показании на следствии откровенно говорил о том, что агитационные песни сознательно были написаны понятным народу языком. «Сначала, — писал он, — мы было имели намерение распустить их в народе, но после одумались. Мы более всего боялись народной революции; ибо оная не может быть не кровопролитна и не долговременна; а подобные песни могли бы оную приблизить».[2]

В. Г. Базанов справедливо указывает, что «декабристы, и в этом сказывалась дворянская ограниченность их революционной стратегии, не могли и не желали возглавить крестьянско-солдатское движение, стать во главе народа; но, волей или неволей, они должны были прислушаться к народной молве, к голосу народа и использовать народное мнение в своей пропаганде».[3] Источниками агитационных, и в частности так называемых подблюдных, песен исследователь считает народную молву, отражавшую чаяния угнетенных крепостных масс, и народный антикрепостнический фольклор, бытовавший в то время в народе (образцы его см. в наст. изд., с. 741 — 751).

Дошедшие до нас революционные песни должны быть дифференцированы. Так, песня «Ах, где те острова...» по именам и содержащимся в ней намекам не могла быть понята широкими массами: она, очевидно, была ориентирована на узкий круг петербургской (прежде всего) интеллигенции, которая знала упоминаемых в песне людей и могла должным образом оценить всю остроту суждений о них. В песне «Ты скажи, говори...» — все наоборот; по построению и по своему содержанию она адресована простонародной массе, — таков же и весь цикл подблюдных песен. Есть веские основания считать, что он был написан по прямому заданию Северного общества: «...Пародии на русские народные песни были действительно предлагаемы как средство к раскрытию ума простого народа» — эти слова из цитированных выше показаний Е. П. Оболенского довольно точно определяют пропагандистские задачи цикла.[4]

В изданиях вольной печати и в списках встречается приблизительно сорок различных произведений Рылеева.

---

[1] «Воспоминания Бестужевых», с. 27.

[2] «Восстание декабристов», т. 1, с. 457.

[3] В. Г. Базанов, Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика, М., 1953, с. 189.

[4] Анализ этой темы см. в статье: М. А. Брискман, Агитационные песни декабристов. — В сб.: «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», М.—Л., 1951, с. 20 и след.

105. К ВРЕМЕНЩИКУ

(Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула — достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах! лучше скрыть себя в безвестности простой,
Чем с низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сане мне и в почестях моих?
Не сан, не род — одни достоинства почтенны;
Сеян! и самые цари без них — презренны;
И в Цицероне мной не консул — сам он чтим,
За то что им спасен от Катилины Рим...
О муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждáн спасти от рока злого?
Тиран, вострепещи! родиться может он,
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть...
Не зная о своем ужасном положенье,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленье;
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь:
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он — что ты стеснил его свободу,

Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты...
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

1820

106. ВОЛЫНСКИЙ

Волынский начал поприще службы при Петре Великом. Получив чин генерал-майора, он оставил военную службу и сделался дипломатом: ездил в Персию в качестве министра, был вторым послом на Немировском конгрессе и в 1737 году пожалован в статс-секретари. Манштейн изображает его человеком обширного ума, но крайне искательным, гордым и сварливым. Неосторожность погубила Волынского. Однажды, приметя холодность императрицы Анны к герцогу Бирону, он решился подать ей меморию, в которой обвинял во многом герцога и некоторых сильных при дворе особ: ему хотелось отдалить их. Узнав о сем, жестокий Бирон излил месть на Волынского: его отдали под суд и приговорили к смертной казни (в 1739 году).

«Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!
Пусть будет муж совета он
И мученик позорной казни,
Стоять за правду и закон,
Как Долгорукий, без боязни.

Пусть будет он, дыша войной,
Врагам, в часы кровавой брани,
Неотразимою грозой,
Как покорители Казани.

Пусть удивляет. . . Но когда
Он всё творит то из тщеславья, —
Беда несчастному, беда!
Он сын не славы, а бесславья.

Глас общий цену даст делам;
Изобличатся вероломства —
И на проклятие векам
Предастся раб сей от потомства.
Не тот отчизны верный сын,
Не тот в стране самодержавья
Царю полезный гражданин,
Кто раб презренного тщеславья!

Но тот, кто с сильными в борьбе
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себе,
Готов всем жертвовать народу,
Против тиранов лютых тверд,
Он будет и в цепях свободен,
В час казни правотою горд
И вечно в чувствах благороден.

Повсюду честный человек,
Повсюду верный сын отчизны,
Он проживет и кончит век,
Как друг добра, без укоризны.
Ковать ли станет на граждан
Пришлец иноплеменный цепи:
Он на него — как хищный вран,
Как вихрь губительный из степи!

И хоть падет — но будет жив
В сердцах и памяти народной
И он, и пламенный порыв
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народ!
Певцы герою в воздаянье
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.

Вражда к тиранству закипит
Неукротимая в потомках —
И Русь священная узрит
Власть чужеземную в обломках». —
Так, сидя в крепости, в цепях,
Волынский думал справедливо;
Душою чист и прав в делах,
Свой жребий нес он горделиво.

Стран северных отважный сын,
Презрев и казнью и Бироном,
Дерзнул на пришлеца один
Всю правду высказать пред троном.
Открыл царице корень зла,
Любимца гордого пороки,
Его ужасные дела,
Коварный ум и нрав жестокой.

Свершил, исполнил долг святой,
Открыл вину народных бедствий
И ждал с бестрепетной душой
Деянью правому последствий.
Не долго, вольности лишен,
Герой влачил свои оковы;
Однажды вдруг запоров звон —
И входит страж к нему суровый.

Проник — и, осенясь крестом,
Сказал он: «За тебя свобода!»
И к месту казни с торжеством
Шел бодро верный друг народа.
Притек. . . увидел палача —
И голову склонил без страха;
Сверкнуло лезвие меча —
И кровью освятилась плаха!

Сыны отечества! в слезах
Ко храму древнему Самсона!
Там за оградой, при вратах
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! приведи
К могиле мученика сына;

Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!

Любовью к родине дыша,
Да всё для ней он переносит
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом,
За страждущих — железной грудью
И вечно за́клятым врагом
Постыдному неправосудью.

1821 или 1822

107. ГОЛОВА ВОЛЫНСКОГО

Свершилась казнь — и образец
Любви к отечеству священной
Приял страдальческий венец,
Венец прекрасный и нетленный!
Волынский тверд был до конца!
Не устрашенный мукой казни,
Он важность гордого лица
Не изменил чертой боязни.

Презренного злодея меч
Сверкнул над выей патриота;
Сверкнул — глава упала с плеч
И покатилась с эшафота.
И страх и тайную тоску
Льстецы в душе презренной кроя,
Чтоб угодить временщику,
Торжествовали казнь героя.

Одна царица лишь была
Омрачена печальной думой;
Как будто камень, залегла
Тоска в душе ее угрюмой!
С тех пор от ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться:
Ее очам и день и ночь
Какой-то призрак стал являться...

Однажды пир шумел в дворце,
Гремела музыка на хорах;
У всех веселье на лице
И упоение во взорах.
В душе своей утомлена,
Бледна, печальна и угрюма,
Царица в тронную одна
Ушла украдкою от шума.

Увы! и радость не могла
Ее порадовать улыбкой
И мрачность бледного чела
Развеселить, хотя ошибкой!
«О, где найду душе покой?» —
Она в раздумье возопила
И, опершись на трон рукой,
Уныло голову склонила.

«И в шуме пиршеств и в тиши
Меня раскаянье терзает;
Оно из глубины души
Волынского напоминает!..»
«Он здесь!» — внезапно зазвучал
По сводам тронной страшный голос...
В царице трепет пробежал,
И дыбом приподнялся волос!..

Она взглянула — перед ней
Глава Волынского лежала
И на нее из-под бровей
С укором очи устремляла.
Лик смертной бледностью покрыт,
Уста раскрытые трепещут,
Как огнь болотный в ночь горит,
Так очи в ней неясно блещут.

Кругом главы во тьме ночной
Какой-то чудный свет сияет.
И каплющая кровь порой
Помост чертога обагряет.
Рисует каждая черта
Страдальца славного отчизны;

Вдруг посинелые уста
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты? .. Давно я жду
Тебя к творцу на суд священный;
Там каждый восприемлет мзду;
Равны там царь и раб презренный!»
Окончив грозные слова,
По-прежнему из мрака ночи
Вперила мертвая глава
В царицу трепетную очи...

Гром музыки звучал еще,
Весельем оживлялись лица;
Все ждали Анну — но вотще!
Не возвращалася царица...
Исчезла радость, шум затих;
На царедворцах мрак угрюмый,
И каждый, глядя на других,
Спешит домой с тяжелой думой.

1822

108. ВИДЕНИЕ

ОДА НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, 30 АВГУСТА 1828 ГОДА

1

Какое дивное виденье
Очам представилось моим!
Я вижу в сладком упоенье:
По сводам неба голубым,
Над пробужденным Петроградом
Екатерины тень парит!
Кого-то ищет жадным взглядом;
Чело величием горит...

2

Но вот с устен царицы мудрой,
Как луч, улыбка сорвалась:
Пред нею отрок златокудрый,
Средь сонма воинов резвясь,
То в длани тяжкий меч приемлет,
То бранный шлем берет у них,
То, трепеща в восторге, внемлет
Рассказам воинов седых.

3

Румянцев, Миних и Суворов
Волнуют в нем и кровь и ум,
И искрится из юных взоров
Огонь славолюбивых дум.
Проникнут силою рассказа,
Он за Ермоловым вослед
Летит на снежный верх Кавказа
И жаждет славы и побед.

4

Царица тихо ниспускалась
На легком облаке, как дым,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестным правнуком своим;
Но вдруг Минервы светлоокой
Чудесный лик прияв, она
Слетела, мудрости высокой
Огнем божественным полна.

5

К прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой дух пылает бранью,
Ты любишь громкие дела.
Но для полунощной державы
Довольно лавров и побед;
Довольно громкозвучной славы
Протекших, незабвенных лет.

6

Военных подвигов година
Грозою шумной протекла;
Твой век иная ждет судьбина,
Иные ждут тебя дела.
Затмится свод небес лазурных
Непроницаемою мглой;
Настанет век борений бурных
Неправды с правдою святой.

7

Уже воспрянул дух свободы
Против насильственных властей;
Смотри — в волнении народы,
Смотри — в движеньи сонм царей.
Быть может, отрок мой, корона
Тебе назначена творцом;
Люби народ, чти власть закона,
Учись заране быть царем.

8

Твой долг благотворить народу,
Его любви в делах искать;
Не блеск пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвещенные уставы,
Свободу в мыслях и словах,
Науками очисти нравы
И веру утверди в сердцах.

9

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной люби
И рабства дух неблагородный —
Неправосудье истреби.
Будь блага подданных ревнитель:
Оно есть первый долг царей;
Будь просвещенья покровитель:
Оно надежный друг властей.

10

Старайся дух постигнуть века,
Узнать потребность русских стран,
Будь человек для человека,
Будь гражданин для сограждан.
Будь Антонином на престоле,
В чертогах мудрость водвори —
И ты себя прославишь боле,
Чем все герои и цари».

1823

109. ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО

Ода

Кто этот дивный великан,
Одеян светлою бронею,
Чело покойно, стройный стан,
И весь сияет красотою?
Кто сей украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость,
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?

Не ты ль, о мужество граждан,
Неколебимых, благородных,
Не ты ли гений древних стран,
Не ты ли сила душ свободных.
О доблесть, дар благих небес,
Героев мать, вина чудес,
Не ты ль прославила Катонов,
От Катилины Рим спасла
И в наши дни всегда была
Опорой твердою законов.

Одушевленные тобой,
Презрев врагов, презрев обиды,
От бед спасали край родной,
Сияя славой, Аристиды;

В изгнании, в чужих краях
Не погасали в их сердцах
Любовь к общественному благу,
Любовь к согражданам своим:
Они благотворили им
И там, на стыд ареопагу.

Ты, ты, которая везде
Была народных благ порукой;
Которой славны на суде
И Панин наш и Долгорукой;
Один, как твердый страж добра,
Дерзал оспоривать Петра;
Другой, презревши гнев судьбины,
И вопль, и клевету врагов,
Совет опровергал льстецов
И был столпом Екатерины.

Велик, кто честь в боях снискал
И, страхом став для чуждых воев,
К своим знаменам приковал
Победу, спутницу героев!
Отчизны щит, гроза врагов,
Он достояние веков;
Певцов возвышенные звуки
Прославят подвиги вождя,
И, юношам об них твердя,
В восторге затрепещут внуки.

Как полная луна порой,
Покрыта облаками ночи,
Пробьет внезапно мрак густой
И путникам заблещет в очи, —
Так будет вождь, сквозь мрак времен,
Сиять для будущих племен;
Но подвиг воина гигантский
И стыд сраженных им врагов
В суде ума, в суде веков —
Ничто пред доблестью гражданской.

Где славных не было вождей,
К вреду законов и свободы?

От древних лет до наших дней
Гордились ими все народы;
Под их убийственным мечом
Везде лилася кровь ручьем.
Увы, Аттил, Наполеонов
Зрел каждый век своей чредой:
Они являлися толпой...
Но много ль было Цицеронов?..

Лишь Рим, вселенной властелин,
Сей край свободы и законов,
Возмог произвести один
И Брутов двух и двух Катонов.
Но нам ли унывать душой,
Когда еще в стране родной,
Один из дивных исполинов
Екатерины славных дней,
Средь сонма избранных мужей
В совете бодрствует Мордвинов?

О, так, сограждане, не нам
В наш век роптать на провиденье;
Благодаренье небесам
За их святое снисхожденье!
От них, для блага русских стран,
Муж добродетельный нам дан;
Уже полвека он Россию
Гражданским мужеством дивит;
Вотще коварство вкруг шипит —
Он наступил ему на выю.

Вотще неправый глас страстей
И с злобой зависть, козни строя,
В безумной дерзости своей
Чернят деяния героя.
Он, тверд, покоен, невредим,
С презрением внимая им,
Души возвышенной свободу
Хранит в советах и суде
И гордым мужеством везде
Подпорой власти и народу.

Так в грозной высоте стоит
Седой Эльбрус в тумане мглистом:
Вкруг буря, град, и гром гремит,
И ветр в ущельях воет с свистом,
Внизу несутся облака,
Шумят ручьи, ревет река;
Но тщетны дерзкие порывы:
Эльбрус, кавказских гор краса,
Невозмутим, под небеса
Возносит верх свой горделивый.

1823

110. А. А. БЕСТУЖЕВУ

⟨Посвящение к поэме «Войнаровский»⟩

Как странник грустный, одинокой,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистный
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне:
Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.

Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства,
Зато найдешь живые чувства;
Я не Поэт, а Гражданин.

1823 или 1824

111

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги.

1824 или 1825

112—113. *НАЛИВАЙКО*

(Отрывки из поэмы)

1

«Не говори, отец святой,
Что это грех! Слова напрасны:
Пусть грех жестокий, грех ужасный...

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу, —
Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов
Я нá душу принять готов.

Итак, уж не старайся боле
Меня страшить. Не убеждай!
Мне ад — Украйну зреть в неволе,
Ее свободной видеть — рай!..

Еще от самой колыбели
К свободе страсть зажглась во мне;
Мне мать и сестры песни пели
О незабвенной старине.
Тогда, объятый низким страхом,
Никто не рабствовал пред ляхом;
Никто дней жалких не влачил
Под игом тяжким и бесславным;
Козак в союзе с ляхом был
Как вольный с вольным, равный с равным.
Но всё исчезло, как призрáк.
Уже давно узнал козак
В своих союзниках тиранов.
Жид, униат, литвин, поляк,
Как стаи кровожадных вранов,
Терзают беспощадно нас.
Давно закон в Варшаве дремлет,
Вотще народный слышен глас:
Ему никто, никто не внемлет.
К полякам ненависть с тех пор
Во мне кипит и кровь бунтует.
Угрюм, суров и дик мой взор,
Душа без вольности тоскует.
Одна мечта и ночь и день
Меня преследует, как тень;
Она мне не дает покоя
Ни в тишине степей родных,
Ни в таборе, ни в вихре боя,
Ни в час мольбы в церквах святых.
«Пора! — мне шепчет голос тайный. —
Пора губить врагов Украйны!»

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.

Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю. . .
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

2

Забыв вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть может, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья —
Не в силах я: один лишь раб
Так может быть и подл и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков? . .
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

Конец 1824 — март 1825

114. ⟨НАДПИСЬ НА КРЕПОСТНОЙ ТАРЕЛКЕ⟩

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну.

⟨1826⟩

115

Ах, где те острова,
Где растет трын-трава,
Братцы!

Где читают «Pucelle»
И летят под постель
Святцы.

Где Бестужев-драгун
Не дает карачун
Смыслу.

Где наш князь-чудодей
Не бросает людей
В Вислу.

Где с зари до зари
Не играют цари
В фанты,

Где Булгарин Фаддей
Не боится когтей
Танты.

Где Магницкий молчит,
А Мордвинов кричит
Вольно.

Где не думает Греч,
Что его будут сечь
Больно.

Где Сперанский попов
Обдает, как клопов,
Варом.

Где Измайлов-чудак
Ходит в каждый кабак
Даром.

1823 (?)

116

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе!

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

1823 (?)

117

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Всё в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалúл,
Кто им барство присудил,
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,
И свобода
У народа
Силой бар задушенá.

А что силой отнятó,
Силой выручим мы то.
И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут.
Они воры,
Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут.

Бара с земским судом
И с приходским попом
Нас морочат
И волочат
По дорогам да судам.

А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде,
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват.

Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу
Ты за всё, про всё давай!

Там же каждая душа
Покривится из гроша.
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем.

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги,
Разорили нас вконец.

И в деревне солдат
Хоть и кажется — наш брат,
В ус не дует
И воюет,
Как бы в вражеской земле.

А под царским орлом
Ядом потчуют с вином.
И народу
Лишь за воду
Велят вчетверо платить.

Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
Поселенье
В разоренье,
Православным на беду.

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.

Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет,
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!

А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

Конец 1823 (?)

118

Царь наш — немец русский —
Носит мундир узкий.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царствует он где же?
Целый день в манеже.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Прижимает локти,
Прибирает в когти.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Царством управляет,
Носки выправляет.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Враг хоть просвещенья,
Любит он ученья.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Школы все — казармы,
Судьи все — жандармы
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А граф Аракчеев
Злодей из злодеев!
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Князь Волконский баба
Начальником штаба.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А другая баба —
Губернатор в Або.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А Потапов ду́рный
Генерал дежурный
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Трусит он законов,
Трусит он масонов.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Только за парады
Раздает награды.

Ай да царь! ай да царь!
Православный Государь!

Царствомъ управляетъ,
Носки выправляетъ.

Ай да царь! ай да царь!
Православный Государь!

Врагъ онъ просвѣщенья,
Любитъ онъ ученья.

Ай да царь! ай да царь
Православный Государь!

Школы всѣ казармы,
Судьи всѣ жандармы

Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за комплименты —
Голубые ленты.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

А за правду-матку
Прямо шлет в Камчатку.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!

Между сентябрем 1823 и апрелем 1824

119

Подгуляла я,
Нужды нет, друзья,
Это с радости,
Это с радости.

Я, свободы дочь,
Со престолов прочь
Императоров,
Императоров.

На свободы крик
Развяжу язык
У сенаторов,
У сенаторов.

1824 или 1825

120—126. *ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ*

1

Слава богу на небе, а свободе на сей земле!
Чтобы правде ее не измениваться,
Ее первым друзьям не состареться,
Их саблям, кинжалам не ржáветься,
Их добрым коням не изнеживаться.
Слава богу на небе, а свободе на сей земле!

Да и будет она
Православным дана.
Слава!

2

Как идет мужик
Из Новáгородá,
У того мужика
Обрита борода;
Он ни плут, ни вор,
За спиной топор;
А к кому он придет,
Тому голову сорвет.
Кому вынется,
Тому сбудется,
А кому сбудется,
Не минуется.
Слава!

3

Вдоль Фонтанки-реки
Квартируют полки.
Слава!

Квартируют полки
Все гвардейские.
Слава!

Их и учат, ⟨их⟩ и мучат
Ни свет, ни заря.
Слава!

Что ни свет, ни заря,
Для потехи царя.
Слава!

Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться мук?
Слава!

Разве нет у них штыков
На князьков-сопляков?
Слава!

Разве нет у них свинца
На тирана-подлеца?
Слава!

Да Семеновский полк
Покажет им толк!
Слава!

Кому вынется, тому сбудется,
А кому сбудется, не минуется.
Слава!

4

Сей, Маша, мучицу, пеки пироги:
К тебе будут гости, к тирану враги.
Не с иконами, не с поклонами,
А с железом да с законами.
Что мы спели, не минуется ему.
И в последний раз крикнет: «Быть по сему!»

5

Уж как на́ небе
Две радуги,
А у добрых людей
Две радости:
Правда в суде
Да свобода везде.
Да и будут они
Россиянам даны.
Слава!

6

Уж вы вейте веревки
На барские головки;
Вы готовьте ножей
На сиятельных князей;

И на место фонарей
Поразвешивать ⟨царей⟩;
Тогда и будет тепло
И умно и светло.
Слава!

7

Как идет кузнец
Да из кузницы.
Слава!

Что несет кузнец?
Да три ножика.
Слава!

Вот уж первый-то нож —
На злодеев-вельмож.
Слава!

А другой-то нож —
На попов, на святош.
Слава!

А молитву сотворя —
Третий нож на царя.
Слава!

Кому вынется,
Тому сбудется.
Слава!

Кому сбудется,
Не минуется.
Слава!

Конец декабря 1824 —
начало января 1825

А. А. ДЕЛЬВИГ

Из произведений барона Антона Антоновича Дельвига (1798—1831) в репертуар вольной поэзии вошло два стихотворения: «Друзья, поверьте, не грешно...» и «Подражание Беранже». Первое стало нецензурным по причине кощунственного изложения библейского сюжета, второе было очень популярно с начала 1820-х годов. «Этот перевод тогда всех очень занимал», — сообщает А. И. Дельвиг, племянник поэта.[1] В начале июля 1825 года Пушкин шутя спрашивал П. А. Вяземского из Михайловского: «Какую песню из Béranger перевел дядя В⟨асилий⟩ Л⟨ьвович⟩? уж не «Le bon Dieu» ли? Объяви ему за тайну, что его в том подозревают в П⟨етер⟩б⟨урге⟩ и что готовится уже следственная комиссия, составленная из гр. Хвостова, Магницкого и г-жи Хвостовой...»[2]

127. ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке —
Земля вертится в уголке.
«Чтоб для нее я двинул ногу,
Черт побери меня, ей-богу!»

«О человеки всех цветов! —
Сказал, зевая, Саваоф. —
Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.

---

[1] А. И. Дельвиг, Мои воспоминания, т. 1, М., 1912, с. 48.
[2] Пушкин, Полн. собр. соч., т. 13, М.—Л., 1937, с. 185.

Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шеи
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Черт побери меня, ей-богу!

Меж вами карлики-цари
Себе воздвигли алтари,
И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Черт побери меня, ей-богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан по́д носом курят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я;
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь. . .
Но с вами я заговорюсь. . .
Прощайте! Гладкого боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Черт побери меня, ей-богу!»

1821 (?)

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Все произведения лицейского друга Пушкина, члена Северного общества и непосредственного участника декабрьского восстания Вильгельма Карловича Кюхельбекера (1797—1846), до 1907 года были безусловно запрещены в России, и по одному имени автора многие из них вошли в репертуар вольной поэзии. Первый раз сорок девять стихотворений появилось в подготовленном Н. В. Гербелем «Собрании стихотворений декабристов», изданном в Лейпциге в 1862 году; отсюда они неоднократно перепечатывались в «Лютне» и других зарубежных изданиях. Тем не менее они все же оставались малоизвестными широкому русскому читателю. Кроме того, с именем Кюхельбекера в списках обращались и не принадлежащие ему произведения.

Уже в 1820 году стихотворение «Поэты» вызвало политический донос: Кюхельбекер ожидал высылки. В 1821 году парижская полиция запретила лекции Кюхельбекера о русской литературе и русском языке: в них, в частности, говорилось о том, что «доныне слово «вольность» действует с особой силой на каждое подлинно русское сердце». Кюхельбекер читал свои лекции в стране, народ которой, по его словам, «предпочитает свободу — рабству, просвещение — мраку невежества, законы и гарантии — произволу и анархии».[1]

В исполненных романтического пафоса стихотворениях Кюхельбекера важное место занимает образ поэта-патриота, поклонника гражданской свободы и мужественного борца за нее. Презирая «гнусных ласкателей самовластья», Кюхельбекер пишет о великой роли поэта в обществе («в поэтов верует народ»). В стихотворении «К Ахатесу» он прославляет героический подвиг восставших греков, но аллюзии на русскую действительность несомненны:

Настанет для нас тот торжественный день,
Когда за отчизну наш меч
Впервые возблещет средь радостных сеч!

[1] Лекция Кюхельбекера о русской литературе и русском языке, прочитанная в Париже в июне 1821 г. — «Литературное наследство», № 59, М., 1954, с. 374—375.

Последекабрьское творчество Кюхельбекера периода заточения в крепости и поселения продолжает тему о поэте: судьба его, особенно в России, трагична, но с тем большей гордостью Кюхельбекер ощущает свою принадлежность к этому поколению борцов. Впрочем, в поздних стихотворениях 1840-х годов явственно слышатся горесть и обреченность больного человека. Лишь в отрывке сохранилось стихотворение «Клеветнику», в котором Кюхельбекер, не сломленный страданьями и недугом, находит силу заклеймить презрением жандармскую политику управляющего III Отделением А. Ф. Орлова.

В зарубежных сборниках и в списках встречается также ряд поздних религиозных стихотворений душевно одинокого человека («Росинки», «Море сна», «Молитва узника» и другие); современники, знавшие о судьбе Кюхельбекера, всячески старались вычитать в них мотивы протеста.

128. ЕРМОЛОВУ

О! сколь презрителен певец,
Ласкатель гнусный самовластья!
Ермолов, нет другого счастья
Для гордых, пламенных сердец,
Как жить в столетьях отдаленных
И славой ослепить потомков изумленных.

И кто же славу раздает,
Как не любимец Аполлона?
В поэтов верует народ;
Мгновенный обладатель трона,
Царь не поставлен выше их:
В потомстве Нéрона клеймит бесстрашный стих!

Но мил и свят союз прекрасный
Прямых героев и певцов —
Поет Гомер, к Ахиллу страстный:
Из глубины седых веков
Вселенну песнь его пленила —
И не умрет душа великого Ахилла!

Так пел, в Суворова влюблен,
Бард дивный, исполин Державин;
Не только бранью Сципион,
Он дружбой песнопевца славен:
Единый лавр на их главах,
Героя и певца равно бессмертен прах!

Да смолкнет же передо мною
Толпа завистливых глупцов,
Когда я своему герою,
Врагу трепещущих льстецов,
Свою настрою громко лиру
И расскажу об нем внимающему миру!

Он гордо презрел клевету,
Он возвратил меня отчизне:
Ему я все мгновенья жизни
В восторге сладком посвящу;
Погибнет с шумом вероломство,
И чист предстану я пред грозное потомство!

1821

129. К АХА́ТЕСУ

Ахатес, Ахатес! Ты слышишь ли глас,
Зовущий на битву, на подвиги нас?
Мой пламенный юноша, вспрянь!
О друг, полетим на священную брань!

Кипит в наших жилах веселая кровь,
К бессмертью, к свободе пылает любовь,
Мы смелы, мы молоды: нам
Лететь к Марафонским, святым знаменам!

Нет! нет! — не останусь в убийственном сне,
В бесчестной, глухой, гробовой тишине;
Так! ждет меня сладостный бой —
И если паду, я паду как герой.

И в вольность, и в славу, как я, ты влюблен,
Навеки со мною душой сопряжен!
Мы вместе помчимся туда,
Туда, где восходит свободы звезда!

Огонь запылал в возвышённых сердцах:
Эллада бросает оковы во прах!
Ахатес! нас предки зовут —
О, скоро ль начнем мы божественный труд!

Мы презрим и негу, и роскошь, и лень.
Настанет для нас тот торжественный день,
Когда за отчизну наш меч
Впервые возблещет средь радостных сеч!

Тогда, как раздастся громов перекат,
Свинец зашипит, загорится булат, —
В тот сумрачный, пламенный пир,
«Что любим свободу», поверит нам мир!

Апрель 1821 — начало 1820-х годов
Париж

130. ⟨НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА⟩

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царя трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым.

Нет, не отечества сыны
Питомцы пришлецов презренных;
Мы чужды их семей надменных:
Они от нас отчуждены.

Так, говорят не русским словом,
Святую ненавидят Русь;
Я ненавижу их, клянусь,
Клянуся честью и Черновым.

На наших дев, на наших жен
Дерзнешь ли вновь, любимец счастья,
Взор бросить полный сладострастья —
Падешь, перуном поражен.

И прах твой будет в посмеянье,
И гроб твой будет в стыд и срам.
Клянемся дщерям и сестрам:
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты, брат наших ты сердец,
Герой, столь рано охладелый,
Взнесись в небесные пределы!
Завиден, славен твой конец!

Ликуй: ты избран русским богом
Нам всем в священный образец;
Тебе дан праведный венец,
Ты чести будешь нам залогом.

Сентябрь 1825

131. ТЕНЬ РЫЛЕЕВА

Петру Александровичу Муханову

В ужасных тех стенах, где Иоанн,
В младенчестве лишенный багряницы,
Во мраке заточенья был заклан
Булатом ослепленного убийцы, —
Во тьме на узничьем одре лежал
Певец, поклонник пламенной свободы;
Отторжен, отлучен от всей природы,
Он в вольных думах счастия искал.
Но не придут обратно дни былые:
Прошла пора надежд и снов,
И вы, мечты, вы, призраки златые,
Не позлатить железных вам оков!
Тогда — то не был сон — во мрак темницы
Небесное видение сошло:
Раздался звук торжественной цевницы;

Испуганный певец подъял чело
И зрит: на облаках несомый,
Явился образ, узнику знакомый.
«Несу товарищу привет
Из области, где нет тиранов,
Где вечен мир, где вечен свет,
Где нет ни бури, ни туманов.
Блажен и славен мой удел:
Свободу русскому народу
Могучим гласом я воспел,
Воспел и умер за свободу!
Счастливец, я запечатлел
Любовь к земле родимой кровью!
И ты — я знаю — пламенел
К отчизне чистою любовью.
Грядущее твоим очам
Разоблачу я в утешенье. . .
Поверь: не жертвовал ты снам;
Надеждам будет исполненье!» —
Он рек — и бестелесною рукой
Раздвинул стены, растворил затворы.
Воздвиг певец восторженные взоры
И видит: на Руси святой
Свобода, счастье и покой!

1827

132. УЧАСТЬ РУССКИХ ПОЭТОВ

Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен. . .
Стянула петля дерзостную выю.

Не он один; другие вслед ему
Прекрасной обольщенные мечтою,
Пожалися годиной роковою. . .
Бог дал огонь их сердцу, свет уму,
Да! чувства в них восторженны и пылки, —
Что ж? их бросают в чёрную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки. . .

Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных,
Или рука любовников презренных
Шлет пулю их священному челу;
Или же бунт поднимет чернь глухую,
И чернь того на части разорвет,
Чей блещущий перунами полет
Сияньем облил бы страну родную.

28 октября 1845

133. НА СМЕРТЬ ЯКУБОВИЧА

Все, все валятся сверстники мои,
Как с дерева валится лист осенний,
Уносятся, как по реке струи,
Текут в бездонный водоем творений,
Отколе не бегут уже ручьи
Обратно в мир житейских треволнений!..
За полог все скользят мои друзья:
Пред ним один останусь скоро я.

Лицейские, ермоловцы, поэты,
Товарищи! Вас подлинно ли нет?
А были же когда-то вы согреты
Такой живою жизнью! Вам ли пет
Привет последний, и мои приветы
Уж вас не тронут? — Бледный, тусклый свет
На новый гроб упал: в своей пустыне
Над Якубовичем рыдаю ныне.

Я не любил его... Враждебный взор
Вчастую друг на друга мы бросали;
Но не умрет он средь Кавказских гор;
Там все утесы — дел его скрижали;
Им степь полна, им полон черный бор;
Черкесы и теперь не перестали
Средь родины заоблачной своей
Пугать *Якубом* плачущих детей.

Он был из первых в стае той орлиной,
Которой ведь и я принадлежал...

Тут нас, исторгнутых одной судьбиной,
Умчал в тюрьму и ссылку тот же вал. . .
Вот он остался, сверстник мой единый,
Вот он мне в гроб дорогу указал, —
Так мудрено ль, что я в своей пустыне
Над Якубовичем рыдаю ныне?

Ты отстрадался, труженик, герой,
Ты вышел наконец на тихий берег,
Где нет упреков, где тебе покой!
И про тебя не смолкнет бурный Терек
И станет говорить Бешту седой. . .
Ты отстрадался, вышел ты на берег;
А реет всё еще средь черных волн
Мой бедный, утлый, разснащенный челн!

25 января 1846

134. КЛЕВЕТНИКУ

. . . .
Полковник некогда преториян России,
Ты ныне атаман опасных, черных жаб,
Мужчин по имени, на деле старых баб,
Они твои послы, разносчики, витии,
Ты Какодемон их, незримый ты паук.
Но ткань ⟨вся⟩ от тебя ⟨и⟩ от тебя все сети;
Их выдумки — твои и крестники и дети,
Им шепчешь каждый склад, внушаешь каждый звук.
Вот русский Фáльстаф: он военным был и славным
. . . . своенравным
Посадишь и потом ⟨ты вышлешь⟩ простяка
Нелепость возглашать преклонно, свысока;
Жестокость! — всё равно: вело бы только к цели. . .
Нет у тебя друзей: лжецы и пустомели
Твои орудия; ты выгоняешь их
Как бешеных собак на всех врагов твоих!
Но есть, поверь мне, есть на свете Немезида,
И ею всякая приемлется обида
И в книгу вносится, и молча книгу ту

Читает день и ночь таинственная дева;
И выбирает жертв, и их казнит без гнева,
Но и без жалости. За ложь и клевету
Заплатят некогда такой же клеветою,
И в сердце и твое убийственной стрелою
Вонзится злая ложь... Берет меня печаль;
Клянуся господом, в душе тебя мне жаль:
Наказан будешь ты сообщников рукою,
И, рано ль, поздно ли, они когда-нибудь
Вольют смертельный яд тебе в больную грудь.

25 января — 5 марта 1846

Ф. Н. ГЛИНКА

Декабрист Федор Николаевич Глинка (1786—1880) был членом «Союза Благоденствия», но не принимал непосредственного участия ни в деятельности Северного общества, ни в восстании и отделался сравнительно легко — ссылкой на службу в Петрозаводск. В сущности, политические убеждения Глинки всегда были довольно умеренные и не шли дальше мечты о конституционной монархии.

В литературе Глинка известен с 1808 года: он выступал как прозаик, драматург и поэт. Некоторое время он был руководителем «Вольного общества любителей российской словесности», которое являлось литературным филиалом «Союза Благоденствия». Творческое наследие Глинки очень велико и неравноценно. Современники хорошо знали его патриотические стихи 1812 года, стихотворения «Тройка» («Вот мчится тройка удалая...»), «Москва» («Город чудный, город древний...»), «Песнь узника» и некоторые другие.

Стихи Глинки, нередко написанные в архаической манере, в замаскированной форме отражали настроения передовой молодежи преддекабристской эпохи, были формой политического воззвания, или «агитационного монолога», как называет их его исследователь.[1] Недаром Пушкин в 1822 году обратился к Глинке с посланием, в котором назвал его «великодушным гражданином». Легально напечатанный «Плач плененных иудеев» формально был переложением псалма (излюбленный жанр Глинки), но заключал в себе вольнолюбивый подтекст и стал одним из наиболее популярных произведений декабристской политической лирики.

Публицистический пафос произведений поэта нередко облечен в аллегорическую форму (например, посвященная истории Нидерландов трагедия «Вельзен, или Освобожденная Голландия»).[2]

---

[1] В. Г. Базанов, Ф. Н. Глинка. — В изд.: Ф. Н. Глинка, Избр. произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1957, с. 35.

[2] См.: В. Г. Базанов, цит. изд., с. 10 и след.

«Песнь узника» была опубликована в легальной печати, но в ней, в соответствии с авторским замыслом, современники увидели образ декабристского узника. Более поздние стихотворения отражают настроения поколения, пережившего разгром движения, но в душе сохранившего верность прежним идеалам.

Несколько стихотворений приписывается Глинке предположительно.

135. ПЛАЧ ПЛЕНЕННЫХ ИУДЕЕВ

На реках вавилонских тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона.[1]

Псалом 136

Когда, влекомы в плен, мы стали
От стен сионских далеки,
Мы слез ручьи не раз мешали
С волнами чуждыя реки.

В печали, молча, мы грустили
Всё по тебе, святой Сион;
Надежды редко нам светили,
И те надежды были — сон!

Замолкли вещие орга́ны,
Затих веселый наш тимпан.
Напрасно нам гласят тираны:
«Воспойте песнь сионских стран!»

Сиона песни — глас свободы!
Те песни слава нам дала!
В них тайны мы поем природы
И бога дивного дела!

---

[1] На реках вавилонских сидели мы и плакали, вспоминая о Сионе (старослав.). — *Ред.*

Немей, орга́н наш голосистый,
Как занемел наш в рабстве дух!
Не опозорим песни чистой;
Не ей ласкать злодеев слух!

Увы, неволи дни суровы
Орга́нам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!

1822

136. ПЕСНЬ УЗНИКА

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна!

А бедный юноша! Ровесник
Младым цветущим деревам,
В глухой тюрьме заводит песни
И отдает тоску волнам!

«Прости, отчизна, край любезный!
Прости, мой дом, моя семья!
Здесь за решеткою железной —
Уже не свой вам больше я!

Не жди меня отец с невестой,
Снимай венчальное кольцо;
Застынь мое навеки место;
Не быть мне мужем и отцом!

Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слезы и тоска!
Но я молчу — такую долю
Взяла сама моя рука».

1826

137. БУКВА И ДУХ

Из-под завесы буквы темной
Выходит часто божий день,
Но берегут свой мрак наземный
Сыны земли и ловят тень.
Не могут их больные очи
Глядеть с любовию на свет;
Зато противен чадам ночи
Световещающий поэт.
Зачем, сроднясь с Незримым связью,
Поет он им: «К вам свет идет! . .»
В светило дня упрямо, грязью
Кидает бешеный народ! . .
Прося телесных наслаждений,
Алкая радостей ночных,
Не любит современный гений
Ни слов, ни мысли световых. . .
Иносказания загадки
Его заботят, он ленив,
Он голой буквой — без подкладки —
Так незатейливо счастлив! . .
Но будет время — выйдет в поле
Пророк и возгласит костям:
«По всемогущей бога воле,
Восстать повелеваю вам! . .»
И сбудется. . . Я вижу пору,
Когда трубой пронзится слух
И эту плоть пробьет, как кóру,
Животрепещущийся дух.
И громко голоса запросят
Свободы из своих гробов,
И весело живые сбросят
С себя заплечных мертвецов! . .

Вторая половина 1820-х годов

138. ⟨СТИХИ О БЫВШЕМ СЕМЕНОВСКОМ ПОЛКУ⟩

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе покой, в устах «ура!»,

Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
Окончив полевые драки,
Носили офицеры фраки,
И всякий был и бодр и свеж,
Пристрастье к форме пригасало,
О палке и вестей не стало,
Дремал парад, пустел манеж...
Зато солдат, опрятный, ловкий,
Всегда учтив и сановит,
Уж принял светские уловки
И нравов европейских вид...
Но перед всеми отличался
Семеновский прекрасный полк.
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его, и толк,
И человечные манеры?
И молодые офицеры,
Давая обществу примеры,
Являлись скромно в блеске зал.
Их не манил летучий бал
Бессмысленным кружебным шумом:
У них чело яснелось думой,
Из-за которой ум сиял...
Влюбившись от души в науки
И бросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружеских семья́х
Перо и книгу брали в руки,
Сгибаясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине...
Тогда гремел, звучней чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин,
И много было... Всё прошло!
Прошло и уж невозвратимо!
Всё бурей мутною снесло,
Промчалось, прокатило мимо...
И сколько, сколько утекло
Волною пасмурной, печальной
(И здесь и по России дальной)
В реках воды, а в людях слез,
И сколько пережито гроз!..

Но пусть о них твердят потомки;
И мы, прошедшего обломки,
В уборе париков седых,
Среди кипучих молодых,
Вспомянем мы хоть про Новинки,
Где весело гостили Глинки,
Где благородный Муравьев
За нить страдальческих годов
Забыл пустынную неволю
И тихо сердцем отдыхал;
Где, у семьи благословенной,
Для дружбы и родства бесценной,
Умом и доблестью сиял
И к новой жизни расцветал
Якушкин наш в объятьях сына,
Когда прошла тоски година
И луч надежды обещал
Достойным им — иную долю.

1856

Ф. Н. Глинка (?)

139. ГЕНИЙ ОТЕЧЕСТВА

Какое внемлю торжество,
Какая звуков льется сладость!
К нам с неба мчится божество,
В очах горит святая радость;
На нем славянский крепкий шлем,
Во длани ветвь и меч булатный!
Отечество! Мы познаем,
Притек твой гений благодатный.
Над крепостью Петра полет
Остановив, сей небожитель
«Восстань, о Петр! Восстань! — зовет, —
Из мглы могильной, царь-зиждитель!
Над прахом совершен твоим
Сынов России подвиг дивный,

Гордятся именем твоим
Старейший сонм,[1] о рок завидный!
Героев, созданных тобой,
Непобедимый верный строй!
На шаг не отступил он с боя,
Мы в каждом видели героя[2]
Пред ликом матери Москвы.
Ты им заветом дал терпенье.
Твое наследство — горний дух,
Ты заповедал им смиряться,
Пред властью правды умиляться,
Царю и вере покоряться,
И каждый был в нем чести друг.
О чудо! Что перед очами
Свершилось с верными сынами?
Раб в сердце, гнусный злой палач
Босыми ветеран ногами,[3]
Израненных в боях с врагами,
Водил шагать, тянуть состав,
Избитый вражьими стрелами;
Какой-то выводя устав[4]
Своими дерзкими руками,
Железом поощрял злодей,
Достойный снеди для зверей!
Где сердце росса твердо бьется,
Любовь к отчизне где горит,
Удар злодея раздается
И пищу самую теснит.
Пытает день и ночь — покою

---

[1] Семеновский полк был составлен Петром Великим, еще в юных летах сего монарха, составляя его потешное первое регулярное войско; имя свое получил он от села Семеновского, что в окрестностях Москвы; равно как и Преображенский полк называется от села Преображенского там же.

[2] Сей один полк даже и под Аустерлицем не обратился в бегство, что же сказать о Бородине, Кульме и проч. и проч.

[3] Известно, что гнусный Шварц (по-русски то же, что и мерзавец) бил семеновских воинов, и даже поседевших в полку и брани, шомполами по голым ногам и разувал их, как скоро раны или лета воина не позволяли ему вытягивать колено и ступню.

[4] Благодаря милосердию и нежности сердца нашего монарха Александра I во всей гвардии и даже в армии неусыпно стараются искоренить телесные наказания, не только полосами железа, но и палками.

По службе русскому царю
Нет утомленному герою,
Нет службы бога олтарю.
И ветеран измучил силы
При возвращении царя;
Для горсти только серебра
Он отверзал им всем могилы.
«Куда сокрылся наш отец?
Наш царь, любимец всех сердец», —
Вопили прежде все рядами;
По страшным их усам реками
Впервые слезы их лились.
Потом все в думу собрались,
Воскликнув: «С нами нет героя,
Нет Александра, нет покоя!
Мы знаем, он учил нас сам,
Любил нас с детства сам державный!
Мы были всем красой полкам.
Теперь же горе! Своенравный
Злодей без чести, без заслуг,
Известный лишь собором мук,
И день и ночь всех нас терзает
И честь и бога забывает!
О! Если б муки царь узнал
Любимцев-воинов от детства,
С позором бы его изгнал
И нас бы искупил от бедства.
Свершилось: больше не хотим
Злодейства быть ему игрою;
Не буйства мы пример дадим —
Тоски душевной! Пусть судьбою
Открытый зрим себе удел,
В сердцах правдивый гнев засел.
Но может быть, что сожаленье
За райское всех нас смиренье
В душе царя откроет нрав,
За тяжкое всех мук терпенье
Во зло употребленных прав.
Вознегодует наш заступник,
Позор найдет себе преступник.
Нет, нет! Он воинов своих
Не предал в казнь злодею в руки,

Чтоб тот устроил пытку муки,
Чтоб оскорбил сынов твоих.
Еще ли бунтом называют
Безумцы подвиг наш святой,
Природы чувства забывают,
Что все спасают жребий свой.
Не склонит истинный герой
На плаху шею молчаливо,
Чтоб варвар лютый горделиво
Последний вынул жизни дух.
Пройдет о нас в потомстве слух —
Так! Мы имели гром во власти,
Имели правду за себя,
Отчизну горячо любя,
Смирили в сердце ярость страсти,
Когда огонь, реками кровь —
В других странах предтеча мести,
У нас в душах одна любовь
К отечеству и жажда к чести:
Мы тихо бодрою стеной
В темницу вышли без конвоев —
Вот признак россиян-героев!
Без злобы месть, покорность всю
Верховной власти дух представил
И добродетель ввек свою
На память россам всем оставил.
Мы знаем, как заслуги чтить!
Презреньем гнусного разить,
Ценить людей всегда умеем,
За честь и правду не робеем
Принесть и жизнь и кровь свою
Царю нетрепетно в бою.
О Петр! Твой правнук примирится
С любимцами от юных лет,
И тень твоя возвеселится,
Коль подвиг славу им найдет
В укору всем рабам трусливым,
Без правил чести, лишь спесивым,
Коль изречет прощенье царь,
Благословит его олтарь.
Мы видим торжество в том трона,
И россов дух, и блеск закона,

Приверженность к благим царям
И омерзение к цепям».
Здесь светлый гений умолкает
И тихо к небу возлетает.

Октябрь 1820

140. ВОЕННАЯ ПЕСНЬ ГРЕКОВ

Доколь нам, други, в тяжком рабстве
Стонать под игом агарян!
Тиранов милой нам Эллады
Настал желанный мести час!
Внемлите голосу отчизны,
Она, рыдая, кличет вас:
«Ко мне, сыны мои, о греки,
И за меня и стар и млад!»
Друзья! рука с рукой — и в сечу!
С кипящей радостью глася:
«Восстань гроза и честь народа,
Свобода Греции, свобода!»

Где наши памятники славы,
Ваяний, зодчества краса?
Где свет наук? Всего лишились
Под тяжким игом агарян!
Рабы в невежестве позорном,
Мы терпим лютой пытки срам
И поруганье пьем как воду!..
Всё нам: угрозы, бой и смерть,
И с милой родиной разлука,
И в родине — позор и стыд.
Чего ж еще? Но вы, о греки!
Взывайте, дружно отличась:
«Воскресни счастие народа,
Свобода Греции, свобода!»

Где вы, сыны Эллады пышной,
Где славный Греции народ?
О нем и юг, и запад дальний
Молвой гремели... А теперь
Его забыл и юг и север,

Нигде о нем не говорят,
Нигде как будто и не знают,
Что Греция на свете есть.
Вот до чего доводит рабство
И тяжкий у османов плен!
Но други! Братья! Нам за муки
Приспел желанный мести час.
И греки в радости кипящей
Гласят: *«Настал наш светлый день!»*
Сбылось спасение народа:
Свобода Греции, свобода!

Погибнут гордые тираны!
Уже со всех, со всех сторон
Друзья и братья к нашим грекам
Бегут, — как будто все спешат
На шумный торг, на пышный праздник,
Как гости на венчальный пир!
И кто отстанет от героев?
И стар и млад бежит *к своим*!
«Отстать позорно, дети, стыдно!» —
Так говорят своим сынам
Отцы и матери в Элладе,
Благословляя их на бой.
И всем твердят: «До смерти бейтесь,
Кто раб — не приходи домой».
Не надо рабства для народа,
Свобода Греции, свобода!

Сошлись и с громкою молитвой —
Сердца и длани к небесам:
И меч об меч — *крестообразно*
Острят. И от мечей кругом,
Как дождь кипящий, брызжут искры,
И пышет светлых молний блеск,
А там приветствие брат брату,
Булат сверкает по булату, —
И клятву — не вложить мечей,
Доколь враги свободы живы.
За свой народ, за свой закон,
Друзья, нет, предки, биться будем

И славу древнюю добудем
Бесстрашным сердцем и мечом.
О бог! К тебе мольбы народа:
Прочь рабство, будь у нас свобода!

Еще горит над Саламином
Побед и славы светлый луч;
Еще трофеев Марафона
Не стерла времени рука,
Еще нам памятно *былое*!
И мы беседуем о нем
В беседах тайных — и в восторге
Мы предков видим, как себя!
А наши предки были — Ми́нос,
Ликург спартанский и Солон;
Мы помним твердость Леонида
И честь и доблесть Аристида;
Наш Мильтиад, наш Фемистокл;
Он незабвен — наш беспримерный!
И вот их глас из-за гробов:
«Не нужно рабства для народа —
Свобода Греции, свобода!»

Каких примеров не имеем?
И нам ли не сломать оков?
Мы кровь — до капли за свободу!
И жизнь — отчизне на алтарь!
Далекий путь, кипяща сеча,
Тревоги жизни боевой, —
Для пылких греков всё услада;
Труды и бой — им ничего;
Лишь только б рабство уничтожить,
Лишь только б славу возвратить,
Сольем в одну все храбрых души,
Составим тело все одно.
Тогда кого мы убоимся?
И кто отважится на нас,
Когда мы все единым гласом
Воскликнем с клятвой и мольбой:
«Восстань краса и честь народа,
Свобода Греции, свобода!»

1820-е годы

И. А. КРЫЛОВ

Иван Андреевич Крылов (1768?—1844) в 1789 году издавал в Петербурге журнал «Почта духов», в котором позволил себе ряд очень резких выпадов против властей, против крепостнических порядков, взяточничества и пр. Еще резче был другой журнал 1792 года — «Зритель» (он издавался Крыловым совместно с А. И. Клушиным и П. А. Плавильщиковым): в нем была напечатана «восточная повесть» Крылова «Каиб» — исключительная по остроте сатира на самодержавие — и «Похвальная речь в память моему дедушке...», содержавшая столь же резкую критику крепостничества. С 1794 года Крылов вынужден был прервать, очевидно под нажимом властей, свою журналистскую деятельность.

В 1800 году он написал стихотворную «шуто-трагедию» «Подщипа» (другое заглавие — «Трумф»); в ней, под видом пародии на трагедию классицизма, зло осмеиваются павловские порядки — фрунтомания, засилье немцев-офицеров, произвол властей. Образ царя Вакулы прозрачно напоминал Павла I. «Шуто-трагедия» была написана для любительского спектакля в украинском имении кн. С. Ф. Голицына, но затем она широко распространилась по стране во множестве списков; напечатана пьеса была только в 1871 году.

Приблизительно с 1810-х годов Крылов переходит на басни — жанр, дававший ему возможность в легальной форме выразить свои взгляды: поэт утверждал, что «истина сноснее вполоткрыта». Басня, по своему жанровому характеру, может откликаться на любые эпизоды общественной жизни, а цензура имеет наименьшие возможности для придирок. Написанные по большей части по совершенно конкретным поводам, басни Крылова допускали многозначное толкование. Так и поступали современники и потомки поэта, нередко не знавшие о том, какие именно эпизоды послужили отправным моментом в создании той или другой басни.

В настоящем издании помещены четыре басни, которые были написаны на социально острые темы общественно-политической жизни России, поводы написания которых современники ясно ощущали и которые вызывали цензурные затруднения.

141. ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых невзлюбил овец.
Их просто бы ему перевести нетрудно;
Но это было бы неправосудно —
Он не на то в лесах носил венец,
Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
А видеть пеструю овцу терпенья нет!
Как сбыть их и сберечь свою на свете славу?
И вот к себе зовет
Медведя он с Лисою на совет —
И им за тайну открывает,
Что, видя пеструю овцу, он всякий раз
Глазами целый день страдает
И что придет ему совсем лишиться глаз,
И, как такой беде помочь, совсем не знает.
«Всесильный Лев! — сказал, насупяся, Медведь. —
На что тут много разговоров?
Вели без дальних сборов
Овец передушить. Кому о них жалеть?»
Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
Смиренно говорит: «О царь! наш добрый царь!
Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь —
И не прольешь невинной крови.
Осмелюсь я совет иной произнести:
Дай повеленье ты луга им отвести,
Где б был обильный корм для маток
И где бы поскакать, побегать для ягняток;
А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
То прикажи овец волкам пасти.
Не знаю, как-то мне сдается,
Что род их сам собой переведется.
А между тем пускай блаженствуют оне;
И, что б ни сделалось, ты будешь в стороне».
Лисицы мнение в совете силу взяло —
И так удачно в ход пошло, что наконец
Не только пестрых там овец —
И гладких стало мало.
Какие ж у зверей пошли на это толки? —
Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки.

Ноябрь 1822 — январь 1824

142. РЫБЬИ ПЛЯСКИ

Имея в области своей
Не только что леса, но даже воды,
Лев со́брал на совет зверей:
Кого б над рыбами поставить в воеводы?
Как водится, пошли на голоса —
И выбрана была Лиса.
Вот Лисынька на воеводство села.
Лиса приметно потолстела.
У ней был мужичок приятель — сват и кум;
Они вдвоем взялись за ум:
Меж тем как с бережку Лисица рядит, судит,
Кум рыбу удит
И делит с кумушкой ее как верный друг.
Но плутни не всегда удачно сходят с рук.
Лев как-то взял по слухам подозренье,
Что у него в судах скривилися весы,
И, улуча свободные часы,
Пустился сам свое осматривать владенье.
Он и́дет берегом; а добрый куманек,
Наудя рыб, расклал у речки огонек
И с кумушкой попировать сбирался;
Бедняжки прыгали от жару кто как мог:
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На мужика разинув зев,
«Кто ты, что делаешь?» — спросил сердито Лев.
«Великий государь! — ответствует плутовка
(У Лисыньки всегда в запасе есть уловка), —
Великий государь!
Он у меня здесь главный секретарь,
За бескорыстие уважен всем народом;
А это караси, всё жители воды;
Мы все пришли сюды 8
Поздравить, добрый царь, тебя с твоим приходом».
— «Ну, как здесь и́дет суд? Доволен ли ваш край?»
— «Великий государь, здесь не житье им — рай;
Лишь только б дни твои бесценные продлились».
(А рыбки между тем на сковородке бились.)
«Да отчего же, — Лев спросил, — скажи ты мне,
Хвостами так они и головами машут?»

— «О мудрый Лев, — Лиса ответствует, — оне
На радости, тебя увидя, пляшут».
Не могши боле тут Лев явной лжи стерпеть,
Чтоб не без музыки плясать народу,
Секретаря и воеводу
В своих когтях заставил петь.

⟨1824⟩

143. БРИТВЫ

С знакомцем съехавшись однажды, я в дороге
С ним вместе на одном ночлеге ночевал.
Поутру, чуть лишь я глаза продрал,
И что же узнаю? Приятель мой в тревоге.
Вчера заснули мы меж шуток, без забот;
Теперь я слушаю — приятель стал не тот:
То вскрикнет он, то охнет, то вздохнет.
«Что сделалось с тобой? Мой милый! .. Я надеюсь,
Не болен ты». — «Ох! ничего: я бреюсь».
— «Как! только?» Тут я встал — гляжу: проказник мой
У зеркала сквозь слез так кисло морщит рожу,
Как будто бы с него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконец вину беды такой,
«Что дива? — я сказал. — Ты сам себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Ведь у тебя не бритвы — косари;
Не бриться — мучиться ты только с ними станешь».
— «Ох, братец, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
Как этого не знать? Ведь мы не так уж глупы;
Да острыми-то я порезаться боюсь».
— «А я, мой друг, тебя уверить смею,
Что бритвою тупой изрежешься скорей,
А острою обреешься верней:
Умей владеть лишь ею».

Вам пояснить рассказ мой я готов:
Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
С умом людей — боятся
И терпят при себе охотней дураков?

⟨1828⟩

144. ВЕЛЬМОЖА

Какой-то в древности Вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее — умер он;
И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где родился?»
— «Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил».
— «Что ж делал ты?» — «Пил, ел и спал,
Да всё подписывал, что он ни подавал».
— «Скорей же в рай его!» — «Как! где же
справедливость?» —
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
«Эх, братец! — отвечал Эак. —
Не знаешь дела ты никак.
Не видишь разве ты? Покойник — был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью?
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слез не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,
Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде и видел там судью:
Ну так и кажется, что быть ему в раю!

Середина 1834

С. А. ПУТЯТА

Смоленский дворянин Сильвестр Андреевич Путята (даты рождения и смерти не установлены) был арестован в нетрезвом виде: перед тем он был уволен со службы и скитался по Руси.

При обыске у него была обнаружена поэма «Два дня моего отчаянья»; полный текст ее остается неизвестным. По формулировке «Алфавита декабристов», «сочинение сие не нравственно, написано без всякой цели, но заключает в себе дерзкие выраженья».[1]

14 августа 1826 года в обстановке последекабрьского террора Путята был арестован (где-то в провинции), привезен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Однако вскоре выяснилось, что к замыслам заговорщиков он отношения не имеет, никого из декабристов не знает и о существовании тайного общества не осведомлен. Возможно, это была правда. В конце 1826 года он был определен унтер-офицером в один из полков Кавказского корпуса, и далее след его теряется.

145. ДВА ДНЯ МОЕГО ОТЧАЯНИЯ

⟨Отрывки⟩

Сквозь тьму отчаянья пробьюся
И чувства мщенью посвящу;
Превыше злобы вознесуся,
В жестокость сердце обращу.
Пребуду враг к себе подобным,
Надену варварства венец,
Пускай я буду век подлец. . .
Но больше средств нет быть спокойным.
Я прежде зрел с прискорбным оком
На тень коварства злых людей;

[1] «Восстание декабристов», т. 8, Л., 1925, с. 156—157.

И мне служило то уроком,
Урок уж вытвердил я сей,
Теперь остался долг последний...

. . . .

Из виду то не упускать,
Что только в мире есть презренный
Источник лютости жестокой!

. . . .

Я чувствую, как будто ад
Разлился в нервах нерв моих.

. . . .

Открой и мне ты тот секрет,
Какими должно ползть стезями,
Чтоб быть в сравненьи с подлецами,
Которыми исполнен свет.

. . . .

Когда нощная тьма покроет
Завесой мрачной вид вселенной,
Ко сну главу свою преклонит
Тиран, владыка, муж надменный, —
Тогда отчаянья певец
Сидит, и, павши в размышленья,
Он мнит: быть добрым — нет терпенья,
Бороться с мыслью, наконец.
То зло его обуревает,
То свойство доброе влекёт,
С чем быть согласну — он не знает,
И лишь в порыве чувств вздохнет.
О, чувство горести ужасно!
Твой щит — отчаянье одно,
Когда тиранам суждено
Карать невластных самовластно...

. . . .

Тебя в пример я поставляю,
Уполномоченный злодей!
Твои дела изображаю:
Ты враг отчизны, льстец царей,
Ты бич столь славного народа,
Ты самый ядовитый змей,
Не человек, а чародей.
Тобой гнушается природа:

Она известна, что коварный
Сего ты времени подлец,
Самолюбивый и тщеславный,
Рушитель благ ты общих, льстец!
Ты ад в самом себе вмещаешь,
Твоя душа, как ты, черна,
Одним невежеством полна,
Кое ты пользой называешь.
Взгляни на пользу твоих дел:
Чьи разорил селенья ты,
Лишил того, что кто имел,
И сделал жертвой нищеты?
Привел народ в подобострастья,
Открыл жестокости следы.
Какие же с того плоды?
Лишь только всем одни несчастья. . .

1821 или 1822

Н. М. ЯЗЫКОВ

Нелегальные произведения Николая Михайловича Языкова (1803—1846) быстро приобрели популярность и широко распространялись в списках до конца 1860-х годов.[1]

Языков никогда не примыкал к декабристам, его политические взгляды (до второй половины 1820-х годов) были в общем довольно расплывчатыми. Тем не менее поэзия его развивалась в русле декабристских настроений. Угнетение всякой свободной мысли, аракчеевский режим в стране, беззакония правительства вызывали у него резко отрицательное отношение. Политический подтекст имеют его песни бардов и баянов, тема борьбы Руси с татарами. «Отсюда, — пишет исследователь, — система намеков и приноровлений, употребление широко принятых в декабристской литературе слов-сигналов, то есть слов, вызывающих современные политические ассоциации (свобода, рабы, цепи, отчизна, честь и проч.), словом — ряд приемов, характерных для общего потока вольнолюбивой поэзии этого времени».[2]

Кроме того, современники хорошо знали ряд стихотворений, порою в полушутливой форме обличавших те или иные стороны современной жизни или содержавшие прямые призывы к свободе: «Н. Д. Киселеву», «Элегия» («Свободы гордой вдохновенье!..»), «Элегия» («Еще молчит гроза народа...») и др. Лишенные ясной революционной мысли, они все же заняли видное место в истории русской гражданской лирики. Стихотворение Языкова «Гимн» перекликается с замыслом Рылеева воздействовать на «умы народа, как-то сочинением песен и пародиями существующих иных, наподобие „Боже, спаси царя..“». По словам декабриста А. В. Поджио,

---

[1] «Языковский архив», вып. 1, СПб., 1913, с. 397—398, сходные сведения см. также в романе П. Д. Боборыкина «В путь-дорогу» (1864).

[2] К. К. Бухмейер, Н. М. Языков. — В изд.: Н. М. Языков, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964, с. 14.

Рылеев развивал эту мысль осенью 1823 года в доме другого будущего декабриста — М. Ф. Митькова.[1]

Современники вообще безошибочно реагировали на те или иные фразеологические обороты: характерно, что в некоторых легально напечатанных произведениях Языкова («Пловец», «Нелюдимо наше море. . .») они вычитывали призывы к борьбе (ср. «Смело, братья», «Будет буря», «Туча грянет», «Но туда выносят волны Только сильного душой» и некоторые другие).

Вольнолюбивые мотивы, характерные для поэзии Языкова приблизительно до 1826 года, потом, под влиянием наступившей реакции, угасают, чтобы с начала 1840-х годов смениться рядом резких реакционных выпадов в славянофильском духе против Белинского, Герцена, Грановского, Чаадаева. В рецензии 1858 года Н. А. Добролюбов писал: «Языков не мог удержаться сознательно на этой высоте, на которую его поставило непосредственное чувство; у него недоставало для этого зрелых убеждений и просвещенного уменья определить себе ясно и твердо свои стремленья и требования своей музы».[2]

146. ГИМН

Боже! вина, вина!
Трезвому жизнь скучна,
    Пьяному рай!
Жизнь мне прелестную
И неизвестную,
Чашу ж не тесную,
    Боже, подай!

Пьянства любителей,
Мира презрителей,
    Боже, храни!

---

[1] Показание А. В. Поджио цит. по статье: А. М. Новикова, Новонайденные стихотворения декабристского времени. — «Ученые записки Московского областного педагогического института», вып. 40, М., 1956, с. 124; отрывок — «Русская мысль», 1910, № 6, с. 7.

[2] Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1962, с. 342.

Души свободные,
С Вакховой сходные,
Вина безводные
Ты помяни!

Чаши высокие
И преширокие,
Боже, храни!
Вина им цельные
И неподдельные!
Вина ж не хмельные
Прочь отжени!

Пиры полуночные,
Зато непорочные,
Боже, спасай!
Студентам гуляющим,
Вино обожающим,
Тебе не мешающим,
Ты не мешай!

Август — сентябрь 1823

147. Н. Д. КИСЕЛЕВУ

В стране, где я забыл мирские наслажденья,
Где улыбается мне дева песнопенья,
Где немец поселил свой просвещенный вкус,
Где поп и государь не оковали муз;
Где вовсе не видать позора чести русской,
Где доктор и студент обедают закуской,
Желудок приучив за книгами говеть;
Где часто, не любя всегда благоговеть
Перед законами железа и державы,
Младый воспитанник науки и забавы,
Бродя в ночной тиши, торжественно поет
И вольность и покой, которыми живет, —
Ты первый подал мне приятельскую руку,
Внимал моих стихов студенческому звуку,
Делил со мной мечты надежды золотой
И в просвещении мне был пример живой.

Ты удивил меня: ты и богат и знатен,
А вовсе не дурак, не подл и не развратен!
Порода — первый чин в отечестве твоем —
Тебе позволила б остаться и глупцом:
Она дала тебе вельможеское право
По-царски век прожить, не занимаясь славой,
На лоне роскоши для одного себя;
Или, занятия державных полюбя,
Стеснивши юный стан ливреею тирана,
Ходить и действовать по звуку барабана
И мыслить, как велит, рассудка не спросясь,
Иль невеликий царь или великий князь,
Которым у людей отеческого края
По сердцу лишь ружье да голова пустая.
Ты мог бы, с двадцать лет помучивши солдат,
Блистать и мишурой воинственных наград
И, даже азбуки не зная просвещенья,
Потом принять бразды верховного правленья,
Которых на Руси, как почтовы́х коней,
Скорее тем дают, кто чаще бьет людей.
Но ты, не веруя неправедному праву,
Очами не раба взираешь на державу,
Ты мыслишь, что одни б достоинства должны
Давать не только скиптр, но самые чины,
Что некогда наук животворящий гений —
Отец народных благ и царских огорчений —
Поставит, разумом обезоружив трон,
Под наши небеса свой истинный закон...

Мы вместе, милый мой, о родине судили,
Царя и русское правительство бранили, —
И дни веселые мелькали предо мной.
Но вот — тебя судьба зовет на путь иной,
И скоро будут мне, в тиши уединенья,
Отрадою одни былые наслажденья.
Дай руку! Да тебе на поприще сует
Не встретится удар обыкновенных бед!

А я — останусь здесь, и в тишине свободной
Научится летать мой гений благородный,
Научится богов высоким языком
Презрительно шутить над знатью и царем:

Не уважающий дурачеств и в короне,
Он, верно, их найдет близ трона и на троне!

Пускай пугливого тиранства приговор
Готовит мне в удел изгнания позор
За смелые стихи, внушенные поэту
Делами низкими и вредными полсвету, —
Я не унижуся нерабскою душой
Перед могущею — но глупою рукой.
Служитель алтарей богини вдохновенья
Умеет презирать неправые гоненья, —
И все усилия цензуры и попов
Не сильны истребить возвышенных стихов.
Прошли те времена, как верила Россия,
Что головы царей не могут быть пустые
И будто создала благая дань творца
Народа тысячи — для одного глупца;
У нас свободный ум, у нас другие нравы:
Поэзия не льстит правительству без славы;
Для нас закон царя — не есть закон судьбы,
Прошли те времена — и мы уж не рабы!

20 октября 1823

148. К ХАЛАТУ

Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отрад!
Пускай служителям Арея
Мила их тесная ливрея;
Я волен телом, как душой.
От века нашего заразы,
От жизни бранной и пустой
Я исцелен — и мир со мной!
Царей проказы и приказы
Не портят юности моей —
И дни мои, как я в халате,

Стократ пленительнее дней
Царя, живущего некстати.

Ночного неба президент,
Луна сияет золотая;
Уснула суетность мирская —
Не дремлет мыслящий студент:
Окутан авторским халатом,
Презрев слепого света шум,
Смеется он, в восторге дум,
Над современным Геростратом;
Ему не видятся в мечтах
Кинжалы Занда и Лувеля,
И наша слава-пустомеля
Душе возвышенной — не страх.
Простой чубук в его устах,
Пред ним, уныло догорая,
Стоит свеча невосковая;
Небрежно, гордо он сидит
С мечтами гения живого —
И терпеливого портного
За свой халат благодарит!

Декабрь 1823

149. ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепьми, склонивши выю,
Она молилась за царя.

24 января 1824

150. ЭЛЕГИЯ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.

О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетья грозно протекут, —
И не пробудится Россия!

1824

151. ДЕРПТ

Моя любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!
Мне милы юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентов шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свобода мнений, удаль рук,
Умов небрежное волненье,
И благородное стремленье
На поле славы и наук,
И филистимлянам гоненье.
Мы здесь *творим* свою судьбу,
Здесь гений жаться не обязан
И Христа ради не привязан
К самодержавному столбу!
Приветы вольные, живые
Тебе, любимая страна,
Где ожил я, где я впервые
Узнал восторги удалые
И музы песен и вина!

7 апреля 1825

Не вы ль, убранство наших дней, —
Свободы искры огневые;
Рылеев умер, как злодей! —
О, вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

7 августа 1826

А. С. ГРИБОЕДОВ

Александр Сергеевич Грибоедов (1794—1829) вошел в историю вольной русской поэзии комедией «Горе от ума». При жизни автора в печати появился лишь один отрывок из нее, значительно искаженный цензурой (в альманахе 1825 года «Русская Талия»). Тем не менее вся комедия сделалась известной за несколько лет до своего появления в печати.

Друг Грибоедова А. А. Жандр свидетельствовал, что уже летом и осенью 1824 года существовал ряд списков.[1] Комедия, по словам Т. П. Пассек, «сводила всех с ума, волновала всю Москву».[2] Декабрист Д. И. Завалишин сообщил, что в квартире А. И. Одоевского в Петербурге был организован своеобразный скрипторий, в котором комедия списывалась «под общую диктовку с подлинной рукописи Грибоедова».[3] О том же писал Д. А. Смирнов со слов ближайшего друга Грибоедова — А. А. Жандра: «У меня была под руками целая канцелярия; она списала «Горе от ума» и обогатилась, потому что требовали множество списков».[4]

В 1830 году Ф. В. Булгарин писал, что «ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка сей комедии, по несчастью, искаженного переписчиками».[5] Вскоре

[1] См.: «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», М., 1929, с. 274. Будущий лингвист Ф. И. Буслаев скопировал «Горе от ума» для себя в провинции (в Пензе), «не подозревая, что ⟨рукопись⟩ содержит в себе сочинение, запрещенное для печати» (Ф. И. Буслаев, Мои воспоминания, М., 1897, с. 79).

[2] Т. П. Пассек, Из дальних лет. Воспоминания, т. 1, М., 1963, с. 238.

[3] Воспоминания о Грибоедове. — «Древняя и новая Россия», 1879, т. 1, с. 314. О других списках, принадлежавших декабристам, см.: Вл. Орлов, Грибоедов. Очерк жизни и творчества, М., 1954, с. 89—90.

[4] Цит. по изд.: «А. С. Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников», Л., 1929, с. 287.

[5] Ф. Булгарин, Воспоминание о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове. — «Сын отечества и Северный архив», 1830, № 1, с. 13.

он же, со слов какого-то своего знакомого, указывал, что в России по рукам ходит более сорока тысяч списков комедии.[1]

Цифра обращающихся списков все время возрастала. В «Санкт-Петербургских ведомостях» 1857 года читаем: «Теперь едва ли не сотни тысяч манускриптов неподражаемой комедии рассеяны по русскому царству».[2]

«Горе от ума» — памятник, хорошо известный каждому советскому читателю, и перепечатывать его полностью в настоящем издании нет надобности. Ниже воспроизводятся два отрывка комедии — монолог Чацкого («А судьи кто? ..») из второго действия и небольшой отрывок из третьего действия, встречающийся в списках отдельно. Он особенно любопытен в связи с типичной для николаевской эпохи, почти анекдотической историей.

В 1831 году землемер Пермской межевой конторы Кудрявцев переписал названный отрывок и по рассеянности забыл его на службе. Копия была найдена двумя другими чиновниками, тотчас же возбудившими дело. От Кудрявцева потребовали немедленного («не продолжая более одного дня») ответа по пяти вопросным пунктам (причем пункт четвертый был в свою очередь разбит на четыре подпункта). О характере вопросов дает понятие следующий текст. Межевая контора потребовала от Кудрявцева объяснить: «1. В каком смысле определяет он, будто бы учение есть чума и причина, что «нынче, пуще чем когда, безумных развелось людей, и дел, и мнений». 2. Почему он себе дозволил, вопреки мудрому распоряжению правительства и всех здравомыслящих людей, уверять, что якобы «и впрямь с ума сойдешь от этих от одних пансионов, школ, лицеев», ибо всеми благонамеренными людьми утверждено, что они есть рассадник образования, ума и нравственности, как ланкарточное обучение, благодетельное занятие упражняющихся в географии и прочих теоретических науках, служащих к счастию благоучрежденного государства. 3. Кто его уверил, или с какого поводу он дерзнул написать, что в Педагогическом С.-Петербургском институте «упражняются в расколах и безверьи профессора», и говорить это тогда, когда небезызвестно ему, что в Педагогическом институте воспитывались начальники его: первый член Прутковский и второй — Корбелецкий, и ка́кую он родню указывает, что будто бы, вышед из оного, может быть под-

---

[1] Ф. Булгарин, Русский театр. — «Северная пчела», 1831, 9 февраля.

[2] Цит. по книге: А. И. Смирнов, А. С. Грибоедов, его жизненная борьба и судьбы комедии его «Горе от ума». — «Варшавские университетские известия», 1895, т. 6 (отд. изд. — Варшава, 1895), с. 52.

мастерьем в аптеке; ибо в оный ⟨институт⟩ поступают только для окончания высших наук, и следовательно, таковым его выражением на чье лицо делает пасквильное порицание. . .» и т. д.[1]

Кудрявцеву пришлось писать объяснение, дело было передано начальством в Московскую межевую контору, которая лишь *два года спустя,* в 1833 году, оставила дело без последствий, очевидно разъяснив пермским грамотеям происхождение этого текста.

Вся эта история звучала настолько анекдотично, что читатели «Русской старины» заподозрили мистификацию. Публикатору А. П. Пятковскому пришлось напечатать в «Русской старине» (1874, № 1, с. 197—198) дополнительное объяснение и указать, что эти материалы были переданы ему В. Ф. Одоевским.

153—154. «*ГОРЕ ОТ УМА*»

⟨*Отрывки*⟩

1

⟨Из второго действия⟩

Чацкий

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.

---

[1] «Русская старина», 1874, № 1, с. 198, то же — «Русский архив», 1898, № 8, с. 649 и снова, в качестве новинки, — «Литературное наследство», № 46-47, М., 1946, с. 297—298.

Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли вы, к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменял борзые три собаки!!!
Или вон тот еще? который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожили до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется — враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким
и прекрасным, —
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!!
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый.
И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть,
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, —
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

2

⟨Из третьего действия⟩

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге Институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! — у них учился наш родня,
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранят так, для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет. Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Загорецкий

(с кротостию)

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так, он жалости достоин;
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, суда́рь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре...

Хлёстова

Все врут календари.

1822—1824

155

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»,
За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу...

Ему не свято ничего, —
Он враг царю... — Он друг сестрицын!
Скажите правду, князь Голицын,
Уж не повесят ли его?..

Февраль или июнь 1826

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

Крупнейший поэт пушкинской поры Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844) был дружен с некоторыми виднейшими деятелями декабристского движения — К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым, был членом-корреспондентом «Вольного общества любителей российской словесности», находившемся на левом фланге литературной борьбы.

В вольную поэзию вошло лишь одно его сатирическое стихотворение, отразившее характерную для передовых кругов русского общества преддекабристской поры ненависть к Аракчееву.

156

Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов, самовластью,
Какой-то адскою любовию горя,
Он незнаком с другой напастью.

Скрываясь от очей, злодействует впотьмах,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней.

Конец 1824 — начало 1825

Д. И. ЗАВАЛИШИН

Декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин (1804—1892) поэтом не был. Написанные им два стихотворения, вероятно, единственные пробы его пера. Они были предназначены для агитации, но план этот осуществить, по-видимому, не удалось. Стихи копировались и распространялись декабристами А. П. Беляевым, А. А. Бестужевым и А. П. Арбузовым, но эти копии не сохранились.

Оба стихотворения обрисовывают настроения северных декабристов и методы их агитации. Авторство Завалишина, на основании анализа показаний других декабристов, убедительно обосновано В. Н. Орловым. [1]

Стихотворения известны в автокопии, сделанной Завалишиным по требованию следователей, и, вероятно, текст их смягчен и сокращен. В. А. Дивов показывал, что в этих стихах «государь был представлен злодеем, а императорская фамилия преступной». [2]

157

Я песни страшные слагаю,
Моих песнéй не петь рабам;
Дворяне, вас так называю
И гибель возвещаю вам!
Как смеете вы тем гордиться,
Рабов имеете что вы?
Тем боле должно вам стыдиться:
Рабов имея — в рабстве вы.
И вам ли думать о свободе,
Коль угнетаете других!

---

[1] См.: «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика». Сост. В. Н. Орлов, М.—Л., 1951, с. 627.

[2] «Восстание декабристов», т. 3, М., 1927, с. 347, 378.

Коль ненавидят вас в народе
Рабы ж — от рук падете их.
Итак, старайтеся желанье
Свободы буйной укротить,
Старайтесь грозное восстанье
Дотоль народа отвратить,
Доколе участь улучшенну
Доставите своим рабам,
Дабы в сию борьбу священну
Быть можно безопасным вам.

1824 или 1825

158

Я в первый раз взял в руки лиру;
Славянско племя, пробудись,
Воспрянь от сна и ободрись,
Яви себя великим миру.

Теки, как бурны текут реки,
Когда вон выдут из брегов;
Освободясь само навеки,
Освобождай и всех рабов.

Свободны предки наши были,
Свободными во гроб сошли,
Но вольности не уступили;
Рабы лишь к нам царей ввели.

Ах, скоро ль кончится терпенье
И долго ль будем в рабстве жить;
Свободы нашей похищенье,
Ах, долго ль будем мы сносить?!.

1824 или 1825

А. В. УТКИН

Алексей Васильевич Уткин (1796—1838) — по происхождению разночинец, по профессии — художник; в официальных документах он значится чиновником 14-го класса (то есть в самом низшем чине коллежского регистратора), гравером и живописцем. Арестованный 9 июля 1834 года по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи», он был предан суду и приговорен к бессрочному заключению в Шлиссельбургской крепости, где вскоре умер.[1] Более подробные биографические сведения о нем неизвестны. Первоначально Уткин не признавал себя автором песни «Боже, коль благ еси. . .», но потом сознался, что сочинил ее.[2]

159

Боже, коль благ еси,
Всех царей в грязь меси!
Кинь под престол!
Кинь под престол
Сашеньку, Машеньку,
Мишеньку, Костеньку
И Николашеньку
. . . . . на кол!

Первая половина 1820-х годов

---

[1] См.: М. Клевенский, К биографии Герцена и Огарева. — «Голос минувшего», 1919, № 1—4, с. 72—73; А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. 21, М., 1961, с. 429.

[2] См.: А. М. Новикова, Революционные стихи и песни 30—40-х гг. XIX века. — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 66, 1958, с. 110.

В. И. СОКОЛОВСКИЙ

Владимир Игнатьевич Соколовский (1808—1839), по словам Герцена, имел «от природы большой поэтический талант».[1] Он учился в 1-м кадетском корпусе в Петербурге, потом некоторое время служил в Сибири, затем жил в Москве и Петербурге, где поступил в канцелярию военного генерал-губернатора.[2]

В Москве Соколовский был близок к кругу Герцена и Огарева. С начала 30-х годов он печатался во многих журналах, некоторые его стихотворные произведения на библейские темы («Мироздание», «Хеверь») выходили отдельными изданиями.[3]

Политические темы не характерны для его творчества, и единственным широко распространенным в репертуаре вольной поэзии является его стихотворение «Русский император...». Арестованный 19 или 20 июля 1834 года, Соколовский был предан суду по делу «О лицах, певших в Москве пасквильные стихи» и был приговорен к заключению в Шлиссельбургской крепости «на неопределенное время». В 1837 году он был освобожден тяжело больным и вскоре умер.

Его трагическая судьба, ярко описанная Герценом в «Былом и думах», вызывала у современников сравнение с известным итальянским революционером Сильвио Пеллико, восемь лет проведшим в тяжелом заключении.[4]

Авторство Соколовского удостоверяется указанием Герцена[5] и свидетельствами других современников, например Н. М. Сатина, Т. Н. Грановского, Н. П. Огарева.[6] На том основании, что Соколов-

---

[1] «Былое и думы». — А. И. Герцен, Собр. соч., т. 8, М., 1956, с. 210.

[2] М. Клевенский, К биографии Герцена и Огарева. — «Голос минувшего», 1919, № 1—4, с. 72.

[3] О его поэзии см.: Т. Ю. Хмельницкая, В. Соколовский. — В сб.: «Русская поэзия XIX в.», Л., 1929, с. 205—247.

[4] См.: *** ⟨Е. А. Драшусова-Карлгоф⟩, Жизнь прожить — не поле перейти. — «Русский вестник», 1881, № 10, с. 715.

[5] А. И. Герцен, указ. выше изд., т. 8, с. 203.

[6] «Русские пропилеи», т. 1, М., 1915, с. 197; «Литературное наследство», № 63, М., 1956, с. 286, 290.

ский — и это вполне естественно — на следствии отрицал принадлежность ему этого стихотворения, а А. В. Уткин сообщил, что узнал его якобы от Полежаева, высказывалось необоснованно предположение, что автор стихотворения — Полежаев.[1] Е. А. Драшусова-Карлгоф сообщает, что Соколовский пел эту песню перед бюстом императора.[2] Песня исполнялась, в частности, на вечеринке у провокатора И. П. Скаретко в ночь с 8 на 9 июля 1834 года, по доносу которого участники ее были арестованы.

Песня Соколовского долго оставалась популярной: в 1870-е годы ее певал (на мотив французской песенки «Au clair de la lune...») Н. С. Лесков.[3]

160

Русский император
В вечность отошел,
Ему оператор
Брюхо распорол.

Плачет государство,
Плачет весь народ,
Едет к нам на царство
Константин-урод.

Но царю вселенной,
Богу вышних сил,
Царь благословенный
Грамотку вручил.

Манифест читая,
Сжалился творец,
Дал нам Николая, —
Сукин сын, подлец.

Конец 1825 или начало 1826

---

[1] См. примечание в указ. выше изд. А. И. Герцена, с. 468.
[2] «Русский вестник», 1881, № 10, с. 715.
[3] А. Н. Лесков, Жизнь Николая Лескова... , М., 1954, с. 278.

161. ЭПИТАФИЯ

Не пес ли тут лежит, что так воняет стервой?
Нет! Это Павел Первый.

1801

162

Поистине был он, покойник, велик,
Поставил на Невском проспекте голик.

1801

163. РАЗГОВОР В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ, НОСИВШИЙСЯ В НАРОДЕ 1801 ГОДА

Екатерина II
(увидя Павла I)

Почто, любезный сын, так скоро ты пришел,
Ужель в отечестве ты горести нашел?
Я с лишком тридцать лет Россией управляла
И, подданных любя, блаженство всё вкушала.
А ты, четыре года лишь побыв там на престоле,
В места ничтожества спешишь теперь оттоле!

Павел I

В четыре года что успел я сотворить
И как отечество умел я разорить,
Того и в сорок лет
Монарху мудрому поправить силы нет.

(Уходит.)

Суворов

(встретясь с ним)

Давно ли, государь, такая стала мода
У русского народа,
Что шарф на шее вижу я у вас?
И кто с таким узлом надел его на вас?

Павел I

Надели те его, которых я любил,
Которых милостьми я щедро наградил.
За милости они вот чем мне заплатили,
Что шарфом сим меня тирански умертвили.

Суворов

Жалею, государь! что с вами сие сталось,
Знать, средства *всех спасти* другого не осталось.

1801

164. ПОСЛАНИЕ ОТ ДОЛЬСКОГО К КУТАЙСОВУ

Пришло нам время разлучаться,
О граф, надменный и пустой!
Нам должно скоро удаляться
От мест, где жили мы с тобой,
Где кучу денег мы накрали,
Несчастных бедных разоряли
И мнили только лишь о том,
Чтоб брать и златом и сребром.
Фортуна много нам служила,
Закрыв глаза свои платком,
И если бы не удушила
Виновника параличом
В то время, как ты пробирался,
Метался, рвался и бросался,
То случай вышел бы иной,
Когда б не спас тебя Ланской.
Ты сном приятным наслаждался
В то время, как пришел удар,

В своих покоях прохлаждался,
Когда кончался государь.
Но, видно, внял ты ту причину,
Спасаться твоему как чину,
Бежал как можно поскорей,
Чтобы не заперли дверей.
Мест ты приятных удалялся
В портках, в халате, без штанов,
Чрез грязь, каналы пробирался,
Надевши обувь без чулков.
Летел как громом пораженный,
Как зверь, собакой уязвленный,
И в трусости вострепетал,
Стремглав из замка убежал.
Твоим приятством одолженный,
Я должен правду говорить
И, раболепства став лишенный,
Тебя не лестью озарить.
Дела чтоб наши не гремели,
Заслуги вовсе онемели,
Нам льзя ли лучше предпринять,
Как к туркам в Азию бежать.
Накупим бритв мы здесь поболе,
Чтоб лучше время проводить,
И если поживем там доле,
Там станем бороды им брить.
Равны разуму науки
Не сделают для нас ни малой муки,
Сие искусство с мастерством
Мы в Азии уж заведем.
Тебе известно их правленье,
Ты знаешь бритвой, граф, водить,
Мы то введем в обыкновенье
И там без усиков ходить.
Вот наших рук дела достойны
И сердцу милы и покойны,
Чем ролю нам играть вельмож,
И ты на то, граф, не похож!
Хоть ты осыпан и звездами,
А всё останешься ослом,
Ты хлопал длинными ушами,
Где надо действовать умом.

Превратным счастьем одаренный,
Вмещал в душе своей льстеца,
Оставил видеть всей вселенной
В себе скота и подлеца!..

1801

165. СТРАННИКИ

Басня

Златого века дни в России миновали: [1]
Закон и Истина оттоль откочевали,
И прожили *пять* лет.
Превыше всех планет.
Когда же *добрый* царь на российский трон вступил,
Закон и Истину к себе сойти просил.
Кому не хочется туда, где есть потомки?
Срубили костыльки, навесили котомки,
Присели на полу,
Потом, воздав Сатурну похвалу,
Закон и Истина с богами распростились,
В Россию ниспустились.
Закон одет в старинный полкафтан,
Который нашивал покойный Каинан.
А Истина, сквозь звезд путь жарким полагая,
Пришла совсем нагая,
И точно так — по правде говорю —
Явилися к царю.
Дивили российский двор столь грубые невежды,
Придворные свои давали им одежды
И маски на лицо,
Учили говорить по случаю словцо;
Но гости грубые вели себя упрямо:
Что видели, то всё царю вещали прямо
В глаза —
Касалось что равно до *двойки* иль *туза*.
Разврат сей Истины и грубости Закона
Порядок и дела разрушили у трона.
Там жалоба, там стон,
Там внучек обойден.
Что ж делать тут? Пришлось гостям поправить кости,

[1] Кончина Екатерины II.

Но Правда и Закон ведь званы были в гости.
За чем тот час
Для новых сих гостей придумали приказ,
Чтоб им, друзьям, держать обыкновенье древне,
По спискам числиться, а жить всегда в деревне.
Но *добрый* царь приказ тот отменил
И вместо оного противный сотворил:
*«Закону ввек сидеть у трона без покою,
А Истине водить всегда его рукою».*
«Поверьте, — царь им рек, — от вас не отлучусь,
От вас я царствовать учусь».
Тут *доброго* царя *министры* обманули,
Лесть гнусну — Истиной, а Ябеду — Законом
В тех точном образе представили пред троном,
А *странникам* честны́м приязненно шепнули:
Коль живы быть хотят — скорее б убирались
И к доброму царю вовеки не являлись.
Закон и Истина, себя спасая,
Принуждены бежать, о россах воздыхая,
С тех пор Лесть с Ябедой монархом добрым правят,
Порочных жалуют, достойных, честных давят.

1802

166. ⟨НА П. В. ЛОПУХИНА⟩

Здравствуй, князь, о князь светлейший!
Из болот и из грязей
На высоку гору всшедший,
Ты теперь не меж свиней.

Ты теперь в руках имеешь
Правосудия безмен,
Ты теперь отважно смеешь
Сделать много перемен.

Можешь не жалеть оковы,
Цепь, рогатку, кнут и плеть, —
Можешь сделать ныне ковы,
Можешь и казнить велеть.

Можешь все места в Сенате
Опорожнить в день один,

В уголовной все палате
Могут быть без всяких вин.

Можешь старца, украшенна
Сединою и умом
И семьей обремененна,
По миру пустить с кушмом;

А на стул его судейский
Посадить того, кто мил
Был тебе, жене полезный
Или дочери служил.

Ты теперь уж при юстиции —
Можешь награждати всех,
Кто с тобой был при полиции,
Можешь награждать и тех,

Кто писал расход домашний,
За конюшней кто смотрел,
Кто чесал тупей ужасный,
Бороду тебе кто брел.

Но за то не брали платы,
Как то водится у бар,
Коих суть домашни траты —
Чин дать, крест и место в дар.

Оных всех ты ныне волен
Записать в приказный цех;
Кто тем будет недоволен,
Тех в судьи вписать не грех.

Уж одни и подоспели
Получить себе свое,
Губернаторство схватили
В прежне счастие твое.

Уж живут они спокойно,
Давят добрых стариков,
Ты ж не так криви проворно
Стрелку праведных весов.

Но на месяц хоть скрепися,
Презри их коварну лесть,
После сжалься, умилися,
Дай аренду, чин и крест.

Хоть бы был ты и прилежен,
Но нельзя всех дел обнять:
Всё делец тебе потребен
Твою должность исправлять.

Надобно искать такого,
Чтоб весы кривить так знал,
Чтоб на них клал больше злого
И добра не подмешал.

Буде б подмесь таковую
Учинить просить кто стал,
То бы совесть никакую
В поручительство не брал.

Но на верном договоре
Делом делу бы конец.
В компанейской есть конторе
Преспособный молодец.

Кроме должности казенной,
Он и дом твой учредит;
Кучер и лакей твой верный, —
Будет пьян, одет и сыт.

Чуда в людях не бывало,
Как вселенна создана,
На Руси бы чтоб не стало
Пива, меду и вина.

Чтоб солдат в пыли и поте
И лишась жены, отца,
И мужик в грязи, в работе
Не пил чарочки винца.

Ныне ж все они говеют
От уставов, от умов,

Тужат, стонут, но не смеют
Потузить откупщиков.

Пусть еще хоть год и боле
Будет мучиться народ,
У тебя, князь, будет море,
Будет водка, пиво, мед.

У тебя вить дел правитель
Будет зять откупщика,
Будь ему ты покровитель
Ради тестева умка.

Век не тот, чтоб кто был в силе
Разбирать твои дела:
Долгоруков уж в могиле! —
Для кого тюрьма мила?

Ты ж велико сделал дело
Для верховнейших судей,
Ты на сей пустил свет тело,
Видно, в красоте своей.

Как проникнем в даль-судьбину —
Князь был прежде при весах,
Весят где грибы, свинину...
Ныне что в его руках!

Прежде весил все припасы,
Мыло, сало и гусей,
Ныне ест он ананасы
За судьбу и рок людей...

Здравствуй с сею, князь, добычей,
С министерской головой!
Прежний ты держи обычай,
Прежнею пари стезей!

Коей шел ты в прежне счастье,
Пред собою дщерь ведя,
Пусть еще придет ненастье
И еще спасут тебя.

Об тебе нам насказали,
Будто стал с другим умом,
Совесть, душу приписали,
Будто брезгуешь ты злом.

Слух прошел, что не желаешь
Быть с министерским пером,
Будто жить располагаешь
С прежде схваченным добром.

Кто и чувствует и знает
Цену праведных весов,
Тот их пусть и отвергает,
Но ты, князь мой, не таков.

⟨1803⟩

167. СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ,

СОЧИНЕННАЯ В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ, В КАМЕННЫХ ПАЛАТАХ, ПОЧТЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРОГО БЬЕТ ВСЯК, МАЙЯ 1 1803

К ЧИТАТЕЛЯМ

Хоть читай иль не читай,
Философом не считай,
Я солдат — не богослов
И не знаю красных слов.
Здесь пишу я не романы —
Сущу правду, не обманы.
Что глаз видит, ухо слышит,
То рука моя и пишет, —
Хоть не складно,
По мне ладно.
А что худо я пишу,
Научить тебя прошу.
Коль умеешь — научи,
А не знаешь — так молчи.
Я покорнейший слуга,
Пред тобою как дуга,
А всегдашний ваш ревнитель
Сей поемы сочинитель.

ОДА

1

Дела славные я Трои
Воспевать здесь не хочу,
Мне не нужны и герои,
А пишу я, что хочу.
На Парнас взлесть не умею,
А пою, что разумею,
И Пегасы мне все чужды,
А узнайте наши нужды,
Что тревожат и крушат,
Нас безвременно сушат.

2

Я отечеству защита —
А спина моя избита,
Я отечеству ограда —
В тычках, палках — вся награда.
Кто солдата больше бьет,
Тот чины здесь достает.
И старателен, хорош,
Хоть на черта он похож.
А коль бить кто не умеет —
Ничего не разумеет.

3

О солдат! Ты горемыка,
Хуже лапотного лыка.
Твоей жизни хуже нет,
Про то знает и весь свет.
Тебя дуют, тебя бьют,
Так как полосу куют.
И собаку чтут дороже!
Палкой бьют тебя по роже,
Разбивают глаза, губы,
Не забудут тут и зубы.

4

Если ж мало, то дубинки...
О, солдатские вы спинки!
Вы родитеся к нещастью!
Заболят кости к ненастью,
И головка закружится,
Если плюх пять-шесть случится.
Лучше в свете не родиться,
Чем в солдатах находиться,
Этой жизни хуже нет, —
Изойди весь белый свет.

5

В караул идешь — так горе,
А домой придешь — и вдвое.
В карауле нам мученье,
А как сменишься — ученье!..
В карауле жмут подтяжки,
На ученьи жди растяжки.
Стой прямее и тянись,
За тычками не гонись,
Оплеухи и пинки
Принимай так, как блинки.

6

Есть несносно в свете время,
Кто несет болезни бремя,
А несноснее тому,
Коль не верят в том ему.
Хоть божится, уверяет,
Командир не доверяет,
Говорит: «Нет, ты ленишься,
Не поверю, хоть божишься...»
О солдат! Бедно созданье,
Твое слабо оправданье.

7

Заболит когда солдат —
Бейся смело об заклад:
Не поверят в том ему,

Хоть божись хочешь кому
И тяни хоть с неба бога!..
Говорят, что лени много
Выбить надо из него, —
Быть больному отчего?
Он не болен, а с похмелья,
Знаю я его безделья!

8

Коль наружной нету раны —
Говорят, что всё обманы...
Разве дух из кого вон —
Скажут, что был болен он.
После смерти и жалеют,
Но помочь уж не умеют.
По кончине ублажают,
Кого прежде убивают,
Его службу почитают,
Прежде ж в людях не считают.

9

О, прекрасная весна,
Ты приятна и красна,
На тебя всяк веселится,
Когда вольным кто родится.
А солдату ты, весна,
Очень, очень несносна.
Тут начнется всем ученье,
О, несносное мученье!
О, ученья глубина!
Про то знает лишь спина.

10

Коль здоровы будут палки,
Офицеры так, как галки,
Солдат мучают до смерти,
Точно душу в аде черти.

Кулаками по скулам
И палками по спинам.
А коль палочек не станет —
Тесаков на то достанет,
Эспантоны не гуляют —
Часто под бок прилетают.

11

Полковники, генералы —
Те же ныне обдиралы,
Попадися только в руки —
То натерпишься уж муки!
Хоть неважная вина,
Но простись с шкурой спина!
Оправданья не примают,
Только шкуру обдирают,
Говорят: стой и молчи,
Хоть и прав, да не ворчи.

12

Да уж ныне офицеры
Вознеслися выше меры:
Себя ставят за святых,
А солдат чтут за клятых.
Для того должно так быть,
Чтоб могли они их бить.
В том утеха и забава
И хорошая в том слава.
Какой славный командир
Скидает совсем мундир.

13

А коль просим их о деле,
То приди на той неделе,
А мне нынеча не время
Понести такое бремя.
А неделя коль придет,
То другую он найдет,
И не будет им конца —

Ходи так, как вкруг кольца...
О, солдатская ты участь,
Ты приводишь сердце в ужасть.

14

А от каменных палат
Весь засох уже солдат,
Хоть с наружного-то вида,
Правда, жить бы не обида,
Но во внутренность взгляни —
Волчью песню и тяни:
Человек двадцать немножко
Бейсь у одного окошка;
Тут почистись, побелись,
Друг за дружкой и тянись.

15

В них дворянска стоит печка...
Живи смирно, как овечка,
Наблюдай всегдашню моду:
Не держи в покое воду,
Чтобы пол всегда был бел
И других не делай дел.
Коль захочешь помочиться —
Надо версту волочиться.
Раза два-три коль пройдешь —
То подметки изобьешь.

16

А придет как воскресенье,
Говорят, что от безделья
Ступай вымети весь двор,
Обмети кругом забор,
Везде б было чисто, гладко,
Идешь, правда, хоть не сладко.
А коль честью кто нейдет,
Дядя с буркою придет,
Раз пяток-другой натянет —
Поневоле сердце вянет.

17

О, несносная неволя,
О, солдатская ты доля!
Можно всякому вздуриться,
В двадцать пять лет отслужиться.
Тот на свете вновь родится,
Кто от службы свободится.
Нет, никто не воображает,
Когда службу продолжает,
Не постигла чтоб кончина,
Не лишась солдатска чина.

18

Если ж жизнь кому продлится
И от службы свободится,
То бери в руки костыль,
Поди смело в монастырь.
В ногах, руках силы нет,
Опостылел белый свет.
Недостанет дневной пищи
И записывайся в нищи,
Не жди более отрады:
Только будет и награды.

19

Ослабеют в руках силы
И опустятся все жилы,
Ты не только работать —
Трудно с места будет встать.
Костыль в руки да кошель —
По подо́конью пошел.
Христа бога вспомяни,
А сам руку протяни,
Всех отцами называй,
А не то не спи — зевай.

20

А ночуй где день, где ночку,
Завалясь в кабак, за бочку,

Или в поле на лугу
Гни то полоз, то дугу.
А квартеришку нанять —
Негде денежки достать.
Носи лапти босичищем,
Будь покорен и всем нищим...
Вот награда вся за службу!
Воешь волком и за нужду!

21

Полно я уже заврался,
До всей тонкости добрался.
Здесь на правду ведь не мода:
Сгонят к Волкову в полгода,
А случится и в неделю —
Постелят вечну постелю.
Не по шерсти кто погладит,
То на шею сесть и ладит,
И в уме только и есть,
Как его ему бы съесть.

22

Я видал многи примеры,
Каковы сии химеры:
Они с вида будто гурии,
А по внутренности фурии.
Когда взглянешь — они милы,
Но в поступках крокодилы.
Вид имеют человека,
Но в них жалости от века
Не бывало никогда,
И все злятся завсегда.

23

Говорят: людей не бьешь —
И пути в них не найдешь.
Они плуты, воры, пьяницы —
Сами не прольют и скляницы, —
Пропивают насквозь ночи

И так выбьются из мочи,
Перепьются все до драки
И карячутся как раки...
А поутру скажет: болен —
И от всех он дел уволен.

24

Нет, спина моя твердит,
Перестать молоть велит,
Говорит: хозяин, полно,
А то будет заду больно.
Как узнает капитан,
То сдерет родной кафтан.
Я совет спины уважу:
Себя больше не отважу,
Хоть немного и испорчу,
Но на сем я кончу.

1803

168. БОСТОН

Игра бостон явилась снова,
Ее Совет апробовал;
В Москву послали Беклешова:
Играть в нее он не желал.
А Воронцов, король бубновый,
Доволен сей пременой новой,
Стал Чарторыйскому под масть:
Товарищ сей не помогает,
Он вечно на свои играет,
Топить — его охота, страсть.

Грансуверень в руках имея,
Весь Кочубей объемлет свет;
Но, разыграть его не смея,
Поставит, верно, он лабет:
Некстати козыря подложит,
Ренонс он также сделать может
И станет масти проводить.

С ним, правда, Строганов играет,
Но козырей сей граф не знает,
С чего не смыслит подходить.

Бостона правила известны,
Державин сам их написал,
И как в игре должны быть честны —
В стихах и прозе объяснял;
Но карты в руки — и забылся,
Ремизы ставить ты пустился,
Чужие фишки подбирать,
И доказал тем очень ясно,
Что можно говорить прекрасно,
Но трудно делом исполнять.

Расклавши карты на уделы,
Трощинский сюры подхватил;
Когда б не женщины-пострелы,
Игрок больших он был бы сил;
Но люди созданы все слабы,
Им овладели девки, бабы,
Тащат всё у него из рук;
Без них он мог бы без лабету
На пользу быть всему Совету,
Но что ж?.. Кто бабушке не внук?

Румянцев носится с мизером,
Внося за всё двойной платеж,
И хочет собственным примером
Рублем ходить заставить грош.
Давно по свету дух промчался,
Что женщин он всегда боялся
И в мизер ⟨он⟩ относит дам;
Игру он плохо разумеет
И карты лишь в руках имеет,
Играть велит секретарям.

А ты, холоп винновой масти,
Вязьмитинов, какой судьбой,
Забывши прежние напасти,
Ты этой занялся игрой?

Ты человек, сударь, не бойкой,
Тебя всегда мы звали двойкой,
А нынеча фигурой ты!
Но не дивлюсь тому нимало:
Всегда то будет и бывало,
Что в гору лезут и кроты.

1804

169. ГРАММАТИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ М⟨ИНИСТРА⟩ Ю⟨СТИЦИИ⟩ Л⟨ОПУХИНА⟩

Вопрос

В изображеньи сем что за похабна рожа?

Ответ

Министр юстиции — светлейшая вельможа.

Вопрос

Да как достигнул он сей знати?

Ответ

Он сводник и отец известной *Благодати.*

1805 (?)

170. СЕКРЕТАРЬ

Было некогда в полку
У Введенья в уголку
Иль в Семеновской то части,
Но не сильной только власти,
Возвеличен капитан —
Существенный болван.
Умом начальников владея,
Представлял Назарейского иудея,
И бывши в роде сем велик,
Казал полку грозный лик;
Для богатых имел ласку,
А для бедного хитру маску;
Ни о чем не воображая
И карманы нагружая,

Тем только благовторил,
Кто его щедро дарил.
Он строго цензурил послужные списки,
Кои к производству были близки.
Год убавить, пять прибавить,
Переправить, поскоблить,
Кому нужно угодить —
Рук творенья его дело;
Он на всё пускался смело!
Чьи рубли к нему попались,
Те старшими считались,
И отверсты тем пути
В отставку иль в армию идти.
Хоть сельской будь Иван,
А за деньги — капитан.
Не имея в деньгах спора,
Получает чин майора;
Не нужна о предках справка,
Буде сверьх торгу прибавка;
Купец или мещанин —
А за деньги дворянин,
И может слыть природной,
Екипаж иметь подобной;
Не мода вить на свете
Блестит, сидя в карете,
А денежки златые!
О, милые, драгие!
О, бедный дворянин
Всегда секретарю немил!
С доказательством дворянства
Оставался для нарядства,
Усердно службу продолжая
И надеждою себя питая,
Но кляня тот век и время,
В которо родилось мздоимства семя.
А длинные начальников ушки́
Наполнили секретарские мешки;
Ныне всех он презирает
И так себе мечтает:
Теперь брошу молоток
И аукционный чинам торжок;
Я умножил так чинов,

Как в рынке сапогов,
А достану себе конный полк
И буду меж овцами волк;
Будут главным меня чтить
И не посмеют мне претить;
Из солдатской амуниции
Уделю себе частицы;
Из муки и провианту
Также вычту по таланту,
А лошади и фураж
Умножат мой багаж;
Економия, запас
Весь будет у нас.
По полковничьей я мочи
Закрою офицерам очи,
Будут немы все без глаз
В Конном корпусе у нас.
О начальники начальств!
Буде чувства есть у вас,
То проснитесь хоть на час
И посудите бедных нас:
Нашей участью владеет
Тигр и василиск,
В пиршествах ваших не слышен
Утесняемых крик, визг;
Дворянин к двору привержен,
А служить верностью за честь,
Службу окупать подвержен,
Буде денежки в кармане есть.

Начало 1800-х годов (?)

171

...Во-первых, уменьшить чиновников-хохлов,
Министров и бояр, похожих на ослов,
Писателей дурных ласкательных стихов,
Зловредных обществу картежных игроков,
И имя истребить в России кабаков,
Горячее вино и всех откупщиков,
Которое, вредней горячки желтой злой,
Россию пустошит как будто бы чумой.

В ученые не брать немецких сорванцов
И генералами не делать беглецов.
Коль новый должно дать россиянам закон,
То русскими пускай написан будет он.
Закон для общества, для тела как душа,
Ведь, сколько б ни умен турецкий был паша,
Позволят ли ему писать законы русски;
Их пишет нам поляк и дезертиры прусски.
Увы! увы! увы! почто же это так?
В России умны все, лишь, русский, ты — дурак.
Кто за морем парик ученому чесал,
В России тот у нас в профессоры попал.
Возможно ль на того смотреть спокойным глазом:
Кто прежде на плечах носил ливрею с газом,
На тех же он плечах имеет орден Анны.
Презренны все чины, достоинства попранны.
О россы бедные! Доколе вам терпеть,
Ужель вы дремлете иль способу вам нет
Низвергнуть иго вам столь тягостных людей?
Взгляните на лицо России бедной всей:
Как звери хищные — пришельцы вас терзают,
Отъемлют хлеб у вас и вами презирают.
Указом запретить подьячим взятки брать,
Таможенны места по таксам продавать.
Стараться размножать торговлю россиян
И участь облегчить несчастных тех крестьян,
Которых господа для прихоти своей
На áнглийских менять изволят лошадей.
Создатель! Мне прости, когда при мысли сей
К тебе взываю я с растерзанной душой.
Ты силен, ты велик, ты мудр к нам бесконечно,
На то ль ты создал свет, чтоб мы страдали вечно,
На то ль ты разум дал своей любезной твари,
Чтоб сильны немощных, как волки агнцов, жрали?
Властители судеб, народов вам подобных,
И телом, и душой, и чувствами вам ровных,
Старайтесь облегчить несчастную их долю,
Старайтесь истребить их рабство и неволю.
В сем мире только тот великим назовется,
Кто, лишь себя забыв, о подданных печется.

Начало 1800-х годов (?)

172. УВЫ!

Что мир с неправдой подружился,
Повсюду зрим пример тому:
Кто плут, тот в нем обогатился,
А честный носит лишь суму.
Развратник, совесть истребивши,
Забывши бога, стыд и честь,
Обидя ближних и сгубивши,
Счастливо может жизнь провесть.
Зазренья совести не зная,
Он слез обидимых не зрит,
Шампанским совесть запивая,
На лоне нег спокойно спит.
А честный нудится, трудится,
Но что ж в награду?.. Нищета!
От честности нельзя разжиться,
И честь со бедностью слита.
Бедняк повсюду зрит препоны:
С богатым в тяжбе ль... проиграл!
Того лишь милуют законы,
Кто более акцизу дал.
Будь плут, будь вор, но есть богатство —
Тот в свете честным прослывет,
Чрез деньги всякое препятство
Как лед весною пропадет.
Видал я, что и пенсионы —
Награда службы многих лет —
Даются тем, кто миллионы
Вельможам стороной дает.
А тот, кто ранами, трудами
Кусок сей малый заслужил,
Имеет лишь мундир с дырами,
В комплет без денег не вступил.
Видал, ей-ей, ⟨и я⟩ в столице
Увечных воинов тех тьму,
У коих крест висит в петлице,
А воин сей несет суму!!!
Кресты хоть есть, но не питают,
Здоровья... сил... не возвратят,
Они его лишь отягчают
И по миру бродить стыдят.

Да и златые те медали,
У нас отличьем что слывут,
За деньги часто продавали,
Чтоб был еще нарядней плут.
За деньги, вещи дорогие —
Достоинства пойдут тотчас,
Услуги важные, большие
Царю представят напоказ.
Монарх же, видя представленье,
Подумает, что точно так,
Свое подпишет изволенье
Послать для плута чести знак.
А тот наденет и гордится,
Что я-де орден получил,
И часто кто купцом родится,
За деньги барство подцепил.
Недавно видел я в столице,
Как плут Владимира надел,
Так точно: он висит в петлице,
Но плут сим сердца не согрел.
По правде к ближнего любленью
Всё плут остался, к сожаленью.
Но чудно то, что в орден плута
Монарх наш кроткий нарядил.
Но чудно то, что из банкрута
В купцы статейны посвятил.
Святой Владимир за заслуги
Давали барам лишь одним
Иль кто отечеству услуги
Соделал разумом своим,
На тех сей орден надевали,
И тех он только украшал,
В него купцов не наряжали,
Его дворянству царь давал.
Купцам же честности в награду
Рескрипт давали и медаль.
Она шла точно к их наряду,
Рескрипт же был для них скрижаль.
Но ныне что сии медали?
Какое уваженье к ним?
Кому ж уж их не надевали —
И коновалам-то самим!!!

Святой Владимир в униженьи!
Великий боже!.. Стынет кровь!
Тот крест упал, что был в почтеньи,
Падет и к отчеству любовь.
Падет и слава, честь России,
Которую приобрела.
Увы! знать, дни ее златые
Екатерина унесла.
Исчезла россов мать, царица,
И счастье их погибло с ней!
Москва, хоть та же всё столица,
Но всё не то, что было в ней.
Россия, зри свои рюины,
Оплачь падение свое,
Твои министры, Агриппины
Лишь губят бытие твое.
Они тебя лишь унижают,
О прежней славе не брегут,
И дни паденья ускоряют,
Тебя собою погребут.
Исчезла Спарта и Афины,
Исчезла Греция и Рим,
Из царств столь сильных лишь рюины
Одни мы ныне только зрим.
И ты падешь, Россия, равно,
В тебе всё клонится к сему,
Приходит время своенравно,
Нельзя сказать «постой!» ему.
Быть может, что небес веленья
Удержит россов нежна мать, [1]
Пред богом коль прольет моленья
Велеть, чтоб времю обождать,
Разрушить то, в чем век трудилась,
Как правила она тобой...
И в чем с бессмертными сравнилась,
Тебе дав жизнь, закон, покой.
Непостижимая царица!
Пролей моленье в небесах,
Чтоб время, мощная десница,
Не обратила россов в прах.

---

[1] Екатерина.

Святой Владимир позабудет,
Что он наградой стал купцу,
С тобой, с тобой молиться будет
О нашем счастии творцу;
Его, молитвами твоими
Спаси Россию ты свою,
Еще побудь между родными
И дай головушку твою.
Премудрости твоей лучами
Их разум темный озари,
Что правят росскими сынами
Не баричи, а звонари!
Которые людей не знают,
Быв сами прежде гнусна тварь,
За деньги только награждают,
Хотят, чтоб был обманут царь.
И, презрев грамоту дворянства,
Которую дала ты нам,
Наделали нам тьму препятства
К стезе, ведущей нас к чинам.
Велят философов, Вольтеров,
Спинозу и других читать,
А сами в том собой примеров
Никак не могут подавать.
Увы! .. твои увянут лавры,
Царица россов, нежна мать!
Чтоб все мы были бакалавры,
Нас станут нынче обучать
Не тем, не тем, увы! искусствам,
Которы ты твердила нам,
Писав Наказ по русским чувствам,
Нет, нет! по римскиим правам,
Которых мы с тобой не знали,
А жили счастливо без них,
Законы русские читали
И нужды не было в чужих.
Теперь обычаи и нравы
Уже другие стали в нас,
Другие нужны нам уставы,
А твой в пыли лежит Наказ!
Тобой он писан был для русских,
И все в нем русские слова...

Для нас, людей полуфранцузских,
Нейдет безделка такова.
Итак, прости, о матерь нежна!
Закон и страх Европы всей!
Знать, наша участь неизбежна
И должно славе пасть твоей.
Но нет! Хоть славы лавр увянет,
Хотя Россия и падет,
Но солнышко лишь чуть проглянет,
То лавр опять твой процветет.
Забудут ли твои потомки —
Должны хоть россы упадать,
Но, в бедности неся котомки,
Царицу будут вспоминать.
Никто из нас и не единый
Без слез не может произнесть,
Что жили мы с Екатериной
В раю, коль на земли он есть,
Что мы, с тобой существовавши,
Дышали милостью твоей,
С Екатериной жизнь вкушавши,
И умерли мы вместе с ней.

1809 или 1810

173. НА ЭКЗАМЕН КОЛЛЕЖСКИХ АСЕССОРОВ

Государь! Мы, сыновья России, зовем к тебе,
Отче наш!
Мудр, любезен нам и кроток,
Иже еси
Во все времена России как было, —
Да святится имя твое.
На нас, титулярных и коллежских советников,
Да прийдет царствие твое!
А если кто по открытии университетов не могли
учиться,
Да будет воля твоя;
Тогда мы прославим с благоговением имя твое;
Яко на небеси,
Станем прославлять оное
И на земли.

Рвением и трудом мы у тебя изыскиваем
Хлеб наш насущный;
Перестареемся в службе, и ожидаем чинов, коих
Даждь нам;
А чего мы не учились и чего не умеем, — в том нас прости
И остави нам долги наши.
Вить прежде просто было, предки наши мало учились и не всё знали,
Яко же и мы!
От неразуменья нашего просты будучи,
Оставляем должникам нашим.
И за сим не только в учебны классы
Не введи нас,
Но и не поручи нас профессорам
Во искушение;
И от университетского ректора
Избави нас от лукавого.

Между 1809 и 1812 (?)

174. К N. N.

Великого отца делами малый сын,
И ты, как он, быть хочешь славен;
Но так как карло быть не может исполин,
Так с ним не можешь быть ты равен.
Иль нет, отчизны Герострат!
Ты не сокроешься забвенья покрывалом, —
Твоим я буду Ювеналом;
Прославишься как мор и глад!
Мой глас — глас правды твердый, громкий —
Услышат поздние потомки,
Услышит дальний свет!
Когда б не твой погибельный совет,
Москва б еще стояла,
Врагов нахлынувших Россия не видала,
Ни зарева градов и сел;
Не трясся б Рюриков престол,
Убийца б не сквернил Романовых чертога,
Когда б ты не видал в Наполеоне бога,
Пред ним колен не преклонял

И, рабственного страха чуждый,
Постыдный мир, подписанный от нужды,
Как новый Ре́гул бы вовре́мя разорвал
(Перед тобой пример великий Филарета;
Перед тобою Гермоген:
Темница, пытка, плен,
Небесные венцы и удивленье света!);
Когда б надеждой ты нас ложной не пытал
И вместе с Австрией, в могуществе восставшей [1]
Противу Франции, Европе угрожавшей,
Одну поставить грудь царю совет бы дал, —
Давно бы Александр могуществом десницы
Низвергнул идола с победной колесницы,
Не оставалось бы пятна
Нам в летописях русских
И не поила бы Двина
Несметных орд французских
От Немана и до Оки.
В пожарище бы Русь святая не лежала...
Но развернувшие уже хоругвь полки
Твоя приверженность к убийце удержала...
Так, так! Единая твоя к нему любовь
Внесла в отечество пожар и истребленье,
Невинности и нравов оскверненье;
Ты пролил нашу кровь!
Тогда и царская высокая решимость,
Дружин его неустрашимость,
Кутузова воинский дар,
Вождей неугасимый жар,
Усердие к царю народа,
Вооруженная против врагов природа —
Едва от гибели отечество спасли!
А ты, когда гражда́не на́ смерть шли,
Когда был царский одр земля и пук соломы,
Когда твой царь туда, где ад кипел,
Где лес штыков, где вихорь стрел,
Летел орлом — и сыпал громы;

---

[1] Здесь говорится об войне 1809 года между французами и австрийцами; читатели вспомнят здесь об трехтысячном австрийском корпусе, который дошел, не встречая препятствий, до самого Дрездена. В Северной Германии не было тогда почти ни одного французского солдата.

Когда вождь Остерман жалел,
Что не обеих рук за родину лишился;
Когда Багратион израненный томился;
Когда Раевский вел на верну смерть сынов,
Стон заглуша родительского сердца;
Когда сражалось всё, от старца до младенца,
Когда последний лепт свой нищий отдавал,
Жена — монисты и браслеты;
Когда теснилось всё во храм
И были длани к небесам
Левитов день и ночь воздеты,
И мир, звеня оковами, восстал
Против надменного успехом исполина, —
Тогда ты в праздности и неге утопал
И римлянам в разврате подражал
Против естественного чина.
Пускай теперь наемные певцы
Тебя прокличут меценатом;
Меня ты не подкупишь златом;
Сорву без трепета неправедны венцы!
Девиз мой — правда и свобода;
Мой глас — есть глас народа!

Конец 1812 или 1813 (?)

175

Ну, ребята, чур, дружнее
За товарищей стоять,
С злым началь⟨ством⟩ жить тошнее,
От него чем погибать.
Полно, полно уж доселе
Нам на сих тварéй смотреть.
Лучше быть солдатом в поле,
Чем их глупости терпеть.
Нам к терпенью ль приучаться,
Стужу, голод преносить,
Но с друзьями лишь расстаться,
Ах! что ж делать, как же быть?

1820

176. НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

(На голос: «Ах, тошно мне на чужой стороне»)

Господи, царя спаси!
Он ввел правду на Руси;
            Он злых губит,
            Добрых любит
И всем правый суд творит.
Любит русский он народ
И честит честны́х господ;
            Награждает,
            Понуждает,
Хочет взятки истребить.
А от взяток вся беда,
В правом деле нет суда,
            Ни законы,
            Ни поклоны
От подьячих не спасут.
А что было у нас встарь,
Тянет душу секретарь —
            В волчьей коже
            Судьи тоже,
Как овец, мирян дерут.
Уж давно было пора
Вынуть палочку Петра;
            От дубины
            Судей спины
Не ломались ведь при нем.
А теперь хоть то же зло,
Да разнежились зело;
            Чуть их тронут,
            Кричат, стонут,
Будто жгут живых огнем.
Гонят, грабят всех они,
Их же с места не гони!
            Красть не стыдно,
            А обидно,
Когда с места сгонят прочь.
Тронут лишь приказных род,
Вопиют во весь народ
            Об обидах

В разных видах,
Заставляют баб кричать.
Славно было бы, когда б
Розгами посекли баб,
Чтоб молчали,
Не кричали,
Перестали всех смущать.
Да уж хоть кричи, хоть пой,
Хоть пляши, хоть волком вой,
А за взятку
Дадут катку,
Что костей не соберешь.
Где злым ка́танье, мытье,
Православным там житье,
И раздолье,
И приволье:
Хлеб-соль ешь, а правду режь!
Господи, царя спаси!
Он ввел правду на Руси;
Он злых губит,
Добрых любит
И всем правый суд творит!

Между 1821 и 1823 (?)

177. АКРОСТИХ НА АРАКЧЕЕВА

Аггелов племя,
Рыцарь бесов,
Адское семя
Ключ всех оков!
Чувств не имея,
Ешь ты людей,
Ехидны злее,
Варвар! Злодей!

Около 1823

178. СТИХИ НА АРХИМАНДРИТА ФОТИЯ

Карета мчится выписная,
В ней рожа постная, больная,
В престранном черном клобуке
Смиренно жмется в уголке,
И над каретными дверями
Герб графский, с бронзой, вензелями.
Четверка ухарских коней
Летит как вихрь, стрелы скорей,
Звенит со стоном мостовая.
Чья эта четверня лихая
И слуги в золоте горят?
«Вот батюшка святой наш едет...»
— «О нет, народ пустое бредит, —
Архип тут Сидору сказал, —
Ну кто видал или слыхал,
Чтобы святые так езжали
И их форейторы визжали?
Смотри, всех встречных ломит с ног.
Когда монаху велел бог
В каретах графских величаться?
А тут легко всем догадаться,
Что у графини маскерад:
Надев монашеский наряд,
Морочить барынь он к ней мчится
И маску уронить боится».
Архип, мне кажется, в том прав.
⟨Вить⟩ у народа такой нрав,
Что он молодчика лихого
Подчас считает за святого.

Между 1822 и 1824

179. НЕБЕСНОЕ ЛИКОВАНЬЕ

Однажды бог, восстав от сна,
Курил цигарку у окна,
И с высоты необозримой
Он в телескоп на мир взирал,
Потом с улыбкой горделивой
Он Гавриила вопрошал:

«Скажи ты мне, о вестник мира,
С высот небесного эфира
Когда носился над землей,
Что взор небесный встретил твой?»
— «Три вещи встретил, вседержавный, —
Сказал с поклоном Гавриил, —
Народ твой русский, православный
Твое величие хвалил.
В церквах все гимны тебе пели,
Твою к Марии любовь,
Дьячки церковные потели
От сих божественных трудов!»
— «Спасибо ей, кутье прокислой,
Меня, знать, помнит и она.
Велите дать пирог ей кислый
Да бочку доброго вина!»
— «Потом... прелестное творенье
Я видел, господи, твое:
Доселе сердце всё мое
В порыв приходит исступленья.
Что́ радость, что́ твое блаженство,
Что́ ангелов поющий хор?
Взгляни на это совершенство,
Незримых прелестей собор.
Взгляни — прелестные ланиты
Лилейной белизной покрыты,
Там рдеет пурпур на устах,
Тут юны розы на щеках —
Всё, всё собой обворожает...
Творец! Не я ль красот знаток?
Взгляни, как груди украшает
Сей юный розовый шипок.
В нем скрыта нега сладострастья,
Он к наслаждению зовет, —
Блажен вкусивший это счастье,
Блажен, кто сей цветок сорвет!
О, как мила, как богомольна!
Хотя б ты был и строгий бог,
Грехи простил бы ей невольно
За обращенный к тебе вздох.
Ее блистательные слезы
Тебя б восхитили, творец,

И вместо грома — наконец
На Дуню бросил бы ты розы!»
Вздохнул тут бог и прослезился
И Гавриилу стал вещать:
«Я сам в нее, мой друг, влюбился!»
И начал горько он рыдать.
Рыданья своды оглашали,
Тряся предвечный его дом,
Все херувимы трепетали
И пали ниц перед творцом.

«Восстаньте, друзи! — он им рек. —
Творцу ли слабость подобает,
Творец не слабый человек!»
Потом он ангелам вещает:
«Устройте пир, мои драгие,
Пускай во благости моей
Ликуют все теперь святые —
Ну, херувимчики, живей!
Вина ковшей нам подавайте,
Но к нам Марию не впускайте,
Не так нам весело при ней!»
Небесны силы вмиг явились,
Вначале богу поклонились,
Но, виноградный пивши сок,
Уж чересчур понахмелились.
Да бог и сам не пропускал —
Его охотник был он страстный.
Сказав: «Наклю-кался! Прек-ра-сно!» —
И чуть с престола не упал,
Но приподнялся и святую
Игру тут вздумал пьяный бог,
Как говорится, со всех ног
С припрыжкой дернул плясовую:
Туда, сюда брада виляет,
Гримасы делает лицом,
То по-цыгански приседает,
И, словом, пляшет молодцом.
Потом велел Фоме, Егору,
Всему божественному хору
Почтенье к девушкам иметь,
Ему же чарочку пропеть.

ПЕСНЯ

Чарочка моя
Серебряная.
Кому чару пить,
Кому допивать,
Пить чару,
Допивать чару
Саваофу что Дементьичу.
На здоровье, на здоровьице его.
Что ни лист, что трава
Расстилаются,
Наши буйные головки
Преклоняются.
Мно-га-я, мно-га-я ле-е-е-та,
Мно-га-я, мно-га-я ле-е-е-та,
Мно-га-я ле-е-та.
Урра! У-рр-а!
У-р-р-р-ра!

«Спасибо, я доволен вами,
Вот вам на водку пять рублей,
Теперь же ну пируйте сами,
А мне пора к Машуточке моей.
Она меня уж поджидает,
Я ей вручаю славу, сан,
Она всем миром управляет,
А я за то бываю пьян.
Да позовите Гавриила,
Наперсника небесных сил.
Скажи, питомец легкокрылый,
Зачем ты третие сокрыл?»
— «Я не сокрыл, великий боже!
От бога скрытности иметь?!
Лишь страшно на святейшей роже
Твоей правдивый гнев узреть.
Но раб веленье исполняет,
Что зрит — по истине речет,
Тебя весь мир хоть обожает,
Но смертный лишь один не чтет.
Хоть божий дар ему нazванье,
Но это гордое созданье

Тебя всё идолом зовет,
В тебе три лица отвергает,
Не верит муке адской сей,
Всё предрассудком называет
Косневших в глупости людей.
Мы пред .... благоговеем
И говорим: «Се сын грядет!»
Он сыном плотника зовет
Да умным, хитрым лишь евреем.
Богиней Марию не чтет,
Смеется над твоим он сыном,
Всех меряет своим аршином
И „враки это" говорит».

Такие бог услыша вести,
Как бык на бойне заревел,
Брада всклокочилась горою,
Клубами пена на устах,
Стучит о трон он головою,
На горних всех наводит страх.
«Уж я его! Я негодяя
Лишу божественного рая,
В аду он будет век страдать,
Уж я его, ... мать!
Он был бы громом пораженный,
Но мне к Марии пора».

И вслед сему творцу вселенной
Раздалось громкое ура!

1824 (?)

180. ПЕСТЕЛЮ

Снесем иль нет главу свою —
Из полновесного стакана
Твое здоровье, Пестель, пью,
И рвусь и злюся на тирана.

⟨1825⟩

181

Желали прав они; права им и даны:
Из узких сделаны широкие штаны.

⟨1825⟩

182

Хотел издать Ликурговы законы, —
И что же и́здал он? — Лишь кант на панталоны.

⟨1825⟩

183

Всю жизнь провел в дороге,
А умер в Таганроге.

1825

184. Г.....ву

С глубоким трепетом волненья
Я зрю тебя идущим в путь!
Тебе неведомо сомненье,
И страха тайное смущенье
В твою не проникает грудь.

Иди ж, свободой вдохновленный!
Иди принять судьбу свою!
А я, от вас отъединенный,
Ваш подвиг славный воспою.

Молю тебя, когда в содружном
Кругу ты примешь свой обет,
Друзьям и северным и южным —
Мой братский передай привет.

1825

185. К ПЧЕЛЕ,
ПРИЛЕТЕВШЕЙ К РЕШЕТКЕ ОКНА МОЕГО КАЗЕМАТА ВЕСНОЮ 1826 ГОДА

Трудолюбивая пчела!
Предвестница весны прекрасной,
Откуда свой полет взяла
К решетке ты моей ужасной?..
Или сюда направив путь
Из стран далеких, сердцу милых,
Хотела на меня взглянуть
Средь горестей неутомимых?..
Тоски не можешь разогнать
Журчанием твоим веселым;
Мне долго суждено страдать
Под сводом сим — угрюмым, темным,
Под сводом, где одних замков
Слух поражает шум ужасный;
От скрипу где цепей, оков
Бежит надежды луч отрадный,
Где молчаливою стезей
И, осторожно озираясь,
За дверью ходит часовой;
Иль, громким криком отзываясь,
Во время темноты ночной
Товарищу он возвещает,
Что чужд для глаз его покой,
Которым он пренебрегает.

Лети, пчела! К стране родной...
Страшись, страшись сих мест опасных,
Где мы под властью роковой
Вздыхаем, множество несчастных!..
В течении весенних дней,
Любуясь роскошью природы,
Ищи ты счастье средь полей,
Полей... любезныя свободы!..
У льдистых берегов Невы,
В краях полуживых и хладных,
Мертва природа! Нет весны,
Нет счастия! Нет дней прекрасных!..
Спеши уведомить друзей

(Когда еще друзей имею),
Что я самим собой владею
В глубокой горести моей!..
Что страху дух мой непричастен!
Что рок умею презирать!
Хоть я и знаю, что он властен
Страданьем сердце испытать,
Лишить отрады утешенья,
Путь к гробу медленно открыть
И наконец... мой прах сокрыть
Под хладным мармором забвенья!

Но там... узна́ю я покой,
Утихнет там страстей волненье,
И лучшей жизни наслажденье
Уж ждет — за гробовой доской!

1826

186. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО РЫЛЕЕВА,
ПРОИЗНЕСЕННОЕ НА КРОНВЕРКЕ ПЕРЕД ВХОДОМ НА ЭШАФОТ, К НАРОДУ

Я с мрачным размышленьем
Взойду на эшафот,
Не ярость, но презренье
В глазах моих блеснет!

Толпа кипит, ей мило
Смотреть, как гибну я,
Как ум подавлен силой,
Как льется кровь моя.

Рабы, вы за оковы
Готовы умирать,
Вам деспот ваш суровый —
Святая благодать.

Не буйство, не отвага
На смерть ведут меня.

Я дать хотел вам благо,
И дал бы благо я.

Я из рабов покорных
Хотел создать царей
И жертвовал упорно
Всей жизнию моей.

Изменник я? Пустое,
Кому я изменил?
Не я в вас всё святое —
Тиран ваш заглушил.

1826 (?)

187. ПЕСНЬ

Я страдаю в тяжкой доле
Без друзей и без родных,
Осужденный, здесь, в неволе,
Жду кончины дней своих.
Мне погибель начертали,
Но невинна жизнь моя,
Я преступник, мне сказали,
Бог да будет им судья!
Вот уж месяц разливает
Свет унылый надо мной;
Чу! На башне повторяет,
Слышу, отклик часовой!
Солнце сядет за горою,
Свет покроет темнотой,
А пред утренней зарею
Смерть отдаст мне мой покой.
Ты приди, о друг мой милый,
Слезы горькие пролить
Над хладной моей могилой,
Где велят меня зарыть.

1826 (?)

Ужели я судьбами осужден
Окончить жизнь в мучительной неволе?
Ужель навек я с миром разлучен
И красных дней уж не увижу боле?!
Почто ж, о рок! коль ты определил
Путь жизни мне свершить в дали природы,
Ты с вольностью меня *здесь* не лишил
И памяти о прелестях свободы.

2

Зачем, скажи, коль мне даны в удел
Тюрьма и цепь с тоскою дней безлюдных,
Зачем же я родных, друзей имел,
Их так любил! И в чувствах обоюдных
Все прелести земного *там* вкушал?
Я б их не знал, не знал воспоминанья,
Надежды все б за гробом полагал
И тяжкий крест свой нес бы без роптанья.

3

Но ныне мне положено судьбой
До дна испить всю чашу испытанья,
И телом здесь, а там всегда душой
Я осужден к сугубому страданью.
Вотще ищу спокойствия в ночи,
Хотя друзей в мечте я обретаюсь,
Но вместе зрю печаль их обо мне
И, пробудясь, слезами обливаюсь!

4

Вотще в тюрьме сквозь узкое окно
Блестящее светило дня мелькает!
Не для меня, увы! блестит оно,
Не для меня природу озаряет.

И узника с неволей не мирит
Завидный всем глас утренней денницы,
Он взор его и душу тяготит,
Он жизнь дает стенам его гробницы.

5

Услышь хоть ты, о боже, голос мой,
Пошли мне смерть и с нею избавленье,
Навек сокрой под гробовой доской
И самый след несносного мученья.
Страдальческий *здесь* восприяв венец,
Я не страшусь спасительной могилы,
И с мужеством я встречу свой конец,
Препоручив тебе блюсти мне милых.

1826 (?)

189

...И день настал, и истощилось
Долготерпение судьбы;
И море шумно ополчилось
На миг решительной борьбы,
И быстро поднялися волны,
Сначала мрачны и безмолвны.
И царь смотрел, и, окружен
Толпой льстецов, смеялся он;
И царедворцы говорили:

«Не бойся, царь... мы здесь... Вели,
Чтоб берега твоей земли
Стихию злую отразили;
Ты знаешь, царь, к борьбе такой
Привык гранитный город твой!»

И гордо царь махнул рукою,
И раздался его приказ.
Вот ждет довольный сам собою,
Что море спрячется как раз.

Дружины вольные не внемлют,
Встают, ревут, дворец объемлют...
Он понял, что прошла пора,
Когда мгновенный визг ядра
Лишь над толпою прокатился —
И рой мятежных разогнал;
И тут-то царь затрепетал
И к царедворцам обратился...
Но пуст и мрачен был дворец,
И ждет один он свой конец.
И мрачно он на крышу всходит
Столетних царственных палат
И сокрушенный взор наводит
На свой великий, пышный град...

Конец 1820-х годов (?)

190. ⟨ПЕСНЬ ДЕКАБРИСТОВ⟩

Угрюмый лес стоит стеной кругом;
    Стоит, задумался и ждет.
Лишь вихрь порой в его груди взревет.
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

В глубоких рудниках металла звон,
    Из камня золото течет...
Там молотом своим он в камень бьет, —
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

Иссякнет кровь в груди его златой,
    Железа ржавый стон замрет...
Но в недрах глубоко земля поет:
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

Кто жизнь в бою неравном не щадит,
    С отвагой к цели кто идет,
Пусть знает: кровь его тропу пробьет, —
Вперед, друзья, вперед, вперед, вперед.

Конец 1820-х — начало 1830-х годов (?)

191. ФОНАРЬ

Друзья, не лучше ли на место фонаря,
Который темен, тускл, чуть светит в непогоды,
Повесить нам царя?
Тогда бы стал светить луч пламенной свободы.

192. РАСПУТСТВО И ВЕТРЕНОСТЬ

Орлова ставила на карту миллион,
Чему дивился весь бесовский легион,
Что собранный с крестьян оброк пошел на ветер.
Так делает всегда и каждый петиметер.
Хоть предки капитал с трудом приобрели,
Но бережливости в потомство не ввели.
Какую в карточной игре найти забаву,
И может ли она умножить честь и славу?
Никак, обманы в ней и скрытыя подбор
При свете и в глазах окрадут так, как вор.
Итак, разумно ли искать в бесчестье славы?
Не лучше ль избегать столь вредныя забавы?
Кто тратит доброе — не человек, не скот,
Но как его назвать? Безумнейший всех мот.
Хотя распутные лепечут по-французски,
Но нет в них разума, как честности по-русски.

193

О правосудный бог!
Сотри гордыни рог
И от пустых тревог
Нас сохрани!

Царей-мучителей,
Фронта любителей,
Правды гонителей
Искорени!

Воинство бранное,
Силой набранное,
От клятвы данныя
Освободи!

Нашей державою,
Сам полный славою,
В битвах за волю
Руководи!

И, как орел вольна,
Сил молодых полна,
Пускай цветет она
На радость нам.

Пускай могучею,
Вечно гремучею,
Гибельной тучею
Будет царям.

194. ГАЗЕТА АДА

Вышла газета из ада, —
Какая будет грешным от сатаны награда?
И бесконечные веки не будет душам их отрады.
В нынешний век
Зри, всяк человек:
Грех скончался,
Истина охромела,
Любовь простудою больна.
Честность и верность в отставку вышла.
Вера ушла в пустыню.
Совесть попрана ногами,
Благодеяние таскается пó миру.
Терпение скоро лопнет.
Ложь ныне присутствует,
Бесчиние в монастырях проживает,
Гордость с монахами познакомилась.

Надобна имъ скоро указать дорогу;
Своихъ мантии повелелъ скинуть;
И вотму кромешную принять;
3-й: Духъ злобы написалъ уставъ положенъ;
Какъ делать приметы вельможамъ;
Внезапно сковался злой любок[illegible] убийникъ;
Которой былъ великой процентщикъ и ростовщикъ;
Лишь появился на тотъ светъ;
Сатана спросилъ у него ответъ;
Многоль другъ мой ростовыхъ денегъ сковилъ;
Но злой откупщикъ такъ ему возопилъ;
Я столько успелъ денегъ скопить;
Что могъ бы у тебя адъ откупить;
Бесъ усмехнувшись рекъ;
Подлинно ты злой человекъ;
Ты хочешъ и во аде кабакъ завесть;
Ну братъ здесь миновалось, твоя воля и честь;
На деньги надеясь и бога забылъ;
Проценты копилъ и роскошь любилъ;
Такъ вотъ братъ здесь узнаешь какъ грабить бедныхъ;
Ступай во адъ и будешь в последнихъ.

Тщеславие игуменствует.
Братоненавидение иконам поставлено,
Невежество старейшествует.
Сатана, предвидя кончину сих дней,
Приказал бесам ад наполнить разных огней.
Послал бесов размерить адскую глубину,
Где бы можно грешных посадить за вину.
Потом сатана, всед на седало,
Закричал на бесей весьма яро,
Что грешных во аде мало.
Бес подскочил и рек,
Что еще не скончался век,
А когда придет миру конец,
Тогда ты будешь многим душам отец.
Предстали пред князя тьмы
Беспопечительные чернецы;
Он смеясь сказал:
«Вы зачем, святые отцы, сюда пришли,
Или в царство небесное пути не нашли?
Знать, вы весь век богатства ради,
А не прокормления мзду сбирали,
Того ради и путь в царство небесное потеряли.
Вы препровождали жизнь в монастырях,
Вам и должно быть в райских краях.
Но, видно, вы в небрежении жили,
Что в моей области честь и жизнь заслужили».
Бес подскочил без хвоста
И сказал, что они не наблюдали поста,
Ленивы были богу молиться,
Надобно с ними поскорее решиться.
А когда и помолятся, и то вне ума,
Того ради бог на них вознегодова.
Предал их твоему рассуждению,
Чтобы доставить их разному мучению.
Косой бес повелел с них мантии скинуть
И во тьму кромешную вринуть.
Притащили бесы опоицу во ад,
Сатана сказал:
«Эх, ты до чего допи́л,
Что и душу свою погубил.
Припасите про него адскую темницу,

Вверзите его туда до страшного суда,
А когда труба вострубит,
Тогда и неволею его в смолу горячую погрузить убедит».
Явились на тот свет гордые господа.
Бес кричит из ада:
«Честнейшие господа,
Пожалуйте сюда;
Я вас отменно буду угощать,
Огнь горящий и жупел велю возгнещать.
Я, милостивые госуда́ри,
Повелю чай греть не в самоваре;
Но для роскошных и жирных
Здесь есть во аде большой котел на взвары.
Растоплю олово наме́сто пуншу,
Чтобы вам промочить скаредную и жаждущую душу».
Сатана сказал бесу: «Что стоя рычишь,
Долго медлишь, багром их не тащишь?»
Косой давно тому уже рад,
Облапя их вельмож и потащил во ад.
Привели бесы ростовщика во ад,
Который процентами богатство распространял,
А излишнея неимущим не раздавал,
Наипаче к себе присовокуплял;
Бес сказал: «Ну, друг мой,
Скажи-ка нам, много ли ты процентами денег накопил?»
Он горько возопил
И сказал: «Я успел столько процентами денег накопить,
Что мог бы весь твой ад откупить».
Сатана в насмешку:
«Видно, ты хочешь здесь роскошно проживать,
Время тебе в преисподней побывать.
Там узнаешь, как обижать бедных,
Понеже там и сам будешь в самых последних».
А нищим сатана сказал:
«Вы зачем сюда пришли,
Или в царство небесное пути не нашли,
Вы о грехах день и нощь болели
И тем во аде себе место заготовить повелели?

Здесь места все заняли вельможи,
Ибо они в житии своем
Были во всем мне угожи».
Нищие, то слышавши,
Ухватили кошели,
В царство небесное и побрели.

ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

Александр Иванович Полежаев (1805—1838) не входил в тайные общества, действовавшие в России в 1820-х годах, и не был лично связан с декабристами. Тем не менее Николай I воспринял поэзию Полежаева как следствие и остатки декабризма: для этого были основания. Полежаев, действительно, продолжил в русской поэзии традицию вольнолюбивой лирики.

Творчество Полежаева, по определению Н. П. Огарева, «заканчивает в поэзии первую неудавшуюся битву свободы с самовластьем».[1] Однако между поэтами-декабристами и Полежаевым было и существенное различие. Рылеев и поэты его круга жили и боролись во имя будущего, им была свойственна большая историческая перспектива, а поэзия Полежаева вся в личных переживаниях сегодняшнего дня, вне тех программных политических установок, которые определили пафос декабристской поэзии. Тем не менее многие стихотворения Полежаева — и непосредственно посвященные политическим темам, и те, которые были вызваны личными переживаниями, — все проникнуты стремлением к свободе — к тому, чего поэт был лишен бо́льшую часть своей жизни.

Судьбу Полежаева в июле 1826 года, то есть сразу же после расправы над декабристами, определила поэма «Сашка». В ней, наряду со многими грубо-натуралистическими сценами, выделяется авторская речь — она содержит резкие выпады против сословных привилегий дворянства, против религии и против самодержавного режима.

Агитационный эффект произведений Полежаева заключался в их непосредственной связи с личностью и жизнью поэта. Читатель находил в его стихах достоверный рассказ о трагической судьбе их автора, о фактах его горестной биографии, о борьбе с ненавистными угнетателями — от фельдфебеля до царя.

В поэзии Полежаева отчетливо слышится голос демократических низов, народных масс. Образ лирического героя не случайно приобрел в его творчестве новые черты, которых не знала предшествовав-

[1] Предисловие к сб. «Русская потаенная литература XIX столетия», Лондон, 1861, с. X.

шая гражданская лирика: это был романтический герой со многими демократическими чертами.

К вольной поэзии оказались приобщенными как стихотворения революционного содержания, так и те, даже легально напечатанные при жизни Полежаева, в которых современники ощущали эти новые черты.

Далеко не все из вольных стихов Полежаева дошли до нас. Недавно опубликовано четверостишие, вероятно принадлежащее Полежаеву. Оно относится, очевидно, к ноябрю 1825 года, когда вопрос о том, кто заменит скончавшегося Александра I, еще не был вполне ясен:

IMPROMPTU

Что, ежели судьбина злая
Царем нам даст скотину Николая?
Что сделаем тогда? Что сделали с Берри...
Ну, черт его дери. [1]

Трагическая судьба Полежаева (подневольная солдатчина, преследования начальства, тяжелая болезнь и безвременная кончина), о которой современники могли только догадываться, стала хорошо известна следующему разночинному поколению по яркому рассказу Герцена «А. И. Полежаев», напечатанному за рубежом в 1854 году. Списки произведений поэта распространялись в русской «подземной» литературе вплоть до конца 1860-х годов.

195. НОВАЯ БЕДА

Беда вам, попадьи, поповичи, поповны!
Попались вы под суд и причет весь церковный!
За что ж? За чепчики, за блонды, кружева,
За то, что и у вас завита голова,
За то, что ходите вы в шубах и салопах,
Не в длинных саванах, а в нынешних капотах,
За то, что носите с мирскими наряду
Одежды светлые себе лишь на беду,

---

[1] В. Безъязычный, Неизвестное стихотворение А. И. Полежаева. — «Огонек», 1970, № 2, с. 27. Impromptu (франц.) — экспромт. Берри — сын наследника престола, убитый парижским рабочим Лувелем в феврале 1820 г.

А ваши дочери от барынь не отстали:
В корсетах стянуты, турецки носят шали,
Вы стали их учить искусству танцевать,
Знакомить с музыкой, французский вздор болтать.
К чему отличное давать им воспитанье?
Внушили б им любить свое духовно званье.
К чему их вывозить на балы, на пиры?
Учили б их варить кутью, печь просвиры́.
Коль правду вам сказать, вы, матери, неправы,
Что глупой модою лишь портите их нравы.
Что пользы? Вот они, пускаясь в шумный мир,
Глядят уж более на фрак или мундир
Не оттого ль, что их по моде воспитали,
А грамоте учить славянской перестали?
Бывало, знали ль вы, что значит мода, вкус?
А нынче шьет на вас иль немец, иль француз.
Бывало, в простоте, в безмолвии вы жили,
А нынче стали знать мазурку и кадрили.
Ну, право, тяжкий грех, оставьте этот вздор;
Смотрите, вот на вас составлен уж собор.
Вот скоро Фотий сам с вас мерку нову снимет,
Нарядит в кофты всех, а лишнее всё скинет.
Вот скоро, дайте лишь собрать владыкам ум,
Они вам выкроят уродливый костюм!
Задача им дана, зарылись все в архивы,
В пыли отцы, в поту! Вот как трудолюбивы:
Один забрался в даль, под Авраамов век,
Совета требовать у матушек Ревекк,
Другой перечитал обряды назореев,
Исчерпал Флавия о древностях евреев,
Иной всей Греции костюмы перебрал,
Другой славянские уборы отыскал.
Собрали образцы, открыли заседанье
И мнят, какое ж дать поповнам одеянье,
Какое — попадьям, какое — детям их?
Решите же, отцы! Но спор возник у них:
Столь важное для всех, столь чрезвычайно дело
Возможно ль с точностью определить так смело?
Без споров обойтись отцам нельзя никак,
Иначе попадут в грех тяжкий и просак.
О чем же этот спор? Предмет его преважный:
Ходить ли попадьям в материи бумажной,

Иметь ли шелковы на головах платки,
Носить ли на ногах козловы башмаки?
Чтоб роскошь прекратить, столь чуждую их лицам,
Нельзя ли обратить их к древним власяницам;
А чтоб не тратиться по лавкам, по швеям,
Не дать ли им покров пустынный, сродный нам?
Нет нужды, что они в нем будут как шутихи,
Зато узнает всяк, что это не купчихи,
Не модны барыни, а меж церковных жен.
Беда вам, матушки, дождались перемен!
Но успокойтесь, страх велик лишь издали бывает,
Вас Шаликов своей улыбкой ободряет:
Молчите, говорит, я сам войду в Синод,
Представлю свой журнал, и, верно, в новый год
Повеет новая приятная погода
Для вашей участи и моего дохода.
Как ни кроить убор на вас святым отцам,
Не быть портными им, коль мысли я не дам.

1825

196. ⟨ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «САШКА»⟩

О ты, козлиными брадами
Лишь пресловутая земля,
Умы гнетущая цепями,
Отчизна глупая моя!
Когда тебе наступит время
Очнуться в дикости твоей,
Когда с себя ты свергнешь бремя
Твоих презренных палачей?

1825 или 1826

197. ЧЕТЫРЕ НАЦИИ

1

Британский лорд
Свободой горд —
Он гражданин,
Он верный сын
Родной земли.

Ни к⟨ороли⟩,
Ни происк п⟨ап⟩
Кровавых лап
На смельчака
Исподтишка
Не занесут;
Как новый Брут,
Он носит меч,
Чтоб когти сечь.

2

Француз — дитя,
Он вам шутя
Разрушит трон
И даст закон;
Он царь и раб,
Могущ и слаб,
Самолюбив,
Нетерпелив.
Он быстр, как взор,
И пуст, как вздор.
И удивит,
И насмешит.

3

Германец смел,
Но переспел
В котле ума;
Он, как чума
Соседних стран,
Мертвецки пьян,
Сам в колпаке,
Нос в табаке;
Сидеть готов
Хоть пять веков
Над кучей книг,
Кусать язык
И проклинать
Отца и мать
Над парой строк

Халдейских числ,
Которых смысл
Понять не мог.

4

В ⟨России⟩ чтут
⟨Царя⟩ и к⟨нут⟩;
В ней ⟨царь⟩ с к⟨нутом⟩,
Как п⟨оп⟩ с к⟨рестом⟩:
Он им живет,
И ест и пьет,
А ⟨русаки⟩,
Как дураки,
Разиня рот,
Во весь народ
Кричат: «Ура!
Нас бить пора!
Мы любим кнут!»
Зато и бьют
Их как ослов,
Без дальних слов,
И ночь и день,
Да и не лень:
Чем больше бьют,
Тем больше жнут;
Что вилы в бок,
То сена клок!
А без побой
Вся Русь хоть вой —
И упадет,
И пропадет!

1827

198. ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Я встречаю зарю
И печально смотрю,
Как кропинки дождя,
По эфиру слетя,
Благотворно живят

Попираемый прах,
И кипят и блестят
В серебристых звездах
На увядших листах
Пожелтевших лугов.
Сила горней росы,
Как божественный зов,
Их младые красы
И крепит и растит.
Что ж, кропинки дождя,
Ваш бальзам не живит
Моего бытия?
Что в вечерней тиши,
Как приятный обман,
Не исцелит он ран
Охладелой души?
Ах, не цвет полевой
Жжет полдневной порой
Разрушительный зной:
Сокрушает тоска
Молодого певца,
Как в земле мертвеца
Гробовая доска...
Я увял — и увял
Навсегда, навсегда!
И блаженства не знал
Никогда, никогда!
И я жил — но я жил
На погибель свою...
Буйной жизнью убил
Я надежду мою...
Не расцвел — и отцвел
В утре пасмурных дней;
Что любил, в том нашел
Гибель жизни моей.
Изменила судьба...
Навсегда решена
С самовластьем борьба,
И родная страна
Палачу отдана.
Дух уныл, в сердце кровь
От тоски замерла;

Мир души погребла
К шумной воле любовь...
Не воскреснет она!
Я надежду имел
На испытных друзей,
Но их рой отлетел
При невзгоде моей.
Всем постылый, чужой,
Никого не любя,
В мире странствую я,
Как вампир гробовой...
Мне противно смотреть
На блаженство других
И в мучениях злых
Не сгораючи тлеть...
Не кропите ж меня
Вы, росинки дождя:
Я не цвет полевой;
Не губительный зной
Пролетел надо мной!
Я увял — и увял
Навсегда, навсегда!
И блаженства не знал
Никогда, никогда!

Между 1826 и 1828

199. ПЕСНЬ ПЛЕННОГО ИРОКЕЗЦА

Я умру! На позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Равнодушно они
Для забавы детей
Отдирать от костей
Станут жилы мои!
Обругают, убьют
И мой труп разорвут!

Но стерплю! Не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!

И, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Неподвижен и смел,
Встречу миг роковой!
И, как воин и муж,
Перейду в страну душ.

Перед сонмом теней воспою
Я бесстрашную гибель мою.
И рассказ мой пленит
Их внимательный слух,
И воинственный дух
Стариков оживит;
И пройдет по устам
Слава громким делам.

И рекут они в голос один:
«Ты достойный прапрадедов сын!»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдем
И в родных разольем
Пыл вражды боевой;
Победим, поразим
И врагам отомстим!

Я умру! На позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Но, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я недвижим и смел
Встречу миг роковой!

Между 1826 и 1828

200. РОК

Зари последний луч угас
В природе усыпленной;
Протяжно бьет полночный час
На башне отдаленной.
Уснули радость и печаль
И все заботы света;

Для всех таинственная даль
Завесой тьмы одета.
Всё спит... Один свирепый рок
Чужд мира и покоя,
И столько ж страшен и жесток
В тиши, как в вихре боя.
Ни свежей юности красы,
Ни блеск души прекрасной
Не избегут его косы,
Нежданной и ужасной!
Он любит жизни бурной шум,
Как любят рев потока
Или как любит детский ум
Игру калейдоскопа.
Пред ним равны — рабы, цари;
Он шутит над султаном,
Равно как шучивал Али
Янинский над фирманом.
Он восхотел — и Крез избег
Костра при грозном Кире,
И Кир, уснув на лоне нег,
Восстал в подземном мире.
Велел — и Рима властелин —
Народный гладиатор,
И Русь как кур передушил
Ефрейтор-император.

Между 1826 и 1828

201. ЦЕПИ

Зачем игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачем душевные мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый роком своенравным,
Я вяну жертвою страстей
И угнетен ярмом бесславным
В цветущей юности моей!..
Я зрел: надежды луч прощальный
Угас навеки в небесах,

И факел смерти погребальный
С тех пор горит в моих очах!
Любовь к прекрасному, природа,
Младые девы и друзья,
И ты, священная свобода, —
Всё, всё погибло для меня.
Без чувства жизни, без желаний,
Как отвратительная тень,
Влачу я цепь моих страданий
И умираю ночь и день!
Порою огнь души унылой
Воспламеняется во мне,
С снедающей меня могилой
Борюсь как будто бы во сне;
Стремлюсь, в жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостного мщенья
Живою кровью утолить!
Уже рукой ожесточенной
Берусь за пагубную сталь,
Уже рассудок мой смущенный
Забыл и горе и печаль!..
Готов!.. Но цепь порабощенья
Гремит на скованных ногах,
И замирает сталь отмщенья
В холодных, трепетных руках!
Как раб испуганный, бездушный,
Тогда кляну свой жребий я
И вновь взираю равнодушно
На цепи ⟨нового цар⟩я.

Между 1826 и 1828

202

Притеснил мою свободу
Кривоногий штабс-солдат:
В угождение уроду
Я отправлен в каземат.
И мечтает блинник сальный
В черном сердце подлеца

Скрыть под лапою нахальной
Имя вольного певца.
Но едва ль придется шуту
Отыграться без стыда:
Я — под спудом на минуту,
Он — в болоте навсегда.

1828

203. АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ ЛОЗОВСКОМУ

Plus tôt que je n'ai dû je reviens dans la lice;
Mais tu le veux, amis!
Ton bras m'a reveillé; c'est toi qui m'a dit: va!

H⟨ugo⟩[1]

Ты мне чужой, не с давних лет
Знаком душе твоей поэт!
Не симпати́я двух сердец —
Святого дружества венец —
В счастливой жизни нам вила
И друг для друга родила.
Быть может, раз сойтись с тобой
Мне предназначено судьбой —
И мы сошлись... Ты — в красоте
Цветущих дней, я — в наготе
Позорных уз... Добро иль зло
Тебя к страдальцу привело,
Боюсь понять... Под игом бед
Мне подозрителен весь свет;
Погибшей истины черты
В глазах моих — одни мечты...
Уму свирепому она
И ненавистна и смешна!
Быть может, ветреник младой,
Смеясь над глупой добротой,
Вменяя шалости в закон
И быстрым чувством увлечен,
Ты ложной жалостью хотел

---

[1] Раньше, чем должно, я возвращаюсь в бой; Но таково твое желанье, друг! Твоя рука меня разбудила; ведь это ты сказал мне: выходи! *Г⟨юго⟩* (франц.). — *Ред.*

Смягчить ужасный мой удел
Иль осмеять мою тоску;
Быть может, лестью простаку
Желал о прежнем вспомянуть
И беспощадно обмануть...
Но пусть, игралище страстей,
Я буду куклой для людей,
Пусть их коварства лютый яд
В моей груди умножит ад...
И ты не лучше их ничем...
Не знаю сам, за что, зачем
Я полюбил тебя... Твой взор
Не есть несчастному укор.
Твой голос, звук твоих речей
Мне мил, как сладостный ручей...
Так соловей в ночной тиши
Поет для горестной души,
Так Абадонне Уриил [1]
Во тьме геенны говорил...

---

[1] Давно прошли времена Орестов и Пиладов. Кто-то сказал, кажется справедливо, что ныне:

Любовь и дружба — пара слов,
А жалость — мщение врагов.

И после добавил, что:

Одно под солнцем есть добро:
Неочиненное перо...

Но — так как нет правил без исключений — и под солнцем, озаряющим неизмеримую темную бездну, в которой, будто в хаосе, вращаются, толпятся и пресмыкаются миллионы двуногих созданий, называемых человеками, встречаемся мы иногда с чем-то благородным, отрадным, не заклейменным печатью нелепости и ничтожества, — то провидению угодно было, чтоб и я на колючем пути моего земного поприща встретил это благородное, это отрадное в лице истинного моего друга А.... П.... Л..... Часто подносил он бальзам утешения к устам моим, отравленным желчию жизни; никогда не покидал меня в минуты горести. К нему относятся стихи:

Я буду — он, он будет — я;
В одном из нас сольются оба.
И пусть тогда вражда и злоба,
И смерть и заступ гробовой
Шумят над нашей головой!

Может быть, кто-нибудь с лукавой улыбкой спросит: кто такой этот Л... ? Не знатный ли покровитель?.. О нет! Он более, он — человек.

Глаза печальные мои
Слезу приязни и любви
В твоих заметили очах...
Ты любишь сам меня — но ах!
Твое участие ко мне,
Как легкий пепел на огне,
На миг возникнет, оживет —
И вместе с ветром пропадет.
Я не виню тебя! .. Жесток
Ко мне не ты, а злобный рок,
И ты простишь в пылу страстей
Обидной вольности моей...
. . . .
Я снова узник и солдат! ..
Вот тайный дар моих стихов...
Проникни в силу этих слов...
Прочти, коль вздумаешь, спиши
И не забудь меня в глуши...
Когда ж забудешь — бог с тобой!
Но знай, что я навеки твой...

Спасские казармы, 1828

1

Ты хочешь, друг, чтобы рука
Времен прошедших чудака,
Вооруженная пером,
Черкнула снова кой о чем?
Увы! Старинный жар стихов,
И след сатир и острых слов
Исчезли в буйной голове,
Как след дриады на траве
Иль запах розы молодой
Под недостойною пятой.
Поэт пленительных страстей
Сидит живой в когтях чертей.
Атласных ... не поет
И чуть по-волчьи не ревет...
Броня сермяжная и штык —
Удел того, кто был велик
На поле перьев и чернил;
Солдатский кивер осенил

Главу, достойную венка...
И Чайльд-Гарольдова тоска
Лежит на сердце у того,
Кто не боялся никого...
Но на призывный дружный глас
Отвечу я в последний раз,
Еще до смерти согрешу —
И лист бумаги испишу...
Прочти его и согласись,
Что если средства нет спастись
От угнетенья и цепей,
То жизнь страшнее ста смертей —
И что свободный человек
Свободно кончить должен век...
. . . .
. . . . опыт злой
Завесу с глаз моих сорвал
И ясно, ясно доказал,
Что добродетель есть мечта,
. . . . суета.
Любовь и дружба — пара слов,
А жалость — мщение врагов...
Одно под солнцем есть добро —
Неочиненное перо...

2

В столице русских городов
Мо⟨щей⟩, мон⟨ахов⟩ и попов,
На славном Вале Земляном
Стоит странноприимный дом;
И рядом с ним стоит другой,
Кругом обстроенный, большой —
И этот дом известен нам,
В Москве, под именем казарм;
В казармах этих тьма людей
И ночью множество ...
На нарах с воинами спят,
И веселятся, и шумят;
И на огромном том дворе,
Как будто в яме иль дыре,
Издавна выдолблено дно,

Иль гауптвахта, всё равно...
И дна того на глубине
Еще другое дно в стене,
И называется тюрьма;
В ней сырость вечная и тьма,
И проблеск солнечных лучей
Сквозь окна слабо светит в ней;
Растреснутый кирпичный свод
Едва-едва не упадет
И не обрушится на пол,
Который снизу, как Эол,
Тлетворным воздухом несет
И с самой вечности гниет...
В тюрьме жертв на пять или шесть
Ряд малых нар у печки есть.
И десять удалых голов,
⟨Царя⟩ решительных врагов,
На малых нарах тех сидят,
И кандалы на них гремят...
И каждый день повечеру,
Ложася спать, и поутру
В м⟨олитве⟩ к г⟨осподу⟩ Х⟨ристу⟩
⟨Царя российского⟩ в ...
Они ссылают наподряд
И все сл... ему хотят
За то, что мастер он лихой
За п⟨устяки⟩ г⟨онять⟩ скв⟨озь⟩ с⟨трой⟩.
И против нар вдоль по стене
Доска, подобная скамье,
На двух столпах утверждена.
И на скамье той у окна,
Броней сермяжною одет,
Лежит вербованный поэт.
Броня на нем, броня под ним,
И всё одна и та же с ним,
Как верный друг, всегда лежит,
И согревает, и хранит;
Кисет с негодным табаком
И полновесным пятаком
На необтесанном столе
Лежат у узника в угле.
Здесь триста шестьдесят пять дней

В кругу плутоновых людей
Он смрадный воздух жизни пьет
И ⟨самовластие⟩ клянет.
Здесь он во цвете юных лет,
Обезображен как скелет,
С полуостриженной брадой,
Томится лютою тоской...
Он не живет уже умом —
Душа и ум убиты в нем;
Но, как бродячий автомат
Или бесчувственный солдат,
Штыком рожденный для штыка,
Он дышит жизнью дурака:
Два раза на день ест и пьет
И долг природе отдает...

8

Воспоминанья старины,
Как соблазнительные сны,
Его тревожат иногда;
В забвеньи горестном тогда
Он воскресает бытием:
Безумным, радостным огнем
Тогда глаза его горят
И слезы крупные блестят,
И, очарованный мечтой,
Надежды жизни молодой
Несчастный видит, ловит вновь.
Опять — поэт; опять любовь
К свободе, к миру в нем кипит!
Он к ней стремится, он летит;
Он полон милых сердцу дум...
Но вдруг цепей железных шум
Иль хохот глупый беглецов,
Тюрьмы бессмысленных жильцов,
Раздался в сводах роковых —
И рой видений золотых,
Как легкий утренний туман,
Унес души его обман...
Так жнец на пажити родной,
Стрелой сраженный громовой,

Внезапно падает во прах —
И замер серп в его руках...
Надежду, радость — всё взяла
Молниеносная стрела!

4

О ты, который возведен
Погибшей в⟨ольности⟩ на трон,
Или, простее говоря,
О⟨соба⟩ р⟨усского⟩ ц⟨аря⟩!
Коснется ль звук моих речей
Твоих обманутых ушей?
Узришь ли ты, прочтешь ли ты
Сии правдивые черты?..
Поймешь ли ты, как мудрено
Сказать в душе: всё решено!
Как тяжело сказать уму:
«Прости, мой ум, иди во тьму»;
И как легко черкнуть перу:
«Ц⟨арь⟩ Н⟨иколай⟩. Б⟨ыть⟩ по с⟨ему⟩».
Поймешь ли ты, что твой народ
Есть пышный сад, а ты — Ленотр,
Что должен ты его беречь
И ветви свежие не сечь...
Поймешь ли ты, что ц⟨арский⟩ долг
Есть не душить, как лютый волк,
По алчной прихоти своей
Мильоны страждущих людей...
Но что?.. К чему напрасный гнев,
Он не сомкнет Молохов зев:
Бессилен звук в моих устах,
Как меч в заржавленных ножнах...
И я в тюрьме...
Ватага спит;
Передо мной едва горит
Фитиль в разбитом черепке;
С ружьем в ослабленной руке,
На грудь склонившись головой,
У двери дремлет часовой;
Вблизи усталый караул
Глаза бессонные сомкнул.

На гауптвахте тишина...
Бог винограда, бог вина,
Сын пьяный пьяного отца,
Зачем приятный глас певца,
В часы полуночных пиров,
Не веселит твоих сынов?
Зачем на лире золотой
Перед волшебницей младой
В восторге чувств он не гремит
И бледный, пасмурный сидит
Без возлияний и друзей
В руках едва ль полулюдей...
Не он ли свежесть ранних сил
Тебе на жертву приносил
Во дни беспечной старины?
Не он ли розами весны
Твой благодетельный покал
Рукой покорной украшал?
Свершилось!.. Нет его!.. Ударь
Поблекшим тирсом в свой алтарь!
Пролей вино из томных глаз!
Твой жрец, твой верный жрец угас!
Угас, как факел буйных дев,
Исчез, как громкий их напев:
«Эван, Эвое, сильный Вакх!»,
Как разум скучный на пирах!..
Вторый Н⟨ерон⟩, Ис⟨кариот⟩,
У⟨дав⟩ б⟨разильский⟩ и Н⟨емврод⟩
Его враждой своей почтил
И, лобызая, удушил!

5

Mais qu'importe? accompli
ta mission sacrée.[1]

Оставлен всеми, одинок,
Как в море брошенный челнок
В добычу яростной волне,
Он увядает в тишине...
. . . .

[1] Ну, так что же? Завершай свою священную миссию (франц.). — *Ред.*

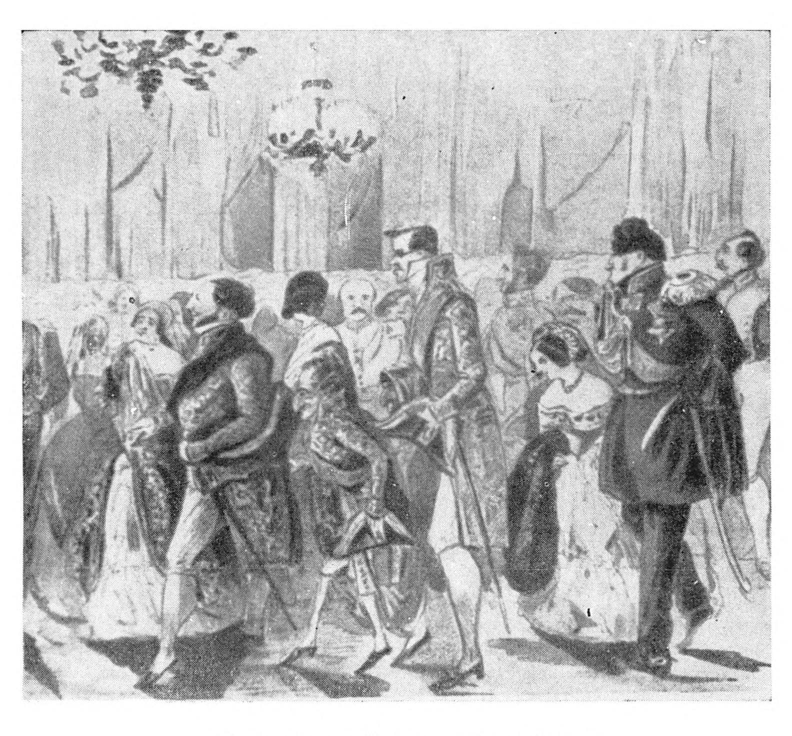
Участье верное друзей,
Которых шумные рои,
Под ложной маскою любви,
Всегда готовы для услуг,
Когда есть денежный сундук
Или подобное тому, —
Не в тягость более ему:
Из ста знакомых щегольков,
Большого света знатоков,
Никто ошибкою к нему
Не залетал еще в тюрьму...
Да и прекрасно... Для чего?..
Там нет ни водки, ничего...
Чутье животных, модный тон
Или приличия закон —
Вот тайна дружественных уз...
А нежность сердца, тонкий вкус —
Причина важная забыть
Того, кто слезы должен лить.
«Ах, как он жалок, cependant,
C'était naguère un bon enfant» [1] —
Лепечет милый фанфарон,
И долг приязни заплачен...
И что пенять? Они умны,
Их рассуждения верны;
Так должно было — наперед
Судьба нам сделала расчет:
Им наслаждение дано,
А мне страданье суждено!
И правы мрачный фаталист
И всем довольный оптимист...

6

Система звезд, прыжок сверчка,
Движенья моря и смычка —
Всё воля творческой руки...
Иль вера в бога пустяки?

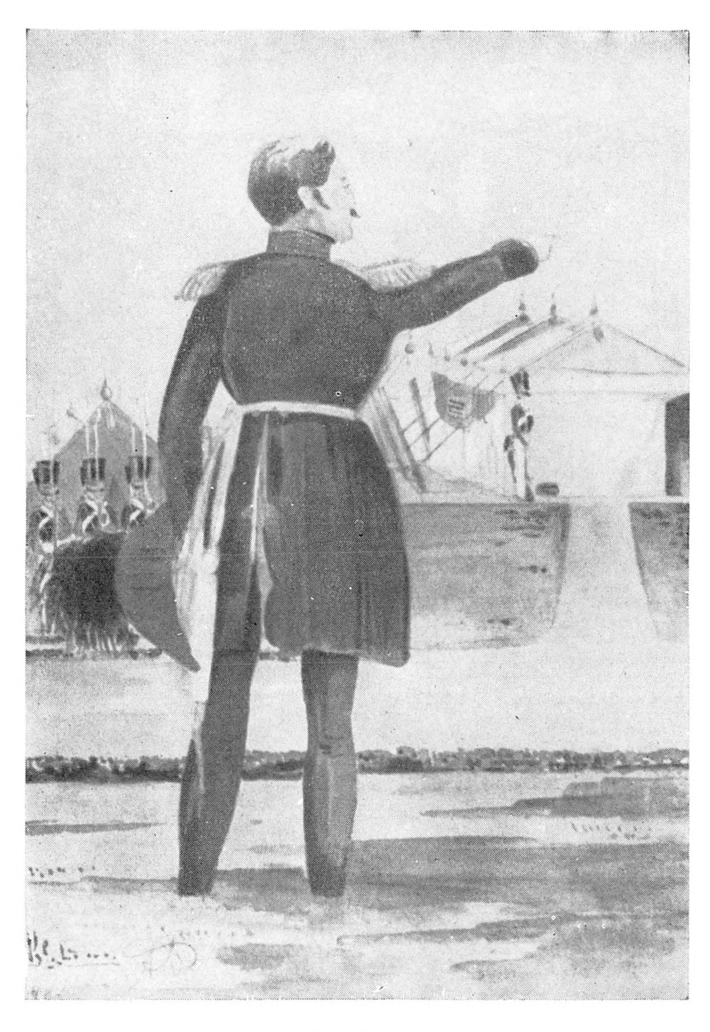
---

[1] А хороший парень был когда-то (франц.). — *Ред.*

Великосветский бал в Петербурге

Карикатура Баранова

Николай I

Карикатура А. Заранека

Сказать, что нет его, — смешно;
Сказать, что есть он, — мудрено.
Когда он есть, когда он — ум,
Превыше гордых наших дум,
Правдивый, вечный и благой,
В себе живущий сам собой,
Омега, альфа бытия...
Тогда он нам не судия:
Возможно ль то ему судить,
Что вздумал сам он сотворить?
Свое творенье осудя,
Он опровергнет сам себя!..
Твердить преданья старины,
Что мы в делах своих вольны,
Есть перекорствовать уму
И, значит, впасть в иную тьму...
Его предведенье могло
Моей свободы видеть зло —
Он должен был из тьмы веков
Воззвать атом мой для оков.
Одно из двух: иль он желал,
Чтобы невинно я страдал,
Или слепой свирепый рок
В пучину бед меня завлек?..
Когда он видел, то хотел,
Когда хотел, то повелел,
Всё чрез него и от него,
А заключенье из того:
Когда я волен — он тиран,
Когда я кукла — он болван.

7

Так и забвение друзей, —
Оно не есть коварство змей.
Так пусть же тягостной руки
Меня снедающей тоски
Не испытают на себе
В угодность ветреной судьбе;
Страдалец давний, но не злой

Постыдной зависти чертой
Чужого счастья не смутит!

. . . .

А ты, примерный человек,
Души высокой образец,
Мой благодетель и отец,
О Струйский, можешь ли когда,
Добычу гнева и стыда,
Певца преступного простить?..
Неблагодарный из людей,
Как погибающий злодей
Перед секирой роковой,
Теперь стою перед тобой!..
Мятежный век свой погубя,
В слезах раскаянья тебя
Я умоляю! . . . . . .
Священным именем отца
Хочу назвать тебя!.. Зову...
И на покорную главу
За преступления мои
Прошу прощения любви!..
Прости!.. прости!.. моя вина
Ужасной местью отмщена!

. . . .

8

Завеса вечности немой
Упала с шумом предо мной...
Я вижу . . . .
. . . . мой стон
Холодным ветром разнесен,
Мой труп . . . .
Добыча вранов и червей

. . . .

И нет ни камня, ни к⟨реста⟩,
Ни огородного шеста
Над гробом узника тюрьмы —
Жильца ничтожества и тьмы...

1828

204. ПЕСНЬ ПОГИБАЮЩЕГО ПЛОВЦА

1

Вот мрачится
Свод лазурный!
Вот крутится
Вихорь бурный!
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

2

Всё чернее
Свод надзвездный,
Всё страшнее
Воют бездны.
Глубь без дна —
Смерть верна!
Как заклятый
Враг грозит,
Вот девятый
Вал бежит!..

3

Горе, горе!
Он настигнет:
В шумном море
Челн погибнет!
Гроб готов...
Треск громов
Над пучиной
Ярых вод —
Вздох пустынный
Разнесет!

4

Дар заветный
Провиденья,
Гость приветный
Наслажденья —
Жизнь иль миг!
Не привык
Утешаться
Я тобой —
И расстаться
Мне с мечтой!

5

Сокровенный
Сын природы,
Неизменный
Друг свободы —
С юных лет
В море бед
Я направил
Быстрый бег
И оставил
Мирный брег!

6

На равнинах
Вод зеркальных,
На пучинах
Погребальных
Я скользил;
Я шутил
Грозной влагой —
Смертный вал
Я отвагой
Побеждал!

7

Как минутный
Прах в эфире,
Бесприютный

Странник в мире,
Одинок,
Как челнок,
Уз любви
Я не знал,
Жаждой крови
Не сгорал!

8

Парус белый
Перелетный,
Якорь смелый
Беззаботный,
Тусклый луч
Из-за туч,
Проблеск дали
В тьме ночей —
Заменяли
Мне друзей.

9

Что ж мне в жизни
Безызвестной?
Что в отчизне
Повсеместной?
Чем страшна
Мне волна?
Пусть настигнет
С вечной мглой,
И погибнет
Труп живой!..

10

Всё чернее
Свод надзвездный;
Всё страшнее
Воют бездны;
Ветр свистит,

Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

⟨1831⟩

205

Ай, ахти! ох, ура,
П⟨равославный⟩ наш ц⟨арь⟩,
Н⟨иколай⟩ г⟨осударь⟩,
В тебе мало добра!
Обманул, погубил
Ты мильоны голов, —
Не сдержал, не свершил
И⟨мператорских⟩ слов!..
Ты припомни, что мы,
Не жалея себя,
Охранили тебя
От большой кутерьмы,
Охранили, спасли
И по братним т⟨елам⟩,
Со грехом пополам,
На п⟨рестол⟩ возвели!
Много, много сулил
Ты с⟨олдатам⟩ тогда;
Миновала беда —
И ты всё позабыл!
Помыкаешь ты нас
По горам, по долам,
Не позволишь ты нам
Отдохнуть ни на час!
От ста⟨льных⟩ те⟨саков⟩
У нас спины трещат,
От уч⟨ебных⟩ ша⟨гов⟩
У нас но⟨ги⟩ болят!
День и ночь наподряд,
Как волов наповал,
Бьют и мучат с⟨олдат⟩
О⟨фицер⟩ и ка⟨прал⟩.

Что же, бе⟨лый⟩ от⟨ец⟩,
Своих черных ов⟨ец⟩
Ты стираешь с земли?
Иль мы кроме побой
Ничего пред тобой
Заслужить не могли?
Или думаешь ты
Нами вечно играть
И что ... ...
Лучше доброй молвы?
Так у . . . .
П⟨равославный⟩ наш ⟨царь⟩,
Н⟨иколай⟩ г⟨осударь⟩,
Ты бо⟨лван⟩ наших р⟨ук⟩;
Мы склейли тебя
И на тысячу штук
Разобьем, разлюбя!

Конец 1820-х или начало 1830-х годов

В. Я. ЗУБОВ

Василий Яковлевич Зубов (даты рождения и смерти неизвестны) — портупей-юнкер Иркутского гусарского полка. За сочинение антиправительственных стихов он был, «по высочайшему повелению», 30 августа 1826 года объявлен сумасшедшим и посажен в дом умалишенных в Москве, а в конце ноября его сослали рядовым в 64-й егерский полк. Рапорты о его хорошем поведении систематически посылались в Петербург, вплоть до 1830 года, в 1831 году он был произведен в унтер-офицеры. В 1834—1836 годах он печатал стихи в московских изданиях. Дальнейшая судьба его неизвестна. В доносе Д. Брандта Зубову приписываются стихи:

И у фонарного столба
Попа последнего кишкой
Царя последнего удавим. [1]

Стихотворения Зубова вызвали полемические стихотворные отклики, также обращавшиеся в рукописи: «Мысль россиянина о свободе» Николая Цыбульского (из 200 строк опубликованы первые 20) и неизвестного автора «Мысль русского солдата о свободе» (из 130 строк напечатаны первые 24). [2]

206. МЫСЛЬ О СВОБОДЕ

Взойдет ли наконец, друзья,
Среди небес родного края
Давно желанная заря —
Заря свободы золотая?

---

[1] В. Ганцова-Берникова, Отголоски декабрьского восстания 1825 года. — «Красный архив», т. 3 (16), 1926, с. 194—195; М. А. Цявловский, Статьи о Пушкине, М., 1962, с. 29—30. Другой вариант см. на с. 336 наст. издания.

[2] «Русская старина», 1871, № 12, с. 672—673.

Придет ли тот великий день,
Когда для русского народа
Исчезнет деспотизма тень
И встанет гордая свобода?
И этот светлый день всходил,
И месть грозила самовластью,
Но рано бурный хлад ненастья
Сей ясный факел потушил.
Как сердце радостно забилось
В груди восторженной моей,
Когда среди дружин царей
И знамя вольности явилось,
Когда средь гибельных мечей
Раздался грозный крик «свобода»,
Близ мертвых невских берегов,
Где долго, долго звук оков
Не был несносен для народа!
Но луч надежды золотой
Исчез, как призрак сновидений,
И снова грозный рабства гений
Над нашей вьется головой,
И, пламенея жаждой мщенья,
Другой тиран гнетет народ.
Но трепещи, страшись, деспо́т,
Придет день общего волненья,
Придет к отечеству любовь,
В сердцах изгладит след боязни,
И месть за месть, и кровь за кровь,
И все мучительные казни.
И не спасешься ты, тиран,
Рабов приверженцев толпою:
Они исчезнут пред грозою,
Как обольстительный туман.
Так в день Моргартена ужасный
Толпы бесчувственных рабов
Бежали горсти смельчаков,
Сынов Гельвеции прекрасной!

1826

207. ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ

Что значат эти увещанья?
Мой друг, что значит голос твой?
Он возбудил в груди младой
Немой порыв негодованья.
Ты ль мыслишь, что разлуки годы
Во мне убили прежний дух,
Что в сердце молодом потух
Сей жар возвышенной свободы?

Нет, друг мой, я всегда питал
Сии прекрасные желанья,
И сей огонь не угасал
Ни в наслажденьи, ни в страданьи.
И гордый дух мой презирал
Слепую власть очарованья.
Во мне святые чувства живы,
Те чувства к родине любви,
И часто в пламенной груди
Кипят отважные порывы.
Твой друг гордится чувством сим
В стране тиранства, униженья,
К толпе льстецов, к рабам слепым
Бросает гордый взгляд презренья.
Я не склонял главы младой
Перед вельможею надменным,
Не полз презрительной стезей
К рабам, рабами окруженным.
Мой друг, я молод, но видал,
Как льстец, эмблема униженья,
С восторгом рабского забвенья
Любимцев царских след лобзал,
И гордый дух мой замирал
В порывах гневного волненья.

1826 (?)

А. А. ШИШКОВ

Александр Ардальонович Шишков 2-й (1799—1832) был близок с Пушкиным, который ценил его поэтическое дарование (послание «Шишкову» 1816 года). Репутация вольнодумца сопровождала Шишкова всю жизнь, особенно со времени подавления декабристского движения. В 1827 году он пострадал за публикуемое в настоящем издании первое стихотворение. По мнению начальства, автора этих стихов, написанных «в пасквильном, дерзком, злобном и даже возмутительном духе... как опасного человека не следует оставлять без надзора». Было решено держать его «под строгим надзором и не вверять ему в командование роту, пока не заслужит сего усердием и хорошей нравственностью».[1] И в дальнейшем судьба Шишкова складывалась крайне неблагоприятно. Он был убит в Твери при не вполне ясных обстоятельствах. Поэзия Шишкова шла в русле развития декабристской гражданской лирики.[2]

208. ⟨ПОСЛАНИЕ К А. Г. РОТЧЕВУ⟩

...Велико, друг, поэта назначенье,
Ему готов в бессмертии венец,
    Когда живое вдохновенье
    Отчизне посвятит певец,
    Когда его златые струны
    О славе предков говорят,

---

[1] См.: В. Ганцова-Берникова, Отголоски декабрьского восстания 1825 года. — «Красный архив», т. 3 (16), 1926, с. 195—196.

[2] См.: В. Шадури, Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии, Тбилиси, 1951.

Когда от них сердца кипят,
И битвой дышит ратник юный,
И мать на бой благословляет чад.

Души возвышенной порывы
Сильнее власти роковой.
Высоких дум хранитель молчаливый,
Он не поет пред мертвою толпой,
Но избранным приятна песнь Баяна,
Она живит любовь в стране родной,
И с ней выходит из тумана
Заря свободы золотой,
Боготворимой, величавой.
О, пой мне, бард, да с прежней славой
Нас познакомит голос твой;
Но не лелей сограждан слуха
Роскошной лютнею твоей;
Они и так рабы страстей,
Рабы вельмож, рабы царей,
В них нет славян возвышенного духа
И доблести нетрепетных мужей.

Они ползут к ступенькам трона,
Им лесть ничтожная дана.
Рабов воздвигнуть ото сна
Труба Тиртеева нужна,
А не свирель Анакреона...

1826 или
первая половина 1827

209

Когда мятежные народы,
Наскуча властью роковой,
С кинжалом злобы и мольбой
Искали бедственной свободы,
Им царь сказал: «Мои сыны,
Законы будут вам даны,
Я возвращу вам дни златые
Благословенной старины».
И обновленная Россия
Надела с выпушкой штаны.

1826 или 1827

А. Г. РОТЧЕВ

Александр Гаврилович Ротчев (1813—1873) — поэт и переводчик 1830-х годов. В 1820-е годы был близок к кругу околодекабристских поэтов (Полежаев, А А. Шишков и др.), пользовался репутацией вольнолюбивого поэта и долгое время состоял под секретным надзором.

Стихотворение «Твердыню дуба разломил. . .» распространялось в списках и устно. По мнению жандармов, стихи эти «заключают в себе важный смысл, автор в аллегорическом смысле под словом «дуб» разумеет монархию, а под словом «атлет» — вольность или заговор злоумышленников. Смысл последних четырех строк показывает, что они имеют еще надежду на мщение». [1]

210

Твердыню дуба разломил
Атлет бесстрашный — диво света,
Но дуб обломки съединил
И приковал навек атлета.

Знай, гласу вольности святой
Смешно твое ожесточенье
И ты, низвергнутый судьбой,
Сравнишься с демоном в паденье.

1826 или первая половина 1827

---

[1] Цит. по кн.: В. Шадури, Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии, Тбилиси, 1951, с. 122.

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Гавриил Степанович Батеньков (1793—1863) был, приблизительно с 1816 года, близок к декабристским или околодекабристским кругам.

По не вполне ясным причинам его судьба сложилась иначе, чем у других декабристов — приговоренный к каторжным работам, он два десятилетия провел в крепостях (Свартгольм, потом Алексеевский равелин Петропавловской крепости); поэтом он стал лишь в заключении.[1] Впоследствии это стало обычным: никогда ранее не прибегавшие к поэтическому творчеству революционеры в тюрьме начинали писать стихи; возник даже специальный термин «тюремная поэзия».[2]

Поэма «Одичалый» написана в Свартгольмской крепости в Финляндии.

211. ОДИЧАЛЫЙ

Pour lui il n'y a qu'une saison,
celle de la souffrance!

Jacques Arago[3]

1

Я прежде говорил «прости!»
В надежде радостных свиданий,
Мечты вилися на пути
И с ними ряд воздушных зданий.
Там друг приветливый манил,
Туда звала семья родная,
Из полной чаши радость пил,
Надежды светлые питая.

---

[1] См.: А. А. Илюшин, Поэтическое наследство Г. С. Батенькова. — «Вестник Московского гос. университета», филологическая серия, 1966, № 3, с. 34—48.

[2] См.: С. А. Рейсер, Вступ. статья к сб. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 28.

[3] Для него существует только одно время года, это страдание! *Жак Араго* (франц.). — *Ред.*

Теперь «прости» всему навек!
Зачем живу без наслаждений?
Ужель еще я человек?
Нет! .. да! — для чувства лишь мучений!
Во мне ли оттиск божества?
Я ль создан мира господином?
Создатель — благ. Ужель их два?
Могу ль его назваться сыном? ..

Шмели покоятся в дупле,
Червяк в пыли по воле гнется —
И им не тесно на земле:
Им солнце светит, воздух льется,
Им — всё! А мне едва во сне
Живая кажется природа...
Ищу в бесчувственной стене
Отзы́в подобного мне рода.

2

Вон там туман густой вдали
И буря тучами играет;
Вода одна, и нет земли,
Жизнь томно факел погашает.
Вон там на воздухе висит,
Как страшный остов, камень голый,
И — дик и пуст — шумит, трещит
Вокруг трущобы лес сосновый.
Там серый свет,
Пространства нет —
И время медленно ступает...
Борьбы стихий везде там след...
Пустыня в си́ротстве рыдает...
И там уму
В тюрьме тюрьму
Еще придумалось устроить...
Легко ему
Во мраке — тьму,
В теснине — тесноту удвоить!
Там пушек ряд,
Там их снаряд;
При каждом входе часовые.

Кругом крутят,
Кругом шумят
Морские волны лишь седые.
Куда пойти?
Кому прийти
Сюда без ведома смотрящих?
И как найти
К родным пути,
Где даже нет и приходящих?

Всё это *там,* друзья, для вас —
И редко вам на мысль приходит...
Всё это *здесь,* друзья, для нас:
Здесь взор потухший лишь находит
Пространство в нескольких шагах,
С железом ржавым на дверях,
Соломы сгнившей пук обшитый
И на увлаженных стенах
Следы страданий позабытых.

Живой в гробу,
Кляну судьбу
И день несчастного рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь рабу
Зачем вдохнула из презренья?

8

Скажите: светит ли луна?
И есть ли птички хоть на воле?
Им дышат ли зефиры в поле?
По-старому ль цветет весна?
Ужель и люди веселятся?
Ужель не их — их не страшит?
Друг другу смеет поверяться,
И думает, и говорит?
Не верю. Всё переменилось:
Земля вращается, стеня,
И солнце красное сокрылось...
Но, может быть, лишь для меня!

4

Вон там весной
Земли пустой
Кусок вода струей отмыла.
Там глушь: полынь и мох густой —
И будет там моя могила!
Ничьей слезой
Прах бедный мой
В гробу гнилом не оросится,
И на покой
Чужой рукой
Ресниц чета соединится.

Не урна скажет, где лежит
Души бессмертной бренна рама;
Не пышный памятник стоит,
Не холм цветистый — влажна яма.
Кто любит, не придет туда;
Родной и друг искать не будет
Ко мне заросшего следа;
Его могильщик позабудет.
Здесь имя — в гробовую тьму. . .
Добра о нем уже не скажут —
И с удовольствием к нему
Враги одно лишь зло привяжут.
Погибли чувства и дела,
Всё доброе мое забыто,
И не осмелится хвала
Мне приписать его открыто.

Довольно раз
К цепям у нас
Себе позволить отвращенье,
Сказать. . . поднять чело на час —
И расклокочется гоненье. . .

Кукушка стонет, змей шипит,
Сова качается на ели,
И кожей нетопырь шумит —
Вот песнь кругом сырой постели.
Песок несется, ил трясется,

Выходит пар из мокроты,
И ржавый мох в болоте ткется —
Вот мне приветные цветы!
Придет холодный финн порой —
И, в сердце страх один имея,
Смутится самой тишиной
И скажет: «Здесь приют злодея —
Уйдем скорей, уж скоро ночь.
Он чудится и в гробе смутой. . .»
С колом в руках, в боязни лютой,
Крестясь, пойдет оттоле прочь.

О люди, знаете ль вы сами,
Кто вас любил, кто презирал,
И для чего, под небесами,
Один стоял, другой упал?
Пора придет: не лживый свет
Блеснет — всем будет обличенье. . .
Нет! не напрасно дан завет,
Дано святое наставленье,
Что бог — любовь; и вам любить
Единый к благу путь указан. . .
И тот, кто вас учил так жить,
Сам был гоним, сам был наказан. . .
Но чем то сердце будет здесь,
Которое любить умело
И с юных лет уже презрело
Своекорыстие и спесь?
Что будет око прозорливо,
Которое земли покров
Так обнимало горделиво
И беги мерило миров?
Что будет череп головной,
Разнообразных дум обитель?..
Земля смешается с землей,
Истлит всё время-истребитель!
Но скоро ли? Как для меня
Желателен конец дыханья!
Тлен благотворного огня
Сулит покой, конец страданья!
Но, други, в этот самый час,
Как кончу я мой путь печальный,

Быть может, трепет погребальный
Раздастся в сердце и у вас —
Иль меж душами нет сношений
И чувство чувство не поймет?
Ненужный вам для наслаждений,
Равно — живет иль не живет?
            Ужель себя
            Одних любя,
Во мне лишь средство веселиться
Искали вы и, не скорбя,
Могли навек со мной проститься?
            И крови глас
            Ужели вас
Ко мне порой не призывает?
И дружбы жар в «прости» погас —
И стону хохот отвечает?..

Пусть так. Забытый и гонимый,
Я сохраню в груди своей
Любви запас неистощимый
Для жизни новой после сей!
Вкушайте, сильные, покой,
Готовьте новые мученья:
Вы не удушите тюрьмой
Надежды сладкой воскресенья!
Бессмертие! В тебе одном
Одна несчастному отрада:
Покой — в забвеньи гробовом,
Во уповании — награда.
Здесь всё как сон пройдет. Пождем —
Призывный голос навевает, —
Мы терпим, бремя мук несем,
Жизнь тихо теплится — и тает...

1827

Н. Ф. ЛУШНИКОВ

Сын симбирского землемера Николай Федорович Лушников (1809—?) входил в тайное общество братьев Критских.[1] Написанные им стихотворения весной 1827 года распространялись среди студентов и офицеров Москвы. Лушников с 1828 до 1834 года был в заключении в ряде крепостей, в ревельских арестантских ротах, в Оренбургском гарнизоне и пр. С 1841 года — он в гражданской службе, в 1847 году — вышел в отставку.[2] Последующие факты его биографии неизвестны.

212. МЕЧТЫ

В жилище грозного тирана
Всё запустело, всё молчит;
Лишь вещий крик ночного врана
Ему песнь гибели звучит...
Упьется месть в крови злодея,
Мне голос сердца говорит, —
И терем страшный, запустея,
Как башня рухнув, загремит!

---

[1] Об этой первой последекабристской организации см.: М. К. Лемке, Тайное общество братьев Критских. — «Былое», 1906, № 6, с. 41—57; новейшие материалы см.: Л. И. Насонкина, К вопросу о революционном движении студенчества Московского университета. Кружок студентов Критских. 1827. — «Вестник Московского гос. университета», 1953, № 4, с. 153—164.

[2] См.: Л. А. Мандрыкина, После 14 декабря 1825 г. (Агитаторы конца 20-х — начала 30-х годов). — Сб. «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», М.—Л., 1951, с. 228; ср. «Литературное наследство», № 60, М., 1956, с. 397—398.

Звезда свободы оживит
Родную сторону мою.
Но что? Увы! — мечта летит;
А я сижу — и слезы лью.

Весна 1827

213. ПЕСНЬ РУССКОГО

Слишком долго мрак убийственный
Мою душу омрачал,
Слишком долго рок таинственный
Меня в жертву назначал.
Но при слове «гибнет родина!»
Загорелось сердце русского,
Как воинственный дух воина
Пред толпами войска прусского.
Казнь позорная свершилась
Над великими сынами,
И Россия подклонилась
Вместе с жалкими рабами
Под тяжелый скипетр тира́ний.

Весна 1827

214

Друзья, нерусский нами правит,
Нормандец нам подаст закон,
Он Русь святую так бесславит,
Как обесславлен теперь он.
Да свергнет бог с него корону,
Пришлец он низкий — он немчин,
Пусть русские падут к Романову закону,
Ему ль носить столь знатный чин?
Да водворится в нас свобода!
Пусть рабства цепь не тяготит
Издавна славного народа,
Привыкшего своих любить.

Весна 1827

А. И. ОДОЕВСКИЙ

Александр Иванович Одоевский (1802—1839) за участие в восстании декабристов был приговорен к 12-летней каторге, которую (в 1826—1832 годах) отбывал в Сибири. Большая часть стихотворений была написана Одоевским после ареста. Разнообразные по тематике, они все объединяются темой народа и думами о его развитии и судьбе. Поэтом декабристской каторги Одоевский по праву вошел в сознание читателей. Его стихи заучивались наизусть, переписывались и перекладывались на музыку.

Стихотворения Одоевского до нас дошли, как можно предполагать, не все: есть сведения, что он участвовал в стихотворной пропагандистской деятельности Рылеева — Бестужева стихотворением «Безжизненный град».[1] Сосланные в Сибирь декабристы очень ценили его стихотворения; в начале 60-х годов они проникли за границу и через сборники «Русская потаенная литература...», «Собрание стихотворений декабристов» и другие стали популярны у нового, молодого поколения. При этом в обиход вольной поэзии вошли и такие его стихотворения, которые к тому времени были легально напечатаны в России (например, «Славянские девы» в «Русской беседе» 1859 г.). Стихотворение «Струн вещих пламенные звуки...» — одно из наиболее популярных в революционном репертуаре вольной поэзии; особенно важной в нем была идея преемственности революционной борьбы. Строку «Из искры возгорится пламя» в 1900 г. В. И. Ленин использовал в качестве эпиграфа к газете «Искра».

Кроме перепечатываемых в настоящем сборнике в списках встречается еще стихотворение Одоевского «По дороге столбовой...» (1831?), легально напечатанное в России в 1859 году, — к вольной поэзии оно отношения не имеет.

---

[1] См.: М. А. Брискман, Вступ. статья к сб. А. И. Одоевский, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1958, с. 13.

215

Тебя ли не помнить? Пока я дышу,
Тебя и погибшей вовек не забуду.
Дороже ты в скорби и сумраке бурь,
Чем мир остальной при сиянии солнца.
Будь вольной, великой и славой греми,
Будь цветом земли и жемчужиной моря,
И я просветлею, чело вознесу,
Но сердце тебя не сильнее полюбит:
В цепях и крови ты дороже сынам,
В сердцах их от скорби любовь возрастает,
И с каждою каплею крови твоей
Пьют чада любовь из живительных персей.

1827 или 1828 (?)

216. ТРИЗНА

Ф. Ф. Вадковскому

Утихнул бой Гафурский. По волнам
    Летят изгнанники отчизны.
Они, пристав к Исландии брегам,
    Убитым в честь готовят тризны.
Златится мед, играет меч с мечом...
    Обряд исполнили священный,
И мрачные воссели пред холмом,
    И внемлют арфе вдохновенной.

Скальд

Утешьтесь о павших! Они в облаках
Пьют юных Валькирий живые лобзанья.
Их чела цветут на небесных пирах,
Над прахом костей расцветает преданье.
Утешьтесь! За павших ваш меч отомстит.
И где б ни потухнул наш пламенник жизни,
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны.

1828

217

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
И — лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!

Конец 1828 или начало 1829 (?)

218

Недвижимы, как мертвые в гробах,
Невольно мы в болезненных сердцах
Хороним чувств привычные порывы;
Но их объял еще не вечный сон,
Еще струна издаст бывалый звон,
Она дрожит — еще мы живы!

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!

И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите: на Висле брань кипит! —

Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
    В спасенье русскому народу.

Мы братья их!.. Святые имена
Еще горят в душе: она полна
Их образов, и мыслей, и страданий.
В их имени таится чудный звук:
В нас будит он всю грусть минувших мук,
    Всю цепь возвышенных мечтаний.

Нет! В нас еще не гаснут их мечты.
У нас в сердца их врезаны черты,
Как имена в надгробный камень.
Лишь вспыхнет огнь во глубине сердец,
Пять жертв встают пред нами; как венец,
    Вкруг выи вьется синий пламень.

Сей огнь пожжет чело их палачей,
Когда пред суд властителя царей
И палачи и жертвы станут рядом...
Да судит бог!.. А нас, мои друзья,
Пускай утешит мирная кутья
    Своим таинственным обрядом.

13 июля 1831

А. Н. КРЕНИЦЫН

Забытый в настоящее время поэт Александр Николаевич Креницын (1801—1865) редко выступал в печати, и большинство его стихотворений «остались ненапечатанными и ходили по рукам».[1]

Креницын учился в Благородном пансионе (впоследствии 1-я Петербургская гимназия), затем в Пажеском корпусе, откуда он был в 1820 году исключен за оскорбление гувернера и разжалован в рядовые. Но действительной причиной исключения была ходившая по рукам в столице поэма «Панский бульвар», в которой зло осмеивались многие видные деятели тех лет, — текст этого памфлета пока не разыскан.

Имя Креницына, на основании показаний декабриста А. С. Гангеблова, сообщившего, что Креницын был главою тайного общества пажей, было внесено в Алфавит декабристов. Однако сообщение Гангеблова ничем не подтвердилось, и «комиссия оставила сие без внимания».[2]

В 1823 году Креницын был произведен в первый офицерский чин прапорщика, а в 1828 году вышел в отставку подпоручиком и поселился в своем имении Мишнево Псковской губернии. Здесь у него бывал Пушкин.

В Пажеском корпусе Креницын подружился с Баратынским, который в 1819 году обратился к нему со стихотворением «К Креницыну» («Товарищ радостей младых. . .»). Он был дружен с поэтом В. И. Соколовским (см. с. 423), декабристом Ф. Ф. Вадковским (см. с. 604), был знаком с А. А. Бестужевым (см. его стихотворение «К К⟨реницын⟩у»), — все это характерные и значительные имена.

Литературная деятельность Креницына началась, по-видимому, в 1818 году. 2 февраля 1820 года на заседании «С.-Петербургского

---

[1] «Русский биографический словарь», том: «Кнаппе — Кюхельбекер», СПб., 1903, с. 426.

[2] «Восстание декабристов», т. 8, Л., 1925, с. 104.

вольного общества любителей российской словесности» было читано и одобрено его стихотворение «К Лиле».[1]

По выходе в отставку Креницын, изредка выезжая за границу и бывая в столице, составил себе великолепную библиотеку. От всякой общественной деятельности он уклонялся и лишь в 1850—1854 годах состоял предводителем дворянства Холмского уезда (Псковской губернии); как видно из неопубликованного стихотворения «Париж и Холм», этого рода деятельность его угнетала.

Креницын писал стихи всю жизнь. Только посмертно, в 1865 году, М. И. Семевский смог опубликовать (с купюрами) его стихотворение 1837 года, посвященное памяти Пушкина,[2] — оно, единственное, не раз перепечатывалось и сохранило имя Креницына от полного забвения.[3]

Впервые публикуемое здесь стихотворение «А. А. И — у», очевидно, обращено к близкому человеку. Только к тому, к кому испытываешь полное доверие, можно было обратиться с просьбой прислать *рукописи* певца Наливайки, упоминать о дне свободы, которого ждал недавно казненный поэт. Не боясь ошибиться, можно раскрыть криптонимы адресата стихотворения. Это — А. А. Ивановский.

Страстный любитель литературы, Андрей Андреевич Ивановский (1791—1848) был в приятельских отношениях с Рылеевым, Грибоедовым, А. А. Бестужевым, Ф. Н. Глинкой, который посвятил ему написанную в ссылке, в Олонце, поэму «Дева Карельских лесов».

С 1818 года Ивановский — член-корреспондент «Вольного общества...», того самого, с которым был связан и Креницын.[4]

В 1826 году Ивановский был назначен делопроизводителем следственной комиссии по делу о восстании 14 декабря. По-видимому, он оказывал своим арестованным друзьям некоторые, возможные в его положении, услуги.[5] После казни Рылеева он взял себе его рукописи. О них и пишет Креницын: значит, Ивановский испытывал к нему такое доверие, что поделился с ним своей тайной. Рукописи эти всплыли на поверхность совершенно случайно, через шестьдесят лет.

---

[1] В. Г. Базанов, Ученая республика, М.—Л., 1964, с. 372.

[2] «Отечественные записки», 1865, № 8, с. 286—287.

[3] О Креницыне см.: М. Н. Михайлова, Забытый поэт (А. Н. Креницын). — «Вопросы истории», 1968, № 8, с. 217—218. В этой статье упомянуты также остающиеся неизвестными стихи на восстание декабристов.

[4] В. Г Базанов, Ученая республика, с. 337.

[5] См.: М. В. Нечкина, А. С. Грибоедов и декабристы, М., 1947, с. 487, 578.

В 1828 году Ивановский издал в Петербурге альманах «Альбом северных муз», в котором приняли участие виднейшие писатели тех лет. Круг участников альманаха косвенно свидетельствует о том, что современники не осуждали Ивановского за его недавнюю должность.

Все эти данные позволяют себе представить идейный облик основательно забытого поэта, наследие которого не собрано и даже библиографически не объединено.

219. ЕГО НЕТ ДОМА

В Петербурге нет царя,
Нет и беспорядкам меры...
И на дрожках писаря,
И в фуражках офицеры...

Явно режет штосс игрок,
Гласно щеголь понтирует,
И кует рубли крючок,
И мыслете поп рисует.

Кой-где светят фонари,
И запущены бульвары...
В кабаках пономари,
А на улицах сигары!

И, хватая всё и всех,
Тут сидит квартальный в ложе.
Вот и грации утех
Здесь торчат в театре тоже.

Церкви бегают ханжи,
Позабыли стыд корсеты...
И с шалуньями пажи,
И с повесами кадеты.

10 сентября 1828

220. А. А. И⟨ВАНОВСКОМ⟩У, ОБЕЩАВШЕМУ МНЕ НЕСКОЛЬКО РУКОПИСЕЙ К. Ф. РЫЛЕЕВА

Сосед достойный, дорогой,
Моей солдатской балалайки
Склони ты слух на звук простой. . .
Дай мне насытиться душой
Певцом бессмертным Наливайки!

Порадуй голосом меня,
Сего карателя злодеев. . .
Твоим сокровищем ценя,
Я жду его, как ждал Рылеев
Свободы радостного дня!

25 июня 1829

221. СЕСТРЕ Н. Н. К⟨РЕНИЦЫНО⟩Й, ПРОСИВШЕЙ У МЕНЯ СТИХОВ В АЛЬБОМ

Нет, не до песен мне, сестра,
Когда поэт, кумир народный,
Еще под лаврами *вчера*,
Увы! *сегодня* труп холодный.

Могу ль я слезы удержать,
Певца Полтавы вспоминая? . .
И как не плакать, не рыдать,
Когда рыдает Русь святая!

О, сколько сладостных надежд,
И дум заветных, и видений
На радость сильных и невежд
Ты в гроб унес, могучий гений!

Во мраке ссылки был он тверд,
На лоне счастья благороден.
С временщиком и смел и горд,
С владыкой честен и свободен. . .

Так, Пушкин, именем твоим
Гордиться русский вечно будет;

Кого ж теперь мы слепо чтим,
Потомство скоро позабудет.

И кто ж убийца твой? Пришлец,
Барона пажик развращенный,
Порока жалкий первенéц,
Француз продажный и презренный.[1]

Да будет проклят он, француз,
Да будет проклят миг кровавый,
Который нас лишил и муз,
И лучшей радости, и славы.

Рабы! Его святую тень
Не возмущайте укоризной...
Он вам готовил светлый день,
Он жил свободой и отчизной...

Высоких мыслей властелин,
Мицкевичу в полете равен,
И как поэт и гражданин
Он был равно велик и славен.

И нет его! В могиле он,
Уж нет народного кумира...
Поэта непробуден сон,
Замолкла пламенная лира.

10 февраля 1837

---

[1] Приемыш барона Геккерена, бывшего посланника Голландии при Петерб⟨ургском⟩ дворе, Дантес — сын Карла X.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

В изданиях вольной русской поэзии Михаил Юрьевич Лермонтов (1814—1841) представлен, не считая поэмы «Демон»,[1] семью стихотворениями; это прежде всего «Смерть поэта», затем «Жалобы турка», «Новгород», «Примите дивное посланье...» и «Прощай, немытая Россия...». Если первое стихотворение в самый короткий срок облетело всю Россию, то другие вошли в рукописные сборники стихотворений гораздо позже — с конца 1840-х — начала 1850-х годов. Еще несколько стихотворений были использованы в революционной пропаганде (например, «Поэт», «Предсказание», «Как часто, пестрою толпою окружен...», «30 июля ⟨Париж⟩ 1830 года» и некоторые другие), хотя и не получили распространения в списках.

Стихи Лермонтова были действенным фактором революционной агитации, особенно во второй половине 1850-х годов. Радикально настроенного читателя они привлекали мятежным пафосом отрицания и демократическими нотами. «Лермонтов, умевши постичь недостатки современного общества, — писал о нем в 1858 году Н. А. Добролюбов, — умел понять и то, что спасение от этого ложного пути находится только в народе».[2]

222. ЖАЛОБЫ ТУРКА

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые как камень?

---

[1] Списки этой поэмы были широко распространены в различных, не всегда сходных редакциях. Первое полное издание вышло в Карлсруэ в 1856 г., полная публикация в России относится к 1860 г.

[2] «О степени участия народности в развитии русской литературы». — Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1962, с. 263.

Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! Этот край... моя отчизна!

P. S. Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — Все мы человеки!..

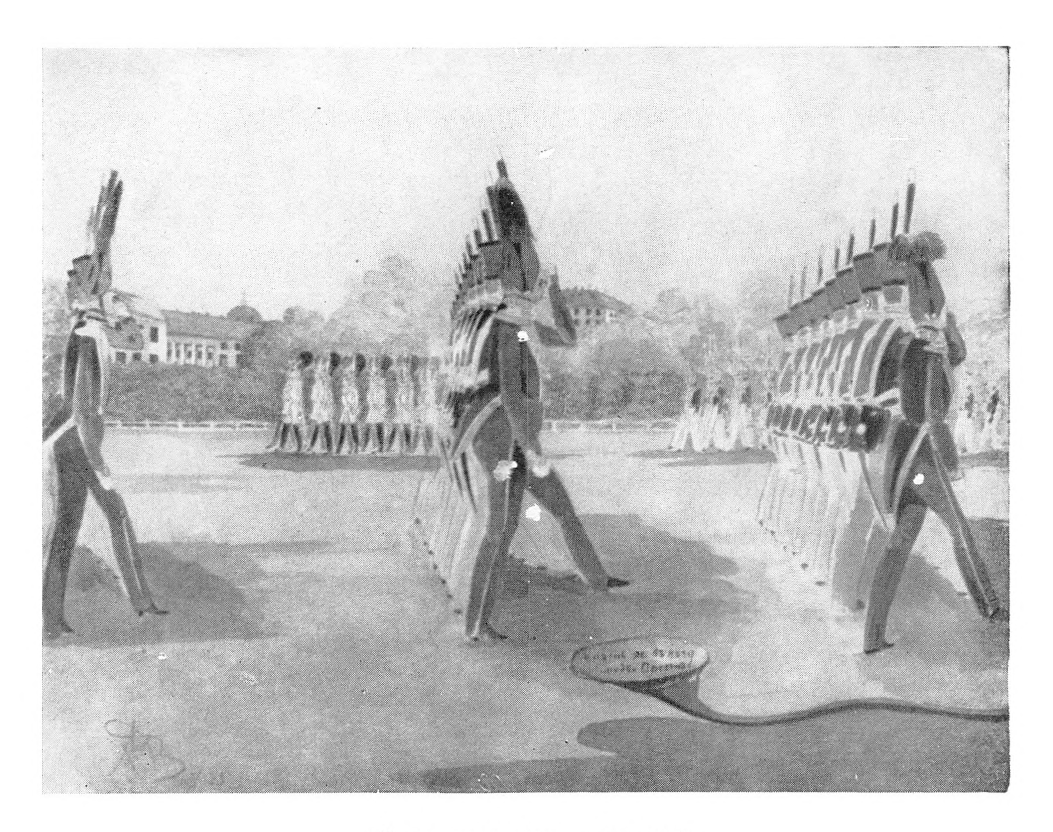
1829

223. 30 ИЮЛЯ. ⟨ПАРИЖ⟩ 1830 ГОДА

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. Ты полагал
Народ унизить под ярмом,
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей,
Провозгласил он твой конец:
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

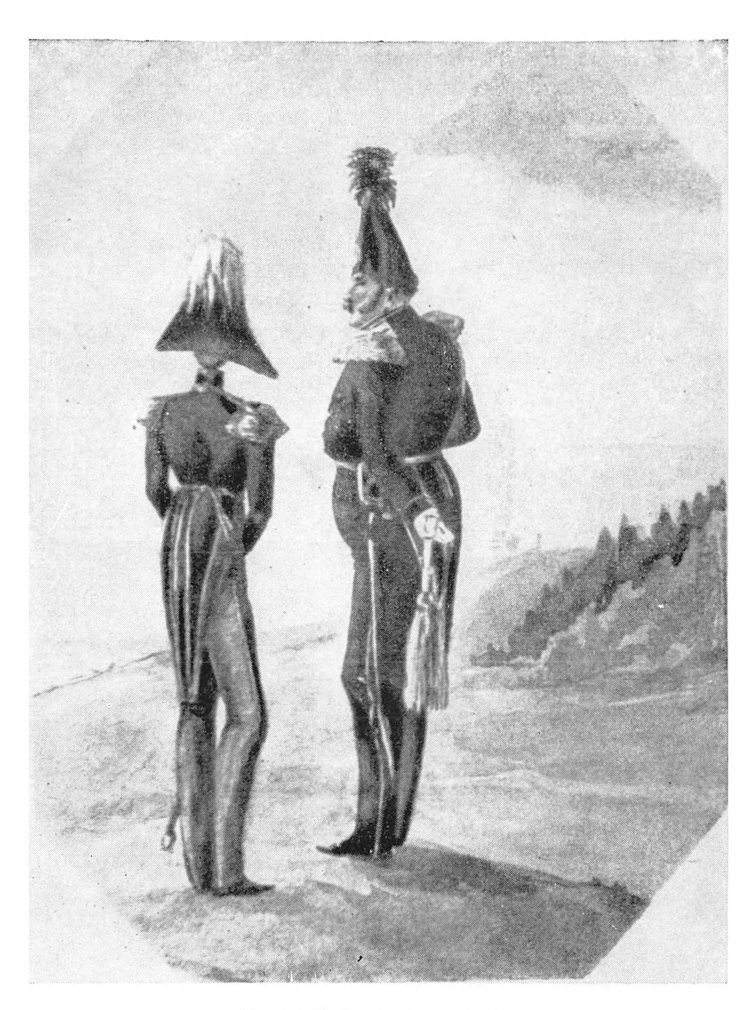
И загорелся страшный бой;
И знамя вольности как дух
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь гражда́н?

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы

«Опять не в ногу — под суд!»

Карикатура А. Заранека

Николай I с адъютантом

И их подымет судия...
Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..

Глупец! что́ будешь ты в тот день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призра́к, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
«Он виноват! он виноват!»

Август 1830

224. НОВГОРОД

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Всё то, к чему теперь ваш дух летит.

3 или 13 октября 1830

225. ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек, —

В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! Твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

1830

226. 10 ИЮЛЯ ⟨1830⟩

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны.
И снова знамя вольности кровавой
Явилося, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.

. . . .

1830

227. К***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;

Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.

1830 или 1831

228

Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженье
И столько гордых душ увлек в свое паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?
. . . .

Август 1832

229. СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. К чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?

Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. Издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что́ он руку поднимал!..
И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него;
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:

Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

29 января — начало февраля 1837

230

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Конец апреля 1841 (?)

Фамилия автора этой басни указана в публикации «Русской старины». Имя и отчество предположительно устанавливаются по «Общему морскому списку». В 1828—1829 годах, когда была написана эта сатира (по случаю назначения А. С. Меншикова начальником морского штаба), поручик Василий Алексеевич Доводчиков состоял адъютантом инспектора ластовых экипажей. Он умер в 1831 году; другие сведения неизвестны. Видимо, нет оснований отождествлять автора этой басни с незначительным поэтом 1840-х годов К. Доводчиковым, сотрудником «Библиотеки для чтения» 1845 года и других изданий.

Адресат сатиры — светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков (1787—1869), известный в 1820-е годы в качестве дипломата, — никакого отношения к морскому делу не имел, и его неожиданное назначение вызвало много недоуменных толков.

231. МЕДВЕДЬ И БОБРЫ

Давно у нас твердят в народе,
Что Мишка прост, и добр, и не лукав;
Но я смотрю не на породу,
Хотя, быть может, я неправ.

---

[1] «Общий морской список», ч. 10, СПб., 1898, с. 59. В «Русской старине» (1882, № 6, с. 795) сообщено, что автор умер около 1873 г. Это, вероятно, ошибка. Во всяком случае, указанные в том же издании другие Доводчиковы — Алексей, Михаил и Петр Александровичи — не подходят по возрасту — они кадеты с 1828, 1823 и 1833 гг., т. е. мальчики в возрасте десяти с небольшим лет.

Чтоб доказать мое предположенье,
Пример представлю я на ваше рассужденье.
Не помню, где
Лукавый Мишка жил, и, кажется, близ моря;
Он вырос нá суши, — кажись бы, о воде
Ему нет ни забот, ни горя;
Да случай иначе привел,
Затем что Мишенька с бобрами дружбу свел.
Случайно как-то он, вдоль берега слоняясь,
Открыл селение бобров,
И хоть смотрел на всё как будто улыбаясь,
Да замысел его давно уж был готов:
Взять в лапы добрых простяков,
Возвыситься, — а там и был таков.
Поближе подойдя, он с ними речь заводит
О том,
Что труд их в удивление его приводит;
Потом,
Что будто бы ему и странно, и смешно,
Зачем они лишь попусту трудятся,
Что воздаяния никак им не дождаться
И даже им роптать нисколько не грешно;
Что, впрочем, близкое со Львом соседство
Подаст ему, конечно, средство
Довесть до сведенья царя,
Как, пламенно к нему усердием горя,
Вполне они достойны награждений
За тяжкие труды и множество лишений.
Бобры,
И просты и добры,
Тотчас к нему явились с предложеньем
Взять попечение над бедным их семейством
И убедить верховну власть
Привесть в порядок их расстроенную часть.
И тотчас Мишенька, по воле
Царя лесов,
Министром сделан у бобров.
И знатен, и счастлив в своей стал новой доле,
Но их не зная нужд,
Потребностей и горя,
Как зверь лесной всегда был чужд
Он моря,

И, думая лишь о себе самом,
Прослыл у Льва полезным он вельможей.

Теперь вы согласитесь в том:
На Мишеньку кто в басне здесь похож?
Слыхал я, будто бы не только у зверей,
Но даже у людей
Министров видим мы подобных,
Ко благу вверенной им части неспособных.

1829

С. И. СИТНИКОВ

Московский дворянин, штабс-капитан генерального штаба Степан Иванович Ситников (1800—1837) был арестован в Казани в августе 1831 года.

На следствии, которое производилось специальной военно-судной комиссией в Петербурге, выяснилось, что Ситников с февраля 1830 и по июнь 1831 года под именем донского казака Иловайского разослал в 14 городов России около 40 стихотворных прокламаций. Суд приговорил Ситникова к четвертованию, а его произведения к публичному сожжению на площади. «Осужден, — сказано в приговоре, — за составление и рассеяние по разным местам империи пасквилей и возмутительных писем, которыми старался воспламенить и подвинуть мирных граждан к измене, мятежу и убийству для ниспровержения законной власти».[1] По решению Николая I, Ситников был заключен в Шлиссельбургскую крепость, где и умер.

Столь суровое наказание объясняется тем, что власти яростно искореняли остатки недавнего «возмущения». Ситников не скрывал своих симпатий к декабристам. Летом 1825 года он был в Тульчине (там находился штаб 2-й армии и там же была директория Южного общества, возглавлявшегося Пестелем). Ситников был уличен в том, что распространял оду «Вольность» Пушкина, вел «вольные разговоры с молодыми офицерами». Современные исследователи установили, что круг знакомств Ситникова связан с околодекабристскими организациями и что за действиями этого одиночки (может быть, человека не вполне нормального) «стояли случайно оставшиеся на свободе члены „Общества соединенных славян“, пытавшиеся в 1830 году возродить прежние традиции. Возможны и другие политические связи, берущие свое начало в польском „Патриотическом обществе“».[2]

Наивные, неумелые, но злые стихи Ситникова явственно продолжают традицию гражданской оды. Одно стихотворение приписывается Ситникову предположительно.

---

[1] В. Г. Базанов, Казанский агитатор штабс-капитан С. И. Ситников и его «возмутительные бумаги». — Сб. «Вопросы славянской филологии», Саратов, 1963, с. 242.

[2] Там же; ср. Л. А. Мандрыкина, После 14 декабря 1825 г. Агитаторы конца 20-х — начала 30-х годов. — Сб. «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», М.—Л., 1951, с. 221—241; см. также: Элиес, Дело Ситникова. — «Голос минувшего», 1917, № 7-8, с. 105—123.

232. ПОСЛАНИЕ К САМОЗВАНЦУ ГОЛШТЕЙН-ГОТТОРПУ, ЧТО БЕССТЫДНО РОМАНОВЫМ СЕБЯ НАЗЫВАЕТ

Донецк, 1830, декабря 24

О Николай, не мни,
Что кто-либо из сей земли
Славян тебя хоть сколько любит,
Но верь, что, кроме подлецов и злых глупцов,
Весь род славян тебя в душе лишь губит
И чтит тебя лишь чухон сброд,
Тебя достойный, — твой народ.
Не мни, чтоб ты был чем велик:
Твои дела не слава трубит,
Но купленный бродяг язык
В журналах подлых, искаженных,
Где истины ни капли нет.
И всяк тех мыслей несомненных,
Что аду дал ты в том обет,
Чтоб точно истребить славянски племена,
Чтобы навеки всяких прав
Россия навсегда тобой быв лишена,
Познала бы один твой подлости устав:
Отчизне не служа, тебя боготворить,
Друг друга лишь губить,
И себялюбья адский дар
Внушить ты алчешь всем в сердца!
Но верь, узнали подлеца —
И истина весь мрак дурачества прогнала,
И русская земля тебя уж поняла,
Любви к отечеству проснулся уже жар,
Свободы вечевой алкают россияне,
И скоро загремят славянские граждане,
И скоро треснешь ты, тиран,
С своей подлейшею немчурой;
Убийца дерзостный граждан,
С своей мерзейшею чухною,
Падешь, злодей! Невинна кровь
Рылеева уж возопила!..
И тень его славянам вновь
Права сердцам их возвестила!
Падешь от грома славян-россов,
Падешь среди заздравных тостов,

Падешь от молнии славян,
Падешь от вечевых граждан,
Соединенных за права,
Что попраны царями злыми,
Неправдами их вековыми
И вероломством твоих дел!..
Но час твой роковой приспел!..
Падешь, злодей, уверься в том;
Тебе газеты не помогут,
Ни дар твой подлых орденов,
За трусость немцам что дается,
Ни лживый бред твоих певцов,
На рынках лишь что раздается,
Что нанят горстью серебра
И чуждый всякого добра,
Ни льстивый, подлый, злобный глас
Твоих пустых благоволений,
Ни меч военных поселений,
Ни манифесты не возмогут
Сердец славянских изменить:
Соделать россов подлецами,
Себялюбивыми льстецами,
И вере бога изменить!
«Христос велел любить друг друга,
Всем братьями на свете жить,
Всем равными и в дружбе быть!» [1]
И тот ходил, кто век у плуга,
Имел всегда славян права,
Держался веры и добра,
Был гражданином почитаем
И не был братом продаваем,
Как пес, баран или овца,
Как (божья не боясь лица)
Теперь помещики-славяне,
Забыв и долг и честь гражда́н,
Брат брата продавать стремятся,
Ни совести своей, ни веры не боятся!
И кто из них хотел попрать

---

[1] См. Евангелие св. Матвея, глава 23, стих 9, 10, 11 и 12; св. Марка, глава 9, стих 34, 35 и 36; св. Луки, глава 22, стих 19, 20, 24, 25, 26, 27.

Права сей сатанинской власти,
В Сибирь ты стал их отправлять,
И вешать их, и, действуя по страсти,
Законы все, права попрал;
Сам с братом их ты осуждал,
Презрел Наказ Екатерины:
«Что может всяк судей сменять,
Три раза их переменять,
Имея разные причины».
Ты ж клятву дал лишь продолжать
Нам царствие Екатерины! [1]
В чем клятву дал тож Александр!
Но Новгород правленье вечевое
Близ десяти веков имел,
Любовию к стране своей он пламенел,
В нем каждый гражданин имел свои права,
И жил в сердцах их Егова, —
Свободен был под сению закона,
Любил Христа, не зная сатанинска трона.
Псков также счастлив был,
Имев правленье вечевое,
Посадников своих любил.
И самый Дон под сенью прав,
Ермак донцам что приобрел,
Имел правленье вечевое!
Он атаманов сам свободно выбирал,
Врагов своих повсюду побеждал,
И счастие свое прямое
В правах избранья он нашел, —
Свободен был лишь до тех пор
С своим правлением, всегда благополучным,
С донской свободой неразлучным,
Покуда злой царей собор
Права донцов досель попрал.

Переписывал протоиерей Иванов.
Сочинял каз⟨ак⟩ донской Иловайский.
Старобельск, ноября 1830

---

[1] Следовательно, ты подлый клятвопреступник и первый мятежник противу всего святого, которое выше тебя, злодей!

С. И. Ситников (?)

233. ПОСЛАНИЕ РЫЛЕЕВА К ЖЕНЕ СВОЕЙ ИЗ ТЕМНИЦЫ

Ты хочешь, милая жена,
Чтоб я всегда тебя любил,
Так будь гражда́нам ты верна, —
За них поборник сам бог-сил!
Тот бог, что создал смертных род,
Что молнией — громами правит,
Что создал равным свой народ,
Что сатана тиранством давит.
Един деспо́т есть сатана,
Един он ад самовластный,
Христос, дух божий, Егова,
Бог неба — равно ипостасный! . .
И гласу истины святой
Пусть всякий христианин внемлет,
И к аду шествовать тропой —
Сей путь пусть эгоист приемлет,
Но грянет гром, и сатана
Погрязнет в тартар с эгоизмом,
И воссияет Егова
Над поверженным деспотизмом.

1826 или 1827 (?)

Е. П. РОСТОПЧИНА

Поэтесса, беллетрист и драматург графиня Евдокия Петровна Ростопчина (урожденная Сушкова, 1811—1858) в молодости вращалась в кругах, где сочувствовали декабристам. В ранних стихотворениях «Мечта» и «К страдальцам» она воспела их подвиг.

Наиболее значительным для вольной поэзии произведением Ростопчиной была ее баллада «Насильный брак», где в замаскированной форме изображалось угнетение Польши — ее «насильный брак» с императорской Россией. «Насильный брак» появился в печати — в газете «Северная пчела» — вследствие недосмотра редакторов и цензуры, не заметившей, что в балладе изображается угнетение царской Россией Польши. Есть сведения, что Ростопчина прочитала написанную за границей балладу Гоголю, который будто бы сказал: «Пошлите в Петербург: не поймут и напечатают. Чем хотите ручаюсь». [1]

В дневнике А. В. Никитенко от 5 января 1847 года передано впечатление, произведенное публикацией баллады: «Суматоха и толки в целом городе. ...Кажется, чего невиннее в цензурном отношении? И цензура и публика сначала поняли так, что графиня Ростопчина говорит о своих собственных отношениях к мужу, которые, как всем известно, неприязненны. Удивляюсь только смелости, с какою она отдала на суд публике свои семейные дела, и тому, что связалась с «Северной пчелой». Но теперь оказывается, что барон — Россия, а насильно взятая жена — Польша. Стихи действительно удивительно подходят к отношениям той и другой, и, как они очень хороши, то их все твердят наизусть... Кажется, нельзя сомневаться в истинном значении и смысле стихов... Цензура ждет грозы». [2]

---

[1] Н. В. Берг, Графиня Ростопчина в Москве. Отрывки из воспоминаний. — «Исторический вестник», 1893, № 3, с. 694.

[2] А. В. Никитенко, Дневник, т. 1, ⟨Л.⟩, 1955, с. 299—300.

За это стихотворение Ростопчину постигла царская опала. Номера «Северной пчелы» из библиотек, читален и фесторахий изымались. Поэт и верноподданный чиновник кн. А. С. Голицын (1789—1858) ответил поэтессе стихотворением «Суд вассалов» (другое заглавие «Ответ одного из вассалов»), а третьестепенный поэт Е. П. Рудыковский (1786 — после 1856) — нелепыми полемическими стихами, как бы развивающими отдельные темы стихотворения.[1] Все эти стихотворения также распространялись в списках. Вполне возможно, что ответ Голицына был инспирирован III Отделением.[2] Полемика продолжалась стихотворением неизвестного — «Ответ старого вассала», а завершилась самой Ростопчиной: ее «Дума вассалов» (1853) характеризует переход поэтессы на гораздо более умеренные позиции.

Чернышевский в рецензиях на «Стихотворения» Ростопчиной (т. 1, 1856 и т. 2, 1857) и Добролюбов в рецензии на роман «У пристани»[3] вскрыли идейную бедность и ограниченность содержания ее творчества. В 1857 году Ростопчина, примкнув к реакционному лагерю, написала злобную сатиру «Простой обзор», три строфы которой были направлены против Герцена. Они не вошли в печатный текст, но вскоре стали известны в Лондоне.[4] Н. П. Огарев ответил Ростопчиной стихотворением «Отступница», а Ростопчина снова задела Герцена и Огарева в стихотворном памфлете «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году».

Кроме названных стихотворений, с именем Ростопчиной в вольной поэзии известно стихотворение «Пускай в России нет дворян. . .» — его принадлежность Ростопчиной вероятна, но не доказана.

---

[1] «Киевская старина», 1892, № 5, с. 212—217.

[2] В. С. Киселев, Поэтесса и царь. — «Русская литература», 1965, № 1, с. 152—153.

[3] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 453—468, 611—615; Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1962, с. 70—87. См. также: А. Ф. Абрамович, Н. Г. Чернышевский и Е. П. Ростопчина. . . — «Труды Иркутского гос. университета», т. 28, вып. 1, 1949, с. 165—206.

[4] Эти стихи были напечатаны в «Колоколе», 1858, 3 (15) сентября, л. 23—24, с. 200.

234. МЕЧТА

> Поверь, мой друг, — взойдет она,
> Звезда пленительного счастья,
> Россия вспрянет ото сна,
> И на обломках самовластья
> Запишут наши имена.
>
> *А. Пушкин*

Когда настанет день паденья для тирана,
Свободы светлый день, день мести роковой,
Когда на родине, у ног царей попранной,
Промчится шум войны, как бури грозный вой;
Когда в сердцах славян плач братьев притесненных
Зажжет священный гнев и ненависть к врагу,
Когда они пойдут на выкуп угнетенных,
На правый божий суд, на кровную борьбу;
Когда защитники свободы соберутся,
Чтоб самовластия ярмо навек разбить,
Когда со всех сторон в России раздадутся
Обеты грозные «погибнуть иль сгубить!» —
Тогда в таинственный наряд *он* облачится,
Тогда каратель-меч в руке его сверкнет,
Тогда ретивый конь с ним гордо в бой помчится,
Тогда трехцветный шарф на сердце он прижмет,
И в пламенных глазах зардеет огнь небесный,
Огнь славолюбия, геройства, чувств святых. . .
Всю душу выскажет взор строгий, но прелестный,
Он будет страх врагам и ангел для своих,
Он смело поведет дружину удалую,
Он клятву даст, и жизнь и кровь не пощадит
За дело правое, за честь, за Русь святую. . .
И полетит вперед «погибнуть иль сгубить!»

А я? Сокрытая во мгле уединенья,
Я буду слезы, страх и грусть от всех таить,
Томимая грозой душевного волненья,
Без способа, без прав опасность с ним делить.
В пылу отчаянья, в терзаньях беспокойства,
Я буду за него всечасно трепетать

И в своенравии ⟨безмолвного⟩ расстройства
Грустить, надеяться, бояться, ожидать.
Я буду дни считать, рассчитывать мгновенья,
Я буду вести ждать, ждать утром, в час ночной,
И, тысячи смертей перенося мученья,
Везде его искать с желаньем и тоской!..
Или во храм святой войдя с толпой холодной,
Среди веселых лиц печальна и мрачна,
Порывам горести предамся я свободно,
Никем не видима, мольбой ограждена...
Но там, но даже там вдруг образ незабвенный,
Нежданный явится меж алтарем и мной...
И я забуду храм, мольбу, обряд священный
И вновь займусь своей любимою мечтой!

Но если грозный рок, отмщая за гоненья,
Победу нашим даст, неравный бой сравнить,
С деспотством сокрушить клевретов притесненья
И к обновлению Россию воскресить;
Когда, покрытые трофеями и славой,
Восстановители прав вольности святой
Пройдут в родимый град спокойно, величаво,
При кликах радости общественной, живой,
И *он* меж витязей явится перед строем,
Весь в пыли и крови, с ⟨зазубренным⟩ мечом,
Покрытый лаврами и признанный героем,
Но прост, без гордости в величии своем,
И имя вдруг его в народе пронесется,
И загремит ему хвала от всех сторон,
Хвала от сограждáн!.. Как сердце в нем забьется,
Как весел, как велик, как славен будет он!..

И я услышу всё, всем буду наслаждаться!..
Невидима в толпе, деля восторг его,
Я буду мысленно блаженством упиваться,
Им налюбуюся... и скроюсь от него!

Июль 1830

235. К СТРАДАЛЬЦАМ

> Но где, скажи, когда была
> Без жертв искуплена свобода?
>
> *Кондратий Рылеев*

Соотчичи мои, заступники свободы,
О вы, изгнанники за правду и закон,
Нет, вас не оскорбят проклятием народы,
Вы не услышите укор земных племен!
Пусть вас гнетет, казнит отмщенье самовластья,
Пусть смеют вас винить тирановы рабы, —
Но ваш терновый путь, ваш крест — он стоит счастья,
Он выше всех даров изменчивой судьбы.
Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И рабства иго снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.
Удел ваш — не позор, а слава, уваженье,
Благословения правдивых сограждáн,
Спокойной совести, Европы одобренье
И благодарный храм от будущих славян!
Ах, может быть, теперь, в горах Сибири диких,
Увяли многие из вас, в плену, в цепях. . .
И воздух ссылочный, сей яд для душ великих,
Убил цвет бытия в изнывших их сердцах! . .
Ни эпитафии, ни пышность мавзолеев
Их прах страдальческий, их память не почтут:
За гробом сторожит их зоркий глаз злодеев
И нам не даст убрать последний их приют. . .
Но да утешатся священные их тени!
Их памятник — в сердцах отечества сынов,
В неподкупны́х хвалах высоких песнопений,
В молитвах праведных, в почтеньях всех веков!
Мир им! . . А вы, друзья, сподвижники несчастных,
Несите с мужеством ярмо судеб крутых!
Быть может, вам не век в плену, в горах ужасных,
Терпеть ругательства гонителей своих. . .
Быть может. . . вам и нам настанет час блаженный
Паденья варварства, деспо́тства и царей
И нам торжествовать придется пир священный
Свободы россиян и мщенья за друзей!
Тогда дойдут до вас восторженные клики

России, вспрянувшей от рабственного сна,
Тогда вас выручит, окончив бой великий,
Младых сообщников восставшая толпа;
Тогда в честь павших жертв, жертв чистых,
благородных,
Мы тризну братскую достойно совершим,
И слезы сограждáн, ликующих, свободных,
Наградой славною да будут вечно им!

Июль 1831

236. НАСИЛЬНЫЙ БРАК

Рыцарская баллада

Старый барон

Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткий господина зов!
Судите, не боясь опалы, —
Я правду выслушать готов.
Судите спор вам всем знакомый:
Хотя могуч и славен я,
Хотя всесильным чтут меня —
Не властен у себя я дома...
Всё непокорна мне она,
Моя мятежная жена!..

Ее я прúзрел сиротою
И разоренной взял ее,
И дал державною рукою
Ей покровительство мое;
Одел ее парчой и златом,
Несметной стражей окружил;
И, враг ее чтоб не сманил,
Я сам над ней стою с булатом...
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

Я знаю — жалобой, наветом
Она везде меня клеймит;
Я знаю — перед целым светом

Она клянет мой кров и щит,
И косо смотрит исподлобья,
И, повторяя клятвы ложь,
Готовит козни... точит нож...
Вздувает огнь междоусобья...
С монахом шепчется она,
Моя коварная жена!

И, торжествуя и довольны,
Враги мои на нас глядят,
И дразнят гнев ее крамольный,
И суетной гордыне льстят.
Совет мне дайте благотворный,
Судите, кто меж нами прав?
Язык мой строг, но не лукав!
Теперь внемлите непокорной:
Пусть защищается она,
Моя преступная жена!

Жена

Раба ли я или подруга —
То знает бог!.. Я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я...
Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый...
Я предана... я продана...
Я узница, а не жена!

Напрасно иго роковое
Властитель мнит озолотить;
Напрасно мщенье, мне святое,
В любовь он хочет превратить.
Не нужны мне его щедроты!
Его я стражи не хочу —
Сама строптивых научу
Платить мне мирно долг почета.
Лишь им одним унижена, —
Я враг ему, а не жена.

Он говорить мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом...
Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим
И предков храмам вековым,
Как предки славные, молиться...
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена.

Послал он в ссылку, в заточенье
Всех верных, лучших слуг моих;
Меня же предал притесненью
Рабов, лазутчиков своих.
Позор, гоненье и неволю
Мне в брачный дар приносит он —
И мне ли ропот запрещен?
Ужель, терпя такую долю,
Таить от всех ее должна
Насильно взятая жена?

11 ноября 1845

Е. П. Ростопчина (?)

237

Пускай в России нет дворян,
Пускай все русские вельможи —
Из чухон, ляхов и армян,
На русских вовсе не похожи;
Пускай наследие Петра —
Страшилище врагов и внутренних и внешних;
Вся наша гвардия осталася верна
Названью прежнему «потешных».
А слава древняя дружин,
Сословие детей боярских,
На место теплое иль заряся на чин,
Погрязло в дрязгах канцелярских
И, саблю заменив пером,

Кольчугу бранную позорным виц-мундиром,
Ярыжкам сделалось подобное во всем
И стало мерзостным вампиром,
Который день и ночь сосет
Все соки лучшие из русского народа
И даже ухом не ведет,
Что есть уж два изданья «Свода».
Пускай и самый наш народ,
Враг ненавистный иноземцев,
По праздникам мертвецки пьет,
А буднями работает на немцев.
Пускай казна истощена
И нам по-прежнему пристала
Пусть фраза та, что «Русь обильна и сильна,
Да только в ней порядка мало».

1840-е годы

А. С. ХОМЯКОВ

Алексей Степанович Хомяков (1804—1860) — видный публицист, философ, критик своего времени — был известен и как поэт.

По мере оформления славянофильства, Хомяков стал его наиболее яростным сторонником и пропагандистом. Герцен назвал его «бретером диалектики». «Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор и употреблял для торжества своего славянского воззрения все на свете, от казуистики византийских богословов до тонкостей изворотливого логиста... Я не думаю, чтоб кто-нибудь из славян сделал больше для распространения их воззрений, чем Хомяков».[1]

Крымская кампания 1854 года, с особенной очевидностью обнаружившая всю внутреннюю гнилость и обветшалость основ крепостнического государства, была очень важным этапом в жизни русского общества. Своеобразно отразился этот период в поэзии Хомякова. Его стихотворение «России» («Тебя призвал на брань святую...»), наряду с пафосом возвеличения идеи панславизма, было полно искренней тревоги за судьбу России, переживавшую тогда глубокий внутренний кризис. Однако власти вовсе не склонны были признавать положение дел угрожающим и потому усмотрели в стихотворении противоправительственные настроения. Хомякову грозила ссылка; эту опасность удалось избежать, но поэт должен был на некоторое время умолкнуть; «от печати я удален», — писал Хомяков А. Д. Блудовой 4 апреля 1854 года.[2]

Наиболее значительное в поэзии Хомякова то, что определило проникновение его стихотворений в вольную печать (даже в тех случаях, когда они были напечатаны легально), — гражданский пафос патриота, с болью воспринимающего невзгоды, постигшие его родину, ощущение краха николаевского режима. Исторический парадокс заключался в том, что панславистские мечтания Хомякова были в значительной мере созвучны идеям самодержавия, но независимая и честная позиция поэта воспринималась властями как несвоевремен-

[1] «Былое и думы». — А. И. Герцен, Собр. соч., т. 9, М., 1956, с. 157.

[2] А. С. Хомяков, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1907, с. 388.

ное и неуместное вмешательство в неподлежащие его ведению дела — поэтому и отношение к его стихам было неприязненное, а временами враждебное. Между тем мысли, высказывавшиеся Хомяковым, были типичны не только для него одного, но для славянофилов вообще. А. Г. Дементьев совершенно справедливо, в параллель к стихам Хомякова — «В судах черна неправдой черной...» и т. д., привел строки из стихотворения И. С. Аксакова «Пусть гибнет всё, к чему сурово...» (1849):

Сплошного зла стоит твердыня,
Царит бессмысленная ложь. [1]

Е. Г. Бушканец выдвинул предположение, что опубликованное им стихотворение «Пленных братьев упованье...» принадлежит Хомякову. Б. Ф. Егоров эту атрибуцию отвергает. [2]

238. ОДА

Внимайте голос истребленья!
За громом гром, за криком крик.
То звуки дальнего сраженья;
К ним слух воинственный приник.
Вот ружей звонкие раскаты,
Вот пешей рати мерный шаг;
Вот натиск конницы крылатой,
Вот пушек рев на высотах,
И крик торжеств, мне крик знакомый,
И смерти стон, мне плач родной,
О замолчите, битвы громы.
Остановись, кровавый бой!

Потомства пламенным проклятьям
Да будет предан тот, чей глас
Против славян славянским братьям
Мечи вручил в преступный час!
Да будут прокляты сраженья,
Одноплеменников раздор

---

[1] А. Г. Дементьев, «Концепция», «конструкция» и «модель». — «Вопросы литературы», 1969, № 7, с. 127.

[2] См.: А. С Хомяков, Полн. собр. стихотворений, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1969, с. 545.

И перешедший в поколенья
Вражды бессмысленный позор.
Да будут прокляты преданья,
Веков исчезнувших обман,
И повесть мщенья и страданья —
Вина неисцелимых ран.

И взор поэта вдохновенный
Уж видит новый век чудес...
Он видит: гордо над вселенной,
До свода синего небес,
Орлы славянские взлетают
Широким дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим — Северным орлом.
Их тверд союз, — горят перуны,
Закон их властен над землей,
И будущих баянов струны
Поют согласье и покой.

Конец 1830

239. НАВУХОДОНОСОР

Пойте, други, песнь победы!
Пойте! Снова потекут
Наши вольные беседы,
Закипит свободный труд!

Вавилона царь суровый
Был богат и был силен;
В неразрывные оковы
Заковал он наш Сион.

Он губил ожесточенно
Наши вечные права:
Слово — божий дар священный,
Разум — луч от божества.

Милость бога забывая,
Говорил он: всё творят
Мой булат, моя десная,
Царский ум мой, царский взгляд!

Над равнинами Деира
Он создал себе кумир,
И у ног сего кумира
Пировал безбожный пир.

Но отмстил ему Иегова!
Казнью жизнь ему сама:
Бродит нем губитель слова,
Тра́ву щиплет враг ума!

Как работник подъяремный,
Бессловесный, глупый вол,
Не глядя на мир надземный,
Он обходит злачный дол!..

Ты скажи нам, царь надменный,
Жив ли Мстящий за Сион?..
Но покайся; но смиренно
Полюби его закон,

Дух свободы, святость слова,
Святость мысленных даров, —
И простит тебя Иегова
От невидимых оков.

Снова на престол великий
Возведет тебя царем
И земной венец владыки
Освятит своим венцом!..

Пойте, други, песнь победы!
Пойте! Снова потекут
Наши вольные беседы,
Закипит свободный труд!

1849

240. РОССИИ

Тебя призвал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,

Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная!
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная —
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод!

Но помни: быть орудьем бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов он судит строго;
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени, мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

О, недостойная избранья,
Ты избрана!.. Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой.

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

И встань потом верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью!
Держи стяг божий крепкой дланью!
Рази мечом! — то божий меч!

23 марта 1854

А. С. Хомяков (?)

241

Пленных братьев упованье
Все ли тщетные мечты?
Русь, познай свое призванье!
Стать на суд готова ты?

Верь! Могущество земное
Не поможет в час суда,
Всё величье боевое
Не избавит от стыда...

Но с смиреньем и любовью
Волю божию пойми,
Только правде жертвуй кровью,
Гласу братнему вонми!

Силой страшной, но бездушной
Дел святых не начинай,
Не рабой иди послушной,
А свободною ступай.

Не по прихоти державной —
Волей собственной твоей;
Пусть свершится подвиг славный,
Подвиг чистый для людей.

Гимн тебе поют хвалебный;
Но поверь: для дел святых
Руки чистые потребны...
Крови много на твоих.

Многих в цепь ты заковала,
Ты с покорностью рабы
Дух губила, мысль стесняла,
Развращалась без борьбы.

Но по божьей благостыне
Ты от сна пробуждена...
Русь, прозри, покайся ныне,
К службе высшей ты звана!

Словом истины народы
Вразумить тебе дано,
Новой правды и свободы
Свет поведать суждено...

Русь, дерзай! Долой кумиры!
Вся сознаньем обновись,
И зарей иного мира
Миру дряблому явись!

1854 (?)

М. А. БЕСТУЖЕВ

Участник декабрьского восстания, член Северного общества Михаил Александрович Бестужев (1800—1871), брат А. А. Бестужева-Марлинского, автор очень ценных мемуаров «Мои тюрьмы». Его стихи относятся к 1820-м годам, но они до нашего времени не сохранились.

Песня, написанная на голос популярной народной песни «Уж как пал туман на сине море...» (1722 г., автором ее, возможно, является П. С. Львов), как указывает М. К. Азадовский, «принадлежит к важнейшим памятникам декабристской художественной литературы».[1] Песня является откликом на восстание Черниговского полка 1825 года, возглавлявшееся С. И. Муравьевым-Апостолом.

Есть сведения, что на голос песни «Уж как пал туман на сине море...» М. И. Муравьев-Апостол пел в Сибири песню, начинавшуюся следующими стихами:

Уж как пал туман на Неву-реку,
Крепость царскую, Петропавловску,
Не проглянуть с небес красну солнышку,
Не развеять тумана ветру буйному...[2]

242. ПЕСНЯ

(На голос: «Уж как пал туман на сине море...»)

Что ни ветр шумит во сыром бору,
Муравьев идет на кровавый пир...
С ним черниговцы идут грудью стать,
Сложить голову за Россию-мать.

---

[1] Примечания к изд. «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 771.

[2] М. С. Знаменский, Воспоминания. — «Сибирские огни», 1946, № 2, с. 104.

И не бурей пал долу крепкий дуб,
А изменник-червь подточил его.
Закатилася воля-солнышко,
Смертна ночь легла в поле бранное.
Как на поле том бранный конь стоит,
На земле пред ним витязь млад лежит.
Конь! Мой конь! Скачи в святой Киев-град:
Отнеси ты к ним мой последний вздох
И скажи: «Цепей я нести не мог,
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности!»

1830

В. ПАНКРАТЬЕВ

Сведений об авторе этого стихотворения не сохранилось. П. А. Ефремов неуверенно (с оговоркой «помнится») называет его учителем Псковского уездного училища.[1]

Хотя авторство Пушкина было отвергнуто вскоре после публикации стихотворения в 1869 году (см. примечание 243), — оно несколько раз включалось в различные собрания сочинений Пушкина.[2]

243. ПСКОВ

Среди кремнистых скал, на берегах Великой,
Где носит естества полночи образ дикой,
Согбенный исполин под тяжестью оков,
С поникнувшей главой стоит печальный Псков...

Лишенный частных благ народного правленья,
Сей град являет нам вид страшный запустенья.
Унылые рабы трепещущей пятой
Героев вольности там топчут прах святой.
Всё грустно, всё молчит, — разбилась жизнь народа,
Бежит искусство прочь и сетует природа.

Вторая половина 20-х — 30-е годы

---

[1] П. А. Ефремов, «Моя родословная», стихотворение А. С. Пушкина по подлинной рукописи. — «Русская старина», 1879, № 12, с. 731; Панкратьев как автор «Пскова» упомянут и в «Русском архиве», 1869, № 12, стлб. 2111.

[2] См.: П. А. Ефремов, Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях, СПб., 1903, с. 16.

В. С. ПЕЧЕРИН

Преподаватель древнегреческого языка в Московском университете Владимир Сергеевич Печерин (1807—1885), будучи не в силах вынести подавление всякой свободной мысли в последекабристской России, покинул ее в 1836 году. Переселившись во Францию, затем в Англию, он вскоре принял католицизм и всю жизнь провел за границей сначала монахом ордена редемптористов (близкого иезуитам), потом трапистов, а последние 23 года — священником больницы в Дублине (в Ирландии). [1]

Яркую характеристику Печерина находим в «Былом и думах» Герцена — одного из немногих русских, кому удалось в марте 1853 года повидаться с Печериным в Лондоне. По словам Герцена, Печериным в России «овладел ужас, тоска, надобно бежать, бежать во что бы ни стало из этой проклятой страны». [2]

Уход в монашество Печерина не удовлетворил. Скованный духовным саном, он уже так и не смог найти выхода из создавшегося положения. [3]

Не принимая участия в революционном движении и во многом не разделяя демократических настроений молодого поколения 1850—1860-х годов, Печерин тем не менее посильно помогал ему. Начиная с 1862 года «Колокол» время от времени сообщал о пожертвованиях Печерина в «Общий фонд» на поддержку нуждающихся эмигрантов. О его симпатиях и напряженном интересе к революционным кругам в России наглядно свидетельствует недавно опубликованная его переписка с Герценом и Огаревым [4] и еще отчетливей — напечатанное в «Листке» П. В. Долгорукова письмо к нему Печерина.

---

[1] См.: В. С. Печерин, Замогильные записки, М., 1932.

[2] А. И. Герцен, Собр. соч., т. 9, М., 1956, с. 392.

[3] См. отрывок из письма к Ф. В. Чижову от 1 (13) августа 1871 г. — «Литературное наследство», № 62, М., 1955, с. 469; о том же еще раньше Герцен проницательно писал М. К. Рейхель. — А. И. Герцен, Собр. соч., т. 25, М., 1961, с. 32.

[4] «Литературное наследство», № 62, М., 1955, с. 469—484.

Несмотря на то что Печерин рассматривал свои стихотворения 1830-х годов как юношеские и незрелые, Герцен напечатал в 6-й книге «Полярной звезды» давно известную ему и широко распространенную в списках поэму «Торжество смерти».

По предположению М. О. Гершензона, «Торжество смерти» «представляет собою не законченное произведение, а лишь отрывок какого-то более обширного целого. Любопытно, что и Герцен говорит о *трилогии* Печерина: «Поликрат Самосский», «Торжество смерти» и еще что-то. Возможно, что «Торжество смерти» представляло собою среднюю часть поэмы, начиналась же поэма картиною старого мира... а кончалась картиной будущего мира». [1]

Достоевский в «Бесах» сделал автором поэмы (заглавие не приводится) Степана Трофимовича Верховенского. По словам рассказчика, она была написана им «еще лет шесть до сего, в Берлине, в самой первой его молодости, и ходившая по рукам в списках, между двумя любителями и у одного студента... Странная, но тогда (то есть, вернее, в тридцатых годах) в этом роде часто пописывали. Рассказать же сюжет затрудняюсь, ибо, по правде, ничего в нем не понимаю. Это какая то аллегория в лирико-драматической форме и напоминающая вторую часть „Фауста"». Далее следует иронический пересказ содержания поэмы, лишь отдельными эпизодами напоминающий «Торжество смерти». Возможно, что Достоевский знал не дошедшие до нашего времени отрывки. Конец описан так: «в самой последней сцене вдруг появляется Вавилонская башня, и какие-то атлеты ее, наконец, достраивают с песней новой надежды, и когда уже достраивают до самого верху, то обладатель, положим хоть Олимпа, убегает в комическом виде, а догадавшееся человечество, завладев его местом, тотчас же начинает новую жизнь с новым проникновением вещей. Ну, вот эту-то поэму и нашли тогда опасною. Я в прошлом году предлагал Степану Трофимовичу ее напечатать за совершенною ее, в наше время, невинностью, но он отклонил предложение с видимым неудовольствием. Мнение о совершенной невинности ему не понравилось... И что же? Вдруг, и почти тогда же, как я предлагал напечатать здесь, — печатают нашу поэму *там*, то есть за границей, в одном из революционных сборников, и совершенно без ведома Степана Трофимовича» и т. д. (ч. 1, гл. 1).

Поэма Печерина с большой силой выражает идею революционного отрицания старого мира и звучит гимном в честь беспощадного разрушения мира тьмы и рабства. Подразумевается, что дей-

---

[1] М. О. Гершензон, Жизнь В. С. Печерина, М., 1910, с. 89—90; ср. также: И. С. Аксаков, Соч., т. 7, М., 1887, с. 494.

ствие поэмы происходит в Петербурге. Отдельные ее части (февральский праздник, возможно повесть о трагической любви) автобиографичны.

Стихотворения Печерина (он писал их едва ли не до конца жизни) остаются не собранными. Наиболее полно они представлены в названной выше книге М. О. Гершензона.

244. ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ

За синим за морем, в далекой земле,
Сошлись молодцы пировать в феврале.
Тарелки брязжат, и стаканы звенят,
И вольные речи, сверкая, кипят.
Дверь настежь — с гуслями вошел старичок,
И всем поклонился, и сел в уголок.
За ним с самопрялкой старуха вошла,
С собой для потехи кота привела.
Ерошится кот и сверкает хребтом,
Сердито мурлычет и машет хвостом.
Уселась старуха — прядет и поет;
Под музыку пляшет, мурлыкая, кот.

Старуха
(поет в нос)

Пряжа тонкая прядися!
Веретенышко вертися!
А веревочка плетися!
Тру-ру, тру-ру, тру-ру.

Кот

Мяу, мяу, голубок.
Не гуляй, друг, одинок!
Мяу, мяу, молодцы,
Прячьте в воду все концы,
Мяу, мяу, мяу, мяу, мяу.

И старец пустился на гуслях играть —
С присвистом, с прищелком пошел припевать.

Старик

Ай веревочка свивается,
    Ай люли! Ай люли!
В узелочек заплетается,
    Ай люли! Ай люли!
Да на шейку надевается,
    Ай люли! Ай люли!

Старуха

Пряжа тонкая прядися!
Веретенышко вертися!
А веревочка плетися!
Тру-ру, тру-ру, тру-ру.

Кот

Мяу, мяу, серый кот!
Кошечка на крыше ждет.
Мяу, мяу, чижик мой,
Сидя в клетке, смирно пой.
    Мяу, мяу, мяу.

Старик
(закатисто)

Ах, головушки вы удалые,
По французской моде завитые!
    Вам не долго почивать
    На подушечках пуховых,
    Вам не долго погулять
    В мягких шапочках бобровых!
Ай, веревочка свивается,
    Ай люли! Ай люли!
В узелочек заплетается,
    Ай люли! Ай люли!
Да на шейку надевается,
    Ай люли! Ай люли!

Старуха

Пряжа тонкая прядися!
Веретенышко вертися!
А веревочка плетися!
Тру-ру, тру-ру, тру-ру.

Кот

Мяу, мяу, кот глядит:
Чижик в клетке не сидит;
Мяу, мяу, чиж запел, —
Чижика наш котик съел.
Мяу, мяу, мяу, мяу.

Старик

(закатисто)

Ах, вы шейки белоснежные!
Дети барские вы, нежные!
    Галстучки пеньковые,
    Други, покидайте!
    Галстучки шелкóвые
    К зиме припасайте.
    Ай, веревочка свивается...

Тут барин, схватясь за бутылку, сказал:
«Перестань, старый черт, ты мне скуку нагнал!
Старуха, не пой! а ты, кот, не пляши!
А лучше, старик, ты нам сказку скажи!»
Старушка и котик затихнули вмиг,
И начал им сказочку баять старик.

СКАЗКА О ТРЕХ НОВЫХ ГОДАХ

В один вечерок — настает новый год —
Гурьба молодцов на попойку идет.
Вино и шипит, и звездится в кубкáх,
И младость бунтует в могучих сердцах.
Вино через край начинает уж течь,
Течет через край и широкая речь.
Свобода и доблесть у всех на устах,
И песня лихая на звонких струнах.
И каждый орлиным полетом летит,
И смело грядущему в очи глядит;
И к богу кричит: «Я не хуже тебя!
И мир перестрою по-своему я!»
А вот и опять настает новый год,
И кучка друзей на пирушку идет.
Да только не все собрались пировать:
Один — за бостон, а другой — почивать.

Другой говорит: «Не приду я, друзья:
Жена у меня и большая семья».
А третий: «Ведь я человек должностной!
И мне ль куликать с молодежью пустой?»
И вино уж не льется рекой,
И не слышно уж песни лихой,
А только, собравшись кружком,
Всяк шепчется с другом тишком.
А вот и опять настает новый год —
Да что-то никто на пирушку нейдет.
А в темной конурке горит огонек,
В конурке сидит молодец одинок.
Вино на дубовом столе не кипит,
На столике кружка с водицей стоит,
И заперты крепко затворы дверей,
Чтоб не было в комнате лишних гостей.
Вот полночь проходит — и глухо шумят,
И двери скрипят, и задвижки визжат.
Со связкой ключей человечек вошел:
«Здоров, молодец! Новый год уж пришел!
Я весточку к новому году припас,
Тебе новоселье готово у нас.
Два столба с перекладиной — вот тебе дом!
Ы́сок и светел, и зефиры кругом,
И жавронок в небе, как в клетке, поет;
По зе́лену полю гуляет народ.
Там будешь, дружок, припеваючи жить,
Пока ангелы станут в трубы трубить».
Теперь, слава богу! дошли до конца —
За это мне дайте стаканчик винца.
Не корите, друзья, за рассказ мой плохой:
Таков уж обычай на Руси святой, —
Веселую песню за здравье начнем,
А после на вечную память сведем.
А вам я желаю, без мук и забот,
Не раз, господа, повстречать новый год.

Валериан

На, вот тебе чарка! да к черту ступай,
И дьявольских сказок нам больше не бай!
Красавица де́вица! Арфу настрой,
Балладу, романс или песню пропой!

Эмилия

(строит арфу)

Тра-ла-ла-ла-ла-ла...
Я знаю балладу из новых времен,
Как с войском Дон Педро вошел в Лиссабон.

Валериан

Ты спой нам балладу, где слезы и кровь,
И смерть, и война, и девицы любовь,
Где русский дерется до смерти за честь,
Свершив над тираном священную месть.

Эмилия

Я вовсе не знаю баллады такой,
Довольно вам будет и песни простой.

ПЕСНЯ О РУССКОМ ЮНОШЕ

Как цветочек, отягченный
Утренней росой,
Вся в слезах, склонив головку,
Девушка идет.

Прохожий

Душенька, мне сердце рвется,
Глядя на тебя!
Раздели со мною горе!
Друг несчастным я!

Девушка

Под стенами Сантарема
Мой сердечный пал:
Он, как лев, за честь Марии
До конца стоял.
На широком поле битвы
Огонек горит,
На широком поле битвы
Рыцарь мой лежит.
Капуцин пришел с дарами...
«О, святой отец!
Разреши мне душу! Близок,
Близок мой конец!

И последнему моленью
Воина внемли:
Обо мне на Русь святую
Весточку пошли!
Там сидит моя невеста,
Ждет в слезах меня.
О святой отец, скажи ей,
Как скончался я!
Ты скажи, что я до гроба
Милую любил,
Умер с верой и за вольность
Душу положил».

Певица в раздумье склонилась челом,
И бросила арфу, и — слезы ручьем.

Валериан

Красавица-радость! Что сталось с тобой?
Как можно заплакать от песни пустой?

Эмилия

(вполголоса)

На широком поле битвы
Огонек горит,
На широком поле битвы
Рыцарь мой лежит...

И снова в раздумье замолкла краса,
И белым платочком закрыла глаза.

Валериан

Красотка-душа! Ты не плачь, не тужи!
А лучше нам горе свое расскажи.

Эмилия

Он спит на полях, Каталонских полях,
Два камня седые да крест в головах.
Я птичкой у матушки в доме жила,
Невинна, резва и тщеславна была.
Он увидел меня — он мне сердце отдал,
И — несчастный — любви за любовь ожидал!
Он бедный художник, поэт молодой,
А я родилася большой госпожой.

Он в раздумье гулял под окошком моим —
Я, глядя с балкона, смеялась над ним.
Он презренья не снес — он был нежен душой,
И покинул наш город, и бросился в бой,
Где рать собиралась Испании всей,
Где «вольность!» кричали при звуке мечей.
Прощаясь, он руки ко мне простирал
И долго слезами порог обливал...
Я смеялась — стояла с другим у окна,
Равнодушна, как мрамор, как лед холодна...
Он пал на полях, Каталонских полях,
Два камня седые да крест в головах...
Он письмо пред кончиной ко мне написал
И *слезное* мне *ожерелье* послал.

ПИСЬМО ЭДМУНДА К ЭМИЛИИ

(с посылкою стихотворений его)

«Души моей царица! Ожерелье
Вам посылает ваш певец младой.
Быть может, вам на брачное веселье
Поспеет мой подарок дорогой.
Не правда ль? Жемчугу богатое собранье?
Смотрите: крупно каждое зерно,
И каждое зерно — слеза, воспоминанье,
И куплено слезой кровавою оно...
Не плавал я среди морей опасных,
Не в пропастях сокровищ вам искал,
Не звонким золотом червонцев ясных
　　Вам ожерелье покупал:
Из сердца глубины, при светоча сияньи,
С слезами песнь моя лилась в полночный час —
Из этих песен, слез, живых воспоминаний
Я ожерелье набирал для вас.
Как должную вам дань, с улыбкою небрежной,
Примите эту нить стихов и слез моих:
Так боги в небесах приемлют безмятежно
Куренье и мольбы от алтарей земных».

　　Красавица дальше не в силах читать,
　　И начала плакать и тяжко вздыхать...
　　Но гости не требуют вздохов пустых:

Им надобно песен, видений живых,
И нехотя арфу певица берет,
И песню об нежной графине поет:

ПЕСНЯ О ГРАФИНЕ ТУРН[1]

В Течене, в лесах Богемских,
Замок на скале стоит,
И под ним спокойно Эльба
Воды светлые струит.
Там графиня молодая,
И уныла, и бледна,
К небу очи подымая,
На скале стоит одна...
«Егерь, егерь мой прекрасный!
Посмотри: на небесах
Высоко уж месяц ясный,
Тихо в замке и в садах...
На террасу удалимся!
Там, в беседке, при луне,
Насладимся, насладимся
Мы любовью в тишине!»

Егерь

Ах, Эльвира! Вы — графиня!
Кто же я? Вассал простой!
И любовь моя погубит
Драгоценный ваш покой.
Недоступный над долиной
Замок графский вознесен;
Недоступною судьбиной
Я с Эльвирой разлучен.

Графиня

Пусть мой замок превышает
Башни дольных городов!

---

[1] Содержатель гостиницы в Течене рассказывал мне историю графини Турн. Молодая, прелестная 18-летняя дочь владетельного графа Турна чахнет от безнадежной любви к прекрасному графскому егерю. Отец каждый год возит ее на теплые воды — все напрасно! Она видимо умирает. Идя пешком по живописной долине и имея в виду замок Турн, я мечтал это стихотворение. Жалею, что прекрасный материал не достался в руки более искусного художника.

Все препоны побеждает
Всемогущая любовь!
А когда, в бореньи с миром,
Ей победа изменит,
Как Колумб, она из мира
Обветшалого летит
И под грозным ураганом,
Смелый пробивая след,
За могильным океаном
Новый открывает свет...

А вот одинока графиня сидит,
В раздумье, в тоске про себя говорит:

Для графа и для егеря одно
Сияет солнце над богемскими скалами;
Для графа и для егеря равно
Струится Эльба меж зелеными лугами.
Святая дева! Чем виновна я,
Что краше он и телом, и душою,
Чем все бароны, графы и князья
С их титлами, с их пышностью златою?
Как пышно локоны его густые
Виются над возвышенным челом!
И как он мил в зеленом казакине
С своим ружьем двуствольным за плечом!
Печальный жребий свой давно я знаю,
Забыть его вовеки не могу;
Разбить приличий цепи не дерзаю,
И смерти я с покорностию жду.
Чье сердце строгие законы света
Железной раздробят рукой,
Тот лишь в прохладной ночи гроба
Найдет целительный покой.
К чему, родитель, нежныя заботы?
Уж ангел смерти надо мной парит,
И блекнут от холодного дыханья
Младые розы девственных ланит...

Валериан

Друзья! чтоб достойно окончить сей пир,
В театр поспешим! Там фантазии мир!

Нас опера ждет и волшебный балет:
Посмотрим, что нынче покажет поэт.

ТЕАТР

Занавес еще не поднят. Актер выходит на авансцену и говорит.

Пролог

Почтеннейшие господа!
Сегодня мы имеем честь
Представить: «*Новое виденье,*
Столицы древней разрушенье»,
Иль называемый иначе —
«*Языческий Апокалипсис*»,
Дивертисмент полуволшебный...
Творенье юного поэта,
Еще сокрытого для света...
Директор не жалел издержек,
Чтоб поддержать сию пиэсу
И произвесть эффект, как должно:
Он много выписал машин
И кучу новых декораций
И всех богинь, за исключеньем граций.
Почтеннейшие господа!
Вы снисхожденье окажите
    Поэту и актерам
И труд наш общий наградите
    Рукоплесканий хором.

Увертюра. Колокольчик звенит. Занавес подымается. Театр представляет воздух и залив Ионийского моря. Вдали виден древний великолепный город. Немезида, с бичом в руках, сидит на воздушном престоле, окруженная подземными духами мщения.

Немезида

В трубы громкие трубите!
Ветры все ко мне зовите!

Духи
(трубят)

Собирайтесь, собирайтесь!
Ветры с запада, слетайтесь! *(трижды)*
Глас правдивой Немезиды,

За столетние обиды,
Вас на мщение зовет, —
Ветры! ветры! все вперед!

Ветры прилетают со свистом и шелестом и, как покорные рабы, ложатся у ног Немезиды.

Немезида

(потрясая бичом)

Ветры! море обхватите,
Море к небу всколыхните,
Вздуйте волны, подымите,
И, как горы, покатите
На преступный этот град,
Где оковы, кровь и смрад!

Ветры резвыми прыжками изъявляют свою радость, лижут ноги Немезиды и потом пляшут, присвистывая.

Хор ветров

Пойте и пляшите, други!
В резвые свивайтесь круги!
Мщенья, мщенья час настал!
Лютый враг наш, ты пропал!
Как гигант, ты стал пред нами,
Нас с презреньем оттолкнул
И железными руками
Волны в пропастях замкнул.
Часто, часто осаждали
Мы тебя с полком валов
И позорно отступали
От гранитных берегов!..
Но теперь за все обиды
Бич отмщает Немезиды!
Что? И нам пришла пора!
Ха-ха-ха! ура! ура!

Музыка играет галоп, ветры улетают попарно в бурной пляске. Являются на воздухе мириады сердец, облитых кровью и пронзенных кинжалами.

Хор сердец

В грудях юношей мы бились
За свободу, правоту,

К бесконечному стремились,
Обожали красоту...
Порохом, кинжалом, ядом
Нас сей демон истреблял —
Да прольется ж над сим градом
Мщенья вечного фиал!

О святая Немезида!
Да отмстится нам обида! *(трижды)*

Немезида ударяет бичом. Буря начинается. Отдаленные раскаты грома; молния, ветры воют, море стонет, скалы глухо откликаются, морские птицы стаями летят к берегу, волны, вынырнув из бездны, подымают головы к небу и целуют края ризы его. Являются мириады факелов, погасших и курящихся.

Хор факелов

Бог зажег нас, чтоб сияли
Мы средь северных ночей,
И мы с радостью прияли
Огнь от божеских лучей.
Начинал уж день отрадный
Разгонять туман густой,
Но зверь темный, кровожадный
Задушил наш век младой.

О святая Немезида!
Да отмстится нам обида! *(трижды)*

Немезида ударяет бичом. Большой военный корабль крутится в водовороте, разбивается о скалу и исчезает в волнах. Являются пять померкших звезд.

Хор звезд

Чистой доблести светила,
Мы взошли на небеса,
И с надеждой обратило
К нам отечество глаза...
Но кровавою рекою
Залил неба свод тиран,
И с померкшею главою
Пали звезды южных стран.

О святая Немезида!
Да отмстится нам обида! *(трижды)*

Являются бледные тени воинов, покрытые кровью и прахом: на головах у них терновые венки, перевитые лаврами, а в руках — переломленные мечи.

Хор воинов

Крепко мы за вольность бились,
За всемирную любовь;
Но мечи переломились
И иссякла в жилах кровь!
К нам народы обратили
Очи, смутные от слез,
Но — бессильные! — просили
Только мщенья у небес.
О геенна! Град разврата!
Сколько крови ты испил!
Сколько царств и сколько злата
В диком чреве поглотил!
Изрекли уж эвмениды
Приговор свой роковой,
И секира Немезиды
Поднята уж над тобой!

О святая Немезида!
Да отмстится нам обида! *(трижды)*

Немезида

(подымается с престола и, одною рукою потрясая бичом, а другою указывая на город, говорит)

Час отмщенья наступает:
Море стогны покрывает
И, как пояс, обвивает
Стены крепкие дворцов,
Храмы светлые богов.

Поликрат Самосский

(выходит на плоскую кровлю Ионийского дворца)

О народ, народ, молися!
К небу вознеси свой глас!
За грехи карает нас
Бога вышнего десница!

Хор утопающего народа

Не за наши, за твои
Бог карает нас грехи.
О злодей! О волк несытый,
Багряницею прикрытый!
Ты проклятие небес!
Ты в трех лицах темный бес:
Ты — война, зараза, голод;
И кометы вековой
Хвост виется за тобой,
Навевая смертный холод,
Очи в кровь потоплены,
Как затмение луны!
Погибаем, погибаем,
И тебя мы проклинаем!
Анафема! Анафема! Анафема!

Небо

(гремя с высоты)

И ныне, и присно, и во веки веков!

Земля

(глухо откликаясь)

Аминь!

Последний прилив моря — город исчезает.

Небо и Земля

(в один голос)

Аминь!!!

Волны в торжественных колесницах скачут по развалинам древнего города; над ними в воздухе царит Немезида и, потрясая бичом, говорит:

Мщенье неба совершилось!
Всё волнами поглотилось!
Северные льды сошли.
Карфаген! спокойно шли
Прямо в Индью корабли!
Нет враждебныя земли!

Музыка играет торжественный марш. Являются все народы, прошедшие, настоящие и будущие, и поклоняются Немезиде.

Хор народов

Преклоняемся, смиряемся,
О богиня, пред тобой,
И как дети поучаемся
Чтить любви закон святой!
Наказуется гордыня
И народов и царей,
И равно сечет богиня
Флот и лодку рыбарей!

Все народы, настоящие, прошедшие и будущие, соединяются с служебными духами Немезиды и вместе с ними составляют большой балет. Буря утихает — и над гладкою поверхностью моря с Востока подымается вечное солнце. Музыка играет тихий марш. Небо и Земля посылают взаимные приветствия. Занавес опускается.

В заключение те же актеры имеют честь представить:

ТОРЖЕСТВО СМЕРТИ

(Интермедия)

Занавес подымается. Театр представляет вселенную во всей ее красоте и великолепии. Большой балет. небесные тела проходят в стройной пляске, под музыку мироздания.

Является Смерть — прекрасный юноша, на белом коне. На плечах его развевается легкая белая мантия, на темно-русых кудрях венок из подснежников.

Небо и Земля и народы Земли и прочих планет сопровождают Смерть с громкими восклицаниями::
«Vive la Mort! vive la Mort! vive la Mort!» [1]

Смерть

Обновляйся, лик природы!
Ветхий мир, пади во прах!
Вспряньте, юные народы,
В свежих вольности венках!

Юные народы теснятся около Смерти, обнимают ее колена, целуют ее серебряные шпоры и позолоченные стремена:
«Vive la Mort! vive la Mort! vive la Mort!» [1]

Хор юных народов
поет Гимн смерти

Веселитеся! Спаситель,
Царь наш, мира искупитель,
В светлом торжестве грядет!

---

[1] «Да здравствует смерть!» (франц.). — *Ред*

Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!
Новый бог младой вселенной!
Мир, тобою обновленный,
Песнь хвалы тебе поет!
Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

1-е полухорие

Ветхого творца с престола
Свергнув мощною рукой,
Царствуй, царствуй, бог веселый,
Резвый, ветреный, живой!
Бог свободы, бог движенья,
Вечного преображенья!
Бог всесокрушающий!
Бог всевоскресающий!
Бог всесозидающий!
Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!
Ветхое, ничтожное,
Слабое и ложное
Пред тобой падет!
Вольное, младое,
Творчески живое
Смертью расцветет!
Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

Корифей

Не сидишь ты на престоле,
Как властитель нам чужой,
Мрачный и враждебный воле
Нашей жизни молодой.
Нет! Ты между нами ходишь,
Нашей жизнию живешь,
Хороводы наши водишь,
С нами песнь любви поешь.

2-е полухорие

Посмотри: скалы седые
Распахнулись пред тобой
И источники живые
Скачут сребряной струей.
Ступишь ты — и расцветают
Пышно из могил цветы,

Из цветов венки сплетают
Новобрачные четы.
Над могилою спокойной
Радость буйная шумит,
И, обнявшись, в пляске стройной
Дева с юношей летит.
Скрылись в рощице тенистой,
Меж отеческих гробов,
И под ивою ветвистой
Увенчалась их любовь.
Резвый бог! ты обрываешь
Розы девственных красот
И цветок преображаешь
В сочный и роскошный плод!
Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!

Весь хор

Нас исхитивший от тленья
Средь темницы и оков,
Глас прийми благодаренья,
Царь царей и бог богов.
А когда мы под клюкою
Духом склонимся во прах,
Боже! дивною рукою
Обнови нас в сыновьях.
Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!
Vive la Mort! vive la Mort! vive la Mort!

Процессия удаляется. Музыка замирает в неопределенных звуках. Актеры и зрители исчезают, как тени. Поэт один, со свитком в руках, стоит на древних развалинах. Бог смерти является ему в образе черноокой венецианки и... Поэт изнывает в ее объятиях; но пред кончиной он еще раз берет арфу и прерывающимся голосом поет:

ПЕСНЬ УМИРАЮЩЕГО ПОЭТА

Гори, гори, мой факел томный!
Но вспыхни пред концом живей!
На мой ты жребий грустный, темный
Сиянье тихое пролей!
Вся жизнь моя — одно желанье,
Несбывшийся надежды сон,
Или художника мечтанье,
Набросанное на картон.

И страждущая грудь лелеет
Видений дивную семью;
Рука дрожит, язык немеет
Осуществить мечту мою.
Созданье вечное готово
И рвется из груди поэта —
Кто скажет творческое слово?
И разольется море света.
Давно в груди поэта рдеет
России светлая заря —
О, выньте из груди зарю!
Пролейте на небо России!

Поэт начинает бредить.

О, дайте пред кончиной
Песнь громкую пропеть!
Я с песнью лебединой
Хотел бы умереть!
Гремит на поле ратном
Победы крик в рядах,
И я, в крови, с булатным
Мечом, паду во прах...
И счастия России
Залог вам — кровь моя!
И все грехи России
Омоет кровь моя!
Мое вы сердце в урну
С почтеньем положите!
И русским эту урну
В день славы покажите!
Хоругвь твоя заблещет,
Потомство, предо мной!
Мой пепел затрепещет
Под крышкой гробовой...
Я силой благодатной
Прольюся на Россию,
И русский нож булатный

. . . .

Поэт, испугавшись цензуры, умирает, не докончив куплета. Занавес упадает с шумом. Для кого? Поэт был последний актер и последний зритель.

Конец 1833

С. А. МАСЛОВ(?)

Эта басня некоторыми современниками и исследователями приписывалась Крылову. Однако уже в 1845 году Я. К. Грот и П. А. Плетнев отвергали авторство Крылова, указывая, что басня далека от его творческой манеры.[1] Скорее всего автором является непременный секретарь Московского общества сельского хозяйства, журналист и переводчик Степан Алексеевич Маслов (1793—1879).[2]

Басня написана в связи с увольнением А. П. Ермолова в отставку в марте 1827 года и, по преданию, была ему доставлена. В сознании современников она, очевидно, смешалась с басней Крылова «Булат», написанной по тому же поводу; двух басен на эту тему Крылов, вероятно, не писал. Недавняя попытка Н. Вержбицкого[3] доказать авторство Крылова не содержит никаких новых аргументов.

245. КОНЬ

У ездока, наездника лихого,
Был Конь,
Какого
И в табунах степных на редкость поискать;
Какая стать!

---

[1] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. 2, СПб., 1896, с. 418, 422—423, 907.

[2] См.: А. Дмитриев, Д. Д. Смышляев, Пермь, 1895, с. 15; М. Н. Лонгинов («Русский архив», 1864, с. 1246) и П. А. Ефремов («С.-Петербургские ведомости», 1873, 26 ноября) отрицали авторство Крылова. Однако впоследствии, когда П. И. Бартенев также отверг авторство Крылова («Новое время», 1899, 1 февраля), П. А. Ефремов, изменивший свою позицию, дважды выступил в пользу Крылова («Русские ведомости», 1899, 30 января и 16 февраля).

[3] Н. Вержбицкий, Пропала басня Крылова. — «Литературная Россия», 1964, 17 июля, с. 11.

И рост, и красота, и сила!
Так щедро всем его природа наградила...
Как он прекрасен был с наездником в боях!
Как смело в пропасть шел и выносил в горах.
Но, с смертью ездока, достался Конь другому
Наезднику, да на беду — плохому.
Тот приказал его в конюшню свесть
И там, на привязи, давать и пить, и есть;
А за усердие и службу удалую
Век не снимать с него уздечку золотую...
Вот годы целые без дела Конь стоит,
Хозяин на него любуется, глядит,
А сесть боится,
Чтоб не свалиться.
И стал наш Конь в летах,
Потух огонь в глазах,
И спал он с тела;
И как вскормленному в боях
Не похудеть без дела!
Коня всем жаль: и конюхи плохие,
Да и наездники лихие
Между собою говорят:
«Ну, кто б Коню такому был не рад,
Кабы другому он достался?»
В том и хозяин сознавался,
Да для него ведь та беда,
Что Конь в возу не ходит никогда.

И вправду: есть кони уж от природы
Такой породы, —
Скорей его убьешь,
Чем запряжешь.

1835

Л. А. МЕЙ

Лев Александрович Мей (1822—1862) представлен в русской вольной поэзии только одним и притом ранним стихотворением — «Вечевой колокол». Это стихотворение примыкает к давней в русской литературе традиции сочувственного изображения новгородской вольницы (см. примечание к стихотворению Лермонтова «Новгород», № 224).

Произведение Мея посвящено заключительному этапу борьбы Новгорода с централизованным Московским государством. В 1478 году вечевой колокол — символ свободы города — был снят и увезен в Москву.

246. ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется ль Чудь непокорная?
Не вломились ли шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотников
Взять неволей иль волей с Югории
Серебро и меха драгоценные?
Не пришли ли товары ганзейские,
Али снова послы сановитые
От великого князя Московского
За обильною данью приехали?
Нет! Уныло гудит-поет колокол...
...Поет тризну свободе печальную,
Поет песню с отчизной прощальную:

«Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему;
Кто на бога? Кто на Новгород?
Вы простите, храмы божии,
Терема мои дубовые!
Я пою для вас в последний раз,
Издаю для вас прощальный звон.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты язык чугунный мой,
Ты разбей края им медные,
Чтоб не петь в Москве, далекой мне,
Про мое ли горе горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме.

Ты прости, мой брат назва́ный, буйный Волхов мой, прости!
Без меня ты празднуй радость, без меня ты и грусти.
Пролетело это время... не вернуть его уж нам,
Как и радость да и горе мы делили пополам!
Как не раз печальный звон мой ты волнами заглушал,
Как не раз и ты под гул мой, буйный Волхов мой, плясал.
Помню я, как под ладьями Ярослава ты шумел,
Как напутную молитву я волнам твоим гудел!
Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
Как гремели мы с тобою: «Смерть вам, суздальцы, иль плен!»
Помню я: ты на Ижору Александра провожал;
Я моим хвалебным звоном победителя встречал.
Я гремел, бывало, звучный — собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные купцы,
Немцы рижские бледнели, и, заслышавши меня,
Погонял литовец дикий быстроногого коня.
А я город, а я вольный звучным голосом зову
То на немцев, то на шведов, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая: наступило время бед!
Если б мог, я б растопился в реки медных слез, да нет! —
Я не ты, мой буйный Волхов! Я не плачу, — я пою!

Променяет ли кто слезы и на песню — на мою?
Слушай... нынче, старый друг мой, по тебе я поплыву,
Царь Иван меня отвозит во враждебную Москву.
Собери скорей все волны, все валуны, все струи —
Разнеси в осколки, в щепки ты московские ладьи,
А меня на дне песчаном синих вод твоих сокрой
И звони в меня почаще серебристою волной:
Может быть, из вод глубоких, вдруг услыша голос мой,
И за вольность и за вече встанет город наш родной».

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол;
Волхов плещет, и бьется, и пенится
О ладьи москвитян острогрудые,
А на чистой лазури, в поднебесьи,
Главы храмов святых, белокаменных
Золотистыми слезками светятся.

1840

И. П. МЯТЛЕВ

Иван Петрович Мятлев (1796—1844) — автор поэмы «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей — дан л'этранже» — был довольно известным в свое время поэтом-юмористом.

«Фонарики» — единственное его стихотворение, вошедшее в репертуар вольной поэзии; строфы 1, 4, 5, 7 и припев были особенно распространены среди мастеровых, то есть в так называемом «городском» фольклоре.[1] Впрочем, текст «Фонариков» цензурным преследованиям не подвергался.

Современный исследователь так резюмирует смысл этой шутливой поэмы: «Песня «Фонарики-сударики» И. П. Мятлева в своем содержании была глубоко сатирическим, хотя художественно завуалированным изображением... бюрократической системы николаевской эпохи. Эта система олицетворялась в ней в образах уличных «фонариков», равнодушных и бесстрастных к жизненным бедам и страданиям людей. Такое смелое художественное раскрытие «омертвелости» современного правительственного аппарата сделало песню Мятлева на долгое время неотъемлемой принадлежностью всех сборников подпольной поэзии... Основная сатирическая линия стихотворения Мятлева — символическое сравнение государственно-бюрократической системы николаевского времени («чиновников», «сановников») с равнодушными к горю уличными фонарями. . .»[2]

Характерно, что в одной из копий после текста «Фонариков» сделана следующая приписка: «Под именем фонариков сочинитель разумел чиновников, состоящих в государственной службе».[3]

---

[1] См.: А. Амфитеатров, Мятлев и его эпоха. — В изд.: И. П. Мятлев, Полн. собр. соч., т. 1, М., 1894, с. XXVI; В. Г. Голицына, Шутливая поэзия Мятлева и стиховой фельетон. — В сб.: «Русская поэзия XIX в.», Л., 1929, с. 176—204; Н. А. Коварский, Поэзия И. П. Мятлева. — В изд.: И. П. Мятлев, Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1969, с. 27—28.

[2] А. М. Новикова, Подпольные песни эпохи революционных демократов шестидесятых годов XIX века. — «Ученые записки Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской», т. 86, 1960, с. 71.

[3] «Сборник рукописных прозаических и поэтических произведений, составленный Михайлованowым» ⟨М. И. Семевским⟩, ч. 1, М., 1856, л. 29. — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР.

247. ФОНАРИКИ

Фонарики-сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас.
Ночные караульщики,
Ваш верен зоркий глаз!

Вы видели ль, приметили ль,
Как девушка одна,
На цыпочках, тихохонько
И робости полна,
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидать
И шепотом, украдкою
«Люблю» ему сказать?

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Нетерпеливо ждет,
Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет...
И вот они встречаются, —
И радость, и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Про то не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,

Как призрак гробовой,
Ту женщину безумную, —
Заплаканы глаза:
Ее все жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как, в горести немой,
От совести убежища
Он ищет в час ночной?
Вы видели ль веселого
Гуляку, в сюртуке
Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль сиротушку,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб, бедной, ей помог;
Как горемычной холодно,
Как страшно в темноте!
Ужель никто не сжалится
И гибнуть сироте?..

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта, в час ночной?
За рифмой своенравною
Гоняясь как шальной,

Он хочет муку тайную
И неба благодать
Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Быть может, не приметили...
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею
Фонарщик их зажег;
Но чувства прозорливости
Им передать не мог!..

Фонарики-сударики
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники, —
Всё люди с головой!
Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.

Им, дескать, не приказано
Вокруг себя смотреть,
Одна у них обязанность:
Стоять тут и гореть,
Да и гореть, покудова
Кто не задует их!..
Так что же и тревожиться
О горестях людских!

Фонарики-сударики
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники, —
Всё люди с головой!

8 ноября 1841

Н. П. ОГАРЕВ

Произведения виднейшего русского революционера, друга и соратника Герцена Николая Платоновича Огарева (1813—1877) широко вошли в обиход русской вольной поэзии со второй половины 1850-х годов, когда поэт эмигрировал из России и принял самое активное участие в пропагандистской деятельности, сосредоточенной вокруг «Колокола», «Полярной звезды» и других изданий Вольной русской типографии.

Ряд произведений Огарева был написан до начала 1855 года, однако распространение их в списках относится к несколько более позднему времени. Поэтому в настоящем сборнике из целого ряда стихотворений, печатавшихся в «Полярной звезде», «Русской библиотеке», «Лютне» и других изданиях, перепечатываются четыре стихотворения, раньше других пополнивших фонд вольной поэзии. Кроме того, перепечатывается отрывок из поэмы «Юмор», написанной в 1840—1841 годы и, по свидетельству Герцена, известной «в кругу читателей письменной русской литературы». [1]

Вопрос об авторе перепечатываемого «Разговора в 1849 году» требует дальнейшего изучения, но авторство Огарева представляется вероятным.

[1] Предисловие к анонимному изданию поэмы в Лондоне, в 1857 г. — А. И. Герцен, Собр. соч., т. 13, М., 1958, с. 423.

248. ЮМОР

Du, Geist des Widerspruchs,
nur zu!
Du magst mich führen.

Goethe. «Faust» [1]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<*Отрывок*>

...Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Пушкин

1

Подчас, не знаю почему,
Меня страшит моя Россия;
Мы, к сожаленью моему,
Не справимся с времен Батыя;
У нас простора нет уму,
В своем углу, как проклятые,
Мы неподвижны и гнием,
Не помышляя ни о чем.

Куда ни взглянешь — всё тоска,
На улицах всё снег да холод,
К тому ж и жизнь нам нелегка:
Везде безденежье да голод. —
Министром Врончeнко пока;
Канкрин уж слишком был немолод,
На лаж ужасно что-то скуп,
А рубль — целковый очень глуп.

В литературе, о друзья
(Хоть сам пишу, о том ни слова),
Не много проку вижу я.
В Москве всё проза Шевырева —
Весьма фразистая статья,
Дают «Парашу» Полевого,
И плачет публика моя;

---

[1] Ты, дух противоречия! Готов я покориться. *Гете. «Фауст»* (нем.). — *Ред.*

Певцы замолкли, Пушкин стих,
Хромает тяжко вялый стих.

Нет, виноват! — есть, есть поэт,
Хоть он и офицер армейской;
Что делать, так наш создан свет, —
У нас, в стране Гиперборейской,
Чуть есть талант, уж с ранних лет —
Иль под надзор он полицейской
Попал, иль вовсе сослан он.
О нем писал и Виссарьон.

Но перервемте эту речь,
Литература надоела;
Пусть пишет Нестор, пишет Греч,
Что нам до этого за дело?
Позвольте на диван мне лечь;
Закурим трубку — вот в чем смело
Могу уверить вас: сей дым
Уж нынче дамам невредим.

Да, в этом есть успех у нас,
Уж вовсе время исчезает
Олигархических проказ;
Нас спесь уже не забавляет,
В гостиных скучно нам подчас,
На балах молодежь зевает,
Гулять не ходит на бульвар, —
У ней в чести Швалье да Яр.

Порой и я — известно вам —
Люблю одну, две, три бутылки
Хоть с вами выпить пополам:
Умы становятся так пылки,
Дается воля языкам,
А там ложись хоть на носилки...
Но я боюся за одно:
Ну надоест нам и вино?..

Тогда что делать? Час избрав,
Ступай в деревню, мой приятель,
Агрономических забав

Усердный сделайся искатель,
Паши три дня — и будешь прав.
Я о крестьянах, как писатель,
Сказал бы много — но молчу;
Не то чтоб... просто не хочу.

Но мне в деревне не живать;
Как запереться в юных летах!
Я в полк сбираюсь щеголять,
Хочу в усах и эполетах.
Скакать верхом и рассуждать
О разных воинских предметах;
Наверно, быть могу я, друг,
Монтекукулли иль Мальбруг.

А может быть, и сей удел
Пройдет сквозь пальцы — и на свете
Останусь я без всяких дел,
Подумаю о пистолете,
Скажу, что свет мне надоел,
Что ничего уж нет в предмете,
Взведу курок... о человек!
Минута — и твой кончен век!

Скажу, и брошу пистолет,
Спрошу печально чашку чая,
Торговли нашей лучший цвет;
А жалок мне удел Китая.
У Альбиона чести нет,
Святую совесть забывая,
Имея очень жадный нрав,
Не хочет он народных прав.

Хотел еще о том, о сем,
О Франции сказать два слова
И с вами разойтись потом,
Но мы до времени другого
Отложим это, — да, о чем
Я начал бишь? А! Вспомнил снова:
О родине. О, край родной!
Но спать пора нам, милый мой.

1840—1841

249. УПОВАНИЕ. ГОД 1848

Anno cholerae morbi.[1]

Все говорят, что ныне страшно жить,
Что воздух заражен и смертью веет;
На улицу боятся выходить.
Кто встретит гроб — трепещет и бледнеет.
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Так не отдам. Всей жизнью человека
Еще дышу я, всею мыслью века
Я жизненно проникнут до ногтей,
И впереди довольно много дела,
Чтоб мысль о смерти силы не имела.

Что мне чума? — Я слышу чутким слухом
Со всех сторон знакомые слова;
Вблизи, вдали — одним всё полно духом, —
Все воли ищут! Тихо голова
Приподнялась; проходит сон упрямый,
И человек на вещи смотрит прямо.
Встревожен он. На нем так много лет
Рука преданья дряхлого лежала,
Что страшно страшен новый свет сначала.
Но свыкнись, узник! Из тюрьмы на свет
Когда выходят — взору трудно, больно,
А после станет ясно и раздольно.

О! Из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы, —
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественный свободы.
Мне с юга моря синяя волна
Лелеет слух внезапным колыханьем...
Роскошных снов ленивая страна —
И ты полна вновь юным ожиданьем!
Еще уныл «Ave Maria» [2] глас
И дремлет вкруг семи холмов поляна,
Но втайне Цезарю в последний раз
Готовится проклятье Ватикана.

---

[1] В холерный год (лат.). — *Ред.*
[2] «Славься, Мария» (лат.). — *Ред.*

Что ж? Начинай! Уж гордый Рейн восстал,
От долгих грез очнулся тих, но страшен,
Упрямо воли жаждущий вассал
Грозит остаткам феодальных башен.
На Западе каким-то новым днем
Из хаоса корыстей величаво,
Как разум светлое, восходит право,
И нет застав, земля — всем общий дом.
Как волхв, хочу с Востока в путь суровый
Идти и я, дабы вещать о том,
Что видел я, как мир родился новый!

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тут
Знал сердцу светлых несколько минут,
Еще за то, что, вместе изнывая,
С тобою я и плакал и страдал
И цепью нас одною рок связал, —
И ты под свод дряхлеющего зданья,
В глуши трудясь, подкапываешь взрыв?
Что скажешь миру ты? Какой призыв?
Не знаю я! Но все твои страданья
И весь твой труд готов делить с тобой,
И верю, что пробьюсь — как наш народ родной —
В терпении и с твердостию многой
На новый свет неведомой дорогой!

Апрель 1848

250. 1849 ГОД

Вы знаете: победа дряхлой власти
Свершилася. Погибло, как мятеж,
Свободы дело, рушилось на части,
И деспотизм помолодел и свеж.
Безропотно, как маленькие дети,
Они свободу отдали тотчас,
В смущении боясь отцовской плети,
И весь восторг, как шалость, в них погас.

Вы знаете: в Европе уже ныне
Не сыщется ни одного угла,

Где б наша жизнь, верна своей святыне,
Светло и мирно кончиться могла.
Вы не зарезались? Еще, быть может,
Жить хочется? Так что ж? Скорей, скорей!
Бегите в степь, где разве вихрь тревожит,
В Америку — туда, где нет людей!
И, до седин бесплодно доживая,
С отчаяньем в груди умрите там,
Забыть стараясь и не забывая,
Что всё, что в жизни было свято вам:
Мечты, свободы, ваши убежденья,
Не нужны никому — и все замрут,
Как всякие безумные мученья,
Как всякий мозга бесполезный труд!

1849

251. АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?»
— «Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!..»

— «Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюся батожья!

Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Всё тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! Ни пистолета!..
И конца нет, сколько жить!

24 февраля — 20 марта 1850

252. СОН

Когда сменился день молчаньем темной ночи,
Дремота смутная мне налегла на очи,
И вижу я: на площади народ,
И слышен звон с высоких колоколен,
И юный царь торжественно грядет
В порфире и венце, сияющ и доволен;
За ним попы, бояре и полки,
Хвалебный гимн гремит, блестят штыки.
Но мною обуял внезапно гнев священный,
Я бросился к царю и дланью дерзновенной
С его главы сорвал златой венец,
И бросил в прах, и растоптал на части;
«Довольно! — я вскричал. — Погибни наконец
Вся эта ветошь ненавистной власти!»
Пророческая мощь мою вздымала грудь,
А царь бледнел, испуганный и злобный;
В народе гул прошел громоподобный,
И как морская зыбь, грозы почуя путь,
Растет из тишины, в которой ей дремалось, —
Тысячеглавая толпа заколебалась...

1854

Н. П. Огарев (?)

253. РАЗГОВОР В 1849 ГОДУ

Николай

А, Врончепко, ты здесь! Насилу! Очень рад!
Хочу я во́йска часть отправить за Карпат.
Мне вопли Австрии так добрались до сердца,
Что даже личный враг милее мне венгерца.
Маршрут составлен мной, приказы отданы;
Развязывай кошель и не жалей казны.
Войску нашему маршрут:
Пусть их лямку трут,
На венгерца прут,
За австрийца мрут,
Вместо их рекрут
Втрое наберут.

Врончепко

Царь — отечества отец!
Гроши сгибли на дворец,
На железные дороги
И на невский мост,
Прошлогодние итоги
Нам поджали хвост.

Николай

Вот дело мне нашел — рассматривать итоги,
Их не поставишь в строй, не вытянешь им ноги;
Мне нужно, чтоб ты был в своих проектах быстр,
Иначе ты хохол, и вовсе не министр.

Врончепко

Вам известно, что расход
Прибывает каждый год,
И недаром за ушами
Чешет бедный наш народ.
Все финансы по рукам
Так и льются здесь и там;
А уж главный над путями
Без пути берет.

Николай

Терпеть я не могу нелепых отговорок.
Что деньги? Прах и тлен, мне миг желанья дорог!
Ты можешь про себя хохлацкие петь песни,
Со мной по-русски пой! Дай денег мне — хоть тресни!

Волконский

(на голос: «Во саду ли, в огороде»)

Да, как встретится нужда,
А карманы узки,
То известно, что тогда
Надо петь по-русски.
Русский лад совсем иной,
Как-то заунывен;
И на нем уж, как ни пой,
Будешь не противен.
Всё по-русски сущий вздор;
Чтоб добраться цели,
Жмем народ до тех мы пор,
Сок пока есть в теле!
Им же лучше — пусть сидят
В нищете и мраке;
Ведь от жиру, говорят,
Бесятся собаки.

Николай

Прекрасно и умно — для нас всё сущий вздор.
Ступай, пиши проект... А вот и прокурор!
Ну, что у вас, хлопочут ли в Синоде,
Чтоб православие поддерживать в народе?

Протасов

Для родного края
Царя Николая
Господи помилуй
На веки веков!
За его заслуги
Жизнь его супруги
Господи спаси
На веки веков.

Даром чудодейства
Царское семейство
Господи помилуй
На веки веков!
Для счастья народа
Главных лиц Синода
Господи помилуй
На веки веков!
От лихой напасти
Все чины и власти
Господи спаси
На веки веков!
Для смотров, параду
Воинства громаду
Господи спаси
На веки веков!
А от просвещенья
Всех без исключенья
Господи помилуй
На веки веков!

Николай

Согласен я с тобой, мысль очень хороша,
В ней виден русский дух и русская душа;
Но вот чего бы мне хотелося добиться:
Как может эта мысль на деле проявиться?

Протасов

(под тон мазурки)

Пусть нас дуют палкой
Вдоль и с перевалкой,
Мы ведь христиане:
Наш удел — терпеть.
Можно под мазурку
С нас содрать и шкурку —
«Господи помилуй!» —
Мы все будем петь.
У нас, у Синода,
Уж такая мода,
Скакаше, играя,
Сам святый Давид.
Нынче те же нравы;

Для твоей забавы
Мы скакать готовы,
Хоть спина болит.

Николай

Вот средство верное, чтоб к нам не допустить
На дряхлом Западе возникшую крамолу
И в сердце подданных с успехом перелить
Любовь к отечеству и преданность к престолу.

⟨1852⟩

А. А. ФЕТ

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) — в вольной русской поэзии имя совершенно случайное. Его не более чем умеренно-либеральное мировоззрение начала 1840-х годов вызвало к жизни печатаемое стихотворение. Тема сатиры — не какие-либо общественно-политические неустройства, а конкретный повод — возмутившее всю передовую интеллигенцию реакционно-славянофильское стихотворение М. А. Дмитриева. Тем не менее в ней отразились недовольство обскурантизмом, произволом и расправами властей над народом, уважение к новому в жизни. Стихотворение приобрело некоторую популярность и расходилось в списках.

Почти полвека спустя Я. П. Полонский напомнил Фету это стихотворение, сопроводив его словами: «Каким тогда был ты либералом».[1]

254. АВТОРУ СТИХОВ «БЕЗЫМЕННОМУ КРИТИКУ»
(М. ДМИТРИЕВУ, КОТОРЫЙ ПОМЕСТИЛ ИХ В „МОСКВИТЯНИНЕ")

Как тебе достало духу
Руси подличать в глаза?
Карамзин тебе даст плюху,
Ломоносов даст туза.

Кто ни честен, кто ни славен,
Будет славен сам собой;
Ни Жуковский, ни Державин
Не нуждаются тобой.

Будь каких ты хочешь мнений
О России до Петра —

[1] «Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии», Пг., 1917, с. 339.

От твоих стихотворений
Не прибудет нам добра.

. . . .

Где ответ на глупость эту?
И кому тебя судить?
Нет, не мирному поэту, —
Надо в клинику сходить.

. . . .

Жалко племени младого,
Где отцы — ни дать ни взять, —
Как хавроньи, всё, что ново,
Научают попирать.

Где народности примеры?
Не у Спасских ли ворот,
Где во славу русской веры
Казаки крестят народ?

Да, у нас на месте лобном,
На народной площади́,
Калачи так славно сдобны,
Что наешься и — ...

Горько вам, что ваших псарен
Не зовем церквами мы,
Что теперь не важен барин,
Важны дельные умы.

Да, Россия властью вашей
Та же, что и до Петра:
Набивает брюхо кашей
И рыгает до утра.

Что вам Пушкин? Ваши боги
Вам поют о старине
И печатают эклоги
У холопьев на спине.

Ноябрь 1842

Ф. Ф. ВАДКОВСКИЙ

За сочинение не дошедших до нас сатирических стихов на вел. кн. Михаила Павловича корнет кавалергардского полка Федор Федорович Вадковский (1800—1844) был в июне 1824 года переведен в один из армейских полков, расположенных в Курске. Член Северного и Южного обществ, Вадковский принадлежал к крайнему левому флангу: он вел разговоры о необходимости цареубийства. Первоначально он был приговорен к пожизненной каторге и лишь позднее срок был сокращен до тридцати лет. Вадковский эпизодически писал стихи на русском и французском языках. Сохранилось лишь очень немногое. Возможно, он участвовал в создании цикла агитационных песен Рылеева—Бестужева.

255. ЖЕЛАНИЯ

Помнишь ли ты нас, Русь святая, наша мать,
Иль тебе, родимая, не велят и вспоминать?
Русский бог тебе добрых деток было дал,
А твой бестия царь их в Сибирь всех разослал!
⟨Вот за что хотели мы нашу кровь пролить.⟩
Чтобы кровию той волюшку тебе купить,
Чтобы на Руси цепь народа разорвать,
Чтоб солдатушкам в службе век не вековать;
Чтоб везде и всем одинаковый был суд,
И чтобы никто больше не слыхал про кнут,
Чтоб судили вслух, а не тайно, не тишком,
И чтоб каждому воздавалось поделом;
Чтобы всякий мог смело мыслить и писать,
Правду-матушку на весь мир провозглашать;
Чтобы твой народ сам собою управлял,
Чтобы чрез избранных он законы поставлял,

Чтобы всяк берег те законы пуще глаз,
Помня про себя: глас народа — божий глас!
Чтобы на Руси всюду школы основать,
С тем чтобы мужичков не могли бы надувать;
Чтобы не было ни вельможей, ни дворян,
Дармоедов тех, что живут на счет крестьян.
Вот чего тебе мы хотели добывать;
Вот за что твой царь нас велел заковать!
Вспомни же ты нас: деток ты не забывай...
Хоть за их любовь иногда их вспоминай!

⟨1843⟩

Н. И. КУЛИКОВ

Николай Иванович Куликов (1812—1891) — актер и режиссер Александринского театра в Петербурге, автор и переводчик более чем полусотни пьес, многие из которых удержались в репертуаре, особенно провинциальных театров, до начала XX века («Скандал в благородном семействе», «Ворона в павлиньих перьях», «Цыгане» и др.). По словам Куликова, «в молодости моей были написаны помещаемые ниже стихи; никогда я не думал видеть их в печати, а в то время это было и немыслимо. Первому я отдал их П. В. Нащокину, он послал В. Г. Белинскому — и скоро распространились слухи по России. . .» [1]

Памфлет в самом деле очень понравился Белинскому. Из письма П. А. Плетнева к Я. К. Гроту от 20 марта 1843 года видно, что в этот день Белинский приходил к нему, «чтобы с торжеством прочитать нам чью-то пародию на поэму Пушкина «Разбойники». Это презабавно. На ней удержан не только весь план, тон, даже все наиболее памятные выражения». [2]

В письме от 31 марта — 3 апреля 1843 года Белинский писал В. П. Боткину: «Посылаю тебе пародию на «Братьев-разбойников»; пожалуйста, распространи ее по Москве». [3]

Памфлет представляет собою перепев поэмы Пушкина «Братья-разбойники». Он направлен против Ф. В. Булгарина (1789—1859) и использует различные факты его биографии: поляк по происхождению, офицер лейб-гвардии уланского полка, участник войны 1804—1805 годов, в 1810 году рядовой польского легиона, сформированного Наполеоном I. В 1812 году он был взят в плен русскими войсками, но каким-то образом выпутался и в 1820 году оказался в Париже, а затем в Петербурге. С 1825 года он издавал вместе с журналистом, педагогом и беллетристом Н. И. Гречем (1787—1867) газету «Северная пчела» и журнал «Сын отечества».

---

[1] Н. И. Куликов, Братья-журналисты. — «Русская старина», 1885, № 2, с. 471.

[2] «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. 2, СПб., 1896, с. 38.

[3] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 12, М., 1956, с. 154.

Некоторое время Булгарин был близок к кругу будущих декабристов — К. Ф. Рылееву, братьям Бестужевым, А. С. Грибоедову. Став осведомителями III Отделения, Булгарин и Греч на протяжении ряда лет играли в общественной жизни России самую гнусную роль, всячески поддерживая внутреннюю реакционную политику самодержавия и стяжав себе ненависть всех передовых и порядочных людей.

256. БРАТЬЯ-ЖУРНАЛИСТЫ

Не стая птиц, а как собаки,
Готовые из-за костей
Загрызть и ближних и друзей,
Так алчные вина и драки,
В урочный из недельных дней,
К Булгарину, в числе гостей,
Сбирались разные писаки.

Какая смесь лиц и умов,
Способностей и состоянья:
Из немцев, поляков, жидов
Здесь русских критиков собранье.
Здесь цель одна для всех сердец:
Не верить никаким законам.
Меж ними зрится пан-беглец,
Что приставал ко всем знаменам,
Песоцкий, букинист-варяг,
И множество других бродяг —
Язвинский, Шпиц, Межевич грязный,
И Греча сын, и с ленью праздной
Сам Греч, действительный цыган.

Шпионство, злость, подрыв, обман —
Вот узы избранных мерзавцев;
Тот их, кто по миру пустил
Двух или трех книгопродавцев;
Кто ближнего из-за чернил —
Перед правительством чернил;
Кому смешна прямая честность,
Кто ум и гений не щадит,

Кого бесчестье веселит,
Как Греча срамная известность.

Раскрылись подлые уста...
Речь о писателях заходит...
И на невинных клевета
Из уст в другие переходит.
Но, сплетен истощив запас,
Умолкли все... их занимает
Фадея старого рассказ,
И всё вокруг его внимает.

«Нас только двое: Греч и я;
Взросли мы розно; наша дружба,
Как баснь «Крестьянин и змея».
Наскучила нам чести служба.
И согласились меж собой
Мы издавать журнал большой;
В сотрудники себе набрали
Пройдох таких, как мы точь-в-точь;
Свои грехи на них слагали,
А пикнут — отгоняли прочь.

Бывало, в ту пору глухую,
Статейку пустим удалую,
Браним иль хвалим под рукой
И вес имеем над толпой.
Кто не робел меня и Греча?!
Сберется ль где-нибудь род веча,
Туда, как братья, и кричим,
Всех громче судим, осуждаем,
На счет хозяев пьем, едим,
Всех, как Иуда, предадим —
И сребреники получаем.

И что ж? Попались молодцы!
Мы с Пушкиным не совладали,
Он нас клеймил; как подлецы
С тех пор мы в общем мненьи стали.
И я чуть не попал в острог.
Но вынесть больше Греча мог:
Я бегал под двумя орлами,

Он всё гонялся за чинами.
Я уцелел, он изнемог.
С трудом поддерживая связи
(Хоть и в чинах, а всё из грязи)
И мне во всем быв по плечу,
Он трусил всех, твердя всечасно:
Мне стыдно здесь. . . в Париж хочу!
Я тут себя ему напрасно
В пример бесстыдства выставлял:
Он в Петербурге всех стыдился
И путешествовать пустился,
Оттоль статейки присылал;
В них русским льстил, других ругал,
Но тем не выиграл у трона...
Лишь за границею стяжал
Он имя русского шпиона.

Но наша связь свое взяла.
Вновь с Гречем мы соединились.
Стыдливость глупая прошла,
С ней честь и совесть удалились.
Восстали снова мы! С тех пор
Росла в нас злость на всех известных.
Душа рвалась при виде честных,
Алкала сплетен, лжи и ссор!
Нам тошен был журнал правдивый,
Редактор, критик справедливый,
Поэт, художник и актер,
И в юноше талант счастливый, —
На всех двойной точили нож.
Всех под сюркуп вели. И что ж,
Из всех — лишь одного больного
Нам страшно резать старика:
На Николая Полевого
Не поднимается рука.

Раз, помню, сам в войне жестокой,
В измене трижды уличен
(Как перебежчик двух сторон),
Я с чувством подлости глубокой
Кричал: „Vivat! Ура! Pardon!“»

1843

И. С. АКСАКОВ

Младший сын С. Т. Аксакова — Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) оставил небольшое поэтическое наследие. Как отец и старший брат К. С. Аксаков (см. о нем на с. 633), он тоже был правоверным славянофилом, и его стихотворения почти все проникнуты публицистическим пафосом этого направления русской общественной мысли.

Цензура особенно преследовала те стихотворения Аксакова, в которых сатирически изображалось российское чиновничество и бюрократия («Жизнь чиновника»), где ставилась проблема честной государственной службы («Моим друзьям...»). Поэт был преисполнен желания пробудить «блаженство сонных», «нарушить быта тишину» и призвать дворянскую интеллигенцию к служению народу. Подобные побуждения, выраженные в стихах, естественно, не могли встретить сочувствия властей.

Кроме перепечатываемых ниже четырех стихотворений, ходило по рукам и вскоре после написания (26 апреля 1854 года) оказалось в III Отделении стихотворение «На Дунай!». Власти почему-то усмотрели в этом стихотворении дух, противный «законному порядку». Помышляли о том, чтобы заключить автора в крепость до окончания войны, но дело обошлось.[1] Стихотворение впервые было напечатано лишь в 1886 году.

257

Итак, в суде верховном — виноват!
Хотел сказать: на фабрике сенатской —
Среди обширных каменных палат,
Грязнее всякой камеры палатской,
Работаю как будто на подряд.

---

[1] М. К. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. ⟨СПб.⟩, 1908, с. 219—220.

Вкусили мы всю прелесть службы ⟨царской⟩,
И видим: слишком мало толку в ней,
Чтоб ей отдать цвет лучших наших дней.

. . . .

Хотя б сказал сенатский наш оратор,
Что грудь звездами, дюжих пару плеч
Нам лентами украсит император,
А право, друг, игра не стоит свеч!
Что толку в том, министр ты иль сенатор!

. . . .

Но чужды мне столь сильные желанья:
Всю жизнь отдать за ленты и кресты,
Немецкие ничтожные прозванья,
Все полные блестящей пустоты,
Я к ним в себе не чувствую призванья...

1843

258. ЖИЗНЬ ЧИНОВНИКА

Мистерия в трех периодах

Действующие: Чиновник будущий в 1-м периоде, настоящий во 2-м и старик в 3-м. Демон службы. Таинственный голос. Чиновники. Главный начальник. Хор добрых гениев. Курьер. Канцелярия присутственного места.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ

Комната, скромно убранная; в ней тихо и уединенно; будущий чиновник сидит за столом, на котором лежат книги, журналы и бумаги да еще не разрезанные томы «Свода законов».

Будущий чиновник

Служить? иль не служить? да, вот вопрос!
Как сильно он мою тревожит душу!
Не я ль мечтал для общей пользы жить?
Ужель теперь я свой обет нарушу?
Но службою достигну ль цели я?
    Но благородные движенья,
Тревожная деятельность моя
Найдут ли в ней себе вознагражденье?

Отраду ли пошлет в моей глуши
То поприще, что предо мной открылось?
Спокоит ли стремление души?
В груди моей всегда так много билось!

Демон службы

Будешь жить спокойно, кругло и счастливо;
Лучше лавра гордого мирная олива!
Пылкие и смелые рушатся мечты,
Так с судьбой заранее примирися ты.
Сам достопочтенный, ревностный чиновник,
Подчиненных счастья будешь ты виновник.
И начальство высшее, дорожа тобой,
Грудь украсит лентою, осенит звездой!
Не ища фортуны милости случайной,
Будешь ты действительный, будешь ты и тайный!
Не толкуя о вещах превратно
И любя приличие и мир,
Приходи на службу аккуратно,
Надевай зеленый вицмундир.
Лишь войдешь в присутствие — учтиво
Всех приветствуй, прочь отбросив спесь;
А взойдет начальник — торопливо
Ты почтительный поклон отвесь...
На столе реестры и таблицы
Взор привычный манят на себя;
Букв чернильных белые страницы
Просят жадно-жадно у тебя!
Благородной службою довольный,
На бумагах нумера отметь,
Свой реестр переберн настольный:
Надо всюду зоркий глаз иметь!
Вечером с супругою достойной,
Чуждый всех бессмысленных тревог,
Будешь чай вкушать с душой спокойной, —
А малютки ре́звятся у ног!..
Год за годом так промчится мимо,
Чин за чином станет приходить,
И, начальством и судьбой хранимый,
Будешь долго в лоне мира жить!
И когда наступит год урочный,
В сердце той же ревностью горя,

Обретешь знак службы беспорочной,
Пенсион по милости царя.
Да! поверь! Сатурном убеленный,
Жизнь свою на службу посвятив,
Гражданин полезный и почтенный,
Будешь ввек в архивных списках жив!

Будущий чиновник
(в раздумье и как бы вспоминая)

Не буйная радость,
Веселье и шум
Тревожили младость,
Пленяли мой ум:
Сил юных отвага,
Дум гордых полет,
Цель — общее благо
Высоких забот!..
И грудь воздымалась,
Ждал пламенно я,
Чтобы оправдалась
Надежда моя!
Мне грустно: ужели
Из сердца изгнать,
О чем с колыбели
Привык я мечтать?

Таинственный голос

Прекрасного в тебе таится много, —
Ты божьей искрой свыше наделен,
И жизни пошлой битая дорога
Не твой удел: к иному ты сужден!
Да, с ранних лет в тебе жила тревога,
Стремление твой волновало сон,
Иную цель, цель высших наслаждений,
Тебе давно предназначал твой гений!
Остановись! и для мертвящей жизни
Не отдавай младой души своей:
Чтоб не внушило поздней укоризны
Сознание ничтожности твоей!
На поприще служебном для отчизны
Не будешь ты полезней и славней.

Еще в тебе так силы свежи, новы;
Ужель на них оденешь ты оковы?
О, верь же мне! грядущее богато
Вознаградит прошедшие года!
Ничтожных выгод жалкая утрата
Раскаянья не вызовет следа!
Смелей же в путь с надеждою крылатой
На поприще и славы и труда!
Всем существом стремися безвозвратно,
Чтобы достичь до цели благодатной!

Будущий чиновник

Голос пленительный голос лукавый,
Много сулишь ты мне чести и славы!
Было б отрадно мне верить тебе,
Что предназначен иной я судьбе!
Кто же мне верною будет порукой,
Что не окончу бесславьем и мукой?
Чем за мечтою гоняться пустой,
В жизни не лучше ль бесстрастный покой?

Демон службы

Оставь тревожные мечты,
Услышь совет благоразумный,
Признайся сам мне: вправе ль ты
Судьбы искать блестящей, шумной?
Полно самолюбивых дум,
Волнуется младое племя,
Кипит свободный, гордый ум
И мыслит: будет наше время;
Узнаем мы народный плеск,
И гром похвал, и славы блеск!
Но время твердою стопой
Наружу истину выводит,
И свет ее мечтаний рой
Отгонит прочь. Туман проходит,
И, с настоящим примирясь,
Ватага прежняя безумцев
Нисходит в жизненную грязь,
В ханжей, в рабов из вольнодумцев!
Поглотит их толпа людей
Обычной пошлостью своей!

К превосходительным чинам
Стремятся Бруты, Александры!..
Внемли же ты моим словам,
Услышь пророчество Кассандры!
Не много я в тебе нашел:
Ты не из ярких исключений,
Не слишком добр, не слишком зол,
Не то чтоб глуп, не то чтоб гений!
Так избери солидный быт,
Где был бы счастлив ты и сыт!

Будущий чиновник
(хватая себя за голову)

Горе мне! какие звуки!
В душу голос твой проник,
И уж вижу я в тумане
Свой чиновнический лик!

(Придвигается к столу и пишет просьбу о принятии его на службу.)

ПЕРИОД ВТОРОЙ

(Пятнадцать лет спустя после первого)

Канцелярия присутственного места. Обширная грязная комната, уставленная столами и шкафами и наполненная чиновниками. Одни сидят и занимаются, другие хлопочут, суетятся, беспрестанно входят и выходят. Шум. Все говорят вслух и в одно время. Среди этого гула слышится:

Хор
(на голос духов из «Роберта Диавола»)

Нам любо и мило
Средь грязных палат,
Где брызжут чернила,
Где перья скрипят!
Согнувши где спины,
Мы вечно сидим.
Огромной машины
Колеса вертим!
Здесь нашему брату
Отрадный приют,

И добрую плату
Берем мы за труд!
Богач ли спесивый,
Бедняк ли зайдет,
От всех нам пожива,
И дань, и почет!
И казнь и прощенье,
И радость и страх —
Всё в нашем владеньи,
Всё в наших руках!

Два чиновника (встречаясь).

1-й

Петр Карпыч! будьте мне полезны.

2-й

В чем-с? рад служить, дозволит лишь закон...
Чего же?

1-й

Табачку, любезный!

(2-й вынимает табакерку, 1-й нюхает и, кланяясь)

В знак благодарности усердный мой поклон.

Расходятся.

Один столоначальник
(своему помощнику)

Скажите, Марк Ильич, ну кто так скверно пишет?
Всё думаете вы: сойдет и так авось!
Нет-с, секретарь у нас всё видит и всё слышит,
И этот приговор теперь хоть даром брось!

Другой столоначальник
(принимая бумаги от регистраторского помощника и отдавая их писцу)

Отметьте здесь регистратуры номер,
Бумаги все сложите к сорту сорт.

(Обращаясь к регистраторскому чиновнику)

Скажите, правда ли, что Марк Терентьев помер?
Есть, говорят, из Грузии рапóрт?

Регистраторский помощник
(указывая на одну из бумаг)
Да, вот он налицо.

Столоначальник
Благодарю, мой боже!
Так дело кончено. Доложим дня сего же!

Чиновник
(в очках)
Что это! новые таблицы,
Плод министерского ума,
Для арестантов! Эки птицы!
Да нам-то каково: ведь их такая тьма!
Об них монарших повелений
Мы удостоились в апреле до двухсот!
Мошенники не стоят попечений,
А здесь за них трудись, потей честной народ!

Один секретарь
(проходя через комнату с другим)
Его превосходительство,
Вот видишь, ономня́сь
Про чье-то покровительство
Просить изволил князь.
А наш его сиятельству
На это говорит,
Что в жертву он приятельству
Душой не покривит.
Однако нынче *мнение*
Велел мне сочинить,
Чтоб это преступление
Законно извинить!
Да всё, брат, недосужливо. . .

Другой
Mon cher, [1] что́ много врать?
Закон у нас услужливый,
Так долго ль написать!

Проходят.

---

[1] Мой милый (франц.). — *Ред.*

Еще секретарь
(столоначальнику подавая черновую резолюцию)

Смотрите: Демина они велели высечь!
Вот вздор подчас изволят городить!
И слушать не хотят! Да этак сотни тысяч,
И скоро нас самих придется им судить.
То строги чересчур, то чересчур уж слабы,
Какой на них найдет, извольте видеть, час!
Эх, будь-ка я министр, Лука Ильич, так я бы...

(Махая рукой и со вздохом)

Пиши, брат, приговор! да заготовь указ!

Столоначальник-старик

Ребята! за дело,
Пишите дружней!
Что только поспело,
Давайте скорей.
Готовы ли перья?

Писцы

Готовы.

Столоначальник-старик

Вонми:

(диктуя)

Крестьянка Лукерья
Сечется плетьми!

4-й столоначальник
(читая просьбу)

Ах, бестия Будылкин, — снова с просьбой!
Побили дурака, и поделом. А он
Бесчестия просить изволит; видишь,
Обижен, говорит, честь страждет, впрочем, что ж?
Кажись, не всё по форме. Дай-ка справлюсь.

(Роется в X томе)

И впрямь, вот тут четырнадцатый пункт
Не соблюден, — так с надписью, приятель,
Назад ее получишь! Но сперва
Ты подождешь за это в наказанье.

Главный начальник

(входит в комнату; все опрометью вскакивают с мест; он подзывает к себе одного из секретарей)

У вас какие неисправности —
С прискорбием замечу вам:
Писцы без всякой благонравности,
Без уважения к чинам!
Признайтесь мне, — не отмечаете
Настольный вовсе вы регистр?
Вы так по службе потеряете.
Что, ежели б узнал министр?
По высочайшим повелениям
Печатный шлете вы указ!
Да, повторяю с сожалением,
Не ждал я этого от вас!

Секретарь

Завален, право, я работою:
Дела в три тысячи листов!
Поверьте мне: со всей охотою,
А не могу быть в срок готов.

Главный начальник

(пожимая плечами)

Мне дела нет, — министр наш требует,
Чтоб только полон был итог!
Я предварил вас так, как следует.
Я сделал всё, что только мог!..

ПЕРЕМЕНА ДЕКОРАЦИИ

Комната настоящего чиновника, уставленная кипами бумаг и томами «Свода законов». Он сидит за столом и пишет.

Таинственный голос

Твоего касаюсь слуха
Вновь теперь, как прежде, я.
Это ль деятельность духа,
Это ль цель была твоя?
Где ж движенье, где же благо,
Сердца искренний призыв,

Благородных дум отвага,
Прежних лет твоих порыв?
Ты не тот, каким был прежде,
С строго-честною душой,
Доверявшийся надежде,
Обольщавшийся мечтой!
Нет души той в прежнем теле,
Пламень светлый в ней погас:
Ты растратил в мертвом деле
Свежих сил своих запас!
Ты отвергнул путь спасенья,
Был ты глух на голос мой, —
Прозябай же без стремленья
И косней своей душой!

Чиновник

(среди занятий своих не слыхавший таинственного голоса, кладет перо, зевает, на креслах придвигается к окошку и задумывается)

Пятнадцать лет служу я; каждый день
Хожу в присутствие; и с совестью спокойной
Могу сказать, что долг служебный свой
Я исполнял усердно и достойно!
И счастлив я: моя прекрасная жена
Толпой резвящихся детей окружена!
Лишь орден бы еще мне дали для почета,
Да денег от казны, да генеральский чин —
Тогда б я стал служить без скучного расчета,
Чиновник ревностный и добрый семьянин!
А праздник нынче! Все толпятся на гулянье:
Туда и модники, туда бородачи!
Вот сколько молодых в курьезном одеяньи,
Спесивый всё народ и, верно, богачи!
Я их не жалую: они народ ученый,
И смотрят всё на нас, как будто, право, мы
Здесь бесполезный класс, на плутни
лишь смышленый.
Что ж их работают великие умы?
Болтают целый день да ни об чем не тужат,
А между тем туда ж, о пользе говорят.
Служить не так легко, — зато они не служат,
А нашу братию безжалостно бранят!

Демон службы

Они кружа́тся в вихре света
Толпою жалкою невежд,
И по́лны их младые лета
Пустых речей, пустых надежд!
Любовь к отчизне производит
И в их сердцах какой-то жар.
Но их без пользы жизнь проходит,
Но их любви бесплоден дар!
Они отчизне стали чужды,
Не постигая меж собой
Ее действительные нужды!
Привычно им страны родной —
Среди поверхностных суждений
О том, что стыдно им не знать, —
Ткань многосложных учреждений
Безумной речью порицать!
И, расточая даром время,
Всё осмеянью обреча,
Трудов правительственных бремя
Не возлагают на плеча!
Но если грозный час настанет,
Раздвинет мрак, рассеет сон
И над безумцами прогрянет
Словами вещими закон, —
Перед тобой тогда во прахе,
Поняв ничтожество свое,
Сознают в трепете и страхе,
Закон, могущество твое!
Да, в них сердца надменны, души гнилы...
Чиновник выше их, блуждающих во мгле,
Орудие правительственной силы
И правосудия служитель на земле!
Гражданское ты ведаешь устройство,
И тщательно тобой изучены
Законодательства все стороны и свойства,
Их приложение к обычаям страны!
Жрец истины, в том слове проявленной,
Покорен дух в тебе, но веселится он,
Когда гремит, на благо устремленный,
С неотразимой силою закон!

Чиновник

Да, это так; служа по части судной,
Могу сказать аминь, но что-то я
Работой утомился многотрудной,
И отдых, верно, подкрепит меня.

(Протягивается в креслах.)

Эх, хорошо б теперь на миг забыться
От деловых бумаг в приятном, легком сне. . .
Чтоб рой приятных грез приснился,
Отрадный след оставив мне!

(Мало-помалу засыпает.)

Таинственный голос

Нет! не помысл благородный
Движет весь чиновный люд,
Вызывает ум холодный
На полезный мнимо труд!
Мысль о славе, о бесславье
Не волнует вашу кровь,
В вас живет одно тщеславье,
Мелких почестей любовь!

Хор добрых гениев
(витающих около спящего чиновника)

О тебе мы пожалеем,
Ты работой утомлен,
Поласкаем, полелеем
И пошлем приятный сон!

1-й

Что тебе пророчить смею,
Примешь к сердцу горячо:
Анны крест тебе на шею,
Станислав через плечо!

2-й

И другого жди патента,
Только службе верен будь:
Ляжет Аннинская лента
Широко тебе на грудь.

3-й

Будь Фемиды обороной
И получишь знак иной:
С императорской короной,
С осьмигранною звездой.

Чиновник сквозь сон улыбается и простирает руки.

Все вместе

Простирает он объятья,
Лент и звезд желает он!
Мы ему послали, братья,
Улыбающийся сон!

Входит курьер.

Курьер

Его сиятельство прислал меня с пакетом.

Чиновник

(вскакивая)

Его сиятельство? с пакетом? дай сюда...

(Берет пакет в руки и как бы взвешивая его.)

Что может заключаться в этом?
Награда ль моего недавнего труда,
Иль приказание? иль выговор, быть может?
Последнее меня чувствительно тревожит!
Что, если выговор?

(Смотрит на стенные часы.)

Часы бегут пока...
Дай распечатаю... дрожит моя рука...

(Распечатывает, из пакета выпадает крест Анны 2-й степени, Иван Ильич поспешно подхватывает его.)

Что это! Боже мой! глазам своим не верю!
На шею? Анны крест! Давай же я примерю!
Вот радостный сюрприз! как благодарен я
Его сиятельству и вся моя семья!

(Перед зеркалом.)

Надеть его... вот так... чтоб был он виден целый
На черном галстухе и на манишке белой!..

Курьер

С монаршей милостью...

Иван Ильич

Спасибо, брат курьер!
Вот красная тебе: пей за мое здоровье.

Отдает курьеру ассигнацию, тот кланяется и уходит.

Ну! зависть Трухмина теперь не знает мер:
Он всё без ордена — терпение воловье!
Однако написать к Суханову скорей,
Чтобы прислал аршин он орденской мне ленты.
А полученные сегодня мной патенты
Пойду и принесу туда, к жене моей!..
Нет, что ж это, дурак, я даром время трачу?
К его сиятельству скорей, скорей на дачу,
Благодарить его... Я будто бы во сне
Всё вижу... Прошка, эй! поди сюда ко мне!
Ты эту отнесешь к Суханову бумагу
И приготовишь мне мундир, жилет и шпагу.

(Уходит.)

ПЕРИОД ТРЕТИЙ

(Тридцать лет спустя после второго)

Чиновник-старик, дряхлый и больной, лежит в креслах; тяжелое чувство грусти выражается на его лице. На диване кинут небрежно мундир, украшенный звездами.

Чиновник

Мой путь свершен. И на краю могилы
Я вспоминаю всё, о чем давно забыл!
Куда бывалые свои растратил силы,
С какою целию и для чего я жил?
Когда назад я мыслью обращаюсь,
Прошедшее окину взором я,
Скорблю тогда и духом я смущаюсь:
Какая жизнь ничтожная моя!

Бесцветной я и ровною тропою
Шел за другими вслед и так же, как они,
С летами дождался, чего по службе стою:
Пустые, мертвые лишь почести одни!

Ф. В. Булгарин

Карикатура Н. А. Степанова

Ф. В. Булгарин и И. И. Дибич

Карикатура Н. А. Степанова

Да! Счастье пошлое судьба мне даровала,
Занятья дельные мой иссушили ум,
И грудь чиновника ничто не волновало;
Лишь служба — вот предмет моих привычных
дум.

А памятны мне прежние те годы,
Когда был молод я и на своем пути
Так смело выжидал житейские невзгоды...
Но жизнь прожить — не поле перейти!
Душа тогда прекрасное любила,
Порывы доблести мне волновали грудь!
Но жизнь бумажная в ней свежесть погубила,
И вот к чему привел избра́нный мною путь.
И грустно думать мне, что тщетно я трудился,
Что даром отдал жизнь на жертву службе я,
Что тружеником здесь напрасным я явился,
Что не своей я шел дорогой бытия!
Что от моей усердной долгой жизни,
От моего служебного труда
Ни пользы никому, ни блага для отчизны,
Ни светлой памяти, ни ясного следа!
О, тяжело! во мне проснулись снова
Все прежние движения души!
Я будто слышу вновь таинственное слово
Давно будившее меня в ночной тиши!

Таинственный голос

Да! вновь к тебе я слово обращаю,
И в грудь твою проникнет речь моя,
Поймешь теперь, что я тебе вещаю
И что тебе вещал, бывало, я!

Еще не весь ты очерствел в покое
Убийственно однообразных лет!
В тебе опять проснулося живое,
И я опять найду себе ответ!

Называют люди счастьем
Жизнь, подобную твоей,
Не смущенную ненастьем,
Не знававшую страстей!

По плечу им счастье это,
Любят души их покой,
И сердца не жаждут света
Истин мудрости живой!

Но губительно влиянье
Той надменной слепоты;
Но опасно обаянье
Безмятежной пустоты!

В ком она — тот голос шумный
Заглушит в груди своей,
Умертвит, благоразумный,
Всё трепещущее в ней!

Отдал ты за горький опыт
Жизни лучшие лета,
И теперь невольный ропот
Издают твои уста!

Ты к иному был назначен;
Жребий тот тобой утрачен!
И постигнуть не умел
Ты свой истинный удел!

Помню я: живое чувство,
И науки, и искусства,
Бескорыстная любовь
Волновали сильно кровь!

Если б первого призванья
Ты послушался влиянья,
Может быть, твои труды
Дали б вечные плоды.

Не терзался бы сознаньем,
Что ничтожным ты созданьем,
Чадом пошлой суеты
На земле явился ты!

И взамен служебной муки
Ты под знаменем науки

Славы, может быть, венец
Приобрел бы наконец!

Много сладостных мгновений,
Много чистых наслаждений
С чувством легким бытия
Испытала б жизнь твоя!

Поздно всё, перед собою
Видишь даром прожитою
Жизнь свою! Отрады нет,
Не воротишь прежних лет!

Чиновник в ужасе содрогается.

Демон службы

В обширном поприще служебного труда
Есть много отраслей и деятелей много. . .
Но к достижению великого плода
Ведет различная дорога.
Одни (и много их) — правительственных дум
Орудья верные, смиренные пружины:
Полезен их всегда покорный ум
Для государственной, в движении, машины!

Так, если божий храм художник создает,
Потребен каменщик с испытанным терпеньем:
Он жизнь творению художника дает
Работы мертвой исполненьем!..
И счастье мирное их наполняет грудь,
Вне гордых помыслов, волнения и страсти;
Но не для них иной, богатый славой путь,
Не им удел правления и власти!
Тот удел — удел немногих,
Свыше избранных людей!
Духом твердых, духом строгих,
Цели преданных своей.
Благородной страсти жаром
Сердце в них воспалено,
И чело высоким даром
От небес озарено!
Благодетельные мысли
Воплотить они спешат,

Не смущаясь — глубь ли, высь ли
Им преградою лежат!
Много в них судьба вместила,
Вознесла их высоко;
Им привычны власть и сила,
Двигать массой им легко.

Доступны им труды большого
        Объема числ,
Законодательного слова
        Глубокий смысл!
Их подвиг тяжкий, но полезный
        Всегда дает
Добытый волею железной
        Великий плод.
Им чужды легкие забавы,
        Их труден путь;
Для блага общего и славы
        Их бьется грудь.
Зато, лишившись личных в жизни
        Утех, они
Все на алтарь своей отчизны
        Приносят дни! . .

Но если не горит в груди тот дивный дар,
    Но если в сердце нет призванья
И пыл стремления — лишь юной крови жар,
        Хладеющий от испытанья. . .
Но если кто служить орудием слепым
Не может, о пустом значеньи не хлопочет,
        Живет стремлением иным,
А счастья мирного душ дюжинных не хочет,
То пусть служебного тот поприща бежит
Далеко от его однообразной муки,
Пусть свежестью души и чувством дорожит
    Под сению искусства иль науки!

Чиновник

Да! ясно мне теперь утраченное мною,
Невозвратимое ничем уж на земле!
Я, с чувством пламенным, с тревожною душою,

Призванью чуждому пожертвовал собою,
Сам провлачил всю жизнь в какой-то жалкой мгле;
Теперь ужасное свершилось пробужденье,
И правды поздний блеск мне очи просветил:
Благоразумия слепого заблужденье
Я дорогой ценою искупил...
Так разреши мне смерть, зачем, к чему я жил?..

(Умирает.)

ЭПИЛОГ

Великолепные похороны. Народ останавливается и смотрит.

Один

Э! как знатно! должно быть, важный!

Другой

На подушках несут звезды... верно, чиновный...

Третий

А ведь, говорят, был так, простой дворянчик, дослужился. Ну, да не всякому такое счастье!

Проходят.

Еще двое.

Первый

Кто покойник, как слышно?

Второй

Не знаю; по приходу хвалят.

Первый

Ну, царство ему небесное!

Уходят.

Два чиновника.

Молодой чиновник

Покойный его превосходительство нам всем пример. Служил, трудился, и что ж? До всего дошел, всего достиг, счастие узнал полное.

Пожилой чиновник

Нам всем пример! тебе, брат, хорошо так говорить. Ты молод, впереди еще хоть лет сорок службы, всего можешь надеяться; а я, что я?..

Молодой чиновник

Благородный человек покойник. Сколько лет, с каким усердием послужил царю и отечеству! И как добр и вежлив был: придут, бывало, просители, оборванные, грязные, нищие... что ж, выйдет, бывало, говорит, бывало, со всяким: рад был бы, говорит, душевно рад сделать доброе дело, да нельзя, не могу, долг службы не позволяет, закон препятствует. Да всякого, бывало, обласкает!..

Пожилой чиновник

Добрый был генерал. Впрочем, унывать не надо. За богом молитва, а за царем служба не пропадет.

Проходят.

Женщина

А скажите, батюшка, кто был покойный?

Барин

Черт его знает; так себе какой-нибудь!..

Купец

Нет-с. Почет велик. Понимать должно, что важный чиновник.

Голос из толпы

Чиновник, точно. А что, если правду сказать, ведь, верно, был такой же мошенник!..

1843

259

Клеймо домашнего позора
Мы носим, славные извне.
В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!

Ее в своем безумьи яром
Гнетут усердные рабы...
А мы молчим, слабеем жаром
И с каждым днем сдаемся даром,
В бесплодность веруя борьбы!

И слово правды оробело,
И реже шепот смелых дум,
И сердце в нас одебелело,
Порывов нет, в забвеньи дело,
Спугнули мысль, стал празден ум.

Декабрь 1849

260. МОИМ ДРУЗЬЯМ,
НЕМНОГИМ ЧЕСТНЫМ ЛЮДЯМ, СОСТОЯЩИМ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

В среде бездушной, где закон
Орудье лжи, где воздух смраден
И весь неправдой напоен, —
Один лишь ты мне был отраден,
Ты, малочисленный союз
Мужей без страха и без лести,
Себя добром взаимных уз
Скрепивший для добра и чести!

Досуга праздно не губя,
Вы чужды дерзких замышлений;
Вы не взложили на себя
Задачи целых поколений.
Скупой покорствуя судьбе,
Избравши путь, неяркий с виду,
Вы обрекли себя борьбе,
И слабых внемлете мольбе,
И мстите бедного обиду.

Я знаю — подвиг вам сужден
Докучный, тесный, ежедневный,
Но сколько раз прекрасней он
Печальной праздности душевной,
Бесплодным преданной мечтам!..

А вы, средь козней и проклятий,
Всё тот же пыл несли к трудам...
Мужайтесь! сил добудут вам
Благословенья меньших братий!

Я знаю — мелок ваш удел,
Но пышен плод усилий дружных:
Невинный в битве одолел —
Проснулась бодрость в *безоружных*!
И мог обиженный не раз
Изведать здесь, в среде разврата,
Что встретит в каждом он из вас,
На всякий день, на всякий час,
В делах добра слугу и брата!

Так пусть же дремлет в тишине
Тоска несбыточных желаний;
Зато, без праздных ожиданий,
Вы люди честные вполне.
Так жизнь скупа! Предел так краток!
Надеждам смелым не созреть!
И благо всем, кому без взяток
Придется здесь разов десяток
Слезу вдовицы утереть,
Вновь возвратить стесненным грудям
Простор и воздух душной мгле...
Так благо вам, хорошим людям,
За ваше дело на земле!

Декабрь 1851

К. С. АКСАКОВ

Публицист, критик и поэт Константин Сергеевич Аксаков (1817—1860), старший сын С. Т. Аксакова, с конца 1830-х годов являлся наиболее ортодоксальным идеологом славянофильства. Революция 1848 года вызвала у него враждебное отношение и еще бо́льшую приверженность к так называемой «народности», понимавшейся как восстановление старинных форм быта и призванной предотвратить или задержать капиталистический путь развития страны. Россия «должна скинуть фрак и надеть зипун — и внутренним и внешним образом»[1] — это изречение стало для славянофилов чем-то вроде знамени и основным пунктом их программы.

В условиях русской общественной борьбы 1840-х годов славянофильство не раз оказывалось в оппозиции существующему режиму. Критика европеизации России была в какой-то мере и порицанием традиционной политики самодержавия. Власти не одобряли и слишком резкого порицания петровских реформ; еще более была им враждебна не признававшая никаких компромиссов позиция славянофилов, настаивавших на свободе общественного мнения, в частности — печати.

Выраженные в художественной форме, эти идеи вызывали настороженное внимание, а нередко и преследование со стороны цензуры. Лучшие стихотворения К. Аксакова — на политические темы. Перед нами проповедь славянофильских идей в высоком, романтическом духе с преобладанием нравственного пафоса. Стихотворение «Свободное слово» надолго стало в русской поэзии выражением настроений не только славянофилов, но передового общества в целом.

---

[1] Письмо К. С. Аксакова к А. Н. Попову от начала 1849 г. — С. И. Машинский, К. С. Аксаков (сб. «Поэты кружка Н. В. Станкевича», «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964, с. 284).

261. ПЕТРУ

Великий гений! муж кровавый!
Вдали, на рубеже родном,
Стоишь ты в блеске страшной славы,
С окровавлённым топором.
С великой мыслью просвещенья
В своей отчизне ты возник,
И страшные подъял мученья,
И казни страшные воздвиг.
Во имя пользы и науки,
Добытой из страны чужой,
Не раз твои могучи руки
Багрились кровию родной.
Ты думал, — быстротою взора
Предупреждая времена, —
Что, кровью политые, скоро
Взойдут науки семена!
И вкруг она лилась обильно;
И, воплям Руси не внемля,
Упорство ты сломил, о сильный!
И смолкла Русская земля.
И по назначенному следу,
Куда ты ей сказал: «Иди!» —
Она пошла. Ты мог победу
Торжествовать... Но погоди!
Ты много снес голов стрелецких,
Ты много крепких рук сломил,
Сердец ты много молодецких
Ударом смерти поразил;
Но в час невзгоды удаляся,
Скрыв право вечное свое,
Народа дух живет, таяся,
Храня родное бытие.
И ждет он рокового часа;
И вожделенный час придет,
И снова звук родного гласа
Народа волны соберет;
И снова вспыхнет взор отважный,
И вновь подвигнется рука!
Поры младой и помысл важный
Взволнуют дух, немой пока.

Тогда к желанному пределу
Борьба достигнет — и конец!
Положит начатому делу
Достойный, истинный венец!

Могучий муж! Желал ты блага,
Ты мысль великую питал,
В тебе и сила, и отвага,
И дух высокий обитал;
Но, истребляя зло в отчизне,
Ты всю отчизну оскорбил;
Гоня пороки русской жизни,
Ты жизнь безжалостно давил.
На благородный труд, стремленье
Не вызывал народ ты свой,
В его не верил убежденья
И весь закрыл его собой.
Вся Русь, вся жизнь ее доселе
Тобою презрена была,
И на твоем великом деле
Печать проклятия легла.
Откинул ты Москву жестоко
И, от народа ты вдали,
Построил город одинокой —
Вы вместе жить уж не могли!
Ты граду дал свое названье,
Лишь о тебе гласит оно,
И — добровольное сознанье —
На чуждом языке дано.
Настало время зла и горя,
И с чужестранною толпой
Твой град, пирующий у моря,
Стал Руси тяжкою бедой.
Он соки жизни истощает;
Названный именем твоим,
О Русской он земле не знает
И духом движется чужим.
Грех Руси дал тебе победу,
И Русь ты смял. Но не всегда
По твоему ей влечься следу,
Путем блестящего стыда.
Так, будет время! Русь воспрянет,

Рассеет долголетний сон
И на неправду грозно грянет, —
В неправде подвиг твой свершен!
Народа дух распустит крылья,
Изменников обымет страх,
Гнездо и памятник насилья —
Твой град рассыплется во прах!
Восстанет снова после боя
Опять оправданный народ
С освобожденною Москвою —
И жизнь свободный примет ход:
Всё отпадет, что было лживо,
Любовь все узы сокрушит,
Отчизна зацветет счастливо —
И твой народ тебя простит.

1845

262. СВОБОДНОЕ СЛОВО

Ты — чудо из божьих чудес,
Ты — мысли светильник и пламя,
Ты — луч нам на землю с небес,
Ты нам человечества знамя!
Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнию ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана, —
В животной же силе нет прока.
Для истины — гибель она,
Спасенье — для лжи и порока;
Враждует ли с ложью — равно
Живит его жизнию новой. . .
Неправде опасно одно —
Свободное слово!

Ограды властям — никогда
Не зижди на рабстве народа!
Где рабство — там бунт и беда;
Защита от бунта — свобода.

Раб в бунте опасней зверей,
На нож он меняет оковы. . .
Оружье свободных людей —
Свободное слово!

О слово, дар бога святой! . .
Кто слово, дар божеский, свяжет,
Тот путь человеку иной —
Путь рабства преступный укажет
На козни, на вредную речь;
В тебе ж исцеленье готово,
О духа единственный меч —
Свободное слово!

1854

М. А. ДМИТРИЕВ

Михаил Александрович Дмитриев (1796—1866) — поэт, беллетрист, переводчик и мемуарист. В молодости сторонник классицизма, он выступал против Пушкина, был постоянным противником Белинского. В 1858 году Добролюбов посвятил его «Московским элегиям» резко отрицательную статью. Несмотря на общую консервативную позицию, Дмитриеву, как это было отмечено еще в 1893 году в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрона, принадлежат сатирические «непечатные стихотворения и пародии»,[1] иногда оппозиционного свойства. В частности, остается неопубликованной его сатира «Шевыреву».[2] Идиллия «Подводный город» при Николае I, конечно, не могла появиться в печати. Стихотворение «Когда наш Новгород великий...» приписывается Дмитриеву предположительно: оно очень часто встречается в рукописных копиях неизменно с именем М. А. Дмитриева — никаким другим авторам оно не приписывается: такое единодушие часто является доказательством верности традиционной атрибуции.

263. ОТВЕТ АКСАКОВУ

НА СТИХОТВОРЕНИЕ «ПЕТР ВЕЛИКИЙ»

Священной памяти владыки
Да не касается укор!
С своей отчизны снял Великий
Застоя вечного позор.

---

[1] Кн. 20, СПб., 1893, с. 781.

[2] Отрывок из нее см.: Е. Г. Бушканец, Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов. — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1962, № 4, с. 345.

Но осветя ее наукой,
Ее он жизни не давил;
Ему князь Яков Долгорукий
Без страха правду говорил.

Пусть, ненавидя зло былое,
Себе избрал он путь иной;
Но, отвергая отжитое,
Стране своей он был родной.

Но в разрушеньи созидая,
Он вел нас к благу одному,
И завещал он, умирая,
Свой подвиг дому своему.

Его ль вина, что завещанье
Не в силу мудрого сынам
И тяжела, как наказанье,
Их власть покорным племенам;

Что, своротя с дороги правой
И отрекаясь от добра,
Они прикрылися лукаво
Великим именем Петра.

И стал им чужд народ, им данный,
Они ему закрыли слух,
Ни русский в них, ни чужестранный,
Ни новый, ни старинный дух.

О нет! упадшая глубоко,
Родная наша сторона
Дух раболепного Востока
Безмолвно зреть осуждена.

Но пусть дней наших Валтасары
Кончают грешный пир, пока
Слова, исполненные кары,
Напишет грозная рука.

1845 (?)

264. ПОДВОДНЫЙ ГОРОД

Идиллия

Море ропщет, море стонет!
Чуть поднимется волна,
Чуть пологий берег тронет,
С стоном прочь бежит она!

Море плачет, брег песчаный
Одинок, печален, дик;
Тускло небо, сквозь туманы
Всходит бледен солнца лик.

Молча на воду спускает
Лодку ветхую рыбак;
Молча сети расставляет,
Глядя молча в дальный мрак!

И задумался он, глядя,
И взяла его тоска.
«Что так море стонет, дядя?» —
Он спросил у рыбака.

«Видишь шпиль? Как нас в погодку
Закачало с год тому,
Помнишь ты, как нашу лодку
Привязали мы к нему?..

Тут был город всем привольный
И над всеми господин;
Нынче шпиль от колокольни
Виден йз моря один.

Город, слышно, был богатый
И нарядный, как жених;
Да себе копил он злато,
А с сумой пускал других!

Богатырь его построил;
Топь костями забутил,
Только с богом как ни спорил,
Бог его перемудрил!

В наше море в стары годы,
Говорят, текла река,
И сперла гранитом воды
Богатырская рука!

Но подула буря с моря,
И назад пошла их рать,
Волн морских не переспоря,
Человеку вымещать!

Всё за то, что прочих братий
Брат богатый позабыл;
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал, ел да пил.

Оттого порою стонет
Моря темная волна;
Чуть пологий берег тронет,
С стоном прочь бежит она!»

Мальчик слушал, робко глядя;
Страшно делалось ему:
«А какое ж имя, дядя,
Было городу тому?»

«Имя было? Да чужое,
Позабытое давно!
Оттого, что не родное,
И не памятно оно».

11 апреля 1847

М. А. Дмитриев (?)

265

Когда наш Новгород великий
Отправил за́ море послов,
Чтобы просить у них владыки
Для буйных вольницы голов,
Он с откровенностию странной
Велел сказать чужим князьям:

«Наш край богатый и пространный,
Да не дался порядок нам!»
С тех пор род Рюриков владеет,
А всё порядка не видать.
О Нестор, Нестор! кто посмеет
Тебя во лжи изобличать —
Когда на первой же странице
Печать ты правды положил?
Ни веки буйною станицей,
Ни Петр железною десницей —
Никто ее не сокрушил.
Всё тот же Руси жребий странный:
И край обильный и пространный,
И немцев — эка благодать!
А всё порядка не видать.

1854

Н. А. НЕКРАСОВ

Огромная популярность произведений Николая Алексеевича Некрасова (1821—1877) в русской вольной поэзии относится ко второй половине XIX века. До 1855 года лишь немногие из стихотворений поэта ходили по рукам. К их числу относится отрывок в 12 строк «Я час пред умывальником...» из стихотворного фельетона «Говорун» (1843); он не подвергался цензурному запрету, хотя использовал не лишенную остроты тему о пресмыкающемся перед начальством маленьком чиновнике, и в настоящем сборнике не перепечатывается.

Той же теме чиновника посвящен и отрывок из водевиля «Как опасно предаваться честолюбивым снам» — он обращался в списках почти всегда без имени автора.

На рубеже 1840-х и 1850-х годов в списках появляется стихотворение «Родина».

266. ⟨ОТРЫВОК ИЗ ВОДЕВИЛЯ «КАК ОПАСНО ПРЕДАВАТЬСЯ ЧЕСТОЛЮБИВЫМ СНАМ»⟩

Что чиновники то же, что воинство,
Для отчизны в гражданском кругу,
Посягать на их честь и достоинство
Позволительно разве врагу.
Что у них всё занятья важнейшие —
И торги, и финансы, и суд,
И что служат всё люди умнейшие
И себя благородно ведут.
Что без них бы невинные плакали,

Наслаждался б свободой злодей,
Что подчас от единой каракули
Участь сотни зависит людей,
Что чиновник плохой без амбиции,
Что чиновник — не шут, не паяц,
И не след ему без амуниции
Выбегать на какой-нибудь плац.
А уж если есть точно желание
Не служить, а плясать качучу́,
Есть на то и приличное звание —
Я удерживать вас не хочу!

Конец 1845

267. РОДИНА

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства,
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный
И неребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег...
Воспоминания дней юности — известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

Вот темный, темный сад... Чей лик в аллее дальной
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил... о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —

Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы...
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю простил!..

И ты, делившая с страдалицей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила...
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом... Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, —
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило.
Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Я к няне убегал... Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиленье,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всему начало здесь, в краю моем любимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понурив голову над высохшим ручьем,

И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил. . .

1846

А. А. ГРИГОРЬЕВ

Поэт и критик Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) вошел в репертуар вольной русской поэзии тремя стихотворениями, широко распространенными в списках. Эти стихотворения написаны в очень небольшой промежуток времени, почти подряд, в 1845—1846 годах. В них нашли характерное отражение фурьеристские увлечения Григорьева, с их отрицанием буржуазно-капиталистической цивилизации, верой в утопический идеал свободного патриархального народа и душевно независимого человека. Вольнолюбивые настроения поэта ярко отражали его неприязнь к холодной и бездушной столице, к городу, в котором царствуют насилие и чиновничье угодничество.

Кроме перепечатываемого стихотворения «Прощание с Петербургом», известно еще стихотворение «Город», являющееся, в сущности, его легальным вариантом. Это стихотворение Белинский в 1846 году назвал «прекрасным» и писал, что в нем «есть сила, а в целой пьесе дышит своего рода поэтическое обаяние; но всего более поражает нас в ней болезненно настроенный ум». [1]

В неотчетливых, а порою и противоречивых взглядах А. Григорьева важное место занимает философски усложненное понятие «борьбы»; с ним непосредственно связано отстаивание внутренне свободной жизненной позиции поэта и неприятие страдания и гнета в любой его форме, даже традиционно-религиозной.

268

Нет, не рожден я биться лбом,
Ни терпеливо ждать в передней,
Ни есть за княжеским столом,
Ни с умиленьем слушать бредни.

---

[1] Стихотворения Аполлона Григорьева. — В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 9, М., 1955, с. 595.

Нет, не рожден я быть рабом,
Мне даже в церкви за обедней
Бывает скверно, каюсь в том,
Прослушать августейший дом.
И то, что чувствовал Марат,
Порой способен понимать я,
И будь сам бог аристократ,
Ему б я гордо пел проклятья...
Но на кресте распятый бог
Был сын толпы и демагог.

1845 или 1846

269. ПРОЩАНИЕ С ПЕТЕРБУРГОМ

Прощай, холодный и бесстрастный,
Великолепный град рабов,
Казарм, борделей и дворцов,
С твоею ночью гнойно-ясной,
С твоей холодностью ужасной
К ударам палок и кнутов,
С твоею подлой царской службой,
С твоим тщеславьем мелочны́м,
С твоей чиновнической ...,
Которой славны, например,
И Калайдович, и Лакьер,
С твоей претензией — с Европой
Идти и в уровень стоять...
Будь проклят ты ......!

Февраль 1846

270

Когда колокола торжественно звучат
Иль ухо чуткое услышит звон их дальний,
Невольно думою печальною объят,
    Как будто песни погребальной,
Веселым звукам их внимаю грустно я,
И тайным ропотом полна душа моя.

Преданье ль темное тайник взволнует груди,
Иль точно в звуках тех таится звук иной,

Но, мнится, колокол я слышу вечевой,
Разбитый, может быть, на тысячи орудий,
Властям когда-то роковой.

Да, умер он, давно замолк язык народа,
Склонившего главу под тяжкий царский кнут;
Но встанет грозный день, но воззовет свобода
И камни вопли издадут,
И расточенный прах и кости исполина
Совокупит опять дух божий воедино.

И звучным голосом он снова загудит,
И в оный судный день, в расплаты час кровавый,
В нем новгородская душа заговорит
Московской речью величавой...
И весело тогда на башнях и стенах
Народной вольности завеет красный стяг...

1 марта 1846

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

Поэт и прозаик Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893) за участие в кружке М. В. Петрашевского был приговорен к смертной казни, замененной службой рядовым в Оренбургской губернии.

Плещеев начал печататься с 1844 года. Всем своим творчеством, а особенно его ранним периодом, он связан с демократическими тенденциями русской поэзии. Тем не менее его стихотворения мало подвергались цензурным искажениям и запрещениям: в фонд вольной поэзии вошли напечатанные легально. Этому способствовала, пишет современный исследователь, «исключительная широта и порой расплывчатая общность смысла, отсутствие всякой конкретной злободневности и фактических ссылок на современную действительность. Это свойство... не было, по-видимому, результатом сознательного приспособления к обстановке, хотя и возникло, несомненно, под ее влиянием». [1]

Особую, ни с чем не сравнимую популярность приобрело стихотворение «Вперед! без страха и сомненья...», оно распространялось до конца XIX века в огромнейшем количестве списков (иногда с немотивированным приписыванием другим авторам). [2]

В стихотворении была использована библейская тематика и архаическая лексика. В нем не было прямой связи с современностью, но были многочисленные аллюзии, хорошо понятные посвященным: «любви учение» означало пропаганду учения социалистов-утопистов, «подвиг доблестный» — общественное служение; [3] «святое

---

[1] А. В. Федоров, А. Н. Плещеев. — В изд.: А. Н. Плещеев, Стихотворения, «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1948, с. 25.

[2] Например, Тургеневу; см.: А. М. Новикова, Подпольные песни эпохи революционных демократов шестидесятых годов XIX века. — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 86, 1960, с. 66. Хотя стихотворения Плещеева не были запрещенными, тем не менее кружок Заичневского-Аргиропуло в литографированном издании «Герцен, Старый мир в России» (1859—1861?) воспроизвел стихотворения «Вперед! без страха и сомненья...» (анонимно) и «По чувствам братья мы с тобой...» (с именем Рылеева).

[3] А. В. Федоров, цит. статья, там же.

искупление» было чем-то вроде эвфемизма революции; «что б рок вдали нам ни сулил» — готовность перенести репрессии властей.

Едва ли не первым особо выделил это стихотворение В. Н. Майков в рецензии на издание стихотворений Плещеева 1846 года.[1]

Добролюбов в рецензии на плещеевский сборник 1858 года, процитировав четыре строфы стихотворения, характеризовал его как «смелый призыв, полный веры в себя, веры в людей, веры в лучшую будущность».[2]

М. Л. Михайлов в рецензии на издание 1861 года дважды, конечно намеренно и демонстративно, употребил слова «гимн» и «прекрасный гимн» и привел стихотворение полностью.[3]

Многочисленные воспоминания современников говорят о восторженном отношении к этому гимну молодого поколения:[4] оно не раз именуется «марсельезой», «гимном петрашевцев» и т. д.

Стихотворение Плещеева было еще живым фактором политической борьбы в конце XIX века — оно использовалось, в частности, в пропагандистской работе Южно-русского союза рабочих, было высоко оценено пролетарскими поэтами (например, Е. Е. Нечаевым), переведено на иностранные языки и т. д.[5]

Иначе сложилась судьба другого стихотворения Плещеева — «По чувствам братья мы с тобой...». В течение многих лет оно считалось посланием Рылеева к А. А. Бестужеву, несмотря на то, что имя А. Н. Плещеева указывалось в печати в 1863, 1889, 1904 и 1912 годах. Авторство Плещеева было восстановлено в наши дни Е. Г. Бушканцем.[6]

---

[1] В. Н. Майков, Критические опыты, СПб., 1891, с. 129—135.

[2] Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 3, М.—Л., 1962, с. 363—364.

[3] М. Л. Михайлов, Соч., т. 3, М., 1958, с. 208. Эта рецензия раньше ошибочно приписывалась Чернышевскому и включалась в издания его сочинений 1906 и 1950 гг.

[4] См. например: В. Н. Фигнер, Процесс «50». — «Каторга и ссылка», 1927, № 4 (33), с. 10—11; Н. В. Васильев, В семидесятые годы, М., 1931, с. 13; П. Владыченко, Памяти учителя и погибших друзей. — «Каторга и ссылка», 1923, № 5, с. 29—30; И. Деркачев, Студенческие песни, М., 1898, с. 28; Е. Н. Водовозова, На заре жизни .. , т. 2, М., 1964, с. 81; А. П. Милюков, Литературные встречи и знакомства, СПб., 1890, с. 171; М. Н. Слепцова, Штурманы грядущей бури. — «Звенья», т. 2, М., 1933, с. 442.

[5] Ряд материалов см.: А. С. Пустильник, «Русская марсельеза» и ее автор. — «Вопросы истории», 1966, № 11, с. 206—210.

[6] Е. Г. Бушканец, Мнимое стихотворение Рылеева. — «Литературное наследство», № 59, М., 1954, с. 285—288; «История одной карточки. (Из записок литературоведа)». — «Литературный Татарстан», 1956, № 11, с. 130—138.

Это стихотворение давно вошло в традицию русской революционной поэзии: известно, в частности, что его любил петь отец В. И. Ленина — И. Н. Ульянов.[1] В некоторых списках оба стихотворения контаминированы,[2] в некоторых от текста Плещеева сохранились лишь (да и то с вариантами) первые восемь строк, а следующие шестнадцать — новые.

271

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! Дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим,
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам!

---

[1] См.: «А. И. Ульянов и дело 1 марта 1881 г.», М.—Л., 1927, с. 54.

[2] См.: М. С. Друскин, Студенческая песня в России 40—60-х годов. — Сб. «Очерки по истории и теории музыки», т. 1. Русская музыка, Л., 1939, с. 79.

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И верьте, голос благородный
Не даром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед, и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

⟨1846⟩

272

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Когда ж пробьет желанный час
И встанут спящие народы —
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

⟨1846⟩

Ф. А. КОНИ

Федор Алексеевич Кони (1809—1879) — автор многочисленных, очень популярных в 1830—1850-х годах водевилей. Современники хорошо знали также и Кони — редактора нескольких театральных журналов: «Пантеона русского и всех европейских театров» (1840—1841), «Пантеона» (1852—1856) и других. Несколько стихотворений Кони приобрели известность, особенно «Гондольер» (музыкальное переложение К. К. Арнольда и А. Е. Варламова), «Песнь барда» (музыка А. Е. Варламова), «Не жди, чтобы цвела страна...» и некоторые другие.

Кроме того, большой популярностью пользовалось публикуемое стихотворение, одно из наиболее распространенных в вольной печати 1840—1870-х годов. Украинский революционер Е. Мосаковский намеревался напечатать его в типографии Киевского военного училища; землеволец М. Д. Муравский хотел издать его в Казани в литографированном сборнике запрещенных стихотворений, — оба проекта не осуществились. [1]

273. БИОГРАФИЯ БЛАГОРОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Родился я — как подобает.
Родитель мой был столбовой.
Где он служил — господь то знает,
Но человек был с головой.
Хотя не дрался он с французом,
Носил медаль, не знал аптек,

---

[1] См.: «Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», т. 1, Киев, 1963, с. 170; ср. письмо М. Д. Муравского к В. А. Манассеину от 18 февраля 1861 г. в кн.: Ф. Ястребов, Революционные демократы на Украине, Киев, 1960, с. 291.

Был дюж, здоров, с огромным пузом,
Как благородный человек.

Весь дом его был в строгом чине.
Холопей праздную семью
Держал всегда он в дисциплине,
Как свору гончую свою.
Он вел дела благополучно,
Виновных на конюшне сек,
Псарей учил собственноручно,
Как благородный человек.

Имея дела очень много
То на охоте, то в гостях,
Меня он сдал на волю бога,
Я взрос у ключниц на руках.
Я поедал варенье славно,
Ходил смотреть рысистый бег
И в бабки дулся преисправно,
Как благородный человек.

Я с гордостью открою внукам,
Что полный курс мой был букварь,
Что обучал меня наукам
Наш деревенский пономарь.
Я рос свободно, праздно, вольно
Меж дворни, гончих и телег,
Да плеткой слуг стегал пребольно,
Как благородный человек.

Чтобы избавиться от жалоб,
Отец решил меня женить,
Да рассудил, что не мешало б
Сперва маленько послужить.
Мои бумаги были чисты —
Тогда был не ученый век,
И поступил я в копиисты,
Как благородный человек.

Не знал я, что такое страсти,
За честью гнаться не хотел,

Я покорялся всякой власти,
Пред богачом благоговел.
Не простирал далеко виды,
Сбирал щепы как дровосек,
Сносил безропотно обиды,
Как благородный человек.

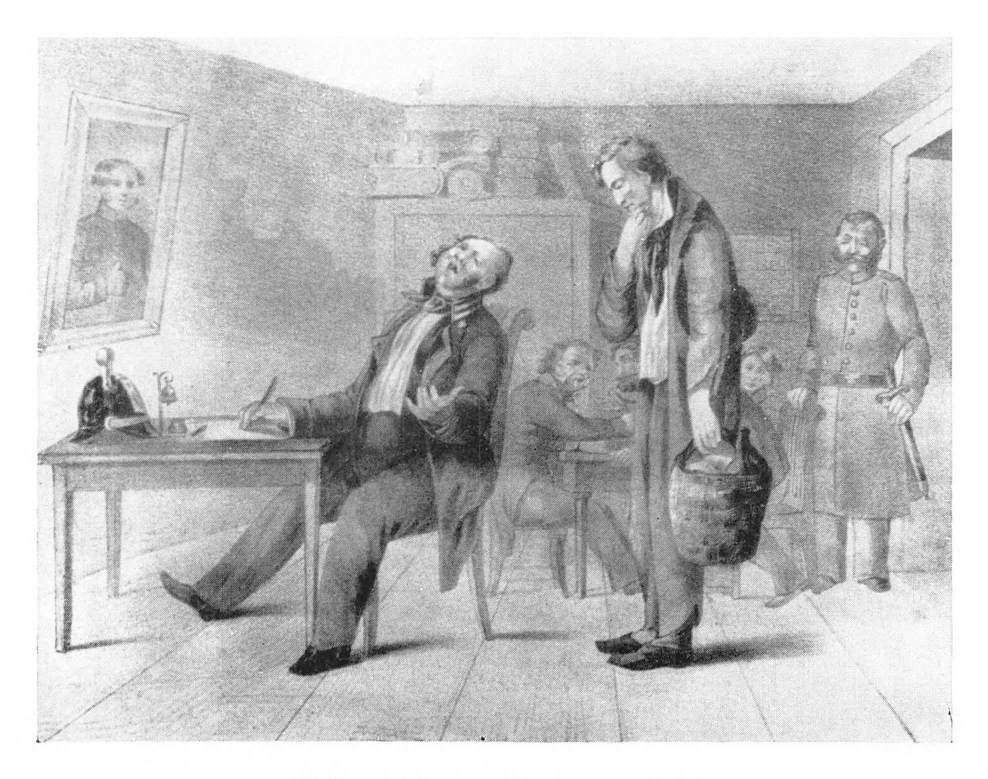
Я враг был всяких либералов,
Во мне дух барства не потух.
Всегда терпеть не мог журналов —
В них эдакий какой-то дух.
Я денег не сорил на вздоры,
Не заводил библиотек.
И не вступал ни с кем я в споры,
Как благородный человек.

Я проводил досуг иначе:
Бродягам гроши не давал,
И в зимний вечер, и на даче
Исправно спал иль козырял.
Меня не трогал неимущий —
Не призревать же всех калек!
Пусть сам достанет хлеб насущный —
Как благородный человек.

Жену мою... как вам сказать бы?..
Мне мой начальник предложил.
Он знал ее еще до свадьбы
И награждал по мере сил.
За ней сулил он тридцать тысяч...
За эти деньги — в наш-то век —
Себя позволит всякий высечь,
Как благородный человек!

Жена любила все обряды
Великолепных светских дам,
Днем покупала всё наряды,
Скиталась ночью по балам.
Сперва ее пленила полька,
Потом подъехал знатный грек...
Что ж было делать?.. Плюнул только,
Как благородный человек.

СВОБОДНАЯ
ЛИТТЕРАТУРА
ОТДѢЛЕНIЕ
ПЕРВОЕ
1857
ГОДА.

В приемной полицейского чиновника

Я был в делах отменно тонок,
Спины и шеи не жалел,
Пред сильным — просто падал до́ ног,
Знал фамильярности предел.
И хоть без мудрого ученья,
А переплыл я много рек
И нажил славно три именья,
Как благородный человек.

Я в свете с важностью прямою
Всегда держать себя умел,
И подчиненный предо мною
Ни сесть, ни пикнуть бы не смел.
А если б вышел он из правил,
Да я бы суд над ним изрек:
Без хлеба на всю жизнь оставил,
Как благородный человек.

Детей к начальству на поклоны
Всегда с собою я возил.
Что значат важные персоны,
Я с малолетства им внушил.
Зато карьеру им составил,
Теперь пойдут и без опек,
Я долг родительский исправил,
Как благородный человек.

Весь век я терся по приемным
У командиров и вельмож,
Терпел их шутки с видом скромным,
На всё готов был и пригож.
За честь считал вкушать их брашен,
В мой дом их звал хоть на ночлег.
Зато их милостью украшен,
Как благородный человек.

Хоть ждал ремесленник уплаты
С меня лет десять иногда,
Но метил я в аристократы
И твердо знал, что нет стыда
Должать за мебель, за линейки.
Зато платил я весь свой век

Долги по картам до копейки,
Как благородный человек.

И внес на имя неизвестных
Давно в ломбард я капитал,
Достиг до степеней известных
И всё, что можно, нахватал.
Воздвиг эта́жей в шесть домишко,
И формуляр мой чист как снег,
А жил-то я на свой умишко,
Как благородный человек.

Скончался я. Оплакан сыном,
За мной тянулся ряд карет,
Свезли меня под балдахином,
И на поминках был обед.
На днях в газетах вышел нумер,
Что, мол, такой-то, имярек,
Почтенно жил и честно умер,
Как благородный человек!

1848

П. А. ФЕДОТОВ

Знаменитый русский художник Павел Андреевич Федотов (1815—1852) оставил некоторый след и в истории русской поэзии. Однако при жизни художника в печати ничего не появлялось. Свои стихотворения он предназначал для небольшого круга друзей. Приятели не придавали им особого значения, тогда как Федотов продолжал усердно их сочинять, видимо находя какое-то удовлетворение и в этом виде творчества. Следует заметить, что стихи были для него не только автокомментарием к картинам. В них он, так сказать, динамически развертывал статическую, моментальную ситуацию, изображенную на полотне. Кроме того, надо иметь в виду, что ряд стихотворений Федотова написан на темы, вообще никак не связанные с его живописными и графическими работами.

Поэт-художник в нарочито шутливой форме обращался к своим читателям:

Теперь хочу я вас просить
К моим стихам не строгим быть.
Я не отъявленный писатель,
Хоть я давно ношусь с пером,
Да то перо, что носят в шляпе,
А что писатель держит в лапе,
Я с тем, ей-богу, незнаком
И не пускаюсь в сочиненья,
А уж особенно в печать...

(«К моим читателям...»).

Многословные и не всегда отделанные стихотворения Федотова тем не менее выразительно характеризуют идейный облик художника-поэта. Некоторые записи дневника 1835 года дополнительно разъясняют нам интересы Федотова: «толковали про 14 декабря» (10 марта), «рассуждали о вере, об настоящем споре Штатов с Францией» (15 апреля) и др. [1]

Литературный талант Федотова очевиден уже при изучении при-

[1] Я. Д. Лещинский, Павел Андреевич Федотов, художник и поэт, М.—Л., 1946, с. 103, 106.

надлежащих ему прозаических подписей под его рисунками. В большинстве случаев перед нами социально острые зарисовки, явно предваряющие жанр диалогических подписей под карикатурами сатирического журнала «Искра». В них особенно ощутимо единство слова и рисунка — одно без другого существовать не может.

К некоторым своим картинам Федотов сочинял так называемые «рацеи» — «Утро художника, получившего первый крест», «Разборчивая невеста», «Сватовство майора» и др. Не все они сохранились. В этих стихотворениях, особенно в «Сватовстве майора», сюжет картины как бы получает свое дальнейшее развитие. Исследователи справедливо отмечают, что в имитации раешника у Федотова «сказалась традиция лубочных сатирических картинок». [1]

Совершенно особое место занимает обширная поэма Федотова «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора» (она была закончена в начале 1848 года). Сатирический сюжет не оставляет сомнений в социальных симпатиях художника. Федотов раскрывает жизненный путь майора, мы узнаем его внутренний мир, его, с позволения сказать, «идеалы». Он поистине типическая фигура эпохи в своем стремлении к «мещанскому счастью». Эту типичность современники ясно ощущали; в ней и кроется причина небывалого успеха поэмы. Ее объем (почти тысяча стихов) не помешал быстрому и очень широкому распространению в столицах и в провинции огромного количества списков, притом в условиях суровейшего в русской истории «мрачного семилетия» (1848—1855). О публикации поэмы нечего было и думать. «Моя стихотворная безделушка ходит по рукам, и меня часто заставляют ее читать», — писал Федотов А. В. Дружинину. [2]

Было бы неверно думать, что картина — иллюстрация к ней или что поэма — истолкование картины. На самом деле поэма представляет собою совершенно самостоятельное произведение. Ею восхищались тысячи читателей, никогда не видавших картину. В ней, как и в других литературных произведениях Федотова, отчетливо звучало неприятие современной ему николаевской действительности. [3] Художник, как мы знаем, отчасти испытал на себе влияние

[1] К. В. Пигарев, Русская литература и изобразительное искусство (XVIII — первая четверть XIX века). Очерки, М., 1966, с. 19—20.

[2] Я. Д. Лещинский, цит. кн., с. 199.

[3] См., например, черновой вариант неоконченной поэмы «Чердак», выпады против цензуры в басне «Усердная Хавронья» и др. (указано Н. И. Харджиевым в его книге «Судьба художника», М., 1954, с. 39, 140).

идей М. В. Петрашевского; он был с ним знаком и иногда бывал на собраниях его кружка.[1] Литературные традиции стихов Федотова естественнее всего сопоставлять с реалистическими исканиями «гоголевского периода русской литературы».

Кроме поэм и стихотворений, Федотов писал басни («Конь», «Усердная Хавронья», «Свет и тень», «Тарпейская скала»), в них он затрагивал в очень острой форме общественно-политические проблемы своего времени.

274. ПОПРАВКА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИЛИ ЖЕНИТЬБА МАЙОРА

(ПРЕДИСЛОВИЕ К КАРТИНЕ)

⟨Отрывок⟩

Вот майором десять лет,
А надежды нет как нет
В подполковники подняться;
Всё смотры мне не клеятся,
Всё робею на смотрах.
Слово «смотр» наводит страх,
Право, хуже всякой бабы...
Нервы, что ли, стали слабы?..
Чуть начальник впереди
Покажись, стеснит в груди
И, как иглами, уколет,
Весь вздрогнёшь, по телу холод
И мурашки пробегут,
Зубы дробь во рту забьют,
Как в карете стекла; волос
Станет дыбом, рвется голос,
Звон глухой гудит в ушах,
Звезды бегают в глазах,
Поле будто всё кружится...
И изволь тут отличиться!..
Пить для храбрости?.. И пил,
Да лишь вдвое наглупил.

---

[1] См. показание А. П. Баласогло в июне 1849 г. — «Дело петрашевцев», т. 2, М.—Л., 1941, с. 121.

Позапрошлый год стояли
Мы в каре и всё стреляли.
Вдруг командуют: «Вперед!»
С фланга... мне пришел черед...
Уж недаром ненавижу
Я каре; засуетясь,
Тут забыл назначить фас,
Гаркнул (просто) «марш!»... Что ж вижу?
Фасы, кто куда лицом,
Как стояли врозь крестом,
Дуют-дуют по долине...
Я ж торчу один шестом,
Одуревши, в середине.
Музыканты тоже врозь,
Кто куда... Беда, хоть брось!
Не забуду и поныне,
Как тогда со всех сторон,
Как на падаль тьма ворон,
На меня поналетели
Командиры... Ели! ели!
А начальники у нас,
Расходившися подчас,
Матушки мои! Как хлещут,
И иные этим блещут.
Прошлый год, судьбе назло,
Мне как будто повезло:
На смотру и в построеньях
Лучше шло, чем на ученьях.
Я ошибся только раз,
Да и то дым пушек спас.
Ну я думал: в добрый час!
Чтоб не сглазить, перед старшим
Церемониальным маршем
Нам пройти уж нипочем!
Не замеченный ни в чем,
Верно, буду я представлен!
План уж был в уме составлен:
Как полковника схвачу,
Как и выше поскачу,
И в мечтах лечу, лечу...
Вижу — армия большая,
Все колоннами идут,

И, знамена преклоняя,
Все мне почесть воздают,
Барабаны громко бьют,
Громко музыка играет.
И народ вокруг зевает,
Дамы так ко мне... А я
Так лорнирую свободно.
Но постой, мечта моя!
Наяву идут повзводно,
Вот идут, идут, идут,
Ровным тактом в землю бьют,
Поле чистое трясется,
Эхо ближних рощ и гор
Вторит музык стройный хор,
Сквозь аккорды крик несется:
«Рад стараться... ваше... ство!»
И на лицах торжество.
Взвод щетинистой грядою
Взвод сменяет чередою,
Всё вперед, вперед, вперед...
Вот подходит мой черед.
Рад — и страшно сердце бьется —
Что, как вдруг с ноги собьется
Батальон мой?.. Никогда!
Нет, взошла моя звезда!..
Но!.. и вдруг мечта остыла,
Точно громом поразило,
Точно с неба слышу: «Стой!..»
Барабанов смолкнул бой,
Стихло всё, остановилось,
Разом в землю пригвоздилось,
Замерло — лишь там и сям
Потихоньку по рядам
Офицеры пробегают
И ряды свои равняют;
Вот и те уж по местам,
Всё чего-то ожидают,
Всё боятся; но зачем?
Для чего бояться всем?
Есть за всех один несчастный —
Это я!.. О рок ужасный!

Так и есть: в мой пятый взвод
Прямо корпусный идет.
Вот всевидящее око!
Он подметил издалёка
У канальи у одной
В пятом взводе под сумой
С табаком кисет проклятый...
Погубил меня взвод пятый!
Ждал схватить иль чин, иль крест,
А попался под арест!

1848

275. ТАРПЕЙСКАЯ СКАЛА

Притча

В глубокой древности один законодатель
И, как велось, богам приятель,
С одним из них в радушный час,
Сидевши глаз на глаз,
Был удостоен откровенья
И наставленья,
Как сделать сча́стливым народ.
Конечно, первое условье
Для счастия — здоровье.
Вот он для улучшения своих людских пород
Постановил в закон: чуть где родись урод,
Иль хворенький иной, иль просто недоношен,
Дитя быть должен в море брошен;
А если быть кому по правилам в живых,
Чтобы ни пятнышка на них,
Ни бородавочки нигде не оставалось,
Сейчас чтобы срезалось
Иль выжигалось.
Устроен на скале Тарпейской комитет.
Набрали членов добрых, честных,
Умом, ученостью известных,
Хирургов цвет.
И в этом комитете
Осматривались все и подчищались дети.
Проходит двадцать, тридцать лет,

Вот новое уже явилось поколенье,
Но вовсе не видать в породе улучшенья.
Уродов не перевелось.
Знать, члены матерей щадили.
В делах политики в расчет не брать же слез,
И добрых членов заменили
Другими покрутей;
Но улучшение людей
Вперед у них, глядят, всё мало поддается,
Не действует на членов ни арест,
Ни крест;
Смени иного — он смеется
И очень, очень рад,
В другое место заберется,
Везде, где ни служи, везде жирней оклад,
Чем в членах комитета.
Смекнувши это,
Сейчас
Оклады увеличили для членов во сто раз,
И место сделалось первейшим в государстве.
Но улучши́лась ли людей порода в царстве?
Член тоже местом дорожит,
Поэтому от всякой малости дрожит
И, несмотря на материно горе,
Ребенка всякого почти кидает в море.
Оно спокойней и верней,
Дитя отпето,
И нет вперед ответа.
А если жить и даст по доброте своей,
То, с пятнышками у детей
Обрезав и кругом с запасом,
Без носа часом
Их пустит в свет иль без ушей,
И изо всякого обделает урода.
А вместе с тем
Всё прекращалося, и наконец совсем
С земли исчезла вся порода.
Остались члены для развода.
И слышал я вчера:
Потомки их весьма способны в цензора.

1848 или 1849

Д. Д. АХШАРУМОВ

По образованию востоковед, а по роду занятий врач, Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов (1823—1910) был осужден по процессу петрашевцев. Писать стихи он стал с начала 1840-х годов. Стихотворение, посвященное Зимнему дворцу, «насмешливое и неприличное», [1] в котором осуждался Николай I, до нас не дошло. В заключении в Петропавловской крепости «иногда посещал меня стихотворный бред», [2] — вспоминал Ахшарумов впоследствии. Кое-что из тюремных стихотворений было им включено в написанные полвека спустя мемуары, другие до нас не дошли.

Стихи Ахшарумова остались неизвестны современникам, кроме, может быть, самого узкого круга друзей.

Взгляды Ахшарумова сложились прежде всего под влиянием социально-утопических идей Фурье. Они отчасти излагаются в последних десяти строках стихотворения «Земля, несчастная земля. . .».

Поэт навсегда остался верен заветам молодости и в 1905 году, по рассказам современников, готов был идти на баррикады. [3]

276

Позором века
Для человека
Стоит тюрьма.
Туда сажают
И запирают —
Там полутьма.

---

[1] Показания Д. Д. Ахшарумова по вопросным пунктам. — «Петрашевцы», т. 3, М.—Л., 1951, с. 141.

[2] Д. Д. Ахшарумов, Из моих воспоминаний, СПб., 1905, с. 50.

[3] М. Сосновский, Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов. — «Русское богатство», 1910, № 2, с. 128.

И, задыхаясь,
В грязи валяясь,
Там люди ждут,
Пока всё длится,
Пока свершится
Над ними суд.

Обитель страха,
Куда с размаха
Вдруг я попал;
Где одинокой
В тоске жестокой
Я духом пал!

И всё зеваю,
Без слез рыдаю —
Нет больше сил!
О боже, боже!
Что ж это, что же
Ты мне судил!

1849

277

Как длинны эти дни, как долго это время,
Не понимаю я, как я переношу
Темницы тягостной мучительное бремя,
Как не задо́хнусь я и всё еще живу,
Как в жилах моих кровь еще бежит и льется, —
Испорченная кровь гонимого судьбой?!

Как сердце у меня в груди не разобьется,
Замученное всё темничною тоской!
О жизнь свободная! Вернешься ль ты ко мне?
Увижу ль снова вас, друзья мои родные!
Или мне суждено погибнуть здесь в тюрьме?
Ах! божий суд жесток, как и суды людские!

1849

278

Земля, несчастная земля, —
Мир стонов, жалоб и мученья!
На ней вся жизнь под гнетом зла
И всюду плач, — со дня рожденья;
В делах людских — раздор и крик,
И трубный звук, и гул орудий,
И вопль, и дикой славы клик;
Друг друга жгут и режут люди!
Но время лучшее придет:
Война кровавая пройдет,
Земля произрастет плодами,
И бедный мученик народ
Свободу жизни обретет
С ее высокими страстями:
Обильный хлеб взрастет над взрытыми полями,
И нищая земля покроется дворцами!

Тогда и для земной планеты
Настанет период иной.
Не будет ни зимы, ни лета,
Изменится наш шар земной:
Эклиптика с экватором сольется,
И будет вечная весна...
И для людей другая жизнь начнется —
Гармонией живой исполнится она.
Тогда изменятся и люди и природа,
И будут на земле — мир, счастье и свобода!

1849

279

Судьба жестокая свершилась надо мной.
От смертной казни я едва освобожденный,
Стою среди снегов, один, в тюрьме чужой,
В остроге, как в тюрьме, погибнуть осужденный.

Прощай, мой милый край, семья моя родная!
Всё лучшее, что в жизни я любил,
И родина моя, столица дорогая, —
Я с вами счастлив был, но счастья не ценил.

Вас больше нет при мне, судьбы рукой суровой
В изгнанье дальнее влекусь я, — скорбь в душе!
Так, вихрем сорванный от дерева родного,
Летит зеленый лист увянуть вдалеке!..

Свободы я лишен, и в бегстве нет спасенья;
В обители снегов один я здесь стою...
Кому я выскажу тяжелые мученья,
Которые теснят и давят грудь мою?

Услышьте ж вы меня, дремучие леса!
Одни свидетели и жалоб и страданья,
И с жизнью моего последнего прощанья,
И вы, горящие святые небеса!

Декабрь 1849

М. Ф. ЖОХОВ

Публикуемое ниже стихотворение 23 февраля 1850 года московский военный генерал-губернатор гр. А. А. Закревский препроводил в III Отделение: оно было представлено властям учеником 1-й Московской гимназии Цемировым. 10 марта попечитель Московского учебного округа В. И. Назимов известил III Отделение, что в сочинении стихотворения сознался 14-летний гимназист Жохов. [1]

Для проверки Жохову было приказано написать еще три стихотворения, причем одно — на заданную тему о необходимости повиновения начальству. [2]

Дело было доложено Николаю I, и первоначально его резолюция (15 марта 1850 года) была: «Мальчишку этого я не полагал бы держать в гимназии, гораздо вернее отдать родителям, пусть с ним делают что хотят». [3]

Однако в Москве у Жохова не оказалось ни родителей, ни родственников, и вторая резолюция царя (18 марта) гласила: «Оставить Жохова в гимназии под сильным присмотром за его поведением и образом мыслей». Дело ограничилось наказанием гимназическим начальством.

В деле III Отделения имени и отчества Жохова нет, но на обложке дела написано: «О воспитаннике 1-й Московской гимназии Михайле Федорове Жохове». Стихи также подписаны: «М. Жохов». Впоследствии Жохов был исключен из Московского университета за участие в студенческих беспорядках. [4] Других биографических сведений о нем обнаружить не удалось.

---

[1] В. К., В 50-х годах. — «Красный архив», т. 4, 1923, с. 405—407.

[2] Все три стихотворения находятся в деле III Отделения (Центральный гос. архив Октябрьской революции).

[3] Там же.

[4] И. Е. Баренбаум, Мемуары Н. П. Баллина и общественное движение в конце 50 — начале 60-х годов XIX в. — В сб. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1970, с. 307.

280. ВОЗЗВАНИЕ К ЛЮБИТЕЛЯМ ВОЛЬНОСТИ И РАВЕНСТВА

Теперь вопрос мне разрешите:
Чем недостойней мы царя,
Чем хуже мы его? Скажите!
Пора одуматься, пора.

Мы долго, долго преклонялись
В пыли и прахе пред царем
И долго, долго наслаждались
Тем, что ходим под ярмом.

Пора, ребята! Иго свергнем,
Мы все равны — и раб, и царь;
Сенат, начальство ниспровергнем —
Мы люди все, все божья тварь!

Не признаем мы власти Николая,
Романов нам теперь не царь,
Ура!!! Да здравствует свобода золотая,
Романов — подлая бессмысленная тварь!

Шпионов всюду рассылает
И поймать желает нас,
Но, верно, он того не знает,
Что век его уже угас.

Он упадет под нашими ножами,
Ему дадим мы знать себя —
Растопчем мы его ногами,
Свободу, равенство любя.

Кто недоволен Николаем,
Ступай теперь за мной вослед,
Он ищет нас, мы это знаем,
Но поймает ли? Нет! Нет!

1849 (?)

Н. Ф. ПАВЛОВ

Николай Филиппович Павлов (1803—1864) — писатель, автор широко известных с 1835 года повестей «Именины», «Аукцион» и «Ятаган»; они были запрещены к переизданию и стяжали автору большую популярность, другие более поздние его повести успеха не имели. В дальнейшем Павлов выступал в печати лишь с критическими статьями и заметками.

Из стихотворных опытов Павлова, относящихся в основном к 1820-м годам, в памяти современников осталось несколько сатир, широко распространявшихся в списках, — не все они нам известны. В сатирическом обозрении «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году» Е. П. Ростопчина писала о Павлове:

Безымянными стихами
Наводнив не раз Москву,

а о характере этих стихов:

Против лилии бурбонской
Ты жестоко восставал.

Вероятно, Павлову принадлежит стихотворение «Кавеньяк говорит. . .», но авторство его документально не подтверждено.

281

Ты не молод, не глуп, и ты не без души;
К чему же возбуждать и толки и волненья?
Зачем же роль играть турецкого паши
И объявлять Москву в осадном положеньи?
Ты нами править мог легко на старый лад,
Не тратя времени в бессмысленной работе;
Мы люди мирные, не строим баррикад
И верноподданно гнием в своем болоте.

Что ж в нас нехорошо? К чему весь этот шум,
Всё это страшное употребленье силы?
Без гвалта мог бы здесь твой деятельный ум
Бумагу истреблять и проливать чернилы.
Какой же учредить ты думаешь закон?
Какие новые установить порядки?
Уж не мечтаешь ли, гордыней ослеплен,
Воров перевести и посягнуть на взятки?
За это не берись: остынет грозный пыл
И сокрушится власть, подобно хрупкой стали:
Ведь это мозг костей, кровь наших русских жил.
Ведь это на груди мы матери сосали.
Но лишь за то скажу спасибо я теперь,
Что кучер Беринга не мчится своевольный
И не ревет уже, как разъяренный зверь,
По тихим улицам Москвы первопрестольной;
Что Беринг сам познал величия предел;
Закутанный в шинель, уж он с отвагой дикой
На дрожках не сидит, как некогда сидел,
Несомый бурею, на лодке Петр Великий.

1848 или 1849

Н. Ф. Павлов (?)

282

Кавеньяк, говорит,
Пьет коньяк, говорит,
Ламартин, говорит,
Тянет джин, говорит,
Араго, говорит,
Пьет марго, говорит,
А Роллен, говорит,
Шамбертень, говорит,
И Гизо, говорит,
Был сизо, говорит —
Да Филипп, говорит,
Старый гриб, говорит,
Протрезвясь, говорит,
Сунул в грязь, говорит, —

Людови́к, говорит,
Стал в тупик, говорит;
Но как вник, говорит,
Он в травник, говорит,
Стал в момент, говорит,
Президент, говорит.
А Кошут, говорит,
Старый шут, говорит,
Пьет токай, говорит,
Через край, говорит.
Папа Пий, говорит,
Рим не пей, говорит,
А народ, говорит,
Врешь, урод, говорит,
Будем пить, говорит,
И попов, говорит,
Как клопов, говорит,
Будем бить, говорит,
Виндишгрец, говорит,
О, подлец! говорит,
Выпив грог, говорит,
Вену сжег, говорит,
Что же Русь, говорит?
О! Нас трусь, говорит,
Пьем ведром, говорит;
Враг с мечом, говорит,
Нипочем, говорит,
Стар и мал, говорит,
Лавр и мирт, говорит,
Квас и спирт, говорит.

Начало 1850-х годов

А. И. КРОНЕБЕРГ
или
И. С. ТУРГЕНЕВ

Вопрос об авторе публикуемого стихотворения неясен. В одном списке [1] указано имя критика и переводчика Андрея Ивановича Кронеберга (1814? — 1855). В списке П. А. Ефремова, свидетеля авторитетного и достоверного, оно первоначально было подписано «А. Кронеберг», но затем эта фамилия неизвестной рукой была зачеркнута и сделана подпись: «И. Тургенев», [2] — с этим нельзя не считаться. Однако стилистически стихотворение напоминает памфлет «На смерть Булгарина», может быть принадлежащий Кронебергу. [3] Возможно, что стихотворение написано Кронебергом в связи с его ссорой с Краевским в 1846 году, — об этом есть упоминания в письмах Белинского. [4]

283. К ПОРТРЕТУ КРАЕВСКОГО

Вот он — тоже сочинитель!
Вот он — наглый мародер!
Из холопов управитель,
Конокрад и живодер.
Не знакомый ни с Европой,
Ни с родною стороной,
Он берет свинцовой . . .
И чугунной головой.

---

[1] Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

[2] См.: Е. Г. Бушканец, Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов. (По материалам архива П. А. Ефремова). — «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», 1962, № 4, с. 344.

[3] Н. О. Лернер, Из старинной летучей литературы. — «Звенья», № 6, М., 1936, с. 797.

[4] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 12, М., 1956, с. 253, 254, 264.

С виду важен как писака,
Тиснувший стихов тетрадь,
Как в ошейнике собака,
Как разряженная . . .
Осторожен как татарин
И расчетлив как купец,
Либерал как русский барин
И как барин — весь подлец.
Он чужой жиреет кровью
И чужим живет умом,
И полиция с любовью
Отзывается о нем.
Он Булгарина подлее,
Но никем еще не бит;
Он жены своей глупее,
Но почти что знаменит.
Аноним в литературе,
Имя бранное для нас,
Он с успехом корректуре
Отдает досужный час
И, бессовестный редактор
Добросовестных трудов,
Наживается как фактор
Из бердичевских жидов.
Как он лает на Фаддея!
Как сродни ему Фаддей!
Поумней Фаддей Андрея,
Поопрятнее Андрей.
Тот и с рожи страшно гадок,
Хриплый голос издает, —
Наш Андрей как пьявка гладок
И малиновкой поет.
Из чего же брань и злоба,
Что за странные слова?
Добиваются ведь оба
Монопольи воровства.
Но Андрей — любимец рока,
День победы недалек,
И на нового Видока
Смотрит с ужасом Видок.

Вторая половина 1840-х годов (?)

М. В. ЗАГОСКИН (?)

М. Загоскин как автор этого стихотворения указан в списке коллекции А. П. Щапова в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина.[1] В списках вольной поэзии обозначения авторов иногда случайны: авторство Загоскина нельзя считать вполне доказанным. Следует, впрочем, заметить, что содержание первой части принадлежащего М. В. Загоскину автобиографического романа «Магистр», в котором многие страницы посвящены описанию годов учения, отчасти подтверждает это предположение.[2]

Михаил Васильевич Загоскин (1830—1904) окончил Казанскую духовную академию в 1852 году. Впоследствии он был преподавателем и инспектором Иркутской духовной семинарии и прогимназии, военного училища, технического училища и пр. Автор ряда работ, касающихся по преимуществу Сибири, он редактировал «Иркутские губернские ведомости», основал газету «Амур» (1860—1862). Эта газета была создана по инициативе М. В. Петрашевского, при участии петрашевцев Н. А. Спешнева, Ф. Н. Львова и декабриста Д. И. Завалишина. В числе сотрудников был М. А. Бакунин. Газета издавалась в очень прогрессивном духе и вызывала нападки властей. Загоскин печатался также в газете «Сибирь» (выходила в 1873—1887 годы) и редактировал ее в 1880—1887 годах. В обеих газетах к сотрудничеству были привлечены передовые деятели, находившиеся в Сибири ссыльные Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и другие.

Стихотворение характерно для антицерковных настроений молодежи 1850—1860-х годов, датируется временем окончания Загоскиным Казанской духовной академии.

---

[1] Е. Г. Бушканец в статье «Неизвестный памятник агитационной поэзии 1850-х годов» («Исторический архив», 1960, № 2, с. 207) безоговорочно принимает эту атрибуцию.

[2] Роман опубликован анонимно в «Сборнике газеты „Сибирь“», т. 1, СПб., 1876, с. 1—189.

284. TRISTE VALE[1]

Прости, рассадница духовного дурмана,
Училище притворства и обмана,
Гнездо бессмысленных глупцов
И фарисеев-подлецов,
Людей презренных и бездушных
И к удовольствиям притворно равнодушных.
Прости, и навсегда, ты, злая мачеха моя.
Пусть мохом обрастут твои пороги,
Не знает пусть никто к тебе дороги,
И сгибнет наконец пусть память самая твоя!
Простите... Нет, нет, нет!
Проклятье вам, всесветные опекуны,
Вам, представители обскурантизма,
Поборники невежества и фанатизма,
Кнута и каторги сыны!
Прикрывшись рясою смиренья, вы хотите
Трон вечный на Руси себе воздвигнуть: погодите!
Не всё же будет Русь по-прежнему слепа.
Нет, скоро шелк, и бархат, и кресты с позором
С вас снимут; загремит ужасным приговором
Теперь вас чтущая, бездушная толпа —
И скажет: «Где они, мучители мои?»
Тогда держите крепче головы свои!
Прощайте, жалкие товарищи мои,
Бессмысленных господ бездушные рабы!
Права ума и сердца позабыв,
Вы малодушно под ярмом склонили головы свои.
И ум и молодость вы тщетно погубили
И только низости в себе чудовищно развили.
Готовяся на дальнюю иль вечную разлуку,
Я не хочу подать вам братски мою руку...
Идите всяк своей любимою дорогой,
Кто к деньгам, кто к чинам, кто к келии убогой,
Пусть каждый счастье там желанное найдет.
Лишь одного меня, врага мистических видений,
Защитника вам чуждых убеждений,
Лишь одного меня, быть может, ... ждет.

1852 (?)

---

[1] Печальное прости (лат.). — *Ред.*

П. А. КАРАТЫГИН (?)

Перепечатываемое ниже стихотворение фигурирует в целом ряде списков. Оно представляет собой сатиру на государственный переворот 1852 года во Франции, приведший к власти Наполеона III.

И. С. Книжник-Ветров автором стихотворения безоговорочно считал Петра Лавровича Лаврова (1823—1900):[1] Лавров в самом деле относился к Наполеону III враждебно.[2] Однако гипотеза об его авторстве малоправдоподобна, несмотря на то что с именем Лаврова стихотворение изредка встречается в копиях; другие списки анонимны.

В одной из рукописей, бывшей в распоряжении историка русского освободительного движения А. А. Шилова, автором этого стихотворения значится известный актер, водевилист, переводчик и мемуарист Петр Андреевич Каратыгин (1805—1879); он же указан автором и в надписи, сделанной неизвестным лицом на экземпляре издания Герцена «Голоса из России», хранящемся в Библиотеке Академии наук СССР.

Другой видный историк русского революционного движения — М. К. Лемке автором стихотворения также считал Каратыгина и сообщал, что оно было написано «по совету» управляющего III Отделением Л. В. Дубельта. Будто бы стихотворение понравилось Николаю I, который просил изготовить «несколько копий для раздачи родне... Напечатать их тогда не решились, и стихотворение ходило в массе по рукам, поднимая презрение к „мятежникам-французам"».[3]

---

[1] П. Л. Лавров, Избр. соч. на социально-политические темы, т. 1, М., 1934, с. 19—20, 472 («Введение к 1 тому» и примечания). С оговоркой «вероятно» стихотворение приписано Лаврову и в последнем издании Герцена (Собр. соч., т. 13, М., 1958, с. 607).

[2] См., например, его стихотворения «Пророчество» и «Русскому народу» в изд.: «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 77—87.

[3] М. К. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., ⟨СПб.⟩, 1908, с. 213.

Авторство Каратыгина представляется более вероятным. Впрочем, не совсем понятно, что могло помешать публикации этой сатиры: напечатанное в журнале или газете, стихотворение всегда могло быть выдано как частное мнение автора, за которое правительство не несет никакой ответственности; выпады против «узурпатора» не раз мелькали в русской печати тех лет.

285. ФРАНЦУЗАМ

Народ, смеявшийся над всем без исключенья,
Как ты в наш век смешно упал!
К чему вели тебя все бунты, все волненья?
Ты из огня же в полымя попал.
Где эта спорная, несчастная свобода,
Из-за чего свою вы проливали кровь?
Где братство, равенство, права народа,
Где ваша к вольности любовь?
Теперь вы новому властителю так рады,
Вы голову пред ним решились преклонить.
Зачем же строили вы ваши баррикады,
Зачем же огород вам было городить?
Нет, видно, не бывать утопии на свете,
И, правду-матку говоря, —
Вы не сыны отечества, вы — дети,
Лягушки вы, просящие царя!
Давно ли президент казался вам чурбаном,
Давно ль, как над шутом, смеялись вы над ним?
И что ж? Облекшись царским саном,
Он цаплей сделался назло врагам своим.
А вы все съежились, хвосты свои поджали,
Склейли для него опять разбитый трон
И раболепно закричали:
«Да здравствует Наполеон!»
Кричите громче! Бесноваться
Не в первый раз французам без пути.
Наполеона вам второго не дождаться,
А с третьим вам не далеко уйти!

Конец 1852 — начало 1853

М. Н. ЛОНГИНОВ

Михаил Николаевич Лонгинов (1823—1875) — историк литературы и библиограф. В 1840—1860-х годах примыкал к группе либеральных литераторов, был близок к кругу «Современника». Впоследствии он резко эволюционировал вправо и в 1871—1875 годы в должности начальника Главного управления по делам печати вел жестокую борьбу с прогрессивной печатью.

Смысл публикуемой сатиры, широко распространенной в списках, — в борьбе с так называемой «немецкой партией», занимавшей прочные позиции в верхушке бюрократического аппарата и при дворе; члены этой «партии» неизменно поддерживали и выдвигали друг друга.

286. ДВА РЫЦАРЯ

(Подражание Гейне из «Романсеро»)

Два остзейские барона,
Мерзенштейн и Гаденбург,
Чтоб опорами быть трона,
Снарядились в Петербург.

С прусским талером в кармане
До столицы добрались,
Поселилися в чулане
И за службу принялись.

Жили верными друзьями,
Как Орест и как Пилад,
И певали со слезами
«Landesvater»[1] наразлад.

---

[1] «Отец земли» (нем.). — *Ред.*

Дружбы истинной законы
Не нарушили они,
Хоть и знатные бароны
Из остзейской стороны.

Без предательства делили
Всё, что даст им русский бог;
Перед старшими лисили
И сгибалися до ног.

Скромно кушали в харчевне,
Зная, что недолго им
Посрамлять свой титул древний
Унижением таким.

Хоть на службе взятки брали,
Только с целию честно́й:
Деньги эти получали
Их сапожник и портной.

Фрак, пальто и панталоны
Сшили здесь себе они,
Как все знатные бароны
Из остзейской стороны.

Вот сидят они в чулане
Подле печки за столом;
Перед ними пунш в стакане,
То есть просто голый ром.

Чаша на столе пустая,
В ней когда-то был глинтвейн;
Пьяный, друга обнимая,
Восклицает Мерзенштейн:

«Если б менее служило
Этих русских подлецов,
Честным немцам легче б было
Шкуры драть здесь с мужичков».

Гаденбург вскричал, пылая:
«Друг, достойный рыцарь ты!

Вот баронов цель прямая:
На Россию мы кнуты.

Наши женщины рожают
Ежегодно нам ребят;
Девки тем же промышляют,
Всё героев нам родят.

Ряд их для России грозен;
Вновь появятся: Бирон,
Скотендорф и Канальгаузен,
И великий Сукензон».

1853

«Биографических сведений о нем не имеем», — писал в 1889 году С. А. Венгеров в «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых. . .».[1] С тех пор наши сведения о сыне генерала Николае Алексеевиче Арбузове не пополнились, если не считать даты смерти (1864), установленной тем же Венгеровым.[2]

Из данных «Адрес-календаря. . .» следует, что в 1849—1855 годы Арбузов служил младшим чиновником II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, последовательно пройдя путь от коллежского секретаря до надворного советника.

Выпущенный им в 1856 году сборник «Стихотворений» вызвал единодушно снисходительные, полуиронические или просто отрицательные отзывы. В «Современнике» (1857, № 4) о нем написал Н. Г. Чернышевский: он характеризовал Арбузова как дилетанта, который, «не обладая особенным талантом, умеет писать иногда довольно звучные, гладкие и приятные стихи».[3]

287. ЗАШТАТНЫЙ ЧИНОВНИК

Чиновник уж заштатный я,
Хоть прежде штатным был;
Поутру аккуратно я
На службу приходил.
Любил свое присутствие,
Как мать родную, я

---

[1] Т. 1, СПб., 1889, с. 725.

[2] Там же, т. 6, СПб., 1897—1904, с. 264. Некоторые биографические данные см. в статье: А. П. Могилянский, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Арбузов. — «Русская литература», 1960, № 4, с. 204—207.

[3] Стихотворения Н. Арбузова. — Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 4, М., 1948, с. 557.

И не имел предчувствия,
Что выключат меня!..
Бывало, только солнышко
Проглянет с небеси,
Уж я беру извозчика
Или иду в грязи.
К окну свому знакомому
Прийду, не оглянусь,
Тотчас к столу зеленому
Смирехонько сажусь.
Чернильница казенная,
С песочницей, с пером,
Бумага испещренная
И ящик под замком,
Листочек протекательный
И тряпочка моя —
Всё было привлекательно
И мило для меня.
Так было... Без изъятия
Привык я ко всему,
Что дома, без занятия,
Мне скучно одному.
Бывало, в департаменте
До сумерек сижу
И словно на пергаменте
Все буквы вывожу.
Как школьник над тетрадкою,
Сижу, не шевельнусь,
Лишь изредка, украдкою,
Кругом я оглянусь;
Согбенные являются
Мне спины лишь одне;
Все молча занимаются
В глубокой тишине.
А там, из отдаления,
Виднеется с крестом
Начальник отделения
За письменным столом.
Зерцало беспристрастное
Сияет близь него;
Я чую что-то страшное —
Не знаю отчего!

Поспешно опускаюся
К бумагам и таков
Сижу, не озираюся
До четырех часов!
Когда же приходилося
Мне жалованье брать,
Как сердце сильно билося,
Как веселилась мать!
«Иди, иди, Илюшенька,
Иди, мой друг, скорей,
Не шутка это, душенька,
Ведь двадцать пять рублей!
Бог даст, мой друг, дослужишься;
И больше будешь брать,
Не век в нужде промучишься;
Трудам не пропадать
И службе понапрасному».
Увы, кто б ведать мог,
Что к чину лишь заштатному
Меня готовил бог!
Что всеми без внимания
Покинут буду я!
Что мать без пропитания
Останется моя!
Что брат мой, малый крошечка,
Без хлеба должен быть!..
«Вот подрасту немножечко, —
Бывало, говорит, —
Как ты, на службу царскую
Я также поступлю,
Найму квартиру барскую
И мать возьму свою».
О, горе мне, несчастному!
Что ж брату впереди?
Когда и мне, заштатному,
С сумой пришлось идти!
Бывало, мать: «Илюшенька! —
С слезами говорит. —
Одним тобой лишь, душенька,
Кой-как нам можно жить!
То платье, то передники,
То чепчик мне сошьешь.

Вот в статские советники,
Господь даст, попадешь.
Тогда уж я сама начну
Невестушку искать;
Илюшеньку мо⟨во⟩ женю
И станем пировать!
Лишь дал бы бог Гаврюшеньку
Пристроить как-нибудь!
Царь милостив, на службишку
Открыт любому путь!..»
Так все мы, все надеялись,
Молилися, и что ж?
Вот как со мной разделались,
Воткнули в сердце нож.
Убили разом бедного
Чиновника и мать,
Малюточку безвредного
Пустили голодать!
За то ли, что на службе я
Водой не замутил?
За то ль, что слаб и беден я,
Что мой родитель был
Солдат, с тремя медалями,
С рубцом на голом лбу,
С шестью на теле ранами!
За то ли, что в гробу
Лежит он преждевременно
За русского царя?!
За то ль, что, незамеченный,
Усердием горя,
От чина регистратора
Я рад был век служить?
За то ль и мне и матери
Под окнами ходить?!.

Заброшенный, оставленный,
Покину мать свою.
Возьму свой нож заржавленный
И кровью хлеб куплю.
Найду себе товарищей
На поприще мое;

Не знали к бедным жалости,
Так нам на что ж ее!
Вельможи первоклассные,
С поддельною душой,
Лишь вам одним заштатные
Обязаны судьбой.
Не знали, видно, бедности,
Не вам ее беды,
Не знали мук и бледности,
Голодной нищеты!
Так будет для несчастного
Отраден этот вид,
Когда в руках заштатного
Вельможа задрожит.

1853

М. А. КАРЛИН

Сведения об этом лице почти полностью отсутствуют. С. А. Венгеров называет двух Карлиных (детского писателя 1880—1900 годов и родившегося в 1835 году Михаила Арсеньевича, московского врача).[1] Оба эти имени не попали в «Источники словаря русских писателей» С. А. Венгерова, и отождествлять их с интересующим нас поэтом невозможно: первый из названных не подходит по времени, второй — врач, которым Карлин не был.

М. А. Васильев указал, что в 1853 году Карлин был студентом Казанского университета и что ему принадлежит сатирическая «Студенческая песня».[2] Е. Г. Бушканец нашел сведения о Карлине — мелком чиновнике одного из приволжских учебных округов. Тот же исследователь сообщил, что «в начале 60-х годов, насколько можно судить по архивным материалам, Карлин был близок Шатилову, Иловайскому и другим казанским землевольцам, ученикам Чернышевского по Саратовской гимназии».[3]

---

[1] С. А. Венгеров, Критико-биографический словарь русских писателей и ученых... Предварительный список, т. 1, Пг., 1915, с. 351.

[2] «Ученые записки Казанского гос. университета имени В. И. Ульянова-Ленина», кн. 5, 1930, с. 840 и 843. О Карлине — студенте говорится в кн.: Г. Н. Вульфсон и Е. Г. Бушканец, Общественно-политическая борьба в Казанском университете, Казань, 1955, с. 31. Однако по сведениям, сообщенным составителю настоящего сборника 22 мая 1968 г. Центральным гос. архивом Татарской АССР, имени Карлина в списках студентов университета за 1850—1856 гг. нет.

[3] Личное сообщение и письмо от 12 марта 1968 г. Среди лиц, привлекавшихся в 1850—1860-е годы к суду за революционную деятельность, фамилия Карлина, однако, не встречается. В докторской диссертации Е. Г. Бушканца (рукопись Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина) высказано предположение, что упоминаемый в дневнике Н. Г. Чернышевского, в записях от 13 и 14 марта 1853 и 23 марта 1854 г., Карелин — ошибка и что надо читать: Карлин. В «Словаре псевдонимов...» И. Ф. Масанова (т. 4, М., 1957, с. 71) со ссылкой на Б. П. Козьмина указывается, что М. А. Карлин выступал под псевдонимом М. Коран, — подтверждений этого сообщения до сих пор не обнаружено. В 1940 г. в ответ на запрос Б. П. Козьмин сообщил, что сведений об этом лице у него нет.

Имя Карлина встречается под стихотворением, напечатанным в «Литературной газете» (1848, 13 мая),[1] — возможно, что оно принадлежит интересующему нас лицу.

В 1860 году в Саратове вышла небольшая книжечка из 15 стихотворений: М. Карлин. Стихотворения. Автор ее и автор публикуемого стихотворения — вероятно, одно лицо. Эта книжка вскоре вызвала отрицательную рецензию Д. Мордовцева.[2] Автор рецензии — земляк Карлина — справедливо характеризовал книжку как неоригинальную, напыщенную, написанную плохим языком, со многими архаизмами и пр. Карлин, как указывает Мордовцев, пишет, часто подражая Некрасову. Лишь одно стихотворение сборника — «Последняя ночь в тюрьме» — с явно революционной тенденцией и намеками на «Колокол» Герцена:

Но чу! я слышу звон, я слышу звон отрадный!..
...Не наш ли колокол? Нет, звон издалека! ..
...Опять звонят, опять! Проснитесь, звон недаром
и т. д.

Мордовцев характеризовал как «не совсем неудачное» и как «не лишенное идеи и смысла».[3]

288

Я слышу грозный клич: война!
Я вижу страшные движенья,
Душа моя тоской полна,
В уме рождается сомненье.

Куда? зачем идут полки?
Какая польза для народа,

[1] П. В. Быков эту подпись бездоказательно считал псевдонимом М. Л. Михайлова; см.: М. Л. Михайлов, Полн. собр. стихотворений, М., 1934, с. 752—753.

[2] «Русское слово», 1860, № 9, с. 41—47.

[3] Перепечатано в заметке: Н. Петровский, Герцен и Казань. — «Казанский музейный вестник», 1920, № 7-8, с. 31—32.

Что кровь багрит собой штыки
В начале нынешнего года?

Что извлечем мы из побед?
И ждать ли нам еще победы?
И так глядят уж много лет
На нас с усмешкой все соседи...

— Но Русь сильна? Быть может, да.
Да чем сильна? Извне штыками,
Внутри плетьми ограждена
Да зауральскими горами.

Народ и так изнеможен,
Народ страдает от налогов,
Клянет в тиши людской закон
И явно ропщет уж на бога.

Но бог ни в чем не виноват,
А тот, кто здесь во имя бога, —
Он заставляет нас страдать,
Безумно властвуя в чертогах.

Он слышит плач, он слышит стон
И гордо пишет манифесты:
«Вперед! За веру, честь и трон,
Поможем сватушке иль тестю...»

Да черт бы взял его родню.
Какое нам до немцев дело?
Нам прежде родину свою
И долг и честь спасать велели.

Зачем губить в чужих полях
Цвет нашей русской молодежи?
Мы лучше выметем весь прах,
Весь сор, что дома нас тревожит...

И близок уж тот час: не плач,
Услышат рабский стон тирана,

Когда к нему его палач
Придет лишить венца и сана.

То не измена будет — месть,
Не бунт — правдивое восстанье:
К тому зовут нас долг и честь
И наше долгое страданье.

Начало 1854

П. К. МЕНЬКОВ

Петр Кононович Меньков (1814—1875) — генерал-лейтенант, известный военный писатель. Во время обороны Севастополя вел «Журнал обороны», оставил содержательные «Записки», изданные в Петербурге в 1898 году. В 1859—1872 годах он редактировал «Военный сборник», а с 1869 и до 1872 года — «Русский инвалид». Под псевдонимом «Петр Кашин» Меньков писал шуточные стихи; они, в большей своей части, приведены в названных выше «Записках».

«Солдатская песня» была написана Меньковым в той же обстановке, в какой Л. Н. Толстой написал песни «Как четвертого числа. . .» и — вероятно, вместе с другими — «Как восьмого сентября. . .».[1]

Е. Г. Бушканец в статье «Солдатские песни Л. Толстого (1854—1855)»,[2] вопреки категорическому указанию П. Менькова, который называет себя автором песни,[3] доказывал авторство Л. Толстого. Возражения А. Новиковой и С. Дорошенко в статьях: «Песни Дунайской армии 1854 г. „Под Силистрию ходили“. Проблема авторства»[4] более или менее убедительно разрешили спор в пользу Менькова.

Кроме «Солдатской песни» Менькову принадлежит еще весьма непочтительное по отношению к начальству, но очень растянутое стихотворение «На развалинах».[5]

---

[1] См.: «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1959, с. 710—712.

[2] «Русская литература», 1960, № 3, с. 178—185.

[3] «Записки», т. 1, СПб., 1898, с. 172.

[4] «Русская литература», 1962, № 3, с. 205—210; ср. также: А. М. Новикова, Севастопольские песни Л. Н. Толстого. — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 122, вып. 8, М., 1963, с. 6—14.

[5] «Записки», т. 1, с. 436—442.

289. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Посвящена П. Кашину

Под Силистрию ходили,
Крепость долго сторожили;
Немец помешал. *(bis)*

А солдатушки старались,
К бою крепко порывались;
Много их легло. *(bis)*

Инженеры им сказали,
Чтоб они не унывали;
Мину подорвут. *(bis)*

А мы мины не видали,
И труды наши пропали;
Так уж суждено! *(bis)*

Фельдмаршал сам взялся́ за дело,
Но ядром его задело;
В Гомель убежал! *(bis)*

В Яссы женка приезжала,
В горе крепко утешала;
Он ее ругать! *(bis)*

Не за то, что приезжала,
А за то, что помешала
С Аглаей гулять. *(bis)*

Горчаков хотя герой,
А повел полки домой;
Каска на боку! *(bis)*

Коцебу стал снаряжаться
И на приступ собираться;
Только не пошли! *(bis)*

Сержпутовский хоть стрелял,
Только мало попадал;
Плохи уж глаза! *(bis)*

А Бухмейер-генерал
В пушку рыльце замарал,
Вот они мосты! *(bis)*

А дежурный генерал,
Сколько он наворовал;
Боже упаси! *(bis)*

Атаман Орлов сказал,
Что он шанцев не видал;
Право, не солгал! *(bis)*

Зато Затлер-генерал
Сухари нам доставлял;
То-то хороши! *(bis)*

А генерал Бутурлин
Всё пустя́ки городил;
Горчаков его бранил! *(bis)*

Коцебу меньшой ершился
И всё с картами возился;
Штосик прометал! *(bis)*

А Петр Кашин попивал,
Сию песню сочинял;
Право, молодец!

25 октября 1854

В. Л. ДАВЫДОВ

Василий Львович Давыдов (1792—1855) — видный член «Союза Благоденствия», а потом Южного общества. В его имении Каменка (Киевской губернии) в 1820 году происходило совещание декабристов. К нему обращено одно из наиболее радикальных стихотворений Пушкина «Меж тем, как генерал Орлов...» (1821, см. наст. издание. № 83). В 1823 году Давыдов стал руководителем Каменской управы Южного общества.

Приговоренный первоначально к смертной казни, он пробыл на каторге до 1839 года, а потом до самой смерти жил на поселении в Красноярске.

Кроме перепечатываемого в этом издании фрагмента, до нас дошло еще несколько сатирических басен Давыдова.[1]

290. НИКОЛОСОР

⟨*Отрывок*⟩

Он добродетель страх любил
И строил ей везде казармы,
И, где б ее ни находил,
Тотчас производил в жандармы.
При нем случилось возмущенье,
Но он явился на коне,
Провозглашая всепрощенье.
И слово он свое сдержал:
Как сохранилось нам в преданье,
Лет сорок сряду всё прощал,
Пока все умерли в изгнаньи.

1840 — начало 1850-х годов (?)

---

[1] См.: «Литературное наследство», № 60, кн. 1, М., 1956, с. 287—288.

Б. Н. ЧИЧЕРИН

Перу известного юриста и философа Бориса Николаевича Чичерина (1828—1904) принадлежит несколько стихотворных опытов. Автор их никогда не примыкал ни к какому противоправительственному движению, но безусловная честность и принципиальность заставляла его протестовать против очевидного беззакония и произвола.

Кроме перепечатываемого здесь стихотворения, известно еще одно — памфлет на попечителя Московского университета в 1847—1849 годы Д. П. Голохвастова (1796—1849); подробная его характеристика содержится у Герцена в «Былом и думах»; первые три строки написаны товарищем Чичерина по Московскому университету А. И. (?) Алябьевым.[1]

Характерно, что в воспоминаниях, написанных много лет спустя, Чичерин подчеркнул, что его стихи «В одной лишь подлости есть сила, В ней радость, слава, торжество» все еще продолжают быть актуальными.[2]

291

Тебя судил всевышний с нами
Столетний праздник пировать,
За то, что мерными шагами
Умеешь ты маршировать,
Что чтишь на службе ты дубину,
Мундиров любишь красоту,
За то, что ценишь дисциплину,
А также комнат чистоту.

---

[1] Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, с. 82—83.

[2] Там же, с. 153; ср.: Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Московский университет, М., 1929, с. 227.

Тупей последнего солдата,
Честолюбив, как дворянин,
Пристроил тестя ты и брата,
Ты в службе верный семьянин.
Служа с безграмотностью барской,
Ты фрунту предан целиком,
Ты генерал по воле царской,
А всё ж остался дураком.
Себя комедией взаимно
Мы потешали всей семьей;
Когда читали строфы гимна,
Как все смеялись, боже мой!
Наш праздник глупость осрамила,
Но подлость скрасила его;
В одной лишь подлости есть сила,
В ней радость, слава, торжество.
Наш храм под высшим попеченьем
Давно покорствует судьбе,
Но днесь военным обученьем
Он опозорен при тебе.
Да, много гадостей в нем было,
Властям тупым благодаря,
Но все те мерзости затмило
Даянье новое царя.
И этот праздник омраченья
Вершим мы пиром в честь твою.
Подай нам, господи, терпенья,
Чтоб выносить тебя, свинью!
Но тщетный ропот не поможет,
Мы шлем начальнику привет:
Блажен, кто удалиться может,
Кто не приехал на обед.
Крепка военной власти сила,
Твоих безмерна глупость дел;
Но мудрость божья положила
Величью нашему предел,
И будь ты во сто раз сильнее,
А всё ж не сделаешь никак,
Чтоб был Альфонский поумнее,
Чтоб Шевырев был не дурак.

Февраль 1855

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Федор Иванович Тютчев (1803—1873) — имя не характерное для вольной русской поэзии. В течение всей своей жизни он был убежденным сторонником монархического образа правления и врагом революции.

Дипломат по профессии, широко образованный и культурный человек, не чуждый либеральных взглядов, Тютчев достаточно критически и трезво оценивал политические мероприятия русского правительства. Известно, что он позволял себе резкие иронические замечания в адрес придворной клики, обличая ее позорные ошибки и прямую бездарность в управлении страной.

Во многих своих стихотворениях поэт откликается на волнующие события общественной жизни, публичное обсуждение которых преследовалось властями. Независимая позиция Тютчева допускала и сочувствие восставшим против турецкой тирании грекам («Байрон»), и непочтительность к религии («Молитва»). Панславистские убеждения поэта, сближавшие его со славянофилами, также не вызывали одобрения в официальных кругах. Отсюда запрет, наложенный цензурой на некоторые его стихотворения, ставшие достоянием нелегальной поэзии.

292

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые, —
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

Февраль (?) 1855

293. К НИКОЛАЮ

ОДА «СВОБОДА»

Бичи позорные народа,
Вселенной ужас, смерть и страх.
На тяжких власти раменах
Скорбит священная свобода!
Кто дал нам власть и меч, кто мог
Отнять у нас права родные?
Я царь, я раб, я червь, я бог —
Вот мудреца слова родные.
Тебе шипит, безумец злой,
У деспотического трона
Придворных ненавистный рой:
О благе русского народа.
И внемлешь ты, что всё цветет
Под злым эгидом тяжкой власти,
Не хочешь знать в тиранской страсти,
Что крест терпения несет
Народ, тобою угнетенный.
Тебе не слышен скорби стон,
Твой слух от воплей удален
Концертом славы упоенной.
Воззри на низший класс людей,
Забытых богом и тобою,
Объятых предрассудков тьмою
По воле прихоти твоей.
Скажи, кто их не властелин
И чья рука на них не ляжет?
Судьба их в цепи рабства вяжет,
Закон их дерзкий господин.
Мы все рабы один другого,
И ты один тиран у нас,

У нас нет чувства никакого,
Окаменил сердца твой глас.
Мы все ползем к блестящей славе,
Ползем и давим, кто вперед.
Все говорим, никто не вправе,
И сердце ненависть грызет.
Гнием за душными стенами
В заботах жизни городской
И, отягченные трудами,
Проводим время в скуке злой.
Зачервстлый хлеб наш стонов,
Мятежный сон трудов дневных,
Веселье игр, упреков злых —
Вот доброта твоих законов.
Один в своих чертогах ты
Беспечно жизнь свою проводишь
И на российские страны
Ярем бесславия наводишь.
Опомнись, дерзкий властелин,
Какая цель твого владенья?
Мы все рабы — ты господин,
Но близок час — в умах волненье,
И петербургский заговор
Хотя разрушен злой рукою,
Но он не дым, не пылкий вздор:
Зовется вольности зарею.
Да и московская гроза
Не без причины зашумела:
Мудрец посеял семена,
Лишь бы рука не оробела —
Плоды взрастут сами собой,
И с миртовым венком свобода
Для блага русского народа
Провозгласит зак⟨он⟩ святой.
Какой звездой благодеянья
Свое правленье освятил?
Ты славу граждан помрачил,
Достоин ты небес каранья!
К чему мундиры, вицмундир,
И позумент, забава шу́та,
И плетью стричь, как будто плута, —
Тебя ругает целый мир.

Зачем закон благословенный
Ты о чинах переменил,
Но на себя восстановил
Народа полк вооруженный?
Ты б лучше, гибельный злодей,
В народе бедность уничтожил,
Тем славу наших дней умножил,
Но ты не думаешь о ней.
Тиран, сложи с себя венец,
Нас тяготит законов бремя,
Не то — придет златое время
И встретишь славы злой конец.
О вы, блюстители закона,
О правосудия щиты,
Вина народной нищеты,
Причина траурного стона!
От злой Сибири до Москвы
Из вас настелем мостовые,
Заложим тройки удалые,
И зазвенят колоколы.
Страдальцы злого деспотизма
Поскачут шумной чередой,
И прежний их язык немой
Прославит быль республицизма.
Свободы солнце к нам взойдет
И озарит объятых тьмою,
И нянька темною порою
Рассказы детям заведет
Про злых царей державы прежней,
Про их губительный закон,
И кроткий безмятежный сон
Прервет тотчас их слух прилежный.
Мы пишем в тишине ночей,
Несем с собой свободы знамя,
Мы страх и ужас злых царей
И пожирающее пламя.

Северное 3-е тайное общество мстителей
1827

294. АРАКЧЕЕВУ

«Без лести преданный!» Врагу преда́нный льстец,
Добыча адская и черных книг писец!
Во аде, по делам своим, ты стоишь обелиска,
Об этом уже есть у сатаны записка.
Ты — пища вечная превечного огня,
Ты — адских фурий брат, ты — чертова родня;
Тебя сам черт кроил, ты целым адом шитый,
Куда тебе готов и целый лист открытый.
О хитрый временщик! Царь, лестью упоенный,
Не зрит в тебе того, что видит царь вселенной:
Что целая тобой разорена страна,
Что в пышных житницах в запасе нет зерна,
Что жизнию людей ты осушаешь блата,
Что пухнут бе́з соли, тиранят что солдата,
Что хлеба данного на месяц не стает,
Что высохшую грудь младенец не сосет,
Что в тридцати селах телицы нету млечной,
Что равнодушно зрит мать сон дитяти вечный!

1820-е годы

295. К БЮСТУ НИКОЛАЯ I

Оригинал похож на бюст —
Он так же холоден и пуст.

Между 1826 и 1832

296

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куролесил,
А царь ездил на развод.

Ныне Ливен мудрость весит,
Царь же вешает народ,
Рыжий Мишка куролесит,
И по-прежнему развод.

Между 1828 и 1833

297. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ КОЛОННА

В России дышит всё военным ремеслом:
И ангел делает на караул крестом.

Между 1832 и 1834 (?)

298. ПЕСНЯ

(На голос: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан»)

Мать ты наша, матушка, православная!
Мать наша родимая, ты святая Русь!
За что, наша матушка, ты прогневалась?
Али мы не кровные все дети твои?
Али в ретивом у нас не любовь к тебе?
Али мы неправдою служили тебе?
Как была невзгодушка, помнишь, страшная!
Когда чудь немецкая хлынула на Кремль,
И златые маковки пылали в огне,
И тебе осталася одна грудь сынов!
Кого ты вскормила уж из нас, деточек.
Те ведь не задумались — *за тебя горой...*
Посмотри-ка на поле Бородинское:
Нашей крови капельки, верно, там найдешь!
Были и под Полоцком, под Тарутином,
Гнали злого ворона за Березину.
Отстояли матушку — ну! других спасать!
И славу родимыя пронесли за Рейн:
Протрубили громкую с Бельвиля в Париж,
Оглушили навеки всех врагов твоих!
Домой воротилися, думали найти
Тебя, нашу родную, в славе и чести,
Свободну и счастливу, как быть надлежит.
Что же очутилося? — Тебе ж хуже всех!..
Чужого-то выжили — свой ворог насел!
Вздумал тебя, милую, запросто душить.
Закипело в детушках *молодецкое,*
Загадали роднушку еще раз спасти!
Смигнулись, стакнулися и стали заодно:
Одно было в помыслах, в чувствах и делах.
Не было в дому твоем правды ни на грош;
Одни из нас, оставя меч, засели в приказ.

Что могли, то делали, чтобы злу помочь,
Разбудить других сынов от рабского сна.
Не стало вдруг *барина, барчук* наступил;
Вышли мы впервые *с самим* говорить.
Мы ли виноваты в том, что выдали нас?
Одни нас не поняли, другие — *молчок*!
С барскими картечами не смогли как быть!
Первую-то песенку, ведь зардевшись, спеть.
На площадь Петровскую, на Сенат взгляни:
Ужли не дымятся там наших кровь-мозги?
Стены затирали хоть чистой известью;
С площади смывали кровь в ночь из поливней;
Но она не смоется с твоей памяти;
Топором не вырубишь с скрижалей долой.
Взгляни-ка: на крепости виселицы нет,
Но пять теней грозных носятся над ней!
А там что, за Киевом? — кровь черниговцев,
Ипполита юного — не греческого:
Любил тебя, матушка, не как пасынок;
Не морское чудище сразило его,
Погубила юношу дума светлая:
«*Крепостною* мать мою видеть не могу!»
Осмотри-ка «Домик» свой на всем Севере:
Куда наших косточек не закинули?
Томились в железах мы, страдали в тюрьмах,
Гибли в Грузии, в Суздале, на Ленских брегах;
Мели в Чите улицы, засыпали рвы;
Рвались бы служить тебе, а мелем муку
Жерновами тяжкими вот уж десять лет!
На то наши головы обрекла судьба! . .
Но чем твои доченьки провинилися,
Что ты позабыла их и не видишь слез?
Посмотри-ка, родная, одной уже нет:
Схоронили милую в дальней стороне! . .
Нет, нет, наша матушка, не забыла ты;
Только делать нечего тебе, вишь, самой.
Ждешь, наша родимая, поры да чреды,
Кормишь себе деточек новых побойчей.
Есть уж чем утешиться, не долго терпеть.
Подрастают молодцы, уж не нам чета!
Пусть их будто учатся — равно трех любить:
Двух старушек хромушек да деву-красу.

Красавицу девицу — *что кровь с молоком*,
Какая в Новгороде коли-то была.
Не то совсем смекают деточки твои;
Любовь у них тлеется к девице одной.
Дай-ка разгореться ей — старухам не смочь.
Тогда будет жутко ворогам твоим;
Воспокаются, да поздно, во грехах своих!
Заживешь ты, матушка, тогда барыней.
Тогда-то, родимая, вспомни о нас,
Сгреби наши косточки и поплачь на них!

1835

299. ДЕКАБРИСТАМ

Над вашей памятью кровавой
Теперь лежит молвы позор;
На ней поэт, венчанный славой,
Остановить не смеет взор.

Ваш враг могучий торжествует,
Щадит его судьбы закон,
Лишь власти страсть его волнует,
И кажется незыблем трон.

Но вы погибли не напрасно:
Всё, что посеяли, взойдет;
Чего желали вы так страстно,
Всё, всё исполнится, придет!

Иной восстанет грозный мститель,
Иной восстанет мощный род:
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющий народ.

В победный день, в день славной тризны,
Свершится роковая месть, —
И снова пред лицом отчизны
Заблещет ярко ваша честь.

1830-е годы

300

Краса природы! Совершенство!
Она моя! Она моя!
Кто разорвет мое блаженство?
Кто вырвет деву у меня?

Пускай идут цари земные
С толпами воинов своих...
Что мне снаряды боевые?
Я смелой грудью встречу их.

Они со всей земною силой
Ее не вырвут у меня:
Ее возьмет одна могила —
Она моя! Она моя!

Она моя! Пускай восстанет
И ад и небо на меня;
Пусть смерть грозою в очи взглянет —
Против всего отважусь я!

Пускай восстанут миллионы
Крылатых демонов в огне
И серафимов легионы —
Они совсем не страшны мне!

В ней жизнь моя, моя отрада!
Что мне архангел, что мне бес?
Я не страшусь ни казни ада,
Ни гнева страшного небес.

Пусть бог с лазурного чертога
Придет меня с ней разлучить —
Восстану я и против бога,
Чтобы ее не уступить.

И что мне бог! Его не знаю...
В ней — всё святое для меня,
Ее одну я обожаю
Во всем пространстве бытия.

Я не убийца, не предатель;
Не дышит злобой грудь моя;
Но за нее и сам создатель
Затрепетал бы у меня!

Во мне нет веры, нет законов!..
И чтоб ее не уступить,
Готов царей низвергнуть с тронов
И бога в небе сокрушить.

Она одна моя святыня,
Всех радостей моих чертог...
Мне без нее весь мир — пустыня:
Она моя! Она мой бог!

1830-е годы (?)

301

Семь душ по списку послужному,
И ровно столько же детей;
А по окладу годовому
Всего три тысячи рублей.

Играл он в банк, но неудачно.
Живет как все. Затем вослед
Такая предстоит задача —
Берет он взятки или нет.

1840

302. ПРАВЕДНИКИ

1

За обожание Христа,
За невредимость церкви новой,
Бывало, шли с душой, готовой
На смерть, к мучениям креста.
Мужались верою святой
И ожидали без боязни
Предстать пред бога в мир иной.

И вот преемники ученья
Христова помнят подвиг их,
Их смерть и славные мученья,
И чтят их именем *святых*;
У них заступничества просят,
К святым склоняясь образам,
Моленья теплые возносят
И курят веры фимиам...
Но вы прошли, века чудес,
Века нероновских гонений, —
И след кровавый ваш исчез!
Нет больше пыток и мучений,
Нет больше славного конца —
Среди терзаний страшных тела
Не ждем мы райского венца...
И говорят, что охладело
В нас celованье, что убил
Наш век рассудком веру сердца,
Отцов предание разбил —
Живет с беспечностью безверца;
И говорят, что никогда
Слепое наше поколенье
Ни светлой мысли, ни плода
Не даст векам в нравоученье...
Нет, недозрелые пророки!
К нам справедливее судьба:
Она и нам дает уроки,
И нам дан крест, дана борьба.
К чему нам старые преданья,
Зачем нам трогать пыль веков?
Есть и у нас свои страданья,
Хоть нет ни пыток, ни костров...
Хоть не должны мы лицемерить,
Но можем мыслить как хотим;
И можем без боязни верить
По убеждениям своим;
Но легионы мелких пыток
Нас окружают каждый час —
И мы невольно пьем напиток,
Всеразрушительный для нас...

2

И твердо верю я, что много
У нас есть *праведных* своих;
Но нас житейская тревога
Кружит — и мы не видим их...
Как часто я благоговею
Пред нашей женщиной-рабой!
Как горько плачу и жалею
Тебя, отверженный судьбой,
Тебя, осмеянный толпою
Чиновник, бедный раб труда...
Я преклоняюсь иногда
Пред твердостью твоей простою.
Художник, раб, жена, поэт,
Вы все — зачем вы крест несете?
И за мученья долгих лет
Каких наград от неба ждете?
Вас не зачислят в лик святой,
Не расточат вам поклонений,
Вы все смешаетесь с толпой...
Наш век не тот, что, полон веры,
С надеждой в небо умирал —
Нам века этого примеры
Смешны и странен идеал...
Зачем же вы, с какою целью
Страданье благам предпочли
И чужды счастью и веселью
Детей неправедных земли?
Зачем живете вы страдая?
Вас не поймут, не оценят...
Затем что истина святая
Для вас дороже всех наград;
Затем, что вера в воздаянье
Вам для терпенья не нужна,
Не утешает вас она
В часы глубокого страданья.
Среди житейских мук ваш взор
Не видит врат отверстых рая,
И пытки жизни, смерть, позор
Несете вы, не ожидая
Утех заоблачного края...

Стремленье к истине святой,
Да вера в голос благородный
Своей души, да дух свободный —
Вот катехизис ваш простой!

18 января 1847

303. ЗАПАСНЫЕ МАГАЗИНЫ

Басня

«Во избежание жестоких, тяжких бед,
Неурожая гибельных последствий,
Суровых зим и знойных лет
И вообще всех бедствий,
Которыми грозят голодные года,
Повелеваем мы отныне навсегда:
Пещась о здравии подвластной нам скотины,
Запасные везде устроить магазины
И в оные чтоб каждый зверь вносил
По мере способов и сил
От всех своих стяжаний десятину.
Ослушникам сего напомню я свой зев».
И в окончаньи манифеста
Означен год, число и место.
На подлинном написано: «Мы, Лев».
И манифест такого рода,
Чтоб положить границы злу,
Лев разослал ко всем звериным воеводам,
А между прочим и к Ослу.
Без доблестных заслуг и без когтистой лапы,
Без этих признаков шляхетности зверей,
Однако же не без связе́й,
Вышереченный скот попал в сатрапы.
Распоряжение тотчас сатрап повел:
Распоряжение Ослово,
Чай, никому не ново —
Списал бумагу слово в слово
И подписал: «Осел».
Но как бы ни было, а дело шло. Средь мрака,
В трущобе лесовой, между пустых стремнин,
Поросших тернием, на днище буерака
Построен запасной дубовый магазин.

Столетний бурелом покрыл его как крыша.
Готово здание. В смотрители туда
Из ближнего гумна потребованы мыши
(Из всех зол меньшее приемлется всегда).
И Крот, как контролер, выводит десятины.
Приносят звери вклад.
Крот в ведомость вписал: от волка две овчины;
Лисица принесла два крылышка курчат
Да к этому еще два фунта с лишком пуха;
Кабан три пары вдруг оленьих внес рогов
С частицею мясца от уха;
Медведь полчерепа и пару сапогов.
Для блага ближнего усердья не жалея,
Чтоб пародировать удачно Гамалея,
«Я, — молвил, — ободрал порядком дуралея».
И вскоре наконец при рвении таком
Весь магазин набит битком.
Осел доносит Льву, а Лев на донесенье
Ответствует, что он за подданных-де рад,
И в знак монаршего к Ослу благоволенья
Дарит ему в лугах казенных майорат.
А Волку, Кабану, Медведю и Лисе
Похвальные листы; и чтоб другие знали —
Их велено воспеть губернской Стрекозе
(Пчеле таких вещей тогда не поручали).
В таком блаженстве жил звериный весь народ.
Что было далее — не знаю; впрочем, слышал,
Что в первый же неурожайный год
Зверь гибнул с голоду, толстели крот да мыши:
А к довершенью зла,
На царственных лугах нашли скелет Осла;
У Мишеньки не дрогнула, знать, лапа
На самого сатрапа.

Не благо, а беда
И запасные магазины,
Когда они под веденьем скотины.

(1848)

304—306. *ВЕСТИ О РОССИИ*

НАБРАНЫ ИЗ МИРСКОЙ ЖИЗНИ, С ДЕЛ И СЛОВ НАРОДА. С ПРЕЛОЖЕНИЕМ В СТИХИ ПОЛУГРАМОТНЫМ ГОСПОДСКИМ ПО ТЕЛУ КРЕСТЬЯНИНОМ, НО ПО ДУШЕ ХРИСТИАНИНОМ П.

⟨*Отрывки*⟩

1

О ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ П.

Я в память детскую вошел в деревне,
И в ней я взрос в пятнадцать лет,
С моим родством в соединеньи,
Среди трудов их, нужд и бед.
Отец мой нужд на исправленье
Искал торговли и искусства,
Но, не найдя, впадал в ⟨распутство⟩,
Тем потерял семьи почтенье.
Но мать нам часто вспоминала
О прежних сча́стливых годах:
Их жизнь в достатке протекала,
В торговых выгодных делах.
Потом, до крайности дойдя,
Мать тяжести претерпевала,
Зря в бедности детей, себя,
Нередко слезы проливала.
Она прилежно нас учила
Молиться богу, быть в трудах
И так соседям говорила:
«Быть может, счастье мы найдем в детя́х».
Я матери моей родной
Во всем всегда помочь старался,
Работам женской и мужской
С де́ятельностью занимался.
И всех товарищей своих
Скорее грамоте я обучился.
Тут у родителей моих
Трудом жить в город отпросился,
Куда извозчик и привез
Во многолюдие, как в лес.
Я выжил в городе семь лет,
В деревне побывать стремился,

Узнал других людей и свет
И «Вести» написать решился.
Не дорожу тем, во́ что стало,
Доволен, что помог творец
Приняться написать начало,
Потом средину и конец.

2

⟨ИЗ ЧАСТИ ПЕРВОЙ «ВЕСТИ И ПРЕДВОЗВЕСТИЯ О РОССИИ»⟩

«Заметь, и волк зимою рыщет,
Его от голода как вихрем носит,
По селам, деревням он пищи ищет,
Небрежно часто и собак уносит,
И в свете жить находит толк,
Но человек, смотри, не волк...»
Я, внявши речь от ямщика,
Подумал: «Так она, нароче...»
Затем спросил, как знатока:
«Скажи мне, друг мой, покороче —
Здесь что же нужно для народа?»
Поспешно отвечал мне он: «Свобода,
Царь и христианский всем один закон!..»
И вдруг присвистнул царский ямщик,
Помчались кони ровною дорогой,
Земляк врожденной страстию пылать привык,
Он утешался скачкой многой.
А я в цепях своих сидел,
Безвинно в крепость осужденный,
С кручиною на свет глядел
И проезжал в удел свой темный.
После того четыре смены
Осталось до дому проехать мне,
Глядел, и не видал отмены
Я в бедных жителях по стороне:
Везде селения худые,
В жилищах дымных пустота,
Одежды на людя́х грязны́е,
Умы покрыла темнота.
В полях непаханной земли
И прочих мест гораздо боле,

Повсюду видны пустыри —
От безуспехов во неволе.
О, участь горька мужиков!
В тумане дни их протекают.
Мне жаль себя и земляков:
В нас все таланты погибают.
Нам, в белом свете живучи́,
Работы рабские вручают,
И просвещения лучи
Сквозь иго их в нас не сияют...
. . . .

Отец

Забудь, забудь навечно ты
Слова мои! Что видел в мире —
Забудь! Про вольные мечты
Тебе ль воспеть на этой лире? ..
Ты мужиком на свет родился
И должен бремя то нести.
Воспитан худо, не учился...
Тебе ль, мой сын, к царю идти?
Тебе ль великому советы
О всех свободе подавать
И на вопрос его ответы
Словами серым продолжать?
Услышит он — велит молчать,
Вновь ни о чем тебя не спросит
Иль вздумает тебя сослать
Туда, где ворон и костей не носит.
Или отдаст тебя под суд
Неправильной нашей власти.
Тогда, увы, что будет тут,
В какой ты вновь будешь напасти? ..
Тебе за добрые затеи
Судьи законы подведут,
Потом, как книжники, как фарисеи,
Быть может, и на площади убьют.
Так для чего ж вновь горьку чашу
Себе ты думаешь налить,
Когда, пренебрегая, нашу
При начинании не хочешь пить.
Как ныне малодушны вы,

В какой путь идти дерзая!
Оставь! .. Всё выброси из головы,
И впредь о том не помышляя.
Но думай, завтра в чисто поле
Поедем вместе мы пахать,
И дело лучше будет вдвое
К трудам безгрешным привыкать...

3

⟨ИЗ «ПЕСНИ ЛАКЕЯ»⟩

В селе Заречье на холму
Широко злоба разлилась.
У Обираева во терему
Игра картежна завелась.
Дворяне часто день и ночь
Играют в деньги и в крестьян.
Пришло уж мужикам невмочь
Нести такой от них изъян.
Русь разорили корольки
Чрез шалость, роскошь самовластья
И уж в людей, как в городки,
Давно играют для богатства.
Один близ нас есть умный муж —
Раззорин. В карты не играет,
Крестьян имеет тридцать душ,
А в шестерик всё разъезжает.
И вот где деньги он берет:
Крестьян часть мучит на изделье,
За лень жестоко их дерет,
И все взялись за рукоделье.
Пятнадцать душ на городу
На трехокладном в год оброке:
Грозит им в письмах на беду,
Велит заботиться о сроке.
Затем они уж так пекутся —
Подобно курам молодым,
Большими яйцами несутся,
И не простым, а золотым.
Цветет Раззорин от дохода,
Не всякий может так прожить,

Умрет и этот воевода,
Его тож бог будет судить.
И вот спою вам наконец,
Крестьян так баре берегут —
Как стадо волчье, на овец
Напавши, с голода дерут.
Иль во крестьянском каждом доме
Такое сделаю сравненье:
Как огонь в сухой соломе,
Брегут владыки их именье.

Между 1827 и 1848

307

На голос: «God save the Queen»[1]

Родина наша,
Нас помяни,
Горестей чаша
Ждет наши дни.

Много ль нас, мало ли,
Чтоб нас ни ждало,
С братской любовью
Ляжем костьми.

Князь и невольник,
Поп и раскольник
Нашею кровью
Станут людьми.

Конец 1830-х — 1840-е годы

308

Как за барами житье было привольное,
Сладко попито, поедено, похожено,
Вволю корушки без хлебушка погложено,
Босиком снегу потоптано,
Спинушку кнутом попобито,
Нагишом за плугом спотыкалися,

---

[1] Боже, храни королеву (англ.). — *Ред.*

Допьяна слезами напивалися,
Во солдатушках послужено,
Во острогах ведь посижено,
Что в Сибири перебывано,
Кандалами ноги потерты,
До мозолей душа ссажена.
И теперь за бар мы богу молимся:
Божья церковь — небо ясное,
Образа ведь — звезды частые,
А попами волки серые,
Что поют про наши душеньки.
Темный лес-то — наши вотчины,
Тракт проезжий — наша пашенка.
Пашем, пашем мы в глухую ночь,
Собираем хлеб не сеямши,
Не цепом молотим — слёгою
По дворянским по головушкам
Да по спинушкам купеческим.
Свистнет слёгушка — кафтан сошьет,
А вдругорядь — сапоги возьмет,
Свистнет втретьи — шапка с поясом,
А еще раз — золота казна.
С золотой казной мы вольные,
Куда глянешь — наша вотчина,
От Козлова до Саратова,
До родимой Волги-матушки,
До широкого раздольица.
Там нам смерти нет, ребятушки!

1840-е годы

309

Радость, Юрьич дорогой,
    Барина не стало!
Что же? Сыщется другой,
    На Руси ль их мало?

Так же станет брать оброк,
    Будет . . . крестьянок,
Не пойдешь, брат, в кабачок
    В будни спозаранок.

Так же будет нас гнести,
Как и прежде сотский...
Барин только что другой, —
Тот же кнут господский.

1840-е годы (?)

310. ПИСЬМО

Сим письмом, пущенным в Люзанском лесу,
Я моему барину повинную несу
И всенижайше тебя уведомляю,
Что я доселе твоих милостей не забываю
И вскорости сам у тебя в гостях побываю.
Извини, что чернила у меня в лесу нету,
Чтобы оным написать тебе грамотку эту,
Только я из превеликой к тебе любови
Не пожалел своей горяченькой крови,
Кою ты из меня не всю высосал,
И жилы из меня не все вытянул,
Что я тебе и на деле докажу,
Когда тебя на острый нож посажу,
А дом твой по ветру пущу,
Как ты меня без ничего оставил,
Когда под красную шапку поставил.
Остаюсь твой повар Никита,
В солдаты забритый.
И хоть лыком шитый,
Да вышел из меня купец именитый.
Месяца и числа, живши в лесу с волками, не знаю,
Год же сей последним в твоей жизни называю.

1840-е годы (?)

311. ЖИЗНЬ НЫНЕШНИХ ГЕРОЕВ

Вот участь нынешних героев:
Бежать покоя как огня;
При звуке барабанных боев
Шагать, молчание храня.

За славой хочет кто гоняться,
Устав тот должен протвердить,
Рекрутской школою заняться
И в караул уметь ходить.

Сноровку, верный шаг в параде
У нас умеют все ценить;
И лучший путь к большой награде —
Уметь ходить и такту бить.

1840-е годы (?)

312. ПОДРАЖАНИЕ ГЕТЕ

Ты знаешь ли страну, где ловят соболей,
Где вечный царствует туман среди степей,
Где солнце бледное не греет, не печет,
Где только мох один над тундрами растет, —
Ты знаешь ли ее? Пошел, пошел!
Бог проклял ту страну изгнания и зол.

Ты знаешь ли страну бездонных рудников,
Где жизнь свою влачат уж несколько веков
Под тяжестью кнута свободные созданья,
Кляня мучителей в последнем издыханьи, —
Ты знаешь ли ее? Пошел, пошел!
Бог проклял ту страну изгнания и зол!..

Ты знаешь ли царя? Угрюмо он царит,
Кровавым золотом рабов своих дарит —
И, царственный палач угрюмый и суровый,
Он шлет своих рабов в тот край заветный, новый, —
Ты знаешь ли его?.. Пошел, пошел!
В страну изгнанья, слез и зол!..

Ты знаешь ли свой путь в обетованный край?
В кибитке мчишься ты, но ты не унывай:

Вокруг тебя толпы казацких пик, нагаек,
Их больше вкруг тебя, чем в Доне утром чаек...
Ты знаешь ли куда? .. Пошел, пошел!
В страну мученья, слез и зол! ..

1840-е годы (?)

313. БАСНЯ

У мужика зажиточного было
Стад множество — при каждом и пастух.
И несся меж соседей слух,
Что всё в довольстве мирном жило,
Что мужичку могло принадлежать.
Хозяин был он строгий, умный
И, пастушков чтоб выбирать,
Имел на то рассудок чудный,
Умея всех в руках держать.
Но ведь и в солнце пятна есть, —
Как сказывают звездочеты.
Мужик, забыв свои расчеты,
Зачем и почему — бог весть,
От одного из главных стад
Пастуха отставил, — и что же?
Приставил он к нему — мой боже! —
Собаку, что тому назад
Лет несколько прогнали
За глупость, злобу, небреженье
И где-то так из сожаленья
На привязи ее держали.
Вот спущен с цепи старый пес, —
Овец грызет, кусает, лает,
И пить, и есть, и спать мешает,
И страх такой на всех нанес,
Что овцы глупые не знают,
Что делать им — куда бежать!
Нельзя гулять, нельзя лежать, —
Трясутся и не понимают.

Горька им сделалась трава
Лугов постных, москворецких,
Забав нет прежних молодецких,
Бараньи отняты права.
Ягнята даже не играют,
Боятся пить в Москве-реке;
Собравшись тихо в уголке,
Овечки слезы проливают.
А пес не спит ни день ни ночь,
Как не грызет и не кусает,
Так злобится, рычит и лает,
И зубы скалит во всю мочь.
Баранью кротость знает всяк,
Они не жаждут полной воли,
Но перенесть такой юдоли
Не в силах будучи... и так
Они тихонько разбрелися
Посреди густых лесов,
В дали родимых берегов
Печально жить перенеслися.

Придет пора, когда постричь
Овец хозяин пожелает;
Но что его тут ожидает,
Когда на столь известный клич
Не будет отзыва? Сердит
Хозяин будет, давши маху,
И хоть повесит он собаку,
Но стадо уж не воротит.

Из этого примера видим,
Что в стаде не должно никак
Без пастуха держать собак;
Ущерб хозяйский ясно видим —
С овец возможно шкуру драть,
И плотно стричь, подчас и жарить,
И кипятить, варить и парить,
Но злому псу их не вверять,
Хозяин будет без овец,
Оставшись с бешеной собакой.
Над ним смеяться будет всякой
Прохожий мимо молодец.

Не лучше ль так вести бы дело,
Как экономия велит
И как пословица гласит:
И волк-то сыт, и овцы целы.

1850

314

Земля моих отцов, страна моя родная,
Скажи — за что тебя я не люблю?
За что тебе, Россия молодая,
Ни славы я, ни счастья не молю?
Как мать презренную, тебя я покидаю,
Ищу груди кормилицы другой,
И соки вредные крови родной
Я из себя, как язвы, выжимаю.
Скажи — за что? Роскошные поля
Везде цветут отрадною красою,
И дышит степь разгулом бытия,
И тянутся леса свободной полосою.
Но что ж из них? Ты в душную тюрьму
Свои леса и степи превратила
И цепи крепкие преградой положила
Порывам радости, и чувству, и уму.
За то ль тебя любить, что хитрою рукою,
Коварством ты полмира заняла
И жителям своим обширною тюрьмою
Сибирь холодную в утеху отвела?
За то ль тебя любить, что с верою святою
Все русские царя, как бога, чтут,
А он в награду им державною рукою
Дарует цепи, плети, кнут?
Закон и честь — в тебе слова пустые,
Ты светлый ум готова погубить;
Как скряга, за алтын, за выгоды пустые
Ты слезы бедного готова лить да лить.
В тебе разгул — но трудно в нем ужиться,
В тебе простор — но трудно людям жить. . .
За что ж мне за тебя, о родина, молиться?
За что же мне тебя, о родина, любить?!

1850

315. МОЛЬ

Басня

Есть где-то, говорят, на берегу морском
Какой-то старый дом, огромный,
Где окна заперты, завешаны кругом,
Затем и душно в нем и тёмно,
И расплодилась моль: летает тут и там
И портит то и се среди зимы и лета;
Нет от нее житья в дому по всем углам.
Хозяин, не любитель света,
Сам убедился в том, что моль наносит вред,
И доказал притом богатство доброй воли:
Из самых умных он составил комитет
Для истребленья моли.
Чтоб от такого зла хозяина спасти,
Один советует — дом снова перестроить,
Тот — дальше от ворот снести,
Кто — стражу вкруг него удвоить,
Тот — выше приподнять забор,
Кто ж похитрее был в ученом комитете,
Тот предлагал — расставить сети!..
«Нет, — вдруг какой-то хват сказал, — всё это вздор!
Смешно нам моль ловить ловушкой...
По мне уж разом я ее огрел бы пушкой!..»
Возник меж членов жаркий спор,
Как бы в журналах иль в газетах.
И чем же кончился? Как часто в комитетах,
Ничем... и молью дом весь полон до сих пор.
А мог бы, кажется, хозяин доброхотный
Без комитета свой избавить дом от бед:
Ведь стоило открыть в нем просто окны,
Чтоб вольный воздух был и свет.

Между 1848 и 1855

316. ЛОШАДЬ, ОСЕЛ И СОБАКА

Однажды царь зверей, из львов сильнейший Лев,
Лугов своих осматривал посев:
На пастбищах ведутся ли порядки
И кто из сторожей берет насильно взятки.
Кого сменить,

Кого за службу наградить,
А главное — чтоб лично убедиться,
Из верных слуг который пригодится
Взамен Коня, что под муравием ложится.
Взглянул! Нашел
И за собой повел
Лихого Жеребца наш Лев в свою столицу.
И вот, покинувши тревожную границу,
Что Конь без устали пахал и бороздил,
Он гордой поступью в столичный град вступил.
На место же его Львом призван Жеребенок,
Хоть молод, да ретив, к дозору ухом тонок
Беречь родную степь от лакомых гостей,
Да нив засеянных, да вспаханных полей.

На новом поприще работой озабочен,
Наш осторожный Конь, чтоб труд его был прочен,
На вьючного Осла поглядывал тайком,
Который нес кули, набитые овсом.
И как Осел давно знаком был с этим краем,
Смышленым он Конем
О том или о сем
С улыбкой ласковой был часто вопрошаем.
Известно, у ослов какая с дурью спесь;
И спутник Жеребца вдруг загордился весь!
И ну рассказывать осленкам и ослицам
Про власть свою такие небылицы,
Что бедная семья,
Забыв свою породу,
Не попытавши броду,
Где топь, где колея,
Подняв хвосты, пустилася в галоп,
Копытами лягая близких в лоб.
Столбом взвилася пыль седая
И, в ноздри и в глаза к Коню вдруг залетая,
Заставила чихнуть.
«Хозяин! В добрый путь», —
Тут Моська отозвалась
И, брюхом ползая, к Коню так приласкалась,
Что с той поры служить ему осталась.
На Моську поднялся с Ослом весь скотный двор.
Кричит: «Что за позор!

И к этому Коню приластилась Собака,
А с нами забияка! . .»
— «Да чем я хуже пса? —
Кричит Лиса. —
Влюбленных кошек всех я сберегла здоровье,
И, службе жертвуя трудом ума и кровью,
Открыла битые горшки
И все дырявые мешки
В разбойничьем подвале.
Что ж мне за это дали?
А весь курятник обещали!
В труде замучили, и лапа в перевязке,
Благодарю за ласки!»
За нею дряхлый Пес, беззубый, заворчал:
«Я мало ль ран гноистых зализал?
И что ж? с двора согнали.
Ты, Моська, и Осел меня оклеветали,
Орудьем был мой враг Онокрожал ⟨?⟩,
Я ж ничего не знал!
Из гончих младшей вдруг доверили хозяйство,
Она в товарищи взяла себе Щенка,
Да это просто уж китайство,
Обида всем нам велика!
Чего кричат! что славной он породы,
Умом пройдет огонь и воды,
А мы — все старые уроды!»

Так исподтишка, сквозь зубы, все ворчали
И, разойдясь, хвосты поджали.

1853

317. НА ПОГРЕБЕНИЕ НАУКИ

Забил барабан перед смутной толпой,
Науку в могилу зарыли,
Печальный остаток свободы святой
Мы в недрах земли схоронили.
И вечную память пробил этот звук
Свободным искусствам и знанью,
И в мирном приюте высоких наук
Фельдфебель учить стал шаганью.

Погибло свободное наше житье,
Падет вместе с ним просвещенье:
Дадут всем ученым тесак да ружье
И всех поведут на ученье.
Теперь же профессоров доблестный шаг
Услышат носящие шпагу,
Не истине светлой учить будут нас,
А скорому, тихому шагу.
Когда ж навостримся, тотчас остригут,
Как будто кадет, под гребенку,
И если чуть пискнешь— тотчас же дадут,
Как рекруту, страшную гонку.
Когда же приблизится майский парад,
Нас выстроят в Марсовом поле,
Скомандуют громко: «Возьми под приклад!» —
Возьмем мы неволей иль волей!
И с горем на сердце, шагая в грязи,
Торжественным двинемся маршем,
Чтоб выказать выправку нашу вблизи
Пред радостным взором монаршим.
Быть может, так должно! Недаром же царь
Дал мудрое это веленье.
Но разве без этой шагистики встарь
Не храбро ходили в сраженье?
Но разве Димитрий Мамая разбил,
Учася парадному шагу?
Но разве Пожарский поляков разил,
Связавши в приемах отвагу?
Но разве не видел двенадцатый год
Героев в рядах ополченья?
Когда обожает отчизну народ,
К чему тут все роды учений!
Но нет! Так угодно тому, чьи слова
Для подданных служат законом!
Он наш повелитель, отец и глава,
Об нем и молебен с трезвоном.
Прости же свободное наше житье!
Погибло с тобой просвещенье:
Студентам всем дали тесак да ружье
И всех повели на ученье!..

1854

318. СПОР

(Подражание Лермонтову)

Как-то раз, под царским кровом,
Русским не в укор,
У Клейнмихеля с Орловым
Был великий спор.

«Берегись, — Орлов вещает, —
Ты известный плут;
Сердце что-то предвещает:
Скоро будет суд!

По твоим делам уплата;
О, страшись конца!
Ты поносная заплата
Царского венца.

Слышишь плач и скрежет велий,
Слышишь крики: вор!
Не страшит тебя ужели
Плаха и топор?

Люди ныне не бараны,
Люди ныне злы,
Так за плутни и обманы
Ты не жди хвалы!

Люди хитры! Хоть опасен
Первый был толчок —
Берегись! В Сибирь ужасен
От царя скачок!»

«Я Сибири не боюся!
Ты не сетуй, брат!
И когда я наживуся,
То готов хоть в ад.

Посмотри: чему не рады?
Мы живем, как встарь;
На разводы, на парады
Ездит русский царь.

Для воинственной забавы,
Касок и штыков,
Предков он забыл уставы
И дела отцов.

И купаясь в дыме пушки,
Счастлив, весел он,
На военные игрушки
Променял свой трон.

Мысли той в нем нет и тени,
Чтоб меня казнил;
Трона я лижу ступени —
Чем же я не мил?

Хоть не годен я в наезды,
Голова тупа,
А лежу, считая звезды
С глотки до пупа.

Хвастать я тебе не стану,
Прошлое ценя;
Нет, не старому тирану
Уличить меня!»

«Не хвались еще заране,
Сам не будешь рад;
Наша будущность в тумане;
Чу!.. не слышишь, брат?»

И Клейнмихель тайной думой
Был тогда смущен,
И насчет казенной суммы
Взоры кинул он —

И молчит в недоуменье;
Жар в нем и мороз —
Слышит страшное движенье:
Лопнул паровоз.

От Невы и до Дуная,
Где каналы все
И, щебенкою сверкая,
Длинное шоссе, —

Поднимаются виденья,
Грозные, шумят,
Подают одни прошенья,
Счеты за подряд

И за ними батальоны,
Работящих строй —
И прошенья, как знамены,
Вьются над толпой,

И повсюду слышны крики,
И в набаты бьют;
Доказательства, улики,
Словно реки, льют.

И, испытанный трудами,
Малый с головой
Их ведет, грозя перстами,
Тоже плут большой.

И глядя на лик победный,
Полон грозных снов,
Стал считать Клейнмихель бедный —
И не счел врагов.

Но, опять тряхнув главою,
Написал приказ
И сказал, махнув рукою:
«Ведь не в первый раз!»

1854

319

Богатырь-государь,
Православный наш царь
Русский!
Удивляешь ты мир,
Хоть и носишь мундир
Узкий!
Много сделал бы ты,
Да министры-скоты
Помешают;
И твое же добро,
Получа серебро,
Промотают.
И не худо б тебе
Зарубить на стене
Из Крылова.
Не теряючи слов,
Уничтожить воров
И Орлова.
И Клейнмихеля тож
И сварить за грабеж
В паровозе,
И в щебенку забить,
И водою залить
На морозе.
Чтоб не смел бы вперед
Весь путейский народ
Куролесить,
Их потомству на страх,
Вдоль шоссе, на столбах
Всех повесить.
Ты тогда только рад,
Когда видишь парад
И разводы,
И для касок и сум
Тратишь втуне свой ум
В эти годы.
Занята голова,
Чтоб прошла бы молва
По Европе,

Как солдат твой дурак
Прицепляет тесак
    К . . . .
У тебя лишь закон,
Чтобы шел батальон
    В ногу.
И в манеже, о царь,
Ты воздвигнул алтарь
    Богу!

Конец 1840-х — начало 1850-х годов

320. РУССКИЙ ЦАРЬ

Царь наш — немец русский,
Носит мундир узкий.
    То-то царь, то-то царь,
    Православный государь!
Ростом в три аршина —
Экая махина!
С головы до пяток
Силы отпечаток.
Царствует он где же? —
Всякий день в манеже!
Школы — все казармы,
Судьи — все жандармы.
Его генералы —
Конюхи, капралы,
Его сенато́ры —
Дураки да воры,
Флигель-адъютанты —
Шаркуны да франты.
Фрейлины — все . . .,
Служат чести ради.
Любит иноземцев,
Особливо немцев!
Он за вахтпарады
Раздает награды,
А за комплименты —
Голубые ленты.

Бережет царицу,
Как очей зеницу.
Ей на павильоны
Тратит миллионы.
Раз для этой дамы
Обобрал все храмы,
Взял из градской думы
Запасные суммы,
Чтоб императрицу
Свозить за границу.
Бич свободных мнений
И нововведений;
На литературу
Напустил цензуру;
Та ума не спросит,
Так сплеча и косит.
Сокращает штаты —
И дарит палаты.
Бедных обирает,
В богачей пихает.
Подвиг исполинский —
Весь устав воинский
Наизусть он знает,
Книг же не читает.
«То пустая мебель», —
Говорит фельдфебель.
Он и знать стыдится,
Что внутри творится;
Там дела неважны,
Лишь места продажны,
Лишь чины да барство
Грабят государство.
Все почти министры
На руку нечисты;
Им одни заботы
В срок подать отчеты.
Пути сообщенья —
Мерзость запустенья;
Главный их правитель —
Первый плут, грабитель,
Но царев любимец
Этот лихоимец!

Вот дела какие
В матушке России!
Вот какого рода
Наш отец народа!

Начало 1850-х годов

321. РАЗВОД

Когда настанет страшный суд,
Парад увидим превосходный:
Святые на весть ⟨?⟩ подойдут,
А грешники пойдут повзводно.

Потом опять вперед парад.
В рай светлый праведных спровадят,
А нас же распекут и в ад,
Конечно, в караул нарядят.

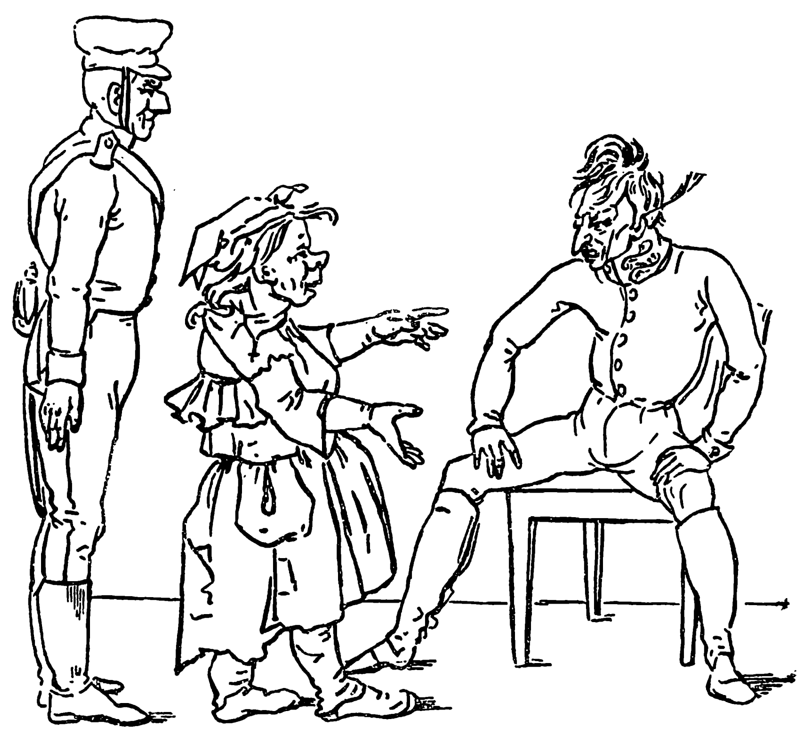
322. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

«Севастьяныч, бог с тобой!
Ну, тряхнем, родимый!
Помнишь прежде, дорогой,
Что твой конь ретивый».

«Полно, полно, голова!
Ноги чуть уж носят,
Знать, прошли те времена,
Кости гроба просят.

Посмотри, каков стал свет...
И подумать страшно!
Бедным людям места нет,
Честному — опасно!

То и слышно — грабежи,
Войны да заразы,
Да конские падежи,
Язвы да проказы.

Допрос у квартального.

Карикатура И. С. Бугаевского.

Всякий выше головой,
Всякий хочет править...
Эх, родимый, нам с тобой
Света не исправить.

Пусть господь на небесах
Бдит над светом нашим, —
Мы ж, рожденные в грехах,
Выпьем да попляшем!»

323. ПОП И ДЬЯЧОК

Неизвестного прихода поп
Такой сердитый был —
Дьячка кадилом в лоб
Четыре сряду года бил.

Поучая прихожан,
Без внимания читал;
А не сбиться чтоб с уроков,
Он их лентой закладал.

Вот дьячок раз, прежде службы,
Вон из книги ленту взял,
Чтобы в самой крайней нужде
Поп страницу не сыскал.

Поп берет книгу под мышку,
На амвон с нею идет
И, развертывая книжку,
Восклицает: «Бог речет!»

По листочкам скачут пальцы,
Поп страницы не найдет,
Лишь на каждой он странице
Восклицает: «Бог речет!»

Вот дьячок наш из-за хоров
Прямо к алтарю идет
И спросил попа без споров:
«Что же, батька, он речет?»

«Он речет, что ты скотина,
Расканалья, сущий вор,
Предурацка образина
И всех дьяволов собор.

Зачем ленту мою спрятал?
Я страницу потерял.
Чтобы черт тебя упрятал!» —
И обедню тем скончал.

324. РАЗГОВОР ДВУХ КРЕСТЬЯНОК-СТАРУХ В ВЕЛИКУЮ СУББОТУ

— Слышала ль, кумушка, бог-от ведь умер?!
— Что ты, родимая?! Неужто и взаболь?
— Давечь поутру его схоронили.
Встала я давечь и слышу — звонят.
Дай-ко, схожу, мол, я думаю, в церковь,
Ну, собралась и кой-как дотащилась;
Только вхожу я на паперть и вижу:
В церкви все со свечами, как, помнишь,
Степку-то вашего мы провожали. . .
Вот я зашла и Пахомку спросила:
«Кто, мол, тут умер? — Я, бать, не знаю».
Я опять к Сидору Ванычу с тем же, —
Он ведь старик-от такой богомольный,
Службы, не думай, как мы, не пропустит.
«Сидор Иваныч, кого, мол, хоронят?»
— «Эка старуха! Христа, бать, вестимо».
— «Разе не нашего он, мол, приходу?
В нашем Христов-то, кажись, не бывало».

325. РОДИНА

Природа наша точно мерзость.
Кругом пустынные поля.
В России самая земля
Считает высоту за дерзость.

Дрянные избы, кабаки,
Непроходимые дороги,
Оборванные мужики,
Рогатых баб босые ноги.

И шпицы вечные церквей —
С клистирных трубок снимок верный.
Домов господских вид мизерный —
Следы помещичьих затей.

Грязь, бедность, вонь и тараканы —
И надо всем хозяйский кнут.
И вот что многие болваны
Святою родиной зовут!

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ОБ АРАКЧЕЕВЕ

Деятельность графа Алексея Андреевича Аракчеева (1769—1834) отразилась в народных песнях. Особенной ненавистью солдат пользовались организованные им в 1817 году военные поселения. Весь распорядок жизни, режим дня до мельчайших подробностей был строго регламентирован. Правила эти проводились в жизнь с необычайной жестокостью и вызвали ряд солдатских восстаний (особенно в 1831 году). Тем не менее военные поселения просуществовали до 1857 года.

Народные песни об Аракчееве нередко представляют собою переработку старых исторических песен о Ю. В. Долгорукове, Б. А. Репнине, А. Д. Меншикове и М. П. Гагарине. Как писал П. В. Киреевский, все это «не сложено вновь, а только применено к Аракчееву». [1]

Все же некоторые песни содержат живые черты, характеризующие жестокость и самоуправство Аракчеева, притеснения солдат, роскошь его дворца в Грузине и пр.

Созданные скорее всего при жизни Аракчеева, песни бытовали в народе и долгое время спустя. В рассказе В. Г. Короленко «В облачный день» (1896 г.) песню об Аракчееве поет ямщик Силуян.

326

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу,
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена;

---

[1] П. В. Киреевский, Песни... , вып. 10, М., 1874, с. 205.

Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всякием корабле
По пятисот молодцов,
Гребцов-песенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Всё Ракчеева бранят:
«Ты, Ракчеев-господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Дороженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Березами усадил,
Бедных людей прослезил!»

Между 1824 и 1826 (?)

327

Бежит речка по песку, по песку, из Питера в Москву,
Из Питера в Москву.
Ой да не сама речка зашла, да зашла, неволюшка да занесла,
Неволюшка да занесла.
Ох, вот по этой по реке, ой по реке, много плыли, плыли кораблей,
Много плыли, плыли кораблей,
Они плыли, перплывали ровно триста кораблей,
Ровно триста кораблей.
Как на кажным на кораблички по пятисот молодцов,
По пятисот молодцов,
По пятисот молодцов, ох да пловцов-песельничков,
Пловцов-песельничков.
Хорошо пловцы плывут, весело́ песни поют,
Весело́ песни поют,
Весело́ песни поют, разговоры говорят,
Разговоры говорят,
Разговоры говорят, всё Ракчеева бранят,
Всё Ракчеева бранят:

«Вор Ракчеев, да он дворянин, раскальская сукин сын,
Расканальская сукин сын!
Всю Расею разорил, все дороженьки да он порял,
Он порял,
Все дорожки он порял, лесом-садом он засадил,
Он засадил,
Лесом-садом засадил, солдат гладом поморил,
Солдат гладом поморил,
Солдат гладом поморил, наша жалованья утаил,
Наша жалованья утаил —
Хлебовоя, харчевоя, третья денежная,
Третья денежная.
Он на наши ведь на денежки он состроил в Москве дом,
Он состроил в Москве дом:
Он не низок, не высок, да трехэтажной вышины,
Трехэтажной вышины;
Раздиковинны палаты белы каменные,
Белы каменные,
Ой да белы каменные, стены раменные,
Стены раменные,
Стены раменные, ох да верхи бархатные,
Верхи бархатные,
Из крусталю потолок да позолоченной конек».

1820—1830-е годы

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О ВОССТАНИИ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА

Восстание старейшего в России лейб-гвардии Семеновского полка (сформированного в 1683 году) произошло в 1820 году. Солдаты 1-й роты («роты его величества»), возмущенные неслыханной жестокостью в обращении с ними их командира полковника Ф. Е. Шварца, 17 октября отказались идти в караул.

Рота, а вслед за ней и весь поддержавший ее полк были заключены в Петропавловскую крепость. 2 ноября полк был расформирован и весь его солдатский и офицерский состав был распределен по другим, не гвардейским, полкам. Зачинщики были преданы суду и жестоко наказаны; шеф полка Александр I выражал по поводу жестоких репрессий лицемерные сожаления. Шварц был уволен, но вскоре снова принят Аракчеевым на службу в том же чине в корпус военных поселений.

Этот эпизод, непосредственно предшествовавший восстанию декабристов, был использован правительством для усиления реакционного курса внутренней политики.

В вольной поэзии восстание нашло свое отражение в двух широко распространенных в нескольких вариантах песнях.[1]

328

У нас было на святой Руси,
На святой Руси, в славном Питере,
В Петропавловской славной крепости,
Что засажены были добры молодцы,
Добры молодцы, всё семеновцы.

---

[1] Анализ их см. в кн.: Т. А. Акимова и В. К. Архангельская, Революционная песня в Саратовском Поволжье. Очерки исторического развития, Саратов, 1967, с. 48—52.

Молодой-то солдат на часах стоит,
На часах-то стоит, думу думает.
Он и бьет штыком об сыру землю:
«Ох ты матушка сырая земля!
Расступись-ка на все четыре стороны,
Поднимитесь с гор буйны ветры,
Разнесите вы желты пески.
Ты откройся, гробова доска,
Распахнися, золота парча,
Ты восстань, проснись, наша матушка,
Катерина свет Алексеевна,
Ты выдь-ка на свой на парадный двор,
Посмотри-ка на свой на любимый полк,
На любимый полк на Семеновский.
У нас нынече в полку не по-старому,
Не по-старому, всё по-новому:
Начальнички у нас новые,
Все новые, бестолковые,
Разбили наш полк по всей армии,
По всей армии, опричь гвардии,
По тем полкам по армейскиим,
Оставших нас сослали на линию».

Конец 1820 (?)

329

Как у славном, славном городе,
Славном городе во Питере,
Там стоял-проживал славный полк
Семеновский, —
А теперь этот полк у поход идет,
У поход идет он не под Хранцию,
На сраженье под каменну Москву.
Как и эвтот полк да Семеновский,
Весь засаженный, завоеванный,
Весь за крепостцой, за каменно́й стеной.
Как у славном полку да Семеновским
Все солдатушки думу думали,
Думу думали, слезно всплакнули,

Слезно всплакнули, ружьям брякнули,
Ружьям брякнули, громко вскрикнули:

«Вы бушуйте-ка, ветры буйные, всё холодные,
Всё холодные, полудённые,
Вы снесите-тка с гор желты пески,
С гор желты пески, мелки камушки!
Расступися ты, мать сыра земля,
Вздымися ты, гробова доска,
Распахнися ты, золота парча,
Ты устань-ка, наша матушка,
Наша матушка, Катеринушка!
Посмотри, погляди на свой любезный полк,
На любезный полк, на Семеновский!
Как и эвтот полк во строю стоит,
Во строю стоит, он волею горит,
Он волею горит, во всем полыме...
Нам поможет господь сам бог,
Сам господь бог Иисус Христос
И царица сама мать,
Пресвятая богородица небесная!
Наша матушка, Катеринушка!
Посмотрика-ся да на любезный полк,
Ах, да на любезный полк на Семеновский.
Мы горячу кровь проливали,
И хранцузов в полон брали,
И каменну Москву отбивали!»

Конец 1820-х годов (?)

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О ВОССТАНИИ ДЕКАБРИСТОВ

Восстание декабристов нашло свое отражение в фольклоре. До настоящего времени исследователями зарегистрированы две песни. Первая из них дошла до нас лишь в двух вариантах, вторая — не менее чем в четырнадцати записях (1883—1928 годов). В этих песнях (особенно во второй) причудливо смешались самые различные факты и обстоятельства. В песнях отразились типичные для народа царистские иллюзии: дворцовый переворот происходит только для того, чтобы одного царя заменить другим и предоставить хорошие места «акитантам» (адъютантам).[1]

Подлинные исторические события, легшие в основу первой песни, так спутаны и искажены, что некоторые исследователи (например, В. Ф. Миллер) допускали, что она вообще не связана с событиями 14 декабря 1825 года.[2] Согласно авторитетному мнению Н. Е. Ончукова, песня — «несомненно плод солдатского творчества». О первой песне исследователь писал, что она была сообщена ему в 1902 году «как-то таинственно, после усиленных просьб», вторая песня в это же время тоже считалась запрещенной и неохотно сообщалась для записи.[3]

---

[1] Анализ первой песни, сравнительное исследование всех вариантов второй и попытка установить ее историческую основу см. в статье: Н. Ончуков, Песни и легенды о декабристах. — «Звенья», № 5, М., 1953, с. 5—43. О напряженном интересе солдатской среды к политическим событиям в стране (иногда за таковые принимались происшествия придворной жизни) см. в другой работе Н. Е. Ончукова — «Запрещенные песни о Константине и Анне». — «Известия отделения языка и словесности Академии наук СССР», т. 2, кн. 1, 1930, с. 270—279. Об осмыслении народом политических событий эпохи, о трансформации старых песен применительно к новым историческим фактам см.: К. В. Чистов, Русские народные социально-утопические легенды XVIII—XIX вв., М., 1967, с. 196—219.

[2] Н. Е. Ончуков, указ. выше статья в «Звеньях», с. 11 и след.

[3] Там же, с. 9, 15—16.

330

Собирайтесь, мелка чернять,
Собирайтеся на совет.
Время тяжкое приходит —
Ладит турка воевать,
С англичанином оне скумились,
Не могли России взять...
Не в показанное время,
Не в указанны цясы,
Не в указанные цясы,
Да во самую во полночь,
Во самую во полночь,
Да чаря требуют во Синот.
Чарь не долго сподоблялсе,
На ямских он отправлялсе,
Родну братьцу говорил:
«Штобы за мной погоней был».
Брат не долго сподоблялсе,
На ямских он отправлялсе,
Ко Синоту подъежжал
Да цясовых он переспрошал:
«Господа вы цясовые,
Цясовые страждовы,
Не видали ли здесь, робята,
Афицера со вестям
До государя со кистям?»
Друг на друга погледили
И сказали: «Не видал».
Один солдатичок провор
Левым глазиком повел.
Никого князь не спрошалсе,
Цесовых всех прирубал,
До Сеноту доступал.
Трои двери изломал,
Он на четвёрты отворял —
На коленях брат стоял.
Перед ним стоит полковник,
Сенато́рская судья,
И дёржит саблю на весу —
«Што царю голову снесу».

Царь да брата увидал,
На резвы ноги ставал.
«Те спасибо, братец милой,
Те спасибо, брат родной,
Поманил бы час, минуту,
Скоро не было миня,
Срубил голоф у миня».

Нам не дороги сеноты,
Сенатóрские судьи,
Из Сеноту мы пойдем,
Сенатóров всех прибьем,
Из сенотов вон пойдём,
Все сеноты все сожжем!

Вторая половина 1820-х годов

331

Молодой солдат да на чесах стоит,
Стоючись-то солдат да расплакался,
Зи́нул ружьем солдат в сыру землю:
«Ты роздвинься, роздвинься, мать сыра земля,
Ты откройся, откройся, гробова доска,
Розорвись-ко, розорвися, рущата камка,
Ты восстань-ко, восстань, наш благоверный царь,
Благоверный царь Алексант Павлович!
У нас всё-то нынче не по-прежнему,
Придумали, братцы, бояришка думу крепкую:
«Кому, братцы, из нас да государём быть?
Государём быть да акитантом слыть?»
— «Государём-то быть князю Вильянскому,
Акитантом слыть князю Волхонскому».
Воспрошлышело его да ухо правоё,
Рассадили их по темным кибиточкам,
Розвозили-то их да по темным тюрьмам.

Вторая половина 1820-х годов

———

332

Как во городе во Устюжине,
Во деревне во Денисовой
У крестьян Долгогреевых
Проявилась экзекуция,
Экзекуция царя белого,
Царя белого, православного,
Подходили храбры воины,
Храбры воины гарнизонные,
Квартирушки порасписаны,
Солдатушки порасставлены.
Не на долгое время, на два месяца.
И прошло красное лето,
Не явилось ни одной душеньки.
Скрывались добры молодцы
По темным лесам;
Кинули свои хижинки,
Оставили малых детушек,
Молодых жен — на позор людской.
«Вы терпите, малые детки,
Вы крепитесь, молодые жены,
Вы потерпите, после вам слюбится.
Собирайтесь в одно место,
Во остров, во Костыжницу,
Напишем просьбу однокровную,
Однокровную, однослезную;
Выберем мы себе ходока,
По имени Трифона Петровича.
Ты ступай, наш родной брат,
Не жалей тоски-заботушки.

Ты ступай во Петровский град,
Во Петровский град, на Неву-реку.
На Неве-реке там стоит дворец
Царя белого, православного;
Ты подай, подай просьбушку
Царю белому, православному.

1847 (?)

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании собраны произведения вольной русской поэзии с середины XVIII в. до начала 1855 г., т. е. до смерти Николая I (18 февраля), последние дни царствования которого завершают обширный период в жизни России (1826—1855), характеризуемый в историографии как эпоха черной реакции. В развитии вольной поэзии 1855 г. является естественным рубежом, отделяющим первую половину столетия от второй. Материалы сборника хронологически предшествуют выпущенной в 1959 г. в Большой серии «Библиотеки поэта» книге «Вольная русская поэзия второй половины XIX в.» и фактически составляют с ней единое двухтомное издание.

Революционная поэзия пролетарского периода освободительного движения представлена в Большой серии «Библиотеки поэта» двумя сборниками: «Революционная поэзия. 1890—1917». (Вступ. статья, подготовка текста и примечания А. Л. Дымшица), Л., 1954 и «Поэзия в большевистских изданиях. 1901—1917». (Вступ. статья, подготовка текста и примечания И. С. Эвентова), Л., 1967.

Как и вышедший в 1959 г., настоящий сборник также не является полным сводом всех произведений русской вольной поэзии — это задача будущих исследователей в издании академического типа. Кроме того, за пределами сборника остался материал, имеющий более или менее местный характер, лишенный значительной социальной мысли и остроты.

В книгу включено сравнительно небольшое количество эпиграмм, поскольку этому жанру в Общем плане «Библиотеки поэта» отведен особый сборник. В данном издании воспроизведены лишь те эпиграммы, которые приобрели широкую известность в политической борьбе своего времени. [1]

«Вольные» произведения русского фольклора представлены в настоящем сборнике в приложении лишь очень немногочисленными образцами — песнями о восстании Семеновского полка, о восстании декабристов, об Аракчееве. Они стоят в непосредственной связи

---

[1] Более полно материал этого рода собран в изданиях: «Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века», т. 1 (1800—1840), т. 2 (1840—1880), М.—Л., 1931—1932 (Сост. В. Н. Орлов и А. Г. Островский) и «Русская эпиграмма» (Предисловие, подготовка текста и примечания В. Мануйлова), «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1958.

с русской политической поэзией первой половины XIX в. и дополняют общую картину ее развития.[1]

За немногими исключениями, не вошли в сборник антирелигиозные произведения с оттенком эротики. В свое время многие из них рассматривались как несовместимые с нормами официальной идеологии и строго преследовались цензурой, но в настоящее время перепечатка их не кажется необходимой.

Ввиду большого объема не включены в издание трагедия «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина, комедии «Ябеда» В. В. Капниста и «Трумф» И. А. Крылова; лишь два небольших отрывка приведены из «Горе от ума» Грибоедова. Все эти драматические произведения в советское время неоднократно переиздавались; перепечатка их неоправданно увеличила бы размер книги. По тем же соображениям несколько крупных эпических произведений представлено здесь в отрывках («Сашка» Полежаева, «Юмор» Огарева, «Вести из России» неизвестного автора, «Поправка обстоятельств» Федотова).

Отсутствуют в книге произведения, которые были раньше напечатаны в сборнике «Вольная русская поэзия второй половины XIX века» и которые, по времени создания, должны были бы войти в настоящий сборник («Пророчество» и «Русскому народу» П. Л. Лаврова, «На 50-летний юбилей его превосходительства Николая Ивановича Греча» и «Дума при гробе Оленина» Н. А. Добролюбова, «Не жди, чтобы цвела страна...» Ф. А. Кони, «Кнут» И. С. Тургенева ? и «Кнут» М. А. Дмитриева ?).

В отличие от книги «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», где материал сгруппирован по изданиям вольной печати, в настоящем сборнике произведения расположены в хронологическом порядке по трем основным рубрикам: «Вторая половина XVIII века», «Первая четверть XIX века» и «Вторая четверть XIX века». Последовательность авторов, как правило, определяется датой написания первого произведения, включенного в сборник. Ввиду этого не удалось избежать отдельных смещений в историко-литературной перспективе: так, разделы, посвященные И. А. Крылову, Ф. Н. Глинке, В. Л. Давыдову, Ф. Ф. Вадковскому, оказались в более позднем хронологическом ряду, а не в том, который соответствует началу их литературной деятельности. Произведения неизвестных авторов выделены особо и помещены (в хронологической последовательности) в конце каждой из трех частей книги. Если принадлежность текстов тому или другому поэту вероятна, но окончательно не доказана, то в подобных случаях рядом с фамилией предполагаемого автора ставится знак вопроса.

Каждому автору предшествует небольшая вступительная заметка. Она строилась по-разному, в зависимости от известности автора, степени его изученности и популярности. Во многих случаях эти

---

[1] Более широко этот материал охвачен другими изданиями Большой серии «Библиотеки поэта»: «Народно-поэтическая сатира» (Статьи, подготовка текста и примечания Д. М. Молдавского. Общая редакция В. П. Адриановой-Перетц), Л., 1960; «Народные исторические песни» (Вступ. статья, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова), Л., 1962.

заметки не являются биографическими справками (они даны лишь для малоизвестных лиц) — их цель сообщить факты, даты, формы и степень распространения произведений данного поэта в вольной русской поэзии.

Переосмысление, переделка, сознательное приспособление текста к задачам революционной агитации — один из существеннейших факторов в жизни вольной поэзии. В соответствии с профилем сборника некоторые произведения, например отрывок из стихотворения Пушкина «Андрей Шенье» и «Песнь узника» Ф. Н. Глинки, приведены в том виде, в каком они бытовали в вольном репертуаре (т. е. в сокращении, имевшем в обоих случаях особый смысл). Однако положить этот принцип в основание всего сборника оказалось нецелесообразным. Дело в том, что в процессе рукописного распространения возникали многочисленные искажения и прямая порча текста произведений ввиду несовершенства самого способа копирования или фиксации текста (например, запись по памяти). Вследствие этого в настоящем издании даются, как правило, аутентичные тексты. Некоторые существенные варианты списков и другие редакции приведены в соответствующих примечаниях.

В каждом примечании после порядкового номера указывается первая публикация и источник, по которому произведение печатается. Если второго указания нет, значит, текст либо больше не перепечатывался, либо же перепечатывался без изменений — в этих случаях стихотворение печатается по первой публикации.

В библиографических данных главное место занимают сведения о бытовании произведения в качестве вольного текста: указываются публикации в нелегальной печати; при этом в целом ряде случаев удалось пополнить библиографические указания предыдущих изданий. Сведения о первой легальной публикации (если она имела место) дают возможность показать, с какого времени данный текст прекратил свое подпольное существование. Однако эти данные далеко не всегда удалось установить. Всевозможные перепечатки в популярных сборниках, хрестоматиях и других подобных изданиях не фиксировались, кроме случаев, представляющих текстологический интерес. Явные искажения и опечатки исправлены без оговорок.

При подготовке сборника широко использованы тексты различных изданий Большой серии «Библиотеки поэта». В ряде случаев они положены в основу настоящего сборника, без повторного обращения к источнику. В нескольких случаях эти тексты уточнены. Произведения Пушкина печатаются по академическому шестнадцатитомному изданию (1937—1959); произведения Рылеева (и агитационные песни Рылеева — Бестужева) — по изданию: Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. (Редакция, подготовка текста и примечания Ю. Г. Оксмана. Вступ. статья В. Г. Базанова), М., 1956. Стихотворения Лермонтова печатаются по изданию: Избранные произведения, тт. 1—2, «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1964. Использован также и материал примечаний изданий «Библиотеки поэта». Это особенно касается сборника «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.» (Вступ. статья, подготовка текста и примечания Г. В. Ермаковой-Битнер), Л., 1959.

Если обоснования датировки в примечаниях не дано, значит, перед нами авторская дата (зафиксированная в печатном тексте или

рукописи) либо же принятая составителем дата того или иного издания «Библиотеки поэта», «Литературного наследства» или академического издания.

Предположительные даты сопровождаются вопросительным знаком; даты, заключенные в угловые скобки, означают время первой публикации или год, не позже которого написано произведение. Для произведений, имеющих две редакции, указывается двойная дата (через запятую). Даты, между которыми поставлено тире, означают, что произведение писалось в течение указанного времени. Анонимные тексты, предположительная датировка которых колеблется в пределах большого отрезка времени (два-три десятилетия), помещены в конце соответствующего раздела без дат.

Слова, заключенные в квадратные скобки, обозначают зачеркнутые в рукописи места, заключенные в угловые скобки — редакторские конъектуры. Заглавия и подзаголовки, данные редакцией, также взяты в угловые скобки. Произведения объемом свыше 50 строк, не имеющие строфического членения, напечатаны с нумерацией стихов (по десяткам) — в тех случаях, когда в примечаниях к ним дается ссылка на отдельные строки или места текста.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам; сохранены исторические или индивидуальные языковые особенности, отражающие свойственное автору произношение.

За помощь в работе составитель благодарит В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Л. М. Хлебникова и М. М. Штерн.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Б — «Былое».
БП — «Библиотека поэта», Большая серия.
ВП I — «Вольный песенник», вып. 1, Женева, 1869.
ВП II — «Вольный песенник», вып. 2, Женева, 1869.
ВРП II — «Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Вступ. статья С. А. Рейсера. Подготовка текста и примечания С. А. Рейсера и А. А. Шилова. «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1959.
Герцен — А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, М., «Наука», 1954—1966.
ГизР I—IX — «Голоса из России», кн. I—IX, Лондон, 1856—1860.
ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея.
ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГМ — «Голос минувшего».
«Декабристы» — «Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Литературная критика». Сост. В. Н. Орлов. М.—Л., 1951.
ИВ — «Исторический вестник».
ИОЛЯ — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка».
ИОРЯС — «Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук».

КА — «Красный архив».
КиС — «Каторга и ссылка».
Л I — «Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений», изд. Э. Л. Каспровича, Лейпциг, 1869.
Л II — «Лютня. II. Потаенная литература XIX столетия», изд. Э. Л. Каспровича, Лейпциг, 1874.
Л V — «Лютня. Собрание свободных русских песен и стихотворений», изд. 5, Э. Л. Каспровича, Лейпциг, 1879.
ЛБ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.
ЛН — «Литературное наследство».
ОЗ — «Отечественные записки».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинского дома).
«Песни и романсы» — «Песни и романсы русских поэтов». Вступ. статья, подготовка текста и примечания В. Е. Гусева. «Б-ка поэта» (Б. с.), М.—Л., 1963.
ПЗ I—VIII — «Полярная звезда», кн. I—VIII, Лондон, 1855—1868.
ПС — «Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в.». Вступ. статья, подготовка текста и примечания Г. В. Ермаковой-Битнер. «Б-ка поэта» (Б. с.), Л., 1959.
Пушкин, тт. 1—16 — Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. 1—16 (и справочный том), М.—Л., изд-во АН СССР, 1937—1959.
РА — «Русский архив».
РБ — «Русская беседа».
РБ I — «Собрание стихотворений Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других лучших авторов», изд. В. Гергардта, Лейпциг, 1858 («Русская библиотека», т. 1).
РЛ — «Русская литература».
РМ — «Русская мысль».
РПЛ — «Русская потаенная литература XIX столетия». Отдел первый. Стихотворения, часть 1. С предисловием Н. П. Огарева, Лондон, 1861.
РС — «Русская старина».
РЭ — Русская эпиграмма (XVIII—XIX вв.). Предисловие, подготовка текста и примечания В. Мануйлова, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1958.
С — «Современник».
ст. — стих, стихи.
СЗСиП — «Собрание запрещенных стихов и прозы», изд. 6. Э. Л. Каспровича, Лейпциг, 1876 («Международная библиотека», т. 13).
СРП — «Свободные русские песни», Кронштадт (обозначение фиктивное, в действительности — Берн), 1863.
ССД — «Собрание стихотворений декабристов», Лейпциг, изд. Ф. А. Брокгауза, 1862.
ф. — фонд.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА

М. В. ЛОМОНОСОВ

1. «Библиографические записки», 1859, № 15, стлб. 461. Печ. по изд.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. 8, М.—Л., 1959, с. 618 (текст списка из архива акад. Г. Ф. Миллера (архив Академии наук СССР в Ленинграде) с некоторыми уточнениями). Сохранились многочисленные списки «Гимна...», вызвавшего большую полемику (см. вступ. заметку на с. 81—82). Ниже приводятся отрывки из стихотворного памфлета «Переодетая борода, или Имн пьяной голове» (1757). Он приписывался епископу Дмитрию Сеченову, но в настоящее время гораздо более правдоподобным считается принадлежность его епископу Сильвестру Кулябко (1701 или 1704—1761), духовному писателю, с 1750 г. епископу с.-петербургскому и члену Синода. В этом качестве он один из первых подписал доклад Синода императрице Елизавете с просьбой о репрессиях по отношению к автору «Гимна бороде» (см.: П. Н Берков, Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765, М.—Л., 1936, с. 225 и след). Памфлет Сильвестра превосходил допустимые в то время нормы и свидетельствовал о силе озлобления, которое Ломоносов вызвал нападками на церковников: он был напечатан лишь много лет спустя («Библиографические записки», 1859, № 19, стлб. 468):

Бороды я не ругаю
И ей имнов не слагаю;
Почитая праотцов,
Я пою из тех творцов
Одного главу избранну,
Словно гедерой венчанну,
С молодых котора лет
Сыном Бахуса слывет.
    Голова предорогая!
    Жаль, что ты и крещена
    И что тела часть срамная
    Пред тобой не почтена!..

...О, коль в свете ты блаженна,
Голова, браде замена.
Люди, правда, хоть велят
В бороду глупцам плевать,
Но твоя хмельная рожа
Более к тому есть гожа,
И на твой раздутый зрак
Правей харкать может всяк.
    Голова предорогая... и т. д...

...С хмелю безобразен телом
И всегда в уме незрелом,
Ты, преподло быв рожден,

Хоть чинами и почтен,
Но за пребезмерно пьянство,
Бешенство, обман и чванство
Всех когда лишат чинов,
Будешь пьяный рыболов.
    Голова предорогая... и т. д...

...Уж и чарки, уж и канны,
Склянки, кружки и стаканы
Там готовы для тебя;
Уж и стойка там чиста;
Колмогорские ярыги
Собрались встречать тя с лики;
Дайте дудку и сопель,
И волынку и свирель!
    Голова предорогая... и т. д.

Ах, куда с добром деваться?
Все приборы не годятся
Для Денисова сынка:
Он, бежав до кабака,
На пути в кал повалился
И там торжества лишился.
Голова, теперь прощай!
Век с свиньями почивай.
    Голова предорогая... и т. д.

Химера (греч. миф.) — чудовище с тремя головами, змеей вместо хвоста и туловищем наполовину льва наполовину козы. *Борода в казне доходы Умножает по вся годы.* По указу Петра I, ношение бород было запрещено и разрешалось, кроме крестьян, лишь по уплате особого налога. *Керженцам... двойной оклад.* Керженцы — раскольники, жившие по реке Керженец (Костромской и Нижегородской губерний). Старообрядцы платили за право ношения бороды налог вдвойне. *Скачут в пламень суеверы.* Речь идет о самосожжении фанатиков-старообрядцев. *Если правда, что планеты Нашему подобны светы.* Распространенная в то время гипотеза о множестве населенных миров; духовенство с особой яростью восставало против этой идеи. *Конче* — конечно. *В струбе* — в срубе. *Тупеи* — взбитые хохолки мужской прически. *Кошельки* — сетки для косы мужского парика. *Крупичатая мука,* т. е. та, которая употреблялась солдатами вместо пудры для прически.

В тексте полемического ответа Ломоносову требуют разъяснения следующие реалии. *Гедера* (лат.) — плющ, растение, посвященное богу вина Бахусу. *Ты, преподло быв рожден.* Намек на крестьянское происхождение Ломоносова. *Канны* — старинная мера жидкостей в Швеции и Финляндии, возможно, что она употреблялась и в Петербурге; приблизительно полтора литра. *Колмогорские ярыги... Для Денисова сынка.* Ломоносов был родом из города Холмогоры (точнее из деревни Денисовка) Архангельской губернии. Ярыги — пьяницы. *Лики* — здесь: иконы.

Д. И. ФОНВИЗИН

2. «Распускающийся цветок, или Собрание разных сочинений и переводов, издаваемых питомцами учрежденного при императорском Московском университете Вольного благородного пансиона», М., 1787, с. 67 (без подписи, но в сноске издатели благодарят «славного стихотворца, известного свету многими своими громкими сочинениями», за доставление этой басни). Остается не вполне ясным слово *«казнодей»* в загл. В первой публикации 1787 г. стояло «казнодей», но в последующих (посмертных) — чаще «featureзнодей». В первом написании слово, возможно, восходит к польскому «kasnodzjeja» (проповедник), что соответствует роли лисицы («в монашеском наряде, Взмостясь на кафедру»). Русская форма «казнодей» зарегистрирована у В. И. Даля как употребительная лишь в тверском говоре со значением — оборотливый, трудолюбивый, наживающий и сберегающий человек. Там же, с ссылкой на басню Фонвизина, есть написание «featureзнодей» в значении: «строящий козни» (см.: «Толковый словарь живого великорусского языка», т. 2, М., 1955, с. 75 и 133). *Альфреско* — фрески, стенная живопись водяными красками по сырой штукатурке.

И. И. ХЕМНИЦЕР

3. ⟨И. И. Хемницер⟩, Басни и сказки, СПб., 1779, с. 50. Печ. по изд.: ⟨И. И. Хемницер⟩, Басни и сказки, ч. 1, СПб., 1782, с. 60. В собр. стихотворений Хемницера 1852 г. басня не вошла по цензурным причинам (см.: А. П. Могилянский, Материалы и разыскания по русской литературе XVIII века. — «XVIII век». Сб. V, Л., 1962, с. 442—444).

4. ⟨И. И. Хемницер⟩, Басни и сказки, СПб., 1799, с. 36, без ст. 39—42 и с измененным концом. Печ. по РС, 1872, № 4, с. 598. В собр. стихотворений Хемницера 1852 г. басня не вошла по цензурным причинам (см. примеч. 3). *Здесь об откупщиках словцо одно сказать.* Возможно, намек на указ Екатерины II о винных откупах 1767 г., разрешавший откупщикам взвинчивать цены на вино и на водку.

Г. Р. ДЕРЖАВИН

5. «С-Петербургский вестник», 1780, № 11, с. 315 (в большинстве экземпляров текст вырезан); «Зеркало света», 1787, № 53. Печ. по изд.: Державин, Соч., ч. 1, СПб., 1808, с. 10. Сатира представляет собою довольно точное переложение псалма 81. Номер «С.-Петербургского вестника», содержавший стихотворение, был задержан, и оно было оттуда изъято. Когда в 1795 г., уже после публикации его в «Зеркале света», Державин преподнес рукописный экземпляр Екатерине II, у него возникли серьезные неприятности: стихотворение было признано «дерзким» и «якобинским». Возникла опасность допроса автора С. И. Шешковским (о нем см. примеч. 12). Конфликт с императрицей удалось уладить, но и при Павле I, по требованию цензуры, стихотворение не вошло в изд. сочинений поэта 1798 г. До изд. 1808 г. (и впоследствии) оно распространялось в списках.

6. Державин, Соч., ч. 1, М., 1798, с. 285. Печ. по изд.: Г. Р. Державин, Стихотворения, *БП*, Л., 1957, с. 211, где учтены поправки, сделанные в авторском экземпляре сочинений Державина (т. 1, СПб., 1808). В эту оду Державина вошли некоторые строки его ранней оды «На знатность» (1774). Ода сразу же распространилась в списках; Державин вначале скрывал свое авторство. Современники называли ее «едким сочинением» (письмо Н. Н. Бантыша-Каменского к кн. А. Б. Куракину. — РА, 1876, № 11, с. 400). *Поставленный в позор* — выставленный напоказ. *Перлы перские* — персидский жемчуг. *Бразильски звезды* — бриллианты. *Калигула! твой конь в Сенате.* Отличавшийся вздорным и жестоким нравом римский император Гай Цезарь Калигула (37—41), по преданию, хотел назначить своего любимого коня на высшую государственную должность консула. *Чтоб мужу бую умудриться*, т. е. глупому человеку сделаться умным. Державин в этой строке имел в виду генерал-прокурора Сената А. Н. Самойлова (1744—1814). *Чупятов* — купец, объявивший себя, после пожара своих амбаров, банкротом и симулировавший сумасшествие: он навесил на себя ленты и медали, будто бы подаренные ему его невестой — марокканской принцессой. *Сарданапал* — имя ассирийского царя (IX в. до н. э.), ставшее нарицательным; прозвище человека развратного и пристрастного к непомерной роскоши. Державин имел здесь в виду таких екатерининских вельмож, как Г. А. Потемкин, А. А. Безбородко, П. А. Зубов и др. *Мусия* — мозаика. *Токай* — винодельческий район и марка венгерского вина. *Левант* — прибрежные страны Азии в районе Средиземного моря. *Цирцеи* — здесь: обольстительные красавицы; см. также примеч. 13. *А там израненный герой.* «Многие седые заслуженные генералы у кн. Потемкина и гр. Безбородко и у прочих вельмож сиживали часто несколько часов в передней между их людей, покуда они проснутся и выйдут в публику» (Объяснения Державина. — См.: Державин, Соч., т. 3, СПб., 1866, с. 635). *Лавровая глава* — голова прославившегося человека, увенчанная лавровым венком. *А там — вдова стоит в сенях.* «Вдова Костогорова, которой был муж полковник; оказывал многие услуги Потемкину и был из числа его приближенных, имел несчастие, поссорясь за него, выйти на поединок с известным Иваном Петровичем Горичем, храбрым человеком, который уже после был генерал-аншефом; сей убил его выстрелом из пистолета, как говорили тогда, умышленно тремя пулями заряженного; вдова Костогорова, после смерти мужа, прося покровительства князя, часто хаживала к нему и с грудным младенцем на руках стаивала, ожидая на лестнице его выезду» (там же, с. 635). *И сил у рук не отнимает.* «Императрица давала нередко волю любимцам своим вмешиваться в дела других министров, как то гр. Зубов чрез генерал-прокурора Самойлова делал что хотел» (там же, с. 635). *Здесь дал бесстрашный Долгоруков Монарху грозному ответ.* «Славный сенатор кн. Яков Федорович Долгоруков, который разодрал определение Сената, подписанное Петром I» (там же, с. 635). Этот же эпизод упомянут в стихотворении Пушкина «Моя родословная. . .». *Славного Камила.* «Камилл был консул и диктатор римский, который, когда не было в нем нужды, слагал с себя сие достоинство и жил в деревне. Сравнение сие относится к гр. Румянцеву-Задунайскому, который, будучи утесняем чрез интриги кн. Потемкина, считался хоть фельдмаршалом, но

почти ничем не командовал, жил в своих деревнях. Но по смерти кн. Потемкина, получа в свое повеление армию, командовал оною и, чрез предводительство славного Суворова обезоружа Польшу, покорил оную российскому скипетру» (там же, с. 635—636). О Румянцеве см. также примеч. 15. *Румяна вечера заря.* «Стих, изображающий прозвище, преклонность лет и славу Румянцева» (там же, с. 636).

7. ЛН, № 9-10, 1933, с. 17 (по автографу ГПБ с исправлениями ошибок писца в ст. 31 и 32). *Боярский секретарь* — А. М. Грибовский (1766—1833), вначале служащий у Державина, позднее обладавший большой властью секретарь фаворита Екатерины II Платона Зубова; яркая характеристика Грибовского дана Г. А. Гуковским (см. ЛН, № 9-10, с. 14—16). *Пудреная рубашка* — иначе пудермантель, накидка при причесывании и напудривании волос. *Спасу в серебре.* Икона Иисуса Христа в окладе из серебра. *Труба-насос* — пожарная труба. *О времена! О нравы!* — крылатое латинское изречение (о tempora, о mores!), принадлежащее римскому оратору Цицерону. *Львов* Н. А. (1751—1803) — писатель, общественный деятель и архитектор, друг Державина.

А. Н. РАДИЩЕВ

8. В составе книги: А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, М., 1790, с. 356 (строфы 1, 3, 4, 6, 7, 12, 14—16, 18—21 и 23 — полностью и строфы 2, 5, 8, 10, 11, 13, 17, 22, 25, 38, 40 53 и 54 — в извлечениях). Впервые полностью в легальной печати: А. Н. Радищев, Вольность. Ода, СПб., 1906 (по списку П. А. Ефремова, восходящему к копии П. А. Радищева). Печ. по изд.: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., 1938, с. 1. Именно этот, или очень близкий к нему, текст чаще всего встречается в списках конца XVIII — середины XIX в. Наиболее авторитетным из них считается список М. Н. Лонгинова (ПД). Тем не менее проблема основного текста оды не может считаться окончательно разрешенной. Г. П. Макогоненко, на основе изучения истории оды, предложил несколько иную редакцию текста, см.: А. Н. Радищев, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1953. Строфа 1. *Брут* Марк Юний (85—42 до н. э.) — римский государственный деятель, один из вождей республиканцев, организовавших убийство диктатора Кая Юлия Цезаря; его имя считалось синонимом убежденного республиканца. *Телль* В. (ум. 1354) — крестьянин кантона Ури, ставший во главе заговора против австрийского ига, за независимость Швейцарии; его имя стало синонимом тираноборца. *Седяй* (арх.) — сидя, сидящие. Строфу 2 оды Радищев в «Путешествии...» разъяснил так: «человек во всем от рождения свободен». Строфа 3. *Соборный* — общий. *Во власти всех своей зрю долю,* т. е. вижу в своей власти долю всех, как и все принимаю участие в управлении страной. Строфа 4. *Крин* — лилия. *Олива* — оливковая ветвь; издавна считалась символом мира. Строфа 5. *Судяй* — судящий, творящий суд. *Хламида* — одежда древних греков и римлян, короткая накидка через плечо. *Зерцало* — трехгранная колонка с государственным гербом сверху и тремя указами Петра I по сторонам; стояла во всех присутственных местах. *Меч* — символ власти и силы. *Весы* — символ

правосудия. *Десную* — справа. *Ошую* — слева. Строфу 5 Радищев в «Путешествии...» разъяснил так: «изображается закон в виде божества во храме, коего стражи суть истина и правосудие». Строфа 6. *Тля* — прах. Строфа 7. *И се чудовище ужасно.* Речь идет о религиозном фанатизме. Разъяснение ст. 61—66 Радищева таково: «изображение священного суеверия, отъемлющего у человека чувствительность, влекущее его в ярем порабощения и заблуждения, во броню его облекшее». Строфа 8. Ст. *«Бояться истины велел»* Радищев комментировал: «Власть называет оное изветом божества; рассудок — обманом». Строфа 10. *Союзно* — сообща, вместе. Ст. 95—100 разъяснены Радищевым так: «и все злые следствия рабства, как то беспечность, леность, коварство, голод и пр.». Строфа 11. *Минервин храм* — храм Минервы (римск. миф.), богини мудрости, покровительницы наук, искусств и ремесел. Строфа 13. После ст. 1 Радищев писал в «Путешествии...»: «как алчный змий, ругаяся всем, отравляет дни веселия и утех. Но хотя вокруг твоего престола все стоят преклонше колена, трепещи, се мститель грядет, прорицая вольность...». Строфа 17. После ст. 1 Радищев писал: «дал способ к приобретению богатств и благоденствия. Желал я, чтобы земледелец не был пленник на своей ниве и тебя бы благословлял...». Строфа 18. *Медны изваял громады* — отлил пушки. Строфа 19. *Господь* — здесь и в строфах 30—32 в значении: господин. Строфа 21. *В отличность знак изобретенный* — орден. Строфа 23. *Кромвель* О. (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции. *Ты Карла на суде казнил.* Кромвель добился в 1649 г. осуждения и казни английского короля Карла I Стюарта. Строфа 25. *Самсон* — герой библейской легенды, богатырь, наделенный сверхъестественной силой. Строфа 26. *Лютер* М. (1483—1546) — германский религиозный деятель эпохи Реформации, основатель лютеранства — религии, противопоставившей себя католицизму. Строфа 27. *Сый* (арх.) — сущий. Строфа 28. *Летит Колумб чрез поле влажно.* Подразумевается плавание Христофора Колумба (1451—1506) через океан, приведшее к открытию Америки. *Галилей* Г. (1564—1642) — защитник учения Коперника о вращении земли вокруг солнца. Строфа 34. *Вашингтон* Д. (1732—1799) — североамериканский государственный деятель, боровшийся за предоставление бывшей английской колонии политической независимости; первый президент в своей стране (1787—1797). Строфа 35. *Двулична бога храм закрылся.* Храм в честь римского бога Януса (изображавшегося с двумя лицами) открывался лишь во время войны. Строфа 36. *Восхитить* — похитить. *Довлеет* — надлежит, должно. Строфа 37. *Пиндар* (522—448 до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик. *Невтон* — И. Ньютон (1642—1727), английский физик и математик. Строфа 38. *Но страсти, изощряя злобу.* По разъяснению Радищева: «превращают спокойствие граждан в пагубу...». *Отца на сына воздвигают, Союзы брачны раздирают.* Радищев продолжил эти стихи так: «и все следствия безмерного желания властвовати». Строфы 39—41 Радищев изложил так: «Описание пагубных следствий роскоши. Междоусобий. Гражданская брань. Марий, Сулла, Август...

Тревожну вольность усыпил.
Чугунный скипетр обвил цветами...;

следствие того — порабощение...» Строфа 40. *Марий* Гай (157—86 до н. э.) — римский полководец, пытавшийся стать диктатором Рима. *Сулла* Луций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец, политический деятель, представитель рабовладельческой аристократии; в 82 г. победил Мария и установил режим военной диктатуры. Строфа 41. *Август* (63 до н. э. — 10 н. э.) — первый римский император. Строфы 42—43 в тексте «Путешествия...» отсутствуют, а содержание их передано следующими словами: «таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...». Строфа 44. *Некосненно* (арх.) — неукоснительно. Строфы 44—52 также отсутствуют в «Путешествии...» и заменены таким текстом: «Ничто сему дивиться, и человек родится на то, чтобы умереть... Следующие 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

Встрещат заклепы тяжкой ночи.

Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность..» Строфы 45—46 оды имеют в виду недавно обретшие политическую независимость Североамериканские соединенные штаты. Строфа 46. *Словутая* — знаменитая. Строфа 46, как установлено исследователями, представляет собою вольное переложение послания видного французского просветителя, идеолога революционной буржуазии Г.-Т. Рейналя (1713—1796) к американскому народу в книге ««Révolution de l'Amérique» (1781); следующая строфа — как бы полемическое продолжение самого Радищева. Строфа 47. *Взалкавый* — возжелавший, возжаждавший. Строфа 48. *Чресла* — бедра. Строфа 52. *Кончина* — здесь в значении: конец. *Стражу к словеси приставит*: Речь идет о цензуре.

9. ⟨Н. И. Новиков⟩, «Живописец. Еженедельное сатирическое сочинение» (1772—1773), изд. 7, СПб., 1864, с. 347, без ст. 6. Печ. по изд.: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., 1938, с. 123. Датируется временем пребывания Радищева в Тобольске, по пути к месту ссылки в Илимск. П. Н. Берков предполагает, что стихотворение обращено к какому-то конкретному лицу (литератору), может быть к проживавшему в Тобольске поэту Панкратию Сумарокову (П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII века, М.—Л., 1952, с. 539).

П. А. СЛОВЦОВ(?)

10. ЛН, № 9-10, 1933. с. 45. Печ. по изд.: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 2, М.—Л., 1941, с. 352. Неисправный список (с подписью: «соч. Державина») — ГПБ. Строфа 1. *Мышца* — здесь: рука. *Скрижаль* — здесь: исторический документ, летопись. *Персть* — прах. *Трость* — здесь: перо. Строфа 2. *Юдоль* — долина; в переносном смысле — пристанище, обитель, а также земля и земная жизнь с ее невзгодами и страданиями. Строфа 4. *Зерцало* — см.. примеч. 8, с. 764. *Минерва* — см. примеч. 8, с. 765.

Строфа 5. *Манис* (арх.) — повелительный жест рукой. *Сатурн* (римск. миф.) — бог, покровитель земледелия; с именем Сатурна было связано представление о золотом веке, когда народ жил в изобилии, не зная рабства. Строфа 6. *Трус* (арх.) — землетрясение. Строфа 7. *Фра́нклин* В. (1706—1790) — видный американский политический деятель и ученый, борец за автономию США, находившихся в колониальной зависимости от Англии. *Ре́йналь с хартией в руке гражданской.* См. примеч. 8, с. 766. *Мурза в чалме* — Державин. *Певец Астреи* — Державин; Астрея (греч. миф.) — богиня справедливости. Строфа 8. *Рамо* — плечо. *Орел гнездится белый* — польский орден Белого орла. *Падшей Польши тень парит.* Подразумевается последний раздел Польши в 1794—1795 гг. Строфа 9. *Тис* — тисс, вид хвойных деревьев. *Кивот* — святилище; по Библии, ящик, в котором хранились скрижали (дощечки) с записанными на них божественными заповедями. *Рака* — здесь: гроб. Строфа 13. *Геркулан* (Геркуланум) — римский город, засыпанный пеплом при извержении Везувия в 79 г. н. э. *Лиссабон* — португальский город, переживший в 1755 г. сильнейшее землетрясение. Строфа 14. *Проснутся на трубы* — воскресение мертвых, по христианскому вероучению.

Д. П. ГОРЧАКОВ

11—12. 1 — «Щукинский сборник», вып. 2, М., 1903, с. 259. Печ. по ПС, с. 91, где текст уточнен. Списки — ЛБ и ГПБ. Примечания в большей своей части принадлежат Горчакову, но некоторые, возможно, кому-то из современников. *Собранья директор* — Домашнев С. Г. (1743—1795), директор Академии наук в 1775—1783 гг. Домашнев плохо знал французский язык, и это обстоятельство, как полагает Г. В. Ермакова-Битнер (ПС, с. 615), имеет в виду Горчаков. *Хвостов* А. С. (1753—1820) — поэт-сатирик. *Фонвизин.* Исходя из авторского примеч., Г. В. Ермакова-Битнер (ПС, с. 615—616) предполагает, что речь идет о «Послании к Ямщикову» Фонвизина. *Микулин* Н. — второстепенный поэт-одописец. *Капнист.* Произведение Капниста с непочтительными отзывами о современных ему писателях, по предположению Г. В. Ермаковой-Битнер, — «Сатира первая» (1780). *Арсеньев.* О ком из литераторов XVIII в., носившем эту фамилию, идет речь, не установлено. *Мидас* (греч. миф.) — царь, которого Аполлон наделил ослиными ушами за то, что он присудил награду в музыкальном состязании не ему, а Пану (или — по другой версии мифа — Марсию). *Младший Хвостов* — Д. И. Хвостов (1757—1835) — поэт, имя его стало синонимом бездарного поэта и графомана. Произведения Хвостова множество раз пародировались, в частности Пушкиным. *Калычев* В. П. (1736—1794) — писатель, автор изданной под криптонимом «В. К.» пьесы «Бедство, произведенное страстью, или Сальвиний и Адельсон» (1781); автор выдавал эту слабую мелодраму за «гражданственную» пьесу.

2 — ИОРЯС, 1928, № 1, с. 160 (по рукописному сборнику, принадлежавшему С. П. Шестерикову). *Царица* — Екатерина II. *Потемкин* Г. А. (1739—1791) — всесильный фаворит Екатерины II в 1771—1775 гг., сохранивший влияние на государственные дела и после своего падения. *Племянницы его* — Анна, Александра, Варвара, Екатерина и Татьяна Васильевны, по утверждению современников, едва

ли не одновременно любовницы Потемкина. *Чупский граф* — А. А. Безбородко (1747—1799), видный государственный деятель, с 1797 г. канцлер, в частности ведал иностранной коллегией, по происхождению украинец (отсюда «чупский» — от «чуб»). *Правь пойди волами.* Отец Безбородко был скототорговцем из крестьян. *К⟨нязь⟩, главный прокурор* — скорее всего князь А. А. Вяземский (1727—1793), занимавший этот пост в 1764—1783 гг. В таком случае первое слово следует читать: «Князь». *Иосиф* — по библейской легенде, отец Иисуса Христа. *Шешковский* С. И. (1727—1793) — заведующий Тайной экспедицией с 1767 г., получивший у современников прозвище «кнутобойца»; по словам Пушкина — «домашний палач кроткой Екатерины»; имя его наводило на современников страх. *Мария* — супруга Иосифа, мать Христа.

13. ИОРЯС, 1928, № 1, с. 163 (поздняя редакция). Печ. по ПС, с. 93 (ранняя редакция ПД, представляющая собой более резкий и, очевидно, в большей степени выражающий авторскую волю текст). Адресат стихотворения — Григорий Иванович *Шипов* (1742—1807), друг Горчакова, полковник. *Огненная река* — ад. *Четконосцы-лицемеры и оклобучённый люд* — монахи (от головного убора монахов — клобука). *Цирцея* (греч. миф.) — персонаж «Одиссеи» Гомера, коварная красавица, волшебством превратившая спутников Одиссея в свиней. *Как в заговенье маскарад.* За день до одного из четырех постов верующие веселились в последний раз: в пост, по законам православной церкви, всякие веселия и зрелища возбраняются.

14. «Минерва», 1806, № 2, с. 41, под загл. «Таков ныне свет», сокращенный текст (подпись: «Вологда. Б—ъ»). Печ. по ПС, с. 128. Сатира приписывалась также И. И. Дмитриеву, Д. И. Фонвизину, В. В. Капнисту. Обоснование авторства Горчакова — в ПС, с. 624. Сатира широко распространялась в списках. *Монархиня, о нас имея попеченье.* Имеются в виду различные реформы Екатерины II, в частности проведенное законами 1775 и 1785 гг. «Учреждение для управления губернией». *Ты думаешь, судей мы сами избираем, — Наместник изберет.* В сословные суды и в совестный суд выборы производили дворяне. Институт наместников был учрежден в 1779 г.; они по собственному усмотрению назначали членов в уголовный и другие суды. *Что помоцью шарá гулять в эфире можем.* Первый воздушный шар братьев Монгольфьеров поднялся в воздух 5 июня 1783 г. *«Пою велика мужа!»* Горчаков пародирует обычный зачин похвальных од. *Шварц* (Бертольд) — францисканский монах, который, по преданию, ок. 1330 г. изобрел порох (настоящая фамилия — Анклитцен; Бертольд — монашеское имя, а Шварц — прозвище, связанное с его занятиями «черной магией» — химией). *Барков* И. С. (1732—1768) — переводчик и поэт, автор многих нескромных стихотворений и поэм, в частности направленных против духовенства. *«Блажен, кто духом нищ, тот узрит в славе бога».* Пересказ изречения из Евангелия от Матфея, V, 3. *Панглос* — один из героев повести Вольтера «Кандид» (1759), постепенно утрачивающий первоначальный оптимизм. Горчаков почти дословно цитирует его излюбленный афоризм («всё к лучшему идет»). *Кандид* — герой одноименной повести Вольтера (1759). *Гур* — Гурий. *Магистрат* — учрежденный Петром I судебно-админи-

стративный городской орган. *Меркурий городской* — здесь: богач или плут: Меркурий (римск. миф.) — вестник богов, божество, покровительствующее торговле и даже воровству. *Григорий Богослов* Назианский (328—390) — знаменитый христианский проповедник, епископ Константинопольский, причисленный к лику святых. *Кураж* (франц.) — смелость. *Сикурс* (франц.) — помощь, резерв. *Стоически живет, как древний Епикур.* Здесь ирония: древнегреческий философ Эпикур (341—270 до н. э.) проповедовал чувственные удовольствия и достижение радостного состояния духа; напротив, стоики — приверженцы философского учения стоицизма — призывали к бесстрастию, к отказу от земных благ и покорности судьбе. *Кригс-оберкомиссар* — военный чин, присваиваемый с 1711 г. офицерам, ведавшим денежным и вещевым довольствием. *Княжнин* Я. Б. (1740—1791) — поэт и драматург. Источник приводимой Горчаковым фразы не обнаружен. *Сераль* — здесь: притон. *Интерес* — здесь в старинном значении: польза, выгода, прибыль. *Глаголь* и *буки* — названия букв «г» и «б» в славянской и в старинной русской азбуке. *Каверзит* — делает гадости, запутывает (от слова «каверза»). *Невтон* — см. примеч. 8, с. 765.

15. РА, 1871, № 7, с. 1286. Печ. по изд.: «Архив графов Мордвиновых», т. 3, СПб., 1902, с. 691, где дан более полный текст. Написано в связи с заключением тяжелого для России Тильзитского мира (1807). Сложная цензурная история сатиры подробно изучена Г. В. Ермаковой-Битнер (см.: ПС, с. 629). Окончательно запретил сатиру к печати Николай I в 1827 г. *Чатыр-даг* — одна из вершин Крымских гор. *Веспер* — одно из названий планеты Венеры, имя римского божества вечерней звезды. *Салгирских мутных вод.* Салгир — река в Крыму. *Где лаврами обвитый меч твой, росс?* Горчаков противопоставляет военные победы России XVIII в. неудачам кампании 1805—1807 гг. *Корс,* т. е. корсиканец Наполеон I. *Колосс* — Колосс Родосский, огромная статуя Аполлона, установленная древними греками у входа в Родосскую гавань; здесь — Россия. *Мождит* — разъедает. *Оттоман* — турок. *Румянцев*-Задунайский П. А. (1725—1796) — фельдмаршал, граф, выдающийся полководец, прославившийся победами в русско-турецких войнах, в царствование Екатерины II. *Кичливый галл... Суворовым нещадно пораженный.* Имеются в виду победы А. В. Суворова (1730—1800) в Итальянском походе 1799 г.; галлы — французы. *Прещенье* — запрет. *Вотще всей силою ко благу воспарит* и т. д. Эти стихи обращены к Александру I. *Дресва* — песок, гравий.

16. «Улей», 1811, № 7, с. 49, отрывок; «Памятник отечественных муз, изданный на 1827 год», СПб., 1827, с. 154, под загл. «Невероятные» (другой отрывок); ИОРЯС, 1928, № 1, с. 170 (более полный текст). Печ. по ПС, с. 153 (уточненный текст по списку архива Майковых в ГПБ с поправками по спискам ПД из собр. Юдина и РС). Ряд других современных списков — в ГПБ, ПД и ЛБ. Отрывок горчаковского послания под загл. «Невероятные», начиная со ст. 145, обращался в списках в качестве отдельного стихотворения (список в альбоме С. В. и А. П. Римских-Корсаковых в архиве Гос. научно-исследовательского института театра и музыки в Ленинграде). Посла-

ние обращено к дипломату кн. Сергею Николаевичу *Долгорукову* (1770—1829). *Ювенал* (ок. 60 — ок. 130) — древнеримский поэт-сатирик. *Асессорство* — гражданская административная должность 8-го класса, установленная петровской «Табелью о рангах». *На шее с лентою, избавлюсь от веревки.* Сановники, грабившие население, оставались безнаказанными: «Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты» (Н. М. Карамзин, Записка о древней и новой России. — РА, 1870, т. 2, с. 2338—2339). *Фрина* — древнегреческая красавица — гетера; здесь: безнравственная женщина. *Гименей* (греч. миф.) — бог брака. *И грешником себя* и т. д. Виновный в нарушении супружеской верности супруг при разводе лишался права вступать в брак. *О, времена! О, нравы* — см. примеч. 7. *Продажу уняли в солдаты наших слуг.* В 1808 г. было запрещено выводить крестьян на ярмарки для продажи в рекруты. *Так стали жен сбывать своих за деньги с рук.* С. П. Жихарев 16 июля 1805 г. записал случай, как кн. А. Н. Голицын продал свою жену гр. Л. К. Разумовскому (С. П. Жихарев, Записки современника, М.—Л., 1955, с. 73). *К Макарью* — к Макарьевской ярмарке на Волге (до 1817 г.). *Невероятные* (incroyables) — в одном из списков разъяснение (возможно, автора), что речь идет о щеголях (петиметрах). Слово «incroyable» вошло в обиход французского языка в эпоху Директории, т. е. в 1795—1799 гг.; оно обозначало «золотую молодежь». *Вральман... Годдем... Аббе,* т. е. немецкий, английский и французский наставники, учителя. Вральман — персонаж «Недоросля» Фонвизина, немец, сменивший в России профессию кучера на домашнего учителя. Имя Годдем в английском языке означает либо проклятие, либо черта (god damn). Аббе — французский аббат. *Стóвец* — застольная общая миска. *В клубе áнглийском.* Речь идет о знаменитом аристократическом клубе в Петербурге (основан в 1770 г.). *Дюпати Л.-Э.* (1775—1851) — французский писатель-сентименталист. *Мирлифлор* — собирательное имя эпигонов Карамзина, может быть П. И. Шаликов, как предполагает Г. В. Ермакова-Битнер (ПС, с. 631); более вероятно другое толкование: легкомысленный фат, франт (см.: Т. А. Никонова, «Мирлифлер». — «Тургеневский сборник...», вып. 3, Л., 1967, с. 179). *Иной наивностью в развратной сказке дышит.* Возможно, намек на сказки И. И. Дмитриева (см.: ПС, с. 631). *Стерн Л.* (1713—1768) — английский писатель-сентименталист. *И наконец я зрю в стране моей родной.* Эти строки стали ходячим идиоматическим выражением. *И две на нем сестры к нам смотрят не Касьяном.* Св. Касьян празднуется лишь в високосный год (29 февраля); в таком случае эта строка означает — не так часто. По толкованию А. Д. Галахова, «касьяном в народе зовется косоглазый заяц», — тогда это выражение значит, что трагедия и комедия смотрят на нас прямо (см.: ПС, с. 631). *Ипполит* — трагически погибший сын афинского царя Тезея, один из героев трагедии Расина «Федра» (1677). *Ифигения* — героиня трагедии Расина «Ифигения в Авлиде» (1671), дочь царя Агамемнона; по воле отца она обречена была в жертву богам, но богиня Артемида спасла ее. *«Сын любви», «Гуситы под Наубургом», «Попугай»* — пьесы немецкого реакционного драматурга А. Коцебу (1761—1819). *«Сорена»* — точнее «Сорена и Замир» — трагедия А. П. Николева (1787); цензура долго не пропускала это произведение (см.: ПС, с. 631). *Самость* — эгоизм, самовлюбленность.

В. В. КАПНИСТ

17. В. Капнист, Лирические сочинения, СПб., 1806, с. 37.

И. И. БАХТИН

18. «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», 1790, № 1, с. 17. «Примечание авторово на сатиру» (ст. 133—149) вызвано, очевидно, необходимостью сделать стихотворение приемлемым для цензуры. *Епанча* — длинный, широкий плащ. *Что меть* — что плохо лежит. *Четверик* — старая мера сыпучих тел, равная примерно 26,2 литра. *В три жилья* — в три этажа. *Понтак* — марка шампанского. *Ликург* — легендарный законодатель Древней Спарты конца XI — начала X в. до н. э. *Марк* Аврелий (121—180) — римский император, философ-стоик. *Тит* (39—81) — римский император, считавшийся образцом мудрого царя.

П. В. МЕЩЕРСКИЙ

19. ПС, с. 561 (по списку ГПБ, относящемуся ко времени после 1793 г., с исправлениями по списку Д. И. Хвостова в ПД). Ст. 38, очевидно, дефектен. По указанию Хвостова, сатира направлена против фельдмаршала и президента Военной коллегии, воспитателя великих князей Александра и Константина, графа, а потом светлейшего князя Николая Ивановича Салтыкова (1736—1816); современники считали его хитрым царедворцем и бездарным педагогом. *Внегда* — когда. *Вонми* — вникни, выслушай. *Акафист* — хвалебное церковное песнопение.

А. И. КЛУШИН

20. ЛН, № 9-10, 1933, с. 25, подпись: «Соч. Клушина, живущего в городе Орле» (по списку ГПБ, бумаги Державина, т. 22). В настоящем тексте приняты конъектуры, предложенные Г. А. Гуковским в ЛН, исправляющие неточности текста в ст. 35, 57, 116 и в примеч. к ст. 52. Кроме того, введена конъектура в ст. 34: «фимиам» (так в списке, что нарушает размер) и в ст. 107 (в источнике очевидная описка: «себе», так как все стихотворение обращено к Потемкину). Датируется в связи с делом П. С. Потемкина (см. с. 171), до его смерти 7 апреля 1796 г. Г. А. Гуковским отмечено, что начало стихотворения близко к третьей оде Горация (кн. III). *Что он невинно яд пиет.* Древнегреческий философ Сократ (469—399 до н. э.), приговоренный к смертной казни, выпил кубок яда. *Умирая у Прузия, Коронского царя.* Карфагенский полководец Ганнибал, борец за независимость своей родины против Рима (247—183 до н. э.), покончил жизнь самоубийством у вифанского царя Прузия. *Иль тот, кто шел чрез стен стремнины.* П. С. Потемкин в 1790 г. участвовал в штурме Измаила. *Сарматам, Порте всеял страх.* П. С. Потемкин участвовал в 1794 г. в походе против Польши (обычное наименование в литературе тех лет поляков — сарматы) и в войнах с Турцией (Портой) в 1768—1774 и 1787—1791 гг. *Кто в грозном образе Гирея.* Последние крымские ханы Девлет, Сагиб и Шагин принадлежали к династии Гиреев.

21. «Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне», кн. 2, Лондон, 1861, с. 17; «Материалы для биографии Павла I», Лейпциг, 1874, с. 101. Печ. по изд.: С. Н. Марин (1776—1813)., Полн. собр. соч., М., 1948, с. 176. Сохранились многочисленные списки. Датировка уточняется на основании ст. 85—86, в которых речь идет об итальянском и швейцарском походах Суворова 1799—1800 гг. Остров Мальта находился под покровительством России в 1797—1801 гг. Павел I с 10 декабря 1798 г. и до смерти — великий магистр ордена. Александр I от этого звания отказался. В ПС датировка противоречива: 1797 (с. 171) и 1801 (с. 176). В издании соч. Марина принята дата 1801 г. — она менее вероятна: после убийства Павла I сатира потеряла бы свою непосредственную остроту. Очевидно, пародия написана в 1799—1800 гг. *О ты, что в горести напрасно* — первый стих «Оды, выбранной из Иова» Ломоносова. *Офицер,* по предположению многих современников, — И. Я. Каннабих, типичный «павловец». *Эспантон* — тупой палаш. *Смотри, каков в штиблетах он.* Павел I ввел в войсках очень неудобные узкие штиблеты. *Вахтпарад* — развод военнослужащих для смены караулов. *Шаржи́ровать* (от франц. charger — зарядить) — «командное» слово в эпоху Павла I. *Подай-ка тактику свою.* И. Я. Каннабих был преподавателем тактики в «особо учиненных классах» Зимнего дворца (см.: Д. В. Давыдов, Записки, Лондон, 1863, с. 17). *Алебарда* — старинное оружие, топор и копье на древке, не имевшее в это время боевого значения; введено Павлом I для пехоты. *Винновые валеты* — карточные валеты пиковой масти, изображавшиеся с алебардами. *Деревянные кремни* заменяли в павловское время на маневрах настоящие. *Бить* — золотая канитель. *Пукли* — парики. *И двух в солдаты написать.* Капитан Кирпичников был разжалован в солдаты и прогнан сквозь строй; Марин сам в 1797 г. также был разжалован в солдаты за то, что на параде сбился с ноги. *Бип* — учебная крепость в Павловске. *Из беглых мог ли ты капралов* и т. д. Выходцы из Прибалтики и Германии заполонили при Павле I командный состав гвардии. *За вздор из службы исключить И на́век в крепость засадить.* Случаи необоснованного исключения из армии и заключения в крепость были при Павле I многочисленны (подобным репрессиям подвергались будущие полководцы А. П. Ермолов, И. С. Дорохов, П. П. Коновницын и др.). *Кутайцев* — Кутайсов, см. о нем примеч. 164. *Велел что головы рубить.* Полковник Е. Грузинов за непочтительный отзыв о царе был в 1798 г. засечен кнутом насмерть; по тому же делу были казнены еще четыре человека. *Служа обедню за попа.* Павел I собирался объявить себя главою православной церкви и, по некоторым сведениям, служил литургию в Гатчинской церкви. *Еврейска Анна, что по-русски* и т. д. Именем фаворитки Павла I кн. А. П. Лопухиной (1777—1805, по мужу с 1800 г. Гагариной) были украшены знамена, флаги кораблей и гренадерские шапки. Анна по-древнееврейски значит: благодать. *Кто славный акцион завел* и т. д. Славный — здесь: знаменитый. При Павле I ордена Мальтийского креста приобретались за деньги. *Чтоб остров Мальта нам достался* и т. д. Остров Мальта в 1798 г. был захвачен Францией, и это было причиной разрыва

с ней России и начала суворовских походов. *Гоненье шапкам объявить.* Круглые шляпы при Павле I считались одним из символов французской революции, и ношение их преследовалось. *Пучки* — род мужской прически. *С заносом фрак* — запрещенный при Павле I покрой фрака. *Дурак* — одно из любимых слов Павла I (см.: А. С. Шишков, Записки..., т. 1, Берлин, 1870, с. 37). *Колет* — короткая верхняя одежда: набрасывалась на плечи и застегивалась на шее. *Сие, служивый, рассуждая* и т. д. Весь текст до конца близок к тексту оды Ломоносова и некоторыми строками почти дословно ее повторяет.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

22. ИОРЯС, т. 5, кн. 2, СПб., 1900, с. 588. Песня написана как бы от лица супруги Петра III Екатерины Алексеевны. Датируется не позднее ее воцарения. Песня была обнаружена в Москве в 1764 г. 7 июня московский главнокомандующий генерал-фельдмаршал граф П. С. Салтыков доносил Екатерине II, что в Москве между простым народом употребляется эта «вымышленная песня»: «в рассуждении глупости безумного и по всему виду подлого сочинителя больше презрения и смеху достойна, нежели истязания, то я без особливого вашего императорского величества повеления не дерзнул сам собою следовать, от кого бы оная произошла, чего впрочем и сыскать едва ли возможно». На этот рапорт последовала резолюция, что императрице угодно, чтобы песня «забвению предана была, с тем, однако, чтоб оное было удержано бесприметным образом, дабы не почувствовал никто, что сие запрещение происходит от высшей власти» (ИОРЯС, указ. том, с. 588—589; ср. также: К. В. Сивков, Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII в. — «Исторические записки», т. 19, М., 1946, с. 68; публикация А. Н. Пыпина в ИОРЯС осталась ему неизвестной). Автора песни не разыскивали, вероятно, потому, что она была написана в сочувственных по отношению к Екатерине тонах. Песня повторяет мотивы распространенных народных песен на тему о судьбе одинокой, несчастной девушки. *Что хотят меня срубить, сгубить.* Петр III предполагал расторгнуть брак с Екатериной, заключить ее в монастырь или в крепость и жениться на фрейлине Е. Р. Воронцовой, связь с которой продолжалась до его свержения с престола (см.: В. А. Бильбасов, История Екатерины II, т. 2, Берлин, 1900, с. 14; А. Г. Брикнер, История Екатерины Второй, СПб., 1885, с. 94, 109, 111). *Что на мне хотят женитися.* Эта строка дефектна: по смыслу должно быть прямо противоположное.

23. Сб. «Почин», М., 1895, с. 11; сб. «К воле. Крепостное право в народной поэзии». Сост. Н. Л. Бродский, М., ⟨1911⟩, с. 11. Датируется на основании упоминания о выборах депутатов в комиссию для издания Уложения (1767—1768). Загл. в рукописи отсутствует, но прочно усвоено традицией. Автор, очевидно, городской грамотей, скорее всего служивший или бывавший в столице: он знает, например, о подъеме воды в Неве. При всей радикальности его призыва («злых господ под корень переводить»), он явно в плену царистских иллюзий. Выступая против бояр, он надеется на службу царю, жалеет, что бояре не пускают его к царю, который бы восстановил

справедливость, и т. д. А. Д. Сидельников отметил некоторую близость этого памятника к записанной П. В. Киреевским в Симбирской губернии песне: «Уж мы сядемте, ребята, посидимте, господа...» (П. В. Киреевский, Песни, новая серия, вып. 2, ч. 2, М., 1929, с. 188; А. Сидельников, Плач-памфлет о крепостной доле. — «Литература и марксизм», 1931, № 4, с. 127). *Бессчастные* — несчастные. *Поброд* — вероятно, от «побродяга». *Наброд* — чужой, зашедший со стороны. Возможно, что в первом случае описка: вместо «поброд» — «наброд». *Татство* — насильственное, беззаконное присвоение. *Невейка* — невеяный хлеб с мякиной. *На канапе* — на диване (от франц. canapé). *Абшит* — отставка (от нем. Abschied). *Деделово.* Н. С. Тихонравов в назв. сб. «Почин» (с. 14) полагает, что это слобода Дедилово Богородицкого уезда Тульской губернии (ныне село Дедилово, районный центр Тульской области) — там была «провальная яма», т. е. естественная глубокая впадина. *Застой* — защита.

24. ЛН, № 9-10, 1933, с. 134, с необъясненной подписью: «в: с: і: в» (по списку ПД из архива РС); в ст. 24, 27, 28, 78 введены исправления явных ошибок писца. Автор поэмы — очевидно, военный, живший где-то на юге, в недавно присоединенных областях, у Черного моря (см. ст. 4, 5, 71). Некоторые реалии — кизяк, фонтан, буйволицы (ст. 24, 62, 180 и др.) — вызывают догадку о Крыме. По предположению Г. А. Гуковского, художественная манера, сходная тема, реалии и, вероятно, близкие даты наводят на мысль, что автор «Челобитной к богу от крымских солдат» (см. № 25) и этого стихотворения — одно и то же лицо. Хотя в стихотворении описывается «без сомнения реальный факт: история опалы и восстановления в правах некоего военного командира, имевшего в Крыму власть, распространявшуюся и на гражданское население» (ЛН, № 9-10, с. 139—141), но по существу сатира дает яркое описание типических черт самоуправной власти командира — эксплуататора, взяточника, тирана, окруженного многими приспешниками. Возможно, что это был кто-то из гарнизона Керчи и Еникале в период между Турецкой войной и присоединением Крыма к России, т. е. 1776—1783 гг. *Золотник* — старинная русская мера веса, равная примерно 4,26 гр. *Ра⟨фаил⟩* — архангел, который, по Библии, совершил много благих деяний. *Плотенный ангел* — ангел во плоти. *Кавалерия* — орден (кавалер ордена). *Целовальник* — хранитель или продавец казенного добра, приносивший присягу (целовавший крест); целовальниками назывались также сидельцы в кабаках и трактирах. *Саул царь ненасытно Давыда гнал и утомился.* Первый израильский царь Саул (XI в. до н. э.) яростно преследовал своего соперника, тайно «помазанного» на царство Давида, которого народ считал более достойным и который сменил Саула. *Подобием герцога.* Возможно, речь идет о герцоге курляндском Бироне (1690—1772): в 1730—1741 гг. он пользовался неограниченной властью и оставил по себе в народе недобрую память. *Ему псарней и конюшней осмой класс управляет.* По табели о рангах, к 8-му классу относились в гражданской службе коллежские асессоры, а в военной — капитаны или ротмистры. *Конфирмация* — здесь: утверждение высшими властями приговора суда. *Святцы* — церковная книга справочного типа, содержащая перечень имен святых, поминаемых в течение календарного года, распределение молитв, читаемых в праздники, и т. д.

25. ЛН, № 9-10, 1933, с. 124. Ряд списков — ГИМ, ПД (2 списка), ГПБ (3 списка). Печ. по наиболее достоверному — ГПБ (Q. XVII. 183), с некоторыми уточнениями, предложенными Г. А. Гуковским (некоторые варианты других списков см.: ЛН, с. 151—152). Заглавия других списков: «Крымская челобитная», «Солдатская челобитная», «Челобитная», «Челобитная крымских солдат», «Его сиятельству графу фон Галченко». Вполне возможно, что сатира принадлежит автору «Горестного сказания» (см. № 24). Г. А. Гуковским дана подробная характеристика условий жизни солдат в Крыму в 1770-х годах и обрисована личность автора: «грамотей из числа солдат или унтер-офицеров», «не чуждый своеобразной литературной осведомленности». «Поэтическая манера и самое внешнее оформление стихотворения свидетельствует о том, что он был не чужд канцелярской учености его эпохи... оно полностью и со всеми деталями повторяет установленную формулу прошения XVIII в.: сначала идет титул и развернутое вступление с обязательной хвалой тому лицу, к которому обращено прошение, и с канцелярскими штампами вплоть до неизбежного «А о чем наше прошение, тому следуют ⟨пункты⟩ ниже...». Пункты перенумерованы и, как полагается, скреплены идущей через всю нумерацию их подписью челобитчиков... Скрепа составлена вполне «по форме»... Самая формула стихотворной «челобитной», по-видимому, обладала значительной выразительностью; она хорошо выражала замысел автора плача» (ЛН, № 9-10, с. 130—131). *Драбант* — телохранитель, здесь в значении: денщик в казачьих войсках (ср. такое же словоупотребление у Л. Н. Толстого, «Казаки», гл. 22). Это была наиболее эксплуатируемая и бесправная часть солдатской массы, находившаяся в бесконтрольном подчинении у начальства и нередко использовавшаяся не по своему прямому назначению, а для хозяйственных и иных нужд.

26. «Нижегородский сборник», т. 10, 1890, с. 555; РС, 1891, № 6, с. 729. Текст найден в судебном деле 1787 г. Автор этого стихотворения — крепостной живописец кн. Н. С. Долгорукова, бежавший от своего владельца в 1787 г. *Прешпехт,* т. е. проспект; здесь в значении: просека. *Масония.* Крепостные крестьяне не могли быть приняты в масонские ложи; может быть, речь идет о совращении в католицизм.

27. Д. С. Бабкин, Процесс А. Н. Радищева, М.—Л., 1952, с. 12. Автограф — в рукописном сборнике 1789 г., составленном Василием Буниным (ПД, собр. В. Н. Перетца). В. Бунин в 1788 г. судился киевской палатой уголовного суда за тайный умысел «поднять народное восстание» (Д. С. Бабкин, А. Н. Радищев. Литературно-общественная деятельность, М.—Л., 1966, с. 112; там же указана и другая литература).

28. ЛН, № 9-10, 1933, с. 18 (по списку А. Т. Болотова в ГПБ). Печ. по ПС, с. 566. Г. А. Потемкин умер 6 октября 1791 г., отсюда дата. Эта сатира нередко встречается в рукописных сборниках конца XVIII в. Там же встречаются и эпиграммы на смерть Потемкина, вроде следующей (РЭ, с. 59):

Прохожий, помоли всевышнего творца,
Что сей не разорил России до конца.

Фалеев М. Л. (ум. 1792) — купец, потом статский советник. Совершал всевозможные мошеннические операции в армии (в должности обер-кригскомиссара флота), но пользовался при этом поддержкой Потемкина. *Попов* В. С. (ок. 1745—1829) — секретарь Потемкина, успешно продолживший карьеру и после его смерти.

29. РА, 1908, № 10, с. 402. *Но рок внезапно твой в пути тебя постиг.* Потемкин умер 6 октября 1791 г. в степи, в 40 верстах от Ясс, по пути в Николаев. *Давид* — полулегендарный древнееврейский царь (конец XI — начало X в. до н. э.); ему приписываются псалмы, составившие одну из книг Ветхого завета. *Но всё прошло, и он как будто не бывал.* Неточная цитата из «Псалтири» (XXVII, 36: «но он прошел, и вот нет его»). *Сарматы* — см. примеч. 20. *Часть* — участь, судьба.

30. РЛ, 1968, № 4, с. 96, ст. 1—10 и 23—30. Полностью печ. впервые по списку ПД (архив РС, «Книга, называемая «Когда что попалось». Собрана на Руси, в Крыму, в Молдавии, в Валахии, в Польше, на Волыни и Литве, как бы сказать, с немалыми хлопотами 1792 года, декабря 23 дня»). *Наместничество.* Старинная единица административного деления Российской империи. При учреждении губерний в 1775 г. должность наместника была сохранена; наместник назначался самим царем (ср. ст. 1) большей частью на две или три губернии и должен был следить за строгим выполнением законов и служебных обязанностей чиновниками. *Губернское правление, казенная и уголовная палаты, магистрат, верхние и нижние земские суды, надворные и совестные суды, верхние и нижние расправы, приказ общественного призрения, управа благочиния* — органы местной власти и судебные учреждения XVIII в., в большинстве своем возникшие в эпоху Петра I. Магистрат — см. примеч. 14. Земские суды (верхние и нижние) — суды для дворян; надворные суды — верховные судебные органы в ряде губерний, независимые от местной администрации. Совестный суд — особый род суда, учрежденный при Екатерине II, где судили на основании не одних законов, но руководствовались также естественной справедливостью. Расправы (верхняя и нижняя) — суд для однодворцев и государственных крестьян. Приказ общественного призрения ведал народными школами и благотворительными заведениями (сиротскими домами, больницами и проч.). Управа благочиния — орган городского полицейского управления. *Шильник* — мелкий плут.

31. «Советское славяноведение», 1969, № 2, с. 90 (по списку ПД из архива И. Н. Лобойки). Дошедший до нас список не вполне исправен; в строфе 1 недостает, судя по рифмовке, девятой или десятой строки, в ст. 19 «дрезлобной» — вероятно, описка. Разделы Польши происходили в 1772, 1793 и 1795 гг. Ода написана в какую-то годовщину раздела, скорее всего в 1794 или 1796 г., во всяком случае при жизни Екатерины II (см. ст. 90), на которую автор продолжает возлагать некоторые надежды (подробно см.: С. А. Рейсер, Русский вольнодумец XVIII в. о порабощении Польши. — «Советское

славяноведение», 1969, № 2, с. 89-90). Семь точек, поставленные в конце, должно быть, скрывают имя автора, которое пока не поддается расшифровке. Судя по стилю, им был какой-то приверженец традиций классицизма. Содержание оды, слова о потрясении тронов, смене власти царей, выражение «железный скипетр самовластья», наконец, использование слова «вольность» — все это дает основание датировать оду временем после знаменитой оды Радищева, которую автор, надо думать, хорошо знал. *Тартар* (греч. миф.) — у Гомера мрачная пропасть, в которую Зевс ввергает преступников; другое значение — подземный мир, где мучились грешники. *Из жерл, Плутоном сотворенных* — из пушек. Плутон — бог подземного царства мертвых, бог смерти. *Фемида* (греч. миф.) — богиня правосудия.

32. ЛН, № 9-10, 1933, с. 64 (по списку А. Т. Болотова в ГПБ); ПС, с. 566, под загл. «Стихи сочинителю устава» (по списку ЛБ). Печ. по ЛН, где текст более исправный. Датируется 1799 г. — временем составления устава (см. ниже). Стихи обращены к Гаврилу Петровичу *Гагарину* (1745—1808), видному павловскому сановнику и личному другу царя. Гагарин имел репутацию кутилы, развратника и темного дельца, вечно находившегося в огромных долгах. Его сын был женат на бывшей любовнице Павла I — А. П. Лопухиной. *Написав устав банкротский.* В 1799 г. Гагарин разработал проект банкротского устава, по мнению современников, выгодного прежде всего для него самого. *Акафисты* — см. примеч. 19.

33. ГМ, 1914, № 1, с. 286. Эпиграмма на Павла I. *Фридрих* II Великий (1712—1786) — прусский король с 1740 г., бывший для Павла I образцом, которому он усиленно подражал, особенно в воинском уставе.

34. РЭ, с. 61. Эпиграмма на Павла I. *Вахтпарад* — см. примеч. 21.

35. РС, 1884, № 10, с. 222. Ст. 10—13 печ. по более исправному тексту в альбоме М. Н. Дириной (ГПБ). Датируется предположительно по содержанию и стилю. Подобного типа сатирические стихотворения, направленные против всесильных секретарей, влиятельных при своих, часто недалеких или необразованных, начальниках и фактически заправлявших делами, были очень распространены в русской литературе конца XVIII — начала XIX в. (см., например, притчу А. П. Сумарокова «Секретарь и соперники»). По словам весьма осведомленного А. Т. Болотова, «гвардейские секретари были превеликие люди и жаловали кого хотели за деньги» («Памятник протекших времян, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и о носившихся в народе слухах, ч. 2. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя императора Павла I», М., 1875, с. 64). Секретарь в качестве человека, заправляющего делами вместо своего начальника, упоминается в пушкинском «Послании цензору» 1822 г. («Хоть умного себе возьми секретаря», см. № 87) и даже в гораздо более позднем произведении — в «Жизни чиновника» И. С. Аксакова (см. № 258).

36. «Литературный вестник», 1904, т. 8, с. 231. Печ. по ПС, с. 581. Датируется предположительно по содержанию и стилю. *Румянцев* — см. примеч. 15. *Тюрен* Анри д'Овернь (1611—1675) — французский полководец эпохи Людовика XIV. *Десница* и *шуйца* — правая и левая рука.

37. «Литература и марксизм», 1931, № 4, с. 132 (по списку ГИМ из собр. И. Е. Забелина). Опубликовано А. Д. Сидельниковым в качестве второй части «Прошения в небесную канцелярию», но, очевидно, представляет собою отдельное произведение. Датируется предположительно по стилю и характеру рукописи. Об авторе этого произведения, написанного в форме народного раешника, сведений нет. Им был какой-то грамотей, вдоволь натерпевшийся от произвола и взяточничества секретарей и мелких чиновников, обличение их лихоимства — частая тема в вольной поэзии конца XVIII в. (см. № 35). Легко предположить, что этот диалог мог использоваться в народном театре, на базаре или на сельской площади, когда вблизи не было начальства. Возможно, что дошедшая до нас часть — только отрывок. Начало ст. 18 утрачено. *Крапивное семя* — презрительное прозвище подьячих, а потом чиновников, особенно крючкотворов и взяточников. *Сотский* — низшее должностное лицо сельской полиции, избиравшееся крестьянами (обычно один на сто — двести человек). *В кузнецкой* — в списке той же рукой дописано: «То есть в кабак». *Всториц* (от «сторица») — здесь: получая значительное вознаграждение.

38. Печ. впервые по спискам ГПБ и ГИМ. Ст. 11, 12, 20, 22, 26, 28, 32, 34—37, 44, 49, 50, 53, 56, 64, 65 приводятся по более исправному списку ГИМ. Менее исправен список ПД (архив РС). По мнению В. И. Малышева, почерк списка ГПБ несомненно относится к последней четверти XVIII в.; к тому же времени, по определению Л. М. Хлебникова, относится и список ГИМ. Вероятно, в конце века сатира и была написана. Предыдущее стихотворение, помещенное в том же сб. «Переодетая борода. . .», датируется 1757 г. Судя по стилю, автор стихотворения скорее всего какой-то грамотей из низших слоев. Обращает на себя внимание уже не силлабическое стихосложение, то есть время не ранее второй половины XVIII в., когда реформа Тредиаковского — Ломоносова стала общепринятой и в литературный обиход вошла новая метрическая система. Однако этот новый принцип проведен непоследовательно: в некоторых строках размер нарушен. Из ряда стихотворений, пародийно использовавших основную православную молитву, публикуемое — одно из самых ранних. Все короткие строки этого стихотворения (в других случаях все четные) представляют собою более или менее точный текст «Отче наш». Эти стихотворения скорее всего семинарского происхождения: они могли приспосабливаться к различным случаям. «Саксонские» крестьяне, которым приписано стихотворение, описывающее солдатский постой, причинявший множество бед, — конечно, только прием маскировки, на случай обнаружения стихов. *Часть* — участь, положение. *Или на турков устремились.* Россия вела в XVIII в. ряд войн с Турцией — в 1710, 1735—1739, 1768—1774, 1787—1791 гг.

39. РА, 1875, № 12, с. 255, под загл. «Прошение в небесную канцелярию» (текст без разбивки на стихи); РА, 1908, № 9, без загл., в качестве жалобы саратовских экономических крестьян на земский суд (по списку конца XVIII в.); «Литература и марксизм», 1931, № 4, под загл. «Копия с прозбы в небесную канцелярию» (по списку ГИМ из собр. И. Е. Забелина, с ошибочным присоединением к тексту другого произведения; см. его под № 37). Печ. по РА, 1875, где, по-видимому, наиболее точный и наиболее близкий к оригиналу текст; исправлена ошибка в ст. 50 («делаем» вм. «делают»); ст. 34 исправлен по текстам РА, 1908 и «Литературы и марксизма» (в тексте РА, 1875, этот ст. искажен: смысл слов «мякины швиной» неясен, нарушена рифмовка); В РА, 1908 датировано 1776—1778 гг. — временем поселения экономических крестьян в Саратовской губернии, в «Литературе и марксизме» — по водяному знаку на бумаге списка «1803» — концом XVIII — самым началом XIX в. Вторая дата подтверждается законом о волостном делении 1797 г. (см. ниже). Об авторе этого «Прошения. . .» никаких сведений нет. Скорее всего им был какой-то грамотей из экономических крестьян. Текст по своему построению пародирует узаконенную форму официальных прошений. *Экономическими крестьянами* назывались бывшие монастырские крестьяне, после передачи монастырской собственности государству они поступили в ведение коллегии экономии духовных имений (с 1763 по 1786 г.). *Когда не разделены были на волостные доли.* В 1797 г. был принят закон «О разделении казенных селений на волости и о порядке их внутреннего управления». Согласно этому закону, в волость включались села, численность населения которых соответствовала определенной норме. Были учреждены волостные правления, состоявшие из головы, старосты (или выборного) и писаря. В результате все государственные (казенные) — в том числе и экономические — крестьяне попали под жесткий повседневный надзор новых властей, обычно злоупотреблявших своими полномочиями, в то время как зависимость от провинциальных воевод (упразднены с 1775 г.) была менее тягостной. *Земский* — лицо, исправлявшее административную и судебную власть над крестьянами; под земским секретарем здесь, видимо, подразумевается волостной писарь. *Сотский* — см. примеч. 37. *Краснá.* В Поволжье так называют пряжу на ткацком станке, приготовленную для тканья.

40. ЛН, № 9-10, 1933, с. 32 (по списку А. Т. Болотова в ГПБ). Датируется предположительно. В XVIII в. *исправник* представлял собою высшую полицейскую власть в уезде. Должность была создана при Екатерине II и в таком виде просуществовала до 1862 г. Пост исправника был выборный — от дворянства. В руках исправника была сосредоточена и общеполицейская власть по надзору за состоянием уезда, и власть административно-карательная: она давала широкие возможности злоупотреблений, взяточничества и пр. *«Вдруг с полночи»* — начальные слова народной песни. *Десятский* — низший чин сельской полиции, иногда один из жителей, по наряду. *Сотский* — см. примеч. 37. *Красная бумажка* — десятирублевая ассигнация.

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА

И. П. ПНИН

41. «Русский вестник», 1858, № 12, кн. 1, с. 427, без загл., с пропуском ст. 8. Печ. по изд.: «Радищев в русской критике. Пособие для учителей», М, 1952, с. 25 (по автографу ГИМ). Послание обращено к Андрею Петровичу *Брежинскому*, второстепенному поэту, сотруднику журналов «Друг просвещения» (1805) и «Дух журналов...» (1817), близкому к А. Н. Радищеву в конце его жизни. *Радищева не стало.* А. Н. Радищев покончил самоубийством 12 сентября 1802 г.

42. «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», *БП*, Л., 1935, с. 204 (по рукописному экземпляру «Журнала российской словесности», 1805, июль — ПД). На рукописи помета цензора: «Не печатать». Текст, вероятно, дефектен: ст. 9 без рифмы.

43. «Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», *БП*, Л., 1935, с. 205. Подзаг. — очевидно, цензурная маскировка, которая все же не помогла напечатать стихотворение. По предположению В. Н. Орлова (см. указ. изд., с. 778), стихотворение, возможно, направлено против Александра I и его министров (Лев и ослы).

А. И. ТУРГЕНЕВ

44. «Вестник Европы», 1803, № 4, с. 277. Стихотворение неоднократно перепечатывалось, иногда с именем Н. И. Тургенева («Декабристы», с. 179). Ст. 8—11 и 19—20 переписаны рукою С. И. Тургенева в начале дневника его брата Н. И. Тургенева, при этом в ст. 8— «Мы кровию своей купить». Весьма вероятно, что этот вариант и соответствует авторской воле, а в печатном тексте журнала было намеренное смягчение: «жизнию своей купить» (см.: «Архив братьев Тургеневых», т. 3, вып. 2, СПб., 1913, с. 7).

Д. В. ДАВЫДОВ

45. РПЛ, с 199; Л II (по неисправным спискам, ходившим по рукам). Впервые в легальной печати: PC, 1872, № 4, с. 626 (также по неисправному списку); PC, 1887, № 11, с. 471 (по дефектному списку ПД из альбома С. Д. Полторацкого). Печ. по изд.: Денис Давыдов, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., ⟨1933⟩, с. 69 (по наиболее полному списку ГПБ из бумаг Г. Р. Державина, содержащему неизвестные прежде ст. 6, 10—12, 22, 27, с устранением цензурной замены в ст. 32 «величества» вместо «могущество»). В списках басня приписывалась А. С. Пушкину (см.: А. Жовтис, Стихи нужны. Статьи, Алма-Ата, 1968, с. 170).

46. «Русский вестник», 1869, № 11, с. 70 (по списку ПД из альбома П. А. Осиповой). Печ. по изд.: Денис Давыдов, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., ⟨1933⟩, с. 70, с поправками в ст. 8 и 24,

предложенными А. А. Илюшиным в статье «К вопросу о правильном тексте одного «возмутительного» стихотворения Д. В. Давыдова» («Филологические науки», 1966, № 1, с. 179). Автограф, бывший в распоряжении сына поэта В. Д. Давыдова (публикация РС, 1872, № 4, с. 627), ныне неизвестен. Сохранились многочисленные списки басни; почти во всех автором значится А. С. Пушкин и изредка Рылеев (заглавия: «Бог» или «Быль и басня»). Стихотворение представляет собою более или менее точный перевод басни французского поэта, дипломата, посла в Петербурге в 1783 г. Л. Ф. Сегюра (1753—1830) «L'enfant, le miroir et la rivière» (см. его книгу «Contes, Fables, Chansons et Vers», Paris, 1801, p. 12). Ее прозаический перевод на русский язык под загл. «Дитя, Зеркало и Река» был напечатан в «Новостях русской литературы на 1802 год», т. 4, с. 65—66. Современники широко распространяли басню в списках. Посылая, вероятно, именно ее 27 октября 1803 г. М. С. Воронцову, друг Д. Давыдова С. Н. Марин добавлял: «Отправляю с первым курьером, ибо иначе послать их невозможно» («Архив кн. Воронцова», т. 35, СПб., 1889, с. 414). III Отделение охарактеризовало басню как «возмутительное» сочинение («Всемирный вестник», 1905, № 9-10, с. 288—289). Современники, едва ли не ошибочно, воспринимали басню как намек на судьбу Радищева (см. указ. выше статью А. А. Илюшина, с. 177). Если дата стихотворения действительно 1803 г., то после самоубийства Радищева это толкование кажется маловероятным. Скорее Давыдов дал в басне обобщенный образ тирана.

47. Денис Давыдов, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., ⟨1933⟩, с. 73 (по списку А. М. Горчакова в ЦГАОР). В. Н. Орловым предположительно расшифрованы обозначенные начальными буквами имена. Сатира была направлена против придворной знати начала XIX в. Распространившаяся во множестве списков сатира послужила причиной перевода поручика Д. Давыдова из расположенной в столице гвардии в Белорусский гусарский полк (в окрестности с. Звенигородки Киевской губернии). В конце декабря 1803 г. С. Н. Марин писал М. С. Воронцову: «Маленькому Давыдову мыли за стихи голову: он написал «Сон», где всех ругает без милосердия» («Архив кн. Воронцова», т. 35, СПб., 1889, с. 421). *Талия* — круг карточной игры до окончания колоды у банкомета. *Трантель-ва* — термин карточной игры. *Н⟨арышкин⟩* Л. А. (1785—1846) — поручик Преображенского полка, друг М. С. Воронцова и С. Н. Марина, или Нарышкин Д. А. (1764—1838) — обер-егермейстер, славившийся своим мотовством. *З⟨агряжск⟩ой* Н. А. (1743—1821) — придворный Павла I; возможно, что Давыдов имел в виду Запольского А. В. (ум. 1813), полковника Преображенского полка, или его брата П. В. Запольского, прапорщика того же полка с 1801 г. *С⟨висту-н⟩ов* Н. П. (ум. 1815) — камергер двора Павла I и его любимец. *Марин* — см. с. 176. *Ко⟨пь⟩ев* А. Д. (1767—1846) — офицер Измайловского полка, автор множества популярных шуток (они отчасти записаны в «Старой записной книжке» П. А. Вяземского). Давыдов сравнивает Копьева с легендарным законодателем Древней Спарты *Ликургом* (втор. пол. IX в. до н. э.). *Л⟨ава⟩ль* И. С. (1761—1846) — французский эмигрант, видный придворный, богач, знаменитый своими балами и обедами. *Б⟨агратио⟩н* П. И. (1765—1812) — знамени-

тый полководец; его большой нос фигурирует, между прочим, в дневнике и в «Table-talk» Пушкина (Пушкин, т. 12, с. 158). *Д⟨иб⟩ич* И. И. (1785—1831) — в то время поручик Семеновского полка, близкий друг Давыдова, впоследствии видный военный деятель, фельдмаршал; Дибич отличался неказистым внешним видом. *Себя не узнаю... откуда рост.* Давыдов был маленького роста. *Андрюшка* — слуга Давыдова. Ответом на «Сон» было стихотворение гвардейского офицера А. Аргамакова («Архив кн. Воронцова», т. 35, СПб., 1889, с. 421):

Я лег вчерась в постелю,
Я видел странный сон:
Мальчишку-пустомелю
Сек розгой Аполлон.

Как бог, он без притворства
Ему так говорил:
«Ты дар мой стихотворства
Во зло употребил.

Ты, мальчик, зашалился,
Имеешь медный лоб,
Осмеивать пустился
Почтенных ты особ.

Вступя в знакомство с знатью,
Дал волю языку;
За это вашу братью
Я розгами секу».

Тут мальчик побожился,
Что врать не будет он.
От сна я пробудился, —
Ах, жаль, что это сон!

48. Б, 1906, № 7, с. 45 (по неисправному списку ПД); ЛН, № 9-10, 1933. Печ. по изд.: Денис Давыдов, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., ⟨1933⟩, с. 146 (сводный текст нескольких списков ГПБ). На использованном В. Н. Орловым списке А. Т. Болотова надпись: «Сие, хотя ловко сочиненное, но дерзкое и ядом и злостью дышущее и сожжения достойное стихоплетение пошло в народе в начале 1805 года. О сочинителе всеобщая молва носилась, что был он некто г. Давыдов, человек острый, молодой, но привыкнувший к таковым злословиям. И за сие будто был наказан ссылкой в Сибирь, чего он, по всей вероятности, был и достоин» (указ. изд., с. 281—282) В списках первой половины XIX в. басня неизменно фигурирует с именем Д. Давыдова. Ее пересказывает, намеренно без указания автора («писанное не помню кем»), Н. И. Греч в мемуарах («Записки о моей жизни», М.—Л., 1930, с. 210, 329—330). *Орлица* — Екатерина II. *Турухтан* — Павел I. *Сорокопут* — небольшая хищная птица отряда воробьиных. *Тетерев* — Александр I. *Хоть он глухая тварь... Скупяга из скупых.* Современники не раз отмечали обе эти черты Александра I. Отсюда и прозвище.

49. «Северный вестник», 1804, ч. 2, № 5, с. 369. В изд.: Н. Гнедич, Стихотворения, СПб., 1832 не вошло скорее всего по цензурным причинам. Стихотворение представляет собою вольный перевод оды французского поэта Антуана Тома (1732—1785) «Les Devoirs de la société, Ode adressée à un Homme qui veut passer sa vie dans la solitude». К 1813 г. относится более поздний и более точный перевод Ю. А. Нелединского-Мелецкого («О должностях общества»). *Женут* — гонят, теснят. *Лапландец* — здесь: житель Севера.

50. «Цветник», 1810, № 11, с. 166. Печ. по изд.: Н. Гнедич, Стихотворения, СПб., 1832, с. 113. Стихотворение воспринималось как призыв к борьбе с отечественным рабством — крепостничеством — и пользовалось популярностью среди декабристов. В частности, оно было использовано В. Ф. Раевским в агитационно-пропагандистской работе в кишиневской ланкастерской школе; он даже заставлял заучивать из него некоторые отрывки наизусть (см.: Ю. Г. Оксман, Ранние стихотворения В. Ф. Раевского. — ЛН, № 60, кн. 1, М., 1956, с. 52; примеч. И. Н. Медведевой к изд.: Н. И. Гнедич, Стихотворения, *БП*, Л., 1956, с. 795). Стихотворение Гнедича должно быть также сопоставлено с рядом произведений XVIII в. (Вольтер, Мармонтель, Ломоносов, Сумароков), в которых изображалась картина порабощения Америки испанцами (см.: М. П. Алексеев, Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв., Л., 1964, с. 93—94). *Перуанец* — житель Перу; в XI—XVI вв. государство своеобразного типа с элементами первобытного коммунизма. С 1830-х годов Перу — испанская колония, население которой было порабощено. *Не славы победить, ты злата лишь алкал.* Испанцы рассчитывали найти в Перу много золота. *Инки* — династия, царствовавшая в Перу с XI до XVI в., здесь синоним перуанцев.

51. «Вестник Европы», 1821, № 20, с. 258. Стихотворение представляет собою перевод военного гимна (современники называли его греческой марсельезой) выдающегося новогреческого поэта и революционного деятеля Константина Ригаса (наст. имя Антониос Кириазис, 1757—1798). Оно было опубликовано впервые, по-видимому, в сб. гимнов Ригаса, изданном в 1814 г., но возможно, что Гнедич пользовался переводом Байрона 1811 г. («Sons of the greecks, arise! ..»). Пушкин упомянул Ригаса в отрывке 1829 г. «Восстань, о Греция, восстань! ..» (№ 97). Современников вдохновляла героическая судьба Ригаса, основателя тайного общества (гетерии), боровшегося с турками и ими казненного. Перевод Гнедича привлек внимание правительства. О докладе министра внутренних дел В. П. Кочубея Александру I см. в примечаниях И. Н. Медведевой к изд.: Н. И. Гнедич, Стихотворения, *БП*, Л., 1956, с. 806. *Геллины* — эллины, древние греки. *Семихолмный град* — Стамбул (Константинополь). *Героя Леонида* и т. д. Спартанский царь Леонид, защищая свою страну от нашествия персов, погиб в битве при Фермопилах в 480 г. до н. э.

БЕЛАВИН И БРОЗЕ

52. Ф. В. Булгарин, Воспоминания, т. 5, СПб., 1848, с. 185 (ст. 29—32 в несколько иной редакции). Печ. по РС, 1897, № 12, с. 569. Текст РС не вполне исправен: в ст. 21 и 32 размер нарушен. *Галл* — француз. *Беннигсен* Л. Л., граф (1745—1825) — русский военачальник. В кампанию 1807 г. участвовал в сражениях под прусскими городами Пултуском, Прейсиш-Эйлау и др. *Мы отдали врагам Варшаву.* Беннигсен, не считая возможным оборонять Вислу от превосходивших численностью французских войск, отошел к Остроленке. *Гейльсберг* — город в Восточной Пруссии; здесь в мае 1807 г. произошло большое сражение между русскими и французскими войсками, в котором ни одной из сторон не удалось добиться решительного перевеса. *Фринланд* (правильно: Фридланд) — город в Восточной Пруссии; здесь в июне 1807 г. русская армия потерпела от войск Наполеона поражение; войска Багратиона были при этом опрокинуты в реку Алле (*«накинув пушек полну речку»*).

МУРЭМЦЕВ ИЛИ И. Н. СЕМЕНОВ

53. РС, 1880, № 9, с. 181. Пародия на оду Ломоносова, «выбранную из Иова», направлена против командира роты, с 1821 г. командира лейб-гвардии Измайловского полка, а с 1833 г. — коменданта С.-Петербурга Павла Петровича *Мартынова* (1782—1838). Современники единодушно характеризуют Мартынова как тупого солдафона: ср. запись в дневнике А. С. Пушкина от 8 января 1835 г. (Пушкин, т. 12, с. 336). Эта тема перепевалась и в популярнейшей пародии С. Н. Марина на 9-ю же оду Ломоносова (см. № 21). *Деплояд* — военный термин того времени, означающий — развернуть (фронт, колонну и пр., от французского слова — deployer). *Дланями крылат* — дающий волю рукам, избивающий солдат. *Покоем* — в виде буквы «П»; «покой» — название этой буквы в славянской и старинной русской азбуке. *Темп* — в значении ритм. *Не казался* — не показывался.

А. Н. НАХИМОВ

54. Аким Нахимов, Соч. в стихах и прозе, напечатанные по смерти его, Харьков, 1815, с. 59. Сохранились многочисленные списки. Реальной основой стихотворения был изданный, по настоянию М. Н. Сперанского, 6 августа 1809 г. указ об экзаменах для чиновников, не имевших высшего образования и претендовавших на чины от коллежского асессора до статского советника включительно («О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники». — «Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.», т. 30, СПб., 1830, с. 1051—1057). При университетах были созданы особые комитеты, а для подготовки к сдаче экзаменов были организованы специальные вечерние курсы. Этот указ вызвал неудовольствие не только чиновников, но и ряда видных деятелей. Н. М. Карамзин в записке «О древней и новой России...» (1811) назвал этот указ «несчастным» и подробно обосновывал его бесполезность. По его словам, «указ об экзаменах был осыпан везде язвительными на-

смешками» (Н М. Карамзин, О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях, Берлин, 1861, с. 85—86, 88). В одном из старинных альбомов (ПД) находится выписка именно этого места работы Карамзина. Уже в 1812 г., после ссылки Сперанского, в указе произведены были некоторые изъятия, а в 1834 г. он был отменен. Характерно, что эти экзамены вспоминает в более позднее время герой повести Достоевского «Господин Прохарчин» (1846). Упоминаются они и в «Войне и мире» Л. Н. Толстого (т. 2, ч. 3, гл. 4—5). *Повытчик* — чиновник-регистратор в дореформенном суде, следивший за порядком и хранением поступающих бумаг. *Палата* — старинное название судебных и административных органов. *Акциденция* (лат.) — буквально: случайность; подразумеваются случайные доходы, т. е. взятки. *Думный дьяк* — высший чиновник в дореформенном приказе. *Крюк* — приказный крючкотвор.

М. В. МИЛОНОВ

55. «Цветник», 1810, № 9, с 343. *Луцилий* (180—103 до н. э.) — римский сатирик. *Вои* — воины. *Презор* — презрение.

56. «Цветник», 1810, № 10, с. 63. *Персий* Авл Флакк (34—62) — римский сатирик. В ст. 1—13 современники ошибочно видели выпад против Аракчеева; П. А. Вяземский указал (см.: «Старая записная книжка». — Полн. собр. соч., т 8, СПб., 1883, с. 346), что сатира направлена против писателя и государственного деятеля, в 1810—1819 гг. министра внутренних дел, редактора газеты «Северная почта» Осипа Петровича Козодавлева (1754—1819). *Титлы* — титулы. *Ласкателей собор* — собрание льстецов.

57. РЭ, с. 201. Ст. 1 встречается в списках в другом варианте: «Какой тут правды ждать».

А. Е. ИЗМАЙЛОВ

58. РЭ, с. 78. По другому списку напечатано в ПС, с. 364.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

59. «Будущность», 1861, 3(15) января, № 6, с. 48, сокращенный и неисправный текст; РПЛ; Л I; Л V; «Литературная мысль», кн 2, Пг., 1923. Печ. по изд . П А. Вяземский, Стихотворения, *БП*, Л., 1958, с. 52. В Полн. собр. соч. П. А. Вяземского (т. 3, СПб., 1880, с. 289) не вошло по цензурным причинам; под 1822 г. помещено лишь загл. и сделано примеч. «Шуточное стихотворение под этим заглавием никогда не предназначалось для печати и в оставленных покойным князем П. А. Вяземским сборниках и прочих бумагах не сохранилось». Дата 1822 г. ошибочна: см. указ. изд. *БП*, с. 410 (примеч. Л. Я Гинзбург). При допросе капитана М. И. Пыхачева 26 апреля 1826 г. выяснилось, что это стихотворение было популярно среди декабристов («Восстание декабристов», т. 9, М., 1950, с. 125—126). Сравнение двух столиц — тема, неоднократно поднимавшаяся в русской литературе и публицистике; см. статьи: «Москва и Петер-

бург» А. И. Герцена (1842), «Петербург и Москва» В. Г. Белинского (1845) и Ап. Григорьева (1847) и др. *Княжнин* А. Я. (1771—1829) — второстепенный драматург, сын знаменитого драматурга Я. Б. Княжнина. *Ильин* Н. И. (1773—1831) — второстепенный драматург. *Хвостов* Д. И. — см. примеч. 11. *Шатров* Н. М. (1767—1841) — поэт, автор ряда духовных произведений. *Совет* — Государственный совет. *Желтый дом* — старинное обывательское название больницы для умалишенных; в Москве основана в 1765 г. *Авось* — старинное русское слово (XVI в.), которое постепенно приобрело свойство идиомы, характеризующей национальные качества русского человека, — они зафиксированы в ряде соответствующих пословиц и поговорок. «Наклонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великий русский авось», — писал В. О. Ключевский в «Курсе русской истории», т. 1, М., 1937, с. 324. Слово «авось» было темой одноименного иронического стихотворения кн. И. М. Долгорукова (1798) и потом неоднократно упоминалось в таком контексте в ряде стихотворений Вяземского, Языкова, Пушкина, Некрасова и др. *А кучер спит.* Намек на Александра I.

60. «Искра», 1870, 6 декабря, № 49, с. 1539, неисправно, под загл. «Святки» (подпись: «Д. П. Горчаков»); РА, 1896, № 7 (по другому, тоже не вполне исправному списку), под загл. «Старинная сатира». Печ. по изд.: П. А. Вяземский, Стихотворения, *БП*, Л., 1958, с. 98 (текст копии А. И. Тургенева). Сохранился целый ряд современных и позднейших списков (ПД, ГПБ, ЦГАЛИ). Обоснование авторства П. А. Вяземского дано в примечаниях В. С. Нечаевой к изд.: П. А. Вяземский, Избр. стихотворения, М.—Л., 1935, с. 528—532 и Л. Я. Гинзбург к изд. *БП*, с. 427. Авторство Вяземского, по-видимому, не было секретом для современников; см. рассказ И. И. Дмитриева о разговоре на эту тему между Александром I и Карамзиным (И. И. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти, М., 1869, с. 145). Датировка уточнена М. И. Гиллельсоном в его кн.: П. А. Вяземский, Жизнь и творчество, Л., 1969, с. 263—264. В тексте «Искры» есть еще следующие строфы, отсутствующие в печатаемом тексте и дополняющие его по неизвестному источнику:

Ст. 17—24

Малютка удивленный
Заметил, что взади
Стоял муж отличенный,
Ему б быть впереди!
Спросил: «Но отчего ж труслива так личина,
А он в сияньи почестей?»
— «Я из солдатских ведь детей;
Вот вся тому причина».

Ст. 65—72

Словесник бессловесный,
Писатель без письма,
Герой, врагам безвестный,
И умник без ума.

Явился Кикин тут: он первый внук победе,
Он муж всех царств и всех времен,
Он в армии беседы член,
А генерал в Беседе.

Ст. 97—112

Вдруг сыром завоняло
И кнастером протух,
От звезд хоть заблистало,
Но всякий ропщет вслух.
«Министр я водяной, на мне лежит довольство;
Когда один, на всех ворчу,
В совете ж трушу и молчу, —
Мое такое свойство!»

Еще карикатура —
За ним вблизи стоит
Преподлая фигура
И всем тут говорит:
«Не понимаю сам, что сделалось со мною!
Сперва с бандурою в руках
Сидел в трактирах, кабаках,
Теперь — и я с звездою».

О жанре поэлей, в котором написано стихотворение, см. на с. 128. *Совет наш именитый.* В сатире осмеивается деятельность основанного в 1801 г. Александром I Государственного совета. На ту же тему в 1810 г. Крылов написал басню «Квартет». *Неккер* Ж. (1732—1804) — министр финансов Франции в 1776—1781 и 1788—1790 гг., известный своими ловкими операциями. Под «нашим Неккером» Вяземский подразумевает Д. А. Гурьева (1751—1825) — министра финансов в 1809—1823 гг., известного также пристрастием к гастрономии («гурьевская каша» сохранилась в меню до наших дней). *Сподвижник знаменитый* — Обрезков М. А. (1754—1842), директор департамента внешней торговли Министерства финансов. За хищения на посту генерал-кригскомиссара был предан суду. *Румянами покрытый.* По свидетельству современников, Обрезков румянился (РС, 1873, № 7, с. 112). *К Марии*, т е к матери Иисуса Христа. *Сибирский лилипут* — И Б Пестель (1765—1843), генерал-губернатор Сибири в 1806—1818 гг, живший по преимуществу в Петербурге, взяточник и жестокий деспот Пестель был маленького роста. *Министр* — О. П. Козодавлев, см. примеч. 56. *Северная* — газета «Северная почта», издававшаяся в Петербурге в 1809—1819 гг. *Березинский герой* — адмирал П. В. Чичагов (1767—1849); общественное мнение обвиняло его в том, что своими нерешительными действиями он дал возможность Наполеону в 1812 г. переправиться через Березину и тем самым спастись от плена. На ту же тему в 1813 г. Крыловым была написана басня «Щука и кот». *Витгенштейн* П. Х. (1768—1842) — фельдмаршал; после неудачного руководства сражением при *Люцене* в 1813 г. был смещен. *Столп государства твердый* — Ростопчин Ф. В. (1763—1826), московский главнокомандующий в 1812—1814 гг, а затем член Государственного

совета; многие обвиняли его в бестактном поведении во время Отечественной войны. *Захаров* И. С. (ум. 1816) — писатель, один из активнейших членов «Беседы любителей русского слова». *Карабанов* П. М. (1765—1829) — поэт, также член «Беседы». *Наш разживает хлев.* По евангельской легенде, Христос родился в яслях. *Шаховской* А. А. (1777—1846) — драматург и режиссер, видный член «Беседы»; Вяземский имеет в виду его поэму «Расхищенные шубы» (1811); в одной из эпиграмм Вяземский писал о нем: «Ты в «Шубах» Шаховской холодный». *Акафист* — см. примеч. 19. *Филарет* — в миру В. М. Дроздов (1783—1867), московский митрополит в 1821—1866 гг.; считался красноречивым проповедником; отсюда его сравнение с знаменитым французским оратором Ж.-Б. *Боссюэ* (1627—1704). *Князь Шахматный* — князь С. А. Ширинский-Шихматов (1783—1837), поэт, член «Беседы любителей русского слова»; автор ряда поэм и духовных стихотворений. *Шишков* А. С. (1754—1841) — основатель «Беседы любителей русского слова», противник идей Карамзина, защитник архаических норм русского языка, призывавший к широкому использованию церковнославянизмов, автор книги «Рассуждение о старом и новом слоге» (1803). *Хвостовы* — см. примеч. 11. *Пара Львовых* — Н. А. Львов (1751—1803) и П. Ю. Львов (1770—1825), писатели, члены «Беседы». *Локк* Д. (1632—1704) — английский философ и педагог, автор трактата «Мысли о воспитании». *Новый Локк* — И. М. Муравьев-Апостол (1765—1851), писатель, принимавший участие в воспитании вел. кн. Константина Павловича, впоследствии посланник в Испании, автор сочинений: «Письма о классическом образовании» (1812), «Письма из сожженной Москвы в Нижний-Новгород к другу» (1812), переводчик Горация и других латинских авторов. *Горчаков* Д. П. — см. о нем с. 127. *Похвальных ей стихов*, т. е. стихов в честь Марии; речь идет о ноэлях Горчакова (см. №№ 11, 12). *Языков* Д. И. (1773—1845) — писатель и переводчик, непременный секретарь Российской академии и член «Беседы», противник букв «ять» и «ер» (твердого знака), некоторые свои произведения он печатал без этих букв.

В тексте «Искры» требуют пояснения следующие реалии. *Кикин* П. А. (1775—1834) — статс-секретарь, писатель, член «Беседы». В «Послании к В. Л. Пушкину» (1817) Пушкин именно об этой строфе писал:

Смешон конечно мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных «святках» он достоин.

Министр я водяной. Вероятно, подразумевается маркиз И. И. Траверсе (1754—1830), в 1811—1828 гг. — морской министр. *Еще карикатура* и т. д. Судя по упоминанию украинского музыкального инструмента бандуры, может быть, речь идет об украинце по происхождению, министре юстиции в 1814—1817 гг. Д. П. Трощинском (1754—1829).

61. РА, 1866, с. 475. Печ. по изд.: «Остафьевский архив князей Вяземских», т. 1, СПб., 1899, с. 129 (письмо Вяземского к А. И. Тур-

геневу от 13 октября 1818 г.). *Свиньин* Павел Петрович (1788—1839) — путешественник, писатель и журналист. Стихотворение Вяземского вызвано подхалимской статьей Свиньина «Поездка в Грузино», т. е. в имение Аракчеева в Новгородской губернии. Этой статье предшествовал стихотворный эпиграф: «Я весь объехал белый свет, Зрел Лондон, Лиссабон, Рим, Трою...» и т. д., использованный Вяземским в его эпиграмме. Формула «Я не поэт, а дворянин» несколько позднее была использована Рылеевым — «Я не поэт, а гражданин» («Войнаровский»); а в 1850-х годах была полемически интерпретирована Некрасовым в стихотворении «Поэт и гражданин» («Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан»).

62. «Остафьевский архив князей Вяземских», т. 1, СПб., 1899, с. 358 (письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 22 ноября 1819 г.). В 1819 г. Сперанский выпустил перевод «Подражания Христу» Фомы Кемпийского; вероятно, к этому времени и относится эпиграмма. В названном выше письме от 22 ноября 1819 г. Вяземский писал: «Меня тошнит от Фомы Кемпийского, то есть от переводчика его. Я не прощаю людям, которые заставляют меня переменить о них мнение». Л. Я. Гинзбург (в примечаниях к изд.: П. А. Вяземский, Стихотворения, *БП,* Л., 1958, с. 81 и 421) датирует стихотворение временем между 1814 и 1816 г., что менее вероятно. *На степени вельмож Сперанский был мне чужд.* Возвышение М. М. Сперанского (1772—1839) относится к началу XIX в.; в 1812 г. он подвергся опале и ссылке. *Стал ненавистен мне угодник самовластья.* После 1816 г. Сперанский отчасти возвратился к власти и быстро стал эволюционировать в сторону сближения с самодержавием и религиозным мистицизмом.

63. Альм. «Северная звезда», СПб., 1829, с. 65, не полностью (ст. 94—97, 100—103, 108—111 с некоторыми вариантами; ст. 109 — «Средь отдаленнейших веков»), под загл. «Элегия» (подпись: «Ап.»); П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. 3, СПб., 1880, с пропусками отдельных строк; «Литературная мысль», кн. 2, Пг., 1923. Печ. по изд.: П. А. Вяземский, Стихотворения, *БП*, Л., 1958, с. 136. Текст длинного (в 182 ст.) стихотворения в подпольном бытовании оказался сокращенным. Ст. 15—18, 49—56, 61—64, 74—85, 94—98, 100—111 (с некоторыми вариантами и ст. 105 — «Я современник лучших лет») в качестве отдельного стихотворения под загл. «Ода» вошли в альбом «Всякая всячина» (т. 8, с. 126—129, ГИМ), с пометой владельца А. П Нордштейна: «Будто бы А. Пушкина». В. Г. Белинский и П. В. Анненков автором стихотворения также считали Пушкина. Анненков даже ввел оду в собр. соч. Пушкина (см.: Н. И. Мордовченко, В. Г. Белинский в работе над текстами Пушкина. — «Литературный архив», вып. 1, Л., 1938, с. 299). В кн. Г. П. Шторма «Потаенный Радищев» (изд. 2, М., 1968, с. 441—442) ст. 100—103 приведены в качестве неопубликованных, с ошибочным указанием, будто бы в тексте ГИМ загл. «Свобода». «Образ мыслей Вяземского, — читаем в одном из доносов, помеченном 19 августа 1827 г., — может быть достойно оценен по одной его стихотворной пьесе «Негодование», служившей катехизисом заговорщиков»

(цит. по кн.: М. И. Гиллельсон, П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, Л., 1969, с. 171). Сам Вяземский считал «Негодование» одним из лучших своих произведений и усердно распространял списки с него (письма к А. И. Тургеневу от 13 ноября 1820 г. и от 24 мая 1821 г. — «Остафьевский архив», т. 2, СПб., 1899, с. 102 и 190). Произведение считалось настолько крамольным, что чиновники отказывались его переписывать. Об одном из них А. И. Тургенев писал Вяземскому 19 января 1821 г.: «Дрожь берет при одном чтении, — сказал этот чиновник, — не угодно ли вам поручить писать другому» (там же, с. 140, 142). Позднее, в конце 1828 — начале 1829 г., Вяземский, составляя оправдательную записку, писал: «Возмутительных сочинений у меня на совести нет. В двух так называемых либеральных сочинениях моих «Петербург» и «Негодование» отзывается везде желание законной свободы монархической и нигде нет оскорбления державной власти» (П. А. Вяземский, Записные книжки. 1813—1848, М., 1963, с. 158); едва ли это заявление соответствовало истине. *Зрел промышляющих спасительным глаголом.* Намек на всевозможные мистические, масонские и религиозные организации, широко распространенные и очень влиятельные в начале XIX в. *Я вижу подданных царя, Но где ж отечества граждане?* Ю. М. Лотман указал, что эти строки представляют собою пересказ слов Д. И. Фонвизина из «Рассуждения о непременных государственных законах»: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан. . .» и т. д. («П. А. Вяземский и движение декабристов». — «Ученые записки Тартуского гос. университета», вып. 98, 1960, с. 99; ср. указ. выше кн. М. И. Гиллельсона, с. 269—271).

64. «Русский бог», Лондон, 1854, в виде листовки, сокращенная редакция из пяти строф; ПЗ II; РПЛ; СРП; Л I, Л V; РБ I. Печ. по изд.: П. А. Вяземский, Стихотворения, *БП*, Л., 1958, с. 215 (по автографу ПД). В ПЗ II Герцен напечатал стихотворение по неполному списку. В ПЗ II приведено в письме С. Д. Полторацкого «Г. Издателю „Полярной звезды“» (об авторе этого анонимно напечатанного письма см.: Б. Ф. Егоров, С. Д. Полторацкий — сотрудник «Полярной звезды» А. И. Герцена. — РЛ, 1963, № 3, с. 150). Герцену предлагалось перепечатать в ПЗ листовку, чтобы она не затерялась (с. 251). Там же — сообщение Герцена, что желание автора выполнено (с. 256). Датировка определяется письмом Вяземского к А. И. Тургеневу от 18 апреля 1828 г., в котором сообщается, что стихотворение он написал «дорогою из Пензы, измученный и сердитый» («Архив бр. Тургеневых», вып. 6, Пг., 1921, с. 65). *Душ, представленных в залог,* т. е. крепостных, заложенных в Опекунском совете. *Бригадирш обоих полов.* Бригадир — старинный военный чин, промежуточный между полковником и генералом (отменен Павлом I); в комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» (1766) была осмеяна провинциальная бригадирша. *Бог всех с анненской на шеях.* Имеется в виду орден св. Анны 2-й степени, носившийся на ленте. *Бог бродяжных иноземцев* и т. д. В рядах столичной бюрократии большое место занимали иностранцы, в особенности немцы.

65. Ф. Ф. Вигель, Записки, т. 6, М., 1892, с. 17. Вигель цитирует по памяти, не ручаясь за точность, отрывок песни. Полный текст остается необнаруженным. Датируется предположительно. Песня была популярна в декабристской среде накануне восстания. «Эту песню, — по сообщению В. И. Семевского, — распевали впоследствии в Чите, причем офицеры и солдаты слушали ее и маршировали под такт ее» (В. И. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, СПб., 1909, с. 151—152). Отрывок представляет собою перевод французской революционной песни, «гражданского гимна», как его называли, «Veillons au salut de l'Empire...», написанного в 1791 г. главным хирургом рейнской армии Андриеном-Симоном Буа (ум. 1795, дата во всех русских источниках неверна). Песня пелась на мотив романса «Vous, qui d'amoureuse aventure...» из комической оперы «Рено д'Аст» композитора Никола Далейрака (1753—1809). Полный французский текст «Песни свободы» («Chant de Liberté») неоднократно перепечатывался во французских песенниках и различных сборниках, почти всегда анонимно (см., например: «Chansons nationales et populaires de France». Precedées d'une histoire de la chanson française et accompagnées de notices historiques et littéraires par Du Mersan. Paris, 1845, p. 495—496). Мелодию песни (нотный текст) см. в кн.: А. Радиг, Французские музыканты эпохи Великой французской революции, М., 1934, с. 93. Полный русский перевод «Песни свободы» А. Рубинштейна — в его статье «Песни Французской революции» («Литературный критик», 1939, № 8-9, с. 115). Дошедший до наших дней отрывок соответствует первым восьми строкам начальной части песни (всего в ней 32 ст.; ст. 4—8, 13—16, 21—24, 29—32 представляют собою припевы: первые два отличны от третьего — четвертого). Песня Катенина упоминается в романе А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869), и это подтверждает ее широкую распространенность.

66. «Сын отечества», 1818, № 12, с. 229, под загл. «Отрывок из Корнелева „Цинны"». Загл. дается по автографу ГПБ. В 1827 г. Катенин проредактировал перевод, смягчив места, могущие вызвать ассоциации с Россией после декабрьского восстания. Поэтому Г. В. Ермакова-Битнер справедливо считает необходимым публиковать этот текст в первой печатной редакции, а не по исправленной второй редакции (см.: П. А. Катенин, Избр. произведения, *БП*, М.—Л., 1965, с. 713). Перевод отрывка из монолога Цинны трагедии французского драматурга П. Корнеля (1606—1684) «Cinna» (д. I, явл. 3). «По трагедии Корнеля, глава заговорщиков Цинна влюблен в Эмилию, чей отец был погублен императором Августом. Эмилия вдохновляет его на выступление против тирана» (там же, с. 713). Мотив оправдания тираноубийцы и сделал этот легально напечатанный отрывок вольнолюбивым произведением, что обусловило и распространение его в списках в более поздние годы, когда перепечатка оказывалась невозможной. Современники ясно чувствовали тираноборческий характер «Рассказа Цинны» и отождествляли Августа с Александром I, а Цинну и его друзей-заговорщиков с членами Союза спасения, подготовлявшими план убийства Александра I во

время богослужения. В 1827 и 1832 гг. монолог был дважды запрещен цензурой для отдельного издания сочинений Катенина. На потаенный смысл переведенного указывал сам Катенин (см. его письмо к Н. И. Бахтину от 8 октября 1829 г. — «Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину», СПб., 1911, с. 155; см. также: В. Н. Орлов, Павел Катенин — в его кн.: «Пути и судьбы», М.—Л., 1963, с. 16—17). *Август* — имя римского императора Октавиана (63 до н. э. — 14 н. э.), буквально означающее: «возвеличенный богами». *Хитрый муж.* Современники могли интерпретировать эти слова как намек на Александра I. *Антоний* Марк (83—31 до н. э.) — римский полководец; Октавиан Август разбил Антония в 31 г. до н. э., и последний кончил самоубийством. *Мир — гибель вольности, народов и сената.* Так называемый «Августов мир» примирил различные группы рабовладельцев и тем самым укрепил диктатуру Августа. *Стогны* — площади. *Сын, кровью каплющий убитого отца.* Современники могли усматривать в этих словах намек на Александра I, причастного к убийству Павла I. *Сгубил двоих* — римского полководца и политического деятеля Помпея (75—35 до н. э.), убитого в Малой Азии, и триумвира Лепида Марка Эмилия (ум. 13 г. до н. э.), лишенного в 36 г. до н. э. власти. *Он в Капитолии чтит жертвами богов* и т. д. Возможно, эти стихи соотносились Катениным с замыслом декабристов убить Александра I во время богослужения в Успенском соборе в Кремле. Капитолий — цитадель в Древнем Риме.

67. «Литературный современник», 1938, № 9, с. 166. Стихотворение было предназначено для альм. «Северные цветы», но, как и предполагал Катенин, было задержано; многие строки современники легко могли интерпретировать в связи с Июльской революцией 1830 г. во Франции и польским восстанием 1830 г. *Паллада* (греч. миф.) — Афина. *Киркия* — Цирцея (греч. миф.) — см. примеч. 6 и 13. *Одиссей* — герой поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея», царь острова Итака. *Как на юге ярко блещет* и т. д. Война греков за независимость от Турции закончилась в 1830 г. их победой. *Север* — Россия. *Долгих царствие ночей.* Намек на реакцию в России 1820-х годов, усилившуюся после подавления восстания декабристов. *Пандора* (греч. миф.) — женщина, сотворенная по воле Зевса в наказание людям за проступок Прометея, похитившего для их блага священный огонь. Из любопытства Пандора открыла сосуд, заключавший все болезни и пороки, которые после этого распространились между людьми. *Феникс* — волшебная птица, которая, по египетскому мифу, достигнув старости, сама себя сжигала и возрождалась из пепла молодой и сильной. *Дщерь Хронида* — Афина-Паллада, здесь она фигурирует как богиня-воительница. *Эгида кровью залила луну.* Эгида (греч. миф.) — щит Зевса, в переносном смысле — защита, покровительство; здесь: аллегория победы Греции над магометанской Турцией, эмблемой которой было изображение лунного серпа. *Свой приговор Грозно десять лет таила Неиспытная судьба.* Осенью 1822 г. Катенин был уволен в отставку и выслан из Петербурга с запрещением въезда в обе столицы; повод был совершенно ничтожный, истинная причина высылки — «неблагонамеренность» Катенина. *Из-под пéстуновых глаз,* т. е. из-под тайного надзора. *Филэллины* — иностранцы, поддерживавшие греков в их борьбе с турецким игом. *Альбиона и Секваны вдох-*

новенные певцы — Байрон и Гюго; Альбион — древнее название Англии, Секвана — латинское название реки Сены. *Класы* — колосья. *Сирены* (греч. миф.) — хищные полуптицы-полуженщины, коварно обольщавшие людей своим пением. *Богиня Вашингтоновой земли* — свобода. *Превратилась в ратный стан* и т. д. Намек на уличные бои в Париже в июле 1830 г., закончившиеся победой народа и низвержением династии Бурбонов. *Треплют ветошь* — изготовляют корпию, старинное средство для перевязки ран. *Мáлит* — уменьшает. *Нуждой бедности тесним.* Автобиографическая подробность: Катенин был постоянно в долгах. *Арион* — см. примеч. 95. *Снежились* — успокоились.

В. Ф. РАЕВСКИЙ

68. В. Г. Базанов, В. Ф. Раевский. Новые материалы, Л.—М., 1949, с. 144, ст. 1—19 и 133—137. Печ. по изд.: В. Ф. Раевский, Соч., Ульяновск, 1961, с. 60 (ст. 23, неудобный для печати, пропущен, ст. 60 и 76 дефектны). Адресатом стихотворения, возможно, является близкий друг Раевского Петр Григорьевич Приклонский, адъютант командира корпуса А. И. Горчакова. *В красном старом колпаке.* Красный колпак — головной убор древних фригийцев, ставший эмблемой свободы у французских революционеров. *Сатрап* — правитель в ряде восточных стран, в переносном смысле — приближенный царя, деспот. *Триктрак* — старинная игра в шашки и кости. *Фидий* (ум. ок. 432 до н. э.) — древнегреческий скульптор. *Грессет* — Грессе Ж.-Б. (1709—1777), французский поэт, автор антиклерикальной поэмы «Vert-Vert» («Вер-Вер», 1734), зло осмеивавшей монастырские нравы; Раевский очень ценил Грессе. *Вобан* С. (1633—1707) — французский военный инженер. *Кассини* Д. (1625—1712) — итальянский астроном, живший во Франции. *Фридрих* II (1712—1786) — прусский король с 1740 г., автор многих сочинений по военному делу. *Жомини* А. (1779—1869) — теоретик военного дела, швейцарец, состоявший на русской службе. *Грекур* Ж. Б. (1684—1743) — французский поэт, автор ряда фривольных произведений. *Пале-рояль* — королевский дворец в Париже. *Приап* (греч. миф.) — бог плодородия и чувственных наслаждений. 5-е примеч. автора, вероятно, следует дополнить: «под Каменец-Подольском». *Гомор-Содом* — по библейской легенде, города Содом и Гоморра, население которых предавалось необузданному разврату; здесь в нарицательном смысле. *Тимрот* А. И. — полковник Семеновского полка. *Позитура* — поза, осанка. *Ландкарт* (ландкарта) — географическая карта. *Отрасль Мида* — по имени Мидаса (греч. миф.) — царя, которого Аполлон в наказание за невежество наградил ослиными ушами (ср. ст. 112: «Князь с ослиными ушами»). *Цевница* — старинный музыкальный инструмент типа флейты, эмблема поэзии. *Отрасль Сéлены* — рога быков, запряженных в колесницу богини Луны — Селены (греч. миф.). *Баул* — дорожный сундучок. *Креатура* — ставленник влиятельного лица, являющийся его послушным орудием.

69. В. Г. Базанов, В. Ф. Раевский. Новые материалы, Л.—М., 1949, с. 149 и П. Бейсов, Новое о В. Ф. Раевском («Ученые записки Ульяновского педагогического института. Пушкинский юбилейный

сборник», вып. 5, 1949, с. 264); В. Раевский, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1952, с. 80 (уточненный текст). Печ. по изд.: В. Ф. Раевский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, М.—Л., 1967, с. 124. Несмотря на отвлеченную символику, общие моралистические настроения и веру в идеального монарха, стихотворение включается в русло декабристских настроений и отражает борьбу за передовые идеалы общественного устройства страны. Анализ политической направленности стихотворения и обоснование его датировки см. в статье Ю. Г. Оксмана «Ранние стихотворения В. Ф. Раевского» (ЛН, № 60, кн. 2, 1956, с. 519—521). Иная трактовка этих вопросов предложена В. Г. Базановым (указ. изд. *БП*, с. 233—234). *Сатурн* — см. примеч. 10. *Вельможа, друг царя надежный.* Возможно, подразумевается Аракчеев. *Тиран, как гордый дуб, упал* — Наполеон I.

70. В. И. Семевский, Политические и общественные идеи декабристов, СПб., 1909, с. 109, ст. 8—18; В. Г. Базанов, В. Ф. Раевский. Новые материалы, Л.—М., 1949; П. С. Бейсов, Новое о В. Ф. Раевском («Ученые записки Ульяновского педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник», 1949). Печ. по изд.: В. Раевский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, М.—Л., 1967, с. 136, где дан уточненный текст. Подзаг. стихотворения отсылает к сатире Вольтера 1772 г. «Jean, qui pleure et qui rit» («Жан, который плачет и смеется»). Воспользовавшись лишь общей идеей Вольтера, Раевский создал совершенно оригинальное произведение с постоянными аллюзиями на русскую действительность. В частности, восточные мотивы стихотворения — только маскировка изображения русского самодержавия. *Визирь* — титул высших чиновников в странах Востока. *Спагис* (спаги) — солдат турецкой конницы. *Дают — луну, бунчук* — знаки власти, даваемые наместнику султана. *Армидины сады* — волшебные сады Армиды, в которые был завлечен Ринальдо, герой поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим». *Сократ* (ок. 469—399 до н. э.) — древнегреческий философ; несправедливо обвиненный в развращении юношества, был приговорен к смерти — выпить кубок с ядом. Публий *Овидий* Назон (43 до н. э. — 17 н. э.) — римский поэт; за «нравственно вредную» поэму «Наука любви» был сослан императором Августом. *Сенека* Люций Анней (6—3 до н. э. — 65 н. э.) — римский философ; преследуемый императором Нероном, принужден был кончить жизнь самоубийством. *Лукреций* Кар (ок. 99—95 — 55 до н. э.) — римский поэт и философ, кончил жизнь самоубийством. *Тассо* Т. (1544—1595) — итальянский поэт, в результате интриг придворной знати провел в заключении семь лет. *Колумб* Х. (1451—1506) после своего знаменитого путешествия был закован в цепи и в таком виде доставлен в Испанию. *Камоэнс* Л. (1524—1580) — португальский поэт; после тяжелой военной службы и тюрьмы умер в нищете. *Галилей* Г. (1564—1642) подвергался гонениям церкви за свое учение о движении земли. *Херил* (IV в. до н. э.) — бездарный греческий поэт, имя которого стало нарицательным. *Как конь Калигулы* — см. примеч. 6. *Как в Мексике, в Перу́, в Бразилии, Канаде За веру предают людей огню, мечу.* Речь идет о насильственном истреблении коренного населения этих стран испанскими конкистадорами. *Астрея* (греч. миф.) — см.

примеч. 10. *Хвостова сочиненья* — многочисленные произведения бездарного графомана графа Д. И. Хвостова (1757—1835); по слухам, он сам скупал свои произведения, так как они не находили покупателей. *Глазунов* М. П. (1757—1830) — книгоиздатель и книготорговец. *Скотинин* — персонаж комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», тип невежественного самодура.

71. РПЛ, с. 259; К. Ф. Рылеев, Полн. собр. соч., Лейпциг, 1861 (в обоих ошибочно приписано Рылееву); Л II (автором назван А. И. Полежаев); PC, 1890, № 5 (впервые с именем Раевского), с рядом цензурных купюр; ГМ, 1917, № 8 (по списку ГПБ); «Литературный критик», 1939, № 2 (по автографу ЦГАОР); альм. «Литературный Ульяновск», № 1, 1947 (ранняя редакция по автографу ЛБ); «Волжская новь», кн. 10, 1940 (по списку Ульяновского краеведческого музея). Печ. по изд.: В. Ф. Раевский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, М.—Л., 1967, с. 151, где дана подробная архивно-библиографическая справка (с. 240—241). Датируется по изданию *БП*. Послание обращено к трем членам «Союза Благоденствия»: генералу М. Ф. Орлову (недавнему участнику «Арзамаса»), подполковнику И. П. Липранди (впоследствии политическому провокатору), ротмистру К. А. Охотникову и А. С. Пушкину; ст. 46, 124—125 обращены непосредственно к Пушкину. *Геба* (греч. миф.) — богиня юности. *Ганимед* (греч. миф.) — виночерпий олимпийских богов, прекрасный юноша. *Он двух свидетелей искал.* Речь идет о реальных деталях судебного следствия, о поисках материала для обвинения. *Тирас* — Днестр; на этой реке находилась Тираспольская крепость, в которой был заключен Раевский. *Бурет* — бурят. *Суд Эреба* (греч. миф.) — суд над душами мертвых в мрачных подземельях Аида. *Берег страшный Флегетона* (греч. миф) — подземное царство, ад на берегу огненной реки. *Альбион* — старинное название Англии. *Юный Амфион* — Пушкин; по имени музыканта, который своей музыкой заставлял двигаться камни (греч. миф). *Скажите от меня О⟨рлов⟩у* и т. д. Раевский здесь говорит, что он не предал М. Ф. Орлова, несмотря на то, что его к этому склоняли. *Горит денница на востоке.* Имеется в виду греческое восстание 1821 г. против турецкого ига и последовавшие затем волнения. *Волкальный звон* — вероятно, от слова «вулкан».

72. PC, 1887, № 10, с. 133, с цензурным пропуском последних восьми строк. Печ. по «Литературной газете», 1935, 24 и 29 сентября (по альбому 1820—1830-х годов ЛБ; идентичный текст — в списке ПД). *Книга Клии* — книга истории, по имени музы истории Клио (греч. миф.). *Борецкая* — так называемая Марфа Посадница, жена новгородского посадника И. А. Борецкого; после смерти мужа возглавила в 1471 г. боярскую группу, боровшуюся против присоединения Новгорода к Московскому великому княжеству; в 1478 г. была пострижена в монахини. *Вадим* — легендарный герой Древнего Новгорода (IX в.), по преданию возглавивший восстание против Рюрика и павший в неравной борьбе с врагом.

73. ПЗ II, с. 3; РБ I; РПЛ; Л I; Л V. Впервые полностью в легальной печати: Пушкин, Полн. собр. соч., т. 2, СПб., 1905, с. 71. Ода распространялась в списках без загл. и под тринадцатью различными заглавиями. Она послужила поводом для высылки Пушкина в мае 1820 г. на юг. В течение ряда лет ода была одним из самых распространенных произведений вольной поэзии, в особенности среди молодежи и в армии. Сведения об этом см. в сб. «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», М.—Л., 1951, с. 229; КА, № 1 (80), 1937, с. 240—247. Название оды повторяет загл. знаменитой оды Радищева (см. № 8). Стихотворение отражает взгляды, сложившиеся у Пушкина еще в Лицее под влиянием теории естественного права, излагавшейся А. П. Куницыным, и дружеских бесед с будущим декабристом Н. И. Тургеневым. *Цитеры слабая царица* — Афродита, центром ее культа в Древней Греции был остров Цитера (Кифера). *Того возвышенного галла.* Эта строка комментируется исследователями различно. Речь может идти о французском революционном поэте Э. Лебрене (1729—1807), или авторе «Марсельезы» Руже де Лиле (1760—1836), или (менее вероятно) о поэте Андре Шенье (1762—1794). *Восходит к смерти Людовик.* Речь здесь идет о казни французского короля Людовика XVI (1774—1793). *И се — злодейская порфира* и т. д. Речь идет о диктатуре Наполеона I, провозгласившего себя императором в 1804 г.; порфира — царская мантия. *Забвенью брошенный дворец* — Михайловский замок, где в 1801 г. убит Павел I. *Клия* (греч. миф.) — муза истории. *Калигула* — см. примеч. 6; под именем Калигулы Пушкин подразумевает Павла I, убитого заговорщиками. *Янычары* — турецкое привилегированное войско, отличавшееся отсутствием дисциплины и разбоями.

74. «Северная звезда», СПб., 1829, с. 50, с цензурными искажениями и пропусками; полностью — ПЗ II; РБ I; РПЛ; Л V. Первое восстановление цензурных купюр в легальной печати: «Библиографические записи», 1861, № 19, с. 591, другие — в ряде последующих публикаций до 1901 г. (подробнее см.: Пушкин, т. 2, с. 1042). Стихотворение очень широко распространялось в списках без загл. и под восемью различными заглавиями; особенной популярностью пользовалось в декабристских кругах. Датировка не вполне ясна. Ю. Г. Оксман относит его к 1820 г. Знакомство Пушкина с Петром Яковлевичем *Чаадаевым* (1784—1856) состоялось в 1816 г.; дружба с ним стала для поэта важным событием в его жизни. Пушкин посвятил Чаадаеву несколько стихотворений и несколько раз упоминает о нем в других. Чаадаев был близок к декабристским кругам; он видел, однако, путь прогресса России не в политическом перевороте, а в духовном обновлении общественного сознания страны. В его идеалистическом мировоззрении противоречиво сочетались передовые идеи с идеями мистицизма и католицизма.

75. ПЗ V, с. 20; РБ I; РПЛ; Л I, Л. V. О легальных публикациях (с 1858 по 1907 г), последовательно восполнявших цензурные изъятия, см.: Пушкин, т. 2, с. 1040. Стихотворение было широко распространено в списках без загл. и под семью различными заглавиями. Еще один современный список см.: А. Жовтис, Стихи нуж-

ны... Статьи, Алма-Ата, 1968, с. 174. Дата установлена Ю. Г. Оксманом (ЛН, № 59, 1954, с. 69). Стихотворение написано под воздействием идей «Союза Благоденствия» и является одним из первых выступлений Пушкина — политического лирика. Есть сведения о том, что эти стихи распевал в Сибири М. И. Муравьев-Апостол (М. С. Знаменский, Воспоминания. — «Сибирские огни», 1946, № 2, с. 104). Еще до того оно стало исключительно популярным, распевалось «чуть не на улице», распространялось в многочисленных копиях («Неизданные места из записок И. И. Пущина». — ПЗ VI, с. 109). По-видимому, дошедший до нас текст — сокращенный вариант, в котором фигурировала вся династия Романовых. Но этот «ноэль для нас безвозвратно утрачен» (Б. В. Томашевский, Пушкин, кн. 1, М.—Л., 1956, с. 175). Возможно, что существовали и другие неизвестные нам ноэли Пушкина. В набросках X главы «Евгения Онегина» поэт сам упоминал о них во множественном числе: «Читал свои ноэли Пушкин...» См. также соображения, высказанные Н. Калашниковой и Э. Найдичем («Новые материалы о вольнолюбивой лирике Пушкина». — «Вопросы литературы», 1963, № 4, с. 143) и В. Г. Базановым (в его кн. «Ученая Республика», М.—Л., 1964, с. 136). О жанре ноэлей см. с. 128. Кроме этого, Пушкину принадлежит также «Ноэль на лейб-гусарский полк» (1816). *Кочующий деспóт* — Александр I; кочующим его называли за беспрерывные поездки по России и за границей. *Царь входит и вещает.* Имеется в виду речь Александра I на открытии польского сейма 15 марта 1818 г., в которой царь обещал распространить конституционные формы правления на всю Россию; это обещание осталось неисполненным. *И прусский и австрийский я сшил себе мундир.* Подразумевается поездка Александра I на Аахенский конгресс в сентябре 1818 г. с участием прусского короля и австрийского императора. Аахенский конгресс принял решение о поддержании существующего порядка и о борьбе с «увлечениями». *Лавров* И. П. — директор исполнительного департамента Министерства полиции. *Соц* В. И. (1787—1841) — цензор. *Горголи* И. С. (1770—1862) — петербургский обер-полицмейстер.

76. РПЛ, с. 78, под загл. «Аракчееву». Впервые в легальной печати: РА, 1881, № 4, ст. 1—4 и Пушкин, Соч., ред. П. А. Ефремова, изд. 3., т. 1, СПб., 1880, ст. 5—8. Эпиграмма широко распространялась в списках (в некоторых автором значится Рылеев). Направлена против А. А. Аракчеева (см. о нем на с. 741). *Преданный без лести* — девиз графского герба Аракчеева: «Без лести предан». Современники неоднократно использовали его в каламбуре: «Бес лести предан». Последняя строка имеет в виду связь Аракчеева с его домоправительницей Н. Ф. Минкиной (убита крепостными за жестокое обращение 10 сентября 1825 г.).

77. РПЛ, с. 78. Впервые в легальной печати: Пушкин, Собр. соч., т. 1, СПб., 1880, с. 316. Ряд списков имеет еще пятую, непристойную строку: «А впрочем ... .». Эпиграмма направлена против реакционного публициста Александра Скарлатовича *Стурдзы* (1791—1854), идеолога Священного союза, автора специальной «Записки о настоящем положении Германии» (1818). *Венчанный*

солдат — Александр I. *Герострат* — грек, желавший во что бы то ни стало прославиться и сжегший для этого храм Дианы в Эфесе (ок. 356 г. до н. э.). *Коцебу* А. — см. примеч. 16 и 82.

78. А. С. Пушкин, Стихотворения, СПб, 1826, с. 160. Адресат стихотворения — член общества «Зеленая лампа» (являвшегося, по-видимому, одним из ответвлений декабристского «Союза Благоденствия») Василий Васильевич Энгельгардт (1785—1837). Стихотворение написано после тяжелой болезни, перенесенной Пушкиным. *Эскулап* (греч. миф.) — бог врачевания; его имя стало нарицательным обозначением врача. *Приап* — см. примеч. 68. *Пинд* — горный кряж в Греции, где находятся горы Парнас и Геликон; в греч. миф. страна поэзии и поэтического вдохновения.

79. «Северная звезда», СПб., 1829, с. 285, без ст. 5—11 и 16—24; ПЗ II, полностью; РБ I; РПЛ. Первое восполнение цензурных купюр: «Библиографические записки», 1858, № 11, стлб. 338. Полностью в легальной печати: Пушкин, Собр. соч., т. 1, СПб., 1882, с. 203. Обращено к Алексею Федоровичу *Орлову* (1786—1861), в то время командиру лейб-гвардии конного полка: в 1825 г. Орлов со своим полком участвовал в подавлении восстания декабристов; с 1844 г. шеф жандармов и главный начальник III Отделения. *Соломон* — царь израильтян (ок. 960—935 до н. э.); согласно преданию, автор ряда произведений, вошедших в Ветхий завет; Пушкин имеет в виду его изречение: «Суета сует и всяческая суета» (Книга Екклезиаста, I, 2). *Киселев* П. Д. (1788—1872) — генерал, начальник штаба 2-й армии; впоследствии видный либеральный деятель, министр государственных имуществ; он старался ограничить крепостное право, особенно улучшить положение казенных крестьян. *Долиман* (доломан) — турецкая длиннополая одежда с пуговицами на груди и узкими рукавами; надевалась поверх рубашки и опоясывалась шелковым шнуром. *Цевница* — см. примеч. 68. *Над озером, в спокойной хате*. Подразумевается озеро Кучане возле с. Михайловского. *Беллона* (римск. миф.) — богиня войны.

80. ПЗ II, с. 6; РБ I; РПЛ. Впервые полностью в легальной печати: Пушкин. Полн. собр. соч., т. 1, СПб., 1870, с. 203. В списках ст. 59 иногда встречается в другом виде: «И рабство падшее и падшего царя». Вариант этот, Пушкину не принадлежавший, — пример переосмысления текста радикально настроенным читателем Стихотворение было широко распространено в столице, один из экземпляров Пушкин через П. Я. Чаадаева передал Александру I. *Двух озер лазурные равнины* — вероятно, озера у села Михайловского и соседнего с ним Петровского.

81. РПЛ, с. 77. Впервые в легальной печати: «Вестник Европы», 1871, № 7, с. 187. *Чаадаев* — см. примеч 74. *Брут* — см. примеч. 8, с. 764. *Периклес* — Перикл (ок. 490—429 до н. э.), вождь афинской рабовладельческой демократии, инициатор ряда государственных реформ; время Перикла считается периодом расцвета Афинской республики.

82. ПЗ II, с. 8; РБ I; РПЛ; Л V. Впервые в легальной печати: РА, 1876, № 10, с. 211. Стихотворение получило очень широкое распространение в списках; особенно злободневной была тема убийства как средства политической борьбы. *Лемносский бог* (греч. миф.) — Гефест, бог кузнечного ремесла. *Немезида* (греч. миф.) — богиня мщения. *Кесарь* — Кай Юлий Цезарь. *Рубикон* — река, некогда служившая границей Италии и Галлии, которую форсировал Цезарь; здесь: бесповоротный шаг. *Брут* — см. примеч. 8, с. 764. *Ты Кесаря сразил* и т. д. Кай Юлий Цезарь был убит у подножия статуи Помпея. *Апостол гибели* и т. д. — имеется в виду один из вождей французской буржуазной революции Ж.-П. Марат (1743—1793), убитый Шарлоттой Корде. *Дева Эвменида* (греч. миф.) — одна из трех богинь возмездия, мстительница за всех обиженных и оскорбленных. *Аид* (греч. миф.) — владыка подземного царства мертвых. *Занд* К. (1795—1820) — студент, убивший немецкого писателя А. Коцебу (1761—1819), шпиона русского правительства; имя Занда стало синонимом борца за свободу и справедливость.

83. «Вестник Европы», 1874, № 1, с. 29, ст. 1—16, 27—31. Восполнение цензурных купюр: РС, 1884, № 4, с. 92. Послание связано с пребыванием Пушкина в середине ноября 1820 г. в имении активнейшего деятеля Южного общества Василия Львовича *Давыдова*, см. о нем на с. 696. *Генерал Орлов* М. Ф. (1788—1842) — участник войны 1812—1814 гг., член «Союза Благоденствия». *Обритый рекрут Гименея.* Подразумевается женитьба Орлова на Е. Н. Раевской. *Под меру подойти готов*, т. е. под мерку, которой измеряли рост рекрутов. *Аи* — марка французского шампанского. *Раевские* — близкая Пушкину семья генерала Н. Н. Раевского. *Безрукий князь* — А. Ипсиланти (1792—1828), по национальности грек, флигель-адъютант; потерял руку в сражении в 1813 г. С 1820 г. стал во главе отряда, боровшегося за освобождение Греции от турецкого ига. *Каменка* — имение декабриста В. Л. Давыдова в Чигиринском уезде Киевской губернии, где в 1820 г. происходило совещание деятелей Южного общества. *Митрополит, седой обжора* — Гавриил Банулеско-Бодони (1746—1821); о его похоронах запись в дневнике Пушкина 3 апреля 1821 г. (Пушкин, т. 12, с. 303) *С сыном птички и Марии.* По библейской легенде, Христос родился у девы Марии от «святого духа», принявшего вид голубя. *Инзов* И Н. (1768—1845) — генерал, исполнявший обязанности наместника Бессарабской области, гд в это время жил Пушкин· Инзов относился к Пушкину с большим участием. *Часослов* — церковно-служебная книга содержавшая псалмы, молитвы и пр. *Кровь Христова* — здесь: церковное вино, употреблявшееся в обряде причащения. *Лафит, кло д'вужо* — марки вин. *Эвхаристия* — таинство причащения у христиан. *Те* — итальянские революционеры (карбонарии), возглавившие революцию 1820 г. *Та* — политическая свобода.

84. РПЛ, с. 40, с рядом неточностей. Впервые в легальной печати. Пушкин, Соч., т 2, СПб., 1908, с. 143, с неточностями. В 1826 г. копии поэмы стали широко обращаться. В 1828 г. началось дознание, и, как есть основания предполагать, Пушкин, после недолгого запирательства, в письме к Николаю I от 7 октября сознался в автор-

стве; по приказанию царя дело было прекращено. В основе этой «кощунственной» поэмы лежат библейские легенды о «грехопадении» Адама и Евы и о «благовещении» девы Марии, узнавшей от архангела Гавриила о своем «непорочном» зачатии, — так изображалось рождение Иисуса Христа. «Гавриилиада», в частности, написана с оглядкой на антирелигиозные поэмы французского поэта Э.-Д. Парни (1753—1814) «Война богов», «Потерянный рай» и др. и поэму Вольтера «Орлеанская девственница». *Уровень* — плотничий инструмент. *Но говорит армянское преданье.* Что имеет в виду Пушкин, до сих пор не установлено. *В Меркурии архангела избрал.* Меркурий — здесь: вестник. *Не правда ли? Вы помните то поле.* Обращено к товарищам по Лицею. *Всех удалил, как древний бог Гомера* и т. д. По-видимому, Пушкин соединил по памяти два места из «Илиады» — песнь I, ст. 528 и след., и песнь VIII, ст. 440 и след. (указано И. М. Тронским). *Друг демона, повеса и предатель.* По предположению А. А. Ахматовой, намек на А. Н. Раевского, с которым у Пушкина были сложные отношения дружбы и вражды (А. Ахматова, Болдинская осень. VIII глава «Онегина». — «Вопросы литературы», 1970, № 1, с. 169—175). *Елена.* Кого имеет в виду Пушкин, не установлено.

85. «Вестник Европы», 1874, № 1, с. 40, не полностью; «Пушкин и его современники», вып. 4, СПб., 1906. Адресат стихотворения — генерал Павел Сергеевич *Пущин* (1785—1865), участник Отечественной войны 1812 г., член «Союза Благоденствия», основатель кишиневской масонской ложи «Овидий», членом которой Пушкин состоял с 4 мая до закрытия ложи 9 декабря 1821 г. *Квирога* А. (точнее: Кирога, 1784—1841) — испанский генерал, участник революционных движений 1815 и 1819—1820 гг. *Молоток* был принадлежностью ритуальных собраний масонов (см. примеч. 118), называвших себя «вольными каменщиками».

86. А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 1, СПб., 1887, с. 264. Оставшееся неоконченным послание обращено к Владимиру Федосеевичу *Раевскому*, который в это время был уже арестован и находился в Тираспольской тюрьме; оттуда он прислал стихотворение «К друзьям», обращенное по преимуществу к Пушкину (см. № 71). В первоначальном наброске ответ Пушкина начинался: «Не даром ты ко мне воззвал Из глубины глухой темницы. . .»

87. ПЗ IV, с. 265. Впервые в легальной печати, с рядом цензурных купюр: Пушкин, Соч., т 7, СПб., 1857, с. 30. Отрывки, выпущенные в этом изд., — РПЛ, с. 100. Ненапечатанное при жизни поэта стихотворение распространялось в списках. Послание направлено против цензора Александра Степановича Бирукова (1772—1844); его деятельность Пушкин характеризовал как «самовольную расправу трусливого дурака» (Пушкин, т. 13, с. 57) *Хвостов* Д. И. — см. примеч. 11. *Бунина* А. П. (1774—1828) — поэтесса круга «Беседы любителей русского слова», ее тяжелые и архаичные стихи вызывали насмешки у современников. *Бюффон* Л. (1707—1778) — французский естествоиспытатель, автор «Естественной истории», сыгравшей значительную роль в развитии естествознания. *Где б должно умствовать, ты хлопаешь глазами.* Перефразированные стихи Дер-

жавина из его сатиры «Вельможа» (см. № 6). *Куницын* А. П. (1783—1841) — выдающийся правовед, преподаватель Лицея; его вольнолюбие давало повод к обвинениям в «якобинстве». *Марат* — см. примеч. 82. *Сам государь велит печатать без тебя.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина по повелению Александра I была напечатана без цензуры. *Триолет* — трехстрочная строфа с особой системой рифмовки. *Певец «Пиров»* — Е. А. Баратынский, автор поэмы «Пиры» (1820). *Парнас* — гора в Греции, считалась посвященной Аполлону и девяти музам. *Пегас* (греч. миф.) — крылатый конь, олицетворение поэтического вдохновения. *Лета* (греч. миф.) — река забвения в царстве мертвых. *Барков* — см. примеч. 14. *И Пушкина стихи в печати не бывали.* Речь идет о фривольной поэме В. Л. Пушкина «Опасный сосед», широко разошедшейся в списках. *Шаликов* П. И., князь (1768—1852) — издатель «Дамского журнала» и второстепенный поэт-сентименталист, слащавый, «чувствительный» тон его писаний вызывал насмешки современников. *«Наказ» Екатерины* — см. примеч. 172. В этом стихотворении Пушкин считал «Наказ» либеральным произведением; впоследствии относился к нему иронически. *Сатирик превосходный* — Д. И. Фонвизин (1745—1792). *Кутейкин* — персонаж «Недоросля» Фонвизина, невежественный учитель из духовенства. *Державин, бич вельмож.* Имеется в виду ода Державина «Вельможа» и ряд других его выступлений против несправедливостей правящей верхушки. *Хемницер истину с улыбкой говорил* — перефразировка строки из «Памятника» Державина: «И истину царям с улыбкой говорил». *Наперсник «Душеньки»* — И. Ф. Богданович (1743—1803), автор этой поэмы. *Киприда* — одно из имен Афродиты. *Зерцало* — см. примеч. 8, с. 764. *Дней Александровых прекрасное начало.* Подразумеваются проекты либеральных реформ первых лет царствования Александра I. *Бентам* И. (1748—1832) — английский правовед; его идеи «утилитарной морали» в 1820-е годы пользовались большой популярностью у либералов. *Милот* (точнее: Милло) К.-Ф. (1726—1785) — аббат, автор высоко ценимой Пушкиным «Всеобщей истории»; в 1819—1820 гг. вышел русский перевод ее.

88. ПЗ II, с. 16; РБ I; РПЛ; Л V. Впервые в легальной печати: РА, 1866, № 4, с. 655. Стихотворение вызвано известиями о подавлении восстания в Греции, революции в Испании и казни Риего (см. примеч. 90) 7 ноября 1823 г. Эпиграф — из Евангелия от Матфея, XIII, 3.

89. «Русский вестник», 1869, № 11, с. 71, с заменой слова «царь» тремя звездочками. Эпиграмма сохранилась в многочисленных списках. Известен ряд других эпиграмм на Александра I, сплошь и рядом приписывавшихся Пушкину (см. РЭ, с. 202—203). *Австерлиц.* В битве под Аустерлицем 20 ноября 1805 г. соединенные русско-австрийские войска потерпели поражение от армии Наполеона I, одной из причин которого были опрометчивые решения Александра I, поставившие русские войска в крайне невыгодные условия. *В двенадцатом году дрожал*, т. е. в Отечественную войну 1812 г. *Коллежский асессор* — см. примеч. 16, с. 770. *По части иностранных дел.* Пушкин намекает на любовь Александра I к дипломатическим интригам и на его дипломатические поражения.

90. А. С. Пушкин, Стихотворения, не вошедшие в последнее собрание его сочинений, Берлин, 1861, с. 21. Впервые в легальной печати: «Модный магазин», 1863, № 2, с. 17, с цензурным искажением ст. 1. Стихотворение направлено против старого недруга Пушкина Михаила Семеновича Воронцова (1782—1856), генерал-губернатора Новороссийского края; оно широко распространялось в списках. В Тульчине перед обедом 1 октября 1823 г. Александр I получил известие об аресте испанского генерала Рафаэля дель *Риэго*-Нунца (1785—1823), возглавившего борьбу с Наполеоном I и революцию против испанского короля Фердинанда VII (1784—1833). Когда Александр I сообщил об этом приглашенным на обед, Воронцов сказал: «Какое счастливое известие, ваше величество!» Этот возглас поразил многих, слышавших это замечание (см.: Н. В. Басаргин, Записки, Пг., 1917, с. 28).

91. А. Пушкин, Стихотворения, СПб., 1826, с. 23 и 130 (примечание), без ст. 21—64 и 150. Первое восполнение цензурных купюр: «Библиографические записки», 1858, № 11, стлб. 344, дальнейшие — в ряде последующих публикаций (подробнее см.: Пушкин, т. 2, с. 1162). Впервые полностью: Пушкин, Собр. соч., т. 1, СПб., 1880, с. 405. Фрагмент представляет собою ст. 21—64 элегии. Отрывок был переосмыслен, воспринят как отклик на восстание декабристов и вскоре стал распространяться в списках под загл. «На 14 декабря» (или похожими на него). Уже в августе 1826 г., не без участия провокаторов, он оказался в руках властей. В возникших судебных делах (военном и гражданском) оказались замешанными не менее восьми человек, и в том числе сам Пушкин. Дело окончилось учреждением за ним секретного надзора. Наиболее подробное изложение всех перипетий дела см. в работе П. Е. Щеголева «А. С. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.» («Пушкин и его современники», вып. 11, СПб., 1909, с. 1—51). На следствии Пушкину пришлось давать специальное объяснение. Он подчеркивал, что элегия относится «к французской революции, коей А. Шенье погиб жертвою» (там же, с. 32). Пушкину же принадлежит следующий автокомментарий к отдельным строкам.

Когда он разметал позорную твердыню — «взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье». *Я слышал братский их обет* — «присяга» du Jeu de paume ⟨в зале для игры в мяч⟩ и ответ Мирабо: «allez dire à votre maître и т. д.». ⟨«идите, скажите вашему учителю»⟩. *И пламенный трибун* — «Он же, Мирабо». *Уже в бессмертный Пантеон Святых изгнанников входили славны тени* — «перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон» ⟨Пантеон — усыпальница великих людей Франции⟩. *Мы свергнули царей* — «в 1793 г.». *Убийцу с палачами избрали мы в цари* — «Робеспьера и конвент». В заключение Пушкин писал: «Сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря» («Рукою Пушкина», М.—Л, 1935, с. 745—746).

92. «Русское слово», 1911, 6 августа; «Пушкин — родоначальник русской литературы», М.—Л., 1941, с. 31. Текст и повод написания стихотворения не могут считаться установленными Другие чтения см. в статьях: Т. Г. Цявловская, «Заступники кнута и плети...» (Спор вокруг стихотворения Пушкина). — ИОЛЯ, 1966, № 2, с. 123—

133 и П. Н. Берков, К толкованию стихотворения Пушкина «Заступники кнута и плети. . .» — там же, № 6, с. 509—513. Расшифровка последней строки весьма гипотетична (см. примеч. Б. В. Томашевского в изд.: А. С. Пушкин, Стихотворения, т. 3, *БП*, Л., 1955, с. 805—806).

93. РС, 1880, № 1, с. 133. Дошедший до нас отрывок представляет собою фрагмент из цикла неизвестных стихотворений политического характера, откликов на восстание 14 декабря 1825 г. В записанном П. И. Бартеневым со слов М. П. Погодина тексте последняя строка имела пропуск, обозначенный буквами: «у. г.». Они расшифрованы предположительно. В. С. Нечаева относит отрывок к недавно казненному Рылееву (см. ее кн.: «В. Г. Белинский. Учение в университете. . .», М., 1954, с. 136, 438—439). Другие исследователи считают четверостишие окончанием первоначальной редакции стихотворения «Пророк». *У⟨бийца⟩ г⟨нусный⟩* — Николай I, палач декабристов.

94. ПЗ II, с. 13, под загл. «В Сибирь»; РБ I; РПЛ; Л I; Л V. Впервые в легальной печати: РА, 1874, № 9, с. 703. Стихотворение распространялось в списках без загл. и под одиннадцатью различными заглавиями. Традиционная дата — «1827 г.» — была оспорена М. К. Азадовским, датировавшим стихотворение концом 1828 г. (см.: А. И. Одоевский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1958, с. 213). Существует предположение, что стихотворение было переслано сосланным в Сибирь декабристам с уехавшей туда в 1827 г. А. Г. Муравьевой (женой Н. М. Муравьева). Ответ А. И. Одоевского см. № 217.

95. «Литературная газета», 1830, 30 июля, с. 52 (без подписи). До 1857 г. не перепечатывалось по цензурным причинам. Легально напечатанное стихотворение в замаскированной форме рисовало судьбу друзей поэта — декабристов и его самого; оно разошлось в огромном количестве списков. *Арион* — легендарный древнегреческий поэт и музыкант (VII—VI в. до н. э.); согласно мифу, очарованный его пением дельфин помог выброшенному в море убийцами Ариону доплыть до берега.

96. А. С. Пушкин, Сочинения, т. 1, СПб., 1855, с. 222. Предполагается, что в этом стихотворении Пушкин имел в виду бюст Александра I работы датского скульптора А. Торвальдсена (1770—1844), изваянный в Варшаве в 1820 г. В неопубликованной при жизни заметке Пушкин писал в 1828 г.: «Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного — верх нахмуренный, грозный, низ же выражающий всегдашнюю улыбку. Это нравилось Торвальдсену. «Qesta è una bruta figura. ⟨Вот грубое лицо. Итал.⟩». (Пушкин, т. 12, с. 178).

97. А. С. Пушкин, Собр. соч., т. 7, СПб, 1857, с. 87. Этот недоработанный Пушкиным отрывок Б. В. Томашевский считает второю частью незаконченного стихотворения «Опять увенчаны мы славой. . .», посвященного Адрианопольскому миру с Турцией, заключенному 2 сентября 1829 г. и обеспечившему независимость Греции.

По мнению Б. В. Томашевского, стихотворение начиналось след. строфами:

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

И дале двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
В свои объятия тугие...

(См.: А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. 3, М.—Л., 1949, с. 146). Вопрос о том, какая интерпретация и какой текст более достоверны, остается нерешенным.

98. «Пушкин и его современники», вып. 13, СПб., 1910, с. 1. Попытки реконструкции зашифрованного и недописанного текста продолжаются до настоящего времени. Строфа 1. *Властитель слабый и лукавый* — Александр I. Строфа 2. *Орла двуглавого щипали у Бонапартова шатра.* Намек на поражение Александра I при Аустерлице в 1805 г. Строфа 3. *Б⟨арклай⟩*-де-Толли М. Б., кн. (1761—1818) — генерал-фельдмаршал, в 1812 г. командовал юго-западной армией и отступил от Дриссы к Смоленску, после чего уступил место Кутузову. Пушкин относился к Барклаю с большой симпатией и упомянул его в стихотворении «Полководец» (1835). *Русский бог* — см. примеч. на с. 250. Строфа 4. *Мы очутилися в Париже.* В 1814 г. русские войска заняли Париж. Строфа 6. *Шиболет* — слово, взятое из Библии; по произношению этого слова (сиболет, шиболет) распознавали иноплеменников. *Стихоплет великородный* — кн. И. М. Долгорукий (1764—1823), автор стихотворения «Авось», см. примеч. 59. *Альбион* — см. примеч. 71. Строфа 7. *Аренда* — в России высочайше пожалованная земля, а с 1837 г. — ежегодная выплата содержания на определенный срок без земли. *Ханжа* — Александр I. *Семействам возвратит Сибирь*, т. е. амнистирует сосланных в Сибирь декабристов. Строфа 8. *Сей муж судьбы* и т. д. — Наполеон I; его провозглашение императором было санкционировано римским папой. Строфа 9. *Тряслися грозно Пиренеи* — о революции в Испании в 1820—1821 гг. *Волкан Неаполя пылал* — революция в Италии в то же время. *Безрукий князь* — А. Ипсиланти, см. примеч. 83. *Друзья Мореи.* Ипсиланти подготовлял движение греческих повстанцев с полуострова Морея. *Лувель* Л.-П. (1783—1820) — рабочий, заколовший 13 февраля 1820 г. в Париже герцога Беррийского, сына наследника престола. *Бейрон* — так в то время обычно произносилось имя Байрона; в 1824 г. английский поэт отправился в Грецию, чтобы принять участие в греческом восстании против турок. Строфа 10. *Наш царь в конгрессе говорил.* Александр I выступал на Венском конгрессе 1814 г. — съезде представителей держав, воевавших против наполеоновской Франции. *Александровский холоп* — Аракчеев (см. с. 741). Строфа 11. *Потешный полк Петра титана* — Семеновский полк, волнения в нем произошли в 1820 г. *Предавших некогда тирана Свирепой шайке пала-*

чей. Речь идет об убийстве Павла I в 1801 г., которое совершилось при поддержке бывшего в карауле Семеновского полка. Строфа 12. *Но искра пламени иного.* Имеется в виду зарождение первых подпольных организаций. Строфа 14. *Беспокойный Никита* — декабрист Н. М. Муравьев (1796—1843). *Осторожный Илья* — декабрист И. А. Долгоруков (1797—1848). Строфа 15. *Друг Марса, Вакха и Венеры* — декабрист М. С. Лунин (1787—1845). *Читал свои ноэли Пушкин* — см. примеч. 75; о жанре ноэлей — см. с. 128. *Меланхолический Якушкин* и т. д. Декабрист И. Д. Якушкин (1796—1857) действительно на собраниях декабристов предлагал себя в цареубийцы. *Хромой Тургенев* — Н. И. Тургенев (1789—1871), декабрист, убежденный противник крепостного права, автор ряда экономических трудов. Строфа 16. *Каменка* — см. примеч. 83. *Тульчин* — уездный город Подольской губ., где находился штаб 2-й армии, которой командовал генерал П. Х. Витгенштейн (1768—1842). *Пестель* П. И. (1793—1826) — один из вождей декабристского Южного общества. *Холоднокровный генерал* — декабрист А. П. Юшневский (1786—1844). *Муравьев*-Апостол С. И. (1796—1826) — декабрист, организатор восстания Черниговского полка. Строфа 17. *Лафит* — сорт французского (бордоского) вина. *Клико* — марка французского шампанского.

А. С. ПУШКИН(?)

99. «Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова», М.—Л., 1922, с. 13. Один *Александр Павлович* — император Александр I, другой — помощник гувернера в лицее, «подлый и гнусный глупец» (как называл его товарищ Пушкина по лицею М. А. Корф) Александр Павлович Зернов. *Шпиц* — высокое острие здания. *Под Австерлицем* — см. примеч. 89.

100. РПЛ, с. 79; ВП I. Это четверостишие фигурирует в многочисленных списках и в самых различных вариантах под четырьмя разными заглавиями и вовсе без загл. На дружеских сходках оно распевалось Е. А. Баратынским, Я. И. Ростовцевым и др. («Воспоминания Е. А. Бестужевой». — См.: «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 414). Четверостишие приписывалось В. Я. Зубову (см. о нем с. 504) и др. Оно является переводом с французского. Автор его — поэт, филолог и журналист, участник «заговора равных», друг Бабефа П.-С. Марешаль (1750—1803). Четверостишие представляет собою стихотворное переложение концовки знаменитого «Завещания» французского философа-атеиста Ж. Мелье (1664—1729). Эти же строки Мелье использованы также в стихотворном дифирамбе Д. Дидро «Eleuthéromanes, ou Abdication d'un roi de la fève» («Бредящие свободой, или Отречение бобового короля», 1772), напечатанном в 1796 г. Русский читатель знал эти строки скорее всего по популярной в России в начале XIX в., выдержавшей ряд изданий книге Ж.-Ф. Лагарпа «Cours de Littérature ancienne et moderne» (XVIII siècle, кн. 4, гл. 3). Свод сведений и литературу вопроса см.: Ю. Г. Оксман, Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века (в сб. «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, с. 480—481) и М. А. Цявловский, Статьи о Пушкине, М., 1962, с. 58—65.

101. РПЛ, с. 84. Впервые в легальной печати: Пушкин, Соч., т. 1, СПб., 1880, с. 212. Первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина вышли в 1818 г. Приблизительно в 1811 г. Карамзин решительно занял позицию защиты русского самодержавия, оставив либерализм молодости. Современники знали еще одну эпиграмму (нередко с именем Пушкина) на Карамзина, связанную с его «Историей. . .», широко обращавшуюся в списках (РЭ, с. 201):

Решившись хамом стать пред самовластья урной,
Он нам старался доказать,
Что можно думать очень дурно
И очень хорошо писать.

102. КА. № 3 (16), 1926, с. 193. Об *Аракчееве* см. с. 741. *Чугуев* — город Харьковской губернии, в котором были расположены военные поселения. В 1819 г. в Чугуеве имели место солдатские восстания, подавленные Аракчеевым с большой жестокостью. *Нерон* — знаменитый своей жестокостью римский император (54—68). *Занд* — см. примеч. 82.

103. РПЛ, с. 94. *Фотий* (в миру Петр Никитич Спасский, 1792—1838) — видный церковный деятель, с 1822 г. архимандрит и настоятель Юрьевского монастыря под Новгородом; имел большое влияние на политику Александра I не только в церковных вопросах; занимал крайне реакционную позицию; ср. также направленную против него сатиру № 178.

А. А. БЕСТУЖЕВ

104. «Литературный архив», т. 1, М.—Л., 1938, с. 411 (по списку ГПБ); А. Бестужев-Марлинский, Собр. стихотворений, *БП*, Л., 1948 (по копии Е. А. Бестужевой в ПД). Печ. по изд.: А Бестужев-Марлинский, Полн собр. стихотворений, *БП*, Л., 1961, с. 60 (сводный текст по указ. выше спискам и по списку ЦГВИА). Датируется на том основании, что в самом начале 1820 г. стихотворение читалось на заседании «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (там же, с. 269). Стихотворение, лишь отчасти восходящее к сатире французского поэта и законодателя классицизма Н. *Буало* (1636—1711), имеет в виду русскую действительность. *Петропольские стены.* Петрополь — Петербург. *Иван Каин* — герой популярных в конце XVIII и начале XIX в. лубочных книжек и народных песен. Прототипом его был московский вор, грабитель и сыщик Иван Осипович, по прозвищу Ванька Каин (1718 — после 1755), терроризировавший в течение не менее двенадцати лет Москву, где он служил в сыскном приказе, одновременно разоблачая и покрывая преступления. Ему приписывались автобиографии; на самом деле писать он не умел. *Лаиса* — известная своей красотой древнегреческая гетера (V в. до н. э.), ее имя стало нарицательным обозначением продажной красавицы. *Понт* и *Грей* — условные имена. *Катон* Марк Публий Старший (234—149 до н. э.) — римский полководец и политический деятель; упорно боролся за чистоту нравов. *Обуховская больница* — одна из старейших больниц Петербурга для бедных с отделением для умалишенных. *Фортуна*

(греч. миф.) — богиня судьбы. *Персий* — см. примеч. 56. *Росский Тит* — Александр I, по имени римского императора Флавия Веспасиана Тита (41—81), имевшего репутацию справедливого и кроткого правителя. *Дельфийские оливы,* т. е. мирная слава; олива — символ мира; Дельфы — город в Древней Греции со святилищем и оракулом Аполлона. *Гордыню разгромив,* т. е. победив Наполеона. *Эрмий* — Гермес (греч. миф.) — бог торговли и дорог, вестник богов. *Наш Август* — Александр I (по имени первого римского императора Августа, см. примеч. 66). *Меценат* Гай Цильний (I в. до н. э.) — советник Августа, римский аристократ, покровитель художников, поэтов, музыкантов, имя которого стало нарицательным. *Боян* — полулегендарный певец-дружинник 2-й половины XI — начала XII в.; он упоминается в «Слове о полку Игореве»; имя Бояна стало нарицательным обозначением поэта. *Дедал* (греч. миф.) — лабиринт, по имени легендарного древнегреческого строителя лабиринта на острове Крит. *Фемида* (греч. миф.) — богиня закона и правосудия, изображалась с весами в руках. *Нинона* де Лакло (1615—1705) — французская красавица, прославившаяся своим салоном и любовными похождениями. *Веста* (римск. миф.) — богиня целомудрия. *Роскошный Вавилон* — столица древнего государства в Месопотамии; по библейской легенде, развращенность жителей привела город к гибели; здесь — Петербург.

К. Ф. РЫЛЕЕВ

105. «Невский зритель», 1820, № 10, с. 26; РПЛ; ПЗ V; Л II и в целом ряде зарубежных изданий Рылеева. В списке В. Н. Каразина стихотворение имеет другую концовку, едва ли принадлежавшую Рылееву:

Но если злобный рок, злодея полюбя,
От гнева правого и сохранит тебя,
Вострепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство.
Его правдивого и страшного суда
Не избежит порок и злоба никогда.

(См.: В. Г. Базанов, Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949, с. 209). Стихотворение сразу приобрело необычайную популярность и было воспринято современниками как сатира на Аракчеева, особенно ненавистного в передовых кругах 1820-х годов. По словам Н. А. Бестужева, в сатире «открывается все презрение к почестям и власти человека, который прихотям деспота жертвует счастьем своих сограждан... Это был первый удар, нанесенный Рылеевым самодержавию» («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 11—12). Сатира Рылеева генетически связана с сатирой М. В. Милонова «К Рубеллию» (см. № 56), но далеко превосходит ее своей идеологической остротой и силой. *Кимвальный звук.* Кимвалы — музыкальный инструмент (тарелки). *Сеян* (I в. н. э.) — префект преторианской гвардии в Риме; был казнен за подготовку заговора против императора Тиберия. *Цицерон* (106—43 до н. э.) — римский оратор и государственный деятель, разоблачивший заговор *Катилины* (106—62 до н. э.) против республики. *Кассий* Гай (ум.

41 до н. э.) — ближайший сподвижник *Брута* (см. примеч. 8, с. 764) в борьбе за восстановление республики в Древнем Риме. *Катон* Младший или Утический (95–47 до н. э.) — римский государственный деятель, непреклонный защитник республики. *Селения лишил их прежней красоты.* Намек на военные поселения, учрежденные Аракчеевым и снискавшие ненависть среди солдат.

106. «Новости литературы», 1822, ч. 2, кн. 16, с. 42, с подзаг. «Дума», с биографической справкой П. М. Строева о Волынском, с цензурными искажениями. В отличие от современных поэту исторических источников — «Записок кн. Я. П. Шаховского» (т. 1, СПб., 1821) и «Манштейновых современных записок о России» (ч. 2, Дерпт, 1810), Рылеев «резко революционизировал исторический облик Волынского, интерпретируя последнего в своей думе не просто как оппозиционного государственного деятеля, выразителя настроений националистической дворянской фронды, павшего жертвой самодержавного произвола, но как самоотверженного борца за свободу, друга общественного блага и народного вождя» (примеч. Ю. Г. Оксмана к изд.: К. Ф. Рылеев, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1934, с. 431). Это и определило популярность думы в прогрессивных кругах вплоть до 1860-х годов. *Волынский* Артемий Петрович (1689—1740) — видный государственный деятель, враг временщика Бирона (см. примеч. 24); был казнен и похоронен в ограде Сампсониевской церкви в Петербурге (у Рылеева: «Храм древнего Самсона»). *Долгорукий* — см. примеч. 6.

107. ПЗ V, с. 6 (ранняя ред.), под загл. «Видение императрицы Анны». Впервые в легальной печати: РС, 1870, № 11, с. 524 (др. ред.) Дума была дважды запрещена цензурой: в 1822 и 1825 гг. Об А. П. *Волынском* см. предыдущее примеч. В основе думы лежит записанная И. И. Дмитриевым легенда о том, как императрица Анна Иоанновна незадолго до смерти увидела свою тень на троне (И. И. Дмитриев, Взгляд на мою жизнь, ч. 1, М., 1866, с. 96).

108. «Литературные листки», 1823, 29 августа, с. 39 и тогда же отд. оттиском; ПЗ I, ст. 51—56 и 65—68, в качестве эпиграфа к письму Герцена, адресованного императору Александру II; ПЗ II, ст. 49—56 и 65—68, с некоторыми вариантами; ПЗ V (полный текст); РПЛ; РБ I; Л I; Л V. Полный текст ПЗ V был напечатан, очевидно, по совету С. Д. Полторацкого (см.: Н. Я. Эйдельман, Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966, с. 37—38). Ода не раз переписывалась современниками и потомками — вплоть до конца 1860-х годов. В некоторых случаях в качестве отдельного стихотворения фигурировали только политически наиболее острые строфы 7 и 9 (см., например, список ПД из собр. М. А. Васильева). Для публикации оды в «Литературных листках» Рылееву пришлось пойти на специальные оговорки ст. 47—48, 51—52, 77; они, возможно, сделаны Ф. В. Булгариным. Образ будущего просвещенного монарха, сына Александра (которому в то время было 5 лет!), борющегося с неправдой, который восстает против насилия власти, призывы любить народ, быть гражданином и пр. отражали неизжитые еще в 1823 г. надежды Рылеева и всего умеренного крыла декабристов на ожидавшиеся реформы сверху и определили широкую по-

пулярность оды в позднейшее время. *Румянцев* — см. примеч. 15. Граф *Миних* Бурхардт (1683—1767) — видный государственный деятель, противник Бирона (см. примеч. 24). *Ермолов* А. П. (1777—1861) — генерал, герой Отечественной войны 1812 г., потом главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. Его имя в качестве честного и прямого человека, врага «немецкой партии» при дворе было очень популярно среди декабристов, которые намечали его, в случае победы восстания, в состав нового правительства. По мнению многих декабристов, Ермолов мог возглавить армию, направляемую в помощь восставшим грекам. *Минерва* — см. примеч. 8, с. 765. *Антонин* Пий (86—111) — римский император, философ и полководец, считался образцом просвещенного монарха.

109. ПЗ II, с. 27 (по неисправному списку); РБ I; РПЛ; Л I; Л V. При жизни Рылеева стихотворение не могло быть напечатано вследствие цензурного запрета (см.: «Восстание декабристов», т. 1, М.—Л., 1925, с. 176). В показаниях следственной комиссии Рылеев объяснял цель оды — «отдать преимущество мужеству гражданскому перед военным» (В. И. Маслов, Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, Киев, 1912, с. 329). Современники не без оснований адресатом оды считали адмирала графа Николая Семеновича *Мордвинова* (1754—1845), которого декабристы прочили в состав будущего правительства. Мордвинов занимал пост председателя департамента гражданских и духовных дел Государственного совета, члена финансового комитета министров. Высоко образованный либерал, он имел репутацию неподкупно честного человека и, по словам Пушкина, «заключает в себе одном всю русскую оппозицию» (письмо к П. А. Вяземскому от начала апреля 1824 г. — Пушкин, т. 13, с. 91). В 1826 г. Пушкин обратился к Мордвинову со стихотворением «Под хладом старости угрюмо угасал. . .». *Катоны* — см. примеч. 104 и 105. *Катилина* — см. примеч. 105. *Аристид* (540—467 до н. э.) — государственный деятель Древней Греции, прославившийся своей справедливостью. *Ареопаг* — верховное судилище Афинской республики. *Панин* Н. И. (1718—1783) — либеральный государственный деятель эпохи Екатерины II, автор неосуществившегося проекта конституции, ограничивавшего власть царя в пользу дворян. *Долгорукой* — см. примеч. 6. *Аттила* (ум. 453 н. э.) — вождь гуннов, опустошивших Западную Европу. *Цицерон* — см. примеч. 105. *Брут* — см. примеч, 8, с. 764.

110. К. Рылеев, Войнаровский. Поэма, М., 1825, с. 3; РБ I. В наст. издании печ. только посвящение Бестужеву. Поэма распространялась в списках еще до выхода в свет. «Она долго ходила по рукам в рукописи», — свидетельствует Ф. В. Булгарин («Северная пчела», 1825, 14 марта). Ср. письмо П. А. Муханова к Рылееву от 13 апреля 1824 г. («Девятнадцатый век», кн. 1, М., 1872, с. 368). По выходе в свет списки стали еще более распространенными, но они восходят к печатному изданию и потому более исправны. «Войнаровский» и «Исповедь Наливайки», по словам декабриста А. П. Беляева, были «знакомы каждому и сообщались и повторялись во всех дружеских и единомышленных кружках» («Воспоминания о пережитом и перечувствованном. 1805—1850», СПб., 1882, с. 155). Огарев в предисловии к РПЛ по поводу «Войнаровского» писал: «Он

и теперь так же увлекателен, как был тогда, и тайна этого впечатления заключается в человечески-гражданской чистоте и доблести поэта, почти заменяющих самую художественность или, лучше, доведенных до художественного выражения» (РПЛ, с. XLIII). Заключительная строка посвящения поэмы А. А. Бестужеву — «Я не Поэт, а Гражданин» — надолго стала определяющей формулой русской гражданской поэзии. Ср. ее декларативное подтверждение в программном стихотворении Некрасова «Поэт и гражданин» (1856).

111. ПЗ II, с. 26, под загл. «Гражданин», без ст. 13—16; ПЗ VI, без загл., с вариантами в ст. 13—14 (по копии Н. А. Бестужева); РПЛ; Л V, без ст. 13—16. Загл. «Гражданин», прочно усвоенное традицией, вероятно, принадлежит не Рылееву, а редакции ПЗ (Герцену?) или же дано кем-то из переписчиков этого текста. В списке М. А. Бестужева (ПД) также позднейшее загл. — «К молодому поколению». Не предназначавшееся к печати стихотворение стало особенно актуальным перед восстанием 1825 г. Популярность его была весьма велика и позднее. Показательно, что им начиналась знаменитая прокламация Н. В. Шелгунова «К молодому поколению» (1861) и первый номер зарубежного журнала С. Г. Нечаева «Народная расправа» (Женева, 1869). *Брут* — см. примеч. 8, с. 764. *Риего* — см. примеч. 90.

112—113. 1 — «Полярная звезда на 1825 г.», СПб., с. 370, с подзаг. «Отрывок из поэмы» и с прозаическим введением, имевшим целью замаскировать революционную направленность отрывка. Впервые перепечатано в PC, 1871, № 4, с. 486. 2 — «Вестник Европы», 1888, № 11, с. 589.

В основе поэмы лежит известная Рылееву по сделанным для него выпискам, незадолго до того найденная и еще не изданная рукопись «История руссов или Малой России». Реконструкция сохранившихся отрывков и плана поэмы произведена Ю. Г. Оксманом (К. Ф. Рылеев, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1934, с. 242—254, 462—469, 472—473). Д. И. Завалишин на допросе 16 марта 1826 г. показывал, что «Исповедь Наливайки» не оставляла никакого сомнения насчет его <Рылеева> мыслей и духа» («Восстание декабристов», т. 3, М.—Л., 1927, с. 246). «Исповедь Наливайки» — одно из самых популярных произведений русского революционного репертуара XIX в. В. И. Засулич писала, что это стихотворение «стало одной из главных моих святынь» («Воспоминания», М., 1931, с. 15). М. П. Драгоманов вспоминает о том, что «Войнаровский», «Исповедь Наливайки» ходили в списках вместе со стихотворениями Шевченко («Листи на Наддніпрянську Україну», Киев, 1917, с. 13). Последнее десятистишие многократно (даже без упоминания имени автора) фигурирует в списках. Пропуск отрывка цензурой вызывал удивление современников. Только во время следствия на эти стихи было обращено внимание и произведено особое расследование обстоятельств пропуска их в печать. В воспоминаниях Н. А. Бестужева рассказывается, как Рылеев прочитал отрывок М. А. Бестужеву. «Пророческий дух отрывка невольно поразил Михаила. — Знаешь ли, — сказал он, — какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою. Ты как будто хочешь указать на будущий свой жребий в этих стихах. — Неужели ты думаешь, что я сомневался

хоть минуту в своем назначении, — сказал Рылеев. — Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России, и вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян» («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 7). *Наливайко* Павел (казнен в 1597 г.) — гетман Украины, руководивший восстанием против шляхетской Польши. *Униаты* — сторонники объединенной католическо-православной церкви, возникшей частью на территории Речи Посполитой, частью на Украине в результате Брестской унии (1596); униатское духовенство в основном придерживалось польско-католической ориентации и снискало ненависть в народе. *Сарматы* — см. примеч. 20.

114. ПЗ VI, с. 62. По рассказу декабриста Н. Р. Цебрикова, эти строки были нацарапаны Рылеевым гвоздем на оловянной тарелке; в ней Цебрикову принесли обед в Петропавловской крепости. Вопрос о подлинности этих строк до конца не ясен, но авторство Рылеева весьма вероятно. В некоторых списках (например, ПД из архива РС) автором указан Кюхельбекер.

А. А. БЕСТУЖЕВ И К. Ф. РЫЛЕЕВ

Агитационные песни

115. ПЗ V, с. 9, контаминированный текст: кроме этой песни присоединены «Ты скажи, говори. . .» и пушкинская «Как в ненастные дни. . .» (автором указаны Рылеев и Бестужев); РПЛ; СРП (без подписи); Л I; Л V (автором указан Рылеев). Перепеч. в ряде других зарубежных изданий. Впервые в легальной печати: К. Ф. Рылеев, Соч. и переписка, СПб., 1872, с. 208. В работах некоторых исследователей этот текст подвергся критическому анализу, см.: А. М. Новикова, Революционные стихи и песни 30—40-х годов XIX века («Ученые записки Московского обл. педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 66, вып. 4, 1958, с. 129) и В. Г. Базанов, Спорное в декабристской текстологии (РЛ, 1960, № 2, с. 184—191). В обеих работах — ряд вариантов. Песня сочинена совместно Рылеевым и А. А. Бестужевым, возможно, с участием и ряда других лиц; степень участия каждого остается неустановленной. Песню, уже в 1823 г., знал Пушкин. В письме к брату из Одессы в январе 1824 г. он писал: «. . .мне bene ⟨хорошо⟩ там, где растет трын-трава, братцы» (Пушкин, т. 13, с. 86). В 1827 г. песня была известна революционному кружку братьев Критских (см.: А. М. Новикова, указ. статья, с. 108). К середине 1850-х годов относится копия этой песни, сделанная Н. А. Добролюбовым, в ней строфы идут в таком порядке: 1, 2, 10, 9, 7 (с перестановкой строк), 8, 6; далее следует текст другой агитационной песни — «Ты скажи, говори. . .» (ПД, архив Н. А. Добролюбова). В своем длительном бытовании песня постепенно обрастала самыми различными вариантами. Переработку более позднего времени см. под № 319. В романе П. Федонова «Перед зарей» (ОЗ, 1873, № 9, с. 278) один из героев поет первую строфу песни («Где же те острова. . .»), больше в легальной русской печати в то время процитировать было невозможно (ср. еще пародию Б. Н. Алмазова в «Русском обозрении», 1894, № 4, с. 851—

855). В песне нет концовки, последовательность куплетов произвольная. В одном из списков есть такое окончание:

К островам, к островам,
Братцы!
Кинем в рожу попам
Святцы!

(«Из бумаг Е. П. Ростопчиной». — «Недра», вып. 6, М., 1925, с. 207). *Острова*. В Петербурге в 1820-е годы был кабачок «Веселые острова», и первая строка песни, видимо, имеет в виду это название. *«Pucelle»* — «La Pucelle d'Orléans» («Орлеанская дева»), антиклерикальная поэма Вольтера (1755), в России запрещенная; в 1825 г. 26 строк первой песни были переведены Пушкиным, высоко ценившим эту поэму. *Святцы* — см. примеч. 24. *Бестужев-драгун* и т. д. Куплет об одном из авторов песни — А. А. Бестужеве, который в 1823—1824 гг. был поручиком лейб-гвардии драгунского полка. *Карачун* — внезапная, неожиданная смерть. *Князь-чудодей* — брат Александра I Константин, в то время наследник престола и командующий войсками, расположенными в Польше. *Булгарин Фаддей* — см. о нем на с. 606. *Танта* — прозвище тетки жены Ф. В. Булгарина и его домоправительницы, отличавшейся тяжелым характером; она не раз упоминается в мемуарной литературе и переписке тех лет. *Магницкий* М. Л. (1788—1855) — в эти годы член Главного правления училищ, осуществивший в 1819-м и след. годах разгром Казанского университета, известный мракобес, один из творцов нового цензурного устава. *Мордвинов* Н. С. — см. примеч. 109. *Греч* Н И. (1787—1867) — журналист, писатель и филолог; в эти годы педагог, заведующий школами взаимного обучения гвардейских солдат («ланкастерские школы»). В 1820 г. он был безосновательно заподозрен в участии и составлении революционного воззвания к солдатам гвардии в связи с восстанием Семеновского полка. В Петербурге распространились слухи, что он был вызван в III Отделение и там высечен. *Где Сперанский попов* и т. д. Не любивший духовенства М. М. Сперанский (1772—1839), виднейший государственный деятель, в это время член Государственного совета и исполняющий обязанности председателя Комиссии составления законов, по происхождению был из духовного звания. *Измайлов* А. Е. — см. о нем на с. 249.

116. См. предыдущее примеч.; шесть последних строк впервые — К. Ф. Рылеев, Полн. собр. соч., Лейпциг, 1861, с. 333. Из многочисленных списков этого стихотворения наиболее интересны два. Первый — из бумаг Е. П. Ростопчиной («Недра», вып. 6, М., 1925, с. 208):

Говори, говори
И всю правду скажи,
Бабка!
Кто сердит, пусть кричит!
А на воре горит
Шапка!
Говори, говори,
Как в России цари
Правят!

Далее ст. 4—15 основного текста с незначительными вариантами, а затем:

И немецкий мундир
Он надел на весь мир.
Горе!
Как ни свет ни заря
Для потехи царя
Рьяно
У Фонтанки-реки
Собирались полки
Piano.

Последняя строфа служит непосредственным переходом к стихотворению «Вдоль Фонтанки-реки...» (см. № 122). Другой вариант списка, Н. А. Добролюбова (ПД), контаминирующий текст «Ты скажи, говори...» с песней «Ах, где те острова...», наглядно свидетельствует о том, как изменилось стихотворение в условиях устного бытования и каков стал его текст приблизительно к середине 1850-х годов:

...Где играли цари
От зари до зари
В фанты.
Где драбанты Петра
Провожали с двора
Тихо.
Где вдова пред полком
Разъезжала верхом
Лихо.

Как капралы Петра и т. д. Речь идет о свержении и убийстве Петра III в 1762 г. *А жена пред дворцом* — Екатерина II, осуществившая дворцовый переворот 1762 г. *Курносый злодей* и т. д. Император Павел I был убит заговорщиками в 1801 г. *Русский бог* — см. примеч. на с. 250.

117. ПЗ V, с. 11, сокращенная и неточная редакция из строф 1, 2, 8, 14, 12, 16 и 17 (авторами указаны Рылеев и Бестужев); РПЛ; СРП и ВП I (без подписи); Л I и Л V (подпись: «Рылеев») и в ряде других зарубежных изданий. Впервые в легальной печати: А. К. Бороздин, Из писем и показаний декабристов, СПб., 1906, с. 195, с рядом неточностей. Из вариантов особенно интересен список М. А. Бестужева: «Песня „Ах, скучно мне, на чужой стороне“, переложенная К. Рылеевым и А. Бестужевым“» (ЛН, № 59, 1954, с. 90, 93):

Ах, скучно мне
На родимой стороне,
И в неволе, тяжкой доле,
Видно, век вековать.
Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людями, как свиньями,
Долго ль будут торговать?
Чем мы хуже господ?
У нас тот же нос и рот.
По рассудку и желудку —
Братья мы, и по кресту.
А на деле-то не так.
Нас меняют на собак,
И для фарту, так на карту
Ставят всю семью враздробь.
А уж правды нигде
Не найдет мужик в суде;

Без синюхи судьи глухи,
Без вины ты виноват.
Чтоб в палату дойти,
Прежде сторожу плати
За отвагу, за бумагу —
Ты за всё, про всё плати.
И в деревне солдат,
Хоть и, кажется, наш брат,
В ус не дует и воюет,
Как бы в вражеской земле.
Дважды в лето рекрут
Без войны с нас берут.
То налоги, то дороги
Разорили нас вконец.
Чтобы нас наказать,
Господь вздумал ниспослать
Поселенье в разоренье,
Православным на беду.
И заплакал народ,
Но ему зажали рот.
Аракчеев всех затеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнет,
Царь указ подмахнет
Больно, тяжко — ой, ой, ой!
До царя далеко,
А до бога высоко.
Да мы сами
Ведь с усами,
Так мотай себе на ус.

М. И. Муравьев-Апостол на следствии 6 февраля 1826 г. предположительно назвал автором Рылеева («Восстание декабристов», т. 4, М., 1927, с. 289). Рылеев 24 апреля 1826 г. признал себя одного автором песни (там же, т. 1, М., 1925, с. 176), но Бестужев 10 мая указал, что она написана им совместно с Рылеевым (там же, с. 457) Ритмико-интонационный рисунок начальных строк песни заимствован из романса Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох! Тошно мне на чужой стороне...» (1791), исполнявшегося на голос украинской песни «Дівчина моя...» и с 1796 г. входившего во все песенники и во многие лубочные издания. Этот источник позволил авторам в перепеве народной песни с особенной легкостью популяризировать революционные идеи, как формулировали следователи: «для желаемого следствия на умы народа» («Восстание декабристов», т. 1, с. 169). Вероятно, именно поэтому исполнение романса Нелединского-Мелецкого было в 1825 г запрещено (указание В. Н. Орлова в сб. «Декабристы», с. 617) Песня была обдуманным звеном пропагандистской работы декабристов (см. показания А. В. Поджио 12 марта 1826 г., опубликованные в ЛН, № 59, 1954, с. 85). Вероятно, именно с этой целью в песне использованы и некоторые мотивы широко распространенной народной революционной песни «Глас вопиющего в военных поселениях. .» (указано в книге А Г Цейтлина «Творчество Рылеева», М., 1955, с. 198); там же (с 191—200) — целый ряд исторических материалов и сопоставлений, убедительно свидетельствующих о тесной связи песни с политической обстановкой России первой половины 1820-х годов, в частности с рукописной прокламацией, подброшенной в казармы лейб-гвардии Семеновского полка после волнений 1820 г. Речь в песне ведется от имени крепостного, но нередко также и от имени народа (там же, с 191). *Синюха* (синенькая) — пятирублевая ассигнация синего цвета. *А под царским орлом Ядом потчуют с вином.* Вывеска над трактирами и кабаками с изображением герба — двуглавого орла. *А до бога высоко, До царя далеко* — народная пословица.

118. ПЗ V, с. 12 (авторами указаны Рылеев и Бестужев), неточный текст в составе строф 1, 2, 3, 6 и 8, с припевом; РПЛ, СРП и ВП I (без подписи), текст с добавлением предпоследней строфы: «Его <в ВП I — Наши> сенаторы Все скоты да воры», Л I; Л V,

текст ПЗ (подпись: «Рылеев»), и ряд других зарубежных изданий. Песня написана совместно Рылеевым и Бестужевым, возможно с участием и некоторых других лиц. Она исполнялась на мелодию очень популярного комического дуэта «Як приїхав жолнір. . .» — из оперы-водевиля П. Н. Семенова «Удача от неудачи, или Приключение в жидовской корчме» (1818). Сохранились многочисленнейшие списки песни с самыми разнообразными вариантами; особенно ценен список из бумаг П. А. Вяземского (ЛН, № 59, 1954, с. 76). К началу 1850-х годов относится очень любопытный вариант, в сущности полная переработка песни (см. его под № 320). В 1867 г., как видно из одного доноса, песня бытовала в кругу политических ссыльных поляков в Нарыме с такими строками:

Подати сбирает,
Народ обдирает,
    Ай да царь. . .
Сам того не знает,
Что повелевает,
    Ай да царь. . .

(«Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1963, с. 174). См. данные об использовании куплетов этой песни в 1861 г. в кн.: Ф. Ястребов, Революционные демократы на Украине . . , Киев, 1960, с. 291. В начале 1870-х годов Н. С. Лесков пел эту песню со строками: «Росту три аршина. Сущая скотина. . .» (А. Н. Лесков, Жизнь Николая Лескова. . ., М., 1954, с. 278). *Граф Аракчеев* — см. с. 741. *Князь Волконский* П. М (1776—1852) был освобожден от должности начальника Главного штаба (номинально уволен в отпуск) 25 апреля 1823 г. — фактическая отставка стала известна к концу года; в 1826—1852 гг. — министр императорского двора и уделов. *Губернатор в Або* — Закревский А. А. (1783—1865), назначенный финляндским генерал-губернатором 30 августа 1823 г. *Потапов* А. Н. (1772—1847) — с 30 августа 1823 г дежурный генерал Главного штаба. *Масоны* (франк масоны) — члены полутайной организации, охватившей значительное число дворян и принимавшей в разное время различный характер — от религиозно-мистического и реакционного до политически прогрессивного Масонские ложи были закрыты в России в 1822 г. *Голубые ленты.* Высший орден Российской империи — Андрея Первозванного — носился на голубой ленте через плечо.

119. РПЛ, с. 117, под загл. «Песня К—ой», 6 строк, которые в искаженном виде соответствуют ст. 4—11 публикуемого текста (в числе совместных стихотворений Рылеева и Бестужева, но в оглавлении значится вне этого раздела); СРП (анонимно); Л V (автором указан Бестужев). В изд. «Восстание декабристов», т. 9, М., 1950, с. 263 текст, записанный М. И. Муравьевым-Апостолом на допросе; он исправнее текста РПЛ, но, видимо, неполон и тоже неточен. Датируется на основании данных, приведенных в изд.: А. Бестужев-Марлинский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1961, с. 298. Авторами традиционно считаются А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев, однако документальных подтверждений этому нет. М. И. Муравьев-Апостол допускал авторство Е. А. Баратынского

(там же), то же в копии Е. А. Бестужевой («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 414). Эта гипотеза, поддержанная И. Н. Медведевой (Е. А. Баратынский, Полн. собр. стихотворений, т. 1, *БП*, Л., 1936, с. LXXVII и 673), убедительно опровергнута А. Осокиным в статье «Об авторе нелегальной песни „Подгуляла я...“» (ЛН, № 59, 1954, с. 268—272). Можно, однако, допустить, что ритмически близкий романс, приписывающийся Е. А. Баратынскому:

С неба чистая,
Золотистая,
К нам слетела ты;
Всё прекрасное,
Всё опасное
Нам пропела ты! —

был использован Рылеевым и Бестужевым; их песня написана «на голос» этих строк. Существует рассказ об увлечении Рылеева некоей Теофанией Станиславовной К—ой, полькой, может быть, шпионкой, подосланной к нему Аракчеевым («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 16—21 и примеч. М. К. Азадовского, с. 629—630, 682). Связь этого стихотворения с ней сомнительна. (К Т. С. К—ой обращены стихотворения Рылеева «В альбом Т. С. К.» и «Покинь меня, мой юный друг...».) В. Н. Орлов допускает, что в загл. ошибка и речь идет о конституции («Декабристы», с. 638). *Развяжу язык у сенаторов.* По мнению М. В. Нечкиной, речь идет о плане принудить Сенат к изданию манифеста к народу («Восстание декабристов», т. 9, М., 1950, с. 19).

120—126. «Литературная газета», 1950, 26 декабря, и «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», М.—Л., 1951, с. 7—22 (в обоих случаях по списку из архива П. А. Вяземского). Кроме 3-й и 7-й песен, все остальные печ. по этому изд. Автором цикла подблюдных песен, по-видимому, является в основном А. А. Бестужев (об этом его показание 10 мая 1826 г. — «Восстание декабристов», т. 1, М., 1925, с. 457); весьма вероятно соучастие Рылеева. С. И. Муравьев-Апостол 6 февраля 1826 г. очень осторожно и предположительно назвал автором Рылеева («Восстание декабристов», т. 4, М., 1927, с. 289). Н. А. Бестужев считал авторами песен Рылеева и А. А. Бестужева («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 27), а Е. П. Оболенский охарактеризовал их 9 мая 1826 г. как плод коллективного творчества — «членов и не членов общества ... каждый куплет имел своего автора» («Восстание декабристов», т. 1, с. 267). Датировка установлена М. А. Брискманом в назв. выше сб. «Декабристы и их время...». Дошедшие до нас семь песен (текст восьмой — «По улице мостовой...» — остается неизвестным) представляют собою органический цикл. *Подблюдные песни.* Подблюдными в фольклоре называются песни, связанные с новогодними гаданиями; чтобы узнать, что ждет человека в будущем году, на блюдо клали кольца и другие украшения, заливали их водой, покрывали блюдо платком; под песни наугад вынимали из блюда по предмету; слова относили к владельцу вынутой вещи.

1. Написана на мотив народной подблюдной песни, которая позднее была процитирована А. А. Бестужевым в напечатанной в 1831 г. повести «Страшное гадание» (см.: В. Базанов, Очерки декабристской литературы..., М., 1953, с. 195):

Слава богу на небе,
Государю на сей земле!
Чтобы правда была
Краше солнца светла;
Золота ж казна
Век полным-полна!
Чтобы коням его не изъезживаться,
Его платьям цветным не изнашиваться,
Его верным вельможам не стареться!

2. Песня имеет в виду военные поселения. Написана на мотив народной песни, имеющейся в записи А. А. Бестужева:

Щука шла из Новгорода,
Хвост несла из Бела-озера;
У щучки головка серебряная,
У щучки спина жемчугом плетена,
А наместо глаз — дорогой алмаз.

3. «Восстание декабристов», т. 9, М., 1951, с. 262, ст. 1—12 (в показаниях М. И. Муравьева-Апостола от 10 апреля 1826 г.); ЛН, № 59, 1954, с. 108, ст. 1—3, 10—12, 16—21, с вариантами ст. 16—17 (в показании участника кружка братьев Критских Д. Тюрина от 6 сентября 1827 г.); там же, с. 108, ст. 7, 10—21, с вариантами ст. 7 (в показании другого участника того же кружка — П. М. Пальмина от 13 сентября 1827 г.). Полностью — см. выше примеч. ко всему циклу. Печ. по сводному тексту, установленному Л. А. Мандрыкиной (ЛН, № 59, 1954, с. 115). Эта песня, бытовавшая и в составе цикла и отдельно (см. «Восстание декабристов», т. 1, М., 1925, с. 210), написана Бестужевым, возможно, при участии Рылеева. В 1827 г. к делу о распространении этой песни был привлечен А. И. Полежаев; он не отрицал знакомства со стихами (ЛН, № 59, 1954, с. 114—116). *Вдоль Фонтанки-реки Квартируют полки.* В районе реки Фонтанки в Петербурге находились казармы лейб-гвардии Измайловского и Московского полков и недалеко от них — казармы лейб-гвардии Семеновского полка. *Князьки-сопляки.* Очевидно, намек на великих князей Николая и Михаила Павловичей, в то время командиров 1-й и 2-й гвардейских дивизий. *На тирана-подлеца* — Александра I. *Да Семеновский полк Покажет им толк.* Намек на волнения Семеновского полка в 1820 г.; возможно, что песня написана в связи с этим событием (см. об этом с. 744).

4. В основе стихотворения — народная подблюдная песня, начинающаяся словами: «Ах, ты сей, мати, мучицу, пеки пироги». *С железом* — с оковами. *«Быть по сему»* — формула царской утверждающей резолюции.

5. В основе стихотворения — народные подблюдные песни, начинающиеся словами: «Уж как на небе две радуги, У богатого же-

ника две радости. . .» или (в записи А. А. Бестужева): «Расцветали в небе две радуги, У красной девицы две радости. . .»

6. Вероятно, автором песни является один А. А. Бестужев.

7. РПЛ, с. 425, ст. 1—15, с существенными вариантами и с изменением ритма (автором указан Рылеев); СРП (текст РПЛ, вариант ст. 4, анонимно); Л I, строфы 1—5 с вариантами; Л V (текст РПЛ, автором указан Рылеев); ВП I (текст РПЛ); «Песенник», Женева, 1873. Полностью — см. выше примеч. ко всему циклу. Печ. по изд.: А. Бестужев-Марлинский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1961, с. 245 (уточнение ст. 1 и 4). В этой песне (она бытовала и в составе цикла и отдельно) возможно соавторство Рылеева: указание РПЛ и Е. И. Якушкина («XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 354). И. И. Пущин на допросе 6 мая 1826 г. показал, что он помнит только две строфы этой песни и что «впоследствии идет речь о ножах для властей. Кто сочинил ее, мне неизвестно» («Восстание декабристов», т. 2, М., 1926, с. 226). По предположению Н. А. Котляревского (в его кн. «Рылеев», СПб., 1908, с. 76), к этой песне относится рассказ Адама Мицкевича о «жестоких» песнях, которые приводили в ужас ссыльных поляков, слушавших их на собраниях русских заговорщиков (A. Mickiewicz, Les slaves, т. 3, Paris, 1849, p. 289).

А. А. ДЕЛЬВИГ

127. РПЛ, с. 202; Л II. Печ. по изд.: А. А. Дельвиг, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1959, с. 156. Вольный и сокращенный перевод песни П.-Ж. Беранже «Le bon Dieu» (1820). Полный перевод Вс. Рождественского см.: П.-Ж. Беранже, Полн. собр. песен, т. 1, изд. 2, М.—Л., 1936, с. 470. Предположительно датируется на основании упоминания в ст. 38 с.-петербургского обер-полицеймейстера И. В. *Гладкого* (1762—1832), занявшего этот пост в 1821 г. *Саваоф* — одно из имен бога в Библии.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

128. «Литературный вестник», 1902, № 2, с. 173. Печ. по изд.: В. К. Кюхельбекер, Избр. произведения в двух томах, т. 1, *БП*, М.—Л., 1967, с. 150 (уточненный текст автографа ПД из альбома П. А. Вяземского). *Ермолов* — см. примеч. 108. *В потомстве Нéрона клеймит бесстрашный стих.* Жестокость римского императора Нерона (37—68 н. э.) обличали Ювенал, Марциал, Лукан и другие поэты. *Ахилл* — герой «Илиады» Гомера. *Так пел, е Суворова влюблен... Державин.* Державин несколько раз воспевал подвиги Суворова («На взятие Измаила», 1791; «На победы в Италии», 1799 и др.). В письмах к П. А. Вяземскому Пушкин считал ст. 19—20 очень неудачными (Пушкин, т. 13, с. 159). *Сципион* Публий Корнелий — римский полководец (ок. 235—183 до н. э.). *Когда я своему герою* — Ермолову.

129. В. К. Кюхельбекер, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1930, с. 74. Загл. в автографе ПД — «К Туманскому». Поэт Василий Иванович Туманский (1800—1860) был другом Кюхельбекера. *Ахáтес* — герой «Энеиды» Вергилия, верный друг Энея.

Лететь к Марафонским, святым знаменам. Имеется в виду Греция; в битве при Марафоне в 490 г. до н. э. греки победили персов.

130. ПЗ V, с. 13; РПЛ; ССД; Л I; Л V. Печ. по списку ПД (из бумаг А. Е. Измайлова). Неизменно публиковалось с именем Кюхельбекера, но в 1872 г. П. А. Ефремов выдвинул утверждение об авторстве Рылеева (К. Ф. Рылеев, Соч. и переписка, СПб., 1872, с. 348). В ряде статей, напечатанных в советское время, этот вопрос подвергся серьезному обсуждению, и в результате большинство авторов склонилось к признанию авторства Кюхельбекера. История вопроса изложена Н. В. Королевой в указ. выше изд. 1967 г. (Избр. произведения, т. 1, с. 623); ср. также: А. Глассе, Проблемы авторства В. К. Кюхельбекера (РЛ, 1966, № 4, с. 147). *Чернов* Константин Пахомович (1803—1825) — двоюродный брат Рылеева, подпоручик Семеновского полка, член Северного общества. 10 сентября он дрался на дуэли с флигель-адъютантом В. Д. Новосильцевым, защищая честь своей сестры. Новосильцев сделал ей предложение, имело место обручение, однако в дальнейшем он от брака уклонялся. Конфликт этот имел социальную подоплеку: Новосильцев был из знатного аристократического семейства, Черновы — бедные дворяне. В предсмертном письме Чернов писал А. А. Бестужеву: «Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души» («XIX век», кн. 1, М., 1872, с. 334). Дуэль закончилась смертью обоих противников; похороны Чернова превратились в большую общественно-политическую демонстрацию с участием членов тайного общества. Стихи Кюхельбекера предназначались для оглашения на могиле, но чтение не состоялось.

131. ССД, с. 170. *Рылеев* был казнен 13 июля 1826 г. *Муханов* Петр Александрович (1799—1854), которому посвящено стихотворение, — друг Кюхельбекера, журналист и переводчик; член «Союза Благоденствия», приговоренный к каторжным работам. *В ужасных тех стенах, где Иоанн* и т. д. В Шлиссельбургской крепости был заключен царь Иоанн Антонович (1740—1764); он был свергнут с престола в 1741 г. при воцарении Елизаветы. *Багряница* — здесь: царская мантия. *Певец, поклонник пламенной свободы.* Кюхельбекер говорит о себе. *Цевница* — см. примеч. 68.

132. «Литературный Ленинград», 1936, 8 февраля. *Не он один; другие вслед ему,* т. е. другие репрессированные декабристы. *Или болезнь наводит ночь и мглу.* В 1845 г. Кюхельбекер ослеп. *Или рука любовников презренных* и т. д. Речь идет о гибели Пушкина в 1837 г. *Или же бунт поднимет чернь.* О гибели Грибоедова в 1829 г. в Тегеране.

133. В. К. Кюхельбекер, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1930, с. 186. *Якубович* Александр Иванович (1792—1845) — декабрист, умерший в ссылке в Енисейске. *Ермоловцы.* Под начальством генерала А. П. Ермолова (см. примеч. 108) служили на Кавказе друзья Кюхельбекера, многие из которых оказались в рядах декабристов. *Я не любил его* и т. д. Кюхельбекер и Якубович были

в плохих отношениях: Грибоедов и Якубович были секундантами враждебных сторон в дуэли В. В. Шереметева и А. П. Завадовского в 1817 г., позднее состоялась и дуэль между секундантами. Кюхельбекер же был другом Грибоедова.

134. В. К. Кюхельбекер, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1930, с. 189. Стихотворение не отделано и не закончено. Обращено скорее всего к шефу жандармов А. Ф. Орлову (см. примеч. 79). *Преториане* — гвардия римских императоров. *Какодемон* — злой дух. *Фальстаф* — герой пьес Шекспира («Генрих IV», «Виндзорские кумушки») — пьяница, трус и развратник. *Немезида* (греч. миф.) — богиня возмездия.

Ф. Н. ГЛИНКА

135. «Полярная звезда», СПб., 1823, с. 355. Неоднократно переписывалось в рукописные сборники. Стихотворение представляет собою переложение 136-го псалма Давида, посвященного разгрому Иудеи Вавилоном в VI в. до н. э. и уводу евреев в плен. Эта тема переосмыслена как борьба против русской тирании. Та же тема была развита в оригинальных и переводных стихах П. Г. Ободовского, В. Н. Григорьева и др. (см.: В. Г. Базанов, Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949, с. 242). Псалом многократно перекладывался в стихи и русскими и иностранными поэтами (ср., например, «Подражание псалму CXXXVI» Языкова 1830 г.). Две последние строки стихотворения Глинки были популярны в течение всего XIX в. *Сион* — гора в Иерусалиме, священное место иудеев и христиан, символ Иудеи. *Тимпан* — ударный музыкальный инструмент.

136. «Венера, или Собрание стихотворений разных авторов», ч. 1, М., 1831, с. 36, в составе девяти строф (подпись: «П.»); РПЛ (без подписи); ССД (подпись: «Рылеев»); Л I, Л V (без подписи). Печ. по сб. «Венера» без последних четырех строф — в таком виде стихотворение стало популярной тюремной песней. В указанных строфах узник обращался с мольбой к царю о помиловании. В списках встречается за подписью Полежаева (основание: подпись «П» первопечатного текста). С 1850-х годов вошло в песенники (часто в качестве народной песни), в лубок, перекладывалось на музыку (см. «Песни и романсы», с. 1009). Кроме того, с различными вариантами вошло в тюремный фольклор (см.: С. В. Максимов, Ссыльные и тюрьмы, т. 1, СПб., 1862, с. 68; П. Ф. Якубович, В мире отверженных..., т. 1, М.—Л., 1964, с. 102). В одной из редакций народной драмы «Царь Максимилиан» имеются строки из «Песни узника» (Н. Е. Ончуков, Северные народные драмы, СПб., 1911, с. 14). Первоначально (без десяти последних строк) было включено автором в поэму «Дева карельских лесов» (Ф. Н. Глинка, Избр. произведения, *БП*, Л., 1957, с. 326). О популярности песни свидетельствует использование ее в «Двенадцати» Блока. Датируется временем ареста Глинки. В образе узника Глинка изображал декабриста, надеявшегося на милость царя. *Заневские башни* — бастионы Петропавловской крепости.

137. «Советские архивы», 1968, № 5, с. 33 (по автографу ЦГАЛИ). Датируется по содержанию. В стихотворении описывается эпизод, когда в Ярославле в 1826 г. народ кидал в проезжавших на каторгу ссыльных декабристов комки мерзлой грязи. Вероятно, этот же эпизод имел в виду Тютчев в строках: «Народ, чуждаясь вероломства, Поносит ваши имена» (стих. «Вас развратило самовластье. . .»). Образ декабриста и является центральным в стихотворении — он «пророк» (ср. одноименное стихотворение Пушкина 1826 г.), который в будущем призовет к восстанию. *Чада ночи. . . Заплечные мертвецы.* Подразумевается неправедная власть, погубившая декабристов.

138. РА, 1875, № 12, с. 422 (по записи В. Д. Давыдова). Написано в 1856 г. в связи с амнистией декабристов и, в частности, с возвращением в Москву И. Д. Якушкина. Стихотворение не могло быть напечатано в свое время, и публикация его не входила в планы очень изменившегося в 50-е годы Ф. Глинки. *Семеновский полк.* Основанный Петром I в 1683 г., он был одним из самых привилегированных полков гвардии. В 1820 г. в полку произошло восстание солдат, недовольных жестоким командиром полка Ф. Е. Шварцем (см. об этом с. 744). *Новинки* — имение И. Н. Толстого (в Московской губернии), бывшего офицера Семеновского полка. Здесь находили приют декабристы, которым было воспрещено жительство в Москве. *Благородный Муравьев* — декабрист М. И. Муравьев-Апостол (1793—1886). *Где, у семьи благословенной,* т. е. в имении И. Н. Толстого. *Якушкин* И. Д. (1796—1846) — бывший офицер Семеновского полка; его *сын* — Евгений (1826—1905).

139. В. Г. Базанов, Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949, с. 204 (по списку ЦГВИА). Авторство Ф. Н. Глинки в высшей степени вероятно, но не окончательно доказано: другие возможные авторы стихотворения — подполковник Д. П. Шелехов, близкий в эти годы к «Союзу Благоденствия», поэт А. Е. Измайлов, журналист, также близкий в то время к левым кругам (см. данные в кн. В. Г. Базанова, с. 203, 207). Дата определяется событиями «Семеновской истории», подавшими повод к написанию стихотворения. Списки с него были в распоряжении властей уже 28 октября 1820 г. О распространенности их свидетельствует Н. И. Греч (см. его «Записки о моей жизни», М.—Л., 1930, с. 409—410); см. также в указ. кн. В. Г. Базанова (с. 204). О «Семеновской истории» см. с. 744 наст. изд.

140. Печ. впервые по списку ПД; он представляет собою отдельные листы, впоследствии переплетенные в сборник. Конволют принадлежал секретарю Саратовской ученой архивной комиссии Н. С. Соколову, а потом до 1902 г. А. Н. Пыпину (см.: В. И. Срезневский, Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение библиотеки имп. Академии наук в 1900 и 1901 годах. — «Известия имп. Академии наук», т. 16, № 2 (февраль 1902), с. 21 и отд. оттиск). Список в некоторых строках содержит правку; возможно, что она произведена автором. Стихотворение подписано инициалами: «Θ. Г.», которые предположи-

тельно расшифровываются как Ф. Н. Глинка. Во всяком случае, политические воззрения Глинки 1820-х годов, сочувствие декабристов греческому восстанию против турок, стиль и фразеология стихотворения и многочисленные аллюзии, связывающие тираноборческие мотивы с современностью, делают это предположение вероятным. Стихотворение перекликается с наброском Пушкина «Гречанка верная! Не плачь, — он пал героем...» (1821), «Военным гимном греков», переведенным в 1821 г. Н. И. Гнедичем (см. № 51), с «Греческой песней» В. Кюхельбекера (1821), «Песнью грека» А. Ротчева (1825), «Греческой одой» В. И. Туманского (1826), стихотворением «Греция» Я. Др⟨агомано⟩ва и др. на ту же тему. *Агаряне* — племя бедуинов; в переносном смысле — иноземцы-завоеватели. *Османы* — турки, по имени султана Османа, в 1299 г. основавшего турецкую империю. *Саламин* — остров (нынешнее название — Калури), принадлежавший Греции. Остров известен победой, одержанной у его берегов греческим флотом над персами в 480 г. до н. э. *Марафон* — см. примеч. 129. *Минос* — легендарный царь Древнего Крита. *Ликург* — полулегендарный законодатель Древней Спарты IX в. до н. э. *Солон* — афинский законодатель VI—V вв. до н. э. *Леонид* — спартанский царь; защищая свою страну от персов, погиб в Фермопилах в 480 г. до н. э. *Аристид* (540—467 до н. э.) — афинский полководец, отличившийся в битвах при Марафоне и Саламине. *Мильтиад* (ум. 489 до н. э.) — афинский полководец, победитель персов при Марафоне. *Фемистокл* (ок. 527—460 до н. э.) — афинский полководец, прославившийся победой при Саламине.

И. А. КРЫЛОВ

141. РА, 1867, № 3, с. 392. Печ. по изд.: И. А. Крылов, Стихотворения, *БП*, Л., 1954, с. 321. Басня не была напечатана при жизни Крылова по цензурным причинам. По предположению В. Ф. Кеневича и Н. Л. Степанова, она написана в связи с «университетской историей» 1821 г., об этом см. примеч. 154. Не исключено, что поводом к написанию басни послужили волнения 1820 г. в Семеновском полку (об этом см. с. 744).

142. «Соревнователь просвещения и благотворения», 1824, № 7, с. 3 (в составе изд.: «Труды Вольного общества любителей российской словесности», ч. 26, кн. 1), под загл. «Рыбья пляска». В смягченном варианте — «Сын отечества», 1824, № 27, с. 33, с примеч.: «Басня сия напечатана в № 7 «Соревнователя просвещения» на сей год с пропусками и ошибками. Здесь помещается она по желанию почтенного автора с исправного списка». В действительности и эта публикация не выражала авторской воли. Печ. по изд.: И. А. Крылов, Стихотворения, *БП*, Л., 1954, с. 317. Первоначальный, предшествовавший «Соревнователю» текст (см. его в изд.: И. А. Крылов, Соч., т. 3, М., 1946, с. 489) был переделан под давлением цензуры или даже по приказанию кого-то из правительственных кругов, усмотревших в басне сатиру на Александра I. Сюжет ее, возможно, навеян эпизодом, известным по рассказу Я. К. Грота. Однажды, путешествуя по России, Александр I в одном провинциальном городе увидел приближающуюся к его дому толпу. «На вопрос государя,

что это значит, губернатор отвечал, что это депутация от жителей, желающих принести его величеству благодарность за благосостояние края. Государь, спеша отъездом, отклонил прием этих лиц. После распространилась молва, что они шли с жалобой на губернатора, получившего между тем награду» (цит. по указ. выше изданию «Стихотворений», с. 629). *Пошли на голоса* — начали голосовать.

143. «Северные цветы», СПб., 1829, с. 67, с пропуском ст. 5—6. Печ. по альм. «Подснежник», СПб., 1829, с. 29. Смысл басни был разъяснен Гоголем, который лично знал Крылова и, быть может, с его слов писал в 1846 г. в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (статья «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»): «Когда у некоторых доброжелательных, но недальнозорких начальников утвердилось было странное мнение, что нужно опасаться бойких, умных людей и обходить их в должностях из-за того единственно, что некоторые из них были когда-то шалуны и замешались в безрассудное дело, он написал... замечательную басню „Две бритвы"» (Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. 8, Л., 1952, с. 393). В этих словах очевиден намек на лиц, причастных к событиям 14 декабря, которых власти впоследствии не допускали к сколько-нибудь значительным ответственным должностям.

144. «Сын отечества», 1836, № 1, с. 64. Печ. по изд.: И. А. Крылов, Стихотворения, *БП*, Л., 1954, с. 376. Басня в течение двух лет не разрешалась цензурой и появилась в печати лишь после того, как Крылов прочел ее Николаю I на придворном маскараде (примечания В. А. Олениной к басням И. А. Крылова. — «Литературный архив, издаваемый П. А. Картавовым», вып. 1, СПб., 1902, с. 75; В. Ф. Кеневич, Библиографические и исторические примечания к басням И. А. Крылова, СПб., 1868, с. 240). *Эак* (греч. миф.) — сын Зевса и Эгины, в награду за благочестие ставший, по воле богов, одним из трех судей в Аиде; здесь в нарицательном значении: справедливый человек, судья.

С. А. ПУТЯТА

145. М. В. Довнар-Запольский, Идеалы декабристов, М., 1907, с. 110. Текст неисправен. *Тиран, владыка, муж надменный... Уполномоченный злодей* — Аракчеев (см. о нем на с. 741).

Н. М. ЯЗЫКОВ

146. ПЗ V, с. 36; СРП; Л I; Л V (тексты неисправны). Печ. по изд.: Н. М. Языков, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1964, с. 98. Стихотворение пародирует текст гимна царской России «Боже, царя храни...», сочиненного Жуковским (1814); к тому же типу сатирических перепевов гимна относятся «Юнкерская молитва» Лермонтова (1833) и анонимное стихотворение «О, правосудный бог...» (см. № 193). В воспоминаниях художника М. С. Знаменского приведены еще четыре строки другого «вольного» переложения гимна, распевавшиеся в Сибири М. И. Муравьевым-Апостолом («Сибирские огни», 1946, № 2, с. 104):

Гостью небесную,
Вольность прелестную,
Всем неизвестную,
Нам ниспошли.

Декабрист А. В. Поджио на допросе 12 марта 1826 г. показывал, что Пушкин пародировал «Боже, царя храни» (РМ, 1910, № 6, с. 7); возможно, что он имел в виду именно стихотворение Языкова: в списках автором его иногда называется Пушкин.

147. ПЗ V, с. 32; РПЛ; Л I. Печ. по изд.: Н. М. Языков, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1964, с. 101. *Киселев* Николай Дмитриевич (1800—1869) — товарищ Языкова по Дерптскому университету, впоследствии видный дипломат и реакционный деятель, активно боровшийся с влиянием Герцена и его изданий.

148. ПЗ V, с. 35; РПЛ; Л II. Впервые в легальной печати: «Языковский архив», вып. 1, СПб., 1913, с. 108, с вариантом ст. 11. Печ. по изд.: Н. М. Языков, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1964, с. 112. Стихотворение очень широко распространялось в списках. *Служители Арея* — военные; Арей (греч. миф.) — бог войны. *Современный Герострат*. Возможно, имеется в виду Александр I; Герострат — см. примеч. 77. *Занд* — см. примеч. 82. *Лувель* — см. примеч. 98.

149. ПЗ V, с. 37, без загл.; РПЛ; Л I; Л II; Л V. Печ. по изд.: Н. М. Языков, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1964, с. 124. В списке В. П Гаевского (ГПБ, ф. М. К. Азадовского) и в дневнике И. К. Бабста (ЛБ, запись между 14 марта и 17 мая 1855 г.) строфа 2 звучит резче:

Под тяжким игом самовластья,
Покорны рабскому ярму,
Сердца не сознают участья
И ум не верует уму.

Стихотворение долгое время приписывалось Рылееву; авторство Языкова впервые указано П. А. Ефремовым (К. Ф. Рылеев, Соч. и переписка, СПб., 1872, с. 375).

150. ПЗ V, с. 39, без загл.; РПЛ; Л II. Печ. по изд.: Н. М. Языков, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1964, с. 141.

151. ПЗ V, с. 41; Л II. Впервые в легальной печати: «С.-Петербургские ведомости», 1866, 22 июня, без загл., с пропуском ст. 11 и цензурной купюрой ст. 17. Печ. по изд.: Н. М. Языков, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1964, с. 166. *Филистимлянам гоненье*. Из письма Языкова к сестре от 7 апреля 1825 г. следует, что студенты называли «филистимлянами всех, кроме себя самих» («Языковский архив», вып. 1, СПб., 1913, с. 172).

152. «Атеней», кн. 3, Л., 1926, с. 11. К. Ф. Рылеев был казнен 13 июля 1826 г. Языков был с ним знаком; по его рекомендации был

принят в члены «Вольного общества любителей российской словесности», печатался в «Полярной звезде» Рылеева и Бестужева. В некоторых списках стихотворение приписывалось Рылееву.

А. С. ГРИБОЕДОВ

153—154. 1. А. Грибоедов, Горе от ума, М., 1833, с. 59—60, с цензурным пропуском ст. 46—57 и искажением ст. 2; А. С. Грибоедов, Горе от ума, СПб., 1862, с. 39—41. Печ. по изд.: А. С. Грибоедов, Соч. в стихах, *БП*, Л., 1967, с. 101. *Времен Очаковских и покоренья Крыма.* Взятие русскими войсками турецкой крепости Очаков и завоевание Крыма имели место в 1783 г. *Клиенты-иностранцы* — французы, эмигрировавшие в Россию после революции 1789 г. *Нестор негодяев знатных.* Нестор — в значении старейший (вождь в «Илиаде» Гомера). Современники видели здесь намек на генерала Л. Д. Измайлова, прославившегося развратом, самодурством и жестоким обращением с крепостными; в частности, имеется в виду случай, когда он променял четырех дворовых, прослуживших ему по тридцать лет, на четырех охотничьих собак. *Или вон тот еще? который для затей* и т. д. Возможно, что речь идет о помещиках-театралах А. Н. Голицыне или Ржевском; Ржевский продал свою крепостную труппу дирекции императорских театров. *Сам погружен умом в Зефирах и Амурах*, т. е. занят обучением актеров, изображавших зефиров (божков ветра) и амуров (божков любви). *Но должников не согласил к отсрочке.* Слово «должник» имело в это время два значения — и тот, кто одалживает, и тот, кто одолжается. *Когда из гвардии, иные от двора Сюда на время приезжали.* В 1818 г. двор и гвардия находились в Москве.

2. «Русская Талия. Подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год», СПб., 1824, с. 312; А. С. Грибоедов, Горе от ума. Комедия в стихах, М., 1833, с. 126; оба издания — с цензурными пропусками. Отрывок, соответствующий публикуемому, — А. С. Грибоедов, Горе от ума. Комедия в 4-х действиях в стихах, Полнейшее издание, Берлин—Париж, 1858, с. 149. Текст отрывка, восходящий к одному из многочисленных списков, распространявшихся с 1824 г., — РС, 1873, № 12, с. 994 и 1874, № 1, с. 198 (копия журнала Пермской межевой конторы 1831 г.). В качестве неизданного снова: РА, 1898, № 8, с. 649 и ЛН, № 47-48, 1946, с. 297. Печ. по изд.: А. С. Грибоедов, Соч. в стихах, *БП*, Л., 1967, с. 245. История пермского списка изложена во вступ. заметке на с. 414. *Да от ланкарточных взаимных обучений.* Хлестова искажает слово «ланкастерский», оно происходит от имени английского педагога Джозефа Ланкастера (1771—1838). Его система обучения предполагала, в частности, взаимную помощь учеников: более сильные помогали слабым. Педагогическая система Ланкастера была им описана в двух книгах, изданных на английском языке в 1805 и 1810 гг., и вскоре стала очень популярной в Америке, куда автор эмигрировал, не получив признания в Англии. С 1817 г. в России были организованы по этой системе некоторые военные училища, а с 1819 г. она получила широкое распространение. Передовая для своего времени ланкастерская система была использована будущими декабристами (например, В. Ф. Раевским) при обучении солдат. Все это опреде-

лило неприязненное отношение реакционных кругов к этому методу, в котором видели чуть ли не революционную угрозу. Престарелая княгиня Тугоуховская враждебно относится к Лицею (т. е. к открытому в 1811 г. Царскосельскому лицею) и пансионам (возможно, к Московскому университетскому благородному пансиону, который в 1818 г. получил права лицея). *В Петербурге Институт Пе-да-го-гический* и т. д. Педагогический институт был основан в 1804 г.; он в 1819 г. прекратил свое существование, влившись в основанный в 1819 г. Петербургский университет; был восстановлен лишь в 1828 г. В 1821 г. четырем профессорам университета (Э. Раупаху, А. И. Галичу, К. Ф. Герману и К. И. Арсеньеву), по проискам попечителя Д. П. Рунича, было предъявлено обвинение «в открытом отвержении истин священного писания и христианства, соединяющемся всегда с покушением ниспровергнуть и законные власти» («Дело Санкт-Петербургского университета в 1821 году». — «Вестник Ленинградского гос. университета», 1947, № 3, с. 145). Профессора были уволены, а ректор М. А. Балугьянский отрешен от должности. Именно этот эпизод имеет в виду княгиня Тугоуховская, ошибочно относя его к Педагогическому институту. *Он химик, он ботаник, Князь Федор, мой племянник.* Кое-кто из современников узнавал в этой реплике Алексея Александровича Яковлева (ум. 1868) — двоюродного брата Герцена, описанного им в «Былом и думах» под именем «Химик». *Для больших оказий,* т. е. для особых случаев.

155. РС, 1872, № 3, с. 429, под загл. «Экспромт», запись со слов С. Н. Бегичева и Д. А. Смирнова. Аутентичный текст неизвестен. В списках существует ряд вариантов: ст. 2 «Я ненавижу...»; ст. 3 «Меня позвали...», «Меня и взяли...», «За то посажен...»; ст. 4 «И сам...», «И потянули...», «И там притянут...» Печ. по «Новому миру», 1938, № 4, с. 278. В ряде списков (ПД, ГПБ, ЦГАЛИ) — только первые четыре строки. По преданию, стихотворение было создано Грибоедовым во время ареста в Главном штабе в Петербурге по подозрению в связях с декабристами или же сразу по освобождении, т. е. в период между 11 февраля и 2 июня 1826 г. *И был притянут к Иисусу,* т. е. привлечен к дознанию. *Он друг сестрицын.* Двоюродная сестра Грибоедова Елизавета Алексеевна была замужем за влиятельным И. Ф. Паскевичем, членом суда над декабристами, который, судя по всему, помог Грибоедову избежать репрессий. *Голицын* — скорее всего министр народного просвещения и духовных дел в 1816—1824 гг., член следственной комиссии по делу декабристов кн. А. Н. Голицын (1773—1844) или московский генерал-губернатор кн. Д. В. Голицын (1771—1844).

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

156. «Звенья», № 5, М., 1935, с. 188 (по списку Н. В. Путяты в ЦГАЛИ). Публикатор К. В. Пигарев подробно обосновал авторство Е. А. Баратынского и установил дату написания этой эпиграммы на Аракчеева (о нем см. с. 741).

Д. И. ЗАВАЛИШИН

157. «Восстание декабристов», т. 3, М., 1927, с. 389 (по автографу ЦГАОР).

158. Там же, с. 383 (по автографу ЦГАОР).

А. В. УТКИН

159. СРП, с. 84 (без подписи); Л I; Л V; ВП II (подпись: «П. А. Вяземский»); «Мир божий», 1906, № 2; А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. 12, Пг., 1919 (менее исправный текст по полицейскому списку). Печ. по СРП. Не исключено, что песня могла быть сложена после смерти Александра I. Упоминание о песне в ряду событий первой половины 20-х годов см. в воспоминаниях Е. А. Бестужевой («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 414). Существовал и распространялся в провинции (в Нежине) и другой вариант песни:

О боже, коль ты еси,
Всех царей с грязью меси,
Машу, Мишу, Колю и Сашу
На кол посади.

(См.: С. И. Машинский, Гоголь и дело о вольнодумстве, М., 1959, с. 166). В начале XX в. отзвуком этой песни были обнаруженные в Саратовской губернии в январе 1906 г. стихи, метившие уже в Николая II, его родственников и генералов:

Господи помилуй
Царя Николашу,
Жену его Сашу,
Мать его — Машу,
Трепова генерала,
Макарова адмирала

и т. д. еще 13 строк. Четыре последние:

И других сволочей,
Воздай им, господи,
И бедную Россию не покинь.
Аминь.

(Т. М. Акимова и В. К. Архангельская, Революционная песня в Саратовском Поволжье. Очерки исторического развития, Саратов, 1967, с. 117). Об авторстве Уткина см.: ГМ, 1919, № 1—4, с. 72—73. Эту песню пели на вечеринке у провокатора И. П. Скаретко в ночь с 8 на 9 июля 1834 г. Н. М. Сатин ошибочно приписывает ее В. И. Соколовскому («Из воспоминаний». — «Русские пропилеи», т. 1, М., 1915, с. 197); столь же неосновательна атрибуция ее А. А. Дельвигу (см.: В. Г. Базанов, Очерки декабристской литературы, М., 1953, с. 188). *Сашенька* — Александр I, *Машенька* — императрица Мария

Федоровна, жена Павла I (1759—1828), либо дочь его Мария Павловна (1786—1859). *Мишенька* — сын Павла I, великий князь Михаил Павлович (1798—1848). *Костенька* — сын Павла I, великий князь Константин Павлович (1779—1831). *Николашенька* — император Николай I (1796—1855).

В. И. СОКОЛОВСКИЙ

160. ⟨А. И. Герцен⟩, Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера, Лондон, 1854, с. 72; то же, изд. 2, Лондон, 1858; РПЛ; СРП; ВП I; Л I; несколько отличный текст (разночтения в ст. 2, 4, 8, 10, 16) — «Мир божий», 1902, № 2; Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. 12, Пг., 1919 (в комментариях М. К. Лемке). Еще один текст — «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 66, вып. 4; 1958. Из многочисленных копий отметим переписанную с именем Соколовского в дневнике Н. А. Добролюбова в 1855 г. (Н. А. Добролюбов, Собр. сочинений, т. 8, М.—Л., 1964, с. 469). Печ. по тексту, процитированному Герценом, — именно он получил преимущественное распространение. Написано, очевидно, вскоре после провозглашения Николая I царем (12 декабря 1825). *Царь благословенный* — официальное наименование Александра I. *Грамотку вручил.* Завещание Александра I, передававшего власть Николаю, а не Константину, или соответствующий манифест Николая I.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

161. РПЛ, с. 420. Датируется годом смерти Павла I.

162. РПЛ, с. 81, под загл. «Павлу I» (автором указан Пушкин). Датируется годом смерти Павла I. *Покойник* — Павел I. *Голик* — веник из голых прутьев; имеется в виду неудачная посадка в столице молодых деревьев по указу Павла I.

163. ЛН, № 9-10, 1933, с. 55 (по списку А. Т. Болотова в ГПБ). «Разговоры в царстве мертвых» представляют собою очень древний жанр (в прозе и в стихах), восходящий к античной мифологии и поэзии (царство теней и беседы в нем описаны уже у Гомера). Родоначальником этого жанра считается древнегреческий сатирик Лукиан (125—190 н. э.). Начиная с 1630-х годов «разговоры в царстве мертвых» стали очень популярны во Франции, в Англии и в Германии — произведения этого рода насчитываются десятками (перечень их см.: Johan Egilsrud, Le «Dialogue des Morts» dans les littératures française, allemande et anglaise (1644—1789), Paris, 1934, p. 201—213). Художественный эффект «разговоров» состоял, в частности, в том, что они позволяли сатирически сталкивать между собой, независимо от хронологии, самых разных лиц — по преимуществу исторических деятелей; поэтому многие «разговоры...» оставались в рукописи. Русская литература XVIII — начала XIX в. использовала этот своеобразный «жанр». Известны, например, «Разговоры, бывшие между двух российских солдат, случившихся на галерном флоте в кампании 1743 года» («Чтения в обществе истории и древностей

российских. . .», 1862, № 1, январь—март, с. 150—166). Как безнадежно омертвевший жанр «разговоры в царстве мертвых» иронически упомянул Н. Г. Чернышевский в работе «Лессинг. Его время, его жизнь и деятельность» (Полн. собр. соч., т. 9, М., 1948, с. 9). *Надели те, которых я любил* и т. д. В убийстве Павла I непосредственное участие принимали самые близкие к нему лица.

164. ЛН, № 9-10, 1933, с. 60 (по спискам ГПБ); ПС, с разночтениями (также по спискам ГПБ). Несколько списков — ПД. Печ. по ПС, с. 568, где текст более исправен. *Кутайсов* Павел Иванович (1759—1834) — по происхождению пленный турок из г. Кутая; был мальчиком подарен Павлу I; за границей обучался парикмахерскому и фельдшерскому искусству. Его карьера с неслыханной быстротой началась со времени воцарения Павла I: в 1799 г. он был уже графом. Надменностью, взяточничеством и лицемерием он снискал всеобщую ненависть. *Дольский* М. — секретарь и наперсник Кутайсова, влиятельный и заносчивый чиновник. *Удушила виновника параличом.* По одной из официальных версий, Павел I скончался от апоплексического удара. *Когда б не спас тебя Ланской.* Узнав, что жизнь Павла I в опасности, Кутайсов полуодетым бежал из Михайловского замка и скрылся на Литейном проспекте в доме гофмаршала С. С. Ланского (1761—1813). *Хоть ты осыпан и звездами* — неточная цитата из стихотворения Державина «Вельможа» (см. № 6).

165. ЛН, № 9-10, 1933, с. 76 (по списку ГПБ, собр. И. В. Помяловского «Разные пустяки» — из бумаг А. Т. Болотова, без подписи). Датируется на основании упоминания в ст. 3 о пяти годах, прошедших после смерти Екатерины II (1796), и упоминания в ст. 41 министерств, учрежденных указом Александра I от 8 сентября 1802 г. Опубликовавший эту басню В. Н. Орлов указывает, что она выражает «оппозиционные настроения той части дворянского общества, которая искала причину отечественного «неустройства» исключительно в произволе «порочных» министров и сановников, обманывающих «доброго царя» и мешающих ему править государством на началах строгой законности. Такая сатира не имеет еще достаточной остроты, — она поверхностна, прекраснодушна и не затрагивает личности монарха» (ЛН, № 9-10, с. 76). *Добрый царь* — Александр I. *Покойный Каинан* — Павел I (от имени Каина). *Двойка* — здесь рядовой человек; *туз* — высокопоставленное, влиятельное лицо. *Странники* — намек на воспитателей Александра I: швейцарцев Ф.-Ц. Лагарпа, писателя, физика и ботаника К. Массона и немецкого естествоиспытателя П.-С. Палласа.

166. ЛН, № 9-10, 1933, с. 68 (по списку ГПБ). Часто встречается в рукописных копиях. Написано не ранее 1803 г., когда Лопухин был назначен министром юстиции (см. ст. 25, 110, 122). Обращено к Петру Васильевичу *Лопухину* (1753—1827), отцу фаворитки Павла I А. П. Лопухиной (см. примеч. 21). Он начал служебную карьеру еще при Екатерине II ярославским и вологодским генерал-губернатором. При Павле I Лопухин до 1799 г. был генерал-прокурором; при Александре I — членом Государственного совета (с 1803 по 1811 г.), министром юстиции, потом (с 1816 г.) председателем Госу-

дарственного совета и Комитета министров. В 1826 г. — председатель Верховного уголовного суда (по делу декабристов). Современники считали Лопухина лихоимцем; об этом одна из эпиграмм, вероятно конца XVIII в. (см. РЭ, с. 60):

Не два и не один ограблен,
А целый бедных миллион;
Но тот злодей судом оправдан
И сам судьею сделан он.

Ковы — козни, коварные умыслы. *С кушмом* (кучма — шапка), т. е. пустить по миру. *Кто с тобой был при полиции.* В 1779—1782 гг. Лопухин был с.-петербургским обер-полицеймейстером. *Тупей* — взбитый хохол мужской прически. *Брел,* т. е. брил. *Аренда* — см. примеч. 98. *Пива, меду и вина.* Лопухин поддерживал спаивающих народ откупщиков. *Говеют* — здесь в ироническом значении: страдают. *Долгоруков* — см. примеч. 6. *Прежде весил все припасы.* По предположению В. Н. Орлова, речь идет о службе Лопухина московским гражданским губернатором (1783—1793), «в круг обязанностей которого входил надзор над рынками» (ЛН. № 9-10, с. 97). *Пред собою дщерь ведя* — дочь Анну, фаворитку Павла I.

167. РС, 1901, № 12, с. 475 и 478, под загл. «Жизнь солдатская», ст. 29—38, 55—68, 99—108 (по списку ПД); КА, № 16, 1926, под тем же загл. (по списку ЦГАОР); ЛН, № 9-10, 1933, под загл. «Солдатская жизнь» (по двум спискам ГПБ); В. Г. Базанов, Владимир Федосеевич Раевский, Новые материалы, М.—Л., 1949, под загл. «Жизнь солдатская», ст. 99—128 (по списку ПД). Печ. по наиболее исправному тексту ЛН. «Солдатские песни, — писал Белинский в 1841 г., — образуют собою цикл народной поэзии. По форме своей они ничем не отличаются от других русских песен; но содержание их оригинально по русско-простонародному разумению европейских вещей и по смеси чисто русских выражений с терминами и словами из сферы регулярно-военного их быта» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 5, М., 1954, с. 437). Сатирические солдатские песни, в которых повествовалось о тяжелой доле рекрута, обреченного всю жизнь служить нелюбимому начальству, особенно скрывались и распространялись тайно. «Солдатская жизнь» принадлежала к числу наиболее «возмутительных» — она тщательно разыскивалась и беспощадно уничтожалась. Как видно по почерку и по надписям на одном из списков, текст этот восходит к самому началу XIX в., едва ли не к 1802 г. Вопрос об авторе неясен. В. Н. Орлов называет гренадера Измайловского полка, выходца из Московской духовной академии Ивана Макарова; за это сочинение он был прогнан сквозь строй и переведен в армейский полк. Однако в другом списке автором значится Василий Макаров (см.: Г. А. Гуковский, Солдатские стихи XVIII века. — ЛН, № 9-10, 1933, с. 143, 150). Л. В. Домановский в статье «Освободительное движение в русском народном творчестве» указывает, что этот Макаров — рядовой Измайловского полка (см. изд.: «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, кн. 1, М.—Л., 1955, с. 301). В. Г. Базанов сообщает, что в одном из списков автором указан гренадер Тобольского пехотного полка Илья Тихонов сын Яковлев. По другим данным, поэма была сочинена

в Петербурге, в лейб-гвардии Московском полку (В. Г. Базанов, Владимир Федосеевич Раевский, Новые материалы, Л.—М., 1949, с. 67) В 1820 г. список «Солдатской жизни» был обнаружен среди бумаг умершего рядового Тобольского пехотного полка Конурина, а затем снова был найден у солдат в феврале 1821 г. Произведение было распространено также среди солдат 6-го корпуса 2-й армии, дислоцированной в Кишиневе и близлежащих районах. В феврале 1825 г. список был обнаружен в Кишиневе, у плотника Тобольского пехотного полка, находившегося в распоряжении генерал-лейтенанта Желтухина. Там его списал «не имея что делать» рядовой 5-й мушкетерской роты Пермского пехотного полка Дмитрий Шлафоров и привез в Харьков. Денщик Иван Озолин признался, что песня сочинена в Петербурге в Московском полку. Показания Федора, крепостного, принадлежавшего полковнику Козлянинову, ни к чему не привели (В. Ганцова-Берникова, Отголоски декабрьского восстания 1825 года. — КА, № 16, 1926, с. 198—199 и назв. выше кн. В. Г. Базанова, с. 67—68). В 6-м корпусе (по сообщению генерала И. В. Сабанеева дежурному генералу Главного штаба А. А. Закревскому) ходила песня, близкая к соответствующим строкам «Солдатской жизни»:

Знать, судьба наша такая,
Что обижают нас до края,
Всегда мучают и бьют
И спокою не дают...
Хоть и сам того не мыслит,
А по зубам, небось, славно чистит...

(В. Г. Базанов, Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика, М., 1953, с. 100). Строфа 10. *Тесак* — холодное оружие с прямым широким обоюдоострым лезвием; использовалось для наказания. *Эспантон* — см. примеч. 21. Строфа 21. *Сгонят к Волкову,* т. е. на Волково кладбище в Петербурге.

168. РА, 1880, № 3, с. 391; РС, 1896, № 4, с. 31 (без подписи). Печ. по изд.: С. Н. Марин, Полн. собр. соч., М., 1948, с. 182. Сохранились многочисленные списки. Авторство приписывалось Г. Р. Державину (Я. К. Грот), С. Н. Марину (Н. В. Арнольд и М. И. Гиллельсон), Д. П. Горчакову (Г. В. Ермакова-Битнер), — вопрос остается нерешенным (ИОЛЯ, 1931, № 1, с. 53—80; ПС, с. 731—732; «XVIII век», Сб. V, Л., 1962, с. 445). Сатира направлена против ряда видных государственных деятелей начала царствования Александра I. *Бостон* — карточная игра. *Совет* — вероятно, «Непременный совет», основанный Александром I в 1801 г.; он вскоре получил наименование Государственного совета. *В Москву послали Беклешова.* А. А. Беклешов (1745?—1808) был в начале 1804 г. назначен главнокомандующим Москвы, чем и определяется датировка. *Воронцов* А. Р. (1741—1805) — видный государственный деятель, с 1802 г. государственный канцлер. *Чарторыйский* А. Е. (1770—1861) — товарищ государственного канцлера, один из членов «Негласного комитета» (1801—1803) — совещательного органа при Александре I. *Грансуверень* — карточный термин; здесь в значении: человек, имеющий власть над царем. Князь *Кочубей* В. П. (1768—1834) — министр

внутренних дел в 1801—1812 и 1819—1825 гг. *Лабет* и *ренонс* — термины карточной игры. *Строганов* П. А. (1774—1817) — товарищ министра внутренних дел в 1802—1805 гг.; считался человеком неопытным: «но козырей сей граф не знает» (указано Г. В. Ермаковой-Битнер. — ПС, с. 733). *Бостона правила известны, Державин сам их написал.* Возможно, здесь искажение. В списке стихотворения, опубликованном Я. К. Гротом, смысл этих строк иной:

Бостона правила известны:
Державин! Сам ты написал,
И как в игре должны быть честны...

(Г. Р. Державин, Соч., т. 8, СПб., 1880, с. 843; указано Л. И. Кулаковой). *Ремиз* — карточный термин. *Фишки* — цена, о которой уславливаются перед началом игры. *Трощинский* — см. примеч. 60, с. 788. *Сюры* — карточный термин, старшая масть. *Румянцев* — см. примеч. 15. *Мизер* — карточный термин. *Винновая масть* — пиковая масть. *Вязмитинов* С. К. (1749—1819) — министр военно-сухопутных сил, вице-президент Военной коллегии в 1802—1810 гг.

169. ЛН, № 9-10, 1933, с. 68 (по списку А. Т. Болотова в ГПБ). Предположительно датируется на основании примеч. А. Т. Болотова: «Дерзкие сии стишки носились также в народе 1805 года. Но кто сочинил их, также неизвестно; а по всему заключить можно, что недовольный князем Лопухиным» (ЛН, № 9-10, с. 68). О *Лопухине* см. примеч. 166. *Благодать* — А. П. Лопухина, см. примеч. 21.

170. ЛН, № 9-10, 1933, с. 33 (по списку ГПБ). Вариант сатиры на секретаря (ср. № 35). Возможно, что в ст. 15 описка и надо читать: «благотворил». Как указывал Г. А. Гуковский, помета в списке ГПБ дает основания считать адресатом сатиры штабс-капитана лейб-гвардии артиллерийского батальона Семена Ефимовича Ляпунова. Сопоставлением с «Месяцесловом», 1804, ч. 1, с. 45, где Ляпунов упомянут в этом чине, определяется датировка стихотворения (ЛН, № 9-10, с. 32). *У Введенья в уголку* — в приходе церкви «Введение во храм пресвятой Богородицы» при Семеновском полку на Загородном проспекте в Петербурге. *Василиск* — сказочная полуптица-полузмея, убивающая одним взглядом.

171. РС, 1896, № 4, с. 30, с редакционным загл. «Потребности России, высказанные неизвестным поэтом в начале нынешнего столетия». В ст. 25 исправлена нарушающая размер опечатка: «бедны». *Ласкательные стихи,* т. е. славословящие существующий порядок. *Их пишет нам поляк* — Чарторыйский, см. примеч. 168. *Дезертиры прусски.* Вероятно, намек на всевозможных выходцев из немцев, занявших видные места в русском государственном аппарате тех лет. *Ливрея с газом* — форма лакея с шарфом из прозрачной шелковой ткани, которым обвязывалась тулья шляпы. *Таможенны места по таксам продавать,* т. е. за взятки давать места таможенных чиновников.

172. ЛН, № 9-10, 1933, с. 90 (по списку ГПБ, из рукописи «Магазин» А. Т. Болотова, ч. 4). В ст. 33 принята предложенная

В. Н. Орловым (ЛН, № 9-10, с. 91) конъектура — очевиден пропуск «и я», нарушающий размер. Видимо, написано сразу же после разработанного М. М. Сперанским (намек на него в ст. 133—134, см. ниже) в 1809 г. положения об экзамене на получение чина коллежского асессора (ст. 142, ср № 54). «Увы!», по мнению В. Н. Орлова, отражает позиции «рядового русского дворянина» (ЛН, № 9-10, с. 90), скорбящего об уходе «златого века» Екатерины, о необходимости, «презрев грамоту дворянства», засесть за науки, видящего в настоящем только «рюины» и предвещающего гибель «россов» подобно гибели Спарты, Афин, Греции и Рима. *Акциз* — в XVIII в. налог в казну (или откупщику) с промысла или с товара. *Владимира надел.* Учрежденный Екатериной II в 1782 г. орден св. Владимира давал потомственное дворянство, и это обстоятельство вызывало особенное недовольство «столбовых» дворян. *Монарх наш кроткий* — Александр I. *Купцы статейны* — купцы первых гильдий, наиболее значительные по своему влиянию. *Рескрипт* — письменное обращение императора. *Кому ж уж их не надевали — И коновалам-то самим!!* По-видимому, намек на какой-то конкретный факт. *Агриппина* (16—59) — мать римского императора Нерона, властолюбивая и развратная женщина; здесь — в нарицательном значении. *Что правят росскими сынами Не баричи, а звонари!* Намек на сына священника М. М. Сперанского (см. о нем примеч. 62), возвышение которого относится к первым годам XIX в. *И, пре́зрев грамоту дворянства, Которую дала ты нам.* «Жалованная грамота», освободившая дворян от обязательной службы, была провозглашена Екатериной II манифестом 1762 г. В 1785 г. была обнародована несколько суженная «Грамота на права, вольности и преимущества российского дворянства». *Бакалавр* — низшая ученая степень в некоторых иностранных университетах. *Писав Наказ по русским чувствам, Нет, нет! по римскиим правам... А твой в пыли лежит Наказ!* Речь идет об инструкции Екатерины II Комиссии по составлению проекта нового уложения 1766—1777 гг., в которой излагались взгляды императрицы на государственное устройство, юстицию, образование и т. д. Источниками «Наказа» было не римское право, а «Дух законов» французского писателя Ш. Монтескье (1748) и «Преступление и наказание» итальянского юриста Ч. Бекарии (1764). Уже с половины 1770-х годов Екатерина II остыла к идеям «Наказа» и ее политика, особенно в связи с восстанием Пугачева, приобрела откровенно реакционный характер.

173. Печ. впервые по списку ПД (альбом «Portefeuille Littéraire»). Другой текст с вариантами во всех нечетных строках, с подписью «А. Г.» — в сборнике «Свободная литература» (ЦГАЛИ, Коллекция отдельных поступлений). О датировке см. примеч. 54. Эти, почти лишенные ритма, строки исполнялись речитативом, на манер богослужебного чтения. На различные случаи жизни такого рода «перепевы» основной православной молитвы писались часто. Два аналогичных текста — в ПД (ф. РС).

174. ПС, с. 572 (по списку ПД). Достоверных сведений об авторе стихотворения нет. Г. В. Ермакова-Битнер допускает авторство Д. П. Горчакова (ПС, с. 733). *N. N.* — Николай Петрович Румянцев (1754—1825), с 1802 г. министр коммерции, с 1808 г. министр ино-

странных дел, собиратель рукописей и книг; его богатая коллекция легла в основу открывшегося в 1831 г. Румянцевского музея. Сатира направлена против проводившейся Румянцевым политической ориентации на Францию. *Великого отца делами малый сын.* Румянцев был сыном фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского (см. примеч. 15). *Герострат* — см. примеч. 77; здесь, возможно, намек на пожар Москвы. *Твой погибельный совет.* Г. В. Ермакова-Битнер комментирует эту строку записью в дневнике С. П. Жихарева, который сообщал, будто бы Н. П. Румянцев в особой записке Александру I в 1807 г. доказывал, что союз с Францией причинит России меньше зла, нежели союз с Англией (ПС, с. 733—734). *Убийца б не скввернил Романовых чертога,* т. е. Наполеон не был бы в Кремле *Постыдный мир* — Тильзитский мир 1807 г. *Как новый Регул бы вовремя разорвал.* Марк Атилий Регул (ум. ок. 248 до н. э.) — плененный карфагенянами римский полководец. Посланный ими в Рим для заключения мира, он убедил Сенат продолжать войну и по возвращении в Карфаген был казнен. *Филарет* Романов (ум. 1633) — патриарх Московский и всея Руси с 1619 г.; глава боярской оппозиции против Бориса Годунова. В 1601 г. был насильственно пострижен в монахи. *Гермоген* (ок. 1530—1612) — патриарх Московский и всея Руси. В 1610 г. выступил против польско-литовских интервентов, занявших Москву, враги уморили его голодом. Граф *Остерман*-Толстой А. И. (1770—1857) — полководец, герой Отечественной войны; под Кульмом потерял левую руку. Князь *Багратион* П. И. (1765—1817) — полководец, герой Отечественной войны, был тяжело ранен в Бородинской битве. *Раевский* Н. Н. (1771—1829) — видный русский военачальник; в Бородинском бою он, взяв за руки двух своих сыновей, пошел с ними в атаку и, воодушевив своим мужеством воинов, отбросил неприятеля. *Левиты* — еврейские священнослужители, потомки Левия, сына Иакова; здесь: священники. *Меценат* — Н. П. Румянцев, который покровительствовал писателям и художникам.

175. С. Я. Штрайх, Брожение в армии при Александре I, Пг., 1922, с. 21. Отклик на «Семеновскую историю» (о ней см. с. 744). Начальник штаба гвардейского корпуса И. В. Васильчиков и с.-петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович предполагали, что автор — кто-либо из членов тайных обществ. Министр внутренних дел гр. В. П. Кочубей подозревал учеников Академии художеств (см.: ЛН, № 59, 1954, с. 120). Знал эту песню и М. А. Бестужев (см.: Л. А. Мандрыкина, После 14 декабря 1825 г. . . . — Сб. «Декабристы и их время. Материалы и исследования», М.—Л., 1951, с. 229).

176. «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 40, 1956, с. 126 (по списку ЦГВИА; там же указания на два других списка: из бумаг Н. И. Второва и из современного альбома, — оба ЦГАЛИ). Еще один список — в альбоме «Всякая всячина», ч. 6 (ПД, ф. А. С. Пушкина). Все списки с незначительными вариантами. Гипотетическое обоснование датировки — в первой публикации, с. 129. Песня названа народной, но самый характер и стиль выдают ее литературное происхождение. Автором был человек, близкий к декабристскому окружению. Песня должна быть ближайшим образом сопоставлена с популярными

в вольной поэзии сатирическими перепевами официального гимна «Боже, царя храни» (см. примеч. 146). Взяточничество как едва ли не основное зло государственного аппарата было осуждено еще в литературе XVIII в. В дальнейшем, в XIX в., та же тема многократно привлекала внимание русских писателей. Курьезно, что иронический тон стихотворения, очевидно, не был понят Николаем I, который 10 сентября 1826 г. приказал послать песню в Варшаву вел. князю Константину. *«Ах, тошно мне на чужой стороне»* — песня Ю. А. Нелединского-Мелецкого, начинающаяся этими словами (см. примеч. 117). *Вынуть палочку Петра*, т. е. знаменитую трость Петра I, который наказывал ею провинившихся приближенных.

177. РС, 1872, № 9, с. 241 (запись Я. Н. Сухотина). Акростих был очень распространен между армейскими офицерами (см. там же, с. 241). Об *Аракчееве* см. с. 741. *Аггел* — демон.

178. ПС, с. 592 (по списку ЦГАЛИ). Другой список — ПД, ф. М. Н. Лонгинова. *Фотий* — см. примеч. 103. Фотий был возведен в сан архимандрита в январе 1822 г. Из Новгорода, где он был настоятелем Юрьевского монастыря, Фотий переехал в Петербург в 1824 г. Этими событиями, соответствующими и времени сближения с дочерью екатерининского фаворита А. А. Орловой (1785—1848), и определяется датировка стихотворения. На Фотия написан целый ряд эпиграмм, три из них, также датируемые 1822—1824 гг. («Разговор Фотия с гр. Орловой», «На Фотия» и «Гр. Орловой-Чесменской»), принадлежат Пушкину.

179. Печ. впервые по списку ЦГВИА (ф. 801). Список сделан рукой Ф. П. Гурова — одного из арестованных по делу Н. П. Сунгурова. В ст. 134 и 151 опущены слова, неудобные в печати. Стихотворение стало известно властям, когда провокатор Полоник передал следователям по делу Н. П. Сунгурова (началось в мае 1831 г.) текст стихотворения. На допросе 2 июля 1831 г. Гуров разъяснил, что стихи сочинил не он, а записал по памяти на какой-то лекции в Московском университете по просьбе Полоника. Текст этот Гуров узнал от Полежаева, с которым он учился на одном курсе. Под списком он поставил подпись Пушкина. Возможно, Гуров сделал это нарочно, чтобы отвести подозрение от Полежаева: с именем Пушкина, как известно, ходили многочисленные антиправительственные стихи. По показанию другого арестованного — Я. И. Костенецкого, — автор стихотворения Полежаев (Б. М. Эйхенбаум, Тайное общество Сунгурова. — «Заветы», 1913, № 3, с. 20—21). Авторство Полежаева не может быть безусловно отвергнуто, учитывая, что к нему ведут показания двух лиц. Впрочем, Полежаев мог передать и стихи других авторов. К сожалению, дошедший до нас текст явно дефектен и не дает достаточного представления об оригинале: ряд строк не укладывается в размер стихотворения. И. Д. Воронин, не развивая сколько-нибудь убедительной аргументации, ограничившись сопоставлением нескольких атеистических строк, полагает, что есть полное основание считать это произведение полежаевским («А. И. Полежаев. Жизнь и творчество», Саранск, 1954, с. 91—93), — это мнение в такой категорической форме не может быть принято. Датируется предположительно: первые две строки почти дословно повторяют начало

стихотворения Дельвига 1821 г. «Подражание Беранже» (см. № 127). Наиболее вероятная дата — 1824 г., когда Гуров получил текст стихотворения. «Песня» представляет собою стилизацию цыганских песен, популярных в то время. *Гавриил* — по христианской легенде, один из семи архангелов, наиболее приближенный к богу. *Мария* — мать Иисуса Христа. *Саваоф* — см. примеч. 127. *В тебе три лица отвергает.* Триединство, т. е. единство отца, сына и святого духа — один из основных догматов христианского вероучения. *Он сыном плотника зовет.* По христианскому преданию, Иисус Христос, как и его отец Иосиф, был по профессии плотником.

180. ПЗ V, с. 27 (приписано Пушкину). Написано не позднее декабрьского восстания. В изд.: А. С. Пушкин, Стихотворения, не вошедшие в последнее собрание его сочинений, Берлин, 1861, дата: 1821 г., возможно потому, что в этом году Пушкин действительно встречался с П. И. Пестелем. В большинстве копий стихотворение приписано Пушкину. Авторство Пушкина отрицал П. А. Вяземский («Старина и новизна», 1904, № 8, с. 35), и его мнение в настоящее время принято.

181. А. С. Пушкин, Стихотворения, не вошедшие в последнее собрание его сочинений, Берлин, 1861, с. 94, где ошибочно приписано Пушкину. В многочисленных списках эпиграммы автором указан Пушкин. *Из узких сделаны широкие штаны.* Намек на частые перемены формы в царствование Александра I.

182. РС, 1899, № 8, с. 306. В списках эпиграмма нередко приписывается Пушкину. *Ликург* — см. примеч. 140. *Кант на панталоны* — см. предыдущее примеч.

183. А. С. Пушкин, Стихотворения, не вошедшие в последнее собрание его сочинений, Берлин, 1861, с. 94, под загл. «К памятнику Александра I». Здесь, как и в многочисленных списках, эпиграмма без оснований приписана Пушкину. *Всю жизнь провел в дороге.* Александр I очень много ездил по России и за границей.

184. КиС, 1926, № 1 (22), с. 144 (по альбому Е. Н. Опочинина). Судя по содержанию, вероятно написано незадолго до восстания 14 декабря. Из текста следует, что автор был непосредственно связан с декабристскими кругами, но по каким-то причинам был от них «отъединен». Установить, к кому обращено стихотворение, не удалось. По «Алфавиту декабристов» можно назвать шесть подходящих по форме дательного падежа фамилий — Гангеблов, Гвоздев, Глебов (двое), Голубков, Грибоедов.

185. Печ. впервые по списку архива Государственного научно-исследовательского института театра и музыки («Стихотворения неизвестных авторов из альбомов Софьи Васильевны и Андрея Петровича Римских-Корсаковых»). Датируется по содержанию и по загл. Написано от лица, томящегося в Петропавловской крепости, декабриста; нет никаких оснований думать, что оно принадлежит кому-либо из действительно арестованных. *Где мы под властью роковой* — цитата из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву» (№ 74). *Мармор* — мрамор.

186. «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 40, 1956, с. 132 (по списку ЦГАЛИ). В загл. слова «на кронверке» написаны неразборчиво. Датируется по содержанию. В вольной русской поэзии фигурирует несколько стихотворений, представляющих собою псевдорылеевские предсмертные обращения («Ударит час, час смерти роковой...», «Я слышал смертный приговор...», «Ты хочешь, милая жена...»). Все они в той или иной степени восходят к предсмертному письму Рылеева к жене, которое было широко распространено в копиях.

187. «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 40, 1956, с. 134 (подпись: «Бестужев», по списку ЦГАОР). Датируется по содержанию. Стихотворение (якобы предсмертное обращение М. П. Бестужева-Рюмина) было обнаружено в марте 1837 г. в могилевской гимназии, в тетради, принадлежавшей ученику Льву Петровскому. Верноподданная мать не приняла сбежавшего из гимназии сына, а отвезла его обратно. Николай I приказал ей сына высечь; других последствий дело не имело. Нашедшая и опубликовавшая это стихотворение А. М. Новикова высказала предположение, что текст стихотворения восходит к подпоручику Петровскому, осужденному за принадлежность к «Обществу военных друзей», которое было связано с декабристскими кругами (А. М. Новикова, Стихотворения о восстании 14 декабря. — В указ. изд. «Ученых записок», с. 133—136). Форма монолога от лица осужденного декабриста — распространенный тип стихотворения в вольной поэзии того времени; ср. № 185. *На башне* — вероятно, подразумевается Петропавловская крепость.

188. Печ. впервые по списку архива Государственного научно-исследовательского института театра и музыки («Стихотворения неизвестных авторов из альбомов Софьи Васильевны и Андрея Петровича Римских-Корсаковых»). Датируется предположительно, по связи с № 185. Стихотворение, как можно думать, посвящено судьбе декабриста, накануне решения участи всех подследственных. *Путь жизни мне свершить в дали природы.* Эта строка допускает два толкования — вдали, в значении вдалеке от природы, или, скорее, наоборот — в дали, т. е. в отдаленных местах страны.

189. «Русский вестник», 1860, № 8, с. 387, ст. 1—4 (по списку ? Л. И. А⟨рнольди⟩); Б, 1906, № 5, с. 1, ст. 1—32 (по рукописному сборнику Н. И. Второва); А. И. Одоевский, Полн. собр. соч. и писем, М.—Л., 1934, с. 410 (в разделе «Dubia»). Печ. по тексту Б, с уточнением ст. 29 по более осмысленной редакции сб. «Всякая всячина», ч. 6 (ПД, ф. А. С. Пушкина) вместо текста Б: «И гордо он на крышу входит». Текст «Русского вестника» многократно перепечатывался (в основной части или в разделе «Dubia») в различных изданиях Лермонтова. Стихотворение часто встречается в списках. Датируется предположительно по содержанию (подавление восстания в декабре 1825 г.). М. Н. Лонгинов в публикации «Русского вестника» приписал стихотворение Лермонтову, и эта атрибуция (безусловно или с оговорками) сохранялась до 1925 г., когда Н. О. Лернер, отвергнув авторство Лермонтова, приписал стихотворение А. Одоевскому. М. К. Азадовский отверг и эту атрибуцию; к нему присоеди-

нился М. А. Брискман (М. К. Азадовский, Затерянные и утраченные произведения декабристов. — ЛН, № 59, 1954, с. 702—704; примеч. М. Брискмана к изд.: А. И. Одоевский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1934, с. 199). *Когда мгновенный визг ядра* и т. д. Эти стихи имеют в виду восстание декабристов. Исторический факт — петербургское наводнение 1824 г. — использован в стихотворении символически; подлинная тема — восстание против царской власти.

190. Печ. впервые по машинописной записи приблизительно 1920-х годов (ПД, архив народного творчества). Запись ПД сопровождается пометой: «Музыка и слова декабристов», — конечно, стихотворение не является плодом коллективного творчества. Датируется предположительно.

191. РПЛ, с. 79 (подпись: «Пушкин»); ВП I (без подписи). Другие варианты стихотворения с подписями Пушкина или Полежаева неоднократно встречаются в списках. В ПЗ VII, кн. 1, с. 103:

Когда бы вместо фонаря,
Что светит тускло в непогоду,
Повесить деспота-царя,
То заблестел бы луч свободы.

Этот текст в списках иногда встречается с подписью Полежаева. В КиС, 1925, № 8, с. 241:

Когда б на место фонаря,
Что тускло светит в непогоду,
Повесить русского царя,
Светлее стало бы народу.

Еще один вариант — список ГИМ (коллекция П. И. Щукина «Всякая всячина», сб. 2):

Что, если б вместо фонаря,
Который светит тускло в непогоду,
Повесить ⟨русского⟩ царя?
Тогда бы воссиял луч пламенной свободы.

Датируется предположительно временем наибольшего распространения. Одним из возможных источников этих четверостиший является проникший в Россию анекдот о том, как отделался от расправы народа аббат Мори (1746—1817), член Национального собрания, изобретатель слова «санкюлот» (Н. О. Лернер, Мелочи прошлого. — КиС, 1925, № 8, с. 241).

192. ПС, с. 588 (по списку ГПБ). *Орлова* А. А. — см. примеч. 178. *Петиметер* — франт, щеголь.

193. СРП, с. 88 (без подписи); Л I, Л V (подпись: «В. К. Кюхельбекер»). Стихотворение пародирует ритм и фразеологию официального гимна «Боже, царя храни. . .», написанного в 1814 г. Жуковским (музыка А. Ф. Львова), ср. также «Гимн» Языкова (№ 146) и «Юн-

керскую молитву» Лермонтова (1833). Списки стихотворения относятся приблизительно к первой четверти XIX в.

194. «Библиографические записки», 1858, № 2, стлб. 53; «Сборник правительственных сведений о раскольниках», составленный В. И. Кельсиевым, т. 3, Лондон, 1862. Печ. по изд.: Т. С. Рождественский, Памятники старообрядческой поэзии («Записки Московского археологического института», т. 6, М., 1910, с. 94). Там же и три другие редакции под заглавиями: «Адская газета», «Ведомость из ада», «Газета с того света». Этот памятник старообрядческой поэзии, написанный раешным стихом, сложен каким-то иноком Верхне-Никольского старообрядческого скита на Иргизе приблизительно в первой четверти XIX в. Он был переписан в виде плаката и прикреплен «на воротах соседнего скита — Верхне-Успенского, в обличение иноков последнего, позволявших себе пользоваться некоторыми мирскими благами. . . например, чаепитием, для чего в скиту имелись самовары» (Т. С. Рождественский, цит. изд., с. 93). Автор памфлета был обнаружен и изгнан из скита. На самом деле эти сатирические стихи касались гораздо более острых социальных проблем, чем чаепитие: в ад попадают не только чернецы, но и «гордые господа» — вельможи и ростовщики. В стихотворении подробно перечисляются их прегрешения; зато нищие находят путь в царство небесное. Стихотворение пользовалось значительной популярностью (там же, с. 94—96). В середине 1830-х годов оно было обнаружено у дьякона Конакина, привлеченного к следствию по делу о распространении в Муромском уезде Владимирской губернии «возмутительных» листков. Отрывок «Ведомости из ада», найденный у него при обыске, соответствует (с вариантами) ст. 61—76 печатаемого текста (ЦГАОР, ф. III Отделения, I экспедиция, 1830 г.); ср.: М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 2, М., 1946, с. 291.

ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

195. РС, 1871, № 10, с. 444, под загл. «Послание к поповнам» (без подписи). Печ. по изд.: А. И. Полежаев, Стихотворения, М.—Л., 1933, с. 140 (по списку ПД из бумаг Ф. А. Кони). Отклик на проект указа Александра I, по которому лицам духовного звания и членам их семей запрещалось носить светскую одежду. *Блонды* — род кружев. *Фотий* — см. примеч. 103. *Под Авраамов век*, т. е. в патриархальные, древнейшие времена; Авраам, согласно Библии, прожил 175 лет. *Ревекка* — по библейской легенде, супруга Исаака, мать Иакова и Исава. *Назореи* — наименование христиан в период раннего христианства. *Флавий* Иосиф — римский историк I в. н. э., автор книги «Древности иудейские». *Шаликов* — см. примеч. 87. *Синод* — с 1721 г. высшее церковное управление в России.

196. РПЛ, с. 133. В качестве отдельного отрывка, ходившего по рукам, печ. по списку из архива Майковых в ГПБ (указано В. С. Киселевым). Сравнительно с текстом РПЛ в этом отрывке, составляю-

щем ст. 5—12 девятой строфы первой главы поэмы «Сашка», незначительные отличия в ст. 1, 6—8. *Козлиная брада* — презрительная кличка духовенства.

197. РПЛ, с. 179; Л I; Л V; ВП I (строфа 4). Впервые в легальной печати: «Библиографические записки», 1859, № 20, с. 634, без строфы 4. Печ. по изд.: А. И. Полежаев, Стихотворения, М.—Л., 1933, с. 151. Известны многочисленные списки, об их распространенности см.: Ф. Я. Ястребов, Революционные демократы на Украине..., Киев, 1960, с. 291. Стихотворение неоднократно приписывалось Пушкину. В авторстве его был уверен Гоголь (см. его письмо к В. Г. Белинскому от июля 1847 г. — Н В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. 13, М., 1952, с. 440). О популярности «Четырех наций» среди декабристов см.: М. С. Знаменский, Воспоминания. — «Сибирские огни», 1946, № 2, с. 104. Полежаев позднее создал также легальный вариант стихотворения под загл. «Три нации» (характеристика русской была опущена). *Брут* — см. примеч. 8, с. 764.

198. «Галатея», 1829, № 3, с. 151, под загл. «Вечер», без ст. 41—45, 51—54, 59—62 (подпись: «—ъ—ъ»); А. Полежаев, Стихотворения, М., 1832, без ст. 41—45. Печ. по изд.: А. И. Полежаев, Стихотворения, М.—Л., 1933, с. 145, где ст. 41—45 введены из доноса И. В. Шервуда (ЦГАОР). Эти же политически острые стихи имеются в списке из бумаг Ф. А. Кони (ПД); они также вписаны в экземпляр изд. 1832 г., принадлежавший П. А. Ефремову (ЦГАЛИ). Написано не позже 1828 г., так как в феврале 1829 г. фигурирует уже в доносе Шервуда.

199. «Галатея», 1829, № 10, с. 209 (подпись: «—ъ—ъ»); Л I, Л V, под загл. «Песнь пленного», с двумя дополнительными строками в конце, повторяющими ст. 15—16; А. Полежаев, Стихотворения, М., 1832. Печ. по изд.: А. И. Полежаев, Стихотворения, М.—Л., 1933, с. 154 (текст автографа ГИМ из собр. А. П. Бахрушина). Сохранились многочисленные списки, один из них — в доносе И. В. Шервуда (ЦГАОР). Существуют музыкальные переработки Н. П. Огарева (1854), А. С. Размадзе (1880) и И. И. Рачинского (1893). *Ирокезцы* (ирокезы) — некогда многочисленное индейское племя в Северной Америке, ныне почти полностью вымершее. По-видимому, Полежаев использовал данные об ирокезах, содержавшиеся в книге «Всемирный путешествователь, или Познание Старого и Нового света...», изд. аббатом де ла Порт... , т. 8, СПб., 1784, с. 25 и след. Кроме того, в стихотворении использованы отдельные эпизоды драматической сцены А. П. Бенитцкого «Грангул» (1809) — об истязании пленного ирокезца племенем гуронов. В романтической трактовке Полежаева образ пленника — обобщенный образ борца за свободу.

200. А. Полежаев, Стихотворения, М., 1832, с. 97, без ст. 31—32. Печ. по изд.: А. И. Полежаев, Стихотворения, М.—Л., 1933, с. 149, где ст. 31—32 восстановлены по копии, приведенной в доносе И. В. Шервуда (ЦГАОР). *Али Янинский* (1741—1822) — паша, наместник турецкого султана в Албании, добившийся большой самостоятельности в управлении страной. *Фирман* — указ турецкого султана. *Крез* — полулегендарный царь Лидии (VI в. до н. э.), знаме-

нитый своим богатством; имя его стало нарицательным. *Кир* (VI в. до н. э.) — основатель древнего Персидского царства, завоеватель Мидии, Лидии и Вавилона. Кир некогда даровал пленному Крезу жизнь, сам, по преданию, умер в постели, на что и намекает Полежаев («уснув на лоне нег»). *Народный гладиатор* — Спартак, вождь крупнейшего восстания рабов в Древнем Риме (74—71 до н. э.).

201. Альм «Северное сияние», М., 1831, с. 178, под загл. «Глас несчастливца», с цензурным пропуском в последнем ст.: «На цепи——— я» (подпись: «. . .ъ. . .ъ»); А. Полежаев, Стихотворения, М., 1832, с цензурным вариантом последнего ст.: «На жизнь позора и стыда». Печ. по изд.: А. И. Полежаев, Полн. собр. стихотворений, М.—Л., 1933, с. 148.

202. «Звезда», 1930, № 1, с. 218. Печ. по изд.: А. И. Полежаев, Стихотворения и поэмы, *БП*, Л., 1957, с. 63. В автографе ПД — загл. «Еще нечто», объясняющееся местом стихотворения в тетради автографов. Отклик на столкновение с фельдфебелем, после которого Полежаев был арестован. *Блинник* — здесь в значении: охотник до блинов.

203. В виде отдельных отрывков из введения, 1, 4 и 5-й главок — «Галатея», 1829, № 12, с. 41; № 14, с. 161; № 30, с. 227 (подпись всюду: «—ъ—ъ»); 1830, № 11, с. 250 (подпись: «. . .ръ. . .въ»), под загл.: «Другу при посылке стихов», «К. . .», «Отрывок», «Отрывок из поэмы „Узник"»; РПЛ, под загл. «Арестант», текст из шести главок; Л II. Впервые в легальной печати: РА, 1881, № 2, под загл. «Спасские казармы», с отдельными пропусками. Печ. по изд.: А. Полежаев, Стихотворения и поэмы, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1960, с. 121, где дан сводный текст автографов ПД (основная часть произведения), ЦГАОР и др. источников (см. о них примеч. В. В. Баранова к изд.: А. И. Полежаев, Полн. собр. стихотворений, М.—Л., 1933, с. 617—620). В тексте наличествуют лакуны, до сих пор не восстановленные. Ряд строк в автографе записан лишь начальными буквами, в основном поддающимися расшифровке (в ст. 75 и 142 — слова, неудобные для печати); предлагаемые в некоторых изданиях расшифровки, например расшифровка ст. 144 («служить»), представляется спорной — это слово не содержит ничего такого, что надо было бы опускать; расшифровка ст. 206 («вольности») правдоподобна ритмически, но не без натяжки разъясняет смысл; ст. 265—266 обычно печатаются в предложенной В. В. Барановым расшифровке; для ст. 266 существует и иная: «убивший братьев и народ» (см.: А. И. Полежаев, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1939, с. 91). *Александр Петрович Лозовский* (1809 — после 1857) — ближайший друг Полежаева, издатель многих его произведений; к нему обращено несколько стихотворений поэта. Лозовский служил в Московском отделении Сената, потом приставом в московской городской полиции. *Абадонна* — падший ангел в поэме немецкого писателя Ф.-Г. Клопштока (1724—1803) «Мессиада». *Орест и Пилад* (греч. миф.) — неразлучные друзья, имена которых стали нарицательными. *Уриил* — имя серафима из «Мессиады». Гл. I. *Дриада* (греч. миф) — богиня лесов, лесная нимфа. *Броня сермяжная* — солдатская шинель. *Чайльд Гарольд* — образ разочарованного героя из поэмы Байрона

«Паломничество Чайльд Гарольда» (1812). Гл. 2. *Вал Земляной* — улица и район Москвы; неподалеку находились Спасские казармы, в которых жил Полежаев, рядом — *страннолриимный дом* гр. Шереметьева. *Вербованный поэт* — здесь в значении: сданный в солдаты. *В кругу плутоновых людей* — по имени Плутона (греч. миф), бога подземного мира, преисподней *Штыком рожденный для штыка.* Может быть, намек на отца Полежаева Л. Н. Струйского, уволенного в отставку в чине «штык-юнкера». Гл. 4. *Быть по сему* — см. примеч. 123. *Ленотр* А. (1613—1700) — французский садовый архитектор, создатель Версальского и других парков. *Молохов зев.* Молох — в финикийской мифологии божество, которому приносили человеческие жертвы: их сжигали в зеве идола. *Бог винограда, бог вина* — Вакх *Эван, эвое* — традиционное восклицание в честь Вакха на посвященных ему празднествах. *Н⟨ерон⟩* — см. примеч. 102. *Ис⟨кариот⟩* — Иуда; по евангельской легенде, ученик Христа, предавший его. *Немврод* — легендарный основатель Вавилонского царства; по Библии, первый поработитель людей. *И, лобызая, удушил.* Согласно рассказу А. И. Герцена (в «Былом и думах»), Николай I, отправляя Полежаева на военную службу, на прощание поцеловал его. Гл. 7. *Струйский.* Здесь видят обращение либо к отцу поэта, помещику Л. Н. Струйскому, в то время уже умершему, либо к дяде Полежаева — А. Н. Струйскому; второе — вероятнее.

204. А. Полежаев, Стихотворения, М., 1832, с. 142; Л I; Л V, первые пять строф. Печ. по изд. 1832.

205. «Красная газета», 1925, 30 декабря, вечерний выпуск, с. 5. Печ. по уточненному тексту «Атенея», кн. 3, Л., 1926, с. 12 (текст автографа ПД). Загл. в автографе — «Опять нечто» — условно и объясняется местом стихотворения в тетради автографов (ПД), означает: нечто нецензурное. Большинство «крамольных» слов в стихотворении недописано; расшифровка их не вызывает сомнений; лишь ст. 43 до сих пор не раскрыт — предлагалось «Так у⟨мри же теперь⟩», но это чтение неубедительно. В ст. 41 пропущены слова, неудобные в печати. Возможно, что перед нами отрывок большого стихотворения. По форме стихотворение — обращение к царю от имени солдат, оставшихся в декабре 1825 г. на стороне правительства. Очевидно, является откликом на рассказы солдат о царе, нарушившем свое обещание. *Не сдержал... и⟨мператорских⟩ слов.* Солдатам, участвовавшим в восстании, было обещано прощение, но в действительности все они были репрессированы. *Большая кутерьма* — события 14 декабря 1825 г. *Тесак* — см. примеч. 167. *Б⟨олван⟩* — здесь в значении: идол.

В. Я. ЗУБОВ

206. РС, 1871, № 12, с. 670, ст. 1—4, под загл. «Мысль о свободе»; КА, № 3 (16), 1926, с. 194, ст. 1—33 (по списку ЦГАОР). Печ. полностью впервые по списку ПД (ф. РС). Датируется по содержанию — временем после декабрьского восстания и до обнаружения стихов в 1826 г. В списках стихотворение обращалось нередко с именем Пушкина; в нем заметно подражание мотивам «Вольности»,

«Деревни», «К Чаадаеву». *И этот светлый день всходил* и т. д. Подразумевается восстание 14 декабря 1825 г. *Тиран* — Николай I. *Так в день Моргартена* и т. д. Моргартен — горный кряж в Швейцарии; известен победой так называемых лесных кантонов (Ури, Швиц и Унтервальден) над герцогом Леопольдом I Австрийским 15 ноября 1315 г.; 2 мая 1798 г. при Моргартене жители кантона Швиц разбили французов. *Гельвеция* — Швейцария.

207. РС, 1871, № 12, с. 671, под загл. «Послание к другу», с цензурными купюрами в ст. 20 и 30. Полностью — КА, № 3 (16), 1926, с. 194 (по списку ЦГАОР). Печ. по списку ПД (ф. РС); загл. — по РС. Основания датировки предположительно те же, что и для предыдущего стихотворения. Рифмовка строк непоследовательна: опоясывающая, перекрестная и бессистемная — возможно, что это следствие неисправности списка. Поэтому предложенная В. Н. Орловым конъектура ст. 17 («крови» вместо «груди») не обязательна («Декабристы», с. 271; в тексте РС также «груди»).

А. А. ШИШКОВ

208. В. Шадури, Друг Пушкина А. А. Шишков и его роман о Грузии, Тбилиси, 1951, с. 123. Написано после 14 декабря 1825 г. и не позднее обнаружения стихов. Московское жандармское управление резонно, но неуклюже сообщало, что эти стихи «дают подозрение, что у них ⟨стихов⟩ есть какие-либо замыслы» (там же). *Тиртей* (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, автор гражданских стихотворений; в 1820-е годы Тиртей считался образцом поэта-гражданина.

209. РПЛ, с. 78, без ст. 1—4. Печ. по КА, № 3 (16), 1926, с. 195 (текст автографа ЦГАОР). Стихотворение нередко приписывалось Пушкину. Авторство Шишкова установлено Н. О. Лернером («Заметки о Пушкине. XI. Псевдо-пушкиниана». — «Пушкин и его современники», вып. 13, СПб., 1913, с. 56—59). *С кинжалом злобы* — может быть, имеется в виду убийство Коцебу (см. примеч. 82) или убийство в 1820 г. Л.-П. Лувелем герцога Беррийского. *Им царь сказал* и т. д. Намек на либеральные обещания первых лет царствования Александра I. *Надела с выпушкой штаны.* В 1826—1827 гг. была введена для гражданского и военного ведомства новая форма.

А. Г. РОТЧЕВ

210. «Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской», т. 40, 1956, с. 131 (по автографу ЦГАОР). Датируется временем после восстания 14 декабря 1825 г., откликом на которое стихотворение является, и не позднее обнаружения текста властями в июне 1827 г.

Г. С. БАТЕНЬКОВ

211. РБ, 1859, т. 3, № 15, с. 6, с цензурными пропусками ст. 110—114, 181—184 (подпись: «о—е—а»); РПЛ, с посвящением «А. Бестужеву», ст. 1—13, 15—16, 25—28, 36—40, 44—67, 83—93, 98—101, 115—

118 — подряд, с вариантами и перестановками (автор указан в оглавлении); Л II. Печ. по ССД, с. 53, где дан наиболее полный текст. *Араго* Ж. (1790—1855) — французский драматург и романист. Гл. 1. *Ищу в бесчувственной стене* и т. д. Речь идет о перестукивании заключенных в соседних камерах. Гл. 4. *И будет там моя могила.* На описываемом месте находилось кладбище.

Н. Ф. ЛУШНИКОВ

212. «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», М.—Л., 1951, с. 244 (по автографу ЦГВИА).

213. Там же, с. 245. *Казнь позорная свершилась.* Речь идет о расправе над декабристами.

214. Там же. *Нерусский нами правит* — см. примеч. 232. *Нормандец нам подаст закон.* Здесь отзвук легенды о нормандском происхождении первых русских князей.

А. И. ОДОЕВСКИЙ

215. И. А. Кубасов, Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения, Пг., 1922, с. 54, под загл. «Из Мура» (по списку ПД из бумаг В. Е. Якушкина). Печ. по изд.: А. И. Одоевский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1958, с. 64. Обоснование авторства Одоевского — в примеч. к этому изд. М. А. Брискмана, с. 209. Перевод стихотворения английского поэта Т. Мура (1779—1852) «Remember thee. . .».

216. «Северные цветы на 1831 год», СПб., 1830, с. 86 (без подписи, по списку ПД из тетради, принадлежавшей П. А. Вяземскому). Печ. по изд.: А. Одоевский, Стихотворения, «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1936, с. 47 (уточненный текст по назв. выше списку и по списку тетради, подаренной ПД Б. Л. Модзалевским). О Ф. Ф. *Вадковском* см. с. 604. *Бой Гафурский* — битва при Хафрсфьюре, где норвежские ярлы (независимые князья) были в 872 г. побеждены королем Норвегии Харальдом Харфагром, временно объединившим под своей властью всю страну. Ярлы нашли приют в Исландии. *Скальд* — древнескандинавский певец-поэт. *Валькирии* (сканд. миф.) — воинственные божественные девы, повелевающие битвами и уносящие павших героев в райское жилище — Валгаллу.

217. ГизР IV, с. 40, под загл. «Ответ на послание Пушкина», с примеч.: «Кто писал ответ на послание — неизвестно»; Л I; Л V; РБ I (в изд. 1858 — анонимно, в изд. 1869 — подпись: «Искандер»). Впервые с именем Одоевского напечатано: Пушкин. Стихотворения, не вошедшие в последнее собрание его сочинений, Берлин, 1861, с. 224. Впервые в легальной печати: РА, 1881, № 1, с. 200, с цензурными пропусками; затем: Пушкин, Собр. соч., т. 4, СПб., 1910, с. XXIII. Печ. по изд.: А. И. Одоевский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1958, с. 73, где текст дан на основании изучения списков И. И. Пущина, III Отделения, П. И. Бартенева и др. Стихотворение

является ответом на послание Пушкина «Во глубине сибирских руд...» (см. № 94); ответ мог быть написан в 1827 — начале 1829 г.

218. РПЛ, с. 423, под загл. «При известии о польской революции»; ССД; Л I; Л V. Печ. по изд.: А. И. Одоевский, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1958, с. 142. *На Висле брань кипит.* Речь идет о польском восстании 1830 г. *Поет за упокой несчастных жертв.* В 1831 г. польские повстанцы отслужили по декабристам в Варшаве панихиду. *Пять жертв* — пять повешенных декабристов. *Выя* — шея. *Пускай утешит мирная кутья*, т. е. воспоминание о казненных декабристах; стихотворение написано в годовщину их смерти; кутья — поминальная еда из риса или пшеницы с изюмом или медом.

А. Н. КРЕНИЦЫН

219. Печ. впервые по автографу ПД. *В Петербурге нет царя.* 25 апреля 1828 г. Николай I выехал на театр военных действий с Турцией и возвратился в Петербург 14 октября (Н. К. Шильдер, Император Николай I, т. 2, СПб., 1903, с. 124, 180). *Штосс* — карточная игра. *И мыслете поп рисует.* Мыслете — название буквы «м» в старой русской азбуке; «писать мыслете» — значит идти походкой пьяного. *А на улицах сигары.* До 1865 г. курение на улицах, во избежание пожаров, было запрещено. *Кадеты* — воспитанники военно-учебных заведений.

220. Печ. впервые по автографу ПД. Об адресате стихотворения см. вступ. заметку на с. 523.

221. ОЗ, 1865, № 8, с. 286, ст. 1—15, 17—28, 37—40; «Вопросы истории», 1968, № 8, ст. 16, 21—23, 29—32. Полностью печ. впервые по автографу ПД. Ст. 35 первоначально читался: «Байрóну в песнопевцах равен». *Дантес — сын Карла X.* Эти безосновательные слухи одно время ходили по Петербургу.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

222. М. Ю. Лермонтов, Стихотворения, не вошедшие в последнее издание его сочинений, Берлин, 1862, с. 6, с пропусками. Впервые полностью в легальной печати: Лермонтов, Соч., т. 1, М., 1889, с. 41. В замаскированном виде в стихотворении осуждаются порядки самодержавной России.

223. РМ, 1883, № 4, с. 54 (по автографу ПД). Написано под влиянием июльской революции 1830 г. во Франции. *Ты мог быть лучшим королем.* Речь идет о Карле X, отрекшемся от престола 2 августа н. ст. 1830 г.

224. РМ, 1883, № 4, с. 55. Стихотворение не завершено. Существует предположение, что оно обращено к декабристам. Теме Новгорода и его вечевого правления, являвшегося подобием республиканского строя, был посвящен целый ряд произведений русской прогрессивной литературы XVIII—XIX вв. — Я. Б. Княжнина, Пушкина

и в особенности поэтов-декабристов (В. Ф. Раевского, К. Ф. Рылеева, А. И. Одоевского), Л. А. Мея, А. А. Григорьева и др.

225. М. Ю. Лермонтов, Стихотворения, не вошедшие в последнее издание его сочинений, Берлин, 1862, с. 19 (по автографу ПД). Написано под влиянием крестьянских восстаний в 1830 г. в связи с эпидемией холеры. На автографе позднейшая приписка Лермонтова: «Это мечта» (т. е. мечта о грядущем революционном взрыве).

226. М. Ю. Лермонтов, Стихотворения, не вошедшие в последнее издание его сочинений, Берлин, 1862, с. 118 (по автографу ПД). Сохранилось лишь в отрывке — первые восемь строк. Какие события послужили поводом для написания стихотворения, до сих пор в точности не установлено. Были выдвинуты предположения о польском восстании 1830 г., об июльской революции 1830 г. во Франции, о восстании в Албании, о восстании Гази-Мухаммеда против русских в Дагестане; во всяком случае 1830 г. был временем, когда национально-освободительное движение охватило ряд стран. *Суворов был его сильнейший враг.* Имеются в виду итальянский и швейцарский походы Суворова, направленные против Французской республики.

227. «Северный вестник», 1889, № 1, с. 10. Адресат стихотворения до сих пор не установлен. Высказывалось малоправдоподобное предположение о том, что стихи Лермонтова имеют в виду Полежаева как автора поэмы «Эрпели» (см.: С. В. Обручев, Над текстами Лермонтова, М., 1965, с. 9—26). Серьезного внимания заслуживает гипотеза о Пушкине, сложная позиция которого во второй половине 20-х — начале 30-х годов (стихотворения «Стансы», «К друзьям», «К вельможе») в некоторых литературных кругах расценивалась как компромисс с самодержавием Свод данных об этом см. в статье: Э. Э. Найдич, «К***» («О, полно извинять разврат...»). — ЛН, № 58, 1952, с. 393—400.

228. С, 1857, № 10, с. 190 (по автографу ПД). *Воинственных славян Святая колыбель.* Подразумевается Новгород, где было написано стихотворение. *Служил тот колокол* — вечевой колокол (см. примеч. 246).

229. ПЗ II, с. 31, под загл. «На смерть Пушкина», без эпиграфа и ст. 43, с вариантами ст. 10, 11, 13—15, 18, 35, 37, 47, 50, 51, 53, 69. Впервые в легальной печати: «Библиографические записки», 1858, № 20, стлб. 635—636, с цензурными купюрами. В списках стихотворение фигурирует не менее чем под пятью различными заглавиями. В некоторых списках снабжено эпиграфом:

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим,
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Эпиграф восходит к трагедиям французского драматурга Ж. Ротру «Венцеслав» и «Антигона». Источники его рассмотрены в статье: Т. Иванова, Об эпиграфе в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта» («Вопросы литературы», 1970, № 8, с. 91—105). Стихотворение было написано едва ли не в день смерти Пушкина. 30 января оно уже переписывалось. 2 февраля с ним познакомился А. И. Тургенев (см.: В. А. Мануйлов, Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова, М.—Л, 1964, с. 70—74). В III Отделение стихотворение было послано кем-то по почте с надписью «Воззвание к революции». И. И. Панаев писал даже, что «стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались в десятках тысяч экземпляров, перечитывались и выучивались наизусть всеми» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, М., 1950, с. 96). Когда к больному Лермонтову 7 февраля 1837 г. зашел его двоюродный брат камер-юнкер Н. А. Столыпин и стал высказываться в защиту Дантеса, поэт тогда же дописал заключительные 16 строк. 21 февраля Лермонтов был арестован, а 25-го по распоряжению Николая I сослан на Кавказ; ссылка была оформлена как перевод из лейб-гвардии гусарского полка (стоявшего в Петербурге) в Нижегородский драгунский полк, в действующую армию.

230. РС, 1887, № 12, с. 738, с цензурными искажениями. Ст. 4—6 в некоторых копиях читаются:

И ты, послушный им народ.
Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей...

ДОВОДЧИКОВ

231. РС, 1882, № 6, с. 795. Датируется по данным сопроводительного примечания в РС о времени назначения А. С. Меншикова начальником морского штаба; там же указан и автор (см. также вступ. заметку на стр. 534).

С. И. СИТНИКОВ

232. «Декабристы и их время. Материалы и сообщения», М.—Л., 1951, с. 241 и вторично, несколько более точно: «Вопросы славянской филологии», Саратов, 1963, с. 256. Одиннадцать сходных автографов — ЦГВИА. *Голштейн-Готторп.* Династия Романовых фактически прекратилась на Елизавете I. С Петра III русские императоры были родом из немецкой династии герцогов Гольштейн-Готторп; это, разумеется, никогда не разглашалось, и такое сообщение считалось политически опасным. *Чухон сброд* — здесь: прибалтийские дворяне, многие из которых были близки к трону. *В журналах подлых* — в газете «Северная пчела» и других рептильных органах. *Свободы вечевой* — см. примеч. 246. *Меч военных поселений* — см. о них с. 741. *Сам с братом их ты осуждал.* По-видимому, речь идет о Николае I и его брате вел. кн. Михаиле Павловиче (1798—1848). *Наказ Екатерины* — см. примеч. 172. *Егова* (Иегова) — одно из имен бога в Библии. *Ермак* Тимофеевич (ум. 1584) — атаман донских казаков, сыгравший выдающуюся роль в освоении Сибири.

233. «Вопросы славянской филологии», Саратов, 1963, с. 260 (по автографу ЦГВИА). Стихи находятся в составе письма С. И. Ситникова к Н. В. Бегичеву. Автор их не установлен, но вполне возможно, что им является сам Ситников. О посланиях Рылеева к жене см. примеч. 186. *Егова* — см. предыдущее примеч. *Ипостасный* — по христианскому вероучению, каждое из лиц троицы (бог-отец, Христос, дух божий).

Е. П. РОСТОПЧИНА

234. «30 дней», 1938, № 2, с. 96, первые 16 строк (по списку 1850-х годов, принадлежавшему В. И. Нейштадту). Печ. по сб. «Поэты 1840—1850-х годов», «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1962, с. 219, где текст опубликован полностью, в ст. 31 и 54 введены конъектуры. Эпиграф — неточная цитата из послания Пушкина «К Чаадаеву» (см. № 74). *Плач братьев притесненных.* Речь идет о декабристах. *Трехцветный шарф* — государственный бело-сине-красный флаг царской России.

235. «Декабристы. Сборник материалов», Л., 1926, с. 7, ранняя редакция 1826 г., 40 строк, без эпиграфа. Печ. по журналу «30 дней», 1938, № 2, с. 95, более полный и более исправный текст в 44 строки (по списку 1850-х годов, принадлежавшему В. И. Нейштадту; датировано). Обращено к ссыльным декабристам. Эпиграф — из «Исповеди Наливайки» Рылеева (см. № 112). *В горах ужасных.* Многие декабристы отбывали каторгу в горных районах Сибири. *России, воспрянувшей от рабственного сна* — перефразировка стиха «Россия вспрянет ото сна» из послания Пушкина «К Чаадаеву» (см. № 74).

236. «Северная пчела», 1846, 17 декабря, с. 1135 (без подписи). Баллада разошлась во множестве списков и стала перепечатываться в сборниках произведений вольной поэзии: ПЗ II, с именем автора, с небольшими отличиями, без подзаг. и с примеч.: «Это стихотворение было напечатано, цензура не догадалась сначала, что «Насильственный брак» превосходно представил Николая и Польшу, потом спохватилась, и «Старый барон» выслал из Петербурга автора...» (последнее указание вероятно, но не доказано); РПЛ (то же примеч., что и в ПЗ); Л II; Л V (к загл. списка: «Женитьба Польши с Россиею»); РБ I и др. Кроме «Северной пчелы», во всех других печатных текстах — загл. «Насильственный брак». Было легально перепечатано в РС, 1872, № 2. Печ. по тексту «Северной пчелы», основному источнику списков. Рукопись стихотворения содержала эпиграф на итальянском языке: «Lascia ch'io pianga la dura sorte E ch'io sospiri la libertà!» («Позволь мне оплакивать тяжелую участь и повздыхать о свободе», — источник не установлен), помету: «Посвящается мысленно Мицкевичу» и подзаг.: «Баллада и аллегория». Кроме того, в автографе было: ст. 2 «На кроткий властелина зов», ст. 29 «И с ксендзом шепчется она», ст. 79 «Тирану верной быть должна». Баллада была прислана в «Северную пчелу» в августе 1846 г., но была написана, очевидно, в 1845 г. Подробную историю стихотворения см.: В. С. Киселев, Поэтесса и царь. — РЛ, 1965, № 1, с. 144—158. *Она везде меня*

клеймит. Подразумевается деятельность польских эмигрантов, выступавших за отделение Польши от России. *Вздувает огнь междоусобья.* Имеется в виду польское восстание 1830—1831 гг. *С монахом шепчется она,* т. е. с католиками. *Послал он в ссылку, в заточенье.* Речь идет о репрессиях, постигших участников восстания 1830—1831 гг.

237. РПЛ, с. 298; Л II. Автором в списках чаще всего называется Е. П. Ростопчина. См.: И. Белов, По поводу сочинений графини Ростопчиной (ИВ, 1885, № 5, с. 495); Е. Бушканец, Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов. По материалам архива П. А. Ефремова (ИОЛЯ, 1962, № 4, с. 344). В некоторых списках к этому стихотворению присоединяются еще двенадцать строк иного стихотворения другого времени (ИВ, 1885, № 5, с. 496). Датируется по ст. 20: второе издание «Свода законов» вышло в 1842 г. *Названью прежнему «потешных».* Так назывались роты молодых дворян, сформированные Петром I в детстве для военных игр и послужившие ему образцом для создания армии нового типа. *Ярыжка* — нижний полицейский чин. *Изданья «Свода».* Ожидалось, что публикация полного свода законов будет способствовать укреплению в России законности и правосудия. *«Русь обильна и сильна. . .»* и т. д. Вариант легендарной реплики из летописи, приписывающейся русским послам, которые отправились к варягам просить их прийти княжить на Руси.

А. С. ХОМЯКОВ

238. РПЛ, с. 211; Л I; Л II; Л V, все под загл. «1831 год». Печ. по изд.: А. С. Хомяков, Стихотворения, М., 1861, с. 30. В 1830 г. стихотворение было запрещено, несмотря на специально написанный Хомяковым эпиграф: «„Прошу вас поляков не ненавидеть“ (незабвенные слова возлюбленного нашего монарха)» («Пушкин и его современники», вып. 29—30, Пг., 1918, с. 128—129). Отклик на польское восстание 1830 г., в котором выражены чаяния Хомякова о политическом единстве славянских народов под эгидой России.

239. РПЛ, с. 215, под загл. «Идиллия» и под ним: «Поющие лица: Сирах, Мисах, Авдинаго, Даниил. Сцена: гора подле Вавилона, внизу скотный двор, где пасется Навуходоносор», строфы 3 и 4 переставлены, после строфы 6 повторена строфа 1 (загл. и ремарка едва ли принадлежат Хомякову); Л II. Печ. по изд.: А. С. Хомяков, Стихотворения, М., 1861, с. 102. Стихотворение печаталось и перепечатывалось вполне легально; тем не менее зарубежная вольная пресса ввела его в свой обиход. В нем в замаскированной форме изображалась эпоха «мрачного семилетия» (1848—1855), когда всякая свободная мысль в России была особенно угнетена. Стихотворение основано на предании о том, что вавилонский царь Навуходоносор II (605—562 до н. э.) к концу жизни сошел с ума и, вообразив себя быком, несколько лет жил среди животных. В русской поэтической традиции имя Навуходоносора употреблялось в качестве прозвища Николая I (см.: И. Г. Ямпольский, Василий Курочкин.— В изд.: «Поэты «Искры», т. 1, *БП*, Л., 1955, с. 36—37). *Сион* — см. примеч. 135. В 587 г. до н. э.

Навуходоносор взял Иерусалим: храм был разрушен, а евреи угнаны в рабство в Вавилонию. *Десная* — правая рука. *Деир* — местность в Вавилонии, где, по библейскому преданию, Навуходоносор установил громадный золотой истукан (кумир). *Иегова* — см. примеч. 232.

240. РБ, 1860, т. 2, кн. 20, с. 15; РПЛ; Л I; Л V. Печ. по изд.: А. С. Хомяков, Стихотворения, М., 1861, с. 15. Было написано после разрыва дипломатических отношений России с Англией и Францией и после серьезных поражений русской армии во время Крымской войны. По словам Б. Н. Чичерина, стихотворение Хомякова «мигом облетело Москву» («Воспоминания. Москва сороковых годов», М., 1929, с. 149) и вскоре распространилось в списках по всей стране (см.: Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 13, СПб., 1899, с. 43). 4 сентября 1857 г., а потом вторично 16 апреля 1858 г. оно было переписано Т. Г. Шевченко в дневник. Пытаясь приспособить стихи для цензуры, Хомяков исправил ст. 17 «И двоедушьем клеймена» и ст. 20 «И всяких темных дел полна» (см. А. С. Хомяков, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1900, с. 405). Однако эти исправления не помогли и стихотворение в течение нескольких лет не могло быть напечатано. На Хомякова обрушился целый ряд обвинений в непатриотичности. «Ежедневно получаю пасквили без подписи стихами», — писал Хомяков М. П. Погодину (Н. П. Барсуков, цит. соч., с. 44, письмо без даты). Е. П. Ростопчина назвала эти стихи «гнусными клеветами против России и ее народа» (там же) и написала стихотворный ответ Хомякову «Ответ некоторым безыменным стихотворениям» (Е. П. Ростопчина, Соч., т. 1, СПб., 1890, с. 150). Остается неизданным ответное стихотворение Н. В. Арсеньевой (ур. Камыниной, ум. 1855) «Стыдись, о сын неблагодарный. . .» (ГПБ, ф. Майковых; ср. упоминание — ИВ, 1887, № 12, с. 535). О других стихотворениях, обращенных к Хомякову и приписывавшихся Ростопчиной, см. в ее письме к А. В. Дружинину от 23 апреля 1854 г. («Письма к А. В. Дружинину. 1850—1863», М., 1948, с. 268). Хомякова осуждали даже близкие к славянофилам люди, как например О. М. Бодянский; стихотворение, по его словам, «заключает в себе упреки, хотя и справедливые, но совершенно неуместные, безвременные», — запись в дневнике 5 июля 1854 г. (А. Кочубинский, О. М. Бодянский в его дневнике. — ИВ, 1887, № 12, с. 534—535). Отрицательное отношение к стихотворению Хомякова выразил и П. А. Вяземский, позиция которого в это время уже была очень близка к правительственной: «Хомяков, без сомнения, любил Россию чистою, возвышенною и просвещенною любовью, — но и он в лирическом увлечении чересчур поднатужил ноту и вышел из надлежащего диапазона» (Полн. собр. соч., т. 8, СПб., 1883, с. 486). *Вставай, страна моя родная!* Призыв к объединению славян под властью России. *Шумят струи Эгейских вод!* Речь идет о восточной части Средиземного моря, соединяющегося с Черным через проливы Босфор и Дарданеллы. Борьба за проливы была одной из причин Крымской войны.

241. Е. Г. Бушканец, Н. А. Добролюбов и нелегальная поэзия периода Крымской войны, Казань, 1961, с. 21. Об авторстве см. вступ. заметку на с. 552.

М. А. БЕСТУЖЕВ

242. СРП, с. 9 (без подписи, дата: «1827»); Л I; Л V. Впервые в легальной печати: Б, 1907, № 8, с. 27. Песня традиционно приписывалась А. А. Бестужеву, авторство М. А. Бестужева бесспорно устанавливается его мемуарами, в которых рассказано, как и когда песня была написана («Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, с. 292—295). *Муравьев*-Апостол Сергей Иванович (1796—1826) — подполковник, командир 2-го батальона Черниговского полка («с ним черниговцы»), возглавил восстание в конце 1825 г. и был повешен в числе пяти декабристов. *Изменник-червь* — тайный агент капитан В. С Сотников.

В. ПАНКРАТЬЕВ

243. РА, 1869, № 10, стлб. 1725 (автором указан Пушкин; опровержение этой атрибуции и поправки к ст. 1 и 5 см. там же, № 12, стлб. 2111). Ст. 2, 4, 5, 6, 9 исправлены по списку ПД, предоставленному В. С. Киселевым; в списке помета: «не напечатано» и подпись: «Пушкин». Датируется предположительно, временем, когда тема псковской и новгородской вольницы была наиболее популярна в русской литературе.

В. С. ПЕЧЕРИН

244. ПЗ VI, с. 172, под загл. «Pot-Pourri, или Чего хочешь, того просишь. (Для февральского праздника 1834)»; РПЛ; Л II (то же); Л I, отрывки в качестве самостоятельных произведений («Песнь умирающего поэта» и песня «Под стенами Сантарема. . .»); ВП I, отрывок (песня «Пряжа тонкая прядися. . .»). Печ. по РПЛ, с. 308. Датируется на основании соображений, высказанных М. О. Гершензоном (в его кн.: «Жизнь В. С. Печерина», М., 1910, с. 71). Ст. 423 в РПЛ имел след. примеч. Огарева: «В некоторых рукописях здесь поставлено собственное имя: но оно так мудрено, что мы не решились принять это чтение в свой текст». *Столицы древней разрушенье.* Вариант старинной легенды о гибели Петербурга от воды («Петербургу быть пусту»), преломившейся в стихотворении неустановленного автора «И день настал. И истощилось. . .» (№ 189) и стихотворении М. А. Дмитриева «Подводный город» (№ 264). О теме наводнения в русской литературе см.: Е. А. Бобров, Мелочи из истории русской литературы. . . XV. Тема о наводнении («Русский филологический вестник», 1908, № 1-2, с. 282) и Н. П. Анциферов, Душа Петербурга, Пг., 1922, с. 87—96. *Пять померкших звезд* — пять казненных декабристов.

С. А. МАСЛОВ

245. «Утро. Литературный сборник», изд. М. П. Погодина, М., 1859, с. 213, со след. примеч.: «Эта басня, как многим известно, давно ходит по рукам, приписываемая Крылову»; И. А. Крылов, Полн. собр. соч., изд. 2, т. 2, СПб., 1859; РБ I (подпись: «А. Крылов»); РПЛ (приписано И. А. Крылову); Л I (то же), Л V («А. Крылов. Посвящается украинским казакам»); Н. В. Гербель, Хрестоматия для всех, СПб., 1873 (приписано И. А. Крылову); «Варшавский дневник», 1899, 24 января (в качестве неизданной басни Крылова, по автографу (?),

принадлежавшему К. Страхову). Список или автограф с подписью «Степан Маслов» находился среди бумаг П. И. Бартенева (см.: И. А. Крылов, Соч., т. 4, СПб., 1905, приложение, с. 462); другие списки, большей частью с именем Крылова (с некоторыми вариантами), — ЦГАЛИ. Печ. по сб. «Утро».

Л. А. МЕЙ

246. ГизР IV, с. 41; РБ I; Л II. Впервые в легальной печати: Л. А. Мей, Полн. собр. соч., т. 1, СПб., 1887, с. 318, под загл. «Последнее прощание». Печ. по изд.: Л. А. Мей, Стихотворения и драмы, *БП*, Л., 1947, с. 92. *Вадимова площадь* названа по имени Вадима, легендарного защитника вольных прав Древнего Новгорода в его борьбе с кн. Рюриком в 863 г. *Чудь* — собирательное имя древних финских племен. *Югория* (точнее Югра) — населенная финскими племенами страна, занимавшая в древности северную часть Европейской России и Западную Сибирь вдоль побережья Ледовитого океана. В титуле русских императоров до самого последнего времени была формула: «князь Югорский». *Ганза* — средневековые купеческие и политические союзы в Северной Германии, имевшие свой флот и свои военные силы. Ганзейский союз окончательно оформился в 1367 г.; он вел обширную торговлю, в частности с Новгородом. *Царь Иван* — Иван III (1440—1505), при котором Новгород лишился своего вечевого управления, вечевой колокол — символ новгородской вольницы — был снят в 1478 г. и увезен в Москву. *Ярослав* (978—1054) — Ярослав Мудрый, в 1014—1018 гг. был князем новгородским. *Боголюбский* Андрей Юрьевич (1111—1174) — князь ростово-суздальский, а с 1155 г. — киевский; в 1170 г. вел неудачную войну с Новгородом. *На Ижору Александра провожал.* Князь Александр Невский (1220—1263) в 1240 г. нанес шведам решительное поражение в районе реки Ижоры (левого притока Невы) и побережья Финского залива (так называемая «Невская битва»).

И. П. МЯТЛЕВ

247. РПЛ, с. 240; Л II. Печ. по изд.: И. П. Мятлев, Стихотворения. «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой», *БП*, Л., 1969, с. 608.

Н. П. ОГАРЕВ

248. «Юмор» («Le l'humeur»), Лондон, 1857, отдельное издание, с рядом неточностей (без обозначения имени автора); Л II (ч. 1, гл. 1). Печ. по изд.: Н. П. Огарев, Стихотворения, Лондон, 1858, с. 33. Датируется по предисловию Герцена (к изд. 1857 г.). Поэма осталась неоконченной, хотя Огарев неоднократно, в течение многих лет, к ней обращался (см.: Н. П. Огарев, Стихотворения и поэмы, *БП*, Л., 1956, с. 847—848). Эпиграф — из предисловия к «Евгению Онегину». *Министром Вронченко пока.* В 1840 г. Ф. П. Вронченко (1780—1852) заменял министра финансов Е. Ф. *Канкрина*, с 1844 по 1852 г. он сам занимал этот пост. Проведенная Канкриным в 1839 г. денежная реформа — замена ассигнаций серебряным рублем — была невыгодна для держателей ассигнаций, так как *лаж* (плата за промен) достигал

27%. *В Москве всё проза Шевырева.* Вероятно, имеется в виду статья реакционного критика и филолога С. П. Шевырева (1806—1854) «Взгляд русского на современное образование Европы» («Москвитянин», 1841, № 1). *Дают «Парашу» Полевого.* Речь идет о драме «Параша Сибирячка» Н. А. Полевого (см. о нем примеч. 256). *Пушкин стих.* Пушкин скончался 29 января (10 февраля) 1837 г. *Есть поэт, Хоть он и офицер армейской* и т. д. Подразумевается Лермонтов, который за дуэль с Барантом был в апреле 1840 г. сослан на Кавказ. *В стране Гиперборейской.* Гипербореи (греч. миф.) — какой-то северный народ, ведущий блаженную жизнь; здесь — Россия. *О нем писал и Виссарьон.* В июне 1840 г. Белинский напечатал в ОЗ статью о «Герое нашего времени». *Нестор* — Нестор Васильевич Кукольник (1809—1868), плодовитый реакционный драматург и беллетрист. *Греч* — см. примеч. 115. *Швалье, Яр* — модные московские рестораны. *Паши три дня — и будешь прав* — узаконенная при Павле I трехдневная барщина. *Монтекукулли иль Мальбруг.* Граф Р. Монтекукулли (1609—1681), прославившийся быстротой и неожиданностью военных операций, — австрийский полководец, автор многих теоретических работ на военные темы. Д. М. Мальбруг (1650—1722) — английский полководец и государственный деятель. В России был очень популярен перевод французской песенки о нем: «Мальбруг в поход собрался...» *А жалок мне удел Китая. У Альбиона чести нет.* Речь идет об англо-китайской войне (1840—1842), закончившейся тяжелым поражением Китая.

249. ПЗ III, с. 151, под загл. «Упование. Год 1848»; РБ I, под загл. «Год 1848. Упование»; Л II, под загл. «Год 1848»; Л V, под загл. «Упование. Год 1848». Печ. по изд.: Н. П. Огарев, Стихотворения, Лондон, 1858, с. 203 (загл. «Год 1848», в оглавлении — «Упование»), с загл. по ПЗ III. Является откликом на революционное движение в Германии и Италии накануне революции 1848 г. *Лелеет слух внезапным колыханьем* и т. д. Имеется в виду начало революционных событий в Италии. *«Ave Maria»* — начальные слова и название католической молитвы. *Цезарь* — здесь в значении: царь, император. *И дремлет вкруг семи холмов поляна.* Рим был основан на семи холмах. *Ватикан* — папский дворец в Риме; здесь — символ папской власти. Речь идет о начинавшемся движении за политическое объединение Италии, за освобождение ее от светской власти папы. *Уж гордый Рейн восстал* и т. д. Речь идет о политическом положении в Германии перед мартовским восстанием 1848 г. *Волхвы* — мудрецы, по звездам предсказывавшие судьбу человека.

250. ПЗ III, с. 172; Л II. Печ. по изд.: Н. П. Огарев, Стихотворения, Лондон, 1858, с. 206. Отклик на жестокую реакцию, охватившую европейские страны после поражения революции 1848 г. Если Маркс и Энгельс, анализируя причины революции 1848 г., считали реакцию временной и не видели в ней признаков гибели западной культуры, то многие представители европейской интеллигенции (в том числе Огарев и Герцен) впали в состояние пессимизма. Источники этого скептицизма были вскрыты В. И. Лениным в статье «Памяти Герцена»: «Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той все-

мирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела» (Полн. собр. соч., т. 21, с. 256).

251. ПЗ III, с. 173; Л I; Л V. Печ. по изд.: Н. П. Огарев, Стихотворения, Лондон, 1858, с. 209. По свидетельству Н. А. Тучковой-Огаревой, написано во время заключения в III Отделении (Н. А. Тучкова-Огарева, Воспоминания, ⟨М.⟩, 1959, с. 93). Стихотворение было широко известно как народная и солдатская песня и особенно распространено в Пензенской и Саратовской губерниях (А. Пругавин, Песня о часовом и барине. — «Нижегородский сборник», СПб., 1905, с. 276—282). Первый, ставший известным, вариант этой песни, записанный в Петровске Саратовской губернии, представляет собою значительно измененный текст. Второй вариант, более близкий к тексту Огарева, там же. Известны переработки 1934-го и последующих годов (см.: Н. П. Андреев, Русский фольклор. Хрестоматия для высших педагогических учебных заведений, изд. 2, Л., 1938, с. 560). В среде петроградских рабочих в конце XIX или в начале XX в. некоторые строфы «Арестанта» были с изменениями авторского текста включены в состав анонимного стихотворения «Литовский замок» (ПД, сектор народного творчества, запись 1937 г.) Стихотворение, кроме того, не раз перекладывалось на музыку; мелодия этой песни использована Д. Д. Шостаковичем в 11-й симфонии. Известны переработки на болгарском языке (см.: «Песни и романсы», с. 1032).

252. ПЗ VI, с. 325 (датировано); Л I; Л V.

253. РПЛ, с. 370 (без подписи); Л II. Авторство Огарева предположительно обосновано Я. З. Черняком (ЛН, № 61, 1953, с. 597—598). В составленный Огаревым ВП II (с. 30) введено стихотворение «Царь — отечества отец...», представляющее собою ст. 13—18, 23—30, 44—50 и 7—12 наст. текста (ст. 15, 16, 25, 26 в ВП II остались неиспользованными). Автор его — скорее всего Огарев. Ср., однако, скептические соображения Е. Г. Бушканца в его брошюре: «Особенности изучения памятников нелегальной революционной поэзии XIX века», Казань, 1962, с. 31. Датируется на основании реалий стихотворения не позже 1852 г. *Врonченко* — см. примеч. 248. *Хочу я войска часть отправить за Карпат,* т. е. в Венгрию, для подавления революции 1848 г. (ср. дальше: «За австрийца мрут»). *Гроши сгибли на дворец* — на восстановление Зимнего дворца после пожара 1837 г. *На железные дороги* — на строительство железной дороги между Петербургом и Москвой (см. ниже). *Невский мост* — Благовещенский мост через Неву, построенный в 1842—1850 гг. *Главный над путями* и т. д. Подразумевается П. А. Клейнмихель (1803—1869) — главноуправляющий путями сообщения в 1842—1855 гг., ведал постройками, которые обходились государству неслыханно дорого. В 1842—1852 гг. руководил строительством Николаевской железной дороги, стоившей 64 миллиона рублей; немалая часть этой суммы прилипла к рукам Клейнмихеля. *Волконский* П. М. — см. примеч. 118. *Протасов* Н. А. граф (1799—1855) — генерал от кавалерии, в 1836—1855 гг. обер-прокурор Синода. *Святый Давид* (1055—1015 до н. э.) — царь Иудеи; ему библейская легенда приписывает так называемые «Псалмы».

А. А. ФЕТ

254. «Ленинград», 1940, № 21—22, с. 34 (по неполному и неисправному списку П. П. Пекарского в собр. В. Е. Евгеньева-Максимова, подпись: «В. Белинский»), строфы 4 и 6, текст которых дефектен и непристоен, опущен. Существует необоснованное предположение о совместном авторстве Фета, Я. П. Полонского и Ап. Григорьева (см.: В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 12, М., 1956, с. 512). Обоснование авторства Фета см. в примеч. Б. Я. Бухштаба к изд.: А. А. Фет, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1959, с. 809—810. Стихотворение Фета — ответ на стихотворение М. А. Дмитриева (о нем см. с. 638) «К безыменному критику», напечатанное в «Москвитянине» (1842, № 10, с. 281—284) и являющееся по существу доносом на Белинского. Очень резкий ответ Дмитриеву содержится также в «Литературных и журнальных заметках» В. Г. Белинского, опубликованных в ОЗ, 1842, № 12 (Полн. собр. соч., т. 6, М., 1955, с. 505—508). *Карамзин тебе даст плюху, Ломоносов даст туза.* Дмитриев в своем стихотворении обвинял Белинского в том, что своими статьями он унизил авторитет таких видных писателей, как Ломоносов, Карамзин, Державин и др. Даст туза, т. е. даст сильный отпор. *Спасские ворота* — в Московском Кремле. *Казаки крестят народ*, т. е. избивают народ. *Эклога* — жанр лирического стихотворения, близкий к пасторали и идиллии.

Ф. Ф. ВАДКОВСКИЙ

255. КА, т. 3(10), 1925, с. 318 (по копии в тетради «Из бумаг кн. А. Б. Лобанова-Ростовского»). Ст. 4 имел в автографе (утрачен в 1920-е годы) вариант «А твой бедный царь», ст. 5 восстановлен Е. Е. Якушкиным в публикации КА по памяти. Стихотворение написано в Сибири не позднее 1843 г. (там же) и представляет собою стилизацию в народном духе, обобщенно излагая программу декабристов (и Северного и Южного обществ). Авторство Ф. Ф. Вадковского подтверждается написанным им листком «Требования общества», в котором перечислены, в той же самой последовательности, что в стихотворении, основные пункты политической программы организации. «1. Уничтожение самовластия. 2. Освобождение крестьян. 3. Преобразования в войске. 4. Равенство перед законом. 5. Уничтожение телесных наказаний. 6. Гласность судопроизводства. 7. Свобода книгопечатания. 8. Признание народной власти. 9. Палата представителей. 10. Общественная рать или стража. 11. Первоначальное обучение. 12. Уничтожение сословий» (КА, указ. том).

Н. И. КУЛИКОВ

256. РПЛ, с. 284; Л II (оба текста неисправны); РА, 1884, № 1, под загл. «Братья-мошенники» (также по неисправному списку). Печ. по авторизованному тексту РС, 1885, № 2, с. 471. Сохранились многочисленные списки, один из них — в тетради Н. А. Добролюбова, озаглавленной: «Закулисные тайны русской литературы и жизни» (1855); автором здесь предположительно назван И. П. Мятлев (Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. 8, 1964, М.—Л., с. 467—469). *Пан-беглец*

и т. д. — Булгарин, см. о нем с. 606. *Песоцкий* И. П. (ум. 1889) — издатель; *варяг,* т. е. иноземец: намек на еврейское происхождение Песоцкого. *Язвинский* А. Ф. — литератор и педагог. *Шпиц* — лицо неустановленное. *Межевич* В. С. (1814—1849) — беспринципный критик и журналист, редактор газеты «Ведомости С.-Петербургской городской полиции». *И. Греча сын* — Алексей Николаевич (1814—1851) — журналист, сотрудник «Северной пчелы». *Греч, действительный цыган.* Имея в виду торгашеские наклонности Н. И. Греча, А. Ф. Воейков в сатире «Дом сумасшедших» писал о нем: «Он цыган в литературе». *Басня «Крестьянин и змея»* — одна из трех басен Крылова под этим загл. *Журнал большой* — «Сын отечества». *Бывало, в ту пору глухую* — в эпоху последекабрьского террора. *Я бегал под двумя орлами* — намек на то, что Булгарин служил и в русской армии и в польском легионе, входившем в состав армии Наполеона. *В Париж хочу.* Поездка Греча в Париж относится как раз ко времени написания пародии. *Лишь за границею стяжал Он имя русского шпиона.* В «Записках» гр. М. Д. Бутурлина сообщается, что во время этого пребывания Греча в Париже кто-то заказал его визитные карточки с припиской на них: «Éspion de sa Majesté Imperiale» («Шпион его величества») и развез эти карточки по всем парижским знакомым Греча (РА, 1901, № 11, с. 443). *Всех под сюркуп вели* — карточный термин: подводить под перекрышку; в переносном значении: подводить под неприятности. *Полевой* Н. А. (1796—1846) — видный публицист, критик, беллетрист и драматург; в 1825—1834 гг. издатель «Московского телеграфа», после его закрытия сблизился с литераторами реакционного лагеря. *Как перебежчик двух сторон* — Булгарин. *Vivat! Ура! Pardon!* — возгласы на трех языках, соответствующие трем странам, подданным которых был Булгарин (Польши, Франции и России).

И. С. АКСАКОВ

257. ИВ, 1888, № 2, с. 331 (по списку ЦГАОР). Полный текст стихотворения неизвестен; отрывки, отобранные у И. С. Аксакова во время обыска 17 марта 1849 г., сохранились в делах III Отделения. В ст. 6 введена конъектура — «царской» вместо «статской»; это слово подсказывается контекстом: «статской» не соответствует смыслу отрывка. Датируется на основании показаний И. С. Аксакова в III Отделении («Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 2, М., 1888, с. 162). Стихотворение обращено к князю Дмитрию Александровичу Оболенскому (1822—1881), товарищу Аксакова по Училищу правоведения в 1838—1842 гг., в это время служащему Московского сената, впоследствии видному государственному деятелю. Стихотворение, вызвавшее недовольство III Отделения (там же, с. 163), очевидно, ближайшим образом связано с мистерией «Жизнь чиновника» (№ 258) и, возможно, представляет собою один из ее предварительных набросков. *Немецкие ничтожные прозванья* — придворные чины русского двора: форшнейдер, гофмаршал, гофмейстер, егермейстер, штальмейстер, обер-шенк и др.

258. РПЛ, с. 397 (по неисправному списку, без подписи). Впервые в легальной печати: И. С. Аксаков, Сборник стихотворений, М.,

1886, с. 156. Печ. по изд.: Иван Аксаков, Стихотворения и поэмы, *БП*, Л., 1960, с. 123 (там же, с. 274—276, — данные о сложной истории текста). Поэма, запрещенная цензурой в 1846 г., распространялась в списках. *Служить? иль не служить? да, вот вопрос!* — подражание знаменитой реплике Гамлета в одноименной трагедии Шекспира: «Быть или не быть, вот в чем вопрос» (д. 3, сц. 1). *Будешь ты действительный, будешь ты и тайный*, т. е. действительный статский и тайный советник, высшие гражданские чины, по действовавшей до 1917 г. «Табели о рангах». *Зеленый вицмундир* — форма чиновников. *К превосходительным чинам стремятся Бруты, Александры* — т. е. к высшим чинам (с титулом «ваше превосходительство»), начиная с действительного статского советника. Брут — см. примеч. 8, с. 764; Александр — царь Александр Македонский; оба имени употреблены иронически, чтобы подчеркнуть ничтожность современных героев. *Кассандра* (греч. миф.) — троянская царевна. Аполлон наделил ее даром пророчества, но, отвергнутый ею, сделал так, что ее прорицаниям, несмотря на их справедливость, никто не верил. *Горе мне! какие звуки!* и т. д. Реминисценция из «Орлеанской девы» Шиллера в переводе Жуковского (слова Иоанны, д. 4, явл. 1). *«Роберт-Диавол»* — опера немецкого композитора Ж.-Л. Мейербера, впервые поставленная в Париже в 1831 г. *Ономнясь* (обл.) — недавно. *Вонми* — вникни, усвой. *Роется в X томе.* X том «Свода законов» был посвящен гражданским законам, ссылка на пункт 14 произвольная. *По высочайшим повелениям Печатный шлете вы указ.* Примеч. И. Аксакова в списке ПД: «Был ордер ⟨приказание⟩ министра, чтоб по высочайшим повелениям не отправлялись указы, писанные на печатных бланках, так как форма уже известна, ибо „такие указы не столь уважаются"» (цит. по указ. выше изд. *БП*, с. 277). *Анны крест тебе на шею* — орден св. Анны 2-й степени. *Станислав через плечо* — орден св. Станислава 1-й степени. *Ляжет Аннинская лента широко тебе на грудь.* Орден св. Анны 1-й степени носился на груди. *И получишь знак иной: С императорской короной, С осьмигранною звездой* — высший орден св. Андрея Первозванного. *Красная* — десятирублевая ассигнация.

259. «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. 2, М., 1888, с. 277. Датируется по письму к родным от 26 января 1850 г. (там же, с. 275). Невозможное для печати стихотворение разошлось в списках и было, в частности, переписано И. С. Никитиным («Бюллетени рукописного отдела Пушкинского дома», вып. 4, Л., 1953, с. 101). Для осторожности было снабжено фиктивным подзаг.: «Перевод с санскритского». Все письмо И. Аксакова, написанное с расчетом на возможную перлюстрацию, должно было подтвердить это. Стихотворение было одобрено Гоголем (ЛН, № 58, 1952, с. 725). *Одебелело* — глагол от прилагательного «дебелый».

260. РБ, 1859, № 5, с. 11, под загл. «Моим друзьям. (Честным людям, состоящим в государственной службе)»; РПЛ, под загл. «Моим друзьям. (Немногим честным, состоящим в государственной службе)», с вариантами (автором указан К. Аксаков); Л II; «Русь», 1884, 1 марта, с вариантами, датой: 1852 и примеч.: «Помещаем это старое стихотворение, писанное 32 года тому назад, как дополнительную справку из собственного архива к передовой статье о старых

судах в 4 № «Руси». Вот какими скромными желаниями приходилось тогда ограничиваться!.. Автор, когда писал это послание, сам уже оставил службу. Ред.». Печ. по изд.: Иван Аксаков, Стихотворения и поэмы, *БП*, Л., 1960, с. 101. В 1856 г. стихотворение было запрещено цензурой для РБ, и, вероятно, тогда и начали возникать списки, проникшие за границу к Огареву, подготовлявшему РПЛ.

К. С. АКСАКОВ

261. РПЛ, с. 234; Л I; Л V, всюду под загл. «Петру Великому». Впервые в легальной печати: «Русь», 1881, 3 января, с исправлениями, произведенными И. С. Аксаковым. С некоторыми вариантами — РА, 1905, № 9. Печ. по изд.: «Поэты кружка Н. В. Станкевича», *БП*, Л., 1964, с. 392.

262. РПЛ, с. 395; Л I; Л V, с рядом дефектов. Впервые в легальной печати: «Русь», 1880, 15 ноября. Печ. по изд.: «Поэты кружка Н. В. Станкевича», *БП*, Л., 1964, с. 418. Ряд автографов (ЦГАЛИ и др.) и множество списков. 16 января 1855 г. Аксаков прочитал стихотворение на торжественном ужине в день столетнего юбилея Московского университета, но в печати оно появиться не смогло (см.: В. С. Аксакова, Дневник, СПб., 1913, с. 38).

М. А. ДМИТРИЕВ

263. РПЛ, с. 238; Л II (подпись: «Дмитриев», то же в списке ЦГАЛИ, о котором говорится в указ. на с. 638 статье Е. Г. Бушканца). Вероятно, написано вскоре после стихотворения К. С. Аксакова «Петру» (см. № 261), чем и определяется предположительная датировка. *Князь Яков Долгорукий* — см. примеч. 6. *Валтасар* — последний вавилонский царь, по Библии, убитый после того, как на стене его дворца возникли чудесным образом таинственные огненные письмена, предвещавшие ему гибель.

264. РПЛ, с. 224; Л II (подпись: «Хомяков»). Печ. по изд.: М. А. Дмитриев, Стихотворения, ч. 1, М., 1865, с. 175. В основе стихотворения — легенда о гибели Петербурга от наводнения (см. примеч. 244). *Шпиль* — шпиль Петропавловского собора. *Закачало с год тому.* По-видимому, намек на рост оппозиционных настроений, приведших в 1848 г. к революционному взрыву в Западной Европе.

265. ГизР IV, с. 55; РПЛ; РБ I; Л II; Л V. Печ. по ГизР. Автором этого стихотворения традиционно считается М. А. Дмитриев. То же подтверждается П. А. Ефремовым (см. указ. на с. 638 статью Е. Г. Бушканца). Однако в 1854 г. Дмитриев писал М. П. Погодину: «Распространились стихи «Когда наш Новгород великий», которые приписываются мне. Везде меня о них спрашивают. Но они не мои. Прошу вас, при случае, если они до вас дойдут под именем моих, в этом разуверить» (Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 13, СПб., 1899, с. 206). Возможно, что Дмитриев отрицал свое авторство из осторожности или по соображениям тактическим; во-

прос остается нерешенным и требует дальнейшего изучения. Датируется временем письма Дмитриева, когда стихотворение скорее всего и было написано.

Н. А. НЕКРАСОВ

266. Альм. «Первое апреля», СПб., 1846, с. 126, в составе коллективного водевиля Д. В. Григоровича, Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова «Как опасно предаваться честолюбивым снам»; автор стихотворных вставок — Некрасов; РА, 1901, № 12 (только печатаемый отрывок, по списку середины 1840-х годов, в качестве стихотворения неизвестного автора, с вариантами в ст. 1, 2, 6—8, 11—16). Печ. по изд.: Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 5, М., 1949, с. 576. Коллективный водевиль готовился для запрещенного цензурой альм. «Зубоскал», выход которого был намечен на конец 1845 г. (Н. С. Ашукин, Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М.—Л., 1935, с. 62). *Качуча* — испанский танец, особенно популярный в России с середины 1840-х годов, после гастролей танцовщиц М. Тальони и Ф. Эльснер. *Я удерживать вас не хочу* — формула, которую произносил начальник при увольнении чиновника.

267. Н. А. Некрасов, Стихотворения, М., 1856, с. 169, под загл. «Старые хоромы (Из Ларры)», с посвящением Валериану Панаеву. Печ. по изд.: Н. А. Некрасов, Стихотворения, изд. 3, ч. 1, СПб., 1863, с. 31. Наборная рукопись — авторизованная копия под загл. «Старые хоромы (Из записок ипохондрика)», с зачеркнутым посвящением В. Г. Б⟨елинско⟩му — ПД; другая авторизованная копия — ЛБ, под загл. «Старое гнездо (с испанского, из Ларры)». Подзаг. «Из Ларры» многократно использовался Некрасовым в целях цензурной маскировки (см.: С. А. Рейсер, Некрасов и испанский сатирик Ларра. — «Некрасовский сборник», вып. 3, М.—Л., 1960, с. 346—348). Различные варианты загл. тоже были вызваны цензурными соображениями: слово «Родина» представляло собою гораздо более ответственное по своей обобщенности название (см.: А. М. Гаркави, Новые материалы о Н. А. Некрасове. — «Ученые записки Калининградского пед. института», вып. 1, 1955, с. 57—58). Стихотворение предназначалось для № 2 С за 1847 г., но, очевидно, из-за цензурного запрета напечатано не было. В изданиях стихотворений Некрасова 1856 и 1861 гг. был ряд купюр. В изд. 1856 г. стихотворение было посвящено инженеру-путейцу В. А. Панаеву (1824—1899), двоюродному брату И. И. Панаева. Стихотворение особенно понравилось Белинскому, который распространил его в 1845 г. до напечатания. Полные списки стихотворения (без цензурных купюр) широко обращались в революционной среде: известны копии А. И. Герцена (ЦГАЛИ), П. Л. Лаврова (ЦГАОР) и др. Стихотворение построено на автобиографическом материале и описывает быт родового имения — с. Грешнева (Ярославской губ.). *Мать моя* — Е. А. Некрасова (рожд. Закревская, ум. 1841), жизнь которой с грубым и жестоким крепостником, отцом поэта — А. С. Некрасовым (1788—1862), представляла собою цепь мучительных страданий и унижений. *Сестра души моей* — сестра Елизавета (1821?—1842), вышедшая в 1841 г. замуж за пожилого подполковника С. Г. Звягина. *Гаер* — шут, кривляка.

268. ПЗ II, с. 34 (без подписи, но с обозначением: «того же»); РБ I; Л I, с подзаг.: «На голос: „Выйду ль я на реченьку"», ст. 14 «Был сын толпы, был демагог» (bis) (без подписи); СРП; Л V. Впервые в легальной печати: РМ, 1916, № 5, с. 134, с цензурными сокращениями. Печ. по ПЗ II. Список — ПД (в сб. «Всякая всячина», ч. 6, ф. А. С. Пушкина). Это стихотворение Ап. Григорьева, широко распространенное в списках, было хорошо известно современникам; вероятно, именно это («страшное по атеизму») стихотворение имел в виду П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту от 11 мая 1846 г. («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. 2, СПб., 1896, с. 763). Ср. также письмо П. П. Чубинского к Григорьеву от 1 июля 1859 г. в воспоминаниях Е. М. Феоктистова и др. (см.: Аполлон Григорьев, Избр. произведения, *БП*, Л., 1959, с. 535). *Прослушать августейший дом*, т. е. длинное перечисление членов императорского дома, поминаемых в заздравных молитвах в богослужении. *Марат* — см. примеч. 82. *Был сын толпы и демагог.* В те годы слово «демагог» употреблялось в значении революционер (см.: С. А. Рейсер, Из истории политической лексики. «Демагог» в русской и зарубежной традиции. — Сб. «Русско-европейские литературные связи», М.—Л., 1966, с. 446—454).

269. РМ, 1916, № 5, с. 133. Печ. по изд.: Аполлон Григорьев, Избр. произведения, *БП*, Л., 1959, с. 121. Стихотворение распространялось в списках. Один из них — в сб. «Всякая всячина», ч. 6 (ПД, ф. А. С. Пушкина), с неисправностями текста. *Калайдович* Н. К. (1820—1854) — правовед, входил в кружок Ап. Григорьева, помог поэту в конце 1844 г. поступить на службу в Сенат. Однако их дружеские отношения вскоре расстроились. В письме к М. П. Погодину в ноябре 1845 г. Ап. Григорьев писал, что Калайдович «сделался чиновником в душе, то есть рабом от головы до пяток» («Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии», Пг., 1917, с. 104). *Лакиер* А. Б. (1825—1870) — историк права и путешественник, служил в Министерстве юстиции. По предположению Б. О. Костелянца, к Калайдовичу и Лакиеру в стихотворении Ап. Григорьева «Город» относятся слова: «А многие... Спокойно в чьи-нибудь холопы продались» (указ. изд. *БП*, с. 537).

270. ПЗ II, с. 33, место и дата написания напечатаны здесь в виде загл. с примеч.: «К стихотворениям наших вольных поэтов ⟨Пушкина, Лермонтова⟩ присовокупляем еще некоторые; читатели поймут, почему мы не называем сочинителей» (без подписи); РПЛ; РБ I; Л I; Л V, с незначительными различиями в загл. Впервые в легальной печати: «Вперед. Сборник стихотворений и песен», Ростов-на-Дону, 1907, с. 28, под загл.: «Москва, 1846». Список — в сб. «Всякая всячина», ч. 6 (ПД, ф. А. С. Пушкина). Печ. по изд.: Аполлон Григорьев, Избр. произведения, *БП*, Л., 1959, с. 121. Стихотворение связано с поездкой А. Григорьева в Москву в 1846 г. *Колокол я слышу вечевой* и т. д. — см. примеч. 246.

271. А. Плещеев, Стихотворения, СПб., 1846, с. 18; А. Плещеев, Стихотворения, М., 1861, с цензурными искажениями; А. Плещеев, Стихотворения, М., 1887. Печ. по изд.: А. Н. Плещеев, Полн. собр. стихотворений, *БП*, Л., 1964, с. 82, где дано с исправлением ст. 20, по экземпляру Г. Н. Геннади (в прижизненных изданиях: «Простив озлобленным врагам»). Ряд строк этого стихотворения был известен читателю до выхода изд. 1846 г. В анонимно напечатанном в С (1845, № 8, с. 213) стихотворении Плещеева «Любовь певца» ст. 9—12, 16—18 почти дословно соответствуют ст. 21—24, 10, 17—18 наст. текста. *Не сотворим себе кумира* и т. д. Почти дословная цитата из Библии, одна из заповедей бога, записанных на скрижалях Моисеем (Исход, XX, 4). *Как раб ленивый и лукавый, Талант свой в землю не зарыл.* Изложение эпизода, сообщаемого в Евангелии от Матфея (XVIII, 24—26; XXV, 15—28); в евангельском тексте слово «талант» означает монетную единицу определенного веса; в дальнейшем это значение забылось.

272. А. П. Аристов, Песни казанских студентов, СПб., 1904, с. 98, с искажениями; М. Л. Гофман, Поэзия К. Ф. Рылеева, Чернигов, 1917, с. 7, в качестве стихотворения Рылеева, с вариантами ст. 9 и 11. Печ. по изд.: «Поэты-петрашевцы», *БП*, Л., 1957, с. 274 (где дано с учетом исправлений Плещеева в письме к А. С. Гацисскому от 7 декабря 1889 г.). В сб. «Песни каторги и ссылки» (М., 1930, с. 36—37) третья строфа, восходящая к стихотворению Хомякова «Орел», имеет следующий вид:

Придет пора, настанет время,
Младые силы подрастут,
Взлетят орлы и цепь насилья
Железным клювом разорвут.

К началу XX в. стихотворение Плещеева, нередко потеряв имя автора, обросло всевозможными дополнениями. В 1901 г. была напечатана в нелегальном органе саратовских «искровцев» — «Рабочей газете» (1901, № 6, август) следующая переработка стихотворения Плещеева. Ее первые две строфы в основном совпадают с плещеевскими, а другие продолжают тему:

Плотнее же в ряды сомкнемся
И отразим врага не раз!
Счастливого конца дождемся,
Победа будет и для нас.

Не жалко нам расстаться с жизнью,
Да мы, друзья, и не живем,
А лишь являемся машиной,
Другим богатство создаем.

Смелее же, друзья, вперед!
Бодрей беритеся за дело!
Свобода впереди нас ждет,
Восторжествует наше дело!

Придет пора, настанет время,
Младые силы подрастут,
Вскричат орлы и цепь насилья
Железным клювом расклюют.

В таком виде стихотворение попало в ряд песенников 1905—1907 гг. (см.: Т. М. Акимова и В. К. Архангельская, Революционная песня в Саратовском Поволжье. Очерки исторического развития, Саратов, 1967, с. 100). *На неподкупный голос мой* — почти буквальное повторение строки стихотворения Пушкина «К Н. Я. Плюсковой» («И неподкупный голос мой Был эхо русского народа»).

Ф. А. КОНИ

273. Л II, с. 21; ИВ, 1890, № 5, с. 317 (по автографу, ныне неизвестному). Печ. по изд.: «Поэты 1840—1850-х годов», «Б-ка поэта» (М. с.), М.—Л., 1962, с. 138. В ПД хранятся три списка, из них два с пометами драматических цензоров: «Вильно, 12 марта 1869» и «Петербург (?) 27 января 1872» (ф. А. Ф. Кони и ф. П. Я. Дашкова). В цензурованной копии 1872 г. — загл. «Биография благородного человека, рассказанная им самим в назидание позднейшего потомства Соч. Ф. А. Кони. Писано в 1848 году»; возможно, что загл. и текст этой копии наиболее поздний, — его соотношение с автографом, бывшим в распоряжении В. Р. Зотова (опубликовавшего его в составе своих мемуаров в назв. выше номере ИВ), неясно. Этот цензурованный текст позволяет установить следующие основные варианты, зачеркнутые цензором. После строфы 10 следовало:

За эту кротость и смиренье
Нас бог щедротами взыскал:
Мой грек жене купил именье,
Мне место важное достал.
И я достойным оказался:
Я взятки тотчас же пресек,
А сам — ни разу не попался
Как благородный человек.

Там же и другой зачеркнутый вариант этой строфы:

С таким смиреньем от природы
Я в колею свою попал,
Богач убавил мне расходы,
А генерал местечко дал.
И стал я править строго, честно,
Для низших взятки все пресек,
А сам вел дело ну, известно,
Как благородный человек.

После строфы 13:

Не презирал я также моду,
За духом общества сновал,
Для барынь знатных я в угоду
Молился богу, танцевал,
Обедня в доме — пел с дьячками,
А бал — пускался а ля грек,
Не брезгал мелкими статьями,
Как благородный человек.

После строфы 15:

Меня за это всюду чтили:
В клуб áнглийский я пожелал:
На вороных не прокатили,
И в год директором я стал.
Со мной играло генеральство,
Я был отважен как абрек,
Лишь не обыгрывал начальство,
Как благородный человек.

После строфы 16:

Так прослужил я безупречно
Полвека родине моей:
В награду службы беспорочной
Мне учредили юбилей.

Среди стихов и пышной прозы
Мне поднесли златой ковчег...
Я принял дар и пролил слезы,
Как благородный человек.

Кроме того, в том же экземпляре, после подписи цензора, есть зачеркнутый вариант конца строфы 4:

Я рос как барин, праздно, вольно:
Чинил на девичьи набег
Да мальчиков стегал пребольно,
Как благородный человек.

В автографе и в писарской копии ПД (ф. А. Ф. Кони) заключительная строфа имеет следующий вид:

Теперь, узнав мою карьеру,
Наверно, всякий патриот
В мечты пустые бросит веру
И по стопам моим пойдет.

С моей системой непременно —
Что б ни предсказывал Задек —
Он будет гражданин почтенный
И благородный человек.

В одном из украинских списков стихотворение содержит ряд вариантов, некоторые строфы переставлены, отсутствуют ст. 21—24, но есть продолжение, относящееся ко времени непосредственно после смерти Николая I и вряд ли принадлежащее Ф. А. Кони:

Я слышал, будто на Руси
Закон судьбы переменился.
Мне говорят: «Свободны мы.
Царь умер — новый воцарился».

Покойник самодержцем был,
И новый самодержцем будет,
Покойник царствовать любил,
И новый царствовать полюбит.

Крут был покойник и жесток,
Его хвалить не очень честно,
Царь новый мягче — но есть ли прок
В нем для народа? — неизвестно.

И по отцовскому пути
Он в манифесте обещает
«Неукоснительно идти...» —
Дурак, кто проку ожидает.

(«Общественно-политическое движение на Украине в 1856—1862 гг.», т. 1, Киев, 1963, с. 170). Ст. 7 в украинском списке, очевидно, искажен. *Столбовой* — потомственный дворянин старинного рода. *В строгом чине* — в порядке. *Брашна* — пища. *Линейка* — многоместный экипаж. *Ломбард* — в XIX в. казенная ссудная касса. *И формуляр мой чист как снег*, т. е. послужной список не имеет компрометирующих записей.

П. А. ФЕДОТОВ

274. «Пантеон», 1854, январь, кн. 1, с. 19, под загл. «Сватовство», отрывки, в составе статьи: ⟨В. В. Толбин⟩, Павел Андреевич Федотов (наиболее острые в цензурном отношении места пересказаны или пропущены); «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора», Лейп-

циг, 1857; то же, изд. 2, Лейпциг, 1861 (в действительности — изд. 1857 г. с переклеенным титульным листом, издание анонимное, текст составляет 509 строк); «Русское слово», 1862, № 4, под загл. «Рассуждение майора, или Поправка обстоятельств», обширные цитаты и пересказ с пропуском цензурно недопустимых мест (цензурное запрещение было подтверждено в 1867 г.); РС, 1872, № 5, под загл. «Размышление майора, или Поправление обстоятельств», 530 строк, остальные были цензурой не пропущены (там же, с. 754—757 — свод важнейших вариантов по некоторым спискам, сост. В. Поповым); Ф. Ростковский, История лейб-гвардии Финляндского полка, Отдел II и III, СПб., 1881, приложение, 956 строк, с купюрами, под загл. «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора. (Предисловие к картине)». Отрывок печ. по наиболее исправному тексту в наиболее распространенной редакции, приведенной в изд.: Я. Д. Лещинский, Павел Андреевич Федотов, художник и поэт, М.—Л., 1946, с. 146, с исправлениями ст. 8 и 78. Я. Д. Лещинский указывает, что текст печ. по оригиналу ПД, этот автограф обнаружить не удалось. Датируется 1848 г., временем после окончания работы над картиной «Сватовство майора», та же дата в большинстве списков. Задолго до запрещения цензурой поэма, начиная с конца 1840-х годов, широчайшим образом была распространена во множестве списков; полагали, что их были «тысячи» (Вл. Апушкин, Федотов-поэт. — «Русский инвалид», 1902, 14 ноября). В архивохранилищах Ленинграда их обнаружено не менее тридцати. Поэма распространялась под загл. «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора» (вероятно, оно является авторским загл.), но и под различными другими, нередко с ссылками на автографы: «Жалоба майора», «Сватовство майора», «Рассуждение майора», «Размышления майора», «Майор», «Обозрение ⟨иногда «Объяснение»⟩ картины Павла Федотова «Поправка обстоятельств, или Женитьба майора», писанной в 1848 году», «Предисловие к картине Павла Федотова „Поправка обстоятельств, или Женитьба майора"» (иногда с добавлением: «написанное им самим 1848 года»), но иногда вовсе без загл., и проч. Некоторые списки содержат текст одной только поэмы «Поправка обстоятельств. . .», но в ряде других — с различными дополнениями. Так, в качестве первой части фигурирует «К моим читателям. . .» (текст под различными загл.), иногда он перемещается на второе место, а место первой части занимает «Рацея. . .» (под разными загл. она в форме раешника продолжает тему той же картины). Иногда в составе поэмы встречается выделенный в отдельную главу «Наказ денщику, посланному к свахе». *Вот майором десять лет*. Майор — офицерский чин (по табели о рангах — 8-го класса, равный коллежскому асессору гражданской службы), установленный Петром I и упраздненный в 1884 г. *Каре* — построение пехоты в форме четырехугольника. *Фас* (франц.) — лицо; «забыл назначить фас» — очевидно, не дал команды о повороте головы во время парадного марша.

275. ЛН, № 67, 1959, с. 589. Современники знали эту басню и считали ее «замечательным стихотворением», но она была нецензурна и в печати именовалась утраченной; см.: ⟨В. В. Толбин⟩, Павел Андреевич Федотов («Пантеон», 1854, январь, кн. 1, с. 43). Датируется 1848 или 1849 г., когда цензурные строгости достигли своего апогея

и обрушились на Федотова: был запрещен выпуск «Иллюстрированного альманаха», в котором, между прочим, были иллюстрации Федотова к рассказу Достоевского «Ползунков». Басня изображает произвол цензуры, замену одних цензоров другими, подкуп окладом и пр. *Тарпейская скала* — утес Капитолийского холма в Риме, с которого, по преданию, сбрасывали преступников.

Д. Д. АХШАРУМОВ

276. Д. Д. Ахшарумов, Из моих воспоминаний, СПб., 1905, с. 58.

277. Там же, с. 59.

278. «На славном посту», ч. 2, СПб., 1900, с. 123, ст. 1—18, 25—26. Печ. по изд.: Д. Д. Ахшарумов, Из моих воспоминаний, СПб., 1905, с. 59. Первоначальный вариант был озаглавлен «Европа. 1845» (напечатан в сб. «Петрашевцы», т. 3, М.—Л., 1951, с. 87—89). Против ст. 17—26 Ахшарумов в тексте воспоминаний пометил: «Фурье» и рядом: «Таким фантастическим бредом à la Fourier ⟨в духе Фурье⟩ утешал я себя в это трудное время» (указ. изд., с. 60). *Эклиптика* — большой круг неба, по которому происходит видимое годовое движение солнца.

279. Д. Д. Ахшарумов, Из моих воспоминаний, СПб., 1905, с. 131. *Так, вихрем сорванный от дерева родного, Летит зеленый лист увянуть вдалеке!* Образ, заимствованный из стихотворения французского поэта А. Арно (1766—1863) «De la tige detachée...» (1815). Это стихотворение было очень популярно и неоднократно переводилось на русский язык В. А. Жуковским, Д. В. Давыдовым, поэтом-петрашевцем С. Ф. Дуровым. С элегией Арно связано и знаменитое стихотворение М. Ю. Лермонтова «Листок» (1841). Пушкин в статье «Французская академия» (1836) писал: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своей смертью повторил его на берегу Женевского озера, Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык...» (Пушкин, т. 12, с. 46).

М. Ф. ЖОХОВ

280. КА, № 4, 1923, с. 405 (по списку Центрального гос. архива г. Москвы). Печ. по автографу ЦГАОР, ф. III Отделения.

Н. Ф. ПАВЛОВ

281. ПЗ II, с. 40, с рядом неточностей (без подписи); РБ I. Впервые в легальной печати: РА, 1884, № 1, с. 240, с пропуском ст. 9—12 и цензурной заменой ст. 8 («всетишайше»); PC, 1891, № 4, с. 136, более полный текст по сравнению с ПЗ и РА, в ст. 8 пропуск («верноподданные»). Печ. по изд.: Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, с. 79 (наиболее полный и наиболее точный текст). В многочисленных списках автором чаще всего называется Е. П. Ростопчина и Н. Ф. Павлов, см.: И. Белов, По поводу сочинений графини Ростопчиной (ИВ, 1885, № 5, с. 495) и Е. Г. Буш-

канец, Особенности изучения памятников нелегальной революционной поэзии XIX века, Казань, 1962, с. 44. Свидетельство достоверных воспоминаний Б. Н. Чичерина решает вопрос в пользу Павлова. Об авторстве Павлова свидетельствует в «Посмертных записках» Н. В. Берг (PC, 1891, № 1, с. 266—267). Стихотворение направлено против московского военного генерал-губернатора в 1848—1859 гг. генерал-майора Арсения Андреевича Закревского (1783—1865), прославившегося деспотизмом и самодурством. Приблизительно к 1860 г. относится сохранившееся в списке анонимное неизданное стихотворение «Исповедь графа Арсения Андреевича Закревского» (ЦГАЛИ, ф. П. И. Бартенева). *Что Беринг сам познал величия предел.* Беринг (точнее: Тимашев-Беринг А. А., 1812—1872) — генерал-майор; в 1845—1849 гг. — московский полицеймейстер, в 1851—1854 — вице-губернатор, в 1854—1857 — губернатор; вероятно, речь идет о времени, когда Беринг стал вице-губернатором и в новом качестве перестал разъезжать по Москве (ср. «Кучер Беринга не мчится своевольный. . . На дрожках не сидит. . .» и т. д.).

282. РПЛ, с. 386; Л I; Л V (всюду без подписи). Автором этого стихотворения скорее всего является Н. Ф. Павлов. См.: А. М. Гаркави, Атрибуция некоторых произведений вольной русской поэзии XIX века (по данным П. А. Ефремова). — РЛ, 1961, № 4, с. 194. Аналогично построено стихотворение И. П. Мятлева «Новый год» («Весь народ Говорит. . .», 1844). Датируется предположительно. *Кавеньяк* Э.-Л. (1802—1857) — французский государственный деятель; жестоко подавил революцию 1848 г. в Париже; после государственного переворота 1852 г. отошел от политической деятельности. *Ламартин* А. (1790—1869) — французский поэт и государственный деятель консервативного направления. *Араго* Д.-Ф. (1786—1853) — французский физик и государственный деятель, член Временного правительства в 1848 г., или Араго Э.-Ф. (1812—1896) — французский государственный деятель. *Марго* — сорт французского вина. *Роллен* Ш. (1661—1741) — французский историк; вероятно, в списках ошибка и речь должна идти о Ж.-М. Ролане (1734—1793), французском государственном деятеле, жирондисте. *Шамбертень* — сорт французского вина. *Гизо* Ф. (1787—1874) — французский историк и реакционный политический деятель. *Сизо* — вероятно, неологизм, восходящий к выражению «сизый нос» либо к франц. «ciseau» (резец, долото). *Людовик* — Луи Бонапарт, см. примеч. 285. *Президент* — может быть, Луи-Бонапарт (1808—1873), президент французской республики в 1848—1852 гг. *Кошут* Л. (1802—1894) — видный политический деятель, борец за освобождение Венгрии, выдвинувшийся в революцию 1848 г. *Пий* — папа Пий IX (1792—1878), сторонник светской власти пап. *Виндишгрец* А. (1787—1862) — австрийский фельдмаршал, жестоко подавлявший революцию 1848 г., особенно в Вене.

А. И. КРОНЕБЕРГ ИЛИ И. С. ТУРГЕНЕВ

283. «Звенья», № 6, М., 1936, с. 792 (по списку ГПБ из архива М. И. Семевского). Другой список П. А. Ефремова — ЦГАЛИ (ф. И. А. Шляпкина). Ст. 23 печ. по списку ЦГАЛИ, так как в списке

ГПБ он неполон. В списке ГПБ имеется вариант последних 4-х ст. (в копии ЦГАЛИ отсутствует):

День победы недалек,
И на нового Видока
Смотрит с завистью глубокой
Патентованный Видок.

Датируется предположительно. Стихотворение направлено против Андрея Александровича *Краевского* (1810—1889), издателя журнала «Отечественные записки». Современники неоднократно характеризовали его как журнального дельца и эксплуататора. *Видок* Э.-Ф. — французский сыщик, которому приписывались мемуары, частично переведенные в русских журналах 1820—1830-х годов. В 1830 г. Пушкин в специальной заметке («О записках Видока») использовал некоторые факты темной биографии Видока для характеристики Булгарина (см. о нем с. 606) и тем прочно закрепил за ним это прозвище.

М. В. ЗАГОСКИН

284. «Исторический архив», 1960, № 2, с. 205 (по автографу рукописного сб. «Либералист, или Собрание разных либерально-литературных произведений разных авторов» в Гос. архиве Свердловской области; на обложке сб.: «1860—1863. Иркутск»). Список этого же стихотворения обнаружен Е. Г. Бушканцем в коллекции А. П. Щапова в ЛБ. Этот список отличается лишь последней строкой, в которой восполнена купюра свердловского списка; однако находящееся там слово «слава» едва ли не искажение: гораздо вероятнее — «ссылка» или «плаха».

П. А. КАРАТЫГИН

285. ГизР IV, с. 56; РБ I; Л II, под загл. «Французам» (всюду без подписи); Л V (то же, но с вариантами ст. 27—28: «Наполеона нового вам не дождаться. А с Ю́лю вам не далеко уйти»); РС, 1880, № 1, под загл. «2 декабря 1852 года. Послание к галлам» (подпись: «П. А. Каратыгин»), мелкие варианты в ст. 3 и 15, ст. 8 отсутствует, вероятно, по цензурным причинам, ст. 13: «Колпак фригийский прочь! Долой игрушки эти!», ст. 17—20:

Король Филипп чурбаном вам казался,
Прогнали вы его не в добрый час,
Теперь, наоборот, такой вам гусь достался,
Что цаплей сделался для вас,

ст. 26: «Привык ты взбалмошный народ...», ст. 28: «А третий вас к добру не приведет»; М. К. Лемке, Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., СПб., 1908, с. 213, под загл. «Послание к галлам, по случаю восшествия на трон Наполеона III», мелкие варианты в ст. 5, 14, 15, варианты ст. 3, 13, 17—20 соответствуют тексту РС, датировано временем после декабря 1852 г. (автором указан Каратыгин). Печ. по ГизР IV. Список под загл. «К Франции» — в рукописном сб. «Свободная литература» (ЦГАЛИ). Стихотворение

написано после превращения республиканской Франции в империю 2 декабря 1852 г. и провозглашения Луи-Бонапарта императором Наполеоном III. И. С. Книжник-Ветров ошибочно датирует стихотворение 1856 г. (П. Л. Лавров, Избр. соч. на социально-политические темы, т. 1, М., 1934, с. 19—20, 472). *Теперь вы новому властителю так рады.* В результате государственного переворота президент (с 1848 г.) Луи-Бонапарт 2 декабря 1852 г. был провозглашен императором Франции Наполеоном III. Россия медлила с признанием нового императора. *Лягушки вы, просящие царя!* «Лягушки, просящие царя» — загл. басни Крылова; этот же сюжет разрабатывался Эзопом, он использован был Лафонтеном и В. И. Майковым. *Наполеона вам второго не дождаться.* Наполеон II (1811—1832) — сын Наполеона I и Марии-Луизы; при рождении получил титул римского короля; с 1818 г. Австрия даровала ему титул герцога Рейхштадтского. В 1815 г. Наполеон I отрекся от престола в пользу сына, но власть к нему не перешла.

В приведенном выше варианте текста упоминается *король Филипп* — см. о нем примеч. 282.

М. Н. ЛОНГИНОВ

286. РПЛ, с. 382; Л I; Л V. Печ. по СЗСиП (здесь указана дата и фамилия «переводчика»). Переделка стихотворения Г. Гейне «Zwei Ritter» (из цикла «Романсеро»). *Остзейский* — немецкое название Прибалтийского края. *Талер* — прусская серебряная монета. *Орест* и *Пилад* — см. примеч. 203. *«Landesvater»* — старинная немецкая студенческая песня. *Глинтвейн* — горячее вино с пряностями.

Н. А. АРБУЗОВ

287. Л II, с. 374; СЗСиП. В ст. 96 — очевидное искажение, исправить которое не удалось. *Стол зеленый* — канцелярский стол. *Зерцало* — см. примеч. 8, с. 764. *Статский советник* — чин 5-го класса «Табели о рангах» (всего было 14 классов). *Регистратор* — коллежский регистратор, самый низший чин 14-го класса.

М. А. КАРЛИН

288. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1962, с. 411 (по списку III Отделения — ЦГАОР). Несколько других списков — ГПБ и ПД. Печ. по списку ЦГАОР с поправками в ст. 7, 16, 30, 38, 39 по списку тетради А. М. Семевской (ПД). Датируется началом Крымской кампании, временем после опубликования манифеста 9 февраля 1854 г. *Поможем сватушке иль тестю.* Российский императорский дом был тесно связан родственными связями с дворами германских государств (ср. ниже: «Какое нам до немцев дело»).

П. К. МЕНЬКОВ

289. П. К. Меньков, Записки, т. 1, СПб., 1898, с. 172. *Посвящена П. Кашину.* Ироническое посвящение самому себе («П. Кашин» — псевдоним Менькова). *Силистрия* — город в Болгарии, на правом берегу Дуная. В 1854 г. И. Ф. Паскевич предпринял осаду этой турец-

кой крепости (Болгария представляла собою в это время колонию Турции). 9 июня 1854 г., накануне решительного штурма, осада была неожиданно снята из дипломатических соображений — возможных осложнений в отношениях с Австрией. *Фельдмаршал* — И. Ф. Паскевич (1782—1856), светлейший князь Варшавский, граф Эриванский, во время Крымской кампании главнокомандующий; 22 мая был контужен, сдал командование М. Д. Горчакову и вскоре уехал в Яссы, а оттуда в свое имение в Гомель. *С Аглаей гулять.* Издатель записок Менькова А. Зайончковский разъясняет: «Красивая молдаванка, жившая в Яссах и пользовавшаяся большим успехом у чинов главной квартиры. (Из рассказов очевидца)» («Записки», т. 1, СПб., 1898, с. 173). *Горчаков* М. Д. князь (1793—1861) — в то время главнокомандующий войсками, действовавшими на Дунае, потом главнокомандующий Южной армией. *Коцебу* П. Е. (1801—1884) — начальник штаба Южной армии и действовавших в Крыму войск. *Сержпутовский* А. О. (ум. 1860) — начальник артиллерии Южной армии и действовавших в Крыму войск. *Бухмейер* А. Е. (1802—1860) — генерал-лейтенант, начальник инженерных частей Южной армии. *Орлов* Ф. В. — Орлов-Денисов (1807—1865), походный атаман казачьих войск. *Шанцы* — окопы. *Затлер* Ф. К. (1805—1876) — генерал, главный интендант находившейся в Крыму армии; впоследствии был отдан под суд и разжалован в солдаты. *Бутурлин* С. П. (ум. 1873) — генерал-квартирмейстер, начальник штаба войск, собранных в придунайских княжествах. *Коцебу меньшой* — Коцебу К. Е., вероятно консул в Яссах, генеральный консул в Бухаресте, потом начальник дипломатической канцелярии Южной армии. *Штосик* — штосс, карточная игра.

В. Л. ДАВЫДОВ

290. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском гос. университете им. В. И. Ульянова-Ленина», т. 34, вып. 3-4, 1929, с. 186 (по записи, сделанной М. И. Семевским в июне (?) 1869 г. от декабриста М. А. Бестужева). Отрывок большой сатирической поэмы, составлявшей, по словам М. А. Бестужева, двадцать или тридцать строф (т. е. не менее 80—120 строк); в публикуемом отрывке, очевидно, недостает ст. 8. Датируется предположительно — из содержания отрывка ясно, что он написан далеко не в первые годы каторги и ссылки («Пока все умерли в изгнании»). Стихотворение было популярно среди ссыльных декабристов. В 1860—1861 гг. отрывок был скопирован участником революционного движения 1860-х годов К. К. Сунгуровым (В. Г. Базанов, Капитон Сунгуров и его записная книжка. — РЛ, 1962, № 1, с. 218). *Николосор* — вероятно, сокращение из слов: «Николай» и «Навуходоносор», с которым Николай I нередко сравнивался. В литературе встречается и другое загл. — «Николосарос», которое расшифровывается: «Николай, самодержец российский» (А. Л. Дымшиц, Сатирические стихотворения В. Л. Давыдова. — ЛН, № 60, кн. 1, 1956, с. 286). *При нем случилось возмущенье* — восстание 14 декабря 1825 г. *Лет сорок сряду всё прощал.* Николай I не раз заявлял о намерении простить декабристов.

Б. Н. ЧИЧЕРИН

291. Б. Н. Чичерин, Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, с. 151. Стихотворение представляет собою пародию-перепев торжественной оды С. П. Шевырева, прочитанной на обеде 12 января 1855 г. по случаю столетия Московского университета:

Тебя судил всевышний с нами
Столетний праздник пировать
За то, что нашими сердцами
Умеешь мирно обладать,

За то, что чтишь отцов преданье,
Науки любишь красоту
И ценишь высоту познанья,
Но больше сердца чистоту...

Б. Н. Чичерин указывает, что ст. 21—24 пародируют следующие стихи Шевырева:

Любовь наш праздник озарила,
Любовь украсила его,
В одной любви живая сила,
В ней радость, слава, торжество.

Ст. 33—36 пародируют след. строки оригинала:

И этот праздник просвещения
Вершим мы пиром в честь твою.
Пошли, господь, благословенье
На милую твою семью!

Датируется по указанию Чичерина: пародия написана сразу после появления стихов Шевырева в печати. По словам Чичерина, стихи были сообщены одному лишь Т. Н. Грановскому, но стали известны гораздо более широкому кругу. *Умеешь ты маршировать* — см. примеч. 317. *Когда читали строфы гимна*, т. е. стихи Шевырева; они были обращены к В. И. Назимову (1802—1874), попечителю Московского учебного округа в 1849—1855 гг. *Даянье новое царя.* Снова о предполагавшемся введении строевой подготовки для студентов. *Кто не приехал на обед.* От участия в обеде уклонились профессора П. М. Леонтьев, П. Н. Кудрявцев и С. М. Соловьев. *Альфонский* А. А. (1796—1869) — хирург, профессор Московского университета в 1842—1848 гг., в 1850—1863 гг. — ректор.

Ф. И. ТЮТЧЕВ

292. Б, 1922, № 19, с. 76. Эпиграмма на Николая I, скончавшегося 18 февраля 1855 г.

293. КиС, 1930, № 5, с. 47 (по списку ЦГАОР, список неисправный, ст. 1, 41, 50 и др. дефектны). Поиски автора стихотворения, проводившиеся в III Отделении, ни к чему не привели (см.: А. Сабуров, Дело о возмутительных листах. — КиС, 1930, № 5, с. 51). Стихотворение разбрасывалось в 1827 г. в присутственных местах Владимирской губернии. Оно было подписано вымышленным названием никогда не существовавшего общества: «Северное 3-е тайное общество мстителей». Стихотворение — явное подражание оде «Вольность» Пушкина. *Рамена* — плечи. *Я царь, я раб, я червь, я бог* — цитата из оды Державина «Бог». *Эгид* — эгида (греч. миф.) — щит Зевса; в переносном смысле: защита, покровительство. *Петербургский заговор.* Речь идет о декабристах. *Московская гроза.* О чем идет речь, неясно. *Закон благословенный Ты о чинах переменил* — см. примеч. 54.

294. РС, 1872, № 11, с. 596 (по рукописному сборнику). Об *Аракчееве* — см. с. 741. *«Без лести преданный»* — см. примеч. 76. *Лист открытый* — подорожная.

295. РПЛ, с. 82. Автором, как и в большей части списков, указан Пушкин, но авторство его ничем не подтверждается. По указанию М. И. Гиллельсона, эпиграмма записана в рукописи ГПБ, относящейся ко времени не позднее 1832 г.

296. ПЗ V, с. 29. Датируется временем пребывания К. А. Ливена (см. ниже) на посту министра. В списках стихотворение часто фигурирует с именем Пушкина, что представляется маловероятным. В 1842 г. Бенкендорф сообщал Николаю I о том, что в Москве распространена эта эпиграмма; шеф жандармов считал автором Пушкина и полагал, что текст дан Н. Н. Пушкиной; Николай I в авторство Пушкина не поверил («Еще отзыв императора Николая Павловича о Пушкине». — «Старина и новизна», 1904, № 7, с. 273—274). М. Д. Нессельроде (жена министра иностранных дел) также поддерживала версию об авторстве Пушкина («Из переписки графов Нессельроде» — РА, 1910, № 5, с. 128). Две строфы этой сатиры сопоставляют министров Александра I и Николая I. *Голицын* А. Н. (1773—1844) — государственный деятель, близкий к Александру I, с 1805 г. обер-прокурор Синода, в 1816—1824 гг. — министр народного просвещения. *Гурьев* — см. примеч. 60. *Аракчеев* — см. о нем на с. 741. *Царь* — Александр I. *Ливен* К. А. (1767—1844) — министр народного просвещения в 1828—1833 гг. *Царь же вешает народ.* Имеется в виду расправа Николая I с декабристами. *Рыжий Мишка* — брат Николая I, великий князь Михаил Павлович (1798—1848).

297. РПЛ, с. 81. Многочисленные перепечатки в зарубежных и подпольных изданиях. *Александровская колонна* была установлена на Дворцовой площади в Петербурге 30 августа 1832 г., а освящена 30 августа 1834 г. Колонна завершается фигурой ангела, который в правой вытянутой руке держит крест, словно берет «на караул». Во многих списках двустишие приписывается Пушкину. Как известно, Пушкин намеренно покинул Петербург за пять дней до открытия

колонны, «чтоб не присутствовать при церемонии с камер-юнкерами — моими товарищами» (запись в дневнике 28 ноября 1834 г. — Пушкин, т. 12, с. 332). Впрочем, это не могло помешать Пушкину написать эпиграмму позднее.

298. КА, № 3(10), 1925, с. 319 (по автографу из архива Е. Е. Якушкина). Ст. 59 («вот уж десять лет») и дарственная надпись И. И. Пущину 1 января 1836 г. определяют дату. Стихотворение представляет собой стилизацию народной песни, и это сближает его со стихотворением Ф. Ф. Вадковского «Желания» (см. № 255). *Чудь немецкая* — французы в 1812 г.; «немец» здесь — в значении: иноземец. *Бородино, Полоцк, Тарутин, Березина, Рейн, Париж* — основные этапы боевого пути русской армии в Отечественную войну 1812 г. *Бельвиль* — предместье Парижа. *Смигнулись, стакнулися* и т. д. Речь идет о зарождении тайных обществ после Отечественной войны. *Оставя меч, засели в приказ*, т. е. сменили военную службу на гражданскую; так поступили, например, К. Ф. Рылеев и И. И. Пущин, чтобы вести борьбу за права народа. *Не стало вдруг барина, барчук наступил* — смерть Александра I и воцарение Николая I. *Вышли мы впервые с самим говорить* — восстание 14 декабря 1825 г. *Виселицы нет, Но пять теней грозных* — повешенные декабристы: К. Ф. Рылеев, П. Г. Каховский, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и П. И. Пестель. *С скрижалей* — здесь: из памяти. *А там что, за Киевом? — кровь черниговцев.* Восстание Черниговского полка в январе 1826 г. *Ипполита юного — не греческого.* Ипполит Муравьев-Апостол, застрелившийся 3 января 1826 г. при поражении Черниговского полка. Соотнесенность этого имени с древнегреческим мифом об Ипполите отчетливо проступает в ст.: «Любил. . . не как пасынок», «Не морское чудище сразило его». Согласно мифу, обработанному в произведениях Еврипида, Сенеки и Расина, юноша Ипполит был оклеветан и погублен мачехой, которая воспылала к нему страстью, но была отвергнута им. Бог морей Посейдон послал быка, вспугнувшего коней Ипполита; сброшенный ими на землю, он умер от удара. *Гибли в... Суздале* — в монастырской тюрьме, в которую в 1829 г. был переведен умалишенный декабрист Ф. П. Шаховской. *Чем твои доченьки провинилися.* Жены некоторых декабристов последовали в Сибирь за своими мужьями. *Одной уже нет.* А. Г. Муравьева (жена Н. М. Муравьева) скончалась в 1832 г. *Двух старушек хромушек.* О чем идет речь, неясно. *Дева-краса* — вероятно, свобода.

299. ПЗ IV, с. 274; РПЛ; ССД; Л I; Л V. Впервые в легальной печати: сб. «Русская муза», сост. П. Я. ⟨П. Ф. Якубовичем⟩, СПб., 1907, с. 468. Датируется временем широкого распространения списков. Вовсе безосновательны атрибуции М. Л. Михайлову («Русская муза») и Н. П. Огареву (сб. «Революционные мотивы русской поэзии», Л., 1925, с. 37). Н. О. Лернер и Л. Б. Светлов предположительно приписали стихотворение профессору Московского университета Д. Л. Крюкову («Бунт декабристов. Юбилейный сборник. 1825—1925», Л., 1926, с. 399 и «Огонек», 1950, № 51, с. 32). По данным П. А. Ефремова, автор — И. В. Крюков («Огонек», там же). В. Н. Орлов высказал предположение об авторстве замешанного в деле декабристов офицера Н. П. Крюкова («Декабристы», с. 638).

Л. Б. Светлов приписывал стихотворение также учителю нижегородской гимназии И. В. Кроткову («Новый мир», 1958, № 6, с. 276—277). Эту гипотезу недавно подтвердил рядом серьезных соображений Е. Г. Бушканец («Ученые записки Казанского педагогического института», вып. 64, 1968, с. 11—14). Тем не менее вопрос об авторе стихотворения не может считаться решенным. *Поэт, венчанный славой* — Пушкин.

300. К. Ф. Рылеев, Стихотворения, Лейпциг, 1862, с. 46. Тот же текст в составе списка «Демона» Лермонтова (ч. 2, гл. 9, после ст. «Старинной ненависти яд», — копия А. И. Боровки, 1857 г. в ПД). Ср. статью И. Л. Андроникова «Заколдованное стихотворение» («Литературная газета», 1968, 17 и 24 июля). Чаще всего стихотворение фигурирует в списках без названия, но в некоторых под загл. «С» (ЦГАЛИ, ф. И. А. Шляпкина) или «Mon Dieu», т. е. «Мое божество» (франц.). Печ. по изд. Рылеева, где наиболее полный и чаще всего встречающийся в списках текст. Ряд списков (ЦГАЛИ, ПД и др.) представляют собою сокращенный текст (например, без 6 и 11 или без 3—6, 8, 10—11 строф), в некоторых порядок строф иной (чаще всего строфа 2 занимает место 5-й). Некоторые списки содержат варианты. В копиях стихотворение приписывается Рылееву, Языкову, Лермонтову, М. Д. Деларю, Э. И. Губеру или же фигурирует в качестве анонимного. Атрибуция Рылееву была отвергнута П. А. Ефремовым еще в 1872 г. в пользу Деларю, но его авторство, в сущности, ничем не подтверждалось (см.: К. Рылеев, Соч. и переписка, СПб., 1872, с. 375). Датировка стихотворения неясна, но вероятнее всего — 1830-е годы. Именно к этому времени относятся самые ранние списки. Красавица, почитаемая выше земных и небесных царей, делала стихотворение совершенно нецензурным, подобно стихотворению В. Гюго в переводе Деларю под загл. «Красавице» (о цензурном преследовании этого перевода см.: А. П. Петров, Михаил Данилович Деларю. — РС, 1880, № 10, с. 423—424). Подробные данные о стихотворении «Краса природы, совершенство...» с допущением возможного авторства Лермонтова см. в указ. статье И. Андроникова.

301. РА, 1894, № 6, с. 257 (подпись: «Д»). *Семь душ по списку послужному.* По разъяснению П. И. Бартенева в РА — имение с семью крепостными душами.

302. Л II, с. 218. Е. Г. Бушканец недавно выдвинул предположение о том, что автором является А. Н. Плещеев («Неизвестное стихотворение А. Н. Плещеева». — «Вопросы литературы», 1957, № 9, с. 190—195). Аргументация исследователя не может быть признана убедительной: тематика стихотворения достаточно широка, а сходные мотивы легко могут быть указаны у ряда других поэтов. Единственное фразеологическое совпадение: «истина святая» — общераспространенная поэтическая формула эпохи. Естественно возникает вопрос, почему Плещеев впоследствии не перепечатывал это стихотворение под своим именем. В его содержании нет столь политически острого, что могло бы помешать публикации подобного текста в легальной печати 1850—1860-х годов. *Века нероновских гонений.* Нерон — см. примеч. 102.

303. РПЛ, с. 288, под загл. «Басня», в составе 51 ст., с примеч. Н. П. Огарева: «Очевидно, у нас была плохая рукопись этой басни»; Л II; «Дело петрашевцев», т. 1, М.—Л., 1937, с. 412, под загл. «Запасные магазины», 60 строк, неисправный текст, записанный петрашевцем Ф. Н. Львовым по памяти на допросе; «Поэты-петрашевцы...», *БП*, Л., 1940 (то же, изд. 2, Л., 1957), под загл. «Запасные магазины», копия Ф. Н. Львова, 57 строк с рядом конъектур, требуемых размером и рифмой. Печ. по наиболее полному и наиболее исправному списку ГПБ (ф. А. А. Краевского). Ср. еще списки в сб. «Свободная литература» (ЦГАЛИ, коллекция отдельных поступлений), 60 строк, и в сб. П. А. Ефремова — И. А. Шляпкина (там же, 68 строк). На допросе 7—8 июня 1849 г. участник революционного кружка петрашевцев Ф. Н. Львов сообщил: «Басня, как я слышал, сочинена каким-то чиновником, который служил прежде во флоте и сочинил песнь русскому флоту и потом в министерстве государственных имуществ, откуда, как... говорят, отставлен... Фамилии не помню» («Дело петрашевцев», т. 1, с. 13, ср. также т. 3, М.—Л., 1951, с. 458). Написано около 1848 г.: в ноябре 1848 г. Ф. Н. Львов читал басню на собрании у М. В. Петрашевского. *Запасные* сельские хлебные *магазины* были предусмотрены в «Учреждении управления государственным имуществом в губерниях», утвержденном 30 апреля 1838 г. («Полн. собр. законов Российской империи», Собр. второе, т. 13, отделение 1, СПб., 1838, с. 411). В этом законе была установлена и должность *смотрителя* магазина. В рукописном сб. П. А. Ефремова — И. А. Шляпкина над текстом карандашная надпись рукой П. А. Ефремова: «По поводу слухов, разнесшихся о смене Киселева м⟨инистра⟩ гос⟨ударственных⟩ и⟨муществ⟩». О том, что басня направлена против П. Д. Киселева, занимавшего этот пост в 1838—1856 гг., есть указание в предназначавшейся для «Колокола» записке о деле петрашевцев (ЛН, № 63, 1956, с. 183). Адресат басни тем не менее остается сомнительным. *Гамалея.* В сб. «Поэты-петрашевцы...» указано, что речь идет о поэте-мистике С. И. Гамалее (1743—1822). Эта ссылка на давно умершего поэта ничего не объясняет. Вероятно, автор, сам служащий Министерства государственных имуществ, имеет в виду видного чиновника этого Министерства Н. М. Гамалея (1795—1859). *Пчеле таких вещей тогда не поручали.* Каламбур, направленный против официозной «Северной пчелы» Ф. В. Булгарина.

304—306. «Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина. 1830—1840», Ярославль, 1961, с. 25, 38—39, 60—61, 74—75, 98—99 (по рукописи ЦГАОР, ф. III Отделения). Из обширной поэмы не менее чем в 4000 строк приведено в наст. издании пять отрывков. Автор скрылся под инициалом «П». Судя по языку и содержанию поэмы, он ярославец. Т. Г. Снытко допускает возможность авторства бывшего крепостного крестьянина Саввы Дмитриевича Пурлевского (1800—1868, указ. изд., с. 19—20), однако это предположение требует дальнейшего подтверждения. Поэма была анонимно послана в августе 1849 г. в Петербург на имя принца П. Г. Ольденбургского; его отец, принц Георгий Ольденбургский, в 1809—1812 гг. был ярославским, новгородским и тверским генерал-губернатором и разыгрывал роль милостивого начальника. Датировка повести обоснована в назв. издании (с. 8); видимо, работа над поэмой

шла урывками, в течение ряда лет. Повесть состоит из трех частей и предисловия. В ней изображены многие эпизоды жизни крепостного крестьянина — отъезд в Петербург и обратная дорога в Ярославскую губернию. Во время пирушки по случаю возвращения героя он сам и его отец произносят антикрепостнические речи. Неудачное сватовство к вольной девушке (она, по законам того времени, выйдя замуж, должна была бы сама превратиться в крепостную) снова дает повод для многих антиправительственных выпадов героя, свахи Соломониды, кучера, лакея и др. В эпилоге «поэт предсказывает, что народ, не выдержав издевательств и зверств помещиков, восстанет, уничтожит крепостное право, отомстит дворянам и установит новые, справедливые порядки на Руси» (Т. Г. Снытко, указ. издание, с. 10). *Работам*, т. е. работами (здесь и дальше диалектная форма множ. числа творит. падежа). *Нароче* — нарочно, нарочито. *Словами серым* — словами серыми. *Корольки* — помещики. *На изделье* — на барщине. *На трехокладном в год оброке*, т. е. на увеличенном втрое против обычного. *Не простым* — не простыми.

307. СРП, с. 36; Л II. Судя по упоминанию английского гимна в форме обращения к королеве (т. е. к Виктории, взошедшей на престол в 1837 г.), стихотворение не могло быть написано раньше этого времени. В 1833 г. английский гимн, бытовавший и в России, был заменен национальным («Боже, царя храни...»), но мотив английского гимна некоторое время оставался популярен.

308. Д. Л. Мордовцев, Накануне воли. Архивные силуэты, СПб., 1889, с. 330; сб. «Великая реформа», т. 4, М., 1911; сб. «К воле. Крепостное право в народной поэзии», М., ⟨1911⟩, сост. Н. Л. Бродский. Печ. по тексту Мордовцева. Копия песни подшита к делу о подстрекателе крестьян к бунту С. В. Абутине и распространялась в Саратовской губернии в 1840-х годах. Вместо последних десяти строк в записи 1936 г. другие двенадцать (В. М. Сидельников, В. Ю. Крупянская, Волжский фольклор, ⟨М.⟩, 1937, с. 80):

Вы укройте, леса, нас, станишников;
Напои, река, беглых каторжников,
А ты, степь ли, степь наша ровная,
Ты носи коней глаже скатерти...

Мы задумали дело правое,
Дело правое, думу честную:
Мы царицу, шлюху поганую,
Призадумали с трону спихивать...

Мы дворян господ на веревочки,
Мы дьяков да ярыг на ошейнички,
Мы заводчиков на березоньки,
А честных крестьян на волю вольную.

На основании строк о царице, которую задумали сбросить с трона, в указ. сб. стихи приурочены к восстанию Пугачева, т. е. 1770-м годам. Однако Л. В. Домановский установил, что эти строки являются авторским текстом С. Злобина, введенным им в повесть «Салават

Юлаев» (1929). См.: Л. В. Домановский, Вопросы датировки и текстологического изучения некоторых антикрепостнических произведений. — Сб. «Принципы текстологического изучения фольклора», М.—Л., 1966, с. 168—169. Недавно высказано предположение, что автором стихотворения мог быть зарайский мещанин, исключенный из духовного звания, Сергей Васильевич Абутин; с его именем связаны крестьянские волнения в Саратовской губернии в 1840-х годах (Т. М. Акимова и В. К. Архангельская, Революционная песня в Саратовском Поволжье. Очерки исторического развития, Саратов, 1967, с. 71—72). *Слега* — длинная толстая жердь.

309. Печ. впервые по списку собрания Е. Г. Бушканца (Казань). Другой список с вариантами в ст. 5 — в тетради ГПБ («Сборник прозаических и поэтических произведений различных авторов», ч. 4, составленный М. И. Семевским, как указано на обложке, в Петербурге, в сентябре 1857 г.). Вторая половина ст. 6 тщательно выскоблена. Датируется предположительно по характеру списка и по положению в тетради, где под загл. «Смерть помещика» приписано Некрасову.

310. Д. Л. Мордовцев, Накануне воли. Архивные силуэты, СПб., 1889, с. 366; сб. «К воле. Крепостное право в народной поэзии», М., ⟨1911⟩. Печ. по тексту книги Мордовцева. Список (автограф?), написанный якобы кровью, находился в архиве Саратовского губернского правления. Датировка — по материалам дела, в котором находится «Письмо». Высказывалось предположение, что автором стихотворения мог быть Никита Удалой, бывший повар пензенского помещика Дурова. Грамотный крепостной, он был сдан в рекруты; в 1841 г. бежал и организовал шайку, наводившую в течение некоторого времени страх на население Саратовской губернии, особенно Кузнецкого уезда (см.: Д. Л. Мордовцев, Накануне воли. Архивные силуэты, с. 365—366). Исследователями отмечено, что автор грамотен, привычен к оборотам канцелярского стиля: «всенижайше», «сим», «оным» и пр. (см.: Т. М. Акимова и В. К. Архангельская, Революционная песня в Саратовском Поволжье. Очерки исторического развития, Саратов, 1967, с. 60—64). *Люзанский лес* — по объяснению Д. Л. Мордовцева, лес возле села Елюзань, Саратовской губернии.

311. Печ. впервые (?) по списку ГИМ, из сб. «Всякая всячина». Часть 8 сб., в которой находится стихотворение, датирована составителем А. П. Нордштейном 19 сентября 1852 г. — 25 февраля 1854 г.

312. РПЛ, с. 295; Л II. В списке тетради А. М. Семевской (ПД) без загл., после текста приписка: «С немецкого»; ст. 5, 11, 17, 23 разбиты на два стиха, ст. 18 стоит перед ст. 13; в ст. 2, 3, 9, 15, 18 — варианты. Датируется предположительно, по составу тетради А. М. Семевской. В РПЛ приведены варианты ст. 6 («страну мучения») и 22 («И грустно мчишься ты среди казачьих шаек»). Загл. и начало первой строки — из стихотворения Гете «Kennst du das Land. . .». *Страна, где ловят соболей* — Сибирь, место ссылки политических преступников.

313. РС, 1887, № 11, с. 478 (по альбому С. Д. Полторацкого). Датируется по указанию в РС (ср. ст. 16—17). В ст. 2 и 12 введены

конъектуры, восстанавливающие размер стиха. Автор басни — какой-то москвич, подвергший в замаскированной форме осмеянию факты, касающиеся жизни Москвы конца 1840-х годов. Под зажиточным мужиком, очевидно, следует подразумевать царя, под пастухом — кого-то из высшей администрации, может быть московского генерал-губернатора А. А. Закревского; о его злобности и невежественности ярко пишет Б. Н. Чичерин (Воспоминания. Москва сороковых годов, М., 1929, с. 78 и др.). Возможно также, что речь идет о Беринге и его смутной, но успешной, несмотря на перерывы, карьере (см. примеч. 281). *Юдоль* — см. примеч. 10.

314. РПЛ, с. LXL. Список стихотворения (может быть, копия РПЛ) — ЦГАЛИ. Единственное, что известно об авторе стихотворения, — то, что оно написано в 1850 г. пятнадцатилетним гимназистом; эти сведения сообщены Н. П. Огаревым в РПЛ (с. LXL).

315. Печ. впервые по списку ПД (альбом исправляющего должность обер-секретаря 4-го департамента Сената А. И. Стригоцкого «Сборник разных неизданных сочинений в стихах и в прозе», т. 1). К ст. 11 А. И. Стригоцким сделана сноска: «Секретный цензурный комитет»: речь идет о постоянном негласном комитете, созданном 2 апреля 1848 г. и просуществовавшем до 6 декабря 1855 г. (так называемый «Бутурлинский комитет» — по имени его председателя, Д. П. Бутурлина). Судя по ст. 26, басня написана еще при жизни Николая I, т. е. в период с апреля 1848 по февраль 1855 г. *Старый дом, огромный* — Россия.

316. Печ. впервые по списку ПД (альбом исправляющего должность обер-секретаря 4-го департамента Сената А. И. Стригоцкого «Сборник разных неизданных сочинений в стихах и в прозе», т. 1). Дата указана в списке, там же помета: «Списано 10 ноября 1853». Басня посвящена распрям и интригам в Министерстве внутренних дел в 1852—1853 гг. К ряду строк А. И. Стригоцким сделаны сноски, поясняющие смысл басни и раскрывающие подразумеваемых в ней персонажей. К ст. 1: «Император Николай Павлович». К ст. 9: «Министр внутренних дел, граф Перовский, друг члена Государственного совета Михаила Муравьева»; речь идет о графе Л. А. Перовском (1792—1856), занимавшем этот пост в 1841—1854 гг., и о графе М. Н. Муравьеве (1796—1866) — члене Государственного совета с 1850 г. К ст. 12: «Дмитрий Гаврилович Бибиков» (1792—1870), в 1837—1852 гг. он занимал пост киевского, волынского и подольского генерал-губернатора, в 1852—1855 — управляющего Министерством внутренних дел. К ст. 16: «Князь Васильчиков»; речь идет о И. И. Васильчикове (1805—1862), сменившем Бибикова на посту киевского, волынского и подольского генерал-губернатора в 1853—1862 гг. К ст. 22: «Товарищ министра внутренних дел, бывший директор хозяйственного департамента, тайный советник Лекс»; речь идет о М. И. Лексе (1793—1856), пост директора хозяйственного департамента он занимал в 1836—1851 гг. Современники считали Лекса ограниченным, но исполнительным и трудолюбивым чиновником (ср. «на вьючного Осла»). Некоторое время Лекс служил в Кишиневе и здесь в 1821 г. познакомился с Пушкиным; сочувственные отзывы о нем содержатся в повести «Кирджали» («человек с умом и сердцем» и

др.), в дневниковой записи 5 декабря 1834 г. и в наброске «Чиновник и поэт» 1821 г.; свод данных о нем см. в примеч. Б. Л. Модзалевского к изд.: «Дневник Пушкина. 1833—1835», М.—Пг., 1923, с. 217.

317. Печ. впервые по списку ЦГАЛИ. В других списках — под загл. «Стихи на введение в университеты преподавания военных наук и шагистики». Поводом к написанию стихотворения было инспирированное начальством в начале войны 1854 г. «желание» студентов обучаться военному строю, чтобы быть готовыми в случае надобности идти в рядах ополчения. Это «патриотическое рвение» и «благородное стремление», как характеризовал его в своем отчете царю министр народного просвещения А. С. Норов, фактически реализовано не было: все ограничилось монаршей благодарностью («Журнал Министерства народного просвещения», 1855, ч. 86, с. 5—6). Очевидно, стихотворение было написано, когда шли усиленные разговоры о предстоящем «обучении». Этот эпизод нашел отражение в дневниковой тетради Н. А. Добролюбова «Закулисные тайны русской литературы и жизни» (Собр. соч., т. 8, 1964, с. 465—466). *Забил барабан перед смутной толпой* — перепев строки «Не бил барабан перед смутным полком» из популярного стихотворения И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура» (перевод из ирландского поэта Чарльза Вольфа). *Тесак* — см. примеч. 167. *Кадет* — см. примеч. 219. *Майский парад* — ежегодный традиционный парад войск на *Марсовом поле* в Петербурге.

318. РПЛ, с. 376; Л I; Л V; СЗСиП. Текст представляет собою перепев стихотворения Лермонтова «Спор» (1841). *Клейнмихель* — см. примеч. 253. *Орлов* — см. примеч. 79. *Велий* — великий.

319. ИОЛЯ, 1962, № 4, с. 341 (по списку П. А. Ефремова в ЦГАЛИ). Печ. по списку ГПБ (ф. А. А. Краевского), несколько более полному. Начало стихотворения повторяет мотивы агитационной песни Рылеева — Бестужева «Царь наш — немец русский...» (см. № 118). Датируется предположительно, по содержанию. *Из Крылова* — из басни Крылова «Кот и повар». *Орлов* — см. примеч. 79. *Клейнмихель* — см. примеч. 253.

320. ИОЛЯ, 1962, № 4, с. 339 (по списку П. А. Ефремова в ЦГАЛИ). Стихотворение представляет собою позднейшую переделку агитационной песни Рылеева — Бестужева «Царь наш — немец русский...» (см. № 118). Опубликовавший эту песню Е. Г. Бушканец указывает, что «из песни выпало все, что относилось непосредственно к Александру I (включая упоминание о масонах), исключены строфы, посвященные Аракчееву, Волконскому, Закревскому, Потапову; появились обобщенные характеристики царских генералов, флигель-адъютантов, сенаторов, фрейлин» (См.: Е. Г. Бушканец, Новое о нелегальной поэзии 1850-х годов (По материалам архива П. А. Ефремова). — ИОЛЯ, 1962, № 4, с. 339). Упоминания о путях сообщения и о Клейнмихеле позволяют датировать песню началом 1850-х годов, когда эта тема стала особенно актуальной и не раз становилась предметом подпольных сатир. *Вахтпарад* — см. примеч. 21. *Голубые ленты* — см. примеч. 118. *Бережет царицу* и т. д. Жена Николая I — царица Александра Федоровна. О расходах, связанных с ее частыми поездками за границу, Герцен не раз писал в «Колоколе». *Обобрал*

все храмы. Примеч. П. А. Ефремова: «Из свечного сбора, назначенного для воспитания детей духовного звания, взято 4 миллиона для поездки за границу». *Пути сообщения... Главный их правитель* — П. А. Клейнмихель; о нем см. примеч. 253. *Мерзость запустенья* — крылатое выражение, восходящее к Евангелию (см., например, Евангелие от Матфея, XXIV, 15—16).

321. Печ. впервые по списку ГИМ. Часть 2 сб. «Всякая всячина», в которую переписано стихотворение, датирована составителем А. П. Нордштейном 20 октября 1841 — концом 1847 г.

322. Печ. впервые по списку ЦГАЛИ. Вероятно, относится ко второй четверти XIX в.

323. Печ. впервые по списку ЦГАЛИ. Отнесено ко второй четверти XIX в. по стиху и характеру рукописи. Об известности стихотворения свидетельствует недавняя статья А. Дорохова «На третьем съезде РКСМ» («Новый мир», 1968, № 10, с. 204), где цитируется начальная строфа этого стихотворения:

Неизвестного прихода
Был такой сердитый поп,
Что из года в год три года
Бил дьячка кадилом в лоб.

Амвон — возвышение, род кафедры в церкви, с которой читаются некоторые молитвы и проповеди.

324. Печ. впервые по списку ПД (собр. М. А. Васильева). Отнесено ко второй четверти XIX в. по почерку и другим произведениям, находящимся в той же тетради. В начале ее вписаны первые строки № 1 «Великорусса» 1861 г. (подпольного издания революционных групп), однако материалы, записывавшиеся в тетрадь, могли быть разными по времени создания. *Великая суббота* — так называется у православных последний день великого поста, накануне Пасхи. *Взаболь* — в северных говорах слово, обозначающее: вбыль, в самом деле.

325. «Жизнь искусства», 1924, № 6, с. 19; Д. В. Веневитинов, Полн. собр. соч., М., 1934. Н. Дмитриев в журнале «Художественная литература» (1934, № 9, с. 52) и Б. В. Смиренский (в своей кн. «Перо и маска», М., 1967, с. 41) указывают, что впервые стихотворение было опубликовано в 1874 г. в Л II; эта справка неверна. Фотокопия — ЦГАЛИ (разночтения ст. 2, 7, 9, 11, 12, 16, ст. 6 и 8 переменены местами). Список, по которому были сделаны эти публикации, ныне неизвестен. Он будто бы находился в ПД в «Сборнике поэтических и прозаических произведений различных авторов», ч. 5, сост. М. И. Семевским, СПб., 1857, л. 278 (указание Б. В. Смиренского со слов С. М. Шпицера, впервые опубликовавшего список, в назв. изд. Веневитинова 1934 г. и в кн. «Перо и маска», с. 41—42). В. Л. Комарович в изд.: Д. В. Веневитинов, Стихотворения, *БП*, Л., 1940, с. 151, сообщил, что список сделан рукою А. П. Пятковского и находится в ПД, среди бумаг Веневитинова; это неверно — ни под указанным шифром, ни под каким-либо иным номером этого фонда список не обнаружен.

Список рукою П. А. Ефремова — ЦГАЛИ (опубликован в сб. «Проблемы современной филологии», М., 1965, с. 375, без загл., варианты ст. 2 и 5, ст. 12 пропущен). Список из собр. П. П. Шибанова — ЛБ (там же, с. 376; варианты ст. 2, 7, 10, 11; ст. 6 и 8 переменены местами). Список, сделанный Н. А. Герцен в январе 1870 г. и посланный Н. П. Огареву, — ЦГАЛИ (указ. сб., с. 374, под загл. «Сибирская песня», в ст. 11 слово «безмерный» вместо «мизерный», встречающееся в других списках, вписано Огаревым, им же переставлены ст. 11, 12, разночтения в ст. 1, 3, 12). А. Л. Гришунин и В. А. Черных высказывают очень правдоподобное предположение, что загл. списка Н. А. Герцен дано «потому, что оно ⟨стихотворение⟩ предназначалось для опубликования в „Вольном песеннике“» («Новые списки стихотворения, известного под названием „Родина“». — Сб. «Проблемы современной филологии», с. 375). Этот наиболее исправный список печ. в наст. изд. с устранением правки Огарева и с исправлениями по другим спискам ст. 1, 3, 8, 11 и с учетом соображений Д. С. Лихачева в заметке «Из комментария к тексту стихотворения „Родина“» («Вопросы теории и истории языка. Сборник статей, посвященных памяти Б. А. Ларина», Л., 1969, с. 69—70). В публикации «Жизни искусства» стихотворение было приписано Д. В. Веневитинову. Аргументация той же атрибуции была развернута в статье Д. Д. Благого «Подлинный Веневитинов» (Д. Д. Благой, Три века. Из истории русской поэзии XVIII, XIX и XX веков, М., 1933, с. 139—180; та же статья перепечатана в Полн. собр. соч. Д. В. Веневитинова, М., 1934), однако в постскриптуме сделана оговорка, что стихотворение осторожнее отнести в раздел «Dubia». Сразу же по выходе изд. Д. В. Веневитинова 1934 г. ряд рецензентов — И. В. Сергиевский, М. И. Аронсон, К. П. Богаевская, Н. П. Дмитриев, В. Л. Комарович — высказали основательные сомнения в возможности авторства Веневитинова (см.: «Литературный критик», 1934, № 5, с. 222; «Звезда», 1934, № 8, с. 188; «Новый мир», 1934, № 9, с. 52; «Художественная литература», 1934, № 9, с. 52; назв. выше изд. Веневитинова 1940 г., с. 151). Подробный анализ стихотворения и опровержение авторства Веневитинова содержится в кн. В. В. Виноградова «Проблемы авторства и теория стилей», М., 1961, с. 89—103. Предпринятая недавно Б. В. Смиренским попытка возродить атрибуцию стихотворения Веневитинову совершенно неубедительна («Перо и маска», с. 41—45). Написано не позднее 1856 г., когда стихотворение было включено в рукописный сборник М. И. Семевского: до этого оно должно было быть достаточно популярным, чтобы быть введенным в это собрание.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ОБ АРАКЧЕЕВЕ

326. «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. 24, Саратов, 1908, с. 142 (по записи 1899 г. в Сердобском уезде Саратовской губернии). Там же, с. 141 — другой вариант этой песни. Другие редакции и варианты той же песни — П. В. Киреевский, Песни..., вып. 8, М., 1870, с. 284—302; вып. 10, М., 1874, с. 203, 206, 210 и РС, 1872, № 11, с. 594—595 (16 строк, с указанием, что песня пелась в 1830 г. солдатами Оренбургского линейного батальона; другая запись в 36 строк 1854 г. сделана около г. Царевококшайска). Б. Н. Путилов

установил, что в эту песню перешли части из сложенной раньше песни о М. П. Гагарине (см. примеч. к сб. «Народные исторические песни», *БП*, Л., 1962, с. 383). Представляют интерес некоторые варианты песни. Начало песни (Киреевский, вып. 10, с. 206):

На синеньком на море,
Во Кронштадтской гавани,
Полтораста кораблей.
На каждом корабличке
По пятисот молодцов...

Вариант окончания (там же, с. 206—207):

Подле эвтих же палат
Быстра речка протекла,
Не сама ли протекла —
С-по фонтану спущена́;
Жива рыбка пущена́ —
Серебряна чешуя,
Золотая голова...
...Во гореньке во новой
Кроватонька тесова́,
На кроватоньке тесово́й
Перинушка пухова́,
На перинушке пухово́й
Тут Рачаев сам лежал,
Он окошко отворял,
Все палаты выхвалял:
«Широки наши палаты
Белокаменные,
Не хуже наши палаты
Государева дворца;
Только тем они похуже —
Золотого угла нет,
Золотого угла нет,
Серебряна потолка».

В первом варианте из опубликованных в РС окончание:

Он повыстроил хоромы — бел хрустальный потолок,
И на этом потолку бежит речкою вода.
Бела рыба пущена, кровать нова взмощена.
И на этой-то кровати граф Рахчеев почивал,
Граф Рахчеев почивал, белу рыбку искушал,
Белу рыбку искушал, генералов созывал.
Генералов созывал, им похвастывал:
«Я повыстрою хоромы, да не эдаки еще,
Я не хуже, я не лучше государева дворца!
А и там будто похуже — золотого нет орла,
Золотого нет орла, позолоченного».

Березами усадил. Посадка деревьев, в частности берез, входила в планы военных поселений; ими были засажены улицы и деревни; их надо было ежедневно поливать; виновные в нарушении этого порядка строго наказывались.

327. П. В. Киреевский, Песни..., вып. 10, М., 1874, с. 211 (там же, с. 205, еще шесть более или менее сходных песен). Более сжатый вариант песни — РС, 1887, № 1, с. 76 (запись 1820-х годов в Лукояновском уезде Нижегородской губернии). Песня близка к другой, более распространенной (см. № 326). П. В. Киреевский сообщал, что печатаемая им песня была записана Пушкиным в Псковской губернии в 1830-х годах. Автограф этой записи воспроизведен в ИОЛЯ, 1961, № 2 (после с. 159). Это могло быть только в мае 1835 или апреле

1836 г. Но в эти приезды Пушкин пробыл в Михайловском очень недолго и едва ли мог заниматься сбором песен. Остается предположить, что запись произведена в период жизни в Михайловском в августе 1824 — октябре 1826 г. Некоторые исследователи считают, что запись сделана в Болдине осенью 1830 г. В очерке В. Г. Короленко «В облачный день» (1896) кучер Силуян поет отрывки этой песни (с некоторыми вариантами). *Порял* — вероятно, от слова «поряд» или «поряда» — заведенный порядок. *Он сострoил в Москве дом* (в вариантах: «Он повыстроил хоромы»). Среди солдат существовала легенда о сказочном убранстве дворца в Грузине — имении Аракчеева (нечто близкое и в песне о Гагарине). *Стены раменные*, т. е. напоминающие форму плеч (рамо — плечо) на боковых уступах.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О ВОССТАНИИ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА

328. «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, кн. 1, М.— Л., 1955, с. 303, 4 строки; «Народные исторические песни», *БП*, Л., 1962, с. 293 (по записи 1850-х годов в Саратовской губернии. Архив Географического общества СССР). Близкие, но менее исправные варианты: «Записки имп. Русского географического общества», 1864, кн. 2, с. 212; А. И. Соболевский, Великорусские народные песни, т. 6, СПб., 1900, с. 198. Песня, как видно из содержания (ср. ст. 24—27), сложена после раскассирования полка, т. е. не ранее конца 1820 г. *Молодой-то солдат на часах стоит.* Эта строка встречается в плачах, в песнях о Петре и др. *Катерина свет Алексеевна* — Екатерина II. Известен еще один вариант этой песни, непосредственно обращенной к Екатерине II (П. Киреевский, Песни..., вып. 9, М., 1872, с. 265). Обращение к Екатерине II связано, по-видимому, с тем, что при ней были несколько улучшены материальные условия жизни солдат, была выстроена «слобода» — впоследствии «роты», ныне Рузовская, Можайская, Верейская, Подольская, Серпуховская и Бронницкая улицы Петербурга (см.: П. П. Дирин, История лейб-гвардии Семеновского полка, т. 1, СПб., 1883, с. 279—297). *Посмотри-ка на свой любимый полк*, т. е. на Семеновский полк. *Разбили наш полк по всей армии* — см. вступ. заметку на с. 744. *Сослали на линию*, т. е. на передовые позиции действующей армии на Кавказе.

329. «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, кн. 1, М.— Л., 1955, с. 302, 10 строк, с неточностями; «Исторические песни», «Б-ка поэта» (М. с.), Л., 1956, с. 299, с неточностями, пропуском семи строк после ст. 28. Полностью печ. впервые по записи М. И. Семевского в Торопецком уезде Псковской губернии (Архив Академии наук СССР, коллекция П. В. Шеина). Менее полный и менее исправный вариант этой песни — Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, с. 313 (по записи 1909 г. в Кирилловском уезде Новгородской губ.). Датируется концом 1820-х годов. *Этот полк идет не под Хранцию.* Семеновский полк принимал участие в Отечественной войне 1812 г. и в 1814 г. вступил во Францию. *На сраженье под каменну́ Москву.* Снова об Отечественной войне 1812 г. *Весь за крепостцой, за каменной стеной.* См. вступ. заметку на с. 744. *Устань* — встань. *Наша матушка, Катеринушка* — см. предыдущее примеч.

330. Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, с. 315 (по записи 1909 г. в Кирилловском уезде Новгородской губернии). Другой вариант — М. Н. Сперанский, Былины. Исторические песни, т. 2, М., 1919, с. 492, 53 строки (эта запись в начале отчасти совпадает с песней о Севастопольской кампании 1853—1854 гг., которая, в свою очередь, с рядом изменений восходит к песне о войне со шведами 1741—1743 гг., — там же, с. 485). Датируется временем после декабрьского восстания 1825 г. *Сенот (синот)*. В песне Сенат, Синод и Государственный совет (см. ниже) мыслятся как одно учреждение. *Не в показанное время... Да царя требуют во Синот*. Здесь отзвук следующего эпизода, предшествовавшего восстанию декабристов. 27 ноября 1825 г. члены Государственного совета просили Николая, уже присягнувшего на верность Константину, подтвердить в заседании Совета свой отказ от престола. Николай явиться в Совет отказался, но согласился принять его в Зимнем дворце (Н. К. Шильдер, Император Николай I..., СПб., 1903, с. 188 и след.). *Родну братьцу говорил* и т. д. — очевидно, Михаилу, который находился в это время в Варшаве. Николай просил брата приехать в Петербург, и в дни восстания он уже был в столице. Декабристы действительно поддерживали слух о том, что Михаил задержан в Варшаве (Н. К. Шильдер, указ. изд., с. 196, 213; М. В. Нечкина, Движение декабристов, т. 2, М., 1955, с. 267, 272, 296). *Провор* — ловкий, расторопный.

331. Н. Е. Ончуков, Печорские былины, СПб., 1904, с. 401 (по записи 1902 г. в деревне Нарыга, на Печоре). Датируется по содержанию. Начало песни повторяет историческую песню XVIII в. о смерти Петра I. *Молодой солдат да на чесах стоит* — традиционный зачин плачей. *Зйнул* — здесь: бросил. *Рущата камка* — шелестящая шелковая ткань с узорами. *Акитант* — адъютант. *Вильянский... Волхонский*. В песне использованы не подлинно исторические имена деятелей декабрьского восстания, а знакомые народу дворянские фамилии; вторая фамилия встречается в песне о Ваньке-ключнике.

---

332. РС, 1886, № 3, с. 679; «Великая реформа», т. 4, М., 1911, сб. «К воле. Крепостное право в народной поэзии», М., ⟨1911⟩. Печ. по публикации РС. Реальная основа этого стихотворения остается в точности не установленной. *Устюжна* — уездные города Вологодской и Новгородской губерний. *Костыжницу* определить не удалось. Быть может, поводом к сложению этих стихов послужил отказ крестьян деревень Денисовой и Ярцевой Устюжского уезда Новгородской губернии в ноябре 1847 г. признать нового помещика; об этом см.: «Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. Сборник документов», М., 1961, с. 803. Указание Н. Л. Бродского (в указ. выше сб. «К воле...») о том, что песня сложена крепостными крестьянами Тверской губернии, ничем не подтверждается.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *С. 207.* Список стихотворения «Ныне употребляемый саксонских крестьян „Отче наш“» (№ 38). Конец XVIII в. ГПБ.

2—3. *Между с. 208 и 209.* «Наказание батогами» и «Наказание кнутом» (на обороте). Альбом Хампельна. 1730—1740-е гг. Государственный исторический музей.

4. *Между с. 240 и 241.* Французская карикатура на Павла I, изданная в 1799 г. во время Итальянского похода Суворова. Павел I дает Суворову распоряжения с надписями: «приказ» и «контрприказ» (т. е. отмена приказа). На стене два портрета с надписями в рамках: «Христиан VII, король Дании» (слева) и «Мария, королева Португалии» (справа). Под карикатурой след. четверостишие:

Qu'il est beau de régner! On peut à tout moment
Donner ordre et contre-order et même impunement,
En mettent le desordre, exiger la victoire:
Oublier Souworow, ses talants et sa gloire.

(Как хорошо властвовать! Можно в любую минуту отдать приказ, отменить приказ и даже можно безнаказанно, внося беспорядок в дела, требовать побед и забыть при этом Суворова, его дарования и славу).

5. *На обороте:* А. Заранек, «Николай I в манеже». Акварель. 1840. Музей Института русской литературы АН СССР.

6. *С. 258.* А. О. Орловский, «L'homme á projet» («Человек с будущим», — франц.). Сепия. Перо. 1828. Государственный Русский музей. В правом верхнем углу сокращенное обозначение традиционной латинской формулы: «Senatus populusque romanus» («Сенат и римский народ»). На гравюре под карикатурой пояснение: «П. П. Свиньин подносит ананас В. А. Всеволожскому». О Свиньине см. примеч. 61. В. А. Всеволожский — камергер, богач.

7. *С. 330.* Рисунки А. С. Пушкина в одной из тетрадей поэта. Декабристы на виселице. 1826. ПД. В верхней части листа нарисованы крепостной вал и ворота, на валу — виселица; тот же рисунок повторен в нижней части листа.

8. *С. 369.* Список агитационной песни Рылеева — Бестужева «Царь наш — немец русский. . .» (№ 118) из бумаг П. А. Вяземского. ПД.

9. *С. 471.* Список «Газеты из ада» (№ 194) нач. XIX в. (?), ЦГАОР, ф. III Отделения.

10. *Между с. 496 и 497.* Баранов, «Великосветский бал в Петербурге». Акварель. Альбом Чернышева. Государственный Литературный музей (Москва). Слева направо: обер-церемониймейстер граф Воронцов-Дашков, канцлер граф Нессельроде, министр юстиции граф Панин, графиня Борх, военный министр князь Чернышев, поручик Преображенского полка Лярский.

11. *На обороте*: А. Заранек, «Николай I». Акварель. 1843. Музей Института русской литературы АН СССР.

12. *Между с. 528 и 529.* А. Заранек, «Опять не в ногу — под суд!». Акварель. 1840. Музей Института русской литературы АН СССР.

13. *На обороте*: «Николай I с адъютантом». Карикатура неизвестного художника в альбоме кн. П. Урусова. 1840—1850-е годы. Государственный Литературный музей (Москва).

14. *Между с. 624 и 625.* Н. А. Степанов, «Ф. В. Булгарин». Акварель в альбоме художника. Музей Института русской литературы АН СССР. Под карикатурой текст, имитирующий «Воспоминания» Булгарина: «Когда я вышел из корпуса, мне было 17 лет, но я казался моложе. Юность моя, красота и манеры хорошего тона внушили ко мне всеобщую привязанность. . .»

15. *На обороте*: Н. А. Степанов, «Ф. В. Булгарин и И. И. Дибич». Акварель в альбоме художника. Музей Института русской литературы АН СССР. Под карикатурой следующий текст: «. . .когда прочли мое сочинение, Дибич обнял меня и сказал: «Молодой человек, обрабатывайте ваш талант». Через много лет после этого я нашел в Дибиче истинного друга». На рисунке Булгарин изображен справа, Дибич (см. о нем примеч. 47) — в центре.

16. *Между с. 656 и 657.* Обложка рукописного сборника «Свободная литература». ЦГАЛИ.

17. *На обороте*: «Сцена в приемной полицейского чиновника» неизвестного художника. С литографии 1857 г. Музей Института русской литературы АН СССР. Под рисунком подпись: «С миру по нитке — голому рубаха».

18. *С. 735.* И. С. Бугаевский, «Допрос у квартального». Перо. 1840—1850 гг. Государственный Русский музей.

СОДЕРЖАНИЕ [1]

[1] Звездочка порядкового номера обозначает, что стихотворение публикуется полностью или частично впервые.

А. Н. РАДИЩЕВ

П. А. СЛОВЦОВ (?)

Д. П. ГОРЧАКОВ

В. В. КАПНИСТ

И. И. БАХТИН

Н. В. МЕЩЕРСКИЙ

А. И. КЛУШИН

С. Н. МАРИН

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА

И. П. ПНИН

А. И. ТУРГЕНЕВ

Д. В. ДАВЫДОВ

П. А. КАТЕНИН

В. Ф. РАЕВСКИЙ

А. С. ПУШКИН

А. С. Пушкин (?)

А. А. БЕСТУЖЕВ

К. Ф. РЫЛЕЕВ

А. А. БЕСТУЖЕВ и К. Ф. РЫЛЕЕВ

Агитационные песни

А. А. ДЕЛЬВИГ

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Ф. Н. ГЛИНКА

Ф. Н. Глинка (?)

И. А. КРЫЛОВ

С. А. ПУТЯТА

Н. М. ЯЗЫКОВ

А. С. ГРИБОЕДОВ

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

Д. И. ЗАВАЛИШИН

А. В. УТКИН

В. И. СОКОЛОВСКИЙ

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВЕКА

А. И. ПОЛЕЖАЕВ

В. Я. ЗУБОВ

А. А. ШИШКОВ

А. Г. РОТЧЕВ

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Н. Ф. ЛУШНИКОВ

А. И. ОДОЕВСКИЙ

А. Н. КРЕНИЦЫН

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ДОВОДЧИКОВ

С. И. СИТНИКОВ

С. И. Ситников (?)

Е. П. РОСТОПЧИНА

Е. П. Ростопчина (?)

А. С. ХОМЯКОВ

А. С. Хомяков (?)

М. А. БЕСТУЖЕВ

В. ПАНКРАТЬЕВ

В. С. ПЕЧЕРИН

С. А. МАСЛОВ(?)

Л. А. МЕЙ

П. П. МЯТЛЕВ

Н. П. ОГАРЕВ

Н. П. Огарев (?)

А. А. ФЕТ

Ф. Ф. ВАДКОВСКИЙ

Н. И. КУЛИКОВ

И. С. АКСАКОВ

К. С. АКСАКОВ

М. А. ДМИТРИЕВ

М. А. Дмитриев (?)

Н. А. НЕКРАСОВ

А. А. ГРИГОРЬЕВ

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ

Ф. А. КОНИ

П. А. ФЕДОТОВ

Д. Д. АХШАРУМОВ

М. Ф. ЖОХОВ

Н. Ф. ПАВЛОВ

Н. Ф. Павлов (?)

А. Н. КРОНЕБЕРГ или И. С. ТУРГЕНЕВ

ПРИЛОЖЕНИЕ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ОБ АРАКЧЕЕВЕ

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О ВОССТАНИИ СЕМЕНОВСКОГО ПОЛКА

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ О ВОССТАНИИ ДЕКАБРИСТОВ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
24	7 св.	или	иль
45	19 св.	вытесненным	вытисненным
71	21 св.	намеренной	намеренно
199	9 сн.	направды	неправды
257	18 св.	презения	презрения
300	16 св.	лести	чести
534	6 св.	году	году [1]
593	8 св.	сбираюсь щеголять,	сбираюсь, щеголять

На стр. 466 в части тиража по техническим причинам выпал порядковый номер стихотворения «Ужели я судьбами осужден. . .» (188).

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1970, 920 стр. План вып. 1970, № 321

Редактор *В. С. Киселев.* Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова.* Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 28/V 1970 г. Подписано в печать 11/IX 1970 г. М 51006. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$, № 1. Печ. л. $28^3/_4 + 6$ вкл. (48,89). Уч.-изд. л. 48,82. Тираж 40 000 экз. Зак. 930. Цена 2 р.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3